

Шитов А.

**Эпоха «шестидесятников» закончилась,
или заканчивается?**

(Субъективные записки современника)

САМСЕБЯИЗДАТ

Челябинск
2017

Шитов А.П.

Эпоха «шестидесятников» закончилась, или заканчивается? (*Субъективные записки современника*). — Челябинск : «САМСЕБЯИЗДАТ», 2017. — 493 с.

Наивные, правдивые, конечно же, субъективные воспоминания «шестидесятника» по духу — о времени, которое так или иначе обуславливало нашу непростую послевоенную жизнь. Во многом определяющим событием был XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 года, доклад Н.С. Хрущева на этом съезде, последующие его решения, и события, что во многом обуславливали отношения между людьми в стране. Это и характеризовало суть стремлений и к нашим встречам, начиная с конца 60–х годов XX века, это нас связывало, объединяло при всех отличиях между нами...

В данной *самсебяиздат* (определение поэта Николая Глазкова) книге автор использовал фотографии личного архива, из архивов других, о ком рассказывается в записках, фотографии из Интернета, из книг любимых авторов, а также рисунки великого скульптора и художника — «шестидесятника» — Эрнста Неизвестного к роману «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Шитов А.П., кандидат философских наук

Моим родным и близким людям, прожившим со мной, и помогающим мне творить желаемое, посвящаю

**Эпоха «шестидесятников» закончилась,
или заканчивается?**
(Субъективные записки современника)

СОДЕРЖАНИЕ

1. *А ведь все начиналось в XIX веке * Статья С. Рассадина * О социализме на съездах партии * Согласование потребностей и интересов человека и общества * Некое сверхъестественное целое, не имеющее названия — жизнь–смерть... * Десант «шестидесятников» во времени + Д.Д. Шостакович * В.Д. Попов из РАГС... * «Ворованный воздух» Осипа Мандельштама * Завет Александра Галича * «Моцарт и Сальери» * Александр Пушкин и Петр Чаадаев — современные в истории «диссиденты»...*

8

2. *Генетика на все времена * Теория «шести рукопожатий» + Путешествие с ДНК по всему миру * Нежданные проявления «импринтинга», но «Времена не выбирают...» * Международный фестиваль молодежи и студентов в 1957 году и последующие международные кинофестивали * «Инерция стиля» Н. Коржавина * В памяти нет цельного, слитного, зато она высекает искры... * «Граждане, послушайте меня...» * О возвращении к метафоре о дорогах, ведущих к храму...*

33

3. Юрий Александрович * Л.В. Карпинский, Е.М. Примаков, Е.В. Яковлев * Сталинизм и сказки К. Чуковского и Е. Шварца * Ю.Ф. Карякин и попытки сталинской «манкуртизации» * «Бесы» Достоевского и «Нетерпение» Ю. Трифонова * Культура бессмертна...

52

4. «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого» * Ящик с «инструментами» — без него никому, никуда в искусстве не возможно... * Философ и режиссер (тезисы к дискуссии) * Клара Цеткин и В.И. Ленин * С. Романовский + тезисы об «импринтинге» * Аристотель * Эфрос, Любимов, Высоцкий...

70

5. Мое «начало» в 1946 году * Танцплощадка * ЧМЗ — Совет молодых рабочих завода + «Письмо к Есенину» Е. Евтушенко + Работа в общежитиях ЧМЗ * В. Кардин + Ю. Трахтенберг * Челябинский пединститут...

82

6. Новосибирский Академгородок * Александр Галич * Клуб «Под интегралом» + НПО «Факел» = пример временно-успешного компромисса духа свободы и Системы * В. Высоцкий: «Я никогда не верил в миражи...» * Чехословакия...

104

7. Трест «Челябметаллургстрой» (П.И. Сумин, В.В. Мякуш) * Е.В. Вайнштейн * Я.С. Крючков * Л.Д. Семичастный * Н.Ф. Кравцов * С.П. Королев * В.М. Шукин...

127

8. Metallургический район * НУЦ «Менеджер» * Вадим Соловьев * Маркус Эдерер * Хорст Ваффенимидт * Немецкая программа частного предпринимательства... * Усилия Гуго Вормсбехера...

141

9. *М.Ф. Ненашев * Обком ВЛКСМ * Областная «Публичка» * Актуальные проблемы молодежной культуры * СТЭМы на фестивале в Москве * «Манекен» и миниатюры других студенческих театров...*

165

10. *«Заговор» о Втором Всесоюзном фестивале в Челябинске * Юрий Любимов + Владимир Высоцкий * «Облом» с фестивалем * Притчи и басни Феликса Кривина...*

182

11. *«Все на продажу» с Ларисой Малеванной * Анджей Вайда * Дипломная работа в университете * Инна и Володя Харитоновы * Е.Г. Эткиндр * Н.Я. Мандельштам * Н.И. Харджиев * Осип Мандельштам — антисталинист? * Комсомол иницирует выставку Нади Рушевой...*

190

12. *Поездка в Польшу * «Пионерский» костер с печеной картошкой * Ян Щепаньский * Н.Л. Лейзеров...*

220

13. *Крымова Н.А. + Эфрос А.В. и встреча с «Ромео и Джульеттой» в Свердловске * «Вишневый сад» в театре на Таганке + Высоцкий * Догадки о «бодани» между Ю. Любимовым и А. Эфросом * А. Демидова о Лопухине Высоцкого...*

229

14. *Владимир Высоцкий и мой рассказ о Мандельштаме... с дополнением о хоккее с шайбой, и В. Домбровском...*

242

15. *Саша Каунов и «комсомольская» путевка Евг. Евтушенко в Челябинск * «Евтушенковед № 1» Юрий Нехорошев * Встреча с Андреем Вознесенским...*

238

16. *Фестиваль советской песни в Челябинске * Евгений Каткульский + социологические исследования ВКШ при ЦК ВЛКСМ * Статья Л. Карпинского «Слово — тоже дело» и наши виртуальные дискуссии с автором*

** Дора Штурман о Юрии Трифонове * Рой Медведев + Ю.В. Андропов о Лене Карпинском...*

266

17. *ВСЁ о Высоцком * Фильм ЦТ СССР «Дети XX съезда» и его «дети» в народе... * Александр Кайдановский * В.И. Липский и С.Г. Зырянов...*

292

18. *Мои тезисы о согласии и несогласии — в размышлениях с примерами о комплексе проблем малоуспешнорешаемых сегодня, но в перспективе развития социальных институтов... * Представился исторический выбор Москвы и Китая...*

326

19. *Импринтинг по–Трифонову, по–Леонардо да Винчи, по–Александровичу * «Андрей Рублев» на ЧМЗ + Михаил Филимонов...*

351

20. *Сон–карнавал с разными персонажами: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, Н. Бунге, П. Столыпин, Л. Толстой, Н. Бердяев, И. Ильин, Д. Норт, Д. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, Аристотель, Ю. Андропов, Лен Карпинский, Е. Каткульский, В. Смехов, Ю. Трифонов, М. Филимонов, А. Каунов, В. Высоцкий, В. Харитонов и ... * «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова... * «Святилище» Феликса Кривина...*

366

21. *Автор записок в роли «адвоката» Глебова на предположительном процессе о «Доме на набережной» и возможных «шестидесятниках»... * «Папа, я поняла: дядя Леша Граббе — тоже дитя XX съезда, каким ты себя считаешь?»...*

385

22. *Финал «начала» вместе с Юрием Трифоновым * Виктор Поляничко + Юрий Александрович + Евгений Каткульский * Валентин Зорин * Виталий Чуркин * Евгений Евтушенко * Апофеоз — вспомните заглавие записок — в нескольких словах...*

413

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Кто</i> упоминается в записках	445
<i>Публикации А. Шитова</i> о молодежи, социологии труда, а также периода работы заместителем председателя Комитета по промышленному развитию ТПП РФ	468
<i>Публикации А. Шитова</i> литературоведческого, библиографического содержания, где основная часть относится к «трифоноведению»	480
<i>Размышления...</i> «О парадоксальности жизни в повседневности <i>N-go</i> количества людей на планете»	486

* * *

**Эпоха «шестидесятников» закончилась,
или заканчивается?**

(Субъективные записки современника)

*Только в общении, во
взаимодействии человека с
человеком раскрывается и
«человек в человеке», как для
других, так и для себя самого.*

М. Бахтин

*Надо ли вспоминать? Бог ты
мой, это так же глупо, как: надо
ли жить? Ведь вспоминать и
жить — это цельно, слитно, не
уничтожаемо одно без другого и
составляет вместе некий глагол,
которому названия нет.*

Ю. Трифонов

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...*

Б. Окуджава

1. А ведь все начиналось в XIX веке * Статья С. Рассадина * О социализме на съездах партии * Согласование потребностей и интересов человека и общества * Некое сверхъестественное целое, не имеющее названия — жизнь–смерть... * Десант «шестидесятников» во времени + Д.Д. Шостакович * В.Д. Попов из РАГС... * «Ворованный воздух» Осипа Мандельштама * Завет Александра Галича * «Моцарт и Сальери» * Александр Пушкин и Петр Чаадаев — современные в истории «диссиденты»...

...Как недавно написал мой товарищ, челябинский журналист Юра Федоров в своей книге, названной по делу, и с профессиональным вкусом — «Мои баррикады», к нему обратились с предложением написать для готовящейся энциклопедии «Челябинск» некую справочку о своем жизненном пути, и он набросал таковую информацию на 560 страниц. Нет, нет, я не

собираюсь ориентировать читателя на необходимость читать и мои страничкообразные записки, озаглавленные, как и в названии.

Попытаюсь, как и Юра (ну, и везет же мне на аналогичные имена в записках), рассказать о том немногом, остающимся в моей памяти, как детский калейдоскоп — о времени, о людях... в общем—то, о широченном и необозримом для нас понимании «шестидесятников», чья деятельность, точнее — *значение деятельности* и составляет, как писал мой любимый писатель Юрий Трифонов (см. эпитафия), *некий глагол, которому названья нет*.

И тут же бы добавил поэтически образные слова любимого поэта Евгения Евтушенко, не менее образно (что закономерно для поэта) сказавшем о нашей жизни многое и многих вместившую: «Всё то, что мы не досказали, // никто не сможет досказать». И действительно, каждый читающий может найти различные строчки, строфы, целые абзацы, рассказывающие и о нем самом, и о многих, ему знакомых, столкнутся с самым разнообразным, всем тем, что называется жизнью человека, составляющие (повторю с удовольствием вышеназванное определение Трифонова) *некий глагол, которому названья нет*.

...Конечно, был соблазн у автора записок начать с конспективной записи изложения известной статьи Станислава Рассадина «Шестидесятники», напечатанной в журнале «Юность» в конце 1960 года, открывшей простор для обсуждаемой темы обзора книг о молодом современнике.

Но необходимо пояснение для ясности моего выбора. «Шестидесятники» — понятие, рожденное еще в середине XIX века, и относилось к немногим писателям (думаю, человек пятьдесят, оставшихся в истории), большинство из которых принадлежало к сословию разночинцев. Путь в литературу для них открыли Н.А. Некрасов, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, М.Е. Салтыков–Щедрин, П.Н. Ткачѳв. Не дискутируя по поводу каждого из названных, отмечу главное: центральной темой творчества шестидесятников стала жизнь простолюдинов, крестьян, низов городского мира. Ведь недавно было отменено крепостное право, что не могло не сказаться на начинающем творчестве шестидесятников; оно (творчество) неминуемо отражало *социальную несправедливость* в обществе.

И вот прошел целый век, и в середине XX-го то же определение — «шестидесятники», — но оно объединяло не только различные слои общества, но и прежнюю тематику социального порядка. По–прежнему на первом месте — неприятие *несправедливости и беззакония*, порожденные послесталинским временем (а в XIX веке — самодержавием). И эти социальные слои в

изменившемся общественном устройстве страны, повторю, объединяла трудноуловимая, хотя достаточно определенная социокультурная атмосфера, которую условно можно выразить как «сквозная умонастроенность» эпохи.

Во многих исторических и литературоведческих источниках (энциклопедии и прочее) этой и подобного рода терминологии звучал эпохальный короткий приговор: мол, «шестидесятники» в общественном сознании, в литературе, искусстве и стиле жизни исторически исчерпали себя на рубеже 90-х годов XX века вместе с крахом тоталитаризма и коммунизма.

Это что же получается: кто-то где-то каким-то образом объявил, что все, ребята, ваш срок вышел, и время кончилось — тоталитаризм «крахнул», да и коммунизм последовал за ним, правда, не успев, в отличие от тоталитаризма, даже начаться. А мы-то сырые и убогие даже не поняли, как нам повезло, ведь наша жизнь, чудесным образом продолжается, не затормозив в своем развитии даже на секунду и не поняв, что миновала нас сия планида ни с тоталитаризмом, и, жаль, конечно, ни с коммунизмом... Кого же нам за это благодарить?

Мне кажется, у этого желанного кому-то «исчерпания» (эпохальный приговор см. выше), есть свое историческое, в чем-то насмешливое (по анекдотам), объяснение. На моей памяти, в 1939 году, на XVIII съезде партии «великий гений всех времен и народов», такой с усами «начальник» над диалектикой, Иосиф Сталин утверждал: «социализм в СССР уже построен», но надо еще потерпеть, ибо классовая борьба, даже в социалистическом обществе, не кончается. (Как писал Александр Галич: «...А бояться-то надо только того, // Кто скажет: “Я знаю, как надо!” // Гоните его! Не верьте ему! // Он врет! Он не знает — как надо!») В 1959 году, на XXI съезде партии следующий партийный лидер, очередной «насмешник» над диалектикой, Никита Хрущев заявляет о «полной и окончательной победе социализма в СССР» и начале «развернутого строительства коммунистического общества», для чего надо, всего лишь, «догнать и перегнать ведущие страны Запада по производству товаров на душу населения», но полки в магазинах по-прежнему пусты! (*Правда, после этого съезда он орал на встрече руководителей партии и правительства поэту Андрею Вознесенскому: «Вы думаете, что у вас оттепель?! Нет у вас больше оттепели. Начинаются заморозки!» И это разъяснение/обещание руководителя партии и государства сломало жизни очень многим людям...*) В 1971 году, на XXIV съезде КПСС, генсек «застойной эпохи» Леонид Брежнев, не просто заразительно «смеялся» над диалектикой, но и создавал условия для окружающей его партийной «прислуге», сытно повеселиться над этим нелепым процессом. Он заявляет на съезде, что «в СССР завершено

строительство развитого социализма». Полное недоумение у людей: опять «завершено»? Так мы же его «построили» и даже начали строить коммунистическое общество, хотя полки в магазинах по-прежнему пусты.

Ко времени вспомнился старый анекдот о семи парадоксах социализма в СССР: «Все работают спустя рукава, а план выполняется; план выполняется, а ничего нет; ничего нет, а в холодильниках у всех полно; в холодильниках полно, а все недовольны; все недовольны, но никто не протестует; никто не протестует, а тюрьмы переполнены».

Другой в продолжение темы: «Вопрос лектору, вдохновенно рассказывающему о достижениях в СССР благодаря мудрому руководству партии — “Это уже социализм наступил или будет еще хуже?”»

Третий, своеобразно резюмирующий оба предыдущих анекдота: «Армянскому радио задали вопрос: “Может ли змея сломать свой позвоночник?” — “Может, если будет следовать курсу партии”».

...А теперь вопрос к читателю записок — попробуйте объяснить словечко *рыбь*? Полагаю, вы начнете в воздухе дрыгать пальцами, пытаться схватить что-то неуловимое и это неуловимое как-то выразить словами... Так и в приведенном выше примере о «сквозном умонастроении» эпохи — как это словосочетание можно выразить? Начнете сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями стараться сформулировать тот или иной ответ, мучительно щелкая пальцами в воздухе? Поэтому, попытаемся определиться для понимания, изложенного в данных записках! Я не о терминах и понятиях, а о процессе, о явлениях, о понимании всеохватности того, что чувствуется в «сквозном умонастроении» эпохи, с чем невозможно бороться каким-либо образом, но без всякой надежды поразить цель, ибо никому в мире не удавалось расстрелять воздух, который просто существует в природе, не спрашивая разрешения...

Вернусь к статье С. Рассадина для объяснения её выбора по другой причине — из-за заглавия, лучше которого, на мой взгляд, до сих пор не сформулировали для характеристики нашего времени с начала середины XX века. Во-первых, сам по себе термин — «шестидесятники», особенным образом характеризовал определенное время в истории страны, обозначавшее и свои знаковые фигуры, и т.п. Во-вторых, развитие этого периода в «атмосфере» истории страны, иначе и невозможно рассказать о значимости жизни этих самых «шестидесятников», их воздействии на развитие общества. Причем, речь здесь идет не о какой-то отдельной группе людей, а об очень большой части населения нашей страны, объединенных между собой каким-то странным образом, точнее (с удовольствием повторяю) —

«умонастроением эпохи». Для меня — это удивительно ёмкое, говорящее о многом определение (понятие, термин) времени, каких-то людей, не говоря уж о моих друзьях и товарищах, да, имеющих свои взгляды и суждения на происходящие события.

Думаю, о таком «продолжении» мысли, порожденной в статье, сам ее автор и не думал в *1960 году*. Просто написал ее для журнала «Юность», журнала еще не познавшим популярности из-за публикаций в нем прозаиков и поэтов, ставших знаковыми фигурами начавшихся в стране изменений, получивших общее название — «оттепель», по одноименному названию повести Ильи Эренбурга. Если использовать метафору с погодой, то можно продолжить: мол, неминуемо-наступающая с оттепелью весна, являющая собой определение весны-юности, появляющейся (в нашем случае), когда складывается ситуация в стране, сродни «вентилированию» застоявшейся атмосферы советских будней не только в тогдашней литературе, что и являл собой журнал «Юность», посредством своих публикаций.

Для примера сошлюсь на Евгения Александровича Евтушенко. Уж к кому понятие «шестидесятник» относится напрямую, как не к нему — и Рассадин на него ссылался в статье, и стихи, как никакого другого поэта относились к времени «шестидесятников», и его громкая популярность пришлась на эти годы этого же времени, а что уж говорить о его подвижническом образе жизни...

Судя по данным энциклопедий, ему скоро исполняется 85 лет, а у него, надеюсь, и у нас, если окинуть даже сегодняшним взглядом проходимый им путь, еще многое с ним впереди! Куда же его относить? Может быть, к периоду «шестидесятников» по годам рождения, что ограничивается авторами неких статей о периоде, как таковом (как в энциклопедиях и т.п.)? Я бы ответил на такой вопрос отрицательно — никого никуда не надо относить. Ведь мы-то живы, а воспитание тех времен сидит в нас, мы по-прежнему читаем стихи и прозу тех же «шестидесятников», которых мы любили тогда и любим сейчас. Конечно, говорю о себе, но осмелюсь утверждать сказанное и о моих друзьях и товарищах, в том числе комсомольских лет, существующих для меня параллельно: уже ушедших в мир иной, и живых поныне.

Но вот важный для меня вопрос, который, тем не менее, задаю себе: «Коль скоро ты начал со статьи С. Рассадина, привел для показательного примера Евгения Евтушенко, то куда, к какому периоду отнести, например, Лена Карпинского (попробую о нем еще написать в данных записках), Владимира Высоцкого, а тем более, Юрия Любимова, Анатолия Эфроса и других, да простится мне выражение — им подобных *по духу?*» Имя им

неисчислимым — легионы! И сам бы себе ответил: «Если уж пользоваться определением Рассадина, то только упомянутых мной искренне уважаемых людей, правомерно отнести к тому же определению, ибо, на мой взгляд, и это самое главное для понимания сути моих записок, оно дает перспективу развития, и его толкование, но не какой-то отдельной группы людей, а большей части населения нашей страны». Толкование именно перспективы, а не какого-то этапа или периода в литературоведении, чему и посвящена статья Рассадина (насколько я ее понимал).

Память моя сразу же подсказала продолжение моей мысли о явном продолжении влияния «шестидесятников» — стихотворение Е. Евтушенко 1959 года:

Не важно — есть ли у тебя преследователи,
а важно — есть ли у тебя последователи.
Что стоит наше слово,
если в нём,
заряженное жаждой пробужденья,
не скрыто семя будущих времен —
священная возможность продолженья?!
Твори, художник,
мужествуй,
гори
и говори!
Да будет слово явлено,
простое и великое,
как яблоко — с началом яблонь будущих внутри!

Поначалу обратил внимание на первые две строчки о *преследователях* и *последователях* — это было написано броско и легко запоминалось под Маяковского. С течением времени при обращении к тексту стихотворения, я более углубленно стал понимать и глубину последующих строк о «священной возможности продолженья», начинающегося, как и в природе на земле надкусыванием яблока «с началом яблонь будущих внутри» (вспомните библейскую легенду о Еве, праматери всех людей, созданной из ребра Адама).

И передо мной — в тесной взаимосвязи — явления «шестидесятничества» и большая часть населения страны, воспитываемое этим явлением, без каких-либо активных воспитательных действий (сродни простому дыханию). Именно этой взаимозависимостью можно объяснить и непрекращающееся стремление к сложнейшему процессу согласования

потребностей и интересов человека с потребностями и интересами общества/государства, при наличии существенных противоречий, как в том (человек), так и в другом (общество/государство). Но это должно происходить *само собой*, как разумеющееся состояние взаимоотношений человека и общества/государства, процесс чего будет происходить веками. А уж сколько этих противоречий (точнее — противоречивых характеристик) в тех людях, о которых буду пытаться рассказывать, в меру своего знания о них, о событиях вокруг них.

Да-да, я не оговорился, и в торопливости изложения мысли ошибочно не назвал срок измерения происходящего, и не перепутал что-нибудь, а точно определил — веками. Во все времена изменения происходили на общей «площадке» согласования интересов, а уж как это получается у народов, решают они сами в своем, по-своему понимаемом обществе...

Независимо от возраста, так сказать, фигурантов моих записок, я их ВСЕХ отношу к «шестидесятникам», или, обратите внимание, как точно *переназвал* их Е. Евтушенко: «шестидесантникам», подразумевая их непреходящее предназначение — высадившихся во времени и поэтому слышащих какие-то удивительные, талантливо-объединительные слова, «вызреваемые» в них, и превращаемые в своеобразную «слышимость» глаголов времен. И ничего удивительного в этом процессе, объединяющего людей различных возрастов, образования и культуры, суждений и взглядов на политические события и тому подобное...

Пример с вопросом: вот куда отнести Дмитрия Дмитриевича Шостаковича с его 13-й симфонией на стихи Евгения Евтушенко? Вроде бы к поколению признанных «шестидесятников», но не подходит по возрасту! И в рамках своих размышлений после названия заметок, нашел ответ: конечно же, великий композитор, гений, относится к поколению «шестидесятников», подарив нам изумительное произведение на стихи, написанные признанным «шестидесятником». Вот такая условная передача от имени своего поколения, пережившего войну, нашему поколению, живущим в мирное время — для меня символизирует передачу эстафеты от одной команды другой... И это сделал «старый» (но с молодой душой) Д.Д. Шостакович, лауреат Ленинской премии (1958), пяти Сталинских премий (1941, 1942, 1946, 1950, 1952), передав связующую эстафетную палочку в **1962 году** молодому 30-летнему поэту Е. Евтушенко. И далее, в его лице, всему молодому поколению «шестидесятников», если так можно сказать, — музыкальное сопровождение

того, что будет их сопровождать, пока это поколение и последующие за ним не разучатся слышать и понимать музыку.

Ведь каждое из пяти стихотворений, включенных в 13-ю симфонию, несомненно, по смысловому содержанию относятся и к сегодняшней жизни в XXI веке: «Бабий Яр», «Юмор», «В магазине», «Страхи», «Карьера»...

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать начало стихотворения «Страхи», полностью относящиеся к содержанию моих записей и подтверждающее правомерность отнесения Д. Шостаковича с его 13-й симфонией к «шестидесятникам»:

Умирают в России страхи
словно призраки прежних лет.
Лишь на паперти, как старухи,
кое-где ещё просят на хлеб.

Я их помню во власти и силе
при дворе торжествующей лжи.
Страхи всюду как тени скользили,
проникали во все этажи.

Потихоньку людей приручали
и на всё налагали печать:
где молчать бы —
кричать приучали,
и молчать —
где бы надо кричать...

Я всегда считал, и сегодня повторяю свою убежденность — это десант «шестидесантников» во времени, хоть и был, как мне кажется, растянут лет на пятьдесят, но они, «высадившиеся», пока только «прикорнули» (кто «на небесах», или среди нас) от временной усталости. Повторю — от временной усталости, ибо через N-ное количество лет они будут «разбужены» нетерпеливыми, естественно, уже в другое время (наши внуки, правнуки?), и «востребуемы», ибо качественные «генны», распределенные не только ими, улучшаются, а их «служба» во времени только совершенствуется.

Правда, усатый «гений всех времен и народов», после войны стал бороться с генетикой — этой «продажной девкой империализма», как талдычили со страниц СМИ его клеветы, всякие «лысенки», и ему подобные. Борьба с генетикой (на мой взгляд, с самой природой) — пример затратной и

бессмысленной, по своим последствиям, государственной политики в ущерб гражданам этого государства. Эх, спросить бы у гениального генетика Николая Авдулова, работами которого восхищался сам Тимофеев–Ресовский, но невозможно — расстрелян в мае 1938 года. У скольких еще генетиков невозможно спросить (многие из них расстреляны, или замучены голодом в тюрьмах и лагерях во времена сталинских репрессий) о смысле борьбы власти с научной природой изучения будущего страны... Поэтому я и писал о развитии *геннов* «шестидесятничества» через высадившихся *во времени* «шестидесантников» (поклон Е. Евтушенко за удивительно объемное удачное выражение), ибо гены невозможно уничтожить какой–либо «борьбой», здесь бессильны и расстрелы, и голод, и другие различные насилия над «природой жизни»...

И здесь, думаю, есть объединяющая «составляющая», ближе или дальше от которой сосредоточены люди, несмотря на многие различия во всех сферах человеческих взаимоотношений — стремление *понять* другого человека. Нацеленность на это — основная роль искусства во всей своей многогранности, которое есть, так сказать, «барометр», позволяющий понять уровень атмосферного давления как *общества на человека*, так и *человека на общество*, проанализировать, через согласованные показатели, поведенческую «кардиограмму» человека. И общим, объединительным фактором здесь выступает природа человека, который, по моему мнению, как киплингский Маугли, может (хотел бы) сказать тому — Другому: «Мы с тобой одной крови, ты и я!»

Но здесь необходимо пояснение: я ни в коей мере не стою на точке отсчета о безгрешности людей, о которых рассказываю. И дело не в каких–то «грехах», или в отсутствии оных. Как–то при работе над рукописями о творчестве Юрия Трифонова, откуда–то выписал интересную формулировку выражения А. Герцена о кажущихся мне «шестидесятнических» отношениях между людьми во второй половине XIX века: мол, мы «сочувственно встречались в тонах и оттенках». Это и обусловило суть стремлений и к нашим встречам, начиная с конца 60–х годов XX века, это нас связывало, объединяло...

Есть интересное суждение Ф.М. Достоевского, которое примеряли, примеряют, и будут — на что я очень бы рассчитывал — примерять все, о ком писал или будут писать другие о «шестидесантниках»: «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?». (Да простится мне сопоставление мысли и вывода великого русского писателя с

мыслями и выводами историка Мельникова / Вячеслава Тихонова в изумительном фильме *1968 года* «Доживем до понедельника» — мы, преподаватели, должны каждый день *доказывать* ученикам, что мы не дураки, а если это не будет у нас получаться, то надо уходить из школы, и заниматься другими делами, а не калечить души детей...)

Я попытался рассказать о времени, в котором жил, как и многие — по-разному, радовался и ошибался, огорчался за что-то несвершенное по различным причинам, но никогда не искал причину в ком-то, т.е. не искал «крайнего» в тех или иных моих делах, видя причину чего-то, так сказать, малоприятного, или маложеланного в самом себе... Так, не пытался создать иллюзию о комсомоле, да это и не нужно, даже и не пытаюсь заступаться за эту организацию — она, исторически, в подобном заступничестве и не нуждается. В комсомоле все было, как и во всем сущем, как в двух сторонах одной медали: и хорошее и плохое. Как любая государственного уровня организация комсомол представлял во всем сущем, так сказать, слепок общества во всем своем многообразии.

И всегда, во всем этом «хорошем»/«плохом», мы должны стремиться хотеть видеть людей, да-да, обыкновенных людей, с руками и ногами, с головами, в которых *намешано, и перемешано*. За многие годы, особенно работая над подготовкой рукописи книги «по Трифонову» под патронажем профессионального историка Василия Дмитриевича Поликарпова, столько документов начитался о нашей истории, столько книг и статей прошло через мои «глаза», столько невидимых, даже мне, рубцов осталось на моем сердце, оставили «след» в моей душе. Но ведь ЭТО все было передано мне другими поколениями по «составу крови» (как призывал киплингский Маугли), и как же я могу от тех или иных складывающихся несовершенств отказаться от проживаемой мной жизни? Ссылаюсь на Юрия Трифонова (полностью цитата из романа в эпиграфе к данным запискам): «Надо ли вспоминать? Бог ты мой, это так же глупо, как: надо ли жить?»

Читатель, теперь попробуй подумать над ответом, а, может быть... нет, почитай сначала полный текст данных записок, внимательно читай, держа в голове и этот вопрос Трифонова, и может быть, найдешь свой и *только свой* ответ самому себе в виде некоего глагола, которому названья нет...

А если кто-нибудь из читателей, возможно, спросит: мол, к чему автор призывает, к каким действиям? Отвечу не колеблясь: НИ К ЧЕМУ! Живите, дышите, и спокойно, как со своим давним знакомым, разговаривайте с Богом, что неминуемо присутствует в вашей душе и сердце, и в этом постоянно желаемом разговоре, прежде всего для тебя самого, обязательно найдутся

нужные слова, неожиданные подсказки... Они будут разными по звучанию, содержанию и чему-то еще... Не знаю... Человек всегда находится на распутье... Почему? Как и во многих произведениях Юрия Трифонова, человеку (персонажу) всегда и во всем, начиная с малого, очень малого, даже очень, очень маленького, не осознанные этим выбором действиями, предлагается, так, или иначе, — *выбирать, решаться, жертвовать...*

Подумай, читатель и над дилеммой, предложенной Трифоновым персонажу в одном из романов: если на твоих глазах нападают на человека и грабят посреди улицы, а у тебя, случайно проходящего, просят платочек, чтоб заткнуть жертве рот, чтобы на его крики не сбежались люди... Кто ты такой, спрашивается? Случайный свидетель или соучастник?.. Не надо говорить ответ вслух, а просто в сторонке — один на один сам с собой — и поговори *молча*, чтобы только сам слышал о возможных колебаниях в своем выборе в примере «с платочком»...

[*Сноска в сторону.*

Общение с писателем или поэтом свидетельствует, что те или иные его мысли, становятся нашими, как своеобразно понравившиеся мысли, цитаты, существующие на выбор того, кто их «подберет» на «дороге» произведения. Они (мысли, цитаты), по естественному восприятию читателя, становятся приобретением нового «хозяина», делящегося ими с другими, ибо звучат в другом ситуативном контексте уже иного автора.

*Прошу прощения у читателя за нахальное «покушение» (выделено полужирным курсивом) на текст удивительного пастернаковского «Гамлета», через подразумевание цитируемого Трифонова, Твардовского, Евтушенко, Коржавина, Высоцкого, Галича, Кривина, Вознесенского: «Гул затих. Он вышел на подмости. // Прислонясь к дверному косяку, // **Ловит он** в далеком отголоске, // Что случится на его веку. // На **него** наставлен сумрак ночи // Тысячью биноклей на оси... // Жизнь прожить — не поле перейти».]*

Как-то планировалось мной, когда начинал писать записки, что начало первой их части (что сейчас перед тобой, читатель) буду заканчивать трифоновским глагольным определением, приведшем меня в восторг — о *жизне-смерти* (из романа «Старик»). Это о всей жизни любого человека, в любой стране, в любое время ее продолжительности — всеобъемлющее понятие: в жизни человека с момента его рождения лежит огромная дистанция, измеряемая междувременьем, когда он еще *не успел* стать собой, и временем, когда *перестал быть* собой, лежит некое сверхъестественное целое, не имеющее названия — *жизне-смерть...* (Думаю, буду еще

неоднократно касаться этого сверхъестественного целого по причине характеристики того или иного явления.)

Не вдаваясь в подробности о разном времени написания и публикации Ю. Трифоновым романов «Старик» и «Время и место» задумался о возможной связи этих произведений. Это я — к началу своих записок о названии статьи Станислава Рассадина и процессе, происходившем в середине XIX века, что объединялось практически в одно и то же время целого столетия одним и тем названием «Шестидесятники». Так вот, мне показалось интересным сравнить и то и другое в поисках чего-то — как в записках — похожего, поискать какие-то возможные взаимосвязи...

Думаю, что нашел (это лишь констатация, и не более того).

Во-первых, и в середине веков (XIX и XX) как-то получалось, что шестидесятые годы, как таковые, становились при взгляде из прошлого своеобразно ключевыми. Не буду вдаваться в исторические доказательства, «копаясь» в литературе и других жанрах искусства, чтобы успеть перейти к последующим моим «находкам».

Во-вторых, практически одинаковые (по сути) споры и дискуссии в литературе, кинематографе, скульптуре: так, в середине XIX века «на́смерть» выясняли отношения поклонники по поводу романа Ивана Тургенева «Отцы и дети», а уже в наше время, тоже на уровне поколений, спорили и о прозе, и о поэзии «шестидесятников». В кинематографе — на уровне советских дискуссионно-поколенческих фильмов: «Павел Корчагин» (1956), «Весна на Заречной улице» (1956), «Летят журавли» (1957), «Коммунист» (1957), «Коллеги» (1962), «Девять дней одного года» (1962), «До свидания, мальчики!» (1964), «Гамлет» (1964), «Мне двадцать лет» (позже в названии оригинала — «Застава Ильича»; 1965), «Андрей Рублёв» (1966), «Женя, Женечка и “катюша”» (1967), «Доживем до понедельника» (1968) и других.

В-третьих, в середине XIX века соревновались в пламенности аргументов, выступая на открытии памятника Пушкину — Достоевский, Аксаков и Тургенев, поэтому тексты их выступлений остались в анналах памятников литературы. А в наше время — установили памятник Владимиру Маяковскому на площади в *1958 году*, который тут же стал местом-символом для любителей поэзии, выступлений поэтов-«шестидесятников», всех, кто после XX съезда мечтал о закономерном возвращении к «ленинским нормам».

Вот такое мое итоговое впечатление после сравнений середины веков — как будто к шестидесятым годам в XIX и в XX каждого века выплескивается в каком-то виде накопленная энергия...

И пусть простят меня любимые поэты Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский, если не буду ссылаться на их метафоры, убедительно

характеризующие такое вышеприведенное сравнительное «шестидесятничество», а для своего понимания времени приведу понятное, не менее убедительное по своим метафорам, стихотворение Роберта Рождественского «Винтики» (1965 год): «...Я не верю — // хоть жгите — // не верю // в бессловесный // винтичный разум! // Я смирению // не завидую. // Но, эпоху // понять пытаюсь, // я не верю, // что это винтики // с грозным космосом // побратались!.. // Я не верю, // что это // винтики // на плечах // нашу Землю // держат!.. // Посредине двадцатого века // облетают // ржавые символы... // Будьте счастливы, // человеки! // Люди умные. // Люди // сильные».

Это у меня такой намек на евтушенковский десант «шестидесантников», но с началом продолжения записок о встречах и дружбах с разными людьми.

Может быть, предвосхищая восприятие читателями моих субъективных записок, но мне хотелось бы отметить, что с Евтушенко неразрывно связаны два понятия — «оттепель» и «шестидесантники». Они, как историческое и художественное во многом синонимичны, но совпадают не полностью, и чем дальше мы будем отходить от них, тем больше будем осознавать значительность этих явлений...

Во многих публикациях СМИ о России нашего времени, как писал один профессиональный исследователь, все чаще стали появляться высказывания, похожие на группировки суждений: «нужен общественный идеал России», «национальная идея», «государственная идеология», «будущее страны», «страна будущего» и т.д. и т.п. в различном наполнении этих самых группировок. Практически их объединяет одна суть, одна общая забота — будущее страны через судьбы детей, внуков, т.е. будущих поколений.

Я почему об этом в контексте записок, в лице моих друзей? Потому что речь, в частности, пойдет об этом профессиональном исследователе — авторе аналитического доклада к проекту «Управление будущим». Это мой товарищ — Владимир Дмитриевич Попов, доктор философских наук, профессор кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС. В не таком уж давнишнем прошлом, он начал работу слесарем мартеновского цеха Челябинского металлургического завода. И ведь как-то упустил его из-под комсомольского взора заводской комитет, и слесарь ЧМЗ Владимир Попов успешно окончил в 1966 году недавно созданный аэрокосмический факультет, или по другому — факультет ракетной техники Челябинского политехнического института. Там он «задержался» на несколько лет, работая секретарем комитета комсомола института. Затем последовало приглашение в ЦК ВЛКСМ в отдел студенческой молодежи. В 1974 году Владимир

Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, а в 1981 году там же защитил докторскую диссертацию. Но комсомольскую работу «сменил» на АОН, где быстро стал незаменимым помощником ректора этого высшего научного заведения партии.

Думаю, свободолобивая атмосфера в стране, рожденная XX съездом, увлечение его и творчеством «шестидесятников» в очень широком восприятии, «перенесла» Владимира Попова из спокойной партийной Академии на беспокойную должность главного редактора популярного среди молодёжи журнала «Студенческий меридиан». Мне повезло напечатать в журнале архивные наброски Юрия Трифонова к будущему роману «Студенты» в размышлениях Сергея Белова «Главное — это выдержка». Полученные редакцией журнала письма на эту публикацию в 1976 году (!) о лауреатско–сталинском романе 1950 года, Попов передал мне для архива комиссии по литературному наследству Трифонова.

Владимир Дмитриевич Попов выступает...

Через десять лет после такого «творческого» перерыва (уход из Академии в «Студенческий меридиан»), партии вновь понадобились творческие работники — перестройка и гласность в стране — и с 1987 года он вновь в ее рядах, работая в отделе

науки и учебных заведений, затем — идеологическом отделе ЦК КПСС. Но через короткий срок работы партийным чиновником этих важных отделов ЦК, опять у Владимира Дмитриевича творческая работа — главный редактор журнала ЦК КПСС «Диалог», последующая за этим организация кафедры социальной психологии РАГС, а потом и кафедры информационной политики Академии народного хозяйства...

Я ведь не просто начал со ссылки на Попова в дискуссии о будущем России. Читая курсы «Социология управления», «Конфликтология и социальная психология», «Социальная психология» он как бы подступался к разработке новой науки (!) — *социальная информაციология*. Она исследовала

законы производства, распространения, восприятия (потребления) информации, а на этой основе — мотивации социального поведения. Тем самым он способствовал созданию отечественной школы по социальному психоанализу. Тому свидетельствуют более 100 научных публикаций по проблемам экономического сознания, экономической психологии, социального психоанализа, теории и практики информационной политики, социальной информатиологии. То есть, вышеупомянутый проект доклада писал весьма компетентный философ, практик, анализирующий без прикрас (знает, понимает) основные особенности, подстерегающие нас на путях столкновения с массой противоречий, как в развитии человека, так и в развитии общества.

В беседах–спорах с Владимиром Дмитриевичем мы как–то не обращали внимание, что в эмоциях времени, помнившие послевоенные годы, непроизвольно скатывались к диалогу, где делили общество в стране на «шестидесятников» и «сталинистов», но с массой оговорок — и никого посередке (не скрою — я активничал, а он сдерживал мою активность). Тут же, убеждали друг друга в необходимости достижения согласия, что посередке–то *все*, от «шестидесятников» и «сталинистов» в каждом такое... А что же мы хотели от десятилетий социально–экономических опытов — *«склянки побились, растворы и кислоты слились...»* (из размышлений о гражданской войне в трифоновском романе «Старик»).

У нас с ним было немало встреч и в Челябинске, и в Москве. Бог тому свидетель, — практически каждый раз мы так или иначе говорили о духе «шестидесятничества», неминуемо приносящим в наше формирование на разных местах работы, свободное рассуждение, свободно осознаваемые действия, не чураясь нормализации взаимодействий в различных контактах.

Я не устаю восхищаться людьми, встречающимися на моем пути, которых объединяло, если так можно сказать, «челябинско–металлургическое» происхождение с комсомольским «стержнем» в душе. И встречи, как таковые, обуславливались изменяющейся атмосферой решений XX съезда, духом «шестидесятничества» с присутствием в нем максимы Конфуция: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье».

Подобные наши рассуждения с помощью Конфуция, так или иначе, памятьливо наталкивали меня на мысль Осипа Мандельштама в прозаическом очерке «Четвертая проза» — он все произведения мировой литературы делит на разрешенные и написанные без разрешения, то есть на «ворованный воздух». Оставим разрешенных без нашего внимания, остановимся на

«вторых», с блестящим пояснением–метафорой поэта, что это — «ворованный воздух». Признаюсь, сначала не понял глубинный смысл этой метафоры «ворованного воздуха», но, постепенно работая несколько лет над дипломным проектом в Уральском госуниверситете о поэзии Мандельштама (об этом немного позже), стал подступать в сознании к ее пониманию.

Это я к тому, что таковой «воздух» позволяет чувствовать себя свободным, ибо не спрашивает какое–то разрешение у кого–то на право существования в природе, и это очень напоминает какое–то соответствие, например, только–только новорожденного в природе... Ведь между рождением и житьем тут же начинается существование «ворованного воздуха», начинается просто так, не спрашивая ни у кого разрешения — факт рождения есть факт рождения, а не «спрос» — можно ли жить на «ворованное»... Согласись, читатель, что произведение, отстоявшее во времени, исчисляемое десятилетиями, веками — было написано (было рождено) без чьего–то «разрешения», и поэтому читаемое тоже без оного.

Конечно же, я читал «Четвертую прозу» в самиздатовской копии книги Осипа Мандельштама, но эта проза стала как–то «доставать» мое сознание после случайного везения с фестивалем бардовской песни в *1968 году*. В целом же восприятие мной в комплексности понимания, и реализации такого «воздуха» без разрешения было в Новосибирском Академгородке, куда я полетел знакомиться с опытом работы клуба «Под интегралом», не зная, что меня ждет... И второе, что сыграло роль в таком моем восприятии «ворованного воздуха» — знакомство и последующая, практически полувековая, дружба с Вячеславом Ивановичем Липским, сыгравшем в формировании меня, как личности, большую роль... Как и о фестивале песни в Академгородке, так и о В.И. Липском расскажу позже.

Отдаю себе отчет в том, что говоря о явлении, конечно же, невозможно избежать упоминания тех, или иных фамилий. Это значит, что нам предстоит погружаться на глубину исторического дыхания времени, и обнаруживать там любовь/нелюбовь нескольких поколений нашей современной истории к тем, упоминаемым... Будет там, даже не сомневаюсь в этом, — в этих слоях времен — и любовь к нам (поколениям) тех же самых упоминаемых...

Представляется, что в рассуждениях о будущем России, надеясь быть правильно понятым читателем, что талантливому писателю или поэту, как своеобразному диагносту общества, видна в том или ином произведении его (общества) *деморализация*, и он как бы подталкивал читателя к необходимости *реморализации* — возвращения к нравственности. Ф.М.

Достоевский обращал на это внимание: «...Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, устроишь себя — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь...»

* * *

В заключение первой части записок (а таковых частей будет 22, если посмотреть выше — в «Оглавлении»), мне захотелось, читатель, поделиться соображениями по поводу песни Александра Галича. Умышленно не называю ее, состоящую из шести больших, но значимых по содержанию частей, чтобы название не стало довлеть над памятью тех, кто захочет обновить ее — память — и вообще многое другое «из Галича», посмотрев в Интернете.

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь,
Не могу я быть Птоломеем,
Даже в Энгельсы не гожусь...

...Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда»...

...А я все твержу им, ну, как дурачок:
Не надо, братцы, бояться!
И это бред, что проезда нет,
И нельзя входить без доклада,
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его! Не верьте ему!
Он врет! О н н е з н а е т — к а к н а д о !

Это моя, может быть, кому-то из читающих покажется неуклюжей попыткой моих рассуждений о значении роли «шестидесантников» на «поле»

человеческого и социального ландшафта, постепенно изменяющегося отношения к *собственности*, как в обществе, так и в государстве.

Если в двух словах, то, как мне представляется, посыл таков: «Не бойтесь материальных последствий, действуйте так, как подсказывают сердце и совесть. Но не связывайтесь с людьми, которые уверяют, что одним махом всё устроят и сразу всё наладится — обманут». Умышленно не отсылаю к кому-то или к чему-то, а предлагаю просто подумать, вспомнить прошлое, которое у всех было, и в этом прошлом, у каждого были только ему помнящиеся странички в миллиардностраничной истории человечества...

О сути предлагаемого (излагаемого) посыла написано горы (я не оговорился) книг, статей, создано фильмов и т.д., и т.п., перед чем меркнет моя фантазия в предлагаемых записках — они же субъективные...

Вот и здесь что-то меня останавливает.

...До сих пор помню, как готовясь к концерту художественной самодеятельности в Свердловском суворовском офицерском училище (мне тогда было 12–13 лет) надо было выбрать текст для художественного чтения, и я выбрал начало трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери».

На фото я с мамой в 1958 г., когда и был тот самый «случай с Пушкиным», а мне было 12 лет.

С этим текстом у меня было две истории — серьезная и шуточная. Для разнообразия начну с шуточной. Был у нас во взводе Женя Мишаков. Учился он, прямо сказать, неважно, но я не об этом. Было задание на самоподготовку (или пошкольному: было задание «на дом») — выучить начало поэмы «Моцарт и Сальери». Преподаватель

вызывает Мишакова к доске отвечать. (Помните ответ у доски троечника на исторический вопрос о роли царя Николая, самодержца российского — актер Юрий Чернов с этой ролью вошел в кинематографическую историю фильмом *1968 года* «Доживем до понедельника»...) Так вот — на нашем уроке преподаватель спрашивает, какое задание было, и о чем суворовец Мишаков нам хочет рассказать. — Бодрый ответ: «Мозырь и Сальера». — У нее

(преподавателя) пауза с заиканием: «Как, как?» — «Мозырь и Сальера». — Тут мы зажимаем рот, чтобы не рассмеяться. — «Ну и что она, Сальера, сделала с Мозырем?» — Кто-то шепотом подсказывает: «Она его отравила...», что Женя и повторяет. — На что следует закономерный, сквозь сдерживаемые смех и слезы (она же женщина) вопрос: «Кто — кого?» — «Ну она, Сальера, и отравила Мозыря...» — Тут уже мы все не удержались от смеха...

Конечно, я эту историю помню, ибо моя неграмотность с «половыми» различиями действующих литературных фигур, и со мной сыграло плохую шутку. Имею в виду ситуацию с «Петраркой» и с «Кафкой», о чем позже расскажу. Но могу сказать, что в реалии ситуация с «Мозырем и Сальерой» была не со мной. Просто вспомнилось...

А теперь — серьезно. Может быть, читатель помнит телесериал Михаила Швейцера «Маленькие трагедии», где трагедия «Моцарт и Сальери» начинается с монолога в исполнении Иннокентия Смоктуновского. С каким блеском гения он сказал о самом гнусном качестве человеческой природы — **ЗАВИСТИ!**

Конечно, читатель, вспомнит по памяти, или, открыв книгу с текстом пушкинской поэмы, и сам прочтет, но я попытаюсь (каюсь в несовершенстве) изложить здесь главное из начального монолога...

«Все говорят: нет правды на земле. // Но правды нет — и выше. Для меня // Так это ясно, как простая гамма. *(Так, походя, гениальный Пушкин, веруя, поэтически сказал об отсутствии правды на земле, но которой нет и выше, и это так просто для понимания, как проста гамма...)* // ...Ремесло // Поставил я подножием искусству; // Я сделался ремесленник... // Звуки умертвив, // Музыку я разъял, как труп. Поверил // Я алгеброй гармонию. Тогда // Уже дерзнул, в науке искушенный, // Предаться неге творческой мечты. // Я стал творить; но в тишине, но в тайне, // Не смея помышлять ещё о славе. // Нередко, просидев в безмолвной келье // Два, три дня, позабыв и сон и пищу, // Вкусив восторг и слёзы вдохновенья, // Я жёг мой труд и холодно смотрел, // Как мысль моя и звуки, мной рожденны, // Пылая, с лёгким дымом исчезали. // Что говорю?... // ...Кто скажет, чтоб Сальери гордый был // Когда-нибудь завистником презренным, // Змеёй, людьми растоптанною, вживе // Песок и пыль грызущею бессильно? // Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне // Завистник. Я завидую; глубоко, // Мучительно завидую. — О небо! *(И на экране глаза Смоктуновского, глаза, выражающие смертельно-ненавистническую зависть, в общем-то весьма способного человека Сальери, и далее — глаза, выражающие решимость действовать против преступника, по его мнению, «безумца, гуляки праздного», к кому музыка удивительно и*

преступно благосклонна...) // Где ж правота, когда священный дар, // Когда бессмертный гений — не в награду // Любви горячей, самоотверженья, // Трудов, усердия, молений послан — // А озаряет голову безумца, // Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!..»

Ну вот, вспоминая себя на концерте нашей, училищной художественной самодеятельности, точнее — после концерта, когда я почувствовал себя опустошенным после завершения чтения пушкинского монолога. Как попугай, выучил текст и его озвучил. Ну что тогда я, 12-летний, мог понять из этого удивительного звучания слов, напряженная суть которых мне была непосильна для... Для того, чтобы я в конце 60-х — начале 70-х годов каким-то образом «зацепился» за поэзию Осипа Мандельштама, и преодолевая свое незнание и непонимание каким-то образом вышел на другой уровень развития... Вот думаю — может Пушкин каким-то действием с «небес» меня и подтолкнул к этому самому уровню... Ну, это, конечно же, мои несуразные фантазии.

Так вот, продолжу рассуждения об этом — другом уровне своего развития в контексте данных записок. Зря, что ли они называются субъективными?

...И я задумался над непонятным для себя отношением различных «запретителей», и сразу же вопрос — к чему? Ведь явление (может быть — понятие) «шестидесятник», и евтушенковское — «шестидесантник» запретить невозможно, ну просто — невозможно, как запретить воздух или кислород, или какие-то им подобные явления, отражающие СВОБОДУ действий человека по определению. И в связи с подобным у *запретителей* — несть им числа — есть возможность запретить на время, измеряющегося годами, какой-либо текст (варианты неисчислимы), какое-либо движению ногами (нет, не в ходьбе, а в танцах), какую-либо песню (запретить исполнение, запретить трансляцию) и т.п., и т.д.

[Для меня классический пример дурости запретителей, именно дурости, с песней «День победы» Давида Тухманова, которая, уже готовая, была отложена запретителями от трансляции. Опала песни закончилась через некоторое время, благодаря случаю услышивания самим Л.И. Брежневым. Может быть, эти самые запретители изначально испугались связки: талантливая песня, а они это понимали, и названа в честь Победы, но написана Давидом? Позже вспомните пример с антисемитом С.Г. Лапиным, председателем Гостелерадио СССР, любимцем того же Л.И. Брежнева.]

Ситуаций для «запретителей» бесчисленное количество... И ответные мучительные, по исполнению, ситуации с «разрешениями»... Нет, безработицы для них, подобных, что у *запретителей*, что у *разрешителей*... не будет! Ведь все это — от зависти к свободе выбора действий в обществе и государстве... А эта *гидра*, во многом порождаемая как теми, так и другими, уверен, бессмертна!

И в который раз подумал о *запретителях* и *разрешителях* вот на каком примере, отражающим наше, не такое давнишнее явное прошлое. И навеяло на меня это недавнее прошлое через понимание на уровне обыденного сознания марксовой теории прибавочной стоимости. Так, рабочий своим трудом создает некий товар, который можно продать, т.е. этот произведенный товар имеет стоимость. Крестьянин (производитель сельскохозяйственной продукции) тоже создает некий товар, который можно продать. Ученый (инженер) тоже создает некий продукт (товар), который востребуем, пусть не сегодня–завтра, может быть, через год, или десятилетие, но этот перспективный товар все равно имеет какую–то стоимость... А вот что создает партийный работник на своем чиновничьем «стуле», т.е. на своем штатном рабочем месте? Какой продукт, имеющий стоимость, создается на рабочем месте, как у предыдущего рабочего, или предыдущего крестьянина или ученого (инженера), объединенных общим суждением о стоимости? Слышу, слышу возмущенные крики по поводу... и приводятся примеры по этому поводу...

Без колебаний, могу сказать этим самым возмущенным — я попытаюсь составить своеобразную конкуренцию знатокам из этой самой толпы на знание истории партии, истории страны, особенно вдохновляющих примеров поведения большевиков/коммунистов на протяжении всех лет, начиная с 1917 года. Помню, помню стихи Александра Межирова о различных периодах нашей истории: «... тем не менее, вопрос ранее сформулированный — какой продукт, имеющий стоимость — то есть как–то востребован народом, во имя социальной справедливости, ибо он, народ, за свою работу получает зарплату, стоимостное вознаграждение — создает партийный работник на своем рабочем месте — остается в моем контексте без изменений, и не потому, что я кажусь *упертым*... В какой–то мере буду возвращаться к этому вопросу, и к проблемам вокруг него, в других, последующих частях моих записок.

Но напоследок главный, в моем понимании, вопрос тем самым возмущенным моим суждением о нужности того, что создают штатные партийные работники, т.е. работающие за зарплату на соответствующих партийных должностях на своих рабочих местах, начиная с ЦК КПСС... Так

вот, возвращаясь к моему главному вопросу: «А что, к примеру, штатные партийные работники: “Иванов, Петров, Сидоров”, честные, порядочные (список качеств можно продолжить) люди не могли оставаться такими же (честными, порядочными с добавлением списка качеств), работая рабочим, крестьянином, ученым (инженером) на тех рабочих местах, создавая подобающий продукт труда, имеющий стоимость, как таковую, при продаже?»

Я ведь все талдычу о социальной справедливости в распределении доходов... Конечно же, приводимые мной вопросы, с опорой на теорию прибавочной стоимости К. Маркса, носят очень условный характер, и тема моих записок иная, поэтому продолжим их, переходя к контексту.

...И в завершении первой части записок, обращаюсь с вопросом: «Как думаешь, читатель, можно ответить на вопрос: “Кто был в числе первых русских диссидентов?” И попытаться привести примеры этих самых “инакомыслящих” для понимания их роли в нашей истории».

Вот написал вопрос и не думая я бы тут же ответил: Александр Пушкин и Петр Чаадаев. Они для меня образцы творений в «ворованном воздухе»... А теперь, читатель, порассуждай сам с собой о названных мной, где у каждого есть отличительные черты, на первый взгляд, не похожие «друг на друга».

Первое, из чего я исходил, — в начале XIX века (они встретились в 1816 году) не было понятия «диссидент» (инакомыслящий). Следовал (в моей логике предположений) вывод — о свободе историко-литературоведческого подхода — гласящий о незначительной литературе по этому предположению, что давало мне надежду о своеобразном первенстве в этом направлении. Как же я ошибался — по этому моему, кажущему предположению, существует масса работ в виде статей, книг, рефератов и т.д. Всего не перечесать, и невозможно (просто — затруднительно) прочитать.

Но ведь помнится, помнится еще со школьных лет:

...Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы...

И теперь очевидно, что обращение к другу (Пушкина к Чаадаеву) переросло в призыв к вере в идеалы свободы и возможность их достижения, адресованный всему молодому поколению России, многих последующих

поколений русских людей, готовых бороться за то, чтобы Россия «вспряла ото сна»...

...В интервью «Новой газете» Катрин Ванден Хевел, издатель The Nation (США), жена известного автора книг и статей о положении дел в России Стивена Коэна (может быть, удастся написать о моей встрече с ним, и беседе о Юрии Трифонове), сказала, что в книге интервью, которую они вместе издали в 1990 году — «Голоса гласности» — Евгений Евтушенко говорил о том, что поэзия и искусство его поколения подготовили почву для гласности Горбачева: *«Не думайте, что гласность или перестройка с неба свалились, или что их нам даровало Политбюро. Подготовка шла много лет. Новое поколение лидеров впитало в себя дух нашей литературы. Они были студентами в 1950-х, когда мы начали читать свои стихи. Они протискивались на наши поэтические чтения на балкон без билетов».*

Вот с такими суждениями с выводами, и без оных, постепенно перехожу к следующим частям моих субъективных записок.

...Да, чуть не забыл. Говорят, что Ларошфуко сказал, а кто-то (правда, не установленный) утверждает, что *сам слышал* сказанное от него самого что-то типа такой максимы: «Все недовольны своей внешностью, но все довольны своим умом». И этот до сих пор неизвестный кто-то утверждает, что видел, как Лев Толстой переписал эту фразу в свою тетрадку. Собственно, воспоминание этого *кого-то*, я решил проверить — шутка ли, уже четвертый век идет, как существуют «Максимы» Ларошфуко. Просмотрел в Интернете полное, как мне представилось, цитирование его тех-или иных афоризмов, ища среди них этот, записанный, как рассказывают, самим Львом Толстым, но не повезло... Но ведь кто-то по рассказам кого-то видел эту запись? А может быть, не видел, а мудрость гениального писателя Льва Толстого запомнилась каким-то стилистическим образом, при чтении его произведений? Может быть, может быть... ведь максима эта так хороша, и соответствует уровню мышления самого Ларошфуко...

Еще один важный уточняющий тезис. Ни в коем случае, когда писал записки, не планировал хоть в какой-то мере касаться истории диссидентства, диссидентского движения. Во-первых, это не моя тема, не только в этих записках, но она просто не моя... (*Но скажу здесь же: слава Богу, что литература и о людях, и о движении, как таковом неиссякаемо полнится, и это не может быть иначе, пока дух «ворованного воздуха» существует...*) Во-вторых, даже не предпринимал никаких попыток касаться взаимосвязи

диссидентского движения и распада, крушения советской системы как таковой: мол, под воздействием разрастания диссидентского движения советская система всей своей мощью рухнула. Хотя очевидно, что для такого «крушения», так сказать, действуют другие объективно мощные другие факторы политического, экономического содержания. Конечно, в действие вступали и другие факторы, более глубинные, внутренние, психологические и духовные, обусловившие развал советской империи... *(Ведь диссидентское движение, насколько я понимаю, зарождалось и проходило под мирными лозунгами: партия и правительство соблюдайте Конституцию СССР!)*

Я же писал о своей проживаемой, и где-то уже прожитой жизни. Пытаюсь рассказать о встречах, когда, естественно, вспоминается кажущее кем-то сказанное на фоне авторских ощущений, впечатлений, каких-то возможных скоропалительных суждений из-за желания успеть, успеть хоть таким образом рассказать о времени нашей удивительной и разной жизни, которую каждый стремился прожить так, чтобы *не было больно за бесцельно прожитые годы...*

[Никак не комментируя доходчивые аргументы Г. Аккерман в статье «Еще раз о диссидентах — об их роли в падении советского режима» (журнал «Континент»), процитирую её заключительный тезис: «Но на родине российские диссиденты-демократы, за редчайшими исключениями, остались париями. Их идеализм был в основном не понят (Курсив мой. — А.Ш.) в российском посткоммунистическом обществе, где доминируют деньги и национализм с религиозной окраской. Перестройка погребла под собой тех, кто подготовил ее ценой страданий, а то и жизни».]

...И ведь всегда — МЫ так были воспитаны содержанием нашей истории на протяжении нескольких десятилетий — должна быть цель! Можно бесконечно дискутировать о цели и о путях её достижения... Но я подумал, должна же быть какая-то обобщающая нас цель, т.е. касающаяся одного человека, и общества. Память, при написании мной этих строк, сразу же *вбросила* читанную где-то историю о том, как Джон Кеннеди, президент США, посетил космический центр NASA. Он увидел уборщика со шваброй, подошел и спросил, чем тот занимается. Уборщик ответил: «Господин президент, я помогаю доставить человека на Луну».

Думаю, например, если президент России (не важно с какой фамилией) так, походя, *дежурно* по должности спросит уборщицу с тряпкой в каком-нибудь детском садике, что в Москве, что в *Замухранске*, чем она занимается,

то маловероятно, что она ответит примерно, хотя бы так: мол, помогаю воспитанию подрастающего поколения страны... Попробуй, читатель, представить себе эту картину! Это я об общем взгляде/понимании цели, подъемной и умственно-доходчивой как для любого человека, так и для общества...

* * *

*2. Генетика на все времена * Теория «шести рукопожатий» + Путешествие с ДНК по всему миру * Нежданные проявления «импринтинга», но «Времена не выбирают...» * Международный фестиваль молодежи и студентов в 1957 году и последующие международные кинофестивали * «Инерция стиля» Коржавина * В памяти нет цельного, слитного, зато она высекает искры... * «Граждане, послушайте меня...» * О возвращении к метафоре о дорогах, ведущих к храму...*

Можно было бы начать свои субъективные записки с двух Юр, с которыми практически одновременно познакомился, и дружба с которыми была до их кончины: Юрия Трахтенберга в 1994 году, а Юрия Александровича в 2008 году. Оба оставили неизгладимый след в моей жизни, каждый по-своему;

✓ можно было бы начать и с удивительно счастливого и везучего для меня знакомства с Анатолием Васильевичем Эфросом (в течении нескольких лет), а позже (короткого) и с Юрием Петровичем Любимовым, двух гениев мировой театральной режиссуры;

✓ со знакомства с Владимиром Высоцким, «выпевшем» всю боль и мужество народа в прожитые времена (война и послевоенные десятилетия), и сумевшего как-то сдружить на театральной сцене и Эфроса с Любимовым, и Любимова с Эфросом;

✓ со знакомства с великим поэтом Евгением Евтушенко, чьи стихи постоянно в моей памяти, и я могу говорить о нем «в разных измерениях» — настолько он многогранен;

✓ со знакомства с Надеждой Яковлевной Мандельштам, жены великого поэта Осипа Эмилевича Мандельштама, по творчеству которого я защищал дипломную работу в Уральском государственном университете, мужественной женщины, сумевшей сохранить его стихи для нас-читателей, несмотря на невзгоды времени;

✓ со знакомства с братьями Морозовыми (Борисом и Анатолием), создателями и руководителями легендарного челябинского театра «Манекен», многогранное творчество которых и обогатило меня, и подтолкнуло меня к новым, неожиданным знакомствам со многими другими интереснейшими людьми;

✓ со знакомства с Юрием Карякиным, философом, литературоведом, публицистом, не только автором фразы, говорившей о характере государства на примере потрясения в *1993 году*, когда на выборах в Государственную Думу партия Жириновского неожиданно набрала много голосов — «Россия, ты одурела?!», и другой фразы, говорящей о постоянстве исторической привычки в России: «Наступить на грабли — наш национальный спорт»; он (Карякин) в моей памяти, и, надеюсь не только в моей, остается глубокими исследованиями по творчеству Ф.М. Достоевского;

✓ со знакомства с советским Эзопом — Феликсом Кривиним, чьи басенные притчи (конечно, не все) у меня в голове и его книги на моей книжной полке;

✓ со знакомства с Львом Анненским, фантастическим литературоведом, оставившем свой след в моем любопытствующем «трифоноведении»;

✓ со знакомства, к сожалению, без содержательных последствий беседы того или иного характера — с Робертом Рождественским, Василием Аксеновым, Булатом Окуджавой, Анатолием Гладилиным, Игорем Виноградовым, Леонидом Жуховицким, Александром Кабаковым, Марленом Коралловым, Валентином Оскоцким...

На фото справа налево: Лев Аннинский, литературовед; Игорь Виноградов (редактор журнала «Континент»); Александр Шитов.

(Пока не знаю, как у меня будет получаться с изложением дальнейшего текста записок, чтобы попытаться сказать немного, хотя бы более 2–3 слов, об этих, в последних строках перечисленных интереснейших людях... Да, с ними я встречался, но в памяти они, встречи, остались в каком-то полуразмытом виде, хотя помню, помню

о чем говорили, и где встречались... Думаю, как-нибудь удастся рассказать о наших встречах, но немного позже.)

Начиная отсюда, хотелось бы обратить внимание читателя на одну особенность. Надо повиниться за возможно кажущееся фамильярное обращение ко многим о ком рассказываю — Женя, Слава, Саша и другими. Есть одно обстоятельство, хоть немного меня извиняющее — это привычка еще с комсомольских времен. Но в контексте записок, существующее в ряде случаев фамильярное обращение относится только к друзьям, с которыми дружим не один десяток лет, поэтому и значимый для других возраст для нас не имеет значения. Думается, что и русская традиция тоже этому способствует — я о манере обращения человека к человеку. В какой ситуации, в подавляющем большинстве случаев, используется традиционное обращение друг к другу? Да, верно — когда выпивают, слышится традиционное: «Ты меня уважаешь?» Может быть, отсюда и пошло обращение на «ты». И каждый раз нормальный вежливый человек находится в затруднении — как объяснить человеку элементарные правила вежливости... Поэтому прошу прощения у читателя, если ненароком, по его мнению, кого-то задел невежливостью, некорректностью в упоминании...

Читая прекрасно написанную книгу «АКСЕНОВ» двумя авторами, помещенными на фото, обрадовался, увидев эту фотографию «шестидесятников»: Василий Аксенов, Евгений Попов, Анатолий Гладилин, Александр Кабаков. Надеюсь, авторы книги не обидятся на меня, что поместил их фото на страницах записок...

Такое стало возможным через дружественное рукопожатие А. Кабакова...

И тут, обращая внимание на начало текста, остановился, т.к. даже для краткого рассказа о знакомых, их роли в моей жизни, даже при случайном знакомстве (хотя говоря о них — только что перечисленных поэтов и писателей — могу назвать и место нашей встречи, и о чем мы говорили, и т.д.), места в записках уж точно не хватит. Но с уверенностью могу сказать — мне сказочно везло на встречи со всеми названными людьми. Могу и

откровенно дополнить: уж они–то изначально не искали со мной встречи — это точно, просто мне хотелось каким–то образом увидеть их, поговорить... Даже не задумывался над простым вопросом: «А им–то хочется? Может быть, у них другие планы, и я в эти планы не вписываюсь?»

Только перечисленные люди, о которых буду рассказывать (а сколько за ними *других*, а за ними — *других–других*, а за ними — неизмеримое количество *других–других–других*), — свидетельство о воздухе, о создаваемом ими, и формируемой в обществе «температуры», «измерение» которой позволяет постоянно судить о «здоровье», способствующим неостанавливающейся цивилизованной жизни и развитию страны с названием «Россия». Заметь, читатель, об объективных противоречиях не говорю, просто пытаюсь рассказать о людях, а сколько подобных людей — других «шестидесятников», могут назвать друзья и коллеги...

Именно такое постоянное суждение о «здоровье» общества (даже не задаем вопроса об условных судьях) говорит о «шестидесятниках» — они *НЕ* какой–то временный фактор, живущий какое–то отмерянное время, и имеющий в своем распоряжении какие–то *именные* фигуры, которые проживают свой *паспортный* срок, а потом исчезают, и т.д., и т.п. Об этом «здоровье» может судить то самое общество, ибо только *ему* «уровень» здоровья может нравиться или не нравиться, принимать какие–то *лекарства* или нет для поправки того самого «здоровья»... Даже не смогу однозначно ответить на вопрос, задаваемый самому себе: а у «шестидесятников» есть ли допускаемое кем–то *время* своего существования? Ответ пришел в мою голову как раз вовремя — отпускаемое «шестидесятникам» время *НЕ* носит календарный характер, как и *НЕ* носит такого характера болезнь, передаваемая из «души в душу» живущим поколениям, изменяя *их* (поколений) кровь... Какое время это будет продолжаться? Да Бог знает!..

[Кстати, об их «генной заразе», передающейся иначе, чем обычным воздушно–капельным путем, а — из «души» в «душу». И против такого обмена нет никаких препятствий в мире. В моем представлении, и этот пример показателен в известной «теории шести рукопожатий». Теория была выдвинута в 1969 году американскими психологами Стэнли Милгрэмом и Джеффри Трэверсом, как написано в Интернете.

*Предложенная ими гипотеза заключалась в том, что **каждый человек** опосредованно знаком с любым другим жителем планеты через цепочку общих знакомых, в среднем состоящую из пяти человек.*

Я впервые услышал об этом в 1992 году на Алтае. Ученый, с которым не был знаком, и к которому прилетел в Барнаул по поручению члена комиссии

ЕС, встретил меня дома, и пригласил пройти в кабинет, а сам пошел на кухню чего-то готовить к столу. Я ходил, рассматривал вывешенные на стенах фотографии, и взгляд остановился на одной из них: мой нынешний знакомый на приеме в Ватикане склонился к руке Папы римского... Тут заходит мой товарищ, тарелки с закусками в руках, смотрит на меня, и говорит: мол, кстати, ты воочию видишь фотографическое доказательство теории о шести рукопожатиях, то есть создается своеобразная мыслительная цепочка: ну, посуди сам, — мы знакомы с тобой через дружеское пожатие руки — я жму/прикасаюсь в поцелуе руку Папе римскому Иоанну Павлу II, поляку Каролю Войтыле, — а, в свою очередь, к его руке/целуя принадлежало такое количество людей... Таким образом, ты убедился в своем «знакомстве» через меня и Папу римского — и это только пока!!! — с остальным миром громадного количества людей, среди которых короли и президенты многих стран, которые, в свою очередь, пожимали руки другим... Тут же, естественно, мы по-русски, хорошо выпили и за наше знакомство, и за знакомство с другими людьми мира, и за желанное отсутствие конфликтов, а тем более военных, со знакомыми, живущими на одной планете Земля... Какое блестящее, да, теоретически предположительное, но доказательство дружеских взаимоотношений (через рукопожатия) с таким количеством людей на Земле!

Я бы дополнил эту самую «теорию шести рукопожатий» в контексте своих записок «через» кинематограф — через миллионы зрителей, посмотревших (полагаю, и не один раз) уже упомянутые советские дискуссионно-поколенческие фильмы конца 1950-х — 1970-х годов...

А немного позже — обязательно дополнил бы другой информацией из Интернета, которая меня потрясла своей незатейливой значимостью приведенных фактов специалистами из Дании, что так удивительно вписывалось в контекст записок. Для участия в таком невероятном эксперименте, чтобы показать, что нас объединяет гораздо больше вещей, чем разъединяет, компания пригласила к участию представителей различных наций. Им было предложено для начала рассказать о том, почему они гордятся быть англичанином, французенкой, русской и т.д. Затем им задали еще один вопрос — есть ли нация, которую они недолюбливают, с кем плохо сходятся? Каждый рассказал о своей антипатии, базирующейся на стереотипах или историческом прошлом.

После этого короткого собеседования участникам предложили решиться на серьезный эксперимент — узнать, сколько национальностей они представляют «внутри себя самого», и отправиться в путешествие по следам ДНК. Для этого необходимо было сдать слюну на анализ, чтобы

составить их личную генетическую карту мира. Закрыв каждую из пробирок, сделали перерыв для анализа и дальнейшего сравнения ДНК. Потом каждому предоставили сделанный на основе ДНК конкретного человека карту взаимосвязи его ДНК с другими людьми Земли...

Вот так, и через «теорию шести рукопожатий», и через данные исследователей из Дании — не имея, аргументированной доказательной возможности для сомнений — я согласен с ними, ибо подтверждается суть «всемирного» взаимодействия, дружбы людей, пожалуй, только на одной основе — ВСЕ мы просто люди. И все мы вынуждены преодолевать имеющиеся разногласия, через преодоление, так сказать, по библейскому преданию развалин пресловутой Вавилонской башни, разобщившей людей на Земле... Попробуйте, вместе со мной и с ними пройти этот путь (http://nonstandard.adindex.ru/list/501?type=list&utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen).]

...Конечно, понимаю, говоря о «десантах» во времени, что необходимо учитывать отличия в восприятии того самого времени, нарождающиеся (я об отличиях) в определенные временные отрезки. Например, излишне говорить моему поколению, поколению «шестидесантников» о том, что сегодня играет ведущую роль информационная война с точки зрения IT-технологий и прочее. Можно сказать, — наше поколение воспитывалось *знаниями*, а нынешнее — быстрым *узнаванием* чего-то из Интернета; можно и так сказать: мы измеряем время поколениями, а они скоростью кликов на клавишах ПК. Допускаю, что сколько угодно можно бороться, доказывая превосходство знаний над какими-то кликами на малопонятной для нас железке с кнопками какого-то компьютера, но, думаю, явного преимущества в аргументах у нас не получится. А тут еще какие-то смутные догадки посещают, что мной ощущаемое — это только *начало* малопонятной для меня непростой перспективы изменений в мире...

Но ведь у этого нового поколения (думаю, внуков, а у кого-то и правнуков) есть важное преимущество — выбор между названными ситуациями (знания с книгами — узнавания с *кликами*), а лучше всего — сочетание этих ситуаций, что посильно использует автор данных записок. Пословицы и поговорки мира не устают повторять о преимуществах «золотой середины» вместо крайностей, какие бы блага эти крайности не сулили.

И другой поворот в нашем примере: поколение «шестидесантников» может говорить о гражданской войне, а даже для нынешних, тех, других, это время, которое мы помним еще и по «воздуху» — уже из какого-то другого исторического времени — то ли времен какого-то самодержца-реформатора

России, то ли... уже и не помню, откуда эти выстрелы «в затылок» в моей памяти... кажется, что-то похожее на расстрелы на Бутовском полигоне в тридцатых, или в Медведевском лесу в сорок первом... может быть, может быть...

На мой взгляд, есть одно важное обстоятельство в моем восприятии, относящееся к разным поколениям страны. В 30-е годы казалось, что *страх* царил в каждом, но он существовал для всех; в 40-е — 50-е годы борьбу со страхом сменила война, и повсеместная надежда на «завоеванное» право на изменения, влекущие за собой *нивелировку* боязни за жизнь общества, успешной и выстраданной победой над фашизмом, понесенными тяготами и лишениями. Война всех сплотила и дала коллективную надежду иной, счастливой советской, а не какой-то другой жизни. Поэтому наступающее стремление в 60-х годах, во многом продиктованные молодежными настроениями, порожденные политической «оттепелью», объективно сталкивались с коллективистскими настроениями неприятия движений вырваться «за флажки», что было присуще молодежи, как и пропел Булат Окуджава «о комиссарах в пыльных шлемах...»

Но был еще один момент, связывающий и «комиссаров в пыльных шлемах» (привет из времен гражданской войны и коллективизма 20-х — 50-х годов) и наступающие стремления вырваться «за флажки», что и было сформулировано в литературе — выработать какую-то иную систему идеалов, как-то приближающую к нам европейскую и американскую литературную культуру. Отсюда и взлет популярности журнала «Иностранная литература», где публиковались переводные произведения французских, английских писателей, и американских, начиная с Э. Хемингуэя. Почему-то сразу же в памяти возникает анекдот: западные журналисты спрашивают Брежнева: «Кто ваш любимый зарубежный писатель?» — «Хемингуэй!» — ??? — «Как он здорово написал о партийной работе в романе “Обком звонит в колокол”!» (Это об известном романе писателя «По ком звонит колокол»).

Говоря о популярности западных писателей, имел в виду таких, в основном лауреатов Нобелевской премии: Ж. Дюамель, Г. Грин, А. Камю, Х. Лакснесс, А. Моравиа, Ф. Мориак, А. Моруа, С. Моэм, Д. Пристли, Ч.П. Сноу, Д. Стейнбек, Г. Фаст, О. Хаксли, Э. Хемингуэй. Например, Юрий Трифонов, отвечая на вопрос зарубежного корреспондента о воздействии на него зарубежной литературы, говорил: «...Испытывал на себе влияние, прежде всего американской литературы. Это — Эрнест Хемингуэй, Дос Пасос и Уильям Фолкнер. Сильное и эмоциональное воздействие оказала проза Скотта Фицджеральда и особенно его “Великий Гетсби”. Из новых имен — большое впечатление производит Джон Апдайк».

И вот эта зарубежная литература своей стилистикой неизбежно формировала и у писателей—«шестидесятников» стремление писать о личности молодого человека, приобретающей черты нечто нового в обществе, где это новое, не совсем связано с проявлениями насаждаемого коллективизма, что, в свою очередь, проявляется в иронии и скепсисе, прежде всего к самому себе, своим друзьям, без какого-либо «замахивания» на советский строй, его государственное устройство — расчет был простой: умный, да поймет. А это уже есть фактор проявления стилистической образности, условной однородности сближения советских и европейских, и американских «шестидесятников». И вот здесь я могу уже говорить о каком-то периоде, незначительном по продолжению такого стилистического сближения наших и «ихних», ибо для их стилистических особенностей никакой роли не играл ни XX съезд, ни последующие другие. Но налицо один общий выигрыш в литературе — подобное такому обогащению в результате сближения не могло не сыграть продуктивной своей роли в развитии всех участвующих в процессе литератур...

Полагаю, что дух «шестидесятничества» — как таковой «дух» — можно рассматривать как советскую диковинку в определенный период времени, думаю, что партийная критика к этому и стремилась подвести свободные рассуждения «по поводу...» То есть, наша критика стремилась не допустить естественную связь с контекстом мировой культуры, ибо в этой связи виделась опасность отечественным «охранителям», где только-только наступающая свобода без «разрешения» могла хлынуть в страну.

Вроде бы *охранители* первоначально отступили перед первой, неслыханной по возможностям попыткой пересечения границ СССР, то есть, границ «железного занавеса» по приглашению КПСС, советского государства в *1957 году* на VI международный фестиваль молодежи и студентов. Да, это был настоящий шок не только для власть предержащих, но и самого народа, прежде всего, в лице той самой молодежи и студентов, оказавшимся перед лицом более чем 34 тысяч человек из 131 страны мира... Молодежь стала «втягиваться» в своеобразную *оттепельную воронку*, начавшуюся формироваться после кончины И.В. Сталина в *1953 году*, подкрепленную XX съездом КПСС в *1956 году*, закрепленную, как на фото пленке, джинсами и рок-н-роллом международного фестиваля в июле-августе *1957 года*, последующими кинематографическими и литературными событиями...

...Перед тем как остановиться на этом событии, думаю, необходимо в контексте записок пояснить хоть какое-то отношение к этому событию — все-таки мне исполнилось уже 11 лет.

Конечно, в таком возрасте мало что смysлишь в необходимости осмысления происходящего, а тем более в жизни страны. Но когда какие-то события и по настенным картонным репродукторам (а другого просто не было, хотя я слышал о существовании радиоприемников, но не более того), и по газете «Пионерская правда», журналу «Костер», то они (события) становились главными, как мне кажется для всех школьников СССР. Одним из таких событий стал международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в июле-августе 1957 года. Заканчивался учебный год, и по школе пошло агитационное разъяснение о том, что победители соревнования по сбору макулатуры и металлолома могут поехать на этот фестиваль! Во мне уже тогда как-то формировалось что-то организаторское, какие-то подобного рода способности. И мы стали ходить по домам с просьбами сдать ненужную макулатуру и ненужные лишние железки, что скопом сносились во двор школы (кто помнит школу № 33 на улице Сталеваров, между улицами Социалистическая и Электростальская, которую снесли несколько лет назад для строительства жилого дома). Макулатуре и металлолому были посвящены все наши мысли и действия — выиграть, выиграть путевки для поездки в Москву... Никаких других побочных, общественного значения мыслей и в помине не было в наших головах.

Вот только сейчас, при написании этих записок, полагаю, будет правильно подчеркнуть свое *понимание* того, в те годы происходящего, осмысление *начала* той самой «оттепели» в понимании событий в стране... (По шуткам Михаила Жванецкого: мол, для них, власть предержавших, должно было пройти двадцать лет, чтобы понять, что буржуазная «кока-кола» — это всего лишь лимонад, а пресловутые «джинсы» — всего лишь элементарные штаны из специальной ткани для таких прочных и удобных штанов... и ВСЁ...)

Несколько зарисовок-воспоминаний (при помощи Интернета, и работы над рукописями книг о жизни и творчестве Юрия Трифонова) об этом фестивале — в течении двух недель, наряду с повсеместно гремевшими «Гимном демократической молодежи», «Если бы парни всей земли...» параллельно звучал на магнитофонах, в будущем суперпопулярный «Rock Around the Clock» («Рок круглые сутки»), в исполнении Билла Хейли, считавшегося, по крайней мере для нас, началом эры рок-н-ролла. Гремели ансамбль «Дружба» с появившейся солисткой Эдитой Пьехой. Тогда многое, очень многое было для нас впервые, и самое главное — *разрешенное* КПСС

состояние эйфории: тысячи иностранцев, виденных нами только по редким фильмам, с которыми можно было, с робостью преодолевая языковую неграмотность, но все-таки хоть как-то разговаривать, т.е. только-только *начать привыкать* к свободному обмену мнениями. Для свободного посещения были открыты Московский Кремль и парк Горького. Фантастической популярностью пользовались фильмы *1958 года* об этом фестивале — «Девушка с гитарой» с неподражаемой Людмилой Гурченко, особенно после феерической «Карнавальная ночь», и «Матрос с “Кометы”» с набиравшим популярность Глебом Романовым, с его великолепным голосом и пластикой, исполняющим песни на различных языках, танцующим, играющим на аккордеоне и других инструментах. Улицы Москвы гудели от разноязыкой речи, молодежь общалась, пела песни, слушала джаз, дискутировала о еще недавно запрещенных импрессионистах, о Хемингуэе и Ремарке, Есенине, Ахматовой и Зощенко, а в парке Горького была устроена выставка художников-абстракционистов, в том числе знаменитого Джексона Поллока, лидера американских экспрессионистов... (Когда был в Новосибирском Академгородке на фестивале бардовской песни в 1968 году еще в песне А. Галича «Вальс-баллада про тещу из Иванова» услышал совершенно незнакомую для меня фамилию Поллока, но запомнил ее почему-то.)

Да-а! Впервые был все-лишь только приоткрыт «железный занавес», разделяющий мир на два лагеря — наш (социалистический) и «их» (западный), а уж сколько потрясений за это время!

Поэтому можно понять нас, советских людей (напомню — мне было все-лишь 11 лет), у которых с трудом, но все-таки переворачивались взгляды на моду, манеру поведения, образ жизни, ускорив ход перемен. Ведь позже названные в определениях — «оттепель», диссидентское движение, прорыв в литературе и живописи — все это *началось* именно в фестивальной круговерти по неосознанной инициативе Никиты Сергеевича Хрущева. Я бы попытался назвать таковую инициативу продолжением спонтанной эйфории после его доклада на XX съезде КПСС, обусловленной стремлением ее (эйфории) закреплением в общественном мнении народа.

За эти две недели было проведено свыше восьмисот различных мероприятий. Гляжу на фотографии фестиваля в Интернете — думаю, а ну как мне повезет и я увижу: как между этими гостями, потрясенная увиденным ходила недавно вышедшая из тюремного лагеря Евгения Абрамовна Трифонова-Лурье, мать писателя Юрия Трифонова. Как вспоминала Цецилия Кин (вдова писателя Виктора Кина, расстрелянного в 1938 г. автора романа «По ту сторону», в экранизации которого в том же *1958 году* звучит популярнейшая пахмутовская «Песня о тревожной молодости»; помнишь,

читатель, слова из этой песни: «Жила бы страна родная, // и нету других забот // И снег, и ветер...»), бывшая в восьмилетнем заключении вместе с ней: «Женечка была прекрасным человеком, но мне казалось порой, что она слишком наивна. Может быть, слово не то. Не наивна, а хранит верность каким-то представлениям, от которых (мне казалось) пора отойти, и это было бы естественным. Во время московского молодежного фестиваля она подходила к автомашинам и пожимала руки представителям “третьего мира”, каких находила. Для нее это было естественным, для меня — чрезмерным. Может быть, права была Женя, а вовсе не я. Она была верна даже “ритуалу”, если можно так выразиться, и каким-то формулам, твердо усвоенным в юности».

Тогда же сам Юрий Трифонов был корреспондентом «Советского спорта» на дружеских спортивных играх молодежи, проходивших в дни фестиваля, о чем и написал в газете. Одновременно он участвовал в съемках документального фильма об этих соревнованиях по сценарию, написанному совместно с Л. Кассилем и И. Проком. Премьера цветного документального фильма «Стартует молодость» была в ноябре. К сожалению, тогда же (2 сентября) скончалась Т.А. Словатинская, легендарная в партии бабушка Юрия Трифонова.

...Я и написал здесь коротко об отрезке жизни, коснувшейся всего народа, где, как правило многое перемешано: эйфория от увиденного, начавшиеся изменения в жизни молодежи и студентов, спортивные соревнования, съемки фильма, начавшаяся еще в мае-июне школьная суэта автора этих строк за сбор макулатуры и металлолома по домам и дворам района за обещанную возможность победителю соревнования поехать на этот международный фестиваль, мальчишеские огорчения, кончина близкого человека для писателя, чьим творчеством тот же школьник и позже автор данных записок будет заниматься несколько десятков лет...

И, как ни странно, хоть тягучие, но все-таки *разрешительные* мнения вынуждено были в развивающемся кинематографе, откуда молча «кровь переливалась» в литературу, рождая и на этом пути неисчислимое племя «шестидесятников» (на перечисление примеров как литературных, так и кинематографических места не хватит).

Брешь пробивается в *1959 году* проведением в Москве Первого международного кинофестиваля с демонстрацией фильмов из США, Англии, Франции, Чехословакии, Дании и других стран. В том же году взаимнообразно проходят Недели советских фильмов в Англии, США, Югославии.

Думается, что одну из первых «наколов» на пробитие это бреши дал все–таки международный кинофестиваль *1957 года*, проходивший во время фестиваля молодежи и студентов. На нем было представлено более 120 фильмов из 30 стран, а председателем жюри стал Антонин Броусил, театральный и кинокритик, заложивший фундамент чешского высшего кинообразования (я с ним накоротке встречался во время пражского чемпионата мира по хоккею с шайбой в *1972 году*). Среди удостоенных золотых медалей этого кинофестиваля были фильмы: «Мрак» (Япония), «Крыша» (режиссер Витторио Де Сика, Италия), «Высота» (СССР), «Канал» (режиссер Анджей Вайда, Польша).

В *1961 году* повторяется: Второй Московский международный кинофестиваль, в жюри которого присутствует сам Лукино Висконти, а в кинотеатрах фильмы из ведущих кинематографических стран (США, Франция, Италия, Польша, ФРГ). В том же году Неделя советских фильмов в Западном Берлине.

В *1962 году* — прорыв в мировую киноэлиту Андрея Тарковского, фильм которого «Иваново детство» получает «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля.

В *1963 году* своеобразный апофеоз киновакханалии — на очередном фестивале в Москве некоторые советские кинодеятели настолько осмелели, что попытались *перечить* партийным чиновникам, поэтому они («запретители/разрешители»), с вынужденными вымученными улыбками приняли решение присудить Большой приз знаменитому фильму Федерико Феллини «Восемь с половиной». Ну, уж после этого власть отыгралась на отечественных кинодеятелях, и перестала *разрешать* проводить международные кинофестивали... Да и время как–то кстати уже изменялось: после снятия со всех постов Н.С. Хрущева к партийной и государственной власти пришел Л.И. Брежнев, а «оттепель» сменялась постепенными попытками реанимации сталинизма.

Но *джин был выпущен из бутылки* — «кровь» из кинематографа мощно переливалась в литературу, а здесь «запретителей/разрешителей» поджидал самый неподконтрольный никому в мире *зверь*, с двумя головами, типа своеобразных сиамских близнецов, благодаря однокорневому происхождению — *Тамиздат* и *Самиздат*, в скором времени бурно расцветшими с сохранением специфики каждого из них (я — о разных «головах»). Правда, этот период *царствования* этого «зверя» оказался не таким большим, как казалось властям от страха, но все–таки сыгравшего свою роль в развитии (каком–то, но развитии) общества...

Ведь фильм—то в худшем случае или не показали (положили на «полку» или смыли ленту), или показали в мини—кино—залах на каких—то задворках и глубоко его спрятали, то над напечатанным словом каким—то образом, веет бессмертное выражение: «Рукописи — не горят!» Говоря о начале развития *связи* кинематографа с литературой, я имел в виду выражение Андрея Синявского о «стилистических расхождениях с советской властью». И здесь речь идет о стилистических поисках в европейской культуре с такими же поисками в литературе «шестидесятников», что сказалось позже в развитии взаимоотношений культурных течений (литературных в том числе) Запада и России при взаимном обогащении...

Буду надеяться, что меня не посетит какая—либо однобокость в подходе к моим *вспоминаниям*, тем более я понимал старую истину: *вспоминания* о ком—то (о чем—то) — это не всегда портрет персонажа, в большинстве случаев — это портрет автора *вспоминаний*. И еще помню блестящую, на мой взгляд, мысль—вывод из «Опрокинутого дома» Юрия Трифонова, весьма уместного суждения для данного характера записок своей метафорой: «Память, как художник, отбирает подробности. В памяти нет цельного, слитного, *зато она высекает искры...*»

Здесь будет уместно подтвердить трифоновскую мысль о памяти, которая как художник отбирает подробности, что в памяти нет цельности, слитности чего—то отдельного, но именно такая работа памяти с *отбором* подробностей и создает *нечто* из высекаемых искр... А ты, читатель, видел высекаемые искры, что исчезают, оставляя это самое *нечто*, добываемое из памяти? Конечно, здорово, что в последнее время выходят фильмы, интересные зрителям, которые и говорят с их персонажами, мол, вы нам интересны всем, что вы *делали* в обычной жизни, что и как вы *говорили*, что и как вы *писали*, да просто — нам интересно как вы *жили* в то самое время, о котором мы знаем больше чем вы знали. И эта условная *большест* нашего знания только говорит об истории развития нашего общества, и подтверждает простую аксиому: без вас, без вашей прожитой жизни и у нас было бы... и полетят такие высекаемые искры эмоциональных суждений из памяти...

Это был мой молчаливый диалог с самим собой, продолжая данные записки, когда смотрел фильмы: «Стиляги», «Оттепель», «Конец прекрасной эпохи», «Таинственная страсть». У меня даже язык не поворачивается что—то говорить об этих фильмах, кроме естественного признания их создателям и исполнителям, и через эти фильмы вы, создатели и исполнители были участвующими вышеописанных «шести рукопожатий»... Теория, подтверждаемая практикой продолжает развитие! И все это в моей памяти

звучит вот уже не одно десятилетие под музыку, нет, не знаменитых рок-н-роллов Элвиса Пресли, или Джери Ли Льюиса, или не менее знаменитого твиста Чабби Чекера, а знаменитых спокойных мелодий Глена Миллера из трофейного фильма «Серенада солнечной долины» (1941 год), который мы смотрели в нашем послевоенном детстве. А немного позже — и под шлягеры Муслима Магомаева, Эдуарда Хилия, Эдиты Пьехи, потрясающего голоса Валерия Ободзинского...

...Мне семьдесят один год, соответственно, пошел восьмой десяток, и как не пытаешься откладывать — вроде бы успеется, успеется — нужно готовиться к «небесному» разговору с *Ним*, думать о том, что будешь рассказывать о жизни, о встречах... А будет ли твое повествование интересно для «собеседников», собравшихся в этой, не представляемой человеку, аудитории, где *Судья* один, объединяющий всех участвующих, говоря: ты прав, и ты прав, и ты, несомненно, прав, и ты тоже... Понимаю, что это предполагаемая «небесная» аудитория может составлять тысячи и тысячи «Я», «Я», «Я», продолжая оставаться со своими мнениями, которым нет конца, но есть вышеприведенное суждение *Судьи* о правоте каждого, учитывающего эту самую правоту без малейшего насилия в любой форме одного над другим...

Неминуем вопрос: а на что будет походить рассказанное (рассказываемое) тобой? Может быть, это своеобразная надежда удержать что-то ускользающее из цепляющего за это *что-то* в памяти? Может быть, при всей невозможности, будет напоминать попытку вернуть *кое-что* из прошлого и «подправить» что-нибудь? Этакое желание продлить жизнь, мифически *пережив* ее еще раз в обновленном виде? И каждый раз понимаешь бессмысленность попытки «переигровки» уже случившего, «рихтовки» тех или иных неудачных мест в прожитом...

Эх, знать бы хоть какой-то приемлемый для себя ответ!? А зачем знать? Ведь предполагаемые *переигровки* и *рихтовки* невозможны! И мне подумалось: если предполагаемые действия несбыточны, то какую, так называемую, правду о себе ты хотел бы вывести из своих воспоминаний, что хочешь узнать?

Даже пиша эти строки, пришел к неожиданному для себя выводу-предположению, что искренний самообман более плодотворен критического прозрения, так сказать, по философскому счету к самому себе. Ведь не будешь же стремиться сводит счеты с сами собой, вспоминая различные промахи в жизни. Будет лучше, как я предположил, — предпочесть это самое заблуждение, чем знание чего-то, которое как-то опустошает, обессиливает, по тому же счету той или иной претензии к самому себе. И передо мной —

этакое стремление к «здоровью памяти», что и соответствует *импринтингу* (позже еще скажу несколько слов об этом «нобелевском» открытии, относящемся к человечеству, в целом).

Собственно, размышлял я, беседуя с самим собой, ведь речь неминуемо пойдет о жизни, в общем—то частного свойства. И почему ты считаешь, что твоя частная жизнь может быть интересна другим? Уверен — любая частная жизнь может быть любопытна для других, ибо таковому повествователю удалось представить «это» в такой разнообразии участия в общественной жизни общества, что *оно* каким—то образом *увиделось* читающему в виде «зеркала» узнавания чего—то существенного для него самого. Это своеобразно обоснованное стремление автора взглянуть на собственную жизнь со стороны, чтобы... И неминуемо в моей памяти — размышления трифоновского старика о смысле жизни: чтобы мы (уважающие себя люди) выполнили что—то, достигли чего—то, а не так — *пробулькать жизнь лягушками на болоте*.

Как правомерно писал поэт А. Кушнер:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять...

...Время — это испытанье.
Не завидуй никому.

Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

Вот те самые «отпечатки пальцев» времени с *нас*, «приглядевшись, можно взять», что и попытаюсь *ЭТО* сделать на моих жизненных примерах. Можно начать *рассуждать*, вспоминая, или *вспоминать*, рассуждая — это как будет получаться на вкус любого читающего...

И еще два слова о немаловажном. Где—то читал, как умный человек говорил: мол, важно, чтобы каждый человек должен учиться с детства

находиться одному, но это не значит, быть одиноким. Это значит — вот она, в моем понимании, та самая смысловая метафора этого умного человека — *не скучать с самим собой...*

Начну с общих подходов, необходимых для понимания, надеюсь, корректных личных подходов и примеров.

...Думаю, осознание собственного «Я» с попыткой своего мнения было положено рассказом Даниила Гранина, который так и назывался «Собственное мнение» (хотя он и написан в 1956 году, но кто не читал, найдите в Интернете). Сюжет художественно непросто: должно *наступить время*, когда можно выражать собственное мнение, а чтобы такое время наступило, надо просто дожить до этого времени. Очень уместно слово «годить» от слова «погодить», как писал великий русский писатель М.Е. Салтыков–Щедрин в «Современной идиллии», и в блестящем сыгранном спектакле «Балалайкины и Ко» театра «Современник», и увиденным мной, благодаря случайному знакомству с Игорем Квашой, а уж тогда... Что тогда? Наступит время, когда ты со своим мнением будешь интересен другим?! А может и не наступит?!

И тогда же — *1963 год*, — когда прочитал и рассказ Гранина, и последующий его роман, ставшим любимым на всю остающую жизнь «Иду на грозу», прочитал стихотворение Е. Евтушенко «Граждане, послушайте меня...», ставшее для меня программно–путеводным по своей сложно–вопросительной простоте:

...Страшно, если слушать не желают.
 Страшно, если слушать начинают.
 Вдруг вся песня, в целом–то, мелка,
 вдруг в ней все ничтожно будет, кроме
 этого мучительного с кровью:
 «Граждане, послушайте меня...»?!

И рассказ, и роман Гранина, и стихи Евтушенко у меня в памяти, как, впрочем, и многое другое, помогающие жить в «моей» дороге...

Нет–нет, говорю сам себе, конечно, не забыть бы еще об одной встрече в то же самое время с другим поэтом, которой в реальности не было, но в его книге она «состоялась» со мной. Говорю о *встрече* с поэтом Наумом Коржавиным, точнее с его единственной напечатанной в стране книгой стихотворений «Годы» в *1963 году*. Случайно зашел в маленькую передвижную библиотеку какого–то строительного управления в общежитии Metallургического района в Челябинске, и наткнулся на нее (книгу), стоящую

среди нескольких ей подобных на каком-то ящике, напоминающего книжную полку. Не могу объяснить причину, но почему-то взял эту книгу (точнее — тоненькую книжечку) из кучки, открыл, да так и застыл у полки-ящика. До сих пор помню, ведь открыл просто так, наобум, и это было стихотворение «Инерция стиля», ставшее на многие годы одним из любимых, по звучанию содержания строк:

В жизни, в искусстве, в борьбе, где тебя победили,
 Самое страшное — это инерция стиля.
 Это — привычка, а кажется, что ощущение.
 Это — стихи ты закончил, а нет облегченья.
 Это — ты весь изменился, а мыслишь, как раньше.
 Это — ты к правде стремишься, а лжешь, как обманщик.
 Это — душа твоя стонет, а ты — не внимаешь.
 Это — ты верен себе, и себе — изменяешь.
 Это — не крылья уже, а одни только перья,
 Это — уже ты не веришь — боишься неверья.
 Стиль — это мужество. В правде себе признаваться!
 Всё потерять, но иллюзиям не предаваться —
 Кем бы ни стать — ощущать себя только собою,
 Даже пускай твоя жизнь оказалась пустою,
 Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало...
 Правда конца — это тоже возможность начала.
 Кто осознал поражение, — того не разбили...
 Самое страшное — это инерция стиля.

И всё — это при моих-то тогдашних, да и последующих тоже, эмоциях — я был просто покорен этими строчками, а придя домой прочитал в более спокойной обстановке и все остальные стихи в книге! Через два-три дня на выпрошенный у кого-то магнитофон, продиктовал из сборника его стихи на пленку, так мне хотелось оставить какой-то след в начавшихся между нами «отношениях», сохранившиеся и по сей день. Не сомневаюсь, что каждый помнит и о своей литературно-исторической памяти...

Предвосхищая дальнейшее содержание моих записок, хотелось бы заметить главное в моем понимании сущего: все поистине талантливые люди (независимо от времени в веках, «веса» в обществе, национальности и т.д., и т.п.) способствуют поиску «дороги к храму». Как точно и всеохватно сказала героиня фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»: *«Если дорога не ведет к храму, то зачем она нужна?»* Сказала, как о само собой разумеющемся

предназначении любой *дороги* познания мира и себя, идя по которой, каждый человек должен чувствовать себя свободным от различных насаждаемых идеологических постулатов, всегда нацеленных на суетное, мелкое, временное, что характерно для сути этих постулатов...

И тогда, и сейчас, думая о будущем, представляя простое на уровне обыденного сознания понимание сути этой самой дороги к храму. Неважен условный *земной* масштаб идущего, но ведь почему-то в головах у нас, стремящихся и найти, и *идти по этой дороге* простая, я так думаю, ценность общение с людьми в дороге, ибо по *д о р о г е* мы идем всегда, и взаимодействие человека с человеком происходит *по определению* «человека в человеке». Думается, и по этой причине человечество стремится как-то договариваться само с собой, чтобы при всех сегодняшних отличиях одних от других, не допустить в каком-либо масштабе ядерной катастрофы, через попытки не допускать, не допускать, не допускать *катастрофы личности...* в поисках дорог к храму.

О таких, предполагаемых дорогах в желаемую неизвестность можно полагать, что хотеть *быть самим собой* — и есть условно-метафорический начальный этап в недопущение катастрофы личности. Еще буду пытаться писать об этом на примере «шестидесятников» в прозе и поэзии конца 50-х — начала 60-х годов, во многом подтверждающего начинающийся процесс постепенного, диалектического развития, который упорно хотят сдвинуть на дорогу *нетерпеливых* преобразований... Подобные *нетерпеливые* (в историческом плане) разрушали храмы и церкви, из-за боязни исторического *показа* архитектурных доминантов (я о дорогах, ведущих к...), что отвергалось существовавшими партийными постулатами, превращающимися на миллионах уже наших современных дорог в нравственные пороки...

...Вот и о начинающихся ростках преодоления не допущения *катастрофы личности...* в поисках дорог к храму, я попытаюсь приступить на разных примерах доступного для меня понимания в неоднозначные и неравные по описанию времен периоды взросления, во встречах с разными людьми, и столкновениях с разными ситуациями на страницах данных записок.

Да, заканчивая эту часть записок, крутится в голове какой-то странный вопрос, в сути своей своеобразно экстраполирующийся на весь последующий контекст: «Какая особенность духовного, культурного содержания объединяла всю нашу страну с момента рождения всех детей в послевоенное время, которое и мне особенно помнится до сих пор?»

Для облегчения поисков ответа могу подсказать — эта особенность, на мой взгляд, *помнится* именно послевоенным поколениям рождения 1945 —

1960–х годов (последующие годы рождения, уверен, уже изменили/изменяли эту объединяющую всех детей особенность). И тоже для подсказки скажу — это не партия, не комсомол, не правительство, ни какие–либо подобные институты общества с изменяющимися направлениями деятельности. Полагаю, что это могло относиться к любому, рожденному в указанные годы, (1945 — 1960–х) примерно с 2–4 лет и более... Надеюсь, читатель понимает условность вопроса — именно ко всем, рожденным в это время... Позже уже было, на мой взгляд совсем *не то*, или почти *не то*... Но это уже совсем другая история, становящаяся понятной любому, читающему эти записки...

Вот какой простой вопрос, как бы в виде загадки сформулировал для читателя, в основном, попадающего под указанный мной *возрастной ценз*. Надеюсь, не забуду вернуться в конце записок к вопросу для предложения читателю, уже мысленно согласованного с ним, ответа...

...Заканчивая эту — вторую — часть записок. Конечно же, каждому пишущему, и говорящему что–то всегда видится желанный для него адресат, кто будет читать это самое написанное, слышать к нему обращенные слова, и, естественно, по–своему реагировать на написанное и услышанное. Но наряду с этой элементарной закономерностью каждый читающий и слышащий должен *понимать*, что тот, кто написал и сказал — выразил лишь только свое суждение, свое понимание увиденного, и не более того...

Любой человек в мире должен стремиться понять, что *диалектика* уравнивает *ВСЕ* противоречия в мире, несмотря на их сегодняшнюю насущную актуальность!

* * *

3. Юрий Александрович * Л.В. Карпинский, Е.М. Примаков, Е.В. Яковлев * Сталинизм и сказки К. Чуковского и Е. Шварца * Ю.Ф. Карякин и попытки сталинской «манкуртизации» * «Бесы» Достоевского и «Нетерпение» Ю. Трифонова * Культура бессмертна...

...Прежде чем перейти к показательному для меня примеру жизнедеятельности конкретного человека, сыгравшего в моей жизни, на долгие десятилетия удивительную роль, хотелось бы предварительно сказать всего несколько слов о другом человеке.

Но с ним — этим *другим* — был знаком весьма и весьма короткое время, который, даже не подозревая этого, сыграл свою незабываемую роль во времени — это Лен Вячеславович Карпинский. О нем рассказывали и, уверен, еще будут рассказывать те, которые его знали в жизни более продолжительное время, о котором написано в энциклопедиях и т.д. (например, сборник его статей в книге, подготовленной в *1996 году* совместно с В. Писигиным «Заповедник для динозавров».)

В дневниковых записях Л.В. Карпинского, этого неутомимого из зарождающего племени «шестидесятников», есть и такая: «Человек — режиссер во Вселенной. Он ставит тут свой оригинальный спектакль. Почему? Потому, что он и есть Вселенная — по типу своей организации и способу существования».

В этих трех строчках текста — ***констатация многогранной и многоликой на века пьесы о человечестве для неоднократной её постановки во всех театрах мира...***

Интерес к творческому наследию Лена Вячеславовича Карпинского подтверждает аксиому: в истории человечества, в его «памяти» остается сделанное (написанное) им, где пересекается, «встречается» в своей повседневности на острие постоянного нравственного выбора человека все то, что было накоплено людьми. И перед нами (в наследии Карпинского) — стремление философа, публициста поделиться своими мыслями, суждениями о человеке, о его вечно противоречивых блужданиях в мыслях и делах между светом и тьмой, ибо в человеческой природе присутствует Бог и Зло. А мы, читатели, воспринимали и через него представления о добре и зле,

добродетелях и пороках, ценностях и идеалах, соизмеряя их со своими представлениями о том же... Ведь Добро и Зло — реальные нравственные категории человеческой практики.

В частности, для меня — полная «перекличка» мыслительных процессов Лена Карпинского и великого русского писателя Андрея Платонова, и не менее, в моем представлении, великого Юрия Трифонова. Мир наш, сотканный из противоречий, так многообразен, где каждый субъект (человек) — лишь часть громадного целого, который может с уверенностью сказать, что «без него народ не полный» (А. Платонов). Но, в свою очередь, он же (человек) — и микрокосм, «сплетение множества тончайших нитей, а не кусок голого провода под током, то ли положительного, то ли отрицательного заряда» (Ю. Трифонов).

...Полагаю, самое время начать рассказывать о моем друге и товарище, определившем на десятилетия многое в моей жизни.

На сегодня, как и годы назад (думаю, можно начать отсчет с середины шестидесятых), для меня в разных аудиториях с любыми собеседниками всегда был наглядный и уважительный пример в жизни — это Юрий Михайлович Александрович, старший друг и товарищ на моем непростом пути. Возможно, что приукрашиваю его роль в моих попытках формирования собственной жизни, но он был и остается моим осознанным выбором наставника. Может быть, заблуждаюсь? Возможно! Но это мое, допустимо-сознательное заблуждение и никому его не навязываю, помня еще с первой публикации стихотворение Беллы Ахмадулиной «Мои товарищи» (в памяти моей — ее звенящий голос, при чтении): «...Да будем мы к своим друзьям пристрастны! // Да будем думать, что они прекрасны! // Терять их страшно, бог не приведи!»

Мой товарищ (я об Александровиче) даже не подозревал, полагаю, просто и не думал об этом, освобождая меня от пут в движении, а самое главное ненавязчиво способствовал избавлению от идеолого-партийных постулатов, складывающихся в моей голове... И делал он это естественно, а не по должностной обязанности. К глубокому сожалению, он несколько лет назад скончался, и «на небесах», благодаря своей неуёмной энергии, надеюсь, заинтересованно беседует и с упомянутыми в этих записках людьми... А это непростые люди, — со своими плюсами и минусами — Анатолий Эфрос, Юрий Любимов, Владимир Высоцкий, да и другие, с кем посчастливилось мне встречаться. Как сказал выдающийся русский философ, филолог и культуролог Михаил Михайлович Бахтин (это в эпитафии к запискам):

«Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого».

Что объединяет этих людей в данных записках?

Встречи с ними обусловила (во времени) моя работа в Челябинском обкоме комсомола, начавшаяся по инициативе Юрия Александровича, который «неровно дышал» (бывает же такое у высокопоставленного комсомольско–партийного работника!) ко всем, о ком я пишу в этих записках, который во многом способствовал (да еще как!) этим встречам...

Так, я уже не работал в обкоме комсомола (но «генная зараза» во мне сидит), и, бывая в Москве, старался зайти в здание на Тверской, где располагалась редакция тоненького журнальчика «Век XX и мир» (он был просто несравним по объему и формату с общепризнанными журналами типа «Новый мир», «Знамя» и им подобным). Мое стремление было объяснимо желанием возможных, как я надеялся, встреч с Глебом Павловским и публикующимися в этом ежемесячнике его коллегами: Михаилом Гефтером, Симоном Кордонским, Юрием Карякиным, Леном Карпинским, Юрием Буртиным и другими.

Через много лет, готовя эти записки по своим рабочим записям на каких–то клочках бумаги, в очередной раз поразился везению в моей жизни на встречи с такими людьми (не устаю повторять о моем подобном везении). Считаю, что знаком с ними, ибо внимательно читал ими опубликованное. А уж личное знакомство с Ю. Карякиным, Ю. Буртиным по–своему раскрыло для меня их роль в формировании «воздуха» страны, в которой мы жили.

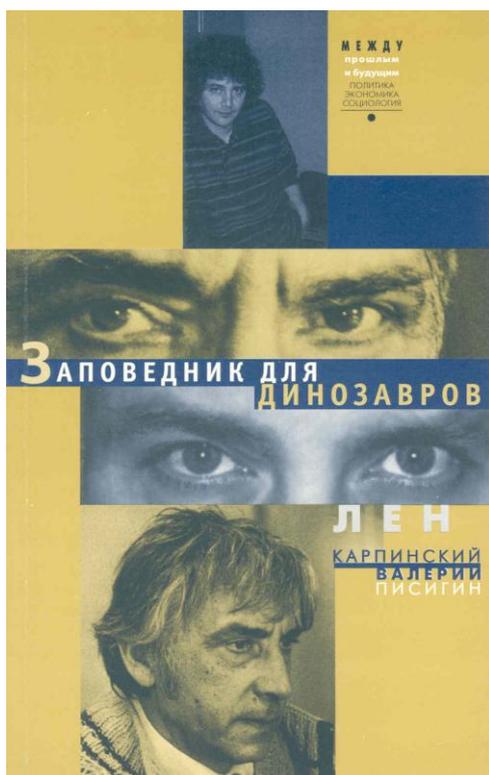
В частности, не без волнения говоря об этом, имею в виду Лена Вячеславовича Карпинского, в прошлом заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, главного редактора журнала «Молодой коммунист», а с 1958 по 1962 годы — секретаря ЦК ВЛКСМ. Потом с 1962 года — член редколлегии газеты «Правда». В 1967 году — заочное знакомство с ним — читая «Комсомольскую правду» обращаю внимание на статью Л. Карпинского и Ф. Бурлацкого «На пути к премьере». В ней они критически отзывались о практике цензуры в СССР. Через 2–3 дня, там же в «Комсомолке» — решение секретариата ЦК ВЛКСМ о признании публикации этой статьи грубой политической ошибкой, с последующими оргвыводами. Карпинский был выведен из редакции «Правды»... и назначен в «Известия», откуда вскоре также был уволен за критику процесса «ресталинизации», начавшегося после смещения Н.С. Хрущева. В судьбе Ф. Бурлацкого реакция

партийной власти тоже была соответствующей, но из-за заступничества Ю.В. Андропова — без суровых последствий.

Уже в «известинские» времена Лен Карпинский написал большую статью «Слово — тоже дело», размноженной в Самиздате и изъятой КГБ, где блестящим интеллектуальным языком — близком во многом стилю великого Эзопа — был сформулирован протест против введения советских войск в Чехословакию, описан предстоящий распад КПСС, и соответственно социалистической системы по советской схеме, за что и был в 1975 году исключен из партии... Услышал о Лене Карпинском — этом блистательном, незаурядном человеке от Юрия Александровича, говорившем о нем как о талантливом комсомольском работнике, который был всегда для него примером. Так и остались для него примерами сочетания энергии и грамотных решений в умении нацелить и вести за собой молодежь комсомольские вожаки — Александр Косарев (арестован в 1938, расстрелян в 1939 году; его именем названа улица в Челябинске) и Лен Карпинский. Хочу сказать, что этими примерами они становились и для меня, что и обусловило мой интерес к ним. Знаю, что от имени партии Сталина — «враг народа» Александр Васильевич Косарев был расстрелян, а Карпинский исключен из этой самой партии, и на годы был обречен на непонятное существование, пока Егор Владимирович Яковлев не привлек его на работу в «Московских новостях».

Забегая вперед, хочу сказать о людях существующей советской Системы, в которой сами работали на ответственных постах, продолжая оставаться, как метко заметил Евгений Максимович Примаков, «диссидентом в системе», то есть, инакомыслящим человеком. А опыт академика Примакова позволяет так судить, вернее, делать выводы о сложной специфике советской Системы. И мне тоже повезло работать под руководством Е.М. Примакова, Президента Торгово-промышленной палаты России, будучи заместителем председателя Комитета по промышленному развитию, который возглавлял мой многолетний и давний товарищ «по комсомолу» Валерий Михайлович Платонов, генеральный директор Челябинского тракторного объединения, бывший секретарь Тракторозаводского райкома, а потом и Челябинского горкома ВЛКСМ. (Правоммерно отметить большую роль в моей работе сыграл ведущий специалист ТПП РФ Владимир Юртеев, ранее работавший первым секретарем Коркинского горкома ВЛКСМ Челябинской области, затем после окончания ВКШ при ЦК ВЛКСМ и редакторской работы в печатных изданиях ЦК комсомола создавал газету ТПП РФ «Торгово-промышленные ведомости».)

...Это Е.М. Примаков сначала передал через Виталия Макарова, главного редактора журнала «Партнер», органе ТПП РФ, весьма одобрительные в мой адрес слова, а позже в личном общении подтвердил их. А речь — то шла о моей статье в журнале за 2009 год — «Нравственная упругость человека», в которой, как и отметил Президент ТПП РФ Е.М. Примаков, мы своевременно поднимали проблему необходимости формирования нравственной культуры зарождающихся новых отношений, и не только в России, через общечеловеческие ценности на примере анализа прозы писателя Юрия Трифонова.

(Когда читал книгу «Заповедник для динозавров», с любовью и уважением составленной Валерием Фридриховичем Писигиным, с каким-то непонятным для себя ощущением чувствовал сопричастность к ее (книги) появлению. Во многом причиной, поясняющей такое мое состояние, следуя теории «шести рукопожатий» (о которой говорилось ранее), своеобразно разветвляющей было — удивительное соответствие во многом и моих настроений и мыслей, о чем неоднократно будет сказано в записках, а также и то, что мистическим образом будет соответствовать нахождению рядом с ними (авторами), ибо сам Валерий Писигин родился в Челябинске. Окончание средней школы, технического училища, работа после армии в ТЮЗе — всё было связано с соседним городом Свердловском. Собственно, там проходило его взросление, как мыслящего человека... (В Свердловске учился и в суворовском училище, и в университете, и в этом городе живут мои друзья — супруги Харитоновы, о которых расскажу позже.) Могу сказать, что не могу избавиться от ощущений, что видел его мелькающим во время общественной деятельности в Москве, в частности, когда он был лидером и идеологом кооперативного движения в стране, начиная с 1988 года — не забывайте о «бурных шагах» перестройки и на страницах «Московских новостей» и «Век XX и мир».)

...Продолжаю мной прерванный выше текст. Я, читая лекции об актуальных проблемах идеологической борьбы в университете марксизма-ленинизма при Челябинском горкоме партии, активно использовал и

рекомендовал своим слушателям различные публикации из «Московских новостей» и журнала «Век XX и мир» (отсюда и мое стремление встретиться, и как-то суметь поговорить с авторами журнала). Вместе со мной часто оказывался мой земляк — жизнерадостный Салим Шарыпов, что создавало возможности для таких встреч. Тогда я и надеяться не мог, что повезет в контактах с «Московскими новостями», в результате случайной встречи в *1989 году* с Александром Вайнштейном, коммерческим директором этого еженедельника (будущего организатора теннисного турнира «Кубок Кремля»). Из нашего разговора для меня становилось многое понятным в непростых отношениях редакции с различными контролирующими органами (партийные, цензура). Еще бы — еженедельник становился популярнейшим органом советских СМИ, упорно вырывающимся «за флажки» партийно-цензурных организаций.

В ходе беседы с Вайнштейном, я экспромтом проявил инициативу решить организационные и финансовые вопросы в приглашении работников еженедельника приехать в Челябинск и выступить на встречах с читателями супер-промышленного региона России, что, на мой взгляд, поможет редакции в укреплении политического статуса. Саша Вайнштейн завел меня для знакомства в кабинет Егора Владимировича Яковлева, главного редактора еженедельника, и рассказал об идее поездки в Челябинск. Договорились, что состав приезжающих определяет Яковлев, а финансовые и другие организационные вопросы мы берем на себя. Я был убежден, что с Александровичем сумею договориться, а с возникающими по ходу проблемами пребывания журналистов мои друзья помогут в их решении.

Если мне не изменяет память, к нам приехали: Геннадий Жаворонков, Дмитрий Казутин, Елена Ханга. Все они были популярными журналистами: Г. Жаворонков — политический обозреватель «Московских новостей», начавший первым писать о трагедии Катыни, разыскивал еще оставшихся в живых свидетелей тех страшных расстрельных времен, ставший вскоре одним из самых доверенных журналистов А.Д. Сахарова, и членом общественной комиссии фонда Андрея Сахарова; Д. Казутин — пройдя журналистскую школу газеты «Известия», тоже политический обозреватель еженедельника, работавший к тому времени не первый год с Егором Яковлевым; Е. Ханга — окончив МГУ, пройдя стажировку в Нью-Йоркском и Гарвардском университетах, начала работать в «Московских новостях», а позже стала автором и телеведущей различных телепрограмм.

И вот с такими компетентными журналистами «Московских новостей» было около двух десятков встреч в Доме политического просвещения

Челябинского обкома партии, институте «Челябгипромез», домах культуры Челябинских металлургического и трубопрокатного заводов, педагогическом и политехническом институтах. Практически везде я был с ними, и могу свидетельствовать о должном уровне задаваемых вопросов и развернутых ответов на них, что происходило на встречах с интеллигенцией и с трудящимися. Можно понять и реакцию друзей еженедельника не только на задаваемые вопросы, а главное на откровенные журналистско-публицистические ответы, ибо понимали уровень ответственности организаторов такого общения. Напомню о времени, когда все это происходило — горбачевская перестройка и гласность, со всеми последующими отсюда выводами «любви и ненависти».

Позже я привез в Москву и вручил Егору Владимировичу Яковлеву почетную грамоту Челябинского обкома КПСС «за большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся области». Такова была инициатива Ю.М. Александровича, уже секретаря обкома партии.

...Естественно, необходимо сказать несколько слов о некоторых *реперных* точках, позволяющих понять рассуждения пишущего. Конечно, в обозримой на века перспективе развития общества/государства — идеология неизбежна, и ее нужно принимать во внимание, учитывать, хотя бы для того, чтобы в своем ее понимании не быть рабом, или слепым орудием.

Обращаю внимание читателя на то, что при близком знакомстве с отечественной историей обнаруживаешь в ней, пожалуй, самое больное место: *большевизм — это тяжелая болезнь души*, в частности, проявляющаяся в *нетерпении* «скорости» социальных преобразований в стране, и *нетерпимости*, если они (преобразования) не соответствовали стандартам того самого «царствующего» большевизма. И тогда, по мнению некоторых российских философов, среди *нетерпеливых* мелькает ухмыляющийся *дьявол*, смахивающий остатки пены, проступающей от *нетерпимости* на губах ангела...

И послевоенное поколение (а я принадлежу ему) не миновало такого же состояния души от внедрения в наше сознание идей большевизма, о сути которых я достаточно подробно (соразмерно, конечно, моим возможностям и взглядам) написал в четырех книгах о жизни и творчестве Юрия Валентиновича Трифонова (о книгах — ниже). При всей естественной непохожести друг на друга людей, о которых пишу, никого из них не миновала эта самая пресловутая тяжелая «болезнь». А как же иначе? Каково общество, таковы, и это закономерно, присущие ему болезни во всем своем социально-политическом и экономическом разнообразии.

Юрий Трифонов в романе «Исчезновение», на мой взгляд, метафорически точно написал о «тяжелых шагах» сталинизма по стране, несмолкающих и после кончины Сталина. (Так, Александр Галич обращал внимание в «Ночном дозоре», как «государственные запасники покидают тихонько памятники», причем «то он в бронзе, а то он в мраморе, то он с трубкой, а то без трубки», и дальше — предупреждение для нас, граждан страны, обращая внимание на главную проблему стратегического характера — про «пуговицу», которая «сгодится еще при случае»).

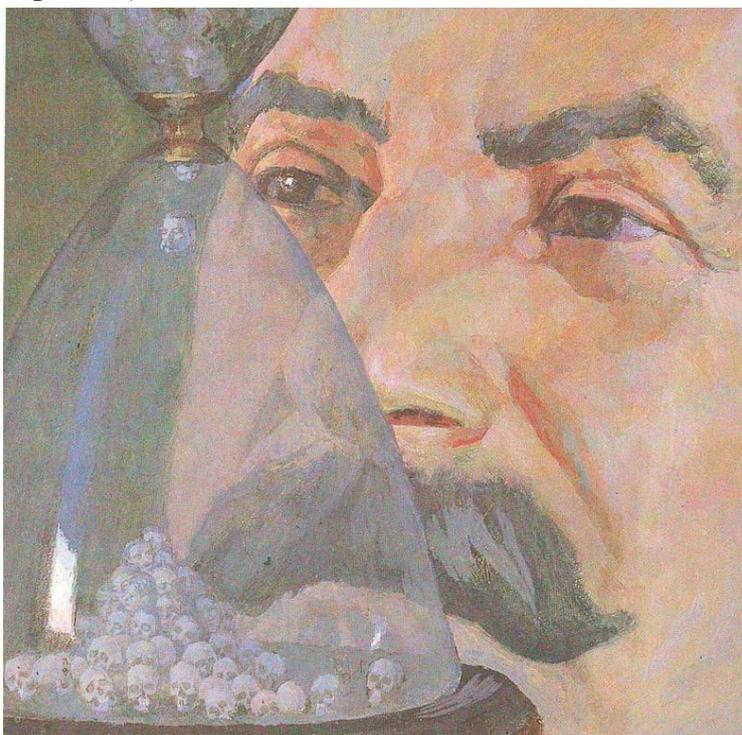
Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха. Факты, документы, воспоминания. — М., 2006.

Именно тяжелая поступь таких шагов, прошедших практически по каждой семье в стране, что и стало, по Трифонову «...тупой и могущественной истиной, распростертой над миром наподобие громадной, не имеющей меры железной плиты. Она висела покачиваясь. На нее смотрели привычно, как смотрят снизу на небеса. Но ведь должен был наступить час, когда истина в миллиарды тонн упадет, не могла же она висеть вечно, и покачиваться... И одновременно его стояние [гигантского портрета Сталина в небе над Кремлем по роману «Исчезновение». — А.Ш.] в воздухе казалось сверхъестественным, было чудом и отдаленно напоминало неподвижное парение маленького паучка, висящего на незримой нитке...»

Суть сталинизма, как явления, в виде «громадной железной плиты в миллиарды тонн», на которую смотрели снизу вверх уже привычно, так же как и на «паучка», чья многомиллионнониточная паутина и удерживала эту «плиту», — это и есть, на мой взгляд, олицетворение *страха*, под душевным и физическим гнетом которого страна прожила не одно десятилетие. Этот гнет и сегодня не ушел, и долго еще будет уходить из нашего сознания — сталинизм в душах людей не отменишь никаким указом или решением. А тут еще и «паучок», шевелящий лапками паутину, ибо, кроме поддержания «плиты», в нее постоянно кто-то

попадает... И то и другое вызывает у человека необъяснимый страх. Ну, ладно — перед «плитой», как физическим явлением, ибо она может упасть и придавить, но перед «паучком-то» откуда? (А перед этим ответом, вспомни, читатель, свою реакцию на попадание лицом в паутину, растянутую между деревьями в лесу.)

Я вспомнил удивительно пророческое стихотворение-сказку Корнея Чуковского «Тараканище» (о таком пророчестве автор и не помышлял в 1921 году, когда писал его): *Таракана* — вот потеха! — боятся и слоны с бегемотами, крокодилы с гиппопотамами, львы с медведями... А уж когда *Таракан*, шевеля грозно усами, потребовал себе на ужин их детушек, то стон и плач стоял в лесах и болотах: могучие звери готовы были выполнить и этот его приказ. Но вдруг прилетел чижик, который был не из этого леса и не знал о существовании страха перед Тараканом. Взял, да и склюнул его. Вот радость-то для всех! Ведь это сделал кто-то другой (а не они, обуянные страхом).

Художник Петр Белов.

Картина называется «Песочные часы», 1987 год. Она по-своему (я о чувстве современности) напоминает картину В.В. Верещагина «Апофеоз войны», 1871 год. Картины разделяет целый век!

(Фото из каталога выставки П. Белова)

А еще вспомнил другую пьесу-сказку — «Дракон» Евгения Шварца, не только содержательно перекликающуюся с «Тараканищем», но звучащую в более обобщенном страшном виде. Дракон говорит рыцарю Ланселоту, что его — Дракона — убить нельзя, ибо он бессмертен, мол, тогда надо убить всё население города, так как он (Дракон) «сидит в каждом из граждан города». (Один чижик склюнул одного таракана, в отличие от уже повсеместного состояния «драконизации» душ многих людей.) А позже, когда Ланселот все-таки убил в поединке Дракона, жители города зарыдали в общении с

Бургомистром: верни нашего Дракошу, при нем все-таки был порядок... (Только одним уменьшительным окончанием слова — Дракоша — передана

вся гамма душевных настроений жителей города.) Как же это напоминает и сегодняшние стенания определенной части населения страны: верните нам Сталина, мы хотим «сильную руку», хотим «порядка»...

Так вот — о «драконизации душ» — это уже из стихотворения Е. Евтушенко «Наследники Сталина», напечатанное в «Правде» (!!!) в *1962 году*, главной партийной газете страны: «...Нет, Сталин не сдался. // Считает он смерть поправимостью. // Мы вынесли из мавзолея его. // Но как из наследников Сталина Сталина вынести?»

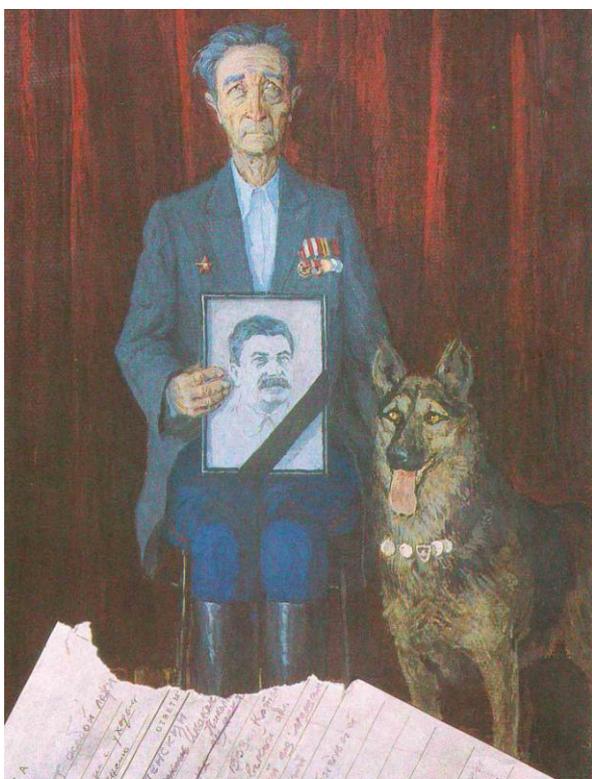
Я о последней строке евтушенковского стиха, отражающую идеологическую дрессировку с детства, когда сталинизм был «втиснут» в мою голову, как, впрочем, и в миллионы других голов — отсюда и проблема из проблем и для нашего поколения, и для последующих, к сожалению: как *Сталина из нас вынести*.

Причем эта проблема — многофакторная, заключающаяся не только в том, чтобы не просто перестать его славить, а вытравливать из себя тянущийся целый шлейф последствий, прежде всего беззакония, все связанное со *страхом, нетерпением* к другому (и человеку, и мнению). Но это может складываться только сознательно–добровольные, как само–собой разумеющиеся действия и человека, и общества в целом, даже на микроскопическом уровне, что стимулирует цивилизованное, нравственное развитие и того и другого... И наряду с действиями человека (сознательно–добровольными), само–собой разумеющиеся действия общества во многом зависят от выстраивания его институтов.

[Меня потрясли картины Петра Белова. На его выставку в Москве в Доме актера на Тверской попал в апреле 1988 года случайно по соседству этого Дома с «Московскими новостями» и «Веком XX и миром», куда традиционно зашел во время командировки. Их сотрудники собирались на только что открытую выставку Петра Белова. Сказать о своем неизгладимом впечатлении о его картинах — это ничего не сказать... Выставка позже после кончины художника (в том же году) получила народный эпитет «сталинский». На мой взгляд, этот эпитет и обусловил несостоятельность любого объяснения картин художника, как таковых... Мне, например, было сложно как–то рассказывать о впечатлении от таких картин, как: «Песочные часы» (1987), «1941 год» (1987), «Комендант особой ложи» (1986), «Мейерхольд» (1986), «Беломорканал» (1985), «Грачи прилетели, или Апрельский пленум» (1987), «Пастернак» (1986), «Одуванчики»

(1987), «Покрова на Нерли» (1987), «Сумерки» (1987), «Руки над городом» (1986), «Вознесение» (1987) и ряда других.

Не знаю, читатель, где и как можно посмотреть картины Петра Белова, но посмотреть их, и достаточно много материала о нем прочитать можно в Интернете, т.е. во Всемирной паутине... И когда я смотрел их, и прочитал о нем, то обратил внимание на даты написания увиденных картин, и в очередной раз был удивлен и потрясен, ибо художник как бы «выстрелил», а по другому сказать: дал «залп» этим циклом размышления — ведь все картины написаны практически одновременно в 1986–1987 годы. Он, вероятно, «прощался» с прожитой жизнью, поэтому спешил «сказать» о ней, ранее невысказанное, ибо уже в январе 1988 года скончался...

Художник Петр Белов.

Комендант особой ложи

(Фото из каталога выставки)

Анатолий Смелянский, известный театровед, писал о Петре Алексеевиче Белове, которого хорошо знал: «Так, ведь не случайно вахтер театра Успенский, хранитель его “особой ложи”, — человек, изображенный с собакой и портретом Сталина, герой картины Белова “Комендант особой ложи”, действительно величайший символ этого театра. Я тоже запомнил его, сидящего у входа в храм военного искусства. Театр Советской Армии, его большая сцена — особый театр, особое пространство, не рассчитанное на обычных людей и для обычных людей не предназначавшийся. Это какой-то памятник своей эпохи. И потому работа театрального художника, сама по себе невероятно сложная, в Театре Советской Армии кажется особенно трудной, а порой

просто страшной. А Петр Алексеевич проработал там четырнадцать лет».

А какую прекрасную статью «Прозрение» написал Сергей Юрский для каталога первой выставки Петра Белова!

...И вот опять случай, взаимосвязанный — с актером Александром Михайлушкиным, Борисом Морозовым, художником Петром Беловым, и,

естественно, с автором записок. Ну, как тут не поверить в предвиденную (кем?) закономерность, хотя и случайную, закольцованную «на» Челябинске.

В 1972 году по предложению Ю. Александровича я стал вести занятия (что-то напоминающее университет марксизма-ленинизма) для молодежи нашего Челябинского театра драмы. Так и познакомился с Юрием Цапником, Александром Михайлушкиным, Валентиной Качуриной, Татьяной Каманевой, Татьяной Руссиновой и другими. Вот и складывалась ситуация «случайности»: Борис Морозов ставил свой дипломный (ГИТИС) спектакль «Случай в метро» Николаса Баэра, в котором Михайлушкин был в роли солдата Феликса. В то же время он был занят в роли инженера Чешкова в мной любимом спектакле «Человек со стороны». Какие это были два спектакля для меня, для моего восприятия! Закономерно, что мы с ним (Михайлушкиным) сразу же подружились, как и Юрой Цапником. Году в восемьдесят шестом-восемьдесят седьмом, будучи в Москве, в поисках Музея

Художник Петр Белов. 41-й год.

(Фото из каталога выставки П. Белова)

Советской Армии (тогда начинал активно заниматься творчеством Юрия Трифонова), очутился рядом с театром Советской Армии, где меня окликнул Саша Михайлушкин, где он работал. Излишне говорить об обоюдной радости встречи земляков, присели на скамейку, разговорились, он показал, где находится искомый мной Музей... И в разговорах как-то коснулись роли театральных художников... Он и говорит, что мне будет интересно познакомиться с художником их театра Петром Беловым.

В тот момент имя и фамилия мне ничего не говорили, но любопытство—то было, да и ощущение радости встречи с Сашей Михайлушкиным продолжалось... Зашли в театр, и по дороге закоулков встретились с тем самым Петром Беловым, куда—то спешащим. Познакомились накоротке, обменялись двумя—тремя фразами, он продиктовал мне телефон для связи, договорились еще повидаться, поговорить о его работах, а если получится, то и посмотреть их... И все... Дела по командировке, всякая мелочь закружила, и я запамятовал о разговоре, и о договоренностях... Ах, если бы знал от какой возможности отказался из—за своей небрежности, когда вскоре очутился на его выставке в Доме актера в 1988 году... Глядя на его фотографию в каталоге, помню голос, взгляд, наше знакомящее и прощальное рукопожатие...

Из—за контекста записок обращаю внимание на то, что пройдя путь многолетнего сотрудничества — Петр Белов же театральный художник — с такими режиссёрами, как Олег Ефремов, Михаил Левитин и другими, до конца жизни работал главным художником театра Советской Армии, где и по сей день работает главным режиссером Борис Морозов. Вот уж поистине неисповедимы пути...]

...И в этих записках пытаюсь разобраться в «болезни» общества, в своей «болезни», ибо ее, как и любую болезнь надо изучать, анализировать, рассматривать под микроскопом, как бы ни было больно исследователю (ведь душа—то своя), а используемый микроскоп не врет, рассматривая ее атомы...

Будет уместно привести здесь вывод философа и публициста Юрия Карякина о дрессировке нас с детства, когда идейные «гвозди и шурупы» каждый день, по шляпку ввинчивали в наши головы. И он пояснил причину этого процесса, которая, думается в различном подходе, сразу же после революции семнадцатого года — так сказать, старые партийцы пришли к пониманию истории и к большевизму жизненным опытом, а молодые принимают все в готовом виде. Это не становится фактором их мироощущения, мировоззрения. То, что раньше жизнь вбивала гвоздями, те тюремные университеты, где изучали Гегеля, «Капитал» и другие работы, а тут, перед старыми партийцами сидела молодежь, не обремененная знаниями, как, например, перед Лениным сидели делегаты III комсомольского съезда... И как легко таким молодым быстрее и быстрее вбить в головы (желая передать опыт) полученные нами всего несколько лет назад — суть большевизма.

И процесс осознанного «вывинчивания» таких многочисленных «гвоздей» и «шурупов» из собственной души/головы весьма и весьма тяжелый и болезненный... Может быть, сложившееся в стране «шестидесятничество» в

середине XX века, как следствие складывающихся в умах и головах людей решений того самого XX съезда и есть ожидаемый процесс, растянутый на продолжительное время? Как знать, как знать...

Вот и о нюансах этого процесса мне повезло при встречах с Юрием Федоровичем Карякиным дискутировать достаточно напряженно. Причем напряженность с моей стороны была обусловлена сформированным у меня *нетерпением* затягиваемой желанной *скорости* ликвидации «гвоздей и шурупов» из моего сознания. Я обращался к мудрости взрослого, пережившего различные перипетии в жизни. Ведь идеологически мы были ленинистами–сталинистами, потому, что выращены были внутри этой идеологии (поэтому «дракон» со *страхом* наперевес, по–Шварцу, сидел «внутри» нас, и желанное, нетерпеливое избавление от этого довлело над нами).

Беседа с Карякиным, мы обсуждали аргументы из неоднократных бесед с представителями диссидентского движения (тут как–то незаметно «присутствовал» невидимый никем и нами тоже Рой Александрович Медведев, о встречах с которым напишу позднее). Собственно подобные беседы «крутились» вокруг, по большому счету, двух составляющих обыденно–общественной жизни — *страха* и *нетерпения*, к которым добавлялась и третья философская составляющая и объединяющая предыдущие обе — *между*, т.е. в общем–то эти составляющие или общая тема наших дискуссий звучали так: *между страхом и нетерпением*. Говорили мы и о сложном процессе, так называемой, сталинской «манкуртизации» еще с детского возраста (*Понятие «манкурт» — из романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» Оно обозначало процесс насильственных действий над человеком, которого с малолетства лишали памяти о прошлом.*)

Беседы были разными по дискуссионному накалу, но мне удавалось каким–то образом использовать материалы романа Юрия Трифонова «Нетерпение», используя разные точки отсчета вокруг понимания *страха* и *нетерпения*. В общепринятом понимании — основным тормозом, удерживающим людей от нетерпеливых действий, является страх перед наказанием. Но ведь парадоксальным образом именно этот тормозящий и сдерживающий страх вызывает рост нетерпения от ненависти к существующим положениям в государстве.

На мой взгляд, стремление научиться преодолевать этот страх и не поддаваться нетерпению и характеризует условную «третью» составляющую

бесед — находящаяся *между* страхом и нетерпением и отражает саму жизнь. И как бы говорит нам — для этого надо искать легальные и достойные пути в существующих условиях, заменить возрастающие колебания *между* страхом и нетерпением — разумной либеральной линией. Думается, что если бы присутствовал тогда в таких беседах Лен Вячеславович Карпинский, то он бы, так сказать, выдохнул с облегчением — мол, в таковом преодолении условных трех составляющих беседы и заключается мой совет, сказал он Юрию Федоровичу Карякину (надеюсь, читатель не забыл, что в то время они — члены одного редакционного коллектива журнала «Век XX и мир»).

...Еще буду оказываться перед такой непереваемой плохо—осязаемой для меня дилеммы — или я об этом где-то читал (а тогда, где сноска с пояснением у кого, и откуда), или в наших беседах с Юрием Карякиным... Напрасивался как-то приемлемый компромисс: его мысли — это его суждения, может быть, в чьих-то воспоминательных изложениях, ну, очень соответствующих сути наших бесед.

Например, и в своих суждениях о романе Ф.М. Достоевского «Бесы», в суждениях и о романе Юрия Трифонова «Нетерпение», Ю. Карякин или кто-то, писавших о том и другом обращали внимание на удивительное историческое совпадение одного произведения с другим, и что не менее важно — одного незначительного события (проще сказать: убийством) с другим исторически значимом убийством. И у того и у другого романа одна судьба по последствиям. Роман «Бесы» напрочь игнорировали и до революции, и после, правда, большевики по инициативе Ленина и Троцкого, приплюсовали к гонениям на роман и гонения на самого автора (Достоевский был запрещен на несколько десятилетий). У романа «Нетерпение» немного другая судьба: после определенного времени мытарств прохождения «исторической» цензуры пошли непреодолимые мытарства литературоведческого характера, когда критика не могла даже помыслить подняться выше самой себя в анализе видимого истории страны, хотя сам Трифонов только началом романа показывал достойный уровень мышления...

Мои заметки не о «Нетерпении», поэтому не буду увлекаться как-то даже повторять уже написанное самим Трифоновым в предисловие к итальянскому изданию «Бесов». Оно известно у нас под первоначальным авторским названием «Нечаев, Верховенский и другие...», а позже, например, в моих книгах «Юрий Трифонов и советская эпоха» и «Гуманизм в плену... Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова» более подробно проанализировано наряду с самим романом.

Ну, а если кто-то каким-то образом будет читать, возможно даже перечитывать и «Бесов», и «Нетерпение» сам, как представляется, убедится в исторических параллелях одного произведения с другим. Уверен, предложение Генриха Бёлля выдвинуть Юрия Трифонова за роман «Нетерпение» на Нобелевскую премию по литературе, не могло не сыграть своей роли в поведении руководства Союза писателей СССР, отказавшего выдать писателю заграничного паспорта для хирургической операции и последующего лечения за рубежом. Нет-нет, конечно, читатель понимает, что сам Генрих Бёлль не имел никакого отношения к трусливой низости этого самого руководства писательским союзом. Основание для моего однозначного негативного вывода в их адрес — нежелание получения еще одного непредсказуемого (по их мнению) Нобелевского лауреата, особенно после Александра Исаевича Солженицына... Их трусливое поведение (руководства Союза писателей СССР) никак не попадало ни под одну статью УПК, в чем можно было бы их обвинить в связи с его кончиной, о чем уже писала О.Р. Трифонова... Ну, да Бог им судья для соответствующего разговора...

Вернемся к вышеназванным историческим совпадениям «Бесов» и «Нетерпения», и нашей истории, и роли «шестидесятников»... Но с анализом каких-либо проблем, объединяющих стремление говорить об этих перечисленных составляющих, на мой взгляд, обязательно, так сказать, уткнешься в такие волнующие всех понятия как *нетерпение* и *нетерпимость*. Полагаю, именно они определяли «вчера», определяют «сегодня», и будут еще долго определять «в будущем» действия людей в любой стране с различным общественно-экономическими формациями.

Поэтому ощущения во взаимосвязи решений XX съезда и более глубокое прочтение с глубиной понимания «Бесов», как мне представляется, на ином уровне «ворованного воздуха» сталкивались с вопросом, безостановочно задаваемым сами себе в середине XX века — «Не может быть! Откуда он это знал! Ведь за окном приближается к окончанию XIX век!» Книга Юрия Карякина «Самообман Раскольникова» будет напечатана только в 1976 году. Действительно — гении...

Наряду со многими примерами, приводимые им (Ю. Карякиным) в нашей беседе, которые, признаюсь, не точно сохранились в моей памяти, но один запомнился надолго. Он терпеливо мне пояснял характеристику подобного нетерпения *скорости* преобразований в обществе, что, мол, желаемые резкие движения общественных социальных процессов, сродни, так сказать, кессонной болезни, наблюдаемой у водолазов — нельзя быстро выходить на поверхность, ибо барабанные перепонки лопнут.

...И чтобы не лопались сосуды, память вновь отсылает меня к стихотворению Евтушенко с неприметным названием «Карликовые березы» (1966 год): «Мы — карликовые березы. // Мы крепко сидим, как занозы... // Мы хитро придумали позы, // но все это только притворство. // Прижатость есть вид непокорства. // Мы верим, сгибаясь увечно, // что вечномерзлотность — невечна, // что эту паскудину стронет, // и вырвем мы право на стройность».

...Даже здесь — в данных записках — касаясь, описывая, рассказывая о встречах с теми, или иными людьми понимаю, что о них кто-то может подобное осуществить гораздо интереснее, из-за знания этого человека, из-за суждений об этом человеке и т.д.

Люди, с которыми мне посчастливилось встречаться, уникальным образом преломили и выразили философские, культурные, социальные, идеологические, этические проблемы современной эпохи. Даже сегодня доступное для нас их творческое наследие позволяет судить о связи со становлением российской государственности, определить истоки отношений между государством (властью), обществом и человеком, и попытаться осмыслить эти истоки с позиций нынешнего времени, когда возможно дистанцироваться от постулатов, мифологии прошлого. Как это важно для нас: остановиться, оглянуться на самих себя через отражение в зеркалах прошедшей (во времени), и проходящей театральной культуры, где мелькают персонажи на сценах, используя те или иные «методы» из своего прошлого...

А иначе — почему это нас волнуют какие-то Ромео и Джульетта, Гамлет, Сирано де Бержерак и Дон Кихот, Ив́анов, Лопухин и многие, многие другие персонажи мировой драматургии? Погодите, погодите, — вероятно, воскликнет зритель, — да я их знаю, это же наши «соседи» из соседних домов на *планете Земля*, просто жившие раньше, до нас, и оставившие нам какие-то мысли, которые мы должны, как почтальоны доставить по адресу, и постараться передать их кому-то, чтобы нести дальше, дальше, дальше и другим...

[Кто не видел — то доставьте себе удовольствие посмотрите фильм «Почтальон» с Кевином Костнером в главной роли. Это экранизация постапокалиптического произведения, где повествуется о приключениях странствующего актёра на северо-западе США после ядерной войны, которая искалечила Землю, утерявшую все приемлемые технологии общения между людьми и их единственная надежда на необычного героя — героического почтальона, вчерашнего актёра, налаживающего «связи»

между ними, преодолевая невзгоды, кровь и смерть... И немаловажное в фильме — это увеличивающаяся численность почтальонов из молодых людей, которые видят и знают суть выбираемой ими профессии — невзгоды, кровь и смерть...

Другой фильм «Книга Илая» — о том же постапокалиптическом времени, когда люди (Илай), выжившие после глобальной ядерной катастрофы спасают для будущего величайшую ценность — Библию... Илай как бы продолжает функцию почтальона, передает эту сохранившуюся книгу всех времен и народов будущим поколениям.

И если в «Почтальоне» показан несломленный дух увеличивающихся почтальонов, то одинокий Илай также преодолевая невзгоды времени, сохраняет и передает в будущее Библию...

Я написал об этих фильмах потому, чтобы обратить внимание читателей на важность накопления мыслительной энергии ЗНАНИЙ необходимых развивающемуся человечеству.]

Ведь открытие великого русского ученого Николая Лобачевского — о возможности пересечения в бесконечности параллельных линий — позволило расширить представления о природе пространства! Так и с человечеством: чтобы выжить в постоянно усложняющемся мире — необходимо изменять представление о природе пространства, где оно (человечество) живет, и где необходимо постоянно стремиться к взаимопониманию людей. Самое главное и «переводчик» есть для роли «посредника», пригодный для всех людей на планете Земля — это **культура** во всем ее постоянном разнообразии в развитии...

* * *

4. «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого» * Ящик с «инструментами» — без него никому, никуда в искусстве невозможно... * Философ и режиссер (тезисы к дискуссии) * Клара Цеткин и В.И. Ленин * С. Романовский + тезисы об «импринтинге» * Аристотель * Эфрос, Любимов, Высоцкий...

...Обращаю внимание, читатель, что в отличие от идеологий любых партий — культура по своей природе плюральна, обращена к индивиду как дар, ценность, помогающая достойно жить как личности, так и обществу. Культура, как видится автору, имеет больше возможностей для многогранного развития личности, для сближения людей, народов, несмотря на различия культур как таковых, а уж как от различных идеологий и говорить нечего. Ведь историю, по большому счету развития человечества, двигают не идеологии и партии, а народы и творческие индивиды в своем спонтанном каждодневном труде и усилиях по поддержанию жизни, ее обустройству, созданию и развитию своеобразной «вселенской библиотеки» (Х. Борхес).

Культуру творят при всем «вселенском» разнообразии разные представители разных культур, отобранные по тем и другим «параметрам» самым справедливым «судьей» — *временем*... Именно историческое *время* постоянно способствует таковым *представителям* постоянно писать «рукопись Другого» в этой «вселенской библиотеке», детерминирующей потоки движения в развитии идей не только своего времени, но и последующих поколений современности. Поэтому и культура написания тех самых «рукописей» способствует их постоянному увеличению в многомиллиардной многостраничной книге человечества...

Даже появление много веков назад простой максимы: «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого!» определяет на последующее время разнообразное развитие человечества при всех его (человечества) формах социально–экономических формаций. Но ведь до этой *простоты* надо дойти своим умом, изменения в котором и происходят в *неспешном* течении того самого времени.

Как говорят, это притча времен Великой французской революции, о том, что один человек разбил нос соседу. Когда его вызвали в суд, то он сказал: «Я свободен махать руками, а нос я разбил случайно». На что судья и сказал: «Свобода махать руками заканчивается там, где начинается чужой нос». В романе Гюго «Девяносто третий год» написано, что Конвент провозгласил

аксиому: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого», в чем и заключаются *условия* совместного существования людей.

Приведенная мысль проста и относится напрямую к театральному искусству, которому желанно стремление писать «рукопись Другого», не забывая о великом достижении людей в общественном развитии: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого».

Подумал, что и мои *вспоминательные* воспоминания (!?) вдруг могут быть интересными... Куда со временем соревноваться в скорости, значимости, независимости суждений? И вот в таком соревновании со временем неминуемо по ходу возникают всякие табу при желании написать *о ком-то*, и тут же характеризующее *о чем-то* — получается что-то подобное лыжному слалому: ведь надо умудриться проскочить по крутому склону своей памяти и никого при этом не задеть... На выручку приходит решение — попытаться писать о своих ощущениях событий, а если даже и заденешь, то только самого себя — ведь никто еще не смог, и даже не пробовал играть в *догонялки* со своей памятью... Как мне кажется, это ведь самое интересное — писать о встречах с талантливыми людьми. Это не значит, что те сотни людей, а может быть, и больше, о которых не сказал или не написал, не есть талантливые, ибо я считаю, что любой человек талантлив, но какие-то обстоятельства не позволили этому таланту раскрыться.

Кстати, можно вспомнить блестящую мысль Артура Шопенгауэра о том, чем отличается талант от гения: «Талант попадает в цели, в которые простые люди попасть не могут. А гений попадает в цели, которые простые люди не видят».

...Итак, о чем писать — понятно, но необходимо и важно ограничить себя допустимым пониманием театрального искусства; о ком писать — о представителях этого искусства: режиссерах, актерах. Принять во внимание, что режиссеры и актеры — люди специфические (впрочем, возможно, как и читающие эти записки), обидчивые... Не назовешь кого-то — обида, окажешь кому-то предпочтение, то же самое, а уж когда попытаешься, для примера, сравнивать различные характеристики одного и другого — даже представить трудно последствия. И оправдываться дело зряшное, мол, да вы не так меня поняли, да я не это (этого) имел в виду...

Но самое мощное оправдание для пришущего о театральном искусстве: во-первых, я не режиссер, не актер, даже не имеющий никакого отношения к театральному искусству; во-вторых, все-таки имеющий непосредственное

отношение к таковому искусству, и могущий «свое суждение иметь»; в третьих, и главное — я зритель, который покупает билет в театр, аплодирует успеху, читает (и даже временами пишет) рецензии, обсуждает то, или иное достижение режиссера, актеров... Короче, я — Зритель, тот без которого театр не мыслим, без которого нижеописанный «чудесный ящик с набором удивительных инструментов» некому будет показывать посредством спектаклей, и много, много людей в мире будут испытывать трудности в своей неостребованности в силу разного понимания своего таланта... Ведь любой зритель в мире — это и критик, соразмерно культуре вкуса, формируемой существующей (существовавшей) эпохой и тому подобное.

По моему глубокому убеждению, театр — это чудесный редкостный «ящик с набором удивительных инструментов», предназначенных для выведения интересных результатов. *Совокупность* всех инструментов анализа, включая и стратегически полезные предпосылки, составляет театральную теорию или теорию театрального искусства. И придуман такой специфико-воображаемый «ящик с инструментами» самими людьми и для людей — в этом его, театра, удивительная диалектика. Отсюда и кажущееся мне правомерным суждение: теория театрального искусства — это ящик с инструментами... Разными «инструментами» — на любой вкус, на любой театральный метод с использованием любых театральных форм, и тому подобное, где царит вселенское разнообразие. И как это подходит для своеобразных антиподов в предлагаемых записках — Анатолия Васильевича Эфроса и Юрия Петровича Любимова, а также объединяющего их на сцене Владимира Высоцкого — знает один лишь Бог, сидящий в невидимом зале, глядящий на использование предложенных ими инструментов для зрителей.

Это они, как никто другой, знают и ощущают правомерность мысли великого драматурга:

Весь мир — театр,
а люди в нем — актеры
И зритель в нем один,
и это — Бог...

Мне кажется, в силу поэтической увлеченности, что своеобразно объединяющим «инструментом» (среди находящихся в «ящике») могли выступить строчки поэта Осипа Мандельштама, который требовательно пишет-кричит, что равно мечтанию поэта (впрочем, как и автора данных записок): «Читателя! Советчика! Врача! // На лестнице колючей разговора б!»

Ах, сколько таких разговоров «на кухне» было в моей жизни и жизни моих друзей — Веры и Александра Кауновых, и другой семейной пары, но уже из Свердловска (нынешнего Екатеринбурга): Инны и Владимира Харитоновых — свидетелей жизненных ситуаций автора, о которых частично пойдет речь в этих записках.

Полагаю, читатель не усмотрит в попытках изложения автором тех или иных событий на уровне обыденного сознания, предполагая в последнем некое уничтожение мышления. В различных словарях и энциклопедиях подчеркивается, что «обыденное сознание» — это *повседневное, практическое сознание, включенное в человеческую практику* и не сформированное специально, подобно науке, искусству, философии. Обыденное сознание — это совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основанных на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности. (Уточняю, на такое мышление с философским разъяснением обратил мое внимание В.И. Липский, о котором разговор впереди. Мы даже статью совместную написали в 1975 году — «К проблеме формирования обыденного сознания рабочей молодежи в условиях развития социализма», опубликованной в сборнике «Проблемы профессиональной подготовки и воспитания молодого поколения рабочего класса в условиях развитого социалистического общества», представленного на Всесоюзную научно-теоретическую конференцию «Советский рабочий класс в условиях развитого социалистического общества».)

...Позволяю себе немного увлекаться рассуждениями, ибо я — преподаватель социологии, экономики в прошлом, кандидат философских наук, в памяти которого превалирует удивительная, неоспоримая никем шекспировская диалектика: «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры...»

Если мысленно окинуть взглядом историю России, то опираясь на вышеупомянутые науки (социология, философия), плюс — история, которой тоже профессионально интересуюсь, то, естественно, мы сталкивались с сутью партийно-государственной власти (согласные и несогласные). Как и другие жанры, театральное искусство по-своему не могло не реагировать на особенности своего «поведения» во взаимоотношениях с этой самой властью. Закономерно, что мы и оказались в одном партийно-государственном «котловане» (пример изумительного понимания и описания этого — роман Андрея Платонова «Котлован»), куда мы и шли, воодушевленные обещаниями о социальной справедливости, социальном равенстве, не понимая, что такового не может быть никогда по различным причинам существования человечества.

Во многом наше прошлое, как писал Юрий Трифонов в романе «Старик», — это спутанные, слипшиеся старые кровавые бинты на душевных ранах, которые невозможно разъять, отделить одно от другого, что невозможно всю эту боль перебинтовывать вновь, что бинты заоченели, превратились в каменный уголь — это пласты, которые надо вырубать отбойным молотком...

А зачем «вырубать»? И нужно ли это кому-нибудь? Кто скажет, что мы не изменились с начала XX века? Да, мало изменились в желанном направлении. Хотелось бы больших изменений, и хотим ли мы их? Может быть, мы не можем самим себе ответить на этот вопрос, как известный персонаж М.Е. Салтыкова-Щедрина, который сидел дома, и, по обыкновению, не знал, чего он хочет: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать, да и в сторону, а потом, как благонамеренному, можно и о конституциях на досуге помечтать...

Наука-то вместе с театром все пыталась и пытается объяснять нам неэффективность и пагубность быстрых решений в сложнейшем процессе *согласования* потребностей и интересов человека с потребностями и интересами общества/государства.

Попытаюсь «зайти» в наш разговор с другой стороны. Мы же не можем не согласиться с тем, что уровень нашего естественнонаучного развития отличается от уровня наших предшественников других веков. И в нынешние времена уже XXI века правят бал в головах людей *нетерпение и нетерпимость*, обусловленные многими обстоятельствами в мало изменяющихся социально-экономических формациях (экономика, политика, культура) различных стран, но мы-то пишем о России, что и волнует нас, прежде всего.

Я все о творческом «ящике» с набором удивительных «инструментов» в театральном искусстве, где все сочетается — и философия и театральное искусство. Философ в своих суждениях, выводах, как правило, апеллирует к разуму человека посредством слова-понятия, посредством мысли, требующей соответствующей подготовки для понимания исследователя, чей предмет — мышление, где объектом может быть все, что угодно в создании своего пространства и времени. Как я понимаю, философ стремится «свести» свое мышление к проявлению каких-то естественнонаучных законов. В этом «контакте» суть процесса, суть анализа того-или иного «объекта».

Однако, проблема в том, что разум не всесилен, да и слово-мысль, тем более научное, не всегда может быть услышано, а тем более понято многими людьми. На выручку приходит, в чем я убежден, театр, ибо театральное

искусство в лице режиссера может легче «достучаться» до *разума* человека через чувства, эмоции, которые мобильнее, пластичнее и «отзывчивее», чем разум. Режиссер, так сказать, предметен через текст, переживаемый вместе с актерами, где параллельно действует образное мышление зрителя. Да-да, не режиссера, а зрителя, чем он гордится, к чему, собственно, и стремился режиссер, т.е. к *первенству* зрителя через действующих лиц на сцене, мысли и поступки которых узнаваемы, прочувствованы им (зрителем) как его собственные или знакомых ему людей... И это «знание», и эта «узнаваемость» — суть обсуждаемого спектакля, где зритель чувствует себя «на коне», из-за своей грамотности в «соперничестве» с режиссером...

И если философ, так или иначе, соотносит свои мысли с границами возможностей своего потенциального читателя (хотя бы в использовании общепринятых терминов-понятий, словосочетаний и т.п.), то у театрального режиссера «контакты» гораздо шире, в силу специфики театра. К последней (специфике театра) читатель мыслей философа (а в нашем случае — зритель) привык с детских лет, ибо детская непосредственность в исполнении, так сказать, кодирует понимание «большой» драматургии — вот он основной источник появления в театре умного зрителя, о чем, в частности, страстно мечтал Анатолий Васильевич Эфрос.

Конечно, я умышленно сузил (может быть, не совсем грамотно) отличия философа и театрального режиссера: пишу-то весьма любительски о театральном искусстве, о взаимодействии со зрителем его спектаклей... Но их объединяет простое стремление: каждый режиссер, так или иначе в силу таланта, своими размышлениями стремится к внутренней неповторимой никем в мире свободе, расширить вокруг себя это удивительно независимое пространство, постичь суть бытия своего представления о нем (о бытии). И это чувство внутри каждого мыслящего человека. Можно ограничить слова, действия, эмоции, но мысли, мысли-то куда денутся? Они — наедине человека с самим собой — улетают в такие дали, в такой космос индивидуальности!.. Но он же (режиссер) *не жадный*, и приглашает в эти *космические* полеты и самих зрителей в *сопровождении* актеров.

Во всем ими — драматургами, режиссерами, актерами — созданном (написанном, исполненном, сыгранном на сцене) превалируют поиски человека, стремление понять противоречия его души, мыслей, поступков, во многом обусловленных конкретным историческим временем... Искали человека не вообще, а человека и внутри себя самих, думающих, пишущих, играющих вроде бы о других...

Режиссер не только преодолевает порог интеллектуальной подготовки между ним и зрителем в восприятии текста, но и силой своего таланта стремится подтягивать зрителя до близкого своему уровню понимания тех проблем, о которых он рассказывает в спектаклях. В свою очередь, интеллект зрителя и естественное чувство приоритетности собственного мировоззрения по отношению к любому другому предопределяет своеобразную экзистенциальную победу зрителя, восторгающегося режиссером как художником, как просветителем. Но это, в свою очередь, закономерно стимулирует творчески–философскую волю режиссера к новым формам выражения мысли.

...Не могу не привести, на мой взгляд, показательный пример. На протяжении многих десятилетий в критических (читай — партийных) взглядах на различные жанры искусства (литература, кинематограф, драматургия, музыка, живопись) повсеместно использовался тезис В.И. Ленина о том, что художник должен быть *понятен* народу, тезис, высказанный им в 1920 году в беседе с Кларой Цеткин, и записанный ею. Отсюда следовал непреложный вывод, закрепленный в советской партийной идеологии, которым, как «дубиной», били по головам творцов: раз художника *не понимает* народ (а критерий «понимания» определяли партийные органы), то его произведения не нужны этому самому народу (всякие пастернаки, мандельштамы, любимовы, эфросы, тарковские, германы и т.п.). Когда же по истечении нескольких десятилетий обратились к первоисточнику — записным книжкам Клары Цеткин, хранившимся в ГДР, то выяснилось, что перевод (ошибочно или умышленно) был сделан «партийными» переводчиками неверно. Она–то записала правильно: художник должен быть *понят* народом, потому, что настоящий художник всегда идет «вперед», ибо в этом сила искусства.

Помните, я обещал сказать несколько слов о «нобелевских» авторах одного психологического открытия (немаловажное добавление в контексте моих записок), нет, не напрямую, а косвенно относящемся к выводу о нетерпении мысли радикальной русской интеллигенции. Так, исследователь С.И. Романовский обращает внимание на открытие в 1973 г. К. Лоренцем совместно с Н. Тинбергеном и К. Фришем (Нобелевская премия по физиологии и медицине) явления «импринтинга» (imprinting): избирательной способности человеческого мозга запечатлевать в долговременной памяти только те события, которые предопределяют и «направляют» дальнейшую жизнь человека.

Именно это явление объясняет загадочный феномен — «здоровье памяти», где человек склонен помнить хорошее и забывать дурное; благодаря этому феномену люди чаще идеализируют прошлое, чем трезво его оценивают. «Здоровьем памяти» объясняется «необъяснимое» — чем более сложно и беспросветно *настоящее*, тем более в радужных красках нам рисуется *прошлое*, хотя люди, разумеется, знают и помнят много дурного из *прошлого*, но *это* упорно отторгается «сегодняшним» взглядом на то самое *прошлое*. Если человеку такое свойство памяти помогает сохранить психологическую устойчивость и противостоять различным житейским невзгодам, то тогда импринтинг «защищает» историю и она невольно становится искаженной. Полезна ли такая ситуация для общества или нет, способствует ли такая ситуация развитию общества — все это детерминирует историческое «здоровье» этого самого общества, что, в свою очередь, определяется многими составляющими этого «здоровья», где «ящик с инструментами» всегда востребован. Думается, именно театральное искусство является зеркалом, отражающим все стороны *импринтинга*.

Имеющийся у человечества «ящик с инструментами», который постоянно открыт для восприятия различных суждений, выводов и предложений, служит всем людям, помогая разобраться с теми или иными положениями театрального искусства.

...Понимаем, и это важно подчеркнуть в наших записках, — пришли другие времена, с другими критериями, во многом обуславливающие процесс *подмены* общечеловеческих *ценностей* на кажущиеся сегодня актуальные *услуги*, всегда имеющие соответствующую цену, в отличие от ценностей. Но человечество с упорством сохраняет в памяти те ценности (достаточно вспомнить мировую драматургию, мировую литературу), которые даже при различных толкованиях продолжали оставаться именно ценностями, а не услугами наступающих времен.

Так и хочется спросить, беседуя с иными собеседниками: «А что, благородство Дон Кихота исчезло, благодаря другим временам с начала XVII века, когда Мигель Сервантес написал известный в мире свой роман? И верность, и благородство Сирано де Бержерака тоже исчезло из-за того, что Эдмон Ростан написал пьесу в конце XIX века?»

Вспомни, читатель, стихотворение «Неразделенная любовь» Е. Евтушенко:

...Один мой деловитый соплеменник
сказал жене в театре «Современник»:

«Ну что ты в Сирано своем нашла?
 Вот дурень! Я, к примеру, никогда бы
 так не страдал из-за какой-то бабы...
 Другую бы нашел — и все дела».
 В затравленных глазах его жены
 забито проглянуло что-то вдове.
 Из мужа перло — аж трещали швы! —
 смертельное духовное здоровье.
 О, сколько их, таких здоровяков,
 страдающих отсутствием страданий...

И все это нашло удивительное отражение на театральной сцене — о Дон Кихоте, о Сирано де Бержераке, о вирусах смертельного духовного здоровья...

Стремление к толерантности между народами — стратегический путь развития человечества, одна из основных «дорог к храму», где искусство (в нашем случае — театр) играет важнейшую роль. Да-да, именно театр (и книга), как наиболее доходчивый жанр искусства для каждого человека с детских лет играет основную роль в просвещении человечества, что определяет многовекторность развития общества, исключая одностороннее движение. Недаром же философы, историки, политологи, оглядываясь в прошлое, опираются на театр (и литературу), как на весомое свидетельство тех или иных проявлений жизнедеятельности человечества.

Представляется, что в разговорах о театральном искусстве, и последующих действиях на сценах любого театра мира в той или иной форме фокусируются, а потом, как в детском калейдоскопе «разбегаются» варианты суждений древнегреческого философа Аристотеля, основанных на выводе — во все времена были, есть и будут три типа государственной власти: монархия, аристократия, демократия. Может быть, в процессе развития сформируются другие типы, но уже многие века оно (человечество) развивается и сегодня в рамках известных *аристотелевских* типов: или власти одного (Монархия), или власти немногих (Аристократия), или только-только формирующейся власти большинства (Демократия)? Историческая практика веков подтверждает и правоту предупреждения того же Аристотеля о превращении монархии — в тиранию, аристократии — в олигархию, демократии — в охлократию (власть толпы). Оглянитесь вокруг и скажите, что написанное им (и его учителем — Платоном) до нашей эры — устарело во времени? Что это не имеет отношение к театральному искусству, не говоря о практике, в условиях которой театр и

процветает, и местами хиреет, а через некоторое время возрождается, как зеленая трава, пробивающаяся через любую преграду!?

И мечутся на сценах мира актеры в «масках», по ходу той или иной пьесы, переживают, вовлекая и нас в эти переживания, не подозревая, что все действия, отражаясь на сцене, происходят в одном из названных трех типах государственной власти, или в какой-то их странной «очередности», определяемой уровнем развития того или иного общества. И это длится веками... В те же века неизменно совершенствуется одно — режиссерское дирижирование коллективом, выбравшего такой путь...

Представляется, и об этом писал Наум Коржавин:

Старинная песня.
 Ей тысяча лет:
 Он любит ее,
 А она его — нет.
 Столетия сменяются,
 Вьюги метут,
 Различными думами
 Люди живут...

Прогресс общества обуславливается накоплением, так сказать, критической массы (в позитивном смысле) нравственного развития людей, что незаметно, но *необратимо* изменяет то самое общество, массовое сознание которого постепенно осознает непреходяще главную ценность — накапливаемый народом нравственный и интеллектуальный капитал. Все встречаемые мне люди понимаются через множество тенденций XX века со своими «-измами», но и сам XX век с тем же самым множеством тенденций с «-измами» понимается мной и в XXI веке через личность и творчество моих собеседников.

По моему разумению, понять Эфроса, или Любимова с Высоцким — значит выйти за пределы их мышления, почувствовать необходимость «подпитки» иными источниками: философскими, историческими... Их мышление — в спектаклях, стихах, песнях, чтение и понимание сути которых постоянно образовывает, *питает*... Одни цели, в которые мои собеседники попадают — видны и осязаемы нами сегодня, другие — на уровне какого-то, не очень пока видимого, но желанного горизонта нашего развития, развития общества... Такая диалектика взаимоотношений во многом определяет их место в российской и мировой культуре. В свою очередь, их творчество

соответствует тому, о чем правомерно говорил французский писатель Альбер Камю в своей Нобелевской лекции: «...Но для того, чтобы говорить со всеми и обо всех, нужно говорить о том, что известно всем, о той реальности, которая знакома каждому из нас. Море, дожди, нужда, желание, борьба со смертью — вот что объединяет людей. Мы похожи друг на друга во всем, что вместе видим, во всем, от чего вместе страдаем. Мечты у каждого свои, но реальность этого мира есть наша общая родина. Следовательно, все запросы реализма вполне закономерны, ибо они глубочайшим образом связаны с художественным творчеством...»

И там же он (Камю) говорил о роли художника (это и о моих *собеседниках* — Эфросе! Любимове! Высоцком!), неотделимой от тяжелых человеческих обязанностей: «Он, по определению, не может быть слугою тех, кто делает историю, — напротив, он на службе у тех, кто ее *претерпевает*... Каковы бы ни были его личные слабости, благородство нашего ремесла вечно будет основываться на двух трудновыполнимых обязательствах — отказе лгать о том, что знаешь, и сопротивлении гнету».

В театральной драматургии XX века, лучшие образцы которой перетекают и в XXI век, трудно найти, в моем представлении, таких мыслителей, как М.А. Булгаков, как Н.Р. Эрдман. В них органично сочетались *понимание* слабостей и несовершенств человека, во многом обусловленных тогдашними политическими устоями, особенно коллективистскими партийно-государственными мифологемами, его (человека) возможностями и стремлением преодолеть те самые коллективистские препоны, делающими мучительным переустройство, прежде всего себя, духовного «пространства» вокруг себя. Конечно, меняются времена, вместе с ними и оценки событий, и оценки разных людей. Естественно, даже сегодня автор данных записок сталкивается с изменившимися и меняющимися оценками и того, и другого, и автор решил, что будет правильным писать о том, как ты помнишь, не очень корректируя свои размышления...

Противоречия общественного бытия были источником постоянного нравственного метания их персонажей между *pro* и *contra*. Выраженные через авторскую позицию, они не позволяют читателю переставать задумываться над необходимостью свободы человека, его правом на свою, отнюдь не главенствующую точку зрения... Как их великие предшественники и Булгаков, и Эрдман, по своему прокладывали, по образному выражению — социолого-эволюционные пути творчества и человека (персонажей) в отечественной драматургии, психологии, философии, да и культуре в целом. Они создали свою «матрицу» особого метафизического мира — подполья

души, страданий/метаний человека в обыденной повседневной жизни, где мышление и поведение других параллельно происходит иначе...

И сегодня, в *2017 году*, когда пишу эти записки, из всех СМИ (радио, телевидение, газеты, журналы и т.п.) чувствуется, как на меня — на автора — наплывает какое-то облако. Оно, обволакивая всех живущих на этой маленькой планете Земля ненавистью к кому-то «Другому», говоря: ну, какая, к черту толерантность, какая к черту культура, когда даже непредставимое в воображении оружие от нетерпения *бряцает*, или это нервы неразумных касаются друг о друга, и поэтому люди кричат от боли? И стихотворные строчки *сочинились* от рикошета этого «облака»:

...Страх как ветер гулял. Страх Мамаем царил
В опустелых, безлюдных душах.
В доме вымерло все —
даже двери как створки ракушек.

И Вселенная вопль из груди извлекла:
«Из какого, люди, вы века?!
Слышите! — стон ползет сквозь века —
“Человека ищу. Человека!”»

Очень бы хотел надеяться, что таковое мне приснилось, хотя средства массовой информации со своей истеричностью неприятия того «Другого» каким-то образом «стучат» в голове разделяя *человеков* на «наших» и «ненаших». Пожалуй, остается еще надежда на усталость этих СМИ, которая не может не наступить, ведь «вечный двигатель» до сих пор не сумели изобрести, а эти информационные *органчики* все пытаются доказать обратное...

* * *

5. Мое «начало» в 1946 году * Танцплощадка * ЧМЗ — Совет молодых рабочих завода + «Письмо к Есенину» Е. Евтушенко + Работа в общежитиях ЧМЗ * Ю. Трифонов + В. Кардин + Ю. Трахтенберг * Челябинский пединститут...

Необходимо обязательное и разъясняющее на основе вышеприведенных реперных точек пояснение — как я дошел до такой «вспоминательной» жизни, заканчивая уже некий десяток страниц своих записок? Кто я такой, стремящийся «свое мнение иметь» и на оставшихся страницах записок?

Рождения **1946 года** в городе Челябинске.

...Мама вспоминала о событиях, могущих *сказаться* на ней и на мне, о чем, из-за возраста, я и не подозревал.

Февраль 1954 года.

Итак, старшая группа в детском саду, откуда в сентябре готовился идти в первый класс. Март **1953 года** — умер Сталин. По всей стране объявлен траур. Помню, что и в нашем детском садике был выставлен портрет вождя, и мы из старшей группы стояли в почетном карауле с траурными повязками на руке, а мимо нас (почетного караула рядом с портретом) проводили другие группы детей, проходили какие-то взрослые плачущие дяди и тети (вероятно, когда забирали детей из садика). А мать моя была, как мне стало известно гораздо позже, дочерью «врага народа», и она понимала, какие могут быть для меня последствия, если бы кто-то сообщил «куда следует» о *преступном* поведении имярек.

Оканчиваю 1-й класс.

Это я к тому, о чем мама рассказывала через много лет, что лишь полчаса я постоял рядом с портретом Сталина, и она меня увела. Я был огорчен — увела из почетного караула! Увела домой (благо садик был рядом) по причине, что я не плакал. Совсем не плакал, слез у меня не было... Мать боялась такой реакции (почему я не

плакал, сам не знаю) на фоне плачущих рядом с портретом «отца всех советских детей»...

...*1957 год* — закончив отличником четыре класса средней школы я по удивительному везению поступаю в Свердловское суворовское офицерское училище. Да что говорить — это для мальчишек было голубой мечтой... Я очень хотел быть офицером, очень хотел, мне это до дрожи снилось... Плац, все ходят строем, дисциплина, различные виды спорта, возможность владеть оружием и т.д. и т.п. Но уже через пять лет я стал *понимать* (?!), что армия — это безоговорочное выполнение приказов, а я уже любил обсуждать и понимать те или иные действия, что напрочь исключала армия. (А теперь представьте меня, мальчишку, которому скоро должно исполниться 16 лет). По причине нездоровья (две полостные операции в пятьдесят восьмом и шестьдесят первом под общим наркозом) меня комиссовали с «белым билетом», что избавило меня от притязаний военкомата...

...В *1962 году* вернулся из Свердловска в Челябинск, и после исполнения 16 лет пошел работать на металлургический завод. Был чертежником, электрослесарем, упаковщиком металла, фрезеровщиком, машинистом–оператором блюминга–автомата «1300»... Там меня приняли в партию...

Но меня дважды предлагалось исключить из комсомола, правда, на первичном уровне — до райкома дела мои так и не доходили. Вопрос — за что? И ответ тогдашнего уровня: «за пропаганду буржуазной морали»! А проще сказать — был заводилой танцплощадки, единственной в парке культуры нашего Металлургического района, и пытался увлекать проходящих туда фигурами (движениями) твиста и рок–н–ролла, за что несколько раз доставлялся оперативным комсомольским отрядом в районный отдел милиции. С тех пор помню Михаила Нуждина, командира того самого оперотряда и Юрия Луконина тогдашнего опера райотдела милиции. Первый — я о Нуждине — позже был и секретарем Металлургического райкома ВЛКСМ, и моим коллегой в обкоме комсомола, позже — заместителем председателя Челябинского горисполкома; Юрий Павлович Луконин пройдя непростой путь, начавшийся в Металлургическом райотделе до начальника УВД Челябинской области в звании генерал–лейтенанта, стал кандидатом юридических наук. *(Через много лет мы вспоминали с Юрием Павловичем Лукониным, уже начальником областного управления МВД, и эти мои «приглашения» в райотдел милиции, когда через много лет случайно*

встретились в кабинете его заместителя Владимира Ивановича Майорова. Мы ведь с Ю.П. Лукониным — практически одногодки, он с 1945 года...)

И хотя я, на общепринятом тогда языке, назывался стилиягой, но таковым никогда не был — я бы сказал, что меня можно считать стилиягой по убеждениям, а не по исполнению, пусть даже модному. Это позже узнал, что слово/понятие «стиляга» образовывалось из-за иной манеры одежды, а позже — о неких молодых людях, танцующих каким-то своим *стилем*, в отличие от вальсов, польки и т.п. Ведь в послевоенные годы холодной войны даже ранее разрешенные фокстрот и танго не приветствовались *разрешителями* всех мастей на танцплощадках и других общественных местах. И в затянувшиеся годы той войны при разрешено-музыкальном сопровождении твист вытеснил рок-н-ролл простотой физического исполнения. Вспомните фильм «Кавказская пленница», песни о «Черном коте» или о «Лучшем городе Земли», «Королеве красоты».

...А тогда, когда меня в милицию тягали, а потом пытались из комсомола исключить за «пропаганду буржуазной морали», что тогда соответствовало страшнейшему обвинению «пропаганде антисоветизма», я и в заводском комитете комсомола и в милиции попытался использовать убийственный, в моем понимании, аргумент. Мол, какая же это *моя* пропаганда, ведь тогда за подобную антисоветскую деятельность, что пытаетесь мне «пришить», надо было бы гнать всю сборную СССР по легкой атлетике с Олимпийских игр в Риме. Всю команду каждый день Г. Коробков, главный тренер, выгонял на обязательную утреннюю разминку в виде рок-н-ролла с соответствующим музыкальным сопровождением перед последующей профессиональной зарядкой по тому или иному виду спорта. Говорил моим *охранителям*, что ладно я — на какой-то районной танцплощадке, а они — советские спортсмены на весь мир пропагандируют эту самую «буржуазную мораль». В доказательство показывал журнал «Физкультура и спорт» за 1960 год (за давностью времени не помню номера), который брал в библиотеке напрокат, где — статья корреспондента журнала из Рима о рок-н-рольной разминке и две фотографии танцующих легкоатлетов сборной СССР. Тут же предлагал *на спор* попробовать любому продержаться хотя бы 2–3 минуты такой разминки. Сказал, что если меня исключат, то дойду с жалобой до обкома комсомола, надо и до ЦК ВЛКСМ. Вероятно, поэтому оставили попытки, и не стали исключать, оставили в покое...

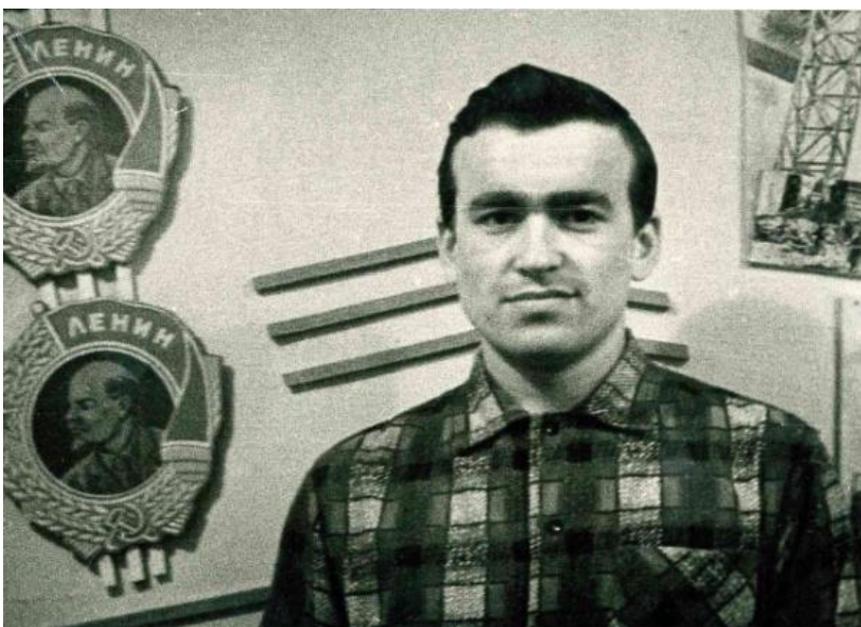
[Реплика в сторону. *Спустя несколько десятилетий, будучи в США, в Сан-Франциско в 1998 году, попросил уличных музыкантов сыграть какой-*

нибудь рок–н–ролл, да так и остановился рядом с ними часа на два, развлекающе танцуя с проходящими людьми, которые, надо отдать им должное, не забывали бросать какие–то деньги в коробку исполнителей. Позже эти двое музыкантов, узнав, что я из России, из непонятно далекого для них Урала (выручало кое–какое знание английского языка, благоприобретенного в суворовском училище), улыбаясь, пытались поделиться со мной, привлеченными за концерт деньгами... Потом искал и нашел–таки подборку примерно из десяти видеокассет об истории рок–н–ролла, которые перевел на CD в Челябинске, чем и наслаждаюсь поныне.

Но помню, помню, как в конце 50–х годов на экраны вышел документальный фильм «За рампой — Америка», о гастролях ансамбля Игоря Моисеева. И там была показана пародия на рок–н–ролл, увидев которую, как писали газеты США, мы, американцы, были поражены мастерски исполненным танцем. Я бегал на этот фильм в тогда существовавший кинотеатр «Металлург» (сейчас на его месте большая церковь). Мы были тогда лишены какой–либо возможности посмотреть этот танец–пародию, но вот сегодня, используя Интернет — можете представить себе мою радость — увидеть тогдашних «моисеевцев» конца 50–х годов — узнал их по солисту — Льву Голованову, стройному, красивому, стильно одетому, которого я видел на улицах Челябинска во время гастролей ансамбля. Мне кажется, сравнивая концертные «коллективные» исполнения рок–н–ролла в США, что таковые появились после «моисеевцев», заразивших своим мастерским исполнением американцев, умеющих не менее мастерски танцевать. Неотразимый аргумент в моем понимании первенства Игоря Моисеева — музыка для пародии была написана–сыграна специально для этого танца, а не использована какая–либо мелодия популярнейшего рок–н–ролла, что Билла Хейли, что Джерри Ли Льюиса, что Элвиса Пресли (Наберите в Интернете: <https://parody.dirty.ru/v-eto-trudno-poverit-638871/> — В это трудно поверить — youtube.com — Уникальные кадры! Полная копия тогдашнего в 1962 году в Москве исполнения...) Даже при написании записок для переключения мыслей и настроения набирал в Интернете эти фамилии, или просто «мелодии рок–н–ролла» и получал несказанное удовольствие, хотя видя концертные исполнения американцами, представлял себя исполняющим те или иные танцевальные движения...]

И независимо от подобных обстоятельств, по инициативе Юрия Александровича, тогдашнего секретаря заводского (металлургический завод) комитета комсомола меня на II слете молодых рабочих ЧМЗ в **январе 1967 года** избирают (избирают, а не назначают!) председателем совета молодых

рабочих завода. Кроме Александровича эту ответственность разделял и его заместитель Саша Лик, с которым в большей степени мы и ломали голову над необычной выдумкой заводского комитета — такой необычной формы работы с молодежью, которая была первой в стране? То есть: есть комитет комсомола, профсоюзный комитет, есть партийный комитет, а что такое совет молодых рабочих никто не объяснял. Помню, тогдашний секретарь парткома завода В.В. Меренищев (позже он стал заведующим оборонным отделом обкома партии), так и сказал в беседе со мной: мол, разбирайся и придумывай сам, у тебя же в наставниках—товарищах (улыбаясь, кивает в сторону присутствующих) и секретарь заводского комитета сам Александрович и его заместитель Саша Лик, а что—то будет не так получаться, естественно, по—отечески, и ремнем поправим... Ну, про партийный ремень — это была шутка, ты же Саша (это ко мне, а не к присутствующему А. Лику), понимаешь? Вот такая поддержка секретаря парткома с дополнением об «отеческой» поправке, конечно же, вдохновляла молодого рабочего в его неформальных *хотелках*...

На фото — член комитета комсомола завода

По крайней мере, такой вывод я сделал после бесед с разными людьми, ибо они ничего не могли ответить на мой вопрос об аналоге такой формы работы, и мы *тыкались* в какие—то самостоятельные организационные стороны. Например, я предлагал использовать в работе, и активно использовал две популярные для молодежи формы

работы — библиотеки и танцплощадки. Ведь не надо никаких усилий (взносы не надо собирать, и не проводить собрания) прилагать к обеим: в библиотеку—то пойдешь за какой—либо книгой по школьной программе, пойдешь, чтобы избежать домашних заданий и поручений, а то и перед девчонками «пофорсить»: мол, был занят делами в библиотеке... За вторую форму работы (танцплощадку) тоже не надо агитировать приходиться, а люди еще за их использование в музыкальном сопровождении и свои деньги платят.

Как-то видел фильм из трех новелл (добрый вор, убийца-банкир, подросток-хулиган), объединенных общим названием «Деловые люди». Оглядываясь назад, уверен, что именно комсомол спас меня от другой дороги, по которой мог пойти, зная специфику нашего послевоенного Metallургического района. Это увлечение наряду с пьянством и бандитско-воровским флёром времяпровождения на улицах в условиях вынужденного скопления рабочих общежитий. Ведь я же за пять лет обучения в суворовском училище находился под жесткой дисциплинарной заботой и контролем государства, а теперь мальчишеская психология шестнадцатилетнего была настроена на «продолжении банкета» с контактами, в первую очередь, в компаниях ровесников. Мой класс, откуда я ушел в училище, и с кем естественно стал встречаться после ухода из него, состоял на условную половину из друзей, имеющих непростые специфические отношения с законом, с милицией.

Мой 4-й класс школы № 33, после окончания которого я ушел в 1957 году и поступил в суворовское училище — на этой, чудом сохранившейся фотографии. Я стою на коленях во 2-м ряду снизу, в белой рубашке с пионерским галстуком. Рядом со мной слева — Володя Пазин. Женщина в 3-м ряду, третья слева — Анфиса Ивановна, классный руководитель. В 4-м ряду слева пятый в темной рубашке с пионерским галстуком — Толя Машков; будущий конькобежец, чемпион СССР, член Олимпийской команды в Инсбруке, и в том же ряду, справа вторая — наша отличница Света Бондаренко. Верхний ряд, слева первый — Коля Зеленецкий. Слева 4-й — Володя Баландин. Слева 7-й — Костя Сорокин... Пусть простят меня другие — кого не запомнил, ведь столько лет прошло...

Кого-то — как меня — комсомол спас, кого-то — как, например, Владимира Викторовича Мякуша, нынешнего председателя Челябинского областного законодательного собрания, с которым подружился еще во времена «Челябметаллургстроя» (о нем позже расскажу) спасло увлечение спортом (футболом), кого — хоккеем... примеров отвлечения в сложные послевоенные годы от уличных приключений можно привести немало, о чем помнится нашему поколению, независимо от различия в суждениях о временах в стране.

[Реплика в сторону.]

*Коль скоро по фотографии вспомнил свой класс в школе, то, думаю, будет правомерно сказать о своем **первом** знакомстве с творчеством Юрия Трифонова — без какого-либо понятия о «трифоновском» будущем, и даже знания-понятия о таком писателе... Помню, мама названного в фотографии Коли Зеленецкого, была, как мне кажется, председателем родительского комитета и руководителем школьного драмкружка. По ее предложению была выбрана напечатанная в журнале «Затейник» (1949 г., № 8) пьеса Ю. Трифонова «Честь отряда», написанная совместно с И. Диком для постановки в драматических кружках детской художественной самодеятельности. Существенную роль в написании этой пьесы, вероятно, сыграла мать Трифонова — Евгения Абрамовна, которая любила заниматься проблемами воспитания детей, различными сторонами деятельности школы и, естественно, пионерской организации. После возвращения в 1945 году из КарЛАГа, где она, как ЧСИР отбыла восьмилетний срок заключения «от звонка до звонка», стала работать в школьной библиотеке, продолжала писать различные рассказы о детях под литературным псевдонимом «Е. Таюрина» (от имен детей: Таня, Юра). С начала 60-х годов известная артистка Рина Зеленая читала ее рассказы с эстрады и по Всесоюзному радио.*

Ничего этого мы, конечно же, не знали. Просто пьеса была о школьниках, о проявлениях их нравственности еще в первых классах, что уж совсем подходило для нас, когда в 1956/1957 учебном году в нашем драмкружке мы играли эту пьесу — я исполнял роль Юры Кондратова, вероятным прототипом которого был Юрий Трифонов... А теперь, читатель, вернись к фотографии класса, где моя улыбающаяся физиономия с пионерским галстуком на шее — ведь впереди целая жизнь, которая пока сопровождается детской милой шелухой повседневности: отметки в таблице, обиды, прогулки, сбор металлолома и макулатуры в соревновании классов,

мотыльковые зависть и ревность... во многом сопровождающиеся поступками Юры Кондратова. Вот так, незаметно, исподволь входил в меня интерес к жизни и творчеству Юрия Трифонова. И началось это тогда — в школе... Продолжилось в суворовском училище, где интересовался Трифоновым—спортивным журналистом и писателем, еще не «совмещаю» в своей голове, что и будущий Трифонов—прозаик, известный в мире — это один и тот же человек... Прошло много лет, были написаны несколько книг, статей «по Трифонову», даже записки, лежащие перед тобой — и подобный калейдоскоп, такой любимый с детства, как-то преобразовался в устойчивую матрицу жизни... Матрицу не для одного меня!..]

...Даже когда писал эти строки в голове у меня звучала «Баллада о детстве» («Час зачатия я помню не точно...») Владимира Высоцкого, которую запомнил сразу же, как только услышал. Практически в любом куплете, в силу эмоций, сравнивая с картинками в сознании моем из фильма «Зеркало» Андрея Тарковского, я находил созвучие с картинками из моей жизни... Пожалуй, никакая песня для меня не может сравниться с такими искренними воспоминаниями о моем детстве, написанными словами Поэта Высоцкого...

На фото, судя по всему, когда меня избрали председателем совета молодых рабочих завода

...И еще о нашей, совета молодых рабочих, инициативе — каким-то образом создать, хоть кратковременно, но какую-либо возможность объединять молодых ребят, имеющих упомянутые специфические отношения с милицией. И опять не могу не вспомнить продолжающую для меня роль умного инициативного наставника, в лице Юрия Александровича. Он не просто поддержал нас, в общем-то уличных, но и выступил организационным гарантом создания первого в области оборонно-спортивного лагеря «Искра» на неухоженных берегах озера Касарги. И началось — на несколько десятидневных смен текущего года

мы собирали тех, кто находился под надзором милиции, вывозили ребят на заводских автобусах на озеро, где своими руками рыли всевозможные ямки для

установки палаток, для волейбольной площадки, для стрельбы в тире (размещали тир в сторону озера), для рабочих столов, где пробовали разбирать и собирать автоматы... Все дела с оружием, а также с подготовкой аквалангов для обучения подводному плаванию, несмотря на их учебный характер, делались под наблюдением и контролем работников военкомата и подготовленных спасателей...

Потом, через много лет, смотрел фильм Динары Асановой «Пацаны» (1983 год) — это как будто о реализации нашей комсомольской идеи *1966 года* снимали, так все повторялось когда-то (правда, там речь шла о спортивно-трудовом лагере). Да и у нас был предшественник — Антон Семенович Макаренко, с организацией своей трудовой терапии в 20-х годах, который решением ЮНЕСКО был отнесен к четырем педагогам, определившим способ педагогического мышления в XX веке...

Это мой товарищ и брат — Эдик Кох

Одним из проводников-посредников моих контактов с уличными друзьями в работе нашего совета молодых рабочих был мой «молочный» брат Эдик Кох (мы жили рядом, наши матери очень дружили, и у моей было больше молока для нас — новорожденных сыновей; вот так мы стали «молочными» братьями с тяжелых послевоенных времен). Ранее мое

поступление в суворовское училище прервало наши контакты, но когда вернулся, контакты становились частыми и мои друзья детства становились его друзьями, и наоборот — во всех мероприятиях совета молодых рабочих Эдик и его друзья становились надежной опорой в их проведении. Тем более у него было превосходство — студент металлургического техникума, молодой, но уже в авторитете, хоккеист нашей команды «Металлург». Только знающий жизнь молодежи Металлургического района может оценить и мой, благодаря моему брату, возросший авторитет в дополнении к популярности на танцплощадке.

Очевидно, что связующим клеем для нас был комсомол. Он же после техникума, как и его друзья, пошел работать на металлургический завод, где наши постоянные пересечения становились заводскими. Так что среди моих друзей Эдик стал первым, знающим меня с детства, и вместе ним еще и дошкольный нас двоих товарищ Виталик Солунов, а потом уже и в школе, где мы вместе учились, переходили из класса в класс в статусе отличников в учебе до окончания четвертого класса, после которого я поступил в суворовское училище. Вот они оба были первыми для меня своеобразными посредниками в контактах с улицей — Эдик благодаря хоккею, а Виталик — боксу — после дисциплины и порядка в училище, пока я осваивался и привыкал к новым для меня жизненным обстоятельствам... К сожалению, Виталик Солунов рано ушел из жизни, а с Эдиком Кохом — мы уже отметили фантастическое 70-летие нашей дружбы... Как шутливо-завистливо отмечают некоторые — так долго не живут!

Когда я раскачивал Эдика на воспоминания о нашем начинающемся взрослении, он вспомнил о тогдашнем нашем увлечении танцами (правда, тогда это было увлечение бальными танцами) во Дворце культуры ЧМЗ. В это вовлекла нас двоих (наряду с другими) Лидия Гавриловна Мещанинова, руководитель танцевальной художественной самодеятельности в ДК, попутно обучая нас азам танцевальной подготовки. Но нам-то было по шестнадцать, и глаза с удовольствием смотрели на ее дочку, которую мама ставила в пару, то с одним, то с другим. Это увлечение как-то меня больше завлекало, в отличие от Эдика, который отличался от меня тем, как в народе говорят с восхищением: вот у него руки растут из того места, откуда и положено им расти. Он был на «ты» с техникой, в руках у него все вертелось и крутилось, и все работало, что ответно у меня вызывало зависть, но завидуй-не завидуй, а меня никогда технические увлечения не привлекали. На заводе оказался по простой причине — по ходатайству матери я был принят на работу, когда мне исполнилось шестнадцать лет, а она, в силу различных личных обстоятельств, уехала в Свердловск, и бабушка перешла жить со мной, из-за опасения, что куда-то могу свернуть *не туда*. Поэтому и мне здоровому парню жить и не работать, сидя *на шее* у бабушки, было, как говорится, нелепо. Всю зарплату отдавал ей, и она планировала расходы на нашу жизнь...

Так вот несколько слов о дочке Лидии Гавриловны — ныне Виктории Николаевне Мещанинове, заслуженном деятеле искусств, главном режиссере Челябинского государственного Камерного театра. О ней немало интереснейших публикаций в Интернете, в статьях о ее многочисленных

поставленных спектаклях. Она была на два года нас с Эдиком младше, и призыв в армию ей не грозил, поэтому успела раньше нас — в 1970 году — окончить театральный факультет Ленинградского института культуры. А потом у неё была аспирантура–стажировка при Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии по специальности «Режиссура драмы», где руководителем, вместе с другими был сам Георгий Александрович Товстоногов. Когда она училась в институте, я чудом был в Ленинграде, зашел к ней, и оказался в гуще студенческих событий, передававших точно и заразительно атмосферу времени. На стихийных студенческих собраниях, обсуждались проблемы молодежи, во многом отражавшие различные нюансы духа «шестидесятничества», обсуждались, вероятно, готовившиеся у них на курсе спектакли молодежной тематики, решении проблем трудных подростков...

Даже сейчас, когда она уже много лет является главным режиссером Камерного тетра, вижу перед собой по–прежнему её горящие глаза, она начинает говорить о насущных проблемах не только ее театра, а о людях — молодых, и не очень, *приходящих* в театр, и *походящих* мимо театра. По ее мнению, в голове у режиссера две проблемы с одним «стержнем», нацеленным на театр. Первая — чем и как соответствовать интересам пришедших в театр, а вторая — почему проходят мимо театра. И неминуемо, её боль выходит за рамки ограничений её возможностей, а хочется хоть что–то попытаться изменить и изменять в проходящих мимо театра людях... Подобное она пытается объяснить людям в нередких телепередачах на Челябинском телевидении, где она всегда востребуема.

И от этого очередного моего виража в юношеской паре в балльных танцах с Викой Мещаниновой возвращаюсь к сути прерванного мной рассказа о контактах с «улицей»...

Конечно, и я прилагал усилия к этим обстоятельствам не только через танцевальные увлечения, но и через спорт, который, надо отдать должное, был поставлен в суворовском училище, после учебы, на соответствующее место. Я сразу по возвращению в Челябинск пошел в заводские спортивные секции по баскетболу и настольному теннису, в чем ранее и отличался еще в командах училища. Даже своих тренеров этих команд помню: Семен Львович Суховский (баскетбол), Олег Кальпиди (настольный теннис).

Неофициально, через своих друзей, по знакомству, тренировался и с конькобежцами, где гарантом «блатных» для меня отношений был Толя Машков, мой одноклассник в школе № 33. Конечно, я и не думал, что он будет мастером спорта международного класса, чемпионом СССР и членом сборной

Союза на зимних Олимпийских играх в Гренобле в 1968 году вместе с легендарной конькобежкой из Челябинска Лидией Скобликовой. Правда, в суворовском училище конькобежный спорт был не в фаворе, а зимние виды спорта для нас олицетворял популярнейший для Свердловска хоккей с мячом. Мы—то училищной командой даже выступали, как мне помнится, дублерами Свердловского СКА в первенстве Вооруженных Сил страны (я был вратарем в команде, что очень помогало мне в тренировке реакции и в баскетболе, и в настольном теннисе).

...В общем, с нами, пацанами, не соскучишься! И началось *это* с «Искрой» летом, в году шестьдесят шестом. Откуда год помню? А там впервые мне дали почитать *самиздатовский* вариант стихотворения Евтушенко «Письмо к Есенину». С тех пор и запомнил несколько строк, и твердил их: «...Какие стройки, спутники в стране // Но потеряли мы в пути неровном // И двадцать миллионов на войне // И миллионы на войне с народом // Забыть об этом? Память отрубить? // Но где топор, что память враз отрубит? // Никто, как русский не спасал других, // Никто, как русский сам себя не губит... // Когда румяный комсомольский вождь // на нас, поэтов кулаком грохочет // И хочет наши души смять как воск // И вылепить свое подобье хочет. // Его слова, Есенин, не страшны // Но трудно быть от этого веселым // И мне не хочется задрать штаны // Бежать вослед за этим комсомолом...»

Потом у более грамотных друзей тогда спрашивал о «миллионах на войне с народом», о «румяном комсомольском вожде», который грохочет кулаком, как заправский начальник цеха на нерадивого молодого рабочего, чего я успел к тому времени повидать, как председатель совета молодых рабочих завода. И почему—то у меня не возникало вопроса о *такой* реакции на комсомол, за которым «не хочется бежать, задрать штаны», ведь комсомол, как организация, в лице Александровича, тогдашнего первого секретаря Metallургического райкома Олега Политицкого, великолепно игравшего на аккордеоне во время наших комсомольских вечеров, и других их коллег, был у меня на виду. Так, и дружеские отношения с Олегом продолжались у меня до его преждевременной кончины. А тогда (в нашем оборонно—спортивном лагере «Искра») впервые услышал фамилию поэта Евтушенко, которая жива в моей памяти и поныне.

Работа машинистом—оператором блюминга «1300» с непрерывно—заготовочным станом (обжимной цех № 3) сопровождалась в нерабочее время общественной — собирал на различные мероприятия, таких как я, молодых рабочих завода. Мы пытались объединить тех, до которых «руки» устойчивых организаций все как—то не доходили: они не комсомольцы, и даже не успели

стать членами профсоюза, и мы самостоятельно искали и приемлемые формы работы... Даже клуб создали с незатейливым названием «Глобус» для работы в общежитиях. Например, благодаря организационному таланту художественного руководителя Д.Б. Перчика устраивали во Дворце культуры района, например, вечера поэтических турниров «Алая роза», не просто с чтением стихов разных поэтов, но с обсуждением их (стихов) достоинств на поэтических викторинах. По примеру популярнейшего фильма «Два капитана» (1955 года с Александром Михайловым в главной роли) готовили и проводили в течение 2–3 дней поэтические суды над популярнейшими поэтами: Евтушенко, Вознесенским, Асадовым, Ахмадулиной, Рождественским, Окуджавой. Для пригласительного билета в виде «Повестки для приглашения в суд» напечатали из одно из них: «Но кто же в залах? // Там?! // Наверно, психи... // Товарищ «псих» // Огромное спасибо // за эту вдумчивую тишину...» Придуманый нами текст повестки в суд «визировал» для заводской типографии у секретаря парткома В.В. Меренищева. Он же санкционировал другие молодежные придумки для типографского размножения...

Позже, занимаясь разрешением типографских проблем, работая в обкоме комсомола, вступал в контакты для «литования» текста с органами цензуры, и поэтому так для меня были понятны, в частности, сцены в типографии в прекрасном фильме «Зеркало» (1974 год) Андрея Тарковского, который впервые увидел в компании с Женей Катульским. Мы сбежали с тяготящего совещания в ЦК комсомола и помчались на Таганскую площадь в кинотеатр «Звездочка» (его давно снесли при реконструкции). Позже еще подробнее расскажу о нем, своем товарище и друге — Евгении Катульском...

...А сейчас вернемся к моим заводским комсомольским делам. Отмечу, что именно тогда впервые познакомился с творчеством Юрия Трифонова. И случилось это *походя*, когда организовывал беседы с молодыми рабочими в общежитиях (напомню — в нашем Metallургическом районе было самое крупное в городе и области скопление в одном месте цивилизовано выстроенных общежитий для рабочих и молодых специалистов). Как и публикации в «Комсомольской правде» о поисках разнообразных форм и методов работы с молодежью, мы, в частности, организовывали в общежитиях беседы на общественно–политические темы. Именно беседы в свободном стиле вопросов и ответов, а не в стиле лекций по линии общества «Знание». Ведущими таковые беседы приглашал живущих в нашем Metallургическом районе преподавателей различных вузов, которых к тому времени уже знал, да и просто своих друзей. Например, преподавателей пединститута историков

Николая Михайлова, Игоря Табашникова, Владимира Вавилина, инженеров Юрия Трахтенберга, Семена Шенкмана, Евгения Трубникова, Вячеслава Дворяшина, Павла Рабина и других, некоторые из которых жили в этих же общежитиях (да простят меня за забывчивость других, кто откликнулся на мои просьбы с приглашениями).

Так вот, о первом моем знакомстве с творчеством Трифонова. Шел *1966 год*, и на одной из бесед в общежитии о гражданской войне мне задали вопрос: «А кто такие — Борис Думенко, и Филипп Миронов?» Молодой инженер, спросивший об этом, показывал журнал «Новый мир» со статьей Владимира Кардина «Легенды и факты», содержание которой мы и обсуждали, ибо статья эта была популярна среди молодых инженеров из-за повсеместно насаждаемых легенд, и в которых уже сквозило неверие, благодаря фактам. Я спросил своего товарища Юру Трахтенберга об упомянутом в статье Юрии Трифонове, который писал о Думенко и Миронове. А он, в свою очередь, на следующий день дал мне книгу Трифонова «Отблеск костра». Зря, ох, зря сделал это Юрий Меерович Трахтенберг, ибо прочитанная мной трифоновская книга начала «переворачивать» в голове многое из того, что я знал и понимал о революции и гражданской войне. Правда, знал и понимал из учебников и случайно попадавших мне книжечек, выходящих в то время, определяемое XX и XXII съездами партии. (Добавлю важное для меня о Юрии Трахтенберге. Он не только открыл документальной повестью «Отблеск костра» творчество Трифонова, но и позже, пожалуй, первым открыл для меня и творчество уж совсем для меня не знакомого и не понятного Осипа Мандельштама, подарив мне самиздатовские копии его прижизненно издавшихся книг в стране в 1928 году — сборник «Стихотворения» и сборник статей «О поэзии». Эти книги я активно использовал при написании работ о творчестве Мандельштама в Уральском госуниверситете.)

Поэтому тот — *1966 год* — определяю для себя точкой отсчета начала моей «болезни», т.е. начала повального интереса к жизни и творчеству Юрия Валентиновича Трифонова, завершающего только на сегодня выходом моих книг: «Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества 1925–1981», «Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания» (совместно с В.Д. Поликарповым), «Гуманизм в плену... Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова», «Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке», а также нескольких других книг — библиографических указателей о разных периодах творчества писателя (1985; 2002; 2011 годы издания университетами МГУ и МГУП), ряда статей в центральной прессе.

Вот чем оборачивался для меня начальный косвенный интерес к судьбе Бориса Мокеевича Думенко и Филиппа Кузьмича Миронова — истинных

создателей первых конармейских соединений РККА (Первой и Второй конных армий). Позже я буду неоднократно писать о них, подталкиваемый романом «Старик» Юрия Трифонова. И все это началось во имя увлеченности интереса для молодых рабочих... Кстати, написание вышеназванных книг — память, которую я мысленно адресую моему визави (*vis-a-vis*) — тому же Юрию Александровичу.

...Так или иначе, пытаюсь рассказать о своих встречах с людьми, ставшими за такое время (как правило, более 50 лет), которое можно, условно назвать танцевально-улично-поисковым, когда вроде бы незначительные встречи становились определяющими в дальнейшем. Поэтому я и писал о нащупывании различных путей через уличные и танцевальные контакты, не зная, и не догадываясь к чему, к каким итогам это может привести. Тогда и понятие не имел о возможных попытках «задрать штаны, бежать вослед за этим комсомолом», о попытках формулировки предложений и проектов различного содержания, о перекраивании своего понимания происходящего под воздействием решений какого-то партийного съезда, каких-то неизвестных мне «шестидесятников» и прочее, и прочее, и прочее...

Вот написал эти строки, а в памяти как звучали, так и поныне продолжают звучать строчки стихотворения Анны Ахматовой:

...Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда...

Так и хочется сказать в прошлое: ах, если б знать, что из этого... из этих... Но ведь никто не услышит, а самому и в голову не приходит по-молодости, что-то похожее на стремление: мол, если бы знал, то уж точно, как в народе говорят, соломку подстелил, да и ум свой как-то готовил к пониманию, восприятию...

Все в моем повествовании, особенно его начало, настолько тесно связано с повседневностью в Metallургическом районе, даже диву даюсь. Читатель вспомнит молодые годы, когда свободного времени *вагон*, а как его эффективно использовать — нужна работа головой. Моя и моих друзей и знакомых «голова» *распределяла* нагрузку свободного времени, что не включало рабочие смены, в общем-то, в трех направлениях в нашем районе: спортивные секции, танцплощадка, «умствование» в домашних условиях. И замечу, кстати, не такой плохой результат с приложением «головой» получился

среди друзей (о моем «результате», читатель, думаю, сможет разобраться при чтении данных записок, особенно в их завершении). Ограничусь только друзьями, с кем поддерживаю таковые отношения и до сих пор, хотя прошло около *полувека*, и рад, что они живы–здоровы...

Для меня один действенный и убедительный критерий крепости и памяти этих отношений — например, проходит *N*-ное количество лет (даже боюсь вспоминать: сколько) и ты звонишь *ему или ей*, и называешь свою фамилию... если сразу же следует реакция на фамилию, то разговор с радостью *узнавания* начинается, или не начинается, если...

Так вот о времени в спортивных секциях — я о Вайнштейне Евгении Ефремовиче... О его талантливом отце расскажу немного позже, а о Жене скажу сейчас. Почему такая фамильярность об уважаемом человеке? Это от детской нахальности — мы с ним росли не просто в одном районе, а мы вместе ходили в одну возрастную группу детского садика на улице Мира, родились—то в один год (1946), только он в январе, а я в апреле, и друзья по группе у нас были одни, даже разглядывая сохранившиеся фотографии, узнаю лица: Женя Шарапов (я начинал с ним работать по разным сменам, но на одном и том же рабочем месте блюминга–автомата стана «1300»), Витя Лисин (его отец принимал меня на работу в 1963 году электрослесарем ЦЗЛ), Слава Волков, Коля Осинцев, Вова Баландин, Костя Сорокин, Слава Павленко (мы с ним на школьном фото отличников по окончании четвертого класса), Виталик Солунов (позже вместе с нашим общим другом Эдиком Кохом «выстраивали» отношения с «улицей», когда вернулся из суворовского училища) и другие...

Е.Е. Вайнштейн

Евгений Ефремович Вайнштейн, заслуженный тренер РСФСР, вице–президент Федерации олимпийского бокса Челябинской области, среди его воспитанников — чемпионы мира, СССР, России, призеры и участники Олимпийских игр, он подготовил более двадцати мастеров спорта СССР. Его воспитанники в разных весовых категориях на первых местах рейтингов ведущих мировых боксерских организаций за право бороться за звание чемпиона мира...

Написал только это о классном тренере, выдержанном скромном человеке и много интересного осталось в Интернете. Сразу же

возникает пример с выражением «Мы пахали» из басни Ивана Дмитриева «Муха», ставшее крылатым, его вспоминают, когда речь идет о том, что какой-то человек присваивает себе действия других людей, хотя сам не имеет к ним никакого отношения. Конечно же, никоим образом не пытаюсь хоть как-то попытаться «примазаться» к такому тяжелому ежедневному труду тренера — не по силам мне такой труд, не знаю и не умею им заниматься. Я о другом — о радости от выбранной человеком дороги, которая через пот и кровь приводит его к заслуженному успеху, и недаром в канун своего 70-летия Евгений Ефремович Вайнштейн стал лауреатом *Народной* премии «Светлое прошлое». Любопытных отсылаю к возможностям Интернета, где много публикаций об этом эмоциональном, живом, человеке с юмором, с которым начинал свою жизнь в одном детском садике, а *его* отец приложил руку к терпению моего свободолюбия, весьма неуместного в ходе большой стройки на комплексе, и скажу, что жизнь наша получилась интересной, достойной...

Нина Генриховна
Вагнер

...Теперь оборачиваюсь *назад* и вижу еще двоих из моей другой — танцевальной — *молодости*: молодую и стройную Нину Вагнер и немного плотного Виктора Худякова. Как-то мой *сводник с улицы* Эдик Кох познакомил меня с братьями Метревели — Гошей, с которым учился в металлургическом техникуме, и его братом, жизнерадостным Костей, который пригласил во Дворец культуры «Челябметаллургстроя» на популярную танцплощадку в районе, кроме аналогичной в ДК ЧМЗ. Пришел, посмотрел по сторонам, Кости еще не было, увидел с удовольствием танцующую молодую девушку, потом подошел к ней и пригласил в круг. Убедился, что не ошибся, предположив ее танцующую с удовольствием, и так продолжалось у нас до конца вечера. Пришел Костя, потом Гоша, разговорились, и я понял причину моего удовольствия — она танцевала в художественной самодеятельности коллектива ДК ЧМС...

Позже она подтвердила уровень своих возможностей, ибо Нина Генриховна Вагнер стала профессиональным педагогом, хореографом, была награждена званиями «Отличник народного просвещения РФ» и «Заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества», а также грамотами правительства Челябинской области.

Там же, в танцевальном коллективе строителей занимался и Виктор Худяков, с которым мы и подружились. Кроме традиционных *джентльменских* проводов наших друзей по танцам, у нас были и другие темы совместной работы на ЧМЗ. Другой период наших встреч был неожиданным через десять лет в Челябинском педагогическом институте, когда он оканчивал запредельный для моего понимания физико-математический факультет по специальности — «Математика и программирование», а я пытался в третий раз поступить в этот институт (расскажу об этом далее). Был секретарем комитета ВЛКСМ института.

Немного позже, обращался к нему за профессиональной помощью, и когда уже работал в обкоме комсомола, и когда работал ученым секретарем общественно института социологических исследований при обкоме партии.

Виктор Никитевич
Худяков

А он — Виктор Никитевич Худяков — в соответствии с таким образованием защитил сначала кандидатскую, потом и докторскую диссертации, преподавал соответствующие дисциплины в пединституте, а позже уже в Челябинской академии культуры и искусств, стал профессором, награждался правительственными наградами, стал известным в стране научным деятелем...

Это я к чему написал хотя бы несколько слов о своих друзьях, хотя контекст записок вроде бы не очень соответствует сказанному о них. Я прежде всего — о дорогах, которые мы выбираем, и проходим по ним не один десяток лет (то в вместе со мной, то в отдалении, что никак не мешает нам при встрече сказать: «А помнишь...»): Евгений Вайнштейн — и боксер, и профессиональный учитель других; Нина Вагнер — и танцовщица, и профессиональный учитель других; Виктор Худяков — непостижимый в моем умственном понимании физико-математик, и профессиональный педагог-учитель других. И ведь все они, в данном случае *трое моих друзей*, имеют признание людей, независимо от властей, хотя последние тоже их награждают... Но именно признание людей, воспитываемое с детства, было очень важно для нас, нашего поколения...

[Вставка о прошлом, в настоящем, и будущем — о надеждах молодости... Думаю, здесь как раз уместно будет сделать какую-то промежуточную остановку со своими мыслями... Я не о сути, навеянной

стихом Евтушенко «Граждане, послушайте меня...», когда это уже выказывал человек, проживший немного лет, и пытающийся что-то сказать другим. Я о каких-то еще не оформленных в голове внятно высказываемых мыслях, суждениях, предложениях и тому подобное... Просто о каких-то фантазиях, мечтаниях, что бывает у любого нормального человека «с головой», которые он не может высказать, да-да просто высказать кому-то, ибо он не может пока как-то увязать слова друг с другом, сказать другому: «А я думаю, что это вот так, и так...» Просто эти самые мысли в беспорядке роятся у него в голове, как-то даже не сталкиваясь друг с другом, просто существуют сами по себе, в перехлесте с другими мыслями, не позволяющими тебе «зацикливаться» на какой-то из них, перебивая одна другую... И ты просыпаешься с одной, пока еще на несколько секунд задержавшейся в твое сонной голове: запомнить, запомнить, запомнить... А что запомнить, спрашиваешь ты сам себя через минуту? Даже и не вспомнишь... Но если бы кто-то тебя видел в эти секунды просыпания, наверное бы позавидовал твоей улыбке «блаженного»... Ах, какие вспышки памяти! Какие ощущения! Ведь у каждого из нас были, были, были мечтания! Потом наступали другие мечтания о пока — как ты думал — несвершенном, но с радужными надеждами на будущее во времени...

Например, когда вернулся из суворовского училища, мне исполнилось шестнадцать лет. Еще в училище полюбил баскетбол, и вернувшись в Челябинск еще нося на себе послеоперационную наклейку на двадцатисантиметровом шве, из-за чего и был комиссован по здоровью, ибо это была вторая операция с таким же размером шва, тут же записался в секцию баскетбола в ДК ЧМЗ. Но чтение доступной для меня спортивной прессы не прекращал. Особенно любил читать журнал «Спортивные игры», особенно раздел, где помещались описания технических приемов тех или иных ведущих баскетболистов СССР и США, а конкретнее — ЦСКА и команды НБА «Бостон Селтикс», а еще конкретнее — Арменак Алачачян и Боб Коузи. Почему эти двое мне так запали в душу, что невероятно хотелось им подражать? Оба были фантастическими разыгрывающими в командах, «чародеями мяча», «одними из величайших игроков» своего времени, ибо были величайшими распасовщиками, которых в спортивной прессе называли «мистер Баскетбол». Это сегодня есть возможности Интернета, позволяющие видео-смотреть их приемов, и как-то вновь почувствовать себя в прошлом... Конечно я был увлечен техническими описаниями приемов Боба Коузи, мастерски владевшим мячом — низким ведением, при котором он умудрялся как-то переводить мяч за спиной и между ногами, и скрытыми молниеносными передачами ставить в тупик не только соперников, но и

собственных партнеров, которые тоже не всегда успевали проследить за его маневрами. Долгое время тренировал этот дриблинг — пожалуй, самого основного технического элемента владения мячом при полусогнутых коленях, сохраняя при этом периферическое зрение контроля партнеров. А такое комбинированное ведение позволяло вести мяч то правой, то левой руками, применяя те или иные «финты» того же Коузи. Особенность дриблинга на уровне 5–10 см от уровня пола, что напрочь исключала отъем мяча без нарушения правил. Продвинутые дриблеры могут вести мяч за спиной, между ногами и изменять темп ведения... В специальную тетрадку клеивал технические описания приемов Коузи, создавая тем самым предпосылки формирования «досье» на поэтов и писателей... Но это баскетбольное увлечение длилось у меня несколько лет, чередой последовали незначительные спортивные травмы, затормозившие мои технические тренировки, но до сих пор (даже по сей день 2017 года), когда пишу свои записки. Ну, а о потрясающих сценах баскетбольного матча СССР–США на Олимпиаде 1972 года могу и сегодня рассказать и показать, описывая голосом телеведущей Нины Ереминой заключительные «три секунды» финала... Что я и рассказывал моей жене Миле, только-только родившей дочь, прибежавший с опозданием в родильный дом... До сих пор вспоминаю как она слушала мою захлебывающуюся речь, остановившуюся когда среагировал на ее удивительную спокойную улыбку и вопрос: «Ну ты хотя бы поинтересовался здоровьем моим и дочери, а то талдычишишь о каких трех секундах?» И я тут же заткнулся от стыда, от непонимания — где и по какой причине я нахожусь...

Постоянно вспоминаю пример Юрия Трифонова о простом предложении как-то сформулировать, сказать вразумительно о словечке «рябь»... Когда прочитал это у Трифонова, в долю секунды мелькнуло только одно — это же так просто, это же... И тут же заткнулся, ибо язык остановился перед преградой невозможности как-то внятно и понятно выразить, так сказать, свое ощущение этого слова, свое... а что свое-то? Поэтому на многие годы этот пример остался для меня примером невыраженного словами ощущения, примером до сих пор оставшимися в моей голове каких-то нереализованных мечтаний... Несбывшихся навсегда, мечтаний, мечтаний, мечтаний...

Но могу точно сказать, что никоим образом не похожих на вышеописанные в контексте записок мечтания салтыково-щедринского персонажа о конституции вперемешку с севрюжиной с хреном, и «обдиром» кого-либо... Зависти, как в известной песне о «черной» зависти, и злости к кому-либо, к чему-либо не было в моих мечтаниях — н и к о г д а!

Да-а-а! Как-то отвлекся от контекста записок, пора возвращаться...]

...Уж коли стал писать и о моих творческих *выкрутасах* конца 60-х годов, опишу ситуацию, сыгравшую в моей жизни определенную роль при поступлении в третий раз на историко-филологический факультет Челябинского педагогического института. Было это в *1968 году*, при сдаче вступительного экзамена по истории. До сих пор помню вопрос мне из-за последствий с ответом: «О повышении роли партийных организаций в восстановлении народного хозяйства СССР в 1925–1927 годах», и помню даже фамилию преподавателя, принимавшего экзамен — Аносова.

По наивности своей заводского рабочего считал, что на экзамене поступающий в институт должен продемонстрировать знания по предмету, что я и попытался сделать, готовясь к этому. Сказав несколько слов о важности вопроса в билете, я перешел к сложному положению в стране, связанному с разворачиванием дискуссии вокруг решений XIV съезда ВКП(б), так как в первые годы индустриализации страны троцкисты и зиновьевцы объединились и выступили против ленинского плана построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Они пытались использовать в борьбе с партией Ленинградскую комсомольскую организацию, находящуюся под влиянием Цейтлина, бывшего первого секретаря ЦК РКСМ, активно работающих еще со времен руководства партийной организацией Ленинграда Г.Е. Зиновьева. И далее привел пример, когда Ленинградский горком комсомола впервые в истории вынес постановление об отказе подчиниться решениям съезда партии. И начал было — что-то о разгроме оппозиции... Меня прервал голос-крик преподавателя: «Анτισоветчик! Я долго терпела, слушая вас... Где читались!!» — Пытаюсь объяснить о книгах, где такое написано. Но она и слушать даже не хочет. — «Я же сказала: вон из аудитории!!! Чтобы комсомольцы обсуждали, и выступали за невыполнение решений партийного съезда, такого быть не может...» Я понуро пошел к выходу, с одной мыслью, мол, все хана мне, если по профилирующему предмету получил двойку, то какие уж тут перспективы с поступлением в институт, все-таки конкурс уже тогда был большой — более двадцати человек было на одно место...

На следующий день пришел за документами, чтобы попытаться передать их куда-нибудь еще, и встретил там молодую ассистентку, присутствующую на вчерашнем экзамене, помню, что кто-то называл ее Нина. Она улыбнулась мне и сказала, что очень просила Аносову сжалиться, простить за молодость и глупость рабочего парня, начитавшего невесть чего, и не понимавшего ни в Троцком, ни в Зиновьеве, ни в Бухарине... Уговорила ее на «тройку», так что можешь, Саша, пытаться сдавать остальные экзамены, но

уже не рассчитывай поступить на наш факультет, а думай о каком-либо другом варианте...

Это позже я узнал, что это была Нина Павловна Шмакова, ставшая впоследствии кандидатом исторических наук, профессором, заведующей кафедрой отечественной истории. И когда, некоторое время спустя, мы как-то очутились за одним столом, только можно предположить, что я ей говорил!.. Да, кстати сказать, последующие два экзамена: письменное сочинение и устный ответ по русскому языку, а также другой экзамен по английскому языку сдал на «отлично», и нашел удивительный вариант передачи «истории» для поступления на заочное отделение филологического факультета Уральского университета...

Пожалуй, с этого времени веду отсчет начала дружбы с Вячеславом Ивановичем Липским, сыгравшем с той поры неоценимую роль в моем формировании кое-что знающего, и кое-что понимающего в науке человека (сразу же уточню — ёрничаю-то по своему адресу). Да, кстати, в интереснейшем очерке В. Липского «Философия перестройки» в журнале «Бизнес и культура» среди многих фотографий помещена одна — о юбилее историко-педагогического факультета Челябинского пединститута, где рядом с Галиной Затевахиной сидит та самая Нина Павловна Шмакова...

И в дальнейшем мне везло на умных людей, нестандартно мыслящих...

* * *

6. Новосибирский Академгородок * Александр Галич * Клуб «Под интегралом» + НПО «Факел» + пример временно–успешного компромисса духа свободы и Системы * В. Высоцкий: «Я никогда не верил в миражи...» * Чехословакия...

На фото: Александрович Юрий Михайлович

...Перехожу к увлечению, наряду с общественной работой председателем совета молодых рабочих завода, модной тогда идеей молодежного кафе. Секретарь уже городского комитета комсомола Юрий Александрович активно поддержал создание первого и единственного тогда молодежного кафе–объединения с незатейливым названием «Юность», практически в центре города на улице Кирова. Штудировал и в библиотеках

всякую комсомольско–молодежную прессу о «кафешной» проблеме, например, в Эстонии, Венгрии, Чехословакии. Кафе–объединение мы–то создали, но уже тогда столкнулись с массой проблем, решение которых требовало практических знаний, а их у нас не было, кроме весьма любительских «тыканий» в разные, доступные стороны. Начитавшись доступными мне материалами, попытался как–то сформулировать мысли доступным языком в публикации статьи с неприятным названием «Проблемы “Юности”» в «Вечернем Челябинске» (1969, 3 октября) о том, нашем первом в Челябинске молодежном кафе...

Но пресса прессой, а вживую, хоть что–то похожее повидать мне удалось в фильмах «Не самый удачный день» (1966 год) и «Еще раз про любовь» (1968 год). О втором фильме достаточно написано, благодаря «звездным» ролям Татьяны Дорониной и Александра Лазарева: они–то в

таком кафе и познакомились. А вот первый фильм мне сразу же запомнился: сценарием Юлиана Семенова по его же повести «Дунечка и Никита», ролями Никиты Михалкова, Владимира Заманского, Игоря Кваши и первыми, для меня, сыгранными сценками в молодежном кафе, с участием Игоря Ясуловича и Ольги Гобзевой. А уж сыгранная песня Булата Окуджавы «Ах, война, что ты сделала, подлая...» и до сих пор у меня звучит в ушах! Позже воспользовался возможностями работы в обкоме, сделал все возможное, чтобы пригласить слышимое в фильме исполнение коллектив студенческого театра песни «Темп» во главе с режиссером Валерием Сарухановым (просто у меня сохранилось от руки написанное объявление на листе ватмана о концерте, где автографы все участников выступления). Они были из Ленинградского кораблестроительного института, и были приглашены на несколько дней для выступлений со многими другими театрализованными песнями в различных аудиториях Челябинска в конце ноября *1972 года...*

Это я к тому о песнях, что темы—то в кафе обсуждались разные и нынешним молодым трудно поверить в реальность происходившего тогда: от цвета губной помады, соответствия ширины штанин ширине патриотизма, следуя страшному шутливому лозунгу, типа «Сегодня он играет джаз, а завтра родину предаст», или из той же серии: «От саксофона до финского ножа один шаг», но тут уже предательством родины издалека запахло — ведь нож—то финский по происхождению, тут кстати и вопрос о Финляндии, откуда его привезли... Но подобные шутки в молодежных кафе проходили как—то мимо, пожалуй, кроме яростного (нелепого в самом исходе) спора о соответствия ширины штанин брюк ширине патриотизма, ибо они (кафе) были опасными для *разрешителей* по принципу можно/нельзя другими привычками. Молодежь в кафе сидит для чего—то непонятного — слушают какие—то стихи (а кем разрешенные?), и чего—то пьют — какие—то коктейли, с каким—то спиртным, и плюс ко всему хотят пить и кофе (кстати, спросить — откуда привезенное?) из высоких бокалов и маленьких чашечек... Насмотрелись всяких иностранных фильмов! У—у—у!!! Сталина на вас нет... Вот сидит эта самая молодежь по всяким кафе и ресторанам, выпивают себе в удовольствие, а работать—то кто будет, кто план перевыполнять будет, а родину защищать?

С подобного рода мнениями в различных вариантах исполнений *разрешителями* от имени народа, мы насталкивались много раз за время наших попыток создания и реализации мечты в «Юности». Такое молодежное кафе—объединение мы с Александровичем, другими *чокнутыми* из горкома комсомола и из числа моих друзей, создавали и проводили там мероприятия, с приглашением молодежи различных возрастов и убеждений. Ну, это мы — все—таки в городе областного центра, а в городах поменьше, например,

Магнитогорске, Златоусте, Миассе, Троицке, что происходило, где свои местные *разрешители*, и каждый со своим апломбом — ведь какую-то разрешительную инструкцию комсомол не может выпускать для каждого случая.

Может быть, и под воздействием публикаций в молодежной прессе, что я ему подкладывал, Юрий Александрович, ставший третьим (по идеологии) секретарем обкома комсомола, откликнулся на мою идею познакомиться с опытом молодежного досуга с организованным финансовым подкреплением в Новосибирском Академгородке. И я полетел по комсомольской командировке знакомиться с работой клуба «Под интегралом», о которой так увлеченно рассказывал мой товарищ — Юрий Трахтенберг. Речь шла об интеллектуальном советском дискуссионном клубе, организованном в Академгородке в начале *1960-х годов*, и правомерно являвшимся одним из символов хрущевской *оттепели*.

...Кстати, именно от Трахтенберга впервые услышал о театре на Таганке, о режиссуре Юрия Любимова, и что слышимый по магнитофонным записям популярный Высоцкий играет в том самом театре. Он так увлеченно рассказывал об увиденных спектаклях в театре, что вызывало у меня фантастически неподдельный интерес... Так удивительно складывались обстоятельства — он тоже из Metallургического района, москвич по рождению, и образованию, ставший для Челябинска легендарной личностью, и заслуживший большую память о себе, иницируя много интереснейших дел, нашедших отражение и в памяти многих людей, и в памяти, например, в энциклопедии «Челябинск». Вот так, незаметно для меня, на основе нашей чэмэзовской (ЧМЗ) дружбы, Юрий Меерович Трахтенберг играл все большую и большую роль в развитии моего любопытства.

Все соответствующее трудно перечислить — и знакомство с творчеством Юрия Трифонова через повесть «Отблеск костра», и разъясняющее ксерокопиями книг Осипа Мандельштама, и первое мое знакомство через рассказы о театре на Таганке с его (театра) действующими лицами, и с рассказами о работе клуба «Под интегралом» и объединения «Факел», помогающего при помощи райкома комсомола решать финансовые проблемы

молодежного досуга... Повторю, что именно Трахтенберг воодушевил меня на командировку в Академгородок, где меня поджидало удивительное везение, о котором можно сказать: «Так бывает только раз в жизни»... Думаю, также можно сказать (я о редкостном для себя везении), когда временами задумывался над вопросом: «А начали бы складываться мои везения на встречи, о которых я еще буду рассказывать, если бы я не встретился и с Александровичем, и с Трахтенбергом, просто потому, что родился бы и жил в другом районе, а не в Металлургическом?»

...Итак, Юрий Трахтенберг меня воодушевил рассказами о досуге в Академгородке, Юрий Александрович помог оформить командировку для полета в Новосибирск, и я полетел изучать практику и опыт о рассказанном...

[Реплика для пояснения...]

Через несколько лет, году в семьдесят четвертом–семьдесят пятом воспользовался встречами по линии ЦК ВЛКСМ с коллегами из обкомов по работе с научной молодежью, и обратился к уже знакомому коллеге из Новосибирского обкома с вопросом показать какие-либо материалы, относящиеся к фестивалю бардовской песни в 1968 году, где я оказался в командировке. Он показал, и я сел читать... Это были вырезки из новосибирских газет и копии документов разных организаций... в итоге все в моей голове перемешалось: мои личные впечатления от увиденного во время фестиваля, какие-то мои почеркушки в тетрадке, где я пытался что-то конспектировать из читаемого и штудированного трехтомника Нью-Йоркского издания Мандельштама, что мне дружески дали «на почитать», почерпнутые материалы из Интернета о клубе «Под интегралом».

В конце концов, данные записки — это субъективные заметки, а не повествование под протокол... Признаюсь, как на духу — возникла эмоциональная путаница в голове, когда начал писать вставочный «кусочек» об Академгородке, и все, что вокруг этого события в моем восприятии. Но вот о чем могу твердо говорить: ни в событиях, ни в фамилиях, ни в песнях Галича, т.е. ни в чем, что как-то могло бы скомпрометировать это академгородковское изумительное событие, автор не покривил душой, ибо это было поистине событие в нашем, неловленном никем «воздухе» свободной жизни. Ведь человеческая память — хрупкий инструмент, и не всегда она воспроизводит то, что было на самом деле, тем более, что сам не смог, не успел записать по «свежим» следам, а как такового протокола не велось. Правда, в показанном мне в обкоме новосибирском «деле», были какие-то «кусочки» плохо читаемых стенограмм дискуссий во время фестиваля...

И еще об одном, всегда существовавшем в нашей стране, да и не только в ней одной, а во всех развитых странах мира. Так — сатира всегда существовала, и будет существовать до тех пор, пока будут объекты для сатирического высмеивания. И всегда существовала в любых формах, реакция на сказанное, или спетое, на прочитанное, на нарисованное и т.п. Существовала — от просто чьей-то реплики в адрес «сотворившего» не понравившееся — до доноса (письменного или словесного, но лучше все-таки письменного, так надежнее, по мнению «органов»).

И всегда у меня перед глазами сцена с постоянным «двойным» значением для нашей памяти, ибо одного без другого в жизни просто не бывает. Я о сцене в фильме «Андрей Рублев» — где Скомороха (изумительная роль Ролана Быкова), просмеивающего какие-то огрехи местной власти, и неприметный никому донос монаха Кирилла (актер Иван Лапиков), по которому (доносу) стражники выводят Скомороха для изуверского наказания — т.е. сатира и донос на сатиру, очень часто пересекаются... Причем сатира — это всегда слова, слова, слова, а донос — как правило, это смерть, если не физическая, то уж моральная, со всеми вытекающими последствиями в нескончаемом диапазоне действий... Не могу объяснить этого, но почему-то помню, что когда смотрел эти сцены со Скоморохом, в памяти всплывали какие-то назидательные требования неосознанного о ранее читаемой, но с затруднениями в понимании книги. Я ее где-то чудом купил из-за запрещенности автора — «Творчество Фрасуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» Михаила Бахтина. Почему-то полное название книги в памяти фиксировалось как «смеховая» или «карнавальная» культура Рабле...]

...Клуб «Под интегралом» объединял в себе отдельные клубы по интересам — в его составе были дискуссионный и социологический клубы, а два литературных, песни, танцоров, путешественников. Там проходили встречи с разными интересными людьми по профессиям и делам. Когда я только начал знакомиться с такой удивительной, дискуссионной организацией досуговой деятельности, у меня возникал, пожалуй, один вопрос об иной финансово-организационной работы и они — технари — ее создали при помощи своих инженерных и научно-исследовательских «мозгов», благодаря хозяйственным договорам на исполнительские работы по различным направлениям науки и экономики. Вот так я увидел изнутри эффективность организации труда под, мягко сказать, эгидой комсомола. Организация такого прекрасного фестиваля, дело затратное, и вопрос о деньгах — закономерный.

Вот и я исподволь, во-первых, не специалист в «деланьи» денег, во-вторых, понимал только на уровне: дело-то хорошее и нужное для молодых людей, а деньги как-то и каким-то образом откуда-то берутся, *мотал себе на ус* даже какие-то отрывочные сообщения о механизме добывания денег при организационно-политической помощи райкома комсомола. И таким *приводным ремнем* между кассой, где выдают деньги, и организацией, где они (деньги) собираются для дальнейшего использования, являлось научно-производственное объединение «Факел». Эта была увиденная мной организационная успешность Академгородка. Именно увиденная, но не понятая, ибо задачи командировки были любительские, любопытствующие и не более...

Более подробно, и доходчиво мне рассказали о подходах в таких многоплановых формах сотрудничества в редакции журнала «ЭКО», основанного в 1970 году Сибирским отделением РАН, Институтом экономики и организации промышленного производства академик Абел Гезевич Аганбегян, тогдашний директор этого института, пояснил мне отказ от сотрудничества с объединением «Факел», но сотрудничал с клубом «Под интегралом», до прекращения их деятельности. Так же поступал тогда известный директор Института ядерной физики академик Герш Ицкович Будкер, который на мой вопрос об этом, подтвердил такое свое решение, когда мы встречались во время семинара, проводимого в Академгородке ЦК ВЛКСМ с нами — работниками обкомов по деятельности молодых ученых и специалистов...

Суть фантастической успешной популярности в Советском Союзе этих клубов («Под интегралом» и «Факел») была закономерной. Так, вокруг Академгородка много предприятий, и о проблемах с которыми они сталкивались, и говорить нечего. И молодые инициативные научные работники, инженеры, студенты с удовольствием предлагали свои услуги предприятиям, которые и внедряли разрабатываемые проекты, и оплачивали эту работу на основе хозяйственных договоров. Коль скоро гарантом заключения таких договоров между предприятием и временным творческим коллективом (ВТК) выступал райком комсомола, то он и способствовал должной организации разнообразной культурно-массовой работы молодежи (каков казенный язык тогдашнего выражения мысли!), что всегда требовал ЦК ВЛКСМ и партийные органы повсеместно.

Советский райком комсомола (так райком назывался в соответствии с названием района города Новосибирска — «Советский»), при поддержке райкома партии, и выступил той самой другой «кассой», где аккумулировались поступаемые по безналичному расчету суммы от

предприятий по хоздоговорам, выполняемым научными работниками институтов Академгородка. Назывались такие суммы «привлеченными» райкомом комсомола, и комсомольскими организациями базовых институтов, и расходуются по им же самим утвержденным статьям культмассовой работы, что и являлось отражением пользы «Факела». То есть, в том, что он дает райкому деньги, *заработанные комсомольцами на нужды самих же комсомольцев*. И все это соответствовало утвержденным документам комсомольского райкома по согласованию с райкомом партии. У райкома от договоров «Факела» появились незапланированные официальными (ЦК ВЛКСМ) статьями доходов и расходов *бешеные* деньги, о которых он и мечтать не мог, и поэтому он легко давал их, например, на организацию и проведение фестиваля бардовской песни...

[Реплика в сторону.

Конечно, это не тема записок, но не касаясь причин, можно отметить последовательность крахов клуба «Под интегралом» (1969 год) и НПО «Факела» (1971 год) практически в одно и то же время. Так, против «Факела» («кошелек» клуба «Под интегралом») дружно восстали не только финансовые органы, но и многочисленные ведомственные, включая и «компетентные» инстанции, ибо существование «Факела» высвечивало их неспособность быстро переключаться на новое, искать новые пути, новые решения, способствующие реформам, преодолению рамок часто вымученных планов НИРовских и ОКРовских работ. Боялись конкуренции? Конечно, и не без оснований! Сегодня основатели «Факела» говорят, что создание НПО «Факел» было в духе косыгинских реформ экономики (Косыгин А.Н., председатель Совета Министров СССР, член политбюро ЦК КПСС). Поэтому и решение на уровне политбюро ЦК КПСС, касаясь и даже «Факела», было простое и понятное — закрыть и ликвидировать подобные организационные недоразумения... Ведь гибельность тех самых косыгинских реформ объяснима — создавалась возможность покушения на Систему управления в стране.

Это же относилось и к создаваемой системе клубов «Под интегралом», где, в отличие от «Факела», создавалась та самая возможность покушения на внутривнутриполитическую Систему управления в стране. Тем более уже создавались предпосылки после Венгерских событий (1956 год) — и предстоящих в Польше (1968 год) и особенно в Чехословакии (1968 год). И «Факел» прикрыли, и всякая тогда допустимая деятельность дискуссионных, политических и т.п. клубов (т.е. собирательных встреч) постепенно «затихала» в тесных дружеских объятиях Старшего Брата... Добавлю лишь

в дискуссионность вопроса о нецелесообразности закрытия НПО «Факел» мнение известного академика Никиты Моисеева (Новый мир. 1988. № 4) не совпадающего с мнениями двух других, ранее упомянутых академиков — А.Г. Аганбегяна и Г.И. Будкера... Это так, о наших, в Челябинске, более спокойных, взвешенных перспективах развития подобных отношений, которые уже замысливал Юрий Александрович, но финал начинаний был безуспешен...]

...Полагаю, надо вернуться к молодежи Академгородка, на фестиваль бардовской песни, куда я прилетел без понятия о начавшихся событиях. Там, в марте **1968 года** — неожиданное для меня везение: знакомство с Александром Галичем. Это получилось благодаря моим новым знакомым Геннадию Малькову и Геннадию Алференко из танцевального клуба «Спин», входящего в клуб «Под интегралом» (Геннадий Алференко, благодаря своей энергии стал весьма энергичным общественным деятелем, популярным социальным инноватором, о нем пишут многие, различного характера энциклопедии). Во многом благодаря им, я попадал в число везунчиков при попадании на мероприятия фестиваля. Александр Галич приехал по приглашению интегральцев на фестиваль, позже названным народной молвой: «Бардак–68», прилетающих гостей которого в аэропорту встречал традиционный жизнерадостный плакат (без всякого намека на напрашивающиеся обстоятельства истории): «Барды, вас ждет Сибирь!».

Это было не просто знакомство с «шестидесятником», но и присутствие на его первом и единственном концерте в СССР, где впервые вживую услышал его удивительный голос... Представляет ли современный читатель этих записок, что такое тогдашнее «знакомство с Галичем»? Причем личное, а не только по «магнит–издату» с магнитофонно–слышимыми песнями: «Баллада о прибавочной стоимости», «Старательский вальсок», «Закон природы», «Ошибка», «Ночной дозор», «Памяти Пастернака» и другими? Голова кругом шла от обилия эмоций!

В общем–то, я — рабочий Челябинского металлургического завода, при помощи комсомольского вожака Юрия Александровича, оказавшийся в желанном и мечтательном для многих новосибирском Академгородке, попавшим в окружение волшебного голоса самого Галича. И тоже волей случая участвовал в обсуждении проблем бардовской песни, которое вел известный журналист Леонид Жуховицкий (по чьим публикациям в комсомольско–молодежной прессе я и устремился сюда, знакомиться с опытом клуба «Под интегралом» и НПО «Факел»).

Тогда–то впервые для себя почувствовал сопричастность к *неразрешенному* «ворованному воздуху», в лице Александра Галича, что воочию увидел и услышал особую тему — образ Сталина, приобретающий в его творчестве не просто гротескные, а воистину мистико–мифические черты.

Могу здесь отметить, что когда в *1972 году* встречался с Надеждой Яковлевной Мандельштам, при обсуждении проекта будущей моей дипломной работы по поэзии Осипа Эмильевича, в голове моей звучал «Ночной дозор» Александра Галича (о встрече с Н.Я. Мандельштам позже расскажу). Именно эта метафорически–богатая песня для меня была и остается показательной, не позволившая мне привычно сбавлять тональность разговора о Сталине, да и не *оглядываться* по сторонам...

Но я же сейчас (контекст записок) говорю о песне, где пред глазами своеобразная фантазмагория эпического размаха — сотни тысяч памятников Сталину, лишь недавно убранные в *государственные запасники*, по ночам выходят в город, и на площади устраивают целое шествие: «...То он в бронзе, а то он в мраморе, // То он с трубкой, а то без трубки, // И за ним, как барашки на́ море, // Чешут гипсовые обрубки!.. // Вижу: бронзовый генералиссимус // Шутовскую ведет процессию! // Он выходит на место лобное — // Гений всех времен и народов!.. // Прет стеной мимо дома нашего // Хлам, забытый в углу уборщицей, — // Вот сапог громыхает маршево, // Вот обломанный ус топорщится! // Им пока — скрипеть да поругиваться, // Да следы оставлять линейные, // Но уверена даже пуговица, // Что согдится еще при случае!.. // Восвояси уходит бронзовый, // Но лежат, притаившись, гипсовые. // Пусть до времени покалечены, // Но и в прахе хранят обличие. // Им бы, гипсовым, человечины — // Они вновь обретут величие!..»

И после каждого куплета удары Галича по струнам гитары и по ее корпусу, напоминающие «ночной» стук работников НКВД–КГБ в двери квартир миллионов граждан, и повторяемые слова припева: «И будут бить барабаны! // Бить барабаны, // Бить, бить, бить!»

Не помню — откуда эта фотография... Метафора уж больно интересная...

...Был я в командировке целую неделю, в течение которой на меня сразу же обрушилось столько интереснейшей информации — только реагировать успевай, принимая во внимание данный мне в этот же срок «на почитать» мандельштамовско–американский трехтомник (ещё скажу об этом во встрече с Н.И. Харджиевым).

Как мне сказали (записал в свою подготовленную для записей чего–нибудь *из Мандельштама* тетрадку, куда и далее буду записывать те или иные пояснения за дни), инициаторами фестиваля бардовской песни в Академгородке, проведённого клубом «Под интегралом» были А. Бурштейн, Г. Безносков, В. Меньщиков и другие. Организации фестиваля способствовали клубы песни Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска, Минска, Томска, Красноярска и других городов. Мне говорили, что на протяжении всего времени над головами организаторов постоянно витали слухи — разрешат или не разрешат запланированные дискуссии и концерты, — которые, по каким–то причинам мудро разрешались с партийной выдержкой обкомом партии с соответствующим *районным* исполнителем.

Может быть, они (партийные) предвидели предстоящий финал событий и с «Интегралом», и с «Факелом». Ведь эти *разрешители* на любом уровне

управления, не могли запретить существование Новосибирского Академгородка с подобными *факелами* наперевес с *интегралами*, но выставляя их *щупальцами*, что финансовыми, что идеологическими, могли без комсомольской суеты, но с партийной выдержкой во времени, их *обрубить*, как ненужные... (Вспомни, читатель, как я писал ранее о прошедших событиях в Венгрии, и предстоящих — в Польше и особенно в Чехословакии, где традиционно клубное движение возглавляли молодежные организации, по-нашему — комсомол, *отодвинутые* наступающими силами «пражской весны», которых буквально через несколько месяцев, в августе 1968 года, *отодвигали* от управления страной при помощи советских танков.)

...Кто-то из организаторов, выступая перед началом фестиваля, пояснил, что как бы по аналогии с лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» появился другой — «Люди, интегрируйтесь!» А символом, или эмблемой клуба была чашечка с кофе под знаком интеграла. Это ведь тоже знак общения и свободы, независимости... И знак интеграла незримо парил над всевозможными площадками, на которых творились дискуссии, утром, днем и вечером проходили концерты в Доме учёных, в ТБК, в конференц-зале Института геологии и геофизики, в киноконцертных залах, в студенческих общежитиях.

Условно, я бы так сформулировал следующее — подобное организованно-незапланированное *броуновское* движение на комсомольские деньги при партийной поддержке способствовало формированию следующего вывода. Во-первых, у начальства нельзя просить разрешения — запретит просто от неожиданности любого появления необходимости *разрешения*, и во-вторых, надо ставить начальство перед фактом — оно гораздо охотней разрешает то, что уже есть...

Концерты шли в нескольких залах, ажиотаж был фантастический, и я, мучимый наслаждениями прикасаться к мандельштамовскому трехтомнику, каким-то образом ориентировался в получаемой мной слуховой информации. Помню, наряду с Александром Галичем, меня заинтересовал Александр Дольский, слава и популярность которого, кстати, рожденного и работающего в Свердловске, взлетела яркой звездой именно на концертах в Академгородке во время фестиваля бардовской песни. Помню расписание в одном из залов: первый концерт в полдень, потом в четыре, потом в восемь, потом в полночь.

И вновь в памяти какой-то калейдоскоп, мелькание эпизодов... Как-то запоздало наткнулся на воспоминания самого Галича: «Была минута счастья в 1968 году. Весною того года безумцы из новосибирского Академгородка решили организовать у себя фестиваль песенной поэзии. Это был первый и

последний фестиваль подобного рода... Мы пели по двадцать четыре часа в сутки: мы пели на концертах, в гостинице друг другу... нас приглашали в гости... А в последний вечер состоялся большой концерт в зале Дома ученых. Зал вмещает около двух тысяч человек...»

Вот обсуждение проблем бардовской песни в ТБК (торгово–бытовой комбинат), куда попал из интереса к Галичу, а было это 12 марта (как помечено в моей тетрадке из–за интереса к ведущему этот диспут в ТБК Леониду Жуховицкому). Выступают какие–то люди, говорят о каких–то проблемах — но в разговоре только о Галиче. Порядка очередности и фамилии не помню, выступал кто–то, говорит что–то о языке Галича, и в доказательство своих тезисов пытается его напеть, обращая внимание *интонациями* на языковые особенности, о чем говорил в тезисах.

Выступал и секретарь Новосибирского обкома комсомола по идеологии (потом мне сказали, что это был П. Осокин), и ругает «Балладу о прибавочной стоимости». Логика выступления: герой баллады, вероятно, член партии, собирается за наследством тетки Калерии на Запад, возможно там и останется. Его вывод — выходит, все коммунисты готовы из–за наследства переселиться на Запад? Значит, и я из–за наследства готов переселиться в капстрану? Ну, это уж слишком! Потом он пытается разобраться с «Ошибкой».

Примерно такой же аргументации придерживается и секретарь райкома партии (также потом мне сказали, что это был В. Можин) с последующими разоблачительными вопросами к Александру Галичу. Причем вопросы–обвинения стандартные, как и ныне — об отсутствии у автора чувства патриотизма, сознательности, уважения к народу и т.д. и т.п.

Почему–то никто из выступающих не задумывался о неправомерности ставить знак соответствия подобных призывов с самим жанром — сатирой... и того же знака *соответствия* между автором песни и высмеиваемого персонажа. Умному и догадливому слушателю был понятен адрес песен Галича — чиновник. В песне «Ошибка» Галич, не скрывая сарказма, рисует картину устройства правительственных охотничьих угодий на месте захоронения жертв Великой Отечественной войны.

А «Старательский вальсок» Галича — отнюдь не о золотодобытчиках, а о всеобщей подлости молчания:

...И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по–разному,
Но не против, конечно, а за!
Где теперь крикуны и печальники?

Отшумели и сгнули смолоду...
 А молчальники вышли в начальники.
 Потому что молчание — золото.

...Пусть другие кричат от отчаянья,
 От обиды, от боли, от голода.
 Мы-то знаем — доходней молчание,
 Потому что молчание — золото.

...Мне запомнился своим нетривиальным выступлением какой-то научный работник. Задача сатирика, — помнится, сказал он, — состоит в том, чтобы показать это явление, может быть, гротескно, а не давать его социологический анализ, с выяснением его типичности, и с рекомендациями как с ним бороться, что очень характерно для песен Александра Галича, в которых видится развитие лучших традиций нашей литературы в борьбе с мещанством и обывательщиной... (Признаюсь, запись о дискуссии в ТБК сделана мной по памяти, освобождающейся от эмоций после фестиваля, когда вернулся домой из командировки.)

Помню ночной концерт в каком-то кинотеатре, куда запоздало пришли Александр Галич и Юрий Кукин, которые где-то перед этим выступали. Галича записывали на несколько магнитофонов одновременно, и эти записи разошлись впоследствии по всей стране. Песни талантливых бардов поют уже тысячи людей, отсюда и вывод, бесящий *органы* — «закрыть» Америку, распаханную при помощи магнит-издата уже нельзя... Ну, о своих встречах с Александром Аркадьевичем Галичем на квартире, где я жил в командировке, рассказывать воздержусь, хоть он и давно уже *на небесах*, но договоренность с ним о моем молчании до сих пор меня связывает...

Передо мной, на всю оставшуюся жизнь, был пример шестьдесят восьмого года в Академгородке, когда, несмотря на сложный партийно-комсомольский пресс, технарям из Академгородка удалось провести бардовский фестиваль. Он, конечно же, состоялся благодаря участию Александра Галича, и остался *немутирующей* (от слова «мутация») птицей свободного полета, по-прежнему летящей в памяти многих людей, как пример успеха *компромиссного противостояния* духа свободы и Системы. Ведь никто «тельняшки не рвал», и в противовес — никто «пулеметов» не ставил, так что пытающихся изобразить успех фестиваля только тем, что *жертв-то* не было, не совсем соответствует исходу в индивидуальных применениях. О реальных вариантах-догадках я говорил ранее, в написании страниц о свободных

вздохах свободы в моем сознании и памяти о клубе «Под интегралом», и его прекрасных современниках и сохранившейся памяти... Да, на мой взгляд, это был успешный — хотя и временный — но успешный компромисс...

Недавно, работая, а точнее — вспоминая те, или иные события, набрал в поисковике Интернета клуб «Под интегралом», и мне выкатилось столько файлов на ПК, что я буквально *завис* читая их, на несколько дней и ночей. Конечно, вспоминал и первый концерт участников фестиваля **8 марта 1968 года** в Доме ученых Академгородка, где впервые и услышал песни Александра Галича, Юрия Кукина, Александра Дольского...

Чтобы не мучить тебя, читатель, можешь последовать и моему примеру набора в поисковике упоминания о клубе, и посмотреть уникальный фильм, случайно затерявшийся в Новосибирске — «Запрещенные песенки» о фестивале бардовской песни (<http://www.integralmuseum.ru/istoriya-pod-integralom>).

Когда вернулся в Челябинск у меня в голове строились планы, планы, планы с использованием опыта увиденного и услышанного, для чего помчался к Трахтенбергу с изложением своих идей. Понимал, что с подобными идеями у него и без меня было полно аналогичных в своей голове. Для себя на бумаге излагал, чтобы в разговоре и с ним, и с другими не забыть. В комсомольско-партийной поддержке нашего будущего клуба, пожалуй, не было сомнений. И даже название клуба, как мне показалось, идеологически нейтральное, технически-педагогическо-студенчески обосновано и призывное — «Парабола и гипербола». Посудите сами (это я о названии будущего клуба и своих аргументах говорил, убеждал, мысленно представляя себе оппонентов) — наличие хотя бы двух известных в стране институтов (политехнический, педагогический), с работой в этих вузах талантливых ученых и учебой тысяч студентов, плюс наши, в общем-то уникальные предприятия...

Не скрою — надо мной довлел, повторяю, увиденный опыт и практика и «Под интегралом» и НПО «Факел», довлело состояние эйфории, которым собирался зажечь других... Первое, что сказал мне Юрий Александрович, надо тебе успокоиться и попытаться осмысленно изложить свои предложения на бумаге, потому что попытка изложения будет хоть как-то тебя дисциплинировать. Во-вторых, поговори с другими людьми, более опытными, например, с Трахтенбергом — что они скажут, посоветуют, а позже посмотрим, что делать... Встречи с Юрием Мееровичем в течение нескольких бесед за несколько дней, меня постепенно приземляли и приземляли, и все как-то в сторону, в сторону от моих «хотелок». Я пытался наскакивать на него по-петушиному: мол, ты сам меня завел рассказами об этих структурах, и я

убедился в их реальности, а ты почему–то меня не поддерживаешь, а только... «об стол»!?

Он старше меня на десять лет, и уже повидавший немало в реальной жизни и в Москве, откуда он родом когда в 1959 году оканчивал институт инженеров железнодорожного транспорта; и в Челябинске, где в 1963 году окончил металлургический факультет политехнического института, глядел на меня с печальными глазами, и пояснял посильно понимаемую систему отношений с органами власти на примерах. Так моя эйфория, не размениваясь на пояснения, ушла, так сказать, в сторону...

Может быть, тогдашние записки, сослужили какую–либо службу в будущем, когда Юрий Трахтенберг своими силами, и инициативными возможностями своих друзей через десять лет создали в ЧелябГипромезе свой «Инженерный клуб» (1978–1987), в котором проходило много интереснейших встреч. Как правомерно пишут в энциклопедиях — по инициативе Ю. Трахтенберга на сцене ЧелябГипромеза выступали многие известные артисты. Особое место занимали на сцене клуба авторы и исполнители песен — Юрий Визбор, Александр Городницкий, Александр Дольский, Олег Митяев, Евгений Клячкин, Татьяна и Сергей Никитины и другие. Точнее сказать — он при помощи своих друзей сделал ЧелябГипромез одним из своеобразных российских центров песенной культуры. С искренне *белой* завистью пишу об этом успехе Юрия Мееровича, ибо даже не начав действовать, я как–то ограничился размахиваниями рук от эйфории увиденного в Академгородке, и пояснений своего товарища, чем, не скрою, был расстроен правдивостью, ибо такова была реальность...

...Позже и у нас в Челябинске, моим давним товарищем Александром Кауновым был создан с «нуля» научно–производственный «Практик–центр», разместившийся в центре города на «Площади Революции». С первых же шагов он стал завоевывать популярность, благодаря профессионализму физика А. Каунова, окончившего тот же факультет ракетной техники, что и Владимир Попов, о котором я писал вначале своих записок. Может быть, мои рассказы об НПО «Факел», и ошибочное решение о его закрытии, по мнению академика Никиты Николаевича Моисеева, опубликованные, в частности, в журнале «Новый мир», сыграли какую–то роль для моего товарища в разворачивании своей деятельности, очень начинающей напоминать альянс «Факела» и клуба «Под интегралом»...

...Я впервые говорю так о своей жизни. Нет, я не стремлюсь с позиции сегодняшнего дня плакать по России, которую «мы потеряли» или выставять

себя неким бесстрашным персонажем. Тем более, что сам по традиционным убеждениям того времени был членом ВЛКСМ и КПСС, только никогда не был комсомольско–партийным демагогом или «демократическим» крикуном–обличителем прошлого, даже когда это было модно. Конечно же, мои убеждения изменялись по мере взросления и понимания происходящего. Но что было, то было...

Конечно, для нас был и XX, и последующий XXII съезд партии, были литературные публикации «Нового мира», немногим позже «шалел» от Самиздата, и проникающего в страну Тамиздата, голова шла кругом от нахлынувшего, ибо несистемное чтение многого заменяло системное образование, и я представлял пример этого...

Вслед за Владимиром Высоцким готов повторить:

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана, —
Учителей сожрало море лжи —
И выплюнуло возле Магадана.

И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало, —
Занозы не оставил Будапешт,
И Прага сердце мне не разорвала...

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

Повторить, чтобы еще раз сказать *от себя*, взяв для поэтического сопровождения Высоцкого...

Здесь мне 22–23 года

Да, я «никогда не верил в миражи» коммунизма, потому, что не понимал этого. Да, я мало «отличался от невежд», и «занозы не оставил Будапешт», и «Прага сердце мне не разорвала». Для оправдания могу сказать: в венгерские события мне было 10 лет, а ввод наших танков в 1968 году в Чехословакию поддержал искренне, уверенный в

пропагандистской информации, мол, это сделано нами вынуждено, чтобы помешать НАТО ввести свои танки, хотя мне было уже 22 года, и должен был бы понимать происходящее, но сказывалось должное воспитание *инстинктов*, как в романе Д. Оруэлла «1984». Сказалась и традиционно-советская вера в ответственность печатного слова на примере газет «Правда» и «Известия», а также «Литературной газеты», где ложное слово, а тем более о загранице, исключалось по определению в моем послевоенном воспитании...

Да, «расстрелы не косили», но несколько раз достаточно серьезно, с объяснением перспектив последствий для комсомольского работника, связавшегося не с теми, с кем нужно, беседовали со мной в «компетентных органах» по поводу «чтения и распространения антисоветской литературы». Речь в беседах шла, например, о письме Федора Раскольников — Сталину; письме Эрнста Генри — Илье Эренбургу по поводу «сталинских» кусков в его трехтомной книге мемуаров «Люди, годы, жизнь»; книге Александра Некрича «1941, 22 июня» и стенограмме ее обсуждения в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; книгах «Зияющие высоты» Александра Зиновьева, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Реализм без берегов» Роже Гароди и т.п. Тогда (в беседах) они сделали вид, что поверили моим объяснениям, что мол, случайно попадались мне эти работы, которые находил в лесном парке, трамвае, автобусе и других местах, а от передачи их кому-то напрочь отрекался, чтобы не потянулась цепочка читающих... Ну, если ты никому не давал читать найденное тобой, — говорят беседующие со мной, — то принеси эти статьи и книги, чтобы и мы почитали... Отвечаю, что у меня их нет, ибо, чтобы не было соблазна дать кому-то почитать, я их, насколько помню свои осознанные действия, уничтожил, извлекая какие-то приемлемые аргументы для пропагандистской работы с молодежью... Много позже тогдашние мои собеседники из «компетентных» органов, говорили мне, что, конечно же, не верили в «пургу», которую я нес, но надо же формально зафиксировать в протоколах суть и фактуру проведенных со мной профилактических бесед, и мое глубокое раскаяние...

Как мне говорил об одной из таких бесед Саша Каунов, и рассказ начинал с эпиграфа к написанному им стихотворению — «от лампы свет направленный, уютный кабинет, // Гвоздь от портрета Сталина ещё торчит в стене» — а дальше и само стихотворение по поводу «задушевных» бесед: «Белый пух, тополиный снег, // Время тут задержало бег // Я на стуле сижу верхом, // Я один, а они втроём // До гражданских вопросов дорос // Перекрестный ведут допрос...» ну и так далее... до действительно

рекомендуемого ими руководству института моего ухода из аспирантуры, куда поступил после окончания аэрокосмического факультета.

Александр Дмитриевич
Каунов

[Уместное пояснение.

Между нами с Сашей существовала удивительная связь, какие-то действия «по умолчанию». Теперь могу сказать о практически всех вышеназванных источниках — каким-то образом они попадали ко мне от него — на несколько часов, несколько дней, а то и в ксерокопиях, т.е. навсегда. Всегда, как и по сей день, между нами существовало понимание «сквозной умонастроенности» эпохи, в тонах и оттенках людей, что всегда обуславливало суть наших встреч, где бы он или я не работали... И такое продолжается по сей день, несмотря на расстояние, на то, что со всей многочисленной семьей он с женой, и под стать ей — дочками-красавицами, у которых мужья из Миасса, их детьми, а для Веры и Саши Кауновых — внуками, живут в Москве, а я — в Челябинске]

Да, жил «поднять не смея глаз», потому что боялся понимания своего непонимания: почему в своей стране я — коммунист, не могу говорить то, что думаю. Хотя я не был журналистом, но поведение и мысли главного персонажа фильма «Невозвращенец» по сценарию Александра Кабакова — это во многом похожие на мои мысли и мое поведение, о чем искренно говорил писателю при первой встрече с ним на международной «трифоновской» конференции в Москве, в марте **1999 года**. После этого мы встречались неоднократно, беседовали с ним о Трифонове, чьим учеником он себя считает, о «шестидесятниках» и многом другом в нашей жизни, о чем Александр Кабаков написал в книге-диалоге с Василием Аксеновым. Да, мы послевоенные, «тоже дети страшных лет России», потому, что родились и жили с искривленной моралью и психикой; и какая разница, по правомерному выводу Юлия Даниэля: «мы в тюрьме или тюрьма в нас!», — говорили и об этом с Кабаковым...

Да, так получилось, что «маневрируя» в отношениях с органами, не угодил под следствие и бог миловал от тюрьмы; повезло не сидеть в психушке, что придумал Андропов для диссидентов, как бы

доказывая/показывая Западу об отсутствии в стране «политических»; нет, никогда не слыл антисемитом; не доносил, не предавал друзей и они, вероятно, по той самой причине мне «платили» тем же. Только по «голосам» услышал о нравственном бесстрашии нескольких человек, вышедших в шестьдесят восьмом году на Красную площадь для открытого протеста против введения советских войск в Чехословакию...

Случай и мне представился при случайной встрече в Вене с чехом–бизнесменом Зденеком Франтишиком, где искренне покался перед ним за свою убежденную поддержку такого военного вмешательства, пригласил его в ресторан, где по–русской традиции выпили — и за мое раскаяние, и за трагедию его вынужденной эмиграции, и за что–то несвершенное в жизни моей и его... Потом мы гуляли по ночной Вене, и говорили, говорили...

Прага, август 1968 года. Протестующие против ввода советских войск в Чехословакию. *Getty Images*

Конечно, в моей голове до августа 68–го года, примерно в течение 3–4 лет складывался какой–то не очень для меня понятный образ преобразований в Чехословакии. Немалую роль в таком восприятии играли показанные у нас фильмы: «Лимонадный Джо», «Призрак замка Моррисвиль», «Конец агента», «Старики на уборке хмеля». Само собой, что появившийся позже термин «Чехословацкая новая волна» пояснял поколение чехословацких

кинематографистов, расцвет творчества которых пришёлся на 60–е годы XX века, т.е. в нашем понимании речь шла о «шестидесятниках» социалистической Европы. Не касаясь политических нюансов образования такой Европы, надо сказать и о новой волне в кинематографе Польши, Болгарии, но наш разговор ограничиваю Чехословакией, где более наглядно (я о вышеназванных фильмах) проявлялись сюрреалистические мотивы кафкианского типа, черный юмор, четкие диалоги главных героев. Не скрою, даже сегодня мог бы предметно говорить о перечисленных мной фильмах, но контекст записок ограничивает мое рвение...

И оно как-то преобразовалось в знакомое и понятное для меня стремление собирать материалы о назревающих событиях в Праге, но понятно, материалы эти были ограничены только советскими печатными изданиями, где среди газет, каким-то непонятным для меня чудом оказывались материалы журнала «Проблемы мира и социализма». Именно вокруг публикаций журнала и *роились* малопонятные тогда для меня разговоры молодых челябинских историков, часто собиравшихся в квартире Вавилиных, где инициаторами были Володя Вавилин и его товарищи: Николай Михайлов, Игорь Табашников, Алик Шапиро, Николай Цыбульский. Я пытался уследить в их застольных беседах за какой-то понятной для меня той или иной мыслью, но застолье и есть застолье, и горячность Володи Вавилина и Алика Шапиро перекрывало большинство моих попыток понимания той или иной проблемы, обсуждаемой ими...

...Но вернемся к Зденеку Франтишеку. Мы не сговариваясь одновременно заговорили о патриотизме, за многие годы, так сказать, «вбитом в память» человека. Согласились, что как и всякое чувство, оно часто проявляется в искаженных формах как в словах, так и в действиях, влекущих за собой не только любовь и гордость за свою страну, но и стыд в тех случаях, когда страна делает что-то не так. Одновременно это и готовность раскаиваться за ошибки, несправедливости, которые совершает страна по отношению к соседям или собственному народу. Патриотизм должен идти рука об руку с совестью, а как сложно этому соответствовать...

Помню, по памяти прочитал из стихотворения Андрея Вознесенского, написанного в то время:

Нам, как аппендицит,
поудаляли стыд.
Бесстыдство — наш удел.
Мы попираем смерть.

Ну, кто из нас краснел?
Забыли, как краснеть!..

...Обязанность стиха
быть органом стыда.

Зденеку понравились эти стихи, он их записал под мою диктовку, и попросил еще почитать. Я ему читал и Вознесенского, и Евтушенко, и Наума Коржавина, и закономерно, что были вдохновлены строками: «Обязанность стиха // быть органом стыда», переключившись на роль поэтов в сближении людей разных стран. Это было для меня как «спусковой крючок» на продолжение ранее начатого разговора о неправомерности действий нашего правительства в Чехословакии, т.е. вспомнил самиздатовские материалы, появившиеся у меня в конце *1968 года*, где были ссылки на газету «Литерарни листы», орган чехословацких писателей.

Но позже меня поразила точная мысль Лена Карпинского: «Наши танки в Праге, если хотите, были *анахронизмом*, “неадекватным” оружием. Они “стреляли” по идеям без всякой надежды поразить цель». Я бы нахально попытался продолжить эту мысль на уровне обыденного мышления: ее (цель) и невозможно было поразить, ибо никому в мире не удавалось расстрелять «воздух», а ведь об этом и идет речь — о воздухе свободы, который ни у кого не спрашивает ни о чем... Просто им дышат, и в с е... даже не задумываясь о его идеологически–географическом «насыщении» — коммунистический или капиталистический, советский или чешский.

Зденек спросил меня, ссылаясь на Иржи Ганзелку и Мирослава Зикмунда, известных в мире путешественников, знаю ли я стихотворение Евтушенко о танках в Праге? Конечно, знаю, — ответил ему, и прочитал:

Танки идут по Праге
в затканой крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.
Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков...

...Прежде, чем я подохну,
как — мне не важно — прозван,

я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.
Пусть надо мной — без рыданий —
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

Зденек вытер платком слезы — вероятно, что-то вспомнил о себе, и спросил, тоже ссылаясь на память, не удерживающую публикации в «Литерарни листы», помню ли я о каких-то русских протестующих на Красной площади против ввода танков, о которых складывали легенды. «Да, сказал я, это было двадцать пятого, через два дня после вторжения, их, протестующих, было восемь человек — Наталья Горбаневская, Лариса Богораз, Татьяна Баева, Павел Литвинов, Владимир Дремлюга, Константин Бабицкий, Вадим Делоне, Виктор Файнберг. И лозунг у них был, мне запомнившийся — “За вашу и нашу свободу!”, потому что это было выражение Александра Герцена, поддерживающего поляков в борьбе с самодержавной Россией, и демонстрация длилась приблизительно минуту-две, когда милиционеры “свернули” их. Помню это из самиздатовской “Хроники текущих событий”, которую читал, кажется, году в семидесятом-семьдесят первом. Как мне помнится, там цитировалось и мнение из Ваших “листов” или какой-то другой газеты об этой “восьмерке”, что-то об уважении к ним, и отсутствии ненависти к русским у чехов за такой поступок».

И мы еще раз с желанием выпили по этому поводу с воспоминаниями и чтением стихов...

И в продолжение чехословацких событий...

Много позже, году в 2009, я встретился в издательстве «Собрание» с Леонидом Шинкаревым — «Легендой российской журналистики», такое почетное звание было присвоено ему Союзом журналистов России. В этом издательстве вышла моя книга, подготовленная совместно В.Д. Поликарповым «Юрий Трифонов и советская эпоха» и книга Шинкарева «Я это всё почти забыл. Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году».

После поздравлений друг друга с вышедшими книгами, мы, естественно пошли в стоящее рядом с издательством кафе с одной целью — послушать свидетеля событий, всколыхнувший весь цивилизованный мир. Само собой подаренная им книга требовала от автора подробного рассказа, и показа

фотографий, даже не вошедших в книгу. Конечно, я не могу пересказать опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году — это надо спокойно читать, хоть в книге 450 страниц... Но в нашей встрече меня влекло и другое. Я знал, что легендарный известинский журналист Леонид Шинкарев был инициатор соблазнения Евгения Евтушенко на фантастическое путешествие по Лене на карбасе «Микешкин». Книга об этом была у меня с автографом поэта, ну а теперь к этому прибавился и автограф профессионального журналиста, благодаря которому в географической истории поездок Евтушенко, остался и этот ленско-сибирский «след»... И член нашего союза «евтушенковедов» Леонид Шинкарев увлеченно мне рассказывал тогда — как встречали поэта в 2004 году в ирландском городке Гелвэй: «Встав с мест, люди скандировали три русских слова: “Спут-ник!”, “Га-га-рин!”, “Ев-ту-шен-ко!”...» Конечно, я чувствовал гордость за страну, которая тремя словами — помните теорию «шести рукопожатий» — своеобразно пожимала руки, обнимала ликующих ирландцев от имени «шестидесантников»...

На фото те самые повзрослевшие «шестидесантники» (справа налево): *Евгений Сидоров*, комсомольский работник МГК, министр культуры РФ, посол России в ЮНЕСКО, первый секретарь Союза писателей Москвы, автор книги «Евгений Евтушенко: личность и творчество»; *Юрий Нехорошев*, «Евтушенковед Номер Один» со всеми вытекающими отсюда издательскими преференциями по творчеству Е.А. Евтушенко; *Леонид Шинкарев*, журналист.

(Фото из семейного архива Нехорошевых)

Возвращаясь к очеркам события, о которых рассказывал «евтушенковед–шестидесантник» Леонид Шинкарев, как бы присоединяясь к нашей встрече с чехом Зденеком Франтишеком. У нас тогда даже и предположений не было, что через несколько лет партийно–государственные руководители СССР, ГДР, Венгрии, Болгарии, Польши примут совместное заявление, осудившее ввод войск Варшавского договора в Чехословакию как вмешательство во внутренние дела братского суверенного государства...

* * *

7. Трест «Челябметаллургстрой» (П.И. Сумин, В.В. Мякуш) * Е.В. Вайнштейн * Я.С. Крючков * Л.Д. Семичастный * Н.Ф. Кравцов * С.П. Королев * В.М. Шукишин...

...Как-то естественно у меня нарушается, и возможно будет нарушаться календарно-хроникальный порядок изложения. Это к тому, что так начал растекаться «мыслью по бумаге», что чуть не упустил два неописанных года, и последующие события. Они, так или иначе сыграли свою роль в расширении познания жизненных обстоятельств и круга новых друзей, пропитанных тем самым духом времени, что и подвигло меня на написание данных записок.

[Реплика — поясняющая — в сторону: от меня к себе же.

Мое увольнение с завода и переход в строительный трест повлекло такие жизненные движения, к чему я был не очень готов. Во-первых, надо мной не довлела дисциплина рабочей смены (насколько помню: «с утра», т.е. с 7.30, «в день», т.е. с 15.30, «в ночь» т.е. с 23.30). Во-вторых, изменение ситуации с «рабочим днем» влекло за собой изменение ситуации той или иной «загруженности» того самого рабочего дня, которое зависело только от моей дисциплины, что влекло за собой тренировку «самодисциплины» с привыканием к ответственности за планирование свободного времени. В-третьих, очень поменялся алгоритм моего рабочего дня: от понятной (отсюда и условная монотонность) работы машинистом-оператором на прокатном стане у меня наступало время, требующее от меня неожиданной подготовки к различным ситуациям, возникающим в ходе строительно-монтажных работ (о них имел тогда весьма приблизительное знание, а тем более понимание). Об этом ведь надо грамотно рассказывать по радио Всесоюзной ударной комсомольской стройки на строительстве кислородно-конвертерного цеха. Прибавлялось и умение беседовать с рабочими, с их (организаций) руководителями, т.е. я вступал не на свое «поле», будучи начинающим филологом перед ними, как правило, инженерами. Думаю, меня спасало априори их уважение к моей работе журналиста (хотя, какой я журналист, в отличие от Юры Федорова, с кого и начал свои записки), поэтому, как я тогда полагал, чувствовал, что они догадываются о моей, мягко сказать, некомпетентности, но им было неудобно проявлять свои знания... Это я к тому, что неминуемо стремился хоть какими-то возможными для меня мерами повышать свою техническую грамотность,

готовясь к репортажам на ту, или иную тему... А вот здесь и наступает вчетвертых, что позволяло мне знакомиться и как-то располагать к себе разных людей, беседующих достаточно откровенно о проблемах их волнующих, получающих взамен расположение и откровенность собеседника (т.е. меня), ибо уж здесь не превалировали ни производственные темы, ни грамотные термины...]

В январе **1969** года перешел на работу в строительный трест «Челябметаллургстрой», такое же, по значимости, градообразующее предприятие как металлургический завод, где и начинал свою трудовую деятельность с **1962** года. Трест создавал все, что планировалось для работы на ЧМЗ.

ЗАГС Металлургического района, 1968 г. Нас напутствует заведующая Попова Янина Яновна. Далее (слева направо) наши свидетели: Павел Рабин, Юрий Трахтенберг, молодожены Шитовы, и свидетельница (не видно её лица) Лена Грабчак и ее дочь рядом со свидетелями—мужчинами.

Мне удивительно повезло — женился на любимой девушке, которая сопутствовала во всех моих жизненных перипетиях за многие годы, моих разнообразных комсомольских делах своим интеллектом и культурой, женским терпением...

Тем более, на материальном положении семьи, после увольнения с завода, сказалось и мое поступление в *1968 году* на заочное отделение филологического факультета Уральского госуниверситета им. А.М. Горького. Поступлением в университет во многом обязан родителям жены — Ивану Григорьевичу и Вере Семеновне Вавилиным (с первого дня семейной жизни обращался к ним как к «отцу» и «матери»). Их всегда буду помнить, как говорится, «до собственной гробовой доски», за фантастический характер уважения и спокойствия к нашей только-только начинающейся, а потом и к продолжающейся семейной жизни. А об их дочери, жене моей Людмиле (Миле) и говорить нечего, повторив только в превосходной степени характеристики ее родителей. Имею в виду их полную поддержку во всех моих «шагах», что касалось, например, перехода с уровня высокой зарплаты машиниста-оператора блюминга «1300» на заводе до весьма невысокой в тресте «Челябметаллургстрой».

Они — все трое — согласились с выбором, поддержав мое решение стать руководителем радиовещания на Всесоюзной ударной комсомольской стройке (ВУКС) кислородно-конвертерного цеха на ЧМЗ, инициатором которой был областной комитет комсомола во главе с первым секретарем Виктором Петровичем Поляничко, и осуществлял уже упомянутый «Челябметаллургстрой» (ЧМС). Их общими решениями и была создана такая необычная рабочая *точка* — радиовещание ВУКС, где пересекались рабочие орбиты обкома комсомола, проектных и научно-исследовательских институтов Южуралстроя, строительных управлений ЧМС и некоторых структур ЧМЗ.

Я как-то задумался: а откуда взялись те самые ударные комсомольские стройки, на одной из которых мне повезло работать? Историю комсомола я знал, отсюда и вопрос, и одновременно ответ: в 20-е — 30-е годы молодежь была нацелена на освоение авиации, занятиями спортом (значки ГТО) и т.п., что объяснялось подготовкой к будущей войне; в 40-е годы — сама война с фашизмом; 50-е — 60-е годы — освоение целинных и залежных земель; 70-е годы — все цели подчинены промышленной деятельности: работа на предприятии, строительство новых объектов ударными темпами... Вот и необходимость появления ударных строек, с параллельно существующим субъективно-объективным *бардаком* в строительстве — ведь надо быстрее, быстрее пускать строящиеся объекты, а лучше, так и с опережением сроков, что и *заложено* в самих субъективно-объективных обстоятельствах... А кого можно подвинуть на такие естественные по духу «авантюры»? Только не совсем технически грамотную молодежь, мчащуюся на ударные стройки по разным причинам непонимания наступающих условий жизни, с разными

вариантами исподволь вбивающих в наши головы еще с детства. Здесь уместен вывод: у каждого времени свой общественно–политический характер, который не перенесешь из одной эпохи в другую, как бы не хотелось тому, или иному *переносчику*. Мало того, что невозможно одно *время* перенести в *другое*, так ведь и их (времена) невозможно спутать, ибо он (характер) порождает уникальные явления в жизни, не поддающиеся повторению. Это я и о сути своих записок и о явлениях, и об эпохах, и о ... да Бог знает, о чем, что может представить себе думающий и мыслящий читатель о действиях *переносчиков*.

...За время моей работы на строительстве ККЦ я продолжал дружеские отношения с Петром Суминым, тогдашним секретарем комитета комсомола ЧМЗ, ставшим через годы губернатором Челябинской области, сменившем на выборах предыдущего главу — Вадима Соловьева. Наша дружба с Петром Ивановичем, сменилась позже на дружеское приятельствование до его кончины. У него многому научился, начиная с тех первых лет совместной работы на ВУКС.

Почему дружба на приятельствование сменилась? Даже когда он стал губернатором области, и во время какого–то моего обращения по делу, вернувшись из–за границы, оказался в его кабинете, и быстро обговорив решение проблемы, собрался уходить, но он остановил меня вопросом, что остановило меня. Помню, он сказал, мол, почему я не обращаюсь к нему с какой–либо личной просьбой, другие–то обращаются, даже начинаешь уставать от выполнений, а ты не обращаешься, хотя дружим уже около тридцати лет. Попытался ответить в таком же тоне, но с большей долей шутливости: мол, не обращаюсь, потому, что не хочу, чтобы ты уставал из–за меня. Ты же кому–то должен поручить выполнение просьбы, а тот, по каким–то ему ведомым причинам, тормозит выполнение, тогда я опять иду к тебе с жалобой на этого нерадивого, ты вновь поручаешь тому обязательно выполнить, а он опять тормозит... И что мне ходить от тебя к нему, от него к тебе с жалобами на твоих подчиненных, по поводу которых тебе надо уже принимать какие–то наказательные решения? И что в итоге: я устаю от волокиты твоих чиновников, а ты устаешь от меня, осознавая свою вину из–за чиновничьей неисполнительности, и неизбежности принятия каких–либо мер в отношении того–или иного своего чиновника, а если еще он какими–то обязательствами связан с тобой, то итоговая коллективная неприязнь достается мне... Так зачем же мне своими руками порождать проблемы на свою голову? Поэтому, Петр Иванович, дорогой, я как гражданин могу тебя послать, еще и адрес тебе указать, куда тебе надо идти, а ты, как человек

власти при исполнении, этого не можешь сделать мне в ответ. Поэтому оставь меня в покое с моими проблемами, которые я сам должен разрешать, а ты, в свою очередь, *разруливай* областные, успех которых, может быть, и поможет в разрешении моих...

Там же на стройке началась наша дружба с молодым еще тогда Владимиром Мякушем, постепенно становящимся думающим секретарем комитета комсомола треста «Челябметаллургстрой» — это чэмзовец Петр Сумин меня познакомил на строительном комплексе с ним. Как и я рожденный в Metallургическом районе, Володя Мякуш проработал в ЧМС почти двадцать лет, начиная электрослесарем до властных структур в тресте, сталкиваясь и эффективно решая непростые насущные вопросы людей, и что важно отметить в моих записках, — занимался проблемами немцев-трудоармейцев. В ежедневной комсомольской и последующей — управленческой работе он имел возможность в практической работе наблюдать дисциплинированность, аккуратность и профессиональные качества работников-немцев, и всегда высоко ценил их моральные деловые качества, национальные особенности немецкого характера, традиции и обычаи российских немцев. (И о Петре Ивановиче Сумине, и о Владимире Викторовиче Мякуше с учетом уважения к ним, и должностям ими занимаемым, можно достаточно много прочитать в Интернете и в соответствующих различных энциклопедиях. А уж наши друзья-комсомольцы, которые, возможно, будут читать эти записки, с удовольствием дополнят мой краткий, далеко не совершенный и незавершенный рассказ о них, успевших сделать и делающих много насущных дел для нас в Челябинской области.)

...Начальником такой стройки, а точнее — начальником комплекса был Ефрем Владимирович Вайнштейн, талантливый руководитель, изобретатель, инициатор и организатор внедрения метода сетевого планирования и автоматизированной системы управления «Аккорд» при строительстве крупных объектов, способствующей внедрению новшеств, получившей развитие и на других подобных стройках. Его выдержка и спокойствие дисциплинировало всех руководителей и работников, присутствовавших при разборе самых разных ситуаций на сложнейшем объекте. А начиналось внедрение таковой системы «Аккорд» впервые в Советском Союзе на строительстве блюминга-автомата «1300» с непрерывно-заготовочным станом (обжимной цех № 3), где я уже закончил работать, перейдя в трест ЧМС. (Поверь мне на слово, читатель, после этих строк что-то во мне

встрепенулось памятьливое — еще на этой заводской стройке память молодого рабочего фиксировала какие-то лица, а тем более, когда возглавлял совет молодых рабочих завода, а вот начав работать на строительном комплексе ККЦ вновь видел уже знакомые лица.)

Как я и делился своими доморощенными любительскими наблюдениями через некоторое время нашего дружеского знакомства с Я.С. Крючковым, тогда главным инженером комплекса — о Е.В. Вайнштейне. В силу своих познаний, говорил, что это был весьма привлекательный по мышлению и масштабным по делам на такой комплексной стройке начальник, страстный по натуре, стремящийся побеждать возникающие обстоятельства.

В дальнейшем (после увольнения из ЧМС с переходом на работу в обком комсомола в *1971 году*) мне уже не пришлось с ним работать, но я следил за ходом *его* строек, благо они находились под вниманием обкома комсомола, как ударные всесоюзного масштаба. И я слышал мнения не только о системе «Аккорд», позволяющей по-прежнему внедрять новые технологии, но и мнения, объясняющие успех Е.В. Вайнштейна в соблюдении и требовании дисциплины и порядка на стройке, как таковой, и строительном комплексе, в частности, определяющим алгоритм строительства. Когда в последующем, при создании мной научно-учебного центра «Менеджер», я сталкивался в преподавании с популярнейшими книгами Дейла Карнеги, то у меня в памяти всегда присутствовал Ефрем Владимирович Вайнштейн, с его организацией взаимоотношений с людьми на стройке.

И параллельно в моей памяти — суждение Сергея Павловича Королева, Главного конструктора «по космосу» в СССР, адресуемого тем, с кем он сталкивался в своей работе (цитирую по памяти): «Если ты выполнил работу в срок, но не качественно, все вскоре забудут, что ты выполнил работу в срок, но будут помнить, что ты ее выполнил некачественно, и наоборот — лучше опоздать со сроками, качественно выполняя работу, но остаться в памяти людей, что любое порученное дело ты выполняешь качественно».

*Конечно, я не знал, не был знаком с этим Великим конструктором мечты человечества, давшим возможность почувствовать всемирно-осязаемый ДУХ космического пространства. Ведь он был именно Первым для всего человечества, открывшим дверь для познания неведомого никому безграничного космоса... Только единицы в стране знали, да и то не в полной мере, что **О** ему пришлось преодолеть на земле — арест, физические пытки в НКВД, расстрельный приговор, замененный лагерями для «врагов народа», бериевскую «шарашку», создавшую условия для того, чтобы конструирование*

и полет первого спутника Земли в 1957 году осуществил тогда ещё нереабилитированный «враг народа» Сергей Королев... Это был для меня потрясающий пример ВЕРЫ человека в дух свободы!!!

Если бы, условно говоря, в зримо–представляемом действии можно было, то не сомневаясь в правомерности своих действий, отнес бы и Е.В. Вайнштейна и С.П. Королева к тем самым «шестидесятникам» (куда я и отнес Д.Д. Шостаковича), о духе которых во времени я и пишу, и не думаю, чтобы кто–нибудь посетовал бы на их возрастные или другие особенности.

Почему–то Ефрем Владимирович решил, что я в «авторитете» в комсомольских организациях на уровне области, и просил меня вместе Анатолием Семиногом, редактором спецвыпуска газеты «Комсомольская правда» на строительстве кислородно–конвертерного цеха, и популярнейшим в области журналистом Александром Ляпустиным, помогать ему и созданному штабу стройки в решении насущных проблем строительно–монтажных коллективов ВУКС. Потом эта просьба, кроме реальных ежедневных дел, еще послужит для меня базой в будущей работе, на основе программы частного предпринимательства немцев Челябинской области при содействии правительственных структур ФРГ...

Эх, читатели мои, очень сожалею, что место заметок не позволяет мне рассказать о каких интересных, профессионально подготовленных руководителях, и специалистах тех самых многочисленных коллективов ВУКС я мог бы поведать более подробно...

Остановлюсь на двух примерах, соответствующих, по моему мнению, контексту данных записок.

Первый — Семичастный Леонид Дмитриевич, начальник строительного управления «Стальстрой», а когда закончилась ВУКС, через некоторое время возглавил крупнейшее территориальное объединения «Южуралстрой»... Вспомнил я о времени нашей совместной работы на ВУКСе с радостью, и помню до сих пор. Этот большой начальник, не смущаясь своей высокой должности в сравнении с моей маленькой, незначительной, широко улыбаясь, пришел в тесную радиорубку для радио–беседы со мной. Хотя наша беседа планировалась, но я, признаюсь, был не очень профессионально готов к ней, и неожиданно для меня разговор между нами состоялся, только благодаря собеседнику.

Может быть, я расположил его к себе, сказав, что помню Леонида Дмитриевича задолго до встречи на строительном комплексе, где мы и находимся. Где встречались? Сказал о знакомстве со школьных лет с Анатолием Машковым (я о нем говорил ранее), и вот как–то на его (Машкова)

тренировке видел вас и нашу спортивную легенду Лидию Скобликову... Какая уж тут беседа о стройкомплексе, когда Леонид Дмитриевич увлеченно стал рассказывать о конькобежном спорте, вспомнил и о Машкове, но в большей степени говорил о Скобликовой, вспоминал с улыбкой о временах, когда-то в молодости вместе с ней бегали на коньках, и о других спортсменах, с кем он по-прежнему встречается. Он говорил, как в свое время участвовал во всех челябинских и общесоюзных соревнованиях по конькобежному спорту, и что был хорошим спортсменом, но окончил институт, и забыл, что такое спорт, потому что если спорт мешает учебе, то спортсмен говорит, бросай учебу, а производственник говорит, бросай спорт и занимайся работой. Мол, вот и я сделал выбор, — сказал он. — Ведь с приходом в строительное управление оставил и сам спорт, и судейство, а в прошлом был судьей республиканской категории по конькобежному спорту... Какая уж тут запланированная беседа, а тем более я-то понимал о своей профнеподготовленности к серьезному разговору...

Мы перешли в другую комнату, где обычно встречались перед совещанием у Вайнштейна, продолжая наши разговоры. Мы были вдвоем, нам никто не мешал, хотя временно поменялись местами — теперь он больше спрашивал, исходя уже из моих спортивных дел плюс пятилетняя учеба в суворовском училище, разговор у нас перекинулся на другое, о чем захлеб говорил ему — о прозе Аксенова, стихах Евтушенко, осторожно говорил о песнях Александра Галича... (Ведь я еще находился в состоянии эйфории и от прошедшего фестиваля в Академгородке, и от своих несбывшихся, но своих же мечтаний о таком же нашем клубе, похожем на «Под интегралом.») Почему об этом говорил с Л.Д. Семичастным? Так я видел перед собой жизнерадостного человека, любящего юмор, и поясняющего мне, почему он спрашивает о прозе Аксенова и других, ему подобных писателях и поэтах. Он говорил о понимании, что такая литература волнует его сына, да, и еще слышит от него упоминание о каких-то «шестидесятниках», и обращается ко мне за пояснением о том, кто это такие... Ведь студентам все интересно, как бы оправдывался он передо мной, а мне некогда интересоваться такими литературными *вывертами*...

И когда мы позже вернулись к необходимости все-таки сделать на радио беседу между нами, мы вновь неожиданно, по его инициативе, вернулись к затронутой ранее теме «шестидесятников». Он пояснил, более аргументировано: мол, сын студент политехнического института, они живут немного другими интересами, например, в авторитете у них театр «Манекен», победитель Всесоюзного фестиваля в Москве, со своими спектаклями и идеями, так, например, как говорил мне сын, нам — студентам, интересно

читать Салтыкова–Щедрина, потому, что в театре готовится спектакль «Сказки» по произведениям этого писателя... И я опять забыл о договоренности с Семичастным о беседе, и пошел «растекаться мыслью» по древу — стал увлеченно рассказывать о «Манекене», о братьях Морозовых, руководителях этого театра, что живут в нашем Metallургическом районе рядом с кинотеатром «Орленок» на улице Сталеваров, о произведениях царского чиновника Салтыкова–Щедрина, по которым театр «Манекен» планирует спектакль...

Как тогда мне рассказывали сами братья Морозовы о московских спектаклях, так я и обрушил на голову Леонида Дмитриевича их рассказы. Говорил, например, о миниатюре «А что я мог сделать один?» На сцене создается массовое беспорядочное движение, где выходящие перед зрителем актеры задают только один вопрос «А что я мог сделать один?», и когда хаотичность упорядочивается, то все актеры, выстраиваясь в шеренги по три–четыре человека, и повторяя бодрое скандирование, маршируют из одного конца сцены в другой конец. Вот тут в нашем разговоре с инженером Семичастным я для примера и привел песню Галича «Закон природы», где рассказывается о группе людей, которые «чеканя шаг» шли по мосту: «...И, раскачавшись, рухнул мост... // Потому что у природы // Есть такой закон природы — // Колебательный закон!.. // Если все шагают в ногу — // Мост обру–ши–ва–ет–ся!..»

А после фурора, произведенного на начальника управления «Стальстрой», уже коротко излагал миниатюру «Китобои». В ней, в главной роли представлял популярного манекеновца Гену Зайцева: то он стоял на табурете в роли профсоюзного лидера (и я вскакивал на стул), то он был в роли единственного воздержавшегося на собрании матроса, которого кит уносит в океан...

Мы разговорились о том, о сем, и я стал более обстоятельно рассказывать о «шестидесятниках», пояснив перед этим мое понимание диссидентов, на то время, комментируя и ситуацию с Борисом Пастернаком на основе прочитанной мной статьи Жан–Поль Сартра «Холодная война и единство культуры», случайно попавшей мне для досье «Пастернак» (журнал «Иностранная литература», 1963, № 1). В контексте этой статьи говорил о работе ЦРУ, блестяще сработавшей против нас нашими же руками. Почему я это уточняю для читателя? Дело в том, что у меня на языке был вопрос к нему: «Тот памятный для всех бывший председатель КГБ СССР Семичастный Ваш родственник?» — «Да!» — «Если это не военная тайна, то можете ли сказать: а где он сейчас работает?» — «Никакой тайны, тем более военной, нет. Его

перевели третьим первым заместителем председателя Совмина Украины». Я пояснил Леониду Дмитриевичу свой интерес к его родственнику: он же много лет был первым секретарем ЦК комсомола, и по наущению Н.С. Хрущева выступил на комсомольском пленуме против Бориса Пастернака, сравнив того со свиньей, что и было отражено в моем доморощенном досье на поэта... Ну, а то, что Леонид Дмитриевич знает где работает его брат, говорило о его родстве, ибо официальная информация о бывшем председателе КГБ СССР была куцей: переведен каким-то заместителем председателя Совмина Украины. И все... Да и меня это интересовало по причине его связки с комсомолом (все-таки бывший первый секретарь ЦК) и последующей — с «делом» Бориса Пастернака... А уж как относились знаковые фигуры «шестидесятников» к событиям вокруг Пастернака и говорить нечего...

Потом неоднократно встречались как на ВУКСе, где он, надо отдать ему должное — искренне поблагодарил меня за экспромтную помощь ему, как отцу. Дело в том, что он использовал мои суждения и пояснения, выступив в каких-то беседах с сыном, которому он сказал свое мнение о «шестидесятниках», о театре «Манекен» и многом другом, что ему удалось подчерпнуть из бесед со мной. Он рассказал о реакции сына на такие неожиданные познания отца. И много позже, уже на другой работе мне доставляло удовольствие встречаться с любящим юмор, красивым, умным профессионалом Леонидом Дмитриевичем Семичастным, к сожалению, скончавшемся в 2008 году. Еще в 2001 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Челябинска».

...Рассказывая о Л.Д. Семичастном я не забывал, выбирая место в моем рассказе о некоторых перипетиях моей работы на комплексе, где руководил Е.В. Вайнштейн.

Наряду со многими событиями, одним из важнейших для меня была встреча с главным инженером комплекса Яковом Самойловичем Крючковым, продолжающая с *1969 года* по настоящее время (уже *коло 45 лет отношений* не по службе, а по духу времени). Он представлял собой какой-то удивительный сгусток потрясающего профессионализма, такого же юмора и жизнерадостности. О других его проявлениях можно говорить не менее восторженно, но в контексте данных заметок выкажу для меня основополагающую характеристику — интеллигент, и он же «шестидесятник» по духу и по жизни. Рядом с ним в моем восприятии и мой памяти, его красивая — плюс все подобающие характеристики — жена Лиля, несущая все тяготы рядом с мужем, чей удивительный *интеллигентный*

интеллект (во как!) сразу же притягивал с первых минут знакомства с ней, а уж о последующей дружбе с семейством Крючковых, и говорить—то нечего.

На фото справа налево: Я.С. Крючков; Татьяна Матвеева (переводчик) и Ф. Кунце, менеджер-консультант из ФРГ, приехавший по нашей немецкой программе.

Их удивительно сближала работа, отличающаяся незначительными нюансами: Яков Самойлович — организатор технологии развития производства, главный инженер крупнейшего комплекса ВУКС на ЧМЗ, где собраны ведущие строительные управления «Челябметаллургия» для создания нового для страны кислородно-конвертер-

ного производства, а Лиля Крючкова, являясь кандидатом экономических наук, работала преподавателем Челябинского политехнического института, крупнейшего на Южном Урале учебного и научного исследовательского центра.

Мне удалось от них — обоим заряжаться неуёмной энергетикой, позволяющей им, кроме науки, читать востребуемую литературу «шестидесятников», а это не только книги, но и текущие журналы (где «Новый мир» играл ведущую роль), смотреть новинки серьезного кинематографа, обсуждать и новые спектакли как челябинских, так и приезжих театров. Например, они были инициаторами группового похода в маленький неприметный кинозал мест на сто, в каком-то клубе на окраине города, куда ввалилась наша группа человек сорок на еще неизвестный тогда фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих». Такую полемику Лиля эмоционально завела среди зрителей, после просмотра — о нравственности во времена после гражданской войны...

И как они по моей просьбе обзвонили друзей и знакомых с приглашением на обсуждение (уже и не помню, в какой библиотеке, или Дворце культуры) в то время самого скандального, а потому и опасного по культурным последствиям романа В. Кочетова «Чего же ты хочешь?», на наш взгляд, разделившего общественное мнение страны, на два противоположных лагеря. Ух, какая была полемика с аргументами Саши Каунова, Крючковой и

других... Так получалось, что на двух, так сказать, челябинских площадках «шестидесятников» — гостеприимные и хлебосольные квартиры Крючковых и Кауновых — собирались наши голосистые энергичные глотки для выяснения истинного положения дел, что нас тогда волновало. Иногда компании объединялись в одной квартире, но в большинстве случаев порознь на разных площадках из-за возрастных отличий, не разрушая общность в состоянии духа...

На строительном комплексе мы сразу же во время нашего знакомства с Крючковым прониклись взаимной симпатией друг к другу *в тонах и оттенках*, что и обусловило суть стремлений и к нашим последующим встречам: обменом, встречающимися мне материалами *самиздата*, публикациями стихов (на первом месте — Евтушенко) и других публикаций. Напомню — шел *1969 год* с начала моей работы в ЧМС. Энергия во мне бурлила, требовала выхода: в радио-работе на ВУКС во многом меня поддерживал консультациями Яков Крючков (все-таки главный инженер комплекса). Его опека молодого, не очень опытного корреспондента тоже оказывала свое влияние на реакцию профессиональных руководителей управлений на мои, где-то не совсем грамотные действия.

Это была его инициатива — уже в конце рабочего дня (кажется, по пятницам) я выступал в пустующей «вайнштейновской» комнате для совещаний с рассказами и чтением стихов разных поэтов, и другими эмоциональными дополнениями о прочитанной литературе (прозе, поэзии), об увиденных фильмах, само собой разумелось, «шестидесятников». Заходили все желающие на такие выступления, возникающие и совершающие экспромтом. Вообще-то саму идею таких сборов подала Лиля Крючкова, приглашая на эти встречи своих знакомых и друзей из разных институтов, так или иначе работающих на строительстве ККЦ на ЧМЗ, т.е. бывающих по работе на комплексе, но задерживающихся после ее окончания.

...А теперь, читатель, представь себе ситуацию, сложившуюся в одну из пятниц — конец рабочего дня, я рассказываю что-то, кажется, о Евтушенко, читая его стихи, при этом кто-то тихо заходит, кто-то тихо выходит, и вдруг вижу тихо вошедшего Николая Филипповича Кравцова, начальника стоящегося кислородно-конвертерного цеха, вставшего у стенки и слушающего стихи. Признаюсь, у меня, как у баскетболиста хорошо развито боковое зрение (хоть смотрю прямо, ведя перед собой мяч на площадке, но каким-то образом глаза фиксируют происходящее слева и справа), т.е. не останавливаясь в чтении, могу воспринимать его (Кравцова) движения. Судя по его недоуменному выражению лица, он не понимает, почему это в комнате для совещаний кто-то читает стихи. Я видел его — крупного, кряжистого

человека, слышал по командам на стройке: громким голосом, привычным по мартеновскому цеху, да еще и понимал, что он — потенциальный хозяин производства, воздвигаемым всем строительным комплексом, а тут иное молчаливое поведение.

Потом Николай Филиппович сказал, что помнит меня по какому-то напористому разговору, еще тогда — председателем молодых рабочих завода, по какому-то вопросу дошедшего до руководства цеха, где он тогда работал. А тут видит, как он мне рассказывал о своей реакции, этот председатель молодых, тогда еще член заводского комитета комсомола, читает какие-то стихи... И у меня неожиданно появился повод — вот так, запросто побеседовать для радио стройки с будущим хозяином сложнейшего производства, которое воздвигается «Челябметаллургстроем», и это несмотря на часы, на которые он посматривал... Я же его не тянул за язык, когда он начал задавать мне вопросы о Евтушенко, Аксенове и других «шестидесятниках», пояснив, что слышал эти имена от детей — студентов ЧПИ, и которые стремятся поступить в театр «Манекен», о котором я тоже очень кратко рассказал... Не передать содержание нашего разговора с жизнерадостным начальником будущего кислородно-конвертерного цеха!

И в беседе с ним, я почувствовал, что и у штаба стройки и у него — производственника, есть «точки» пересечения с гражданами немецкой национальности, которые оказываются более дисциплинированными в работе, более исполнительными, скромными. Не скрою, тогда это совпадение отозвалось у меня каким-то эхом, непонятно откуда взявшимся, и туда же — в никуда — девшимся в моей памяти. Таковое уже было со мной при различных встречах и с Л.Д. Семичастным и с Я.С. Крючковым...

Завершая рассказ о них в этой седьмой части записок, задавал тогда, и задаю сейчас себе Шекспировско-Гамлетовский вопрос о влиянии мучений о Гекубе. Чем же их, встречаемых мной сугубых профессиональных производственников, волнуют времена «шестидесятников», каких-то евтушенков, аксеновых, братьев Морозовых с их «шестидесятническим» театром «Манекен», и другими персонажами?

И даже в данных записках, улыбаясь риторическому вопросу, оставляю его без ответа последующим поколениям — это я о Шекспировско-Гамлетовском вопросе о Гекубе... (*«Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» — Эти слова произносит Гамлет по поводу мастерства актера, описывающий страдания Гекубы, жены убитого царя Приама. Впечатленный искусством перевоплощения актера, его способностью переживать события, никак*

лично его не затрагивающие, Гамлет в очередной раз возвращается к знаменитому вопросу о мотивах действия или бездействия человека.)

Продолжая и сегодня свои записи, перед глазами *памяти* — пусть простят меня Шекспир с Гамлетом — нравственная суть рассказа Василия Макаровича Шукшина «Думы». Написал название рассказа и тут же остановился — если начну писать, анализировать, то места в записках будет недостаточно для каких-то убедительных пояснений ощущений, собирающихся для подобных пояснений, читая этого великого писателя...

Поэтому отсылаю читателя к рассказу — кого к повтору для памяти, кого — к читаемому вновь, ибо раньше как-то не пришлось прикоснуться к этой потрясающей простой незатейливой, но глубинной философии чувств русского человека, что свойственно для творчества В.М. Шукшина — гения русской литературы...

* * *

8. *Металлургический район * НУЦ «Менеджер» * Вадим Соловьев * Маркус Эдерер * Хорст Ваффенимидт * Немецкая программа частного предпринимательства... * Усилия Гуго Вормсбехера...*

Если следовать логике, то предыдущий материал, должен быть продолжен последующим материалом, ибо «связка» у них одна — трест ЧМС. Я решил их не совмещать (седьмую и восьмую части), так как в этом случае значение неразделенного материала создавала, на мой взгляд, путаницу в восприятии — такая разделенность просто напрашивалась.

Почему я заговорил о немцах ЧМС? Трест «Челябметаллургстрой» создавался и развивался в ходе строительства объектов металлургического завода. Поскольку объекты были различные по своему промышленному назначению, то и возникающие строительные подразделения были разнообразными по характеру «использования»... В основе создания строительного теста ЧМС лежала организация и функционирование *трудоармии* — основного источника рабочей силы, возникшей летом 1941 года после указа и последующего закона «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Под статьи закона, обусловленного обстоятельствами военного времени, попадали и военнослужащие РККА немецкой национальности, и политические эмигранты из Германии и стран Восточной Европы, находившиеся в СССР, и советские граждане других национальностей.

Лагеря, где находились *трудоармейцы*, располагались в разных местах нашего Металлургического района, но доступных для доставки тысяч людей всякими путями: пешком в колоннах, доставляемых в вагонах, и на открытых платформах до мест работы. До сих пор хранит детская память тени идущих, идущих, идущих — каких-то лиц, естественно, не помню, а именно идущие тени... Когда ходили строем, то всегда в сопровождении военных с собаками — опять-таки в воспоминаниях ребенка: лай собак, какие-то дядьки с автоматами ведут «тени» других. Помню — по улице Мира, где я родился и жил, были проложены железнодорожные рельсы, по которым ходили какие-то вагоны с людьми. Взрослея, узнавал, что и на моей улице, и на другой, параллельной нашей, Социалистической, функционировали железнодорожные тупики. Там, кроме перевозки людей из вагонов-площадок разгружались различные стройматериалы для мирного строительства: жилые дома, какие-то

маленькие двухэтажные общежития, скорее напоминающие бараки, такие же магазинчики, типа сельпо и т.п. объекты. От подобных тупиков к строящимся жилым кварталам были проведены другие кольцевые узкоколейные дороги, по которым кирпич, раствор и другие материалы подвозились к стройкам домов на вагонетках с конной тягой.

Думаю, поэтому стоящие и по сегодняшний день улицы Мира и Социалистическая, как-то своим «внутренним островком», напоминающим прямоугольник, ограниченный улицами Сталеваров и Дегтярева. Он тянулся на несколько сот метров, и был обустроен, так называемыми, «немецкими домами», окаймляемые другими домами, строящимися тогда уже нашими строителями. Вероятно, дальнейшее изменение облика домов внутри какого-то прямоугольника между этими двумя улицами (Мира и Социалистическая), были обусловлены простым обстоятельством — узкоколейки были демонтированы по каким-то причинам, а доставлять строительные материалы другим способом было невозможно. До сих пор храню в своей памяти воспоминания о теплоте и удобстве построенных квартир в этих *немецких* домах из красного кирпича (кто жил в Metallургическом районе, помнит такие дома на этих улицах). Имею в виду свою квартиру в доме «7-Б» по улице Мира, где я прожил с *1946 года* (когда родился) по *1972 год* (когда перешел с ЧМЗ и ЧМС в обком комсомола).

Думаю, что эта интуитивная *памятливая* память детства и обусловила мой интерес к проблеме жизнеустройства немцев, о чем я сказал в первой беседе с Маркусом Эдерером и Послом ФРГ Клаусом Блехом... Еще расскажу об этих встречах.

...Я как-то не заметил перехода *себя* в другие измерения *качества действий*, под воздействием субъективно-объективных факторов: суворовское училище — завод + уличное воспитание — ВУКС — комсомол — партия (социология) — философско-социологическая диссертация, защищенная во время работы социологом, заместителем начальника ОТиЗ на заводе «Профнастил» — институт культуры — НУЦ «Менеджер» + «Программа развития частного предпринимательства немцев Челябинской области»...

Именно при разработке этой программы и столкнулся с волнующей проблемой о концентрированном появлении (в моем восприятии действительности) граждан немецкой национальности в Metallургическом районе? Опуская все существующие пояснения о причинах возникновения крупных промышленных предприятий в области в ходе войны (эвакуация, пленные на стройках, работа самих предприятий...), обращаю внимание, что

под воздействием решений XX съезда система ГУЛАГа постепенно и повсеместно разрушалась, но людей—то, амнистированных людей из лагерей куда девать? По различным объективным причинам в течение нескольких десятилетий происходила активная ассимиляция, а тут новая гигантская проблема: рухнула Берлинская стена и возникла необходимость, желанно объясняемая — объединение Германий и открытие границ для воссоединения «немцев всей Земли» под флагом ФРГ.

На территории Metallургического района продолжало оставаться крупное поселение (из трудармейцев) граждан немецкой национальности. Для относительного сравнения, опуская предвоенные и первые послевоенные годы, немцев в Челябинской области проживало: в 1953 году — 46 тысяч 280; в 1970 — 40 тысяч 690 человек. Об отношении власти к вкладу трудармейцев в создании промышленных предприятий в области говорит и такой факт: первый мемориал *трудармейцев* в Челябинске возведен в Metallургическом районе за шлакоотвалами ЧМЗ (судя по всему, не нашлось в районе другого места). Отмечу, что второй мемориал *трудармейцев* воздвигнут в центре района рядом с римско-католической церковью, где было совершенно торжественное перезахоронение останков неизвестного трудармейца — под алтарем заложена капсула с прахом его погребения в Metallургическом районе (символическое перезахоронение произведено с места массового — около 30 тысяч человек).

О существующих проблемах говорило и такое обстоятельство: после войны в районе проживало до 10 тысяч советских немцев, которым нельзя было возвращаться в места, из которых они были выселены... (полагаю, это традиционные районы Поволжья, Саратова). Лишь в 1964 году это несправедливое решение советской власти было отменено, мотивируя тем, что в указе «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев — советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, и подтвердила, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения своим трудом способствовало победе СССР над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в повседневной жизни страны.

Надеюсь, читатель понимает обстоятельства, пока не очень осознаваемые, подвигнувшие меня на поиски решения проблем и для

родителей, дедов и бабушек многих моих друзей — где я, и где правительство...

По инициативе Челябинского научно-учебного центра «Менеджер» в АНХ РФ было начато чтение курса лекций по программе частного предпринимательства немцев Челябинской области. На открытие курса — на фото слева направо: А. Шитов; Станислав Могилевский, доцент; Абел Гезевич Аганбегян, ректор АНХ РФ.

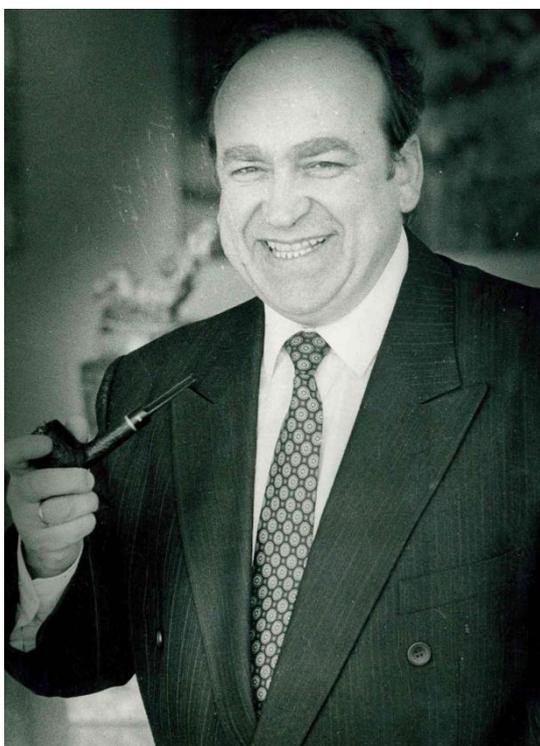
Дело в том, что в 1989 году при помощи друзей с комсомольских времен организовал Челябинский научно-учебный центр «Менеджер». Начал проводить учебные курсы, как в России, так и за границей: Болгария, Венгрия, ФРГ, Эстония, Австрия, Бельгия, Италия, Финляндия, Франция. Только любопытство — получится у нас, или нет — привело меня к идее создать прецедент двух-уровневой целенаправленной подготовки

руководителей в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Предлагаемая двухярусность заключалась в том, что в один учебный период (ориентировочно полтора месяца) слушатель обучается в двух уровнях: сначала неделя-две в АНХ, потом — в Германии. Промежуток между Академией и Германией используется для занятий, подготовки реферата по выбранной слушателем теме и защите реферата. Далее следует поездка в Германию для продолжения практической учебы.

Так как мы уже от нашего центра посылали группы на учебу в АНХ РФ, и я уже был знаком с кое-какими особенностями учебного процесса, то после краткого обсуждения предлагаемого варианта и в Челябинске, и в Москве, пошел для финального решения к Ректору АНХ — Абелу Гезевичу Аганбегяну. Кратко напомнил о нашей встрече по инициативе ЦК ВЛКСМ еще в Новосибирске, по вопросам клуба «Под интегралом» и НПО «Факел», и изложил суть нашего предложения.

Пропускаю подробности нашего обсуждения из-за успешного решения. Там же за его столом возникло по инициативе спонтанный разговор о его

головной боли. Он получил задание от Правительства сформировать группу для обсуждения целенаправленных инвестиций в Россию. Планировалась поездка в Лондон, с участием и представителей из других стран. Российская группа должна быть из нескольких представителей Правительства и ответственных чиновников.

Директор Челябинского научно-учебного центра «Менеджер»

это уже был известный социальный инициатор в России — Геннадий Петрович Алференко, о нем уже готовились статьи в различных энциклопедиях (о чем свидетельствует и Интернет)

Его рассказ был у меня в голове, и поэтому не думая о каких-либо невозможностях свершения, предложил Аделу Гезевичу: мол, Вы откажитесь от традиционного формирования таковой небольшой группы из правительственных чиновников, пойдите другим путем. Например, недавно назначены главами администрации (позже — губернаторами) Тюменской и Челябинской областей молодые руководители Юрий Шафраник и Вадим Соловьев, а вместе с ними пригласите опытных банкиров из этих регионов, и такое слияние молодости и опыта продемонстрируют инвесторам творчески-профессиональную активность молодых, поддерживаемую опытом профессионалов. Я не знал тюменского банкира, но хорошо был знаком с

Читатель, вероятно, улыбнется фантастичности изложения моего предложения: какой-то неизвестный Шитов из Челябинска и западные инвестиции, обсуждаемые в Лондоне. Но не забудьте — шел *1992 год*, и различных инициатив в России еще как хватало! Впрочем, как и неожиданных, спонтанных инициатив тоже! И я вспомнил, как Гена Алференко (помнишь его, читатель, по рассказу о поездке в Академгородок в 1968 году) рассказывал, когда мы с ним встретились в Москве, как он в 1989 году организовал первую поездку в США Б.Н. Ельцину. Она сделала будущего Президента России более известным в кругу ведущих политиков и бизнесменов Америки, и одновременно познакомил его с американской действительностью. Ну, так

челябинским — Братишкин Михаил Иванович, председатель правления «Челиндбанка», который уже сотрудничал с центром «Менеджер», и, насколько мне известно, помог области экономически выстоять в трудные времена. Для эффективности предложений, зная уникальность наших предприятий, предложил от имени Соловьева, сформировать, так называемый атлас инвестиций по разработанной схеме, и перед поездкой в Лондон сделать эти атласы в переводе на русский, английский и немецкий языки.

Вернулся в Челябинск, сразу к Вадиму Павловичу Соловьеву, где покался в несогласованной с ним инициативе с атласами, но махнув на это рукой, он сразу же пригласил в кабинет заместителя — Виктора Борисовича Христенко, и они стали обсуждать варианты реализации этих спонтанно–сформулированных предложений Ректору АНХ России.

После нескольких месяцев работы, буквально перед посадкой в самолет прямо в аэропорт привезли еще с запахом типографской краской напечатанные три варианта на русском, английском, немецком языках атласы челябинских инвестиционных предложений. Как мне рассказывали и В.П. Соловьев и М.И. Братишкин, их выступления тандемом приятно удивили хозяев — сначала молодой глава региона предлагает, демонстрируя атласы, потом — опытный профессиональный банкир своими пояснениями подтверждает сказанное. Излишне говорить, что уже в первый день до обеда, все привезенные и выложенные на столы атласы были разобраны... Юрий Константинович Шафраник в 1993 году был назначен министром топлива и энергетики России. Абел Гезевич Аганбегян *поставил* обещанную, в случае успеха моей авантюры бутылку армянского коньяка. Виктор Борисович Христенко через некоторое время был приглашен работать в Правительство РФ...

...Это я так подкрадываюсь (для читателя) к созданию в моей голове Программы частного предпринимательства немцев Челябинской области. Это неосознанно происходило во время моей работы в тресте «Челябметаллургстрой», где постепенно «обрастал» друзьями немецкой национальности при строительстве кислородно–конвертерного цеха на ЧМЗ. Например, каждый месяц, а потом и каждый квартал профсоюзно–комсомольский штаб стройки *мучился* с проблемой: определить лучшего рабочего по профессии, лучшего мастера, лучший участок на строительстве. Проблема была не из простых: во всех случаях, как ни крути, анализ определения лучшего показывал, что на первые места, как правило, выходил немец по национальности, а надо было хоть как–то показывать, что и другие не хуже могут работать, что и было на практике...

[...Чтобы читателю постепенно становилось понятна взаимосвязь проделываемой мной работы «на комсомоле» и последующих инициатив, иногда просто авантюрных, сталкиваясь с профессионалами труда — немцами по национальности — как-то сама по себе формировалась в голове пока неосознанная программа частного предпринимательства немцев нашей области. Конечно, к этим ощущениям добавлялись и личные воспоминания — пленные немцы, строящие жилье, мое проживание в «немецком» доме (1946–1974 годы), воспоминания о тепле построенных ими квартир, появление в среде друзей немецкой национальности... Не скрою — сама идея возможности таких предложений была порождена воздухом перемен «шестидесятничества», а также аналогом нашей областной комсомольской программы работы с разными категориями молодежи. Но аналог с таковой программой понятен — комсомол с разными формами и методами — а тут неожиданные предложения, роящиеся в моей голове по развитию частно-предпринимательской деятельности!/? Тогда этот комсомольский документ образовался на основе добавления не просто «с разными категориями молодежи» но и с учетом различных уровней реализации предлагаемого. И еще надо было учесть существенное дополнение. Предложения иных форм и методов работы в той комсомольской программе основывались не просто на практике, а на использовании обобщения научных разработок проведенных социологических исследований, как в области, так и в стране. А что мы могли сегодня предложить в «частно-предпринимательскую» программу?]

Так вот — о программе взаимодействий с различными категориями граждан немецкой национальности. Ведь друзей и знакомых из среды немцев становилось все больше и больше, и возникал вопрос: что я могу предложить для изменения желанного и осознаваемого ими ориентира в жизни. На основе читаемых книг по экономике, менеджменту, управленческим решениям, полагал и полагаю, что таковой анализ эффективности принимаемых мной решений и формулируемых предложений должен проходить на «поле» человеческого и социального ландшафта, постепенно изменяющегося отношения к собственности как в обществе, так и в государстве. В таком освоении «полей» необходимо понимать, что человеческий ландшафт удивительным образом пересекается существенными низменностями интересов людей. И над всем этим — понимание неспешности предполагаемых действий.

Разрабатываемая нами программа частного предпринимательства была ориентированная на конкретную категорию немцев Челябинской области.

Наши предложения были вызваны стремлением через экономику на основе частного предпринимательства создать условия для решения многих проблем для работы в районе. Нет, мы не способствовали стремлению уезжать в Германию, просто своими предложениями стремились помочь в освоении и нового современного оборудования (Германия же объединилась), и знании языка и особенностей обычаев жизненного общения. Это много позже познакомился с документами межправительственной российско–германской комиссии по проблемам российских немцев (МПК), и ролью, которую играл в этом процессе уполномоченный правительства Германии по делам переселенцев, парламентский статс–секретарь Х. Ваффеншмидт. Тогда осознал, что на сугубо интуитивном понимании потребностей реальных людей, я предлагал действия в рамках МПК, не зная о ее существовании. Но и было другое обстоятельство — я с «шашкой наголо» — вмешивался в политическую «игру» Б.Н. Ельцина и канцлера ФРГ Г. Коля, не понимая сути происходящего...

В 1991 году Б.Н. Ельцин назначил Вадима Павловича Соловьева губернатором Челябинской области. Мы знали с ним друг друга еще с времен дружбы с Евгением Катульским, потому, что Соловьев начинал свою работу мастером на ЧТЗ, затем в комитете комсомола завода, Тракторозаводском райкоме, Челябинском горкоме, обкоме комсомола, затем заворотделом ЦК ВЛКСМ, член бюро ЦК, возвращение в Челябинск на партийную работу, где он и «встретил» в августе ГКЧП, и ему надо было принимать решение об этой «организации» порядка... Он и выбрал решение, после чего и был назначен главой администрации области, хотя на эту должность по всем составляющим «анкеты» и предыдущего опыта работы претендовал Петр Сумин, как председатель областного совета, где, в частности, заместителем по внешнеэкономической деятельности работал яркий «шестидесятник» Александр Каунов.

...В *1992 году* я готовился к командировке в Москву, с дальнейшим вылетом в Германию, для чего, надеясь на везение, на всякий случай были переведены (спасибо переводчику Тане Матвеевой, помните её на снимке с Я.С. Крючковым и Ф. Кунце) и напечатаны все материалы программы. Тогдашний губернатор области Вадим Павлович Соловьев знал меня и по комсомольским действиям, и дружбе с Е. Катульским, поэтому действовал решительно и молча, когда я к нему пришел с просьбой о подписании документов в Германию. Он подписал официальные письма в адреса правительственных чиновников ФРГ, начиная с министра финансов Теодора

Вайгеля, статс–секретаря МВД Хорста Ваффеншмидта (он «держал» в своих руках миллионы марок, выделенных на решение проблем российских немцев) и других, не менее важных и значимых людей в разных федеральных землях, с чем я и полетел...

А дальше хроника моих действий после прилета в Москву развивалась неожиданно стремительно, во многом благодаря профессионализму тогдашних работников Посольства...

Четверг. Утром звоню наугад в посольство Германии, говорю дежурному, что я из Челябинска, с кем могу кратко побеседовать по экономическим вопросам положения немцев области... Затем, взявшему трубку телефона, и представившемуся экономическим советником посольства, прошу уделить десять минут (и не больше) для встречи. Следует любезное приглашение в Посольство...

Пятница. Встреча с представившимся мне по телефону Маркусом Эдерером (Markus Ederer), референтом Посла по экономическим вопросам (прекрасно говорящим по–русски). В кабинете он задает вопрос: «А почему я точно сказал о десяти минутах, ведь русские, как правило, говорят о желанной необходимости “поговорить” по тому, или иному вопросу?» — Ответил: «Пять минут я Вам рассказываю о сути моих предложений, тем более они переведены на немецкий и у Вас в руках. Другие пять минут на Ваши четкие вопросы и мои ответы, если будет что–то непонятно из представленных Вам бумаг. Мне хватит выделенного Вами времени».

Опускаю все подробности беседы, которая по инициативе Маркуса Эдерера растянулась на два часа. Я видел, что инициатива была искренняя, он вежливо кому–то отказывал в оговоренном времени... Беседа закончилась, я передал господину Эдереру все материалы по программе, кроме писем и других подробностей нашего губернатора Вадима Соловьева (просто не взял их с собой на беседу), и откланялся в очень хорошем настроении... Но я по–прежнему не мог себе ответить на вопросы: «А что дальше — ну, повезло в посольстве, поговорили, а что мне дальше делать с заготовленными бумагами, как их передать адресатам в Германии? А если не будет никакой поддержки от посольства? А какую поддержку ты ожидал, на что сам рассчитывал?»

Вечером того же дня звонок в гостиницу — мой немецкий знакомый вежливо интересуется: смогу ли я встретиться завтра с господином Клаусом Блехом (Klaus Bleich) Послом ФРГ в посольстве, где я уже был? Конечно!!! И он далее продолжил: мол, несмотря на субботу, посол, ознакомившись с

переданными материалами, изъявил желание встретиться с русским, зная, что Вы, Алекс, улетаете в воскресенье в Берлин...

Суббота. Встреча с Послом проходила около часа. Не скрою, после обмена любезностями, он сразу же меня спросил: мол, почему я — русский так заинтересованно отношусь к проблеме жизнеустройства немцев? Потом были вопросы и мои откровенные ответы, подкрепленные дополнениями о немцах в области, в целом, и в Metallургическом районе, в частности... Маркус Эдерер заинтересованно участвовал в беседе и профессионально способствовал моему молодому неумению комфортно ощущать себя в Посольстве, и мягко, с юмором и улыбкой переводил мою временами возбужденную речь. В заключение господин Посол, совершенно неожиданно для меня, предложил передать с водителем, который отвезет меня в гостиницу, заготовленные пакеты с материалами и письмами губернатора области, которые уже в понедельник утром его (посольской) почтой, если я не возражаю, будут немедленно переданы адресатам в Германии...

Можешь представить себе, читатель, мое совершенно обалдевшее состояние — ехал в Германию (заграница!), не зная куда, и к кому, а получил совершенно царский подарок: неожиданная и радушная встреча с Маркусом Эдерером, встреча с Послом ФРГ, предложение об услугах по доставке наших челябинских предложений по германским адресам...

Такова была моя первая встреча с немецким чиновничеством — на уровне референта посла и с самим Послом — нескрываемое дружелюбие без всякого расчета. По крайней мере, я так считал и оказался прав!

Ну, а дальше, по мере моих встреч в Германии в течение последующих лет, после быстрой, четко проведенной встречи и решения организационных вопросов в течение нескольких часов встреч в посольстве, деловой градус моего настроения медленно — с годами — падал...

Но начиналась тогда неделя в Германии просто великолепно.

Понедельник. Только в воскресенье прилетел в Берлин — звонок господина Эдерера: мол, скоро мне позвонит Ханс-Юрген Каак, представитель МВД ФРГ, руководитель группы «Русские немцы». Он, после нашей встречи сегодня будет договариваться о возможной встрече в Бонне со статс-секретарем МВД Х. Ваффеншмидтом (напомню: он «держал» в своих руках десятки миллионов дойчмарок, выделенных на решение проблем российских немцев).

Вторник. Машина у гостиницы. Дорога в Бонн — там встреча с господином Хорстом Ваффеншмидтом, который, вероятнее всего, привык, что русские всегда просят, как правило, денег, и сразу же обратился ко мне с прямым вопросом: «Я что-то не понял из присланных мне Ваших документов из Москвы, какая же сумма вам нужна, сколько Вам денег надо?» — До сих пор помню его недоуменную реакцию на мой ответ: «Нисколько! Вероятно, Вы из-срочности доставки документов, не успели дочитать их до конца, может быть, я пока покурю, а Вы не спеша сумеете их дочитать?» — А что мне было терять? Я же вот стою перед федеральным министром, и никуда не бегу, а тем более ничего у человека, стоящего передо мной, привычно для него не прошу денег, а наоборот — предлагаю сэкономить их на основании выгодного сотрудничества, как мне по своей наивности казалось, сотрудничества и экономического, и политического. Но суть моего заблуждения я стал понимать гораздо позже, примерно через несколько месяцев, а тогда продолжал находиться в состоянии удивительной эйфории...

Вернулся после «перекура», и мы только продолжили обсуждение привезенной разработанной нами программы, как зашел какой-то мужчина, пожав руку хозяину кабинета, а мне вежливо кивнув, что-то спросил у господина Ваффеншмидта, а тот ему стал отвечать... Но переводчик, приглашенный для меня молчал (команды-то ему для перевода не было), хотя беседа, судя по всему, меня касалась, увидел, что вошедший держит мои документы по программе с письмом Вадима Соловьева. Я среагировал уже на переводимые мне слова хозяина кабинета, обращенные к только что вошедшему — мол, вот приезжий гость с программой, который, надеемся, и пояснит нам некоторые вопросы. И обращаясь ко мне, поясняя: «Это министр финансов Германии, ему, как и мне, не совсем понятно — сколько же денег Вы просите?» — И у меня был прежний, с добавлениями, ответ, разъясняющий суть наших предложений. На что пришедший (тут переводчик мне помог, назвав его — Теодор Вайгель, министр финансов ФРГ) сказал: «Впервые сталкиваюсь с тем, что не просят, а предлагают!» — Улыбнулся мне, и, после обмена рукопожатиями, вышел из кабинета что-то сказав его хозяину на прощание (это мне не переводилось). Вероятно, сказал что-то стоящее, ибо я почувствовал изменившийся тон нашей с господином Ваффеншмидтом беседы...

Среда-четверг-пятница. После возвращения из Бонна в Берлин последовали поездки в Дюссельдорф, где встречался с федеральными чиновниками земли Северный Рейн-Вестфалия, начиная с господина Клауса Маттизена, Министра экологии, землеустройства и сельского хозяйства,

господина Георга Вильгельма Адамовича, его личного референта, а также господина Вильфрида Баймана, заместителя Министра экономики, средних предприятий и технологий той же федеральной земли. И везде был радушный прием и обещания содействия в реализации программы... Уже в Берлине была многообещающая встреча с господином Петером М. Рейхером в Дойче Банке...

Везде я подробно говорил о механизме реализации придуманной нами программы, нацеленной на развитие частного предпринимательства немцев Челябинской области, опираясь на заявочное стремление конкретного (для примера) А. Мюллера, А. Депершмидта, Р. Кайзера, К. Келлера, и других...

Депершмидт Александр
«Востокметаллургмонтаж
-1»

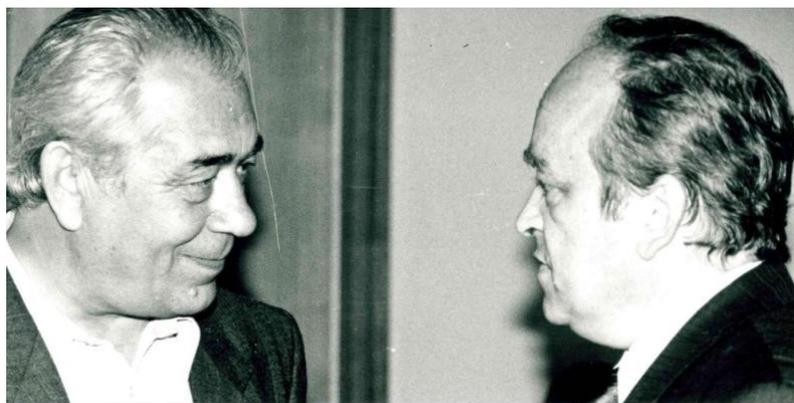
Кайзер Роман —
СУ «Стальстрой»

Мюллер Альфред —
«Востокметаллургмонтаж
-2»

[Фото из энциклопедического справочника «Немцы и Челябинская область» / Сост. А.Я. Нахтигаль. — Челябинск, 2015 — 250 с.]

Потом рассказывал на страницах газет «Берлинер Morgenpost», журналов «Виртшафтсвохе», «Штерн», в выступлении по телевидению ФРГ, и на конкретных примерах только-только начинающейся реализации программы, мы рассказывали и показывали в Челябинске господину Бернду Циземеру, корреспонденту авторитетнейшего в ФРГ издания «Хандельсблатт», прилетевшему по моему приглашению. Он общался и с Олегом Третьяковым, молодым руководителем им созданного производственного объединения «Технополис», и с другими предпринимателями, задействованными в этой комплексной программе.

Мы с К. Келлером обсуждаем алгоритм предлагаемой многоуровневой учебной программы в АНХ РФ, по которой ему предстояло обучаться.

Каждый раз говорил и в беседах с различными чиновниками, и с журналистами, что наша цель — не препятствие свободному выбору человека, стремящегося выехать из России, а стремление помочь сделать его (выбор) более осозанным, более подготовленным, что, на мой взгляд, достигается на

основе творчески подготовленного целеполагания — развития частного предпринимательства.

Например, некто Мюллер (для примера взял распространенную фамилию) решает создать маленькую авторемонтную мастерскую для машин немецкого производства (рынок же таких машин расширяется):

1) подает проект-заявку по согласованной форме, где указывается: характер предприятия, наличие/отсутствие необходимых площадей (земли), наличие/отсутствие инженерных или иных коммуникаций;

2) созданная структура в Германии (с теснейшим взаимодействием с филиалом в Челябинске) рассматривает заявку и принимает решение по ее реализации, а точнее — начинается поиск соответствующего оборудования или через *приобретение*, или через *бесплатное получение* от фирмы, как в рекламных целях, так и будучи демонтированным для замены новым на предприятии, к примеру, на Volkswagen (для этого даже во время моей первой поездки, и благодаря содействию господина Хорста Ваффеншмидта, посещал руководство Volkswagen для обсуждения этого предложения);

3) данное оборудование целенаправленно, для Мюллера, направляется в Челябинск для размещения;

4) по инициативе губернатора Челябинской области соответствующими структурами определяются те, или иные формы гарантий и льгот функционирования данного малого предприятия.

Излишне говорить, что все это сопровождается целым спектром обстоятельств: страховые, банковские, таможенные и т.п. услуги, при желательном контроле со стороны СМИ, как немецких, так и российских.

Хочешь работать на присланном немецком оборудовании — читай инструкции по пользованию; ах, слабо знаешь немецкий язык — иди учиться на предлагаемых для этого курсах в Челябинске (даже вариант обговаривался с руководством 96-й школы, специализирующейся на углубленном изучении немецкого языка, где работала Татьяна Матвеева, профессионально переводимая наши документы перед моей поездкой в ФРГ).

Итак, *все* выделяемые Правительством, в лице Хорста Ваффеншмидта суммы — на немецкой территории с соответствующими налогами, страховыми, банковскими, таможенными и прочими услугами, т.е. немецкие марки *не* «пересекают» границу и находятся под контролем служб Германии.

Созданный филиал этой структуры в Челябинске, в принципе находится на самоокупаемости. Лишь незначительные суммы, подчеркиваю — очень незначительные суммы, и то экономически обоснованные, могут выделяться Германией для целевого использования этим филиалом, в том числе с обратными тратами на немецкой земле.

Ну и чем предложенная нами программа развития частного предпринимательства немцев Челябинской области могла не подойти? (Правда, позже, мне один весьма разумный человек, знающий подобную практику, так ответил на мой вопрос: мол, дурак же ты, Шитов, ведь предлагаемая тобой программа напрочь исключает допустимую и подразумеваемую *дележку* средств как той, так и другой стороной, ведь исключение перечисления немецких марок лишает «распил» российскими чиновниками, и немаловажно — *дележку по понятиям* с чиновниками другой стороны... А оставление *дойчмарок* в Германии, ставит их чиновников в незавидное положение контроля их службами.)

И в первом приближении (продолжая свои рассуждения об объективной пользе нашей программы) — результат от присланного оборудования и работы на нем: даже, если этот условный Мюллер, через некоторое время не оставит своей надежды переехать с семьей в Германию? Страна получает профессионально подготовленного работника, освоившего работу на немецком оборудовании, прилично говорящего на немецком языке, т.е. *не* налогового нахлебника для бюджета.

Вынужден повторить свой риторический вопрос: «Ну, и чем предлагаемая нами программа не устраивала господина Ваффеншмидта?»

Понимаю, что у него — федерального министра — свои интересы в «играх», которые из-за политики, он вынуждено затевал, были свои

обязательства, но и политика Б.Н. Ельцина и российских министров, в силу определенных обстоятельств, была непредсказуемая. Они-то (это я о ельцинских министрах) для СМИ радели в целом — за осуществление на полученные от Хорста Ваффеншмидта немецкие деньги каких-то преобразований в Поволжье, в Саратове, в Омске, Томске и других областях, но очень *не забывая* себя сирых и бедных... Только сегодняшней показательный пример с бывшим губернатором Сахалинской области А. Хорошавиным очень убеждает в их, губернаторских намерениях и действиях, в которых, по сути природы чиновничьей жадности и корыстолюбия, практически ничего не изменилось в понятии «коррупции»... А сколько таких правительственных высокопоставленных чиновников уже осуждены, а сколько таких еще на свободе...

Несколько лет подряд ездил туда и понял, что такое германский чиновник. Для понимания: наш чиновник, которого все в России клянут, по сравнению с немецким — «приготовишка». Тот никогда не грубит, никогда не повысит голос, он только скажет: «Я сожалею, я сожалею...»

[Реплика в сторону.]

Я же понятия не имел, что последующие за нашей первой и продолжительной встречей, будут и другие... Что тогда в Москве, а потом в Берлине говорил с будущим послом Евросоюза в Москве и недавним статс-секретарем МИД Германии!? Имею в виду господина Маркуса Эдерера. Что, может быть, сам того не ведая, каким-то образом разместил свой «кирпичик» в нашем общем деле сохранения европейского союза, в лице его — союза — на общей идее «шестидесятников» и творчества Юрия Трифонова... Посуди сам, читатель, что это не «натяжка» моя на обстоятельствах темы о нашем прошлом — произошедшее со мной в дальнейшем через годы...

В 1996 году междугородний звонок на работе (перешел на другую работу, где стал заниматься проблемами аудита, но не забывал «немецкую программу») — звонит господин Эдерер из Германии и спрашивает, планирую ли я быть в их стране. Отвечаю, что уже оформил визу, и собираюсь через неделю прилететь в Берлин. Там мы встречаемся, и в ходе обмена информацией о несостоявшихся движениях со стороны Германии по предложенной мной программе, следует со стороны собеседника, неожиданный для меня пассаж.

Мол, помнишь, Алекс, еще тогда рассказывал о своих литературных увлечениях, и называл имя Юрия Трифонова, кстати, весьма популярного в Германии, и по инициативе Генрих Бёлля выдвигаемого на соискание

Нобелевской премии. Как знающий русский язык, я увлекался и русской литературой, ее тогдашними проблемами, и я задал вопрос — о пояснении мне, что такое «шестидесятники», и что из себя представляет это движение, которое мне казалось сродни «диссидентскому» движению. Помню, Алекс, твои суждения, разъяснения со многими примерами... И я за время нашего расставания, после первой встречи в Москве, прочитал переведенную на немецкий язык прозу Трифонова, статьи в нашей прессе, и убедился в правомерности многих его аргументов из подаренной тобой книги публицистики писателя «Как слово наше отзовется...» Только одно пока осталось для меня не совсем понятным — это твои, Алекс, ощущения вокруг «шестидесятников». Может быть, не заострял своего внимания из-за большой загруженности пресс-атташе МИДа...

К сожалению, я не помню подробности нашей беседы в ресторане, но точно помню одно: она была интересной и откровенной, и меня поразила его глубина знаний о России, ее литературе... Естественно, даже в силу моих эмоций я не давал никаких оценок ни российским, ни немецким чиновникам, на мой взгляд, в силу определенных политических нюансов, загубивших, к сожалению, такой небольшой по значению, но убедительный по эффекту реализации, наш челябинский проект... Меня утешала оценка, выказанная Маркусом Эдерером в мой адрес, что еще при первой нашей встрече в посольстве в Москве я достойно показал — как русский партнер — отсутствие какой-либо корысти в продвижении своей программы для сотрудничества в общем деле решения насущных проблем российских немцев Челябинской области... Жаль, конечно, что она не стала той желанной «зеленой» кнопкой, нажатие которой, возможно, открывало дорогу начала пути движения обеих стран — России и ФРГ — к общей цели... Ну, это такие мои фантазии по поводу несбывшегося!]

Мне бы хотелось уже поставить даже предположительную точку в своих немецких рассуждениях, но почитав другие материалы, в частности, непростую, даже по политическим понятиям накала, полемику Гуго Вормсбехера с Хорстом Ваффеншмидтом, понял, что перспективы этого процесса напоминают приближение к горизонту. Они (перспективы с процессом) то приближаются, по мере предпринимаемых усилий, то отдаляются, становясь, как и подобает данному явлению, весьма призрачными в своей недостижимости...

В Германии, на многочисленных встречах, я даже и не пытался как-то заикаться о выгоде для ФРГ, если будет реализовываться наша или подобные другие программы. Успешность таковых действий, как я уже писал ранее —

на «поле» человеческого и социального ландшафта, постепенно изменяющегося отношения к *собственности* как в обществе, так и в государстве, с учетом сильно пересекаемых *низменностями* интересов как той, так и другой стороны.

Может быть, подумал я, на вопросы, обсуждаемые здесь, относящиеся к российским немцам, с точки зрения компетентности и выдержанности, как-то вначале ответят в своей полемике Гуго Густавович Вормсбехер с Хорстом Ваффеншмидтом, опубликованной в журнале «Шпигель» за 1993 год. Но, так сказать, отведенное время в моих каких-то ожиданиях «затянулось» непониманием так или иначе прокомментированных в делах на протяжении последующего времени вплоть до наших дней, что можно прочитать на странице Г.Г. Вормсбехера — <http://wolgadeutsche.net/wormsbecher.htm>.

Заканчивая данные записки, нет-нет да и сталкивался, а то и искал какие-либо материалы о российском немцах. Ведь мои записки были обусловлены совсем другой темой, и поэтому — а иначе и быть не могло — поиски мои носили, так сказать, разовый характер, такое, своего рода, случайное столкновение с обозначенной темой, которую, конечно же, невозможно разрешить никакими денежными затратами.

В написании этих строк в моих записках, играло свою роль и контакты во время упомянутой работы в Российской торгово-промышленной палате в Комитете по промышленному развитию под руководством Валерия Михайловича Платонова. Само собой разумеется, что мои субъективные записки и относящиеся к проблеме «российских немцев» носят завершающий (обобщающий) характер, так сказать, опосредованных наблюдений.

Так, например, с момента распада СССР в Германию на постоянное место жительства, переехали почти полтора миллиона этнических немцев. Эмигрируя в поисках лучшей жизни, они не представляли, насколько трудной будет ассимиляция на исторической родине: уклад жизни в Германии оказался для переселенцев из СССР проблемно выносимым.

Основным переселенческим контингентом в ФРГ «русские немцы» стали с 1990 года (сначала массово уезжали из СССР, а потом из бывших республик распавшегося государства). Уезжали «русские немцы» преимущественно из России (более 600 тысяч) и Казахстана (более 500 тысяч) — в этих странах изначально было наибольшее количество представителей этой диаспоры. Одна из особенностей такого переселения — большая часть «русских немцев», перебравшихся в ФРГ, имеют двойное гражданство (российское и германское), поскольку считаются репатриантами.

Написанная нами программа не могла учитывать всего комплекса проблем, так сказать, кризиса этнической идентификации — эти люди

становились по духу, как бы *уже* не русскими, но *еще и не* немцами. Даже мое случайное знакомство с данными немецких социологических исследований, большинство этих «российских немцев» так и не интегрировались в общество, которое их приняло, не адаптировались в нем и предпочли социализации существование в замкнутых структурах — в своем мирке. Конечно же, в силу различных причин, мы и не могли учитывать в предположениях объективные миграционные процессы, происходившие как таковые, и касаясь Германии.

Судя по беседам, большинство «русских немцев» постсоветской волны эмиграции глубоко ошиблись в своих ожиданиях насчет отношения к ним «братьев по крови» принимающей страны. Еще со времен недавно закончившейся войны, дух последствий не мог так быстро *выветриться* с календарными датами. Это я к тому, что будущих «российских немцев» еще со времен СССР называли «фашистами», «немцами»: как говорится «на каждый роток не накинешь платок» (генетические губительные последствия войны) — да, и какая разница, «что в лоб, что по лбу». А в Германии переселенцы превратились в «тайных агентов Москвы». И опять ситуация по поговорке — «между молотом и наковальней».

И та же самая поговорка, действующая уже не по пониманию ментальности, а по другим двум существенным обстоятельствам, на попытку преодоления которых и была нацелена наша программа, о которой мы рассказывали ранее. Первое: значительная часть «российских немцев», переехавших в Германию с начала 90-х годов — это не высококлассные специалисты в своих областях деятельности, способные подтвердить собственный социальный статус в другой стране, а тем более, в ФРГ, где изначально ценится профессионализм. И параллельно с этим — недостаточный уровень знания немецкого языка, без которого невозможно найти достойную работу. И параллельно с этим существующие потоки эмигрантов из других стран, соглашающиеся на работу за гроши.

Переселенцы за десятилетия жизни в СССР и на постсоветском пространстве привыкли к совершенно иным жизненным установкам и ценностям. Так, в сознании наших бывших соотечественников прочно укоренились особенности социального поведения, приемлемые в покинутом ими государстве, но совершенно неприменимые на Западе. Нравится нам или не нравится, но не могу в данном случае не отметить — у нас удачливым считается человек, умеющий дать взятку, приобрести автомобиль или построить дом, отказывая себе в самом необходимом, разумно поступает гражданин, не доверяющий кредитам. У коренных немцев все наоборот. Или в Германии не благодарят за то, что человек вовремя пришел на работу или, скажем, правильно расфасовал мусор по специальным контейнерам — если

житель этого не сделает, мусорщик в наказание просто может не забрать отходы. И тогда новоявленному «немцу» за дополнительную утилизацию ТБО придется доплачивать — о том, чтобы выбросить пакет куда-то в овраг (на обочину) и речи не идет — штрафы за подобные действия в Германии, отличающейся особым отношением к чистоте и порядку, очень большие.

«Российские немцы», как и любые эмигранты, вынужденно поставлены перед дилеммой: либо принимать действующие порядки в той стране, куда они приехали, либо замыкаться в своем мирке без надежды на ассимиляцию, с дальнейшими непредсказуемыми последствиями.

Но вот действенный, челябинский пример — мой давний, давний знакомый Виктор Николаевич Домбровский, авторитетнейший в хоккейном мире судья международной категории. Думаю, излишне говорить о популярности хоккея с шайбой в стране, и, в частности, в хоккейном Челябинске, а уж люди, играющие определенные действенные роли в этом виде спорта, вообще находились на недостижимой высоте.

Еще мальчишкой времен первых классов в школе бегал на единственный стадион в районе, недалеко от нашего дома, где болел за хоккеистов «Металлурга», игравшего в первенстве страны в классе «Б», и вместе с другими орал как оглашенный «Домбра, Домбра». И поэтому, когда в 1958 году в двух номерах «Советского спорта» прочитал рассказ Юрия Трифонова «Победитель шведов», то однозначно подумал, что этот рассказ Трифонов написал про меня, когда писал о таком же мальчишке, очень на меня похожем: «О, вечера Больших Матчей! О, зарево прожекторов над черной скалой стадиона! О, праздничное знобящее, нервное, неутолимое нетерпение! О, музыка репродукторов, трескучая и ломкая на морозе! О, прикосновение к великой жизни мужчин!..» Это же надо почувствовать, переживая юность! Это могут почувствовать ваши деды и немного отцы, заставшие то время в стране, когда и в помине не было ничего подобного крытому стадиону, а все матчи проходили только на свежем воздухе с прилично чувствительным морозом...

На мой взгляд, из таких ощущений, понимаемым писателем и мог сложится первый в стране фильм «Хоккеисты» (1964 год), где, также впервые, в отличие от сатирических спортивных фильмов напряженно происходил серьезный разговор о нравственности поведения тренеров, хоккеистов, окружения людей вокруг них, во многом определяющих атмосферу этого любимого в народе вида спорта... И конфликт-то был сконцентрирован на узнаваемых болельщиками в ролях тренеров Лашкова и Сперантова известных

и популярнейших хоккейных тренеров Анатолия Тарасова и его антипода в двух «лицах»: Аркадия Чернышева–Николая Эпштейна...

Ну, об этом фильме столько написано и рассказано в воспоминаниях знающих о хоккее гораздо больше автора записок, что из–за следования в русле контекста завершаю это мальчишеское отступление–воспоминание со своим дополнением времени начала 70–х годов.

Помню, читая спортивную прессу преимущественно в «Советском спорте», как–то по рекомендации кого–то из друзей, родители которого читали источники о кино, мне показали журнал «Советский экран», с заметкой «Пусть оправдаются прогнозы!» о фильме «Хоккеисты», которая мне удивительным образом запомнилась. Позже, когда стал работать над «Хроникой Трифонова» (Екатеринбург, 1997), нашел эту публикацию: «Сценарий Ю. Трифонова интересный. В нем нет выдуманных и шаблонных конфликтов, которыми авторы, не знающие спорта, пытаются это незнание прикрыть. Трифонов спорт знает. Он не выдумывал проблемы смены поколений, не выдумал внутреннего конфликта между “стариками”–хоккеистами, остро чувствующими ограниченность своей кастовой принадлежности, и молодежью, среди которой все больше людей гармонически развитых. В этом сценарии есть и интересные мысли, и интересные характеры...»

Так, во время одной из игр ЦСКА с челябинским «Трактором» в 1971 году А.В. Тарасов дал мне интервью для «Вечернего Челябинска». Я уже тогда «болел» Трифоновым и спросил собеседника о «хоккейных» публикациях писателя.

Помню, Анатолий Владимирович, так сказать, слегка опешил о такого нехоккейного вопроса, и сказал, что Трифонова считает талантливым писателем и, неожиданно для меня, высказал свои впечатления о документальной повести «Отблеск костра» и «Обмене». Мол, как все люди моего возраста, имею в виду думающих, равнодушны к мемуарной, документальной литературе, говорил он об «Отблеске костра», а трифоновская повесть «Обмен», для нашего времени настолько актуальна, что о ней надо говорить отдельно, а не походя. Его статьи о хоккее, сказал этот великий тренер, — редкий случай, когда автор разбирается в предмете, о котором пишет. Человек, писавший «Отблеск костра» и в то же самое время статьи и заметки о хоккее у меня воедино как–то не соединяются, говорил Анатолий Владимирович. Что же касается фильма «Хоккеисты», то, по его мнению, сценарий можно было бы автору построить несколько иначе... Помню, в беседе мы сошлись на том, что так как «Отблеск костра» и сценарий «Хоккеистов» писались в одно время, то профессиональные издержки

сценария, именно — профессиональные, написанные, по его мнению, под эмоциями некоторых классных игроков, простительны...

[М. Пучкова, жена Н.Г. Пучкова — вратаря ЦСКА и сборной СССР, говорила: «...Талантом Пучкова, к примеру, восхищался Юрий Трифонов. А когда случилась та “история с отставкой из команды” в шестьдесят втором году, он, возмущенный несправедливостью, написал рассказ “Хоккеисты”, посвященный моему Николаю. Потом по этому рассказу был снят одноименный фильм...»

Уточню: рассказа «Хоккеисты» у Ю. Трифонова нет. Первое название киносценария было «Победитель шведов» (позже — «Команда», окончательно — «Хоккеисты»). Во многих отзывах о фильме (как мне кажется, удалось для своего библиографического указателя собрать подавляющее большинство источников) говорилось, что основой сценария послужили разные подходы в тренерской работе и отношениям с хоккеистами А.В. Тарасова (ЦСКА) и А.И. Чернышева («Динамо»). Подтверждение этой точки зрения — то, что в сцене основного хоккейного матча в фильме на тренерских местах «мелькали» реальные Чернышев и Тарасов. Возможно, что при работе над сценарием Трифонов использовал какие-то элементы из рассказов Николая Пучкова о ситуации в командах ЦСКА и сборной СССР (писатель дружил и с Николаем Сологубовым, и с Иваном Трегубовым — эти двое защитников сборной СССР были непроходимой «стеной» для соперников). Отмечу, что именно он был первым консультантом Ю. Трифонова при его работе над сценарием фильма, а позже консультантом стал старший тренер «Динамо» и сборной СССР А.И. Чернышев (что отражено в титрах фильма).]

Премьера фильма проходила в кинотеатре «Ударник», что в корпусе зданий известного Дома на набережной. Её (премьеру) по решению Председателя Спорткомитета СССР Юрия Машина и Федерации спортивного кино и телевидения СССР организовали 27 февраля 1965 года так, что на сцену вместе со съемочной группой и Ю. Трифоновым вышла сборная СССР по хоккею и ее главный тренер А.И. Чернышев, уезжающие в Финляндию на чемпионат мира. Это ли не демонстрация на все страну признания профессионализма писателя...

...В то время, о котором рассказываю очень и очень коротко в данном трифоновском пояснении с фильмом «Хоккеисты», я работал штатным корреспондентом в только что рождаемой газете «Вечерний Челябинск». Не

создавало никаких проблем в агитации Виталия Гантова, который содержательно и терпеливо правил мои любительские тексты, а через много лет стал организатором современных СМИ в Сочи. Но это будет позже, а пока я предлагал ему записанную под магнитофон (я же не знал как это делается) беседу с Виктором Домбровским, тогда судьей всесоюзной категории, и она благодаря Гантову была напечатана под названием «Девять вопросов Виктору Домбровскому» в «Вечернем Челябинске» (1969, 12 декабря).

Ко времени моей поездки в Прагу, он уже был судьей международной категории, и начинал судить матчи чемпионатов мира. О хоккейных событиях в Праге мы с В. Домбровским написали большую беседу «Злата Прага», печатающейся в нескольких номерах «Вечерки» в 1972 году (№ 113, 114). Помню, как у меня дома еще на ЧМЗ читал ему только что написанные тексты нашей будущей публикации, обсуждали, корректировали их... Для меня это было возвращением в недавнее прошлое, когда В. Гантов правил–сокращал мои широкоэвещательные беседы с мэтрами советского хоккея — Николаем Семеновичем Эпштейном, Борисом Александровичем Майоровым, членом Исполкома международной хоккейной лиги Андреем Васильевичем Старовойтовым, Аркадием Ивановичем Чернышевым, Анатолием Владимировичем Тарасовым, когда они во главе своих знаменитых команд «Химик», «Спартак», «Динамо», «ЦСКА» приезжали в Челябинск на игры с нашим «Трактором». А вот во встрече в аэропорту с А.В. Старовойтовым мне содействовал Виктор Домбровский.

Он провел на ледовых площадках стадионов мира более двадцати лет, так сказать, отсудив более тысячи двухсот хоккейных встреч, на его счету восемь мировых хоккейных первенств (а начало было на чемпионате мира в Праге в 1972 году), а также две зимние Олимпиады (Инсбрук и Лэйк–Плесид), плюс знаменитые «матчи века», в которых советская сборная схлестывалась с хваленными канадскими «профи»; с 1973 по 1983 годы его признавали лучшим арбитром СССР. Я привожу эти данные для большей части своего примера, ибо другая часть — показательна в следующем.

Сегодня (с 1984 года) Виктор Домбровский живет в Германии. Мало кто знает, что по национальности он немец и в Германии он получил статус переселенца. Виктор Николаевич владеет разговорным немецким языком в совершенстве, так что интегрировался в Германии без труда — ведь он родился в немецкой деревне. Так что почивать на лаврах переселенца были все возможности, но ему бывшему работнику сначала Челябинского металлургического завода (вальцовщик прокатного цеха № 1), а позже и

треста «Челябметаллургстрой», будучи к тому времени спортсменом со стажем (с 1948 занимался хоккеем и футболом), т.е. видевшего и испытывавшего тяготы *трудоармейской* жизни было неспособно такое существование.

Домбровский Виктор Николаевич — судья международной категории

(Фото из Интернета)

И как он мне рассказывал при встрече в Москве: мол, посуди сам, я профессионал в хоккейном судействе, мне хочется быть востребуемым, не могу чувствовать себя «нахлебником», и если я приехал в Германию, хочу жить в этой стране, я должен стремиться интегрироваться. Если же я поставлю русское ТВ, то я немецкое не буду смотреть, а если я не буду смотреть немецкое, не буду общаться с людьми, то буду слепым и немым. Но ведь так нельзя, если уж приехал, то уж надо интегрироваться... Вот так, выбиваясь из предложенного самим контекста записок, как-то съехал от рассуждений о проблемах российских немцев к показательному примеру, прошедшему на моих глазах с немцем по рождению Виктором Домбровским...

...Естественно, даже после кончины Х. Ваффеншмидта, после изменения состава чиновников в федеральных структурах Германии, занимающихся проблемами российских немцев, и аналогичных изменениях в

российских структурах, ситуация оставалась на прежнем уровне, ибо и те, и другие группы чиновников, находились со «своей» немецкой проблемой на пересечении геополитических интересов той и другой страны...

Конечно, можно еще много писать и писать, но цель—то моих записок совсем иная, поэтому замолкаю. Оборачиваясь назад с благодарностью к проживаемому времени, наполненным еще не совсем понимаемым и осознаваемым *ворованным воздухом*, что позволяло мне думать, надеяться, и опять — думать и надеяться, как трифоновский «победитель», что *запах, запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы* — это надо почувствовать...

* * *

9. М.Ф. Ненашев * Обком ВЛКСМ * Областная «Публичка» * Актуальные проблемы молодежной культуры * СТЭМы на фестивале в Москве * Челябинский «Манекен», и миниатюры других студенческих театров...

...Думаю, здесь будет уместно сказать, что я даже и не пытался задавать Александровичу вопросы на какие-либо политические темы. Наши беседы с ним о разном, что волновало меня, шли по какой-то условной, между нами, *границе*, как понятие в компьютере — *по умолчанию*. Конечно, меня подмывало задать ему тот или иной волнующий меня вопрос, но понимал, я бы неминуемо напал на проблемы существующей партийно-государственной системы, и ставил бы его в соответствующее двойственное положение. Полагаю, что он оценивал меня в наших очень дружеских отношениях и по этому обстоятельству.

Как-то подобное складывалось у меня и во взаимоотношениях с близкими друзьями, хотя часто спорили. Даже в компаниях дома у Веры и Саши Кауновых, где собирались разные люди, но с каким-то диссидентским креном, меня почему-то, как говорится, *щадили*. Удивительным образом нам удавалось обходить — *по умолчанию* — сугубо мою работу в обкоме комсомола, а потом и ученым секретарем общественного института конкретных социологических исследований при обкоме партии. Уверен, никаких договоренностей о «пощаде» для меня с хозяином стола Сашей Кауновым не было. Конечно, вопросы мы эмоционально обсуждали самые разные, но как только касались нюансов, требующих ответа на вопрос: «Ну, а ты что сделал для...» мои собеседники с каким-то человеческим тактом обходили предлагаемую ими же в вопросе ситуацию...

Вероятно, здесь будет уместно сказать несколько слов и о другом моем партийном наставнике в *отдалении* — Михаиле Федоровиче Ненашеве (как говорится: где он — секретарь обкома партии, и где я — хоть и опосредованно, но очень ему подчиненный инструктор обкома комсомола). Но его пример присутствовал в моем представлении достаточно долго — с **1972 года**, когда я уже «обкатался» в обкоме комсомола и мог достаточно спокойно заходить к «соседям» — на этажи обкома партии. (Мы тогда находились в одном здании, только разные подъезды. Сейчас в кабинетах, которые раньше занимали партийные и комсомольские работники — ныне

работники областной думы и областной избирательной комиссии, но разные подъезды сохранились.) Думаю, отношение Михаила Федоровича ко мне передавалось через наши, с Александровичем, дружеские отношения. Оба они из легендарной Магнитки: Ненашев был секретарем горкома партии, Александрович, после окончания Магнитогорского горно–металлургического института, направлен на Челябинский металлургический завод инженером–электриком нагревательных колодцев блюминга «1300» (где мы с ним и встретились).

Полагаю, наши отношения (еще раз говорю: ну, какие могут быть *отношения* у инструктора обкома комсомола и секретаря обкома партии) определялись изначально очень дружескими отношениями между Александровичем и Ненашевым. А я–то «каким боком» оказался в их отношениях?

Практически после каждого полета космонавты приезжали во ВНИИТФ, с благодарностью за технику космического корабля. Первый ряд слева направо: Виталий Севастьянов, космонавт СССР; Борис Пастухов, секретарь ЦК ВЛКСМ; Михаил Ненашев, секретарь Челябинского обкома КПСС; Юрий Александрович, первый секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ; Снежинск, 1974 г.

Во–первых, Михаил Федорович был ректором университета музыкального воспитания молодежи (на общественных началах). Эта

общественно–образовательная структура создана впервые в СССР в *1970 году* по инициативе обкома комсомола (Александрович и по духу, и по должности был заместителем ректора) с целью содействия массовому музыкальному образованию и воспитанию молодежи, развитию интереса к музыкальному искусству. Во–вторых, Ненашев был руководителем общественного института конкретных социологических исследований при обкоме партии, а я работал инструктором обкома комсомола по социологии, так что, находясь *на связи*, постоянно приглашался к «родителям» на различные научные встречи, беседы. В частности, при содействии известного в стране социолога Льва Наумовича Когана, одного из ведущих специалистов по культурологии, эти встречи в обкоме касались и университета музыкального воспитания молодежи. А при содействии Владимира Григорьевича Мордковича, не менее известного в стране социолога (омско–свердловского «происхождения» — ранее работал в Омском обкоме комсомола, в Свердловске стал заниматься наукой в Уральском отделении Академии наук СССР под руководством Л.Н. Когана), специалиста по социальной активности молодежи, проводимые в обкоме встречи относились к исследованиям жизненной позиции молодежи. И в–третьих, о моих опосредованных причинах взаимодействий с секретарем обкома партии. Судя по–всему, Александрович исподволь накапливал материал по различным социологическим исследованиям проблем молодежи не только для текущих дел, но и для будущей диссертации, руководителем которой у него в АОН при ЦК КПСС был М.Ф. Ненашев. Так получалось, что, судя по всему, в течение нескольких лет, оказавшись в роли *комсомольского социолога*, я профессионально (насколько это у меня получалось, оценивать не мне), чем мог, помогал Юрию Михайловичу в повседневной работе с насущными будущими целями...

Вскоре Михаила Федоровича пригласили в Москву на работу в отделе пропаганды ЦК партии, а через три года стране повезло — он был назначен главным редактором «Советской России». Перед тем как написать о везении для страны, выскажу свое предположение. Когда он стал работать заместителем заведующего отдела пропаганды, кажется в конце 1976 года в журнале «Коммунист», главном теоретическом органе ЦК КПСС появляется его статья «Актуальные проблемы современной идеологической борьбы». Прочитал статью и обомлел — статья написана выдержанным партийным языком, но как–то чувствовалась между строк доселе мне непонятная острота мысли о такой актуальнейшей проблеме как идеологическая борьба. Другая причина моего комсомольского волнения, немного уже знакомого с партийной иерархией — название статьи и суть аргументации соответствовал минимальному уровню ее автора: или сам заведующий отделом ЦК, или бери

выше — уровень секретаря ЦК КПСС, но уж точно не уровень замзава отдела. В то время я уже читал лекции в университете марксизма–ленинизма при Челябинском горкоме партии по проблемам той самой идеологической борьбы на современном этапе, используя и такие источники как «Московские новости», «Век XX и мир», ну и эту статью Михаила Федоровича...

А теперь самое время вернуться к моему понимаю *везения* для страны. Говорю *повезло*, ибо с его приходом газета «Советская Россия» стала самой читаемой в стране — не забывать, что шла *горбачевская* перестройка, для совершенствования и развития которой требовались творческие кадры. И получилось — какая-то непопулярная газета под руководством М. Ненашева вдруг становится ведущей, ибо востребуема читателями страны, вместо повсеместно навязываемой партийной «Правды». На моих глазах, думаю, зарождалась конкуренция на самом верху партийных СМИ — «Правда» и «Советская Россия»: обе газеты являлись печатными органами ЦК партии, но отношение к ним у читателей было разное. Помню, как рано утром, когда открывались газетные киоски, уже змеилась очередь — читатель своим рублем подтверждал нужность для него «Советской России». Благодаря таланту журналистов (а там уже на определенных должностях работали мои друзья, с времен моей работы в обкоме комсомола — Николай Михайлов, Игорь Табашников, Павел Ерисов, они все трое были из Челябинского педагогического института) газета становилась острой, затрагивающей все *углы* перестройки, которые обходили государственные и партийные чиновники.

...В нашем разговоре с Дмитрием Муратовым, главным редактором любимой мной «Новой газеты», после публикации в ней моей статьи о В.А. Трифонове, отце писателя Юрия Трифонова («Сталин хотел большой и долгой войны»), узнав, что я из Челябинска, первым делом спросил, знаю ли я Михаила Федоровича Ненашева? Обрадовался утвердительному ответу и сказал, что считает его своим творческим наставником и даже учителем в непростом маневрировании с чиновным аппаратом и цензурой... Вот так незаметно, не зная лично друг друга (это о себе и Муратове), встречаются и *знаются* люди, радуясь обоюдному знанию уважаемого третьего знакомого.

Не могу отказать себе в удовольствии еще раз процитировать Дмитрия Муратова, который рассказывал о ситуации в 2008 году, постепенно наполняемой эйфорией ожидания насущных преобразований от избрания Д.А. Медведева Президентом страны. Наступает выжидательная пауза — насколько помню: у Медведева никаких интервью в прессе — имею в виду отечественные источники. Покупаю очередной номер (от 15 апреля 2009 года)

«Новой газеты», а в ней интервью Дмитрию Муратову. Опускаю содержание непростой беседы (это было первое интервью Президента РФ российскому печатному изданию), ради обращения внимания на финал напечатанного текста:

— А знаете, почему я дал интервью именно «Новой газете»? Вы никогда никому ничего не лизали.

Муратов:

— !!! Жалко, я диктофон уже выключил...

Медведев:

— А вы можете и так передать эти мои слова. Вы напечатайте. Я подтверждаю, что их сказал.

Тогда же (в день, когда прочитал интервью в газете) подумал: Хм, интересно, кого же имел в виду Президент России, пояснив отданное предпочтение «Новой газете», о нежелании лизании чего-то кому-то? (Этот абзац напечатал, несмотря на ту или иную меняющуюся политическую конъюнктуру в отношении «Новой газеты».)

Завершая этими весьма и весьма краткими строками разговор о М.Ф. Ненашеве, думаю, что знающие его и помнящие о нем люди дополнят меня, используя соответствующие возможности печати. Я же помню о нем, как о моем партийном наставнике, чему радуюсь и горжусь его всегдашней поддержкой, где бы не находился, и в каких жизненных ситуациях не оказывался.

...Но вернемся к продолжению моих записок для возвращения назад.

Наступил *1971 год*. Юрий Александрович, избранный уже первым секретарем Челябинского обкома комсомола, позвонил мне (к тому времени я уже был женат и на квартире у родителей жены был телефон) и пригласил работать в обком ВЛКСМ. Я ему начал говорить, что он и без меня знал — что у меня нет никакого опыта работы ни в райкоме, ни в горкоме... А в ответ: решай вопросы с увольнением и выходи на работу. Уволился и перешел на новую работу и на гораздо меньшую зарплату (с 450 заводских рублей уже с учетом вычетов различных налогов, плюс «горячий» стаж для будущей пенсии — и добровольный переход на 120 комсомольско-инструкторских рублей без учета налогов; кто в то время работал, тот поймет глубокое отличие в зарплате, и повсеместное незадумывание о пенсии).

Но если подвести итог моей шестилетней работе *на комсомоле*, то могу со всей ответственностью сказать, что это были для меня счастливые годы жизни, о чем всегда говорил, не стесняясь своего прошлого. Хотя семейная

жизнь, а тем более после рождения дочери, складывалась, конечно же, отнюдь не радостно, в первую очередь, из-за нехватки средств...

Вот так *все* в моей жизни и *сошлось* на факте поступления в университет: новая интереснейшая работа, новые научные интересы, новые люди и проблемы, и всегда при любой ситуации полная поддержка моих близких...

Я очень многому научился, многих видел, встречался с разными людьми, что и легло в основу моих заметок. Поэтому я так и писал о своем *времени*, естественно, по-своему его (время) вспоминая...

А всего этого — *вспоминаний* (настаиваю на таком слове, ибо не считаю себя вправе даже пытаться сооружать некие *воспоминания*, напоминающие какой-то всполох в памяти) — могло и не быть уже на третий день. Помню, что вышел в среду, а уже в пятницу сказали, что буду от обкома комсомола в составе жюри судить городской финал КВН. Фигня-война, лихо подумал я; видел же по телевизору как судят в таком клубе весёлых и находчивых. (Это позже стало известно, что еще в *1971 году* по распоряжению С.Г. Лапина на Центральном телевидении передача КВН была закрыта.) И вот заканчивается финал, мне дают микрофон в руки, мол, давай обком, подводи итоги. Но все что видел в течении двух с половиной часов мне показалось очень не интересным, и я со всей *пролетарской* нетерпимостью к невеселым и ненаходчивым будущим врачам и хирургам, а также их соперникам «сельчанам» (соревновались в финале студенты институтов — медицинского и сельскохозяйственного) выдал вслух все, что думал по поводу их скуки и удивительной неинтересности. Говорил как со своими по трудовой смене на заводе. Что началось! Тут же окружили меня и студенты двух команд, и какие-то взрослые дяди. На лице было написано, что сейчас тебя будем бить долго и больно. Но во мне проснулась вчерашняя улица, я же был из Металлургического района, и мне не привыкать к уличным разборкам...

Нет, никаких столкновений не было, но уже утром в субботу — в обком, к Александровичу: отпуская, Юрий Михайлович, меня на завод, там-то в рабочем коллективе все ясно и просто, расхожие адреса, куда посылать любого известны... В ответ от него: да слышал уже о твоём вчерашнем выступлении, два ректора и секретари парткомов звонили, мол, откуда мы взяли этого «знатока» (правда, звучали совсем иные звучные характеристики в мой адрес) и прочее. И после паузы — нет, Саша, будешь работать, ведь я тебя знаю несколько лет по заводу, думаю, ты поймешь главное. Когда открываешь рот, чтобы что-то сказать, в эту самую секунду должен представишь: за твоей

спиной вся областная комсомольская организация в моем лице, и лице твоих товарищей по новой работе...

Поэтому — думай, что скажешь, и насколько тобою сказанное будет воспринято собеседником, а то и собеседниками, насколько это будет корректно и понятно другим. Уясни для себя главное — ведь никто не доказал, Саша, что ни моя, ни твоя «правда» (мое или твое мнение) правдивей правды собеседника. То есть, учись слушать и слышать, уважать чужую точку зрения, уважать иное мнение! Думай, и еще раз — думай прежде, чем открывать рот и высказывать свое/наше мнение.

На фото: вот так Юра и тогда сидел за столом — спокойный, улыбчивый... А теперь через много лет он сидит у меня за столом, вместе с Женей Каткульским на моем дне рождения, и потому «застольное» не убирал...

Обрати внимание, читатель: он призывал *не* к осторожности, как бы чего не *ляпнуть* (этому буду учиться оставшуюся жизнь), а к корректности, к уважению мнения другого.

И поэтому я остался...

Когда позже, при встрече, меня спрашивала Надежда Яковлевна Мандельштам, мол, каким образом комсомольский работник из Челябинска, стал писать дипломную работу в университете по творчеству Мандельштама, я ей рассказал о своей давней, случайной встрече с творчеством этого поэта... Дело в том, говорил ей, что наш Metallургический район после войны, был криминальным — следствие функционирования металлургического завода и строительного треста, его воздвигающего. Отсюда — крупные скопления бараков, общежитий для рабочих и строителей в одном месте и т.п. И вот на какой-то «малине» слышал, как кто-то брэнчал на гитаре, и напевал какую-то песню, из которой я запомнил строчки: «А нам читает у костра Петrarку // фартовый парень

Оська Мандельштам...» Много позже узнал, что это народное добавление к известной песне Юза Алешковского «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...» То есть, я услышал добавленное четверостишие, в котором упоминается Мандельштам (один из народных вариантов): «Для Вас открыт в Москве музей подарков, // И Исаковский пишет песни Вам. // А у костра читает нам Петрарку // Фартовый парень Оська Мандельштам».

Мне тогда почему-то стало интересно: кто это, кроме известного всем Сталина упоминается в песне? Свое любопытство *удовлетворял*, так сказать, поэтапно. На первом курсе написал внеплановую курсовую работу по метафорам в поэзии Франческо Петрарки. Я-то был убежден, что звучащая в песне *Петрарка* («А нам читает у костра Петрарку...») — это женщина. Работая над курсовой работой, понял, что это мужчина, и прочитал все доступные на то время его стихи (сонеты).

А вот со вторым, для меня совсем неизвестным, но с любопытным именем и фамилией, разобрался не один год... (Помните о «фартовом парне Оське Мандельштаме...») Более грамотные друзья моего шурина Володи Вавилина, историка по окончании педагогического института, сказали, что это репрессированный поэт, современник Маяковского, Пастернака, Ахматовой и Цветаевой... Можете понять мое состояние: и об этих поэтах я имел отдаленное знание, не говоря уже о понимании... Но любопытство довлекло надо мной, и я постепенно становился завсегдатаем областной публичной библиотеки...

...Еще в *1971 году* я столкнулся с незнакомыми для меня проблемами социологии. Работая в обкоме комсомола, осваивал новый участок: был инструктором-социологом отдела пропаганды. Предложил подготовить и издать указатель литературы по социальным проблемам молодежи. В подготовке такой работы участвовал и Вячеслав Липский, от которого уже слышал и о Льве Наумовиче Когане, и о проблемах социального планирования.

Таким образом, сам себя заставил проходить курс молодого бойца, слыша от различных знакомых и друзей что-то не очень для меня понятное о социологии, о социальном планировании, а тем более — об участии молодежи в том самом социальном планировании. Но когда пришел в «публичку», и начал как-то подступать к проблемам и социологии, и социального развития, а тем более и такой специфики, как участи молодежи во всем этом, меня начали учить азам элементарной библиографии. Я перезнакомился практически со всеми основными работниками областной библиотеки, начиная с дружеских отношений с ее директором — Светланой Ефимовной Сориной. Ее поддержка

во многом мне помогла, когда я изначально столкнулся вроде бы с простой проблемой — как найти ту или другую нужную мне публикацию, как ее зафиксировать в работе.

Именно работники библиографического отдела добровольно *протисали* меня в своих владениях, помогая и объясняя те или иные нюансы непростой библиографической работы. Забегая вперед, и не зная дальнейшее текстуальное построение данных записок, хотелось бы сказать, что всеми своими работами — курсовыми, дипломным проектом, где приложена первая в стране библиография Осипа Манделъштама и критических работ о его творчестве, своими библиографическими указателями в виде изданных книг — я обязан школе, которую прошел в областной публичной библиотеке.

...Вернемся к моей первой библиографической книге в 1974 году, где мы сумели объединить социологию, социальные проблемы молодежи и взаимозависимость социального планирования и возрастные категории молодежи. Настолько обрадовался успеху (конечно, не я один готовил этот указатель, а при активной помощи Вячеслава Липского, Ларисы Каменской, профессионального библиографа «публички»), что в последующее время под воздействием популярности другой темы подготовил следующий библиографический указатель по вопросам экономического воспитания молодежи (и вновь при помощи той же Ларисы Каменской). Вдохновитель этого научного определения работал в Челябинском педагогическом институте — профессор Эпштейн Лев Ефимович... Он стал научным консультантом нашего указателя и своеобразным *гарантом* перед другими научными работниками (преподавателями), к которым я обращался по поводу «фартового Манделъштама». И вновь на такой умной дороге встретился с уже знакомым Владимиром Поповым, работающим в АОН при ЦК КПСС, но не забывающим Челябинск, консультируясь по экономическим вопросам с Л.Е. Эпштейном...

Но тогда, работа в обкоме позволила мне близко познакомиться не только с актуальными проблемами социологии вообще, но и с ее (науки) яркими представителями. Это профессионалы из Свердловска — Лев Коган, Владимир Мордкович, Владимир Цукерман; из Челябинска — Николай Михайлов, Вячеслав Липский, Рафаил Бардин, Феликс Барбаров, Владимир Каконин, Вера Крупина; из Москвы — Валентин Подмарков, Николай Лейзеров, Давид Константиновский, Геннадий Журавлев, Владимир Ядов, Жан Тощенко, Владимир Мухачев, Николай Блинов, Вениамин Боровик, Аркадий Маршак; из Ленинграда — Владимир Лисовский, Светлана Иконникова.

Назвал в основном тех, кто активно занимался исследованиями молодежных проблем, проблем культуры, с кем был активно знаком, сотрудничал при подготовке и выпуске различных публикаций.

...То, о чем хотел написать в этих записках, относится к большому периоду не только моей работы, но и к деятельности многих моих коллег. Читая различные исследования по специфике молодежной культуры, сталкиваешься с закономерностью, к которой раньше относились без интереса. Почему без интереса? Относилось это к политике государства, о чем мы не имели понятия из-за отсутствия информации, за исключением «правдивого» слова в областной газете, малочисленных газетах в городах и районах (а тем более — сельских), в настенных и *настольных* репродукторах (нынешней молодежи трудно объяснить, как выглядели упомянутые репродукторы прикрепленные на деревянных столбах — наше доморощенное государственное радио в сельских районах).

Говорю о яркой кампании (я не оговорился — именно *яркой*, а не яркой) «борьбы с мировым сионизмом и космополитизмом», событиях в Венгрии, Румынии, Польше, и неминуемый безусловный *диктат* многих других запретов на любое самостоятельное движение какой-либо части тела, будь-то рука, нога, язык. Примеры самостоятельных движений, как в прямом, так и в переносном смысле слова? Да сколько хотите примеров повсеместных «нельзя»: стилиажничество; рок-н-ролл, твист, буги-вуги; авторская и туристская песня; чтение стихов; джаз; чего стоят и такие формы молодежной культуры — как самодеятельные театры миниатюры и песни и т.д. и т.п., что становилось очагами и *очажочками* молодежной культуры. Все это сопровождалось громовыми запретами начальства и маленькими «громами» других тысяч маленьких *запретителей* и *разрешителей* дозволенного.

И среди громов и молний, сверкающих над страной запретов, вдруг Никита Сергеевич Хрущев инициирует проведение в Москве в *1957 году* Всемирного фестиваля молодежи и студентов, с приездом 34 тысяч человек из 131 страны мира. А советские фильмы в то время!? Это (называю по памяти, даже близко не приближаясь к полноте какого-то уместного перечня увиденных фильмов): «Коллеги», «Женя, Женечка и «катюша», «Шумный день», «Карнавальная ночь», «Весна на Заречной улице», «В огне брода нет», «До свидания, мальчики!», «Коммунист», «Павел Корчагин», «Обыкновенный фашизм», «Андрей Рублёв», «Летят журавли», «Мне 20 лет» («Застава Ильича»), «Июльский дождь», «Гамлет» и множество других, ставших «витриной» достижений советского кинематографа. Как это было воспринято в стране — со своими яростными обсуждениями — и говорить нечего,

особенно после XX съезда партии... Ведь начиналась знаменитая хрущевская «оттепель» со всеми ее *противоречиями и последствиями* практически для каждого, хоть немного думающего человека.

Особый разговор о появляющихся студенческих СТЭМах (студенческий театр эстрадных миниатюр). Они *прорастали*, как молодая буйная трава, с неумной силой пробивавшая уложенный и утрамбованный за десятилетия *сталинский* асфальт, тем самым демонстрируя традиции этой безудержной молодежной среды в борьбе против запретов. Отметим — в то время и появились люди, знаковые фигуры, вырастающие из *стэмовского* движения и становящиеся значимыми и в наше время XXI века: Григорий Горин, Марк Розовский, Илья Рутберг, Виктор Славкин, Эдуард Успенский, Аркадий Арканов, Альберт Аксельрод, Сергей Муратов, Александр Лифшиц и Александр Левенбук, Михаил Жванецкий, Роман Карцев, Виктор Ильченко, Александр Курляндский, Аркадий Хайт, Геннадий Хазанов, Михаил Задорнов, Леонид Якубович, Александр Масляков, Анатолий Васильев (будущий создатель «Школы драматического искусства») и другие, кого не назвал только из-за нехватки места в записках.

И проблемы, преследующие СТЭМы, впрочем, как и родственное движение (*выродившееся* из студенческих театров) — КВН, заключались в постоянных «взаимоотношениях» с партийной цензурой. Причина? Представим точную, как представляется, причину в диалоге *Ведущего* (собирает фигура КВНа, или подразумеваемого СТЭМа, упоминаемого в квадратных скобках) и *Цензора* — это была реальная всеобъемлющая для нашего примера фигура. Приводимые, для примера аргументы — это аргументы С.Г. Лапина, руководившим 15 лет Гостелерадио СССР, любимца генсека Леонида Брежнева, причем, за точность цитирования мыслей этого цензора отвечаю.

Начинает диалог *Цензор*:

— Как вы думаете, для чего вы делаете эту телепрограмму [спектакль]?

— Как — для чего? Люди начинают думать. Начинают мыслить. Я ставлю проблему — они начинают ее решать.

— Вот-вот. Вы государственный преступник. Вы же контрреволюционер. Сейчас вы их учите мыслить и думать по поводу какого-нибудь маленького вопросика. Но они выйдут на улицу, жизнь подбросит им другие вопросы, а они по привычке начнут думать!

— А что же делать?

— Спортом надо заниматься на телевидении. Бегать надо, прыгать, вот эти самые таскать — как они называются?.. А не думать. Это первая причина. Вторая. Вот вы мне скажите: кто у вас лучше всего думает?

— Как? Есть дураки, есть умные люди...

— Да нет! Это не то. Ну кто лучше всего думает у вас? Назовем их, знаете как? Чтобы вам не было обидно — «одесситами». У вас «одесситы» лучше всех думают. Вы показываете всему народу, что у нас в стране самые умные — это «одесситы»! Вы дважды государственный преступник и дважды контрреволюционер. А самое главное не в этом. Третья причина, почему я закрыл эту телепрограмму?

— Как — закрыли?!

— Да так! — говорит. — А третья причина — о ней у Ленина прочтем, у Владимира Ильича. — Раскрыл томик красненький и цитирует. Но перед этим спросил: — У вас популярная передача [спектакль]?

— Да, ее смотрят миллионы! Очень популярная!

— Вот-вот-вот. — И читает Ленина: «Там, где миллионы, там большая политика»... — Вы думаете, у вас не политическая передача [спектакль]? У вас огромная политическая программа, раз ее смотрят миллионы. Вас надо трижды обозвать государственным преступником! Но не расстраивайтесь. Чтобы вам не было так одиноко, мы сейчас закроем и КВН [и спектакль].

[Любопытных отсылаю к беседе с Сергеем Муратовым, одним из основателей КВН (<http://kvnru.ru/06.02.2009/4>)].

...Вернемся в *1972 год*. Как работник обкома комсомола я добровольно курировал наш студенческий театр «Манекен». Так получилось, что его основатели и руководители братья Анатолий и Борис Морозовы жили недалеко от меня в Metallургическом районе. Мы и в баскетбол играли в одно время: мы с Анатолием в одной команде (металлургический завод), а Борис — в другой (Челябметаллургстрой). И тогда еще Борис мне сказал, что мы с ним раньше знали друг друга — кроме игры в баскетбол, он одновременно с учёбой в ЧПИ на специальности «обработка металлов давлением», начинал работать в кузнечно-прессовом цехе ЧМЗ, став «кузнецом свободнойковки 4-го разряда», как писали в его биографии. К тому времени, когда мы собрались у меня дома на наш *совет в Филях*, Борис, успевший попробовать свои силы в режиссуре, оставляет институтскую кафедру, где он уже стал преподавать «Теорию машин и механизмов», отправляется в Москву, для поступления в ГИТИС... А теперь Борис Афанасьевич Морозов — Народный артист РФ, Заслуженный деятель искусств России, главный режиссер театра Российской Армии, руководит

курсом на кафедре актерского мастерства РАТИ (бывший ГИТИС). Ну, и не забыть бы его богатый зарубежный опыт постановки спектаклей в театрах Польши, США, Израиля, Южной Кореи...

Конечно же, перед переходом к нашей *заговорщицкой* деятельности, думаю надо сказать несколько слов о своем товарище по баскетбольной команде ЧМЗ Анатолии Афанасьевиче Морозове (правда, он играл в команде старших по возрасту, а я — в молодежной команде). К тому времени он окончил Московский авиационный институт, потом читал дисциплины в ЧПИ на кафедре «Летательные аппараты». Позже я сталкивался с ходившими среди моих друзей (в частности, Александром Кауновым, выпускником факультета «Ракетной техники» ЧПИ), восхищенными разговорами о нем, как талантливом руководителе театра «Манекен», понял удивительную закономерность в нашей стране. За редким исключением в среде (если так можно сказать) «шестидесятников», а позже и «шестидесантников» превалировали технически образованные люди. Гуманитарии, как правило, эмоционально размахивая руками, и *языками*, обсуждали ту или иную проблему, а технари спокойно разбирались в них, и не менее спокойно предлагали варианты решения. Естественно, что я достаточно грубо разделил во *времени* сторонников двух, условных, подходов в повседневной жизни. И здесь для меня показательным примером было ранее увиденное в Новосибирском Академгородке на фестивале бардовской песни.

Так вот, не забывая наш (в записках) объект интереса — братьев Анатолия и Бориса Морозовых — обращаю внимание на неизбежность влияния времени «шестидесятничества» в преломлении вышеназванных сочетаний технического и гуманитарных подходов. Представляется, сознание и творчество молодых преподавателей технических дисциплин Анатолия и Бориса Морозовых, воспитанных в духе идеалов «ленинского социализма», и оказавшихся в театральных объятиях, неизбежно эволюционировали в сторону, так сказать, общечеловеческих ценностей. На мой взгляд, эта естественная метаморфоза и объясняла их путь от эстрады к философско-осознаваемой театральной эстетике, а позже — к закономерному метафорическому языку. Многие в трансформации социальной и художественной идеологии братьев Анатолия и Бориса Морозовых определили «шестидесятнический» театр, киноискусство, литература, их увлеченность знаменитым театром МГУ «Наш Дом» (в частности, именно в доме у братьев накоротке познакомился с Марком Розовским), занятия в московских творческих семинарах, участие в международных фестивалях студенческих, молодежных театров. В моем понимании, такое естественное общение в условиях промышленного Челябинска, наряду со строительством

неординарного театра в условиях «партийного руководства», по стандартам неизбежной государственной культуры сформировало и способствовало развитию такого удивительного челябинского «Манекена»...

...Итак — в январе того семьдесят второго года мы втроем встретились у меня дома. Долгое время я находился под впечатлением их рассказов об успешном участии «Манекена» в первом всесоюзном фестивале студенческих театров эстрады (*1966 год*), где председателем жюри был Аркадий Райкин. Наш театр получил Большой приз ЦК ВЛКСМ среди других лауреатов: эстрадная студия МГУ «Наш Дом», СТЭМЫ Московского и Казанского авиационных институтов, Новосибирский городской театр сатиры, Харьковский студенческий театр. Мероприятия фестиваля, проходившего две недели в клубе МГУ, освещали социально–политические издания страны: журналы «Театр», «Клуб и художественная самодеятельность», «Советский Союз»; газеты «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Советская культура», «Неделя» и другие. В материалах стало фигурировать определение одного из членов жюри фестиваля Александра Свободина — «думающая эстрада».

Насколько помню, после такого успеха со спектаклем «Предъявите ваши сердца» на этом Всесоюзном фестивале наш челябинский СТЭМ стал называться «Манекен». Перед театром политехнического института открылись редкие по тем временам перспективы — он стал «выездным» из «закрытой» области для любых иностранных делегаций (такова была специфика наших городов, где разрабатывалось ядерное оружие и царило Министерство обороны). Сразу же, после участия во Всепольском фестивале студенческих театров в Варшаве, последовали выступления на международных фестивалях студенческих театров в Югославии (Загреб), на Вроцлавском фестивале фестивалей. Позже, неоднократно «Манекен» выезжал на другие зарубежные фестивали и гастроли: в Австрии, Германии, Италии, Словакии, Словении, США, Чехии. Участие в первых поездках, как руководитель делегации, принимал и Юрий Александрович, и поэтому знающий театр не понаслышке...

До сих пор помню рассказы Морозовых о различных миниатюрах после фестиваля. Почему помню? Так ведь они включались в спектакли «Манекена», которые неоднократно видел (о чем, в частности, я и рассказывал Л.Д. Семичастному, Н.Ф. Кравцову, Я.С. Крючкову).

...Вот, например, миниатюра новосибирцев, эдакий марш–речитатив под названием «А что я мог сделать один?» На сцене появляется сначала один,

затем второй, следом третий... десятый актер и сцена заполняется другими, произносящими с разной интонацией один и тот же вопрос «А что я мог сделать один?». На сцене эдакое *броуновское* движение актеров, постоянно задающим в зал этот одинаковый вопрос. В течение короткого времени хаотичность упорядочивается, все актеры группируются на одной стороне сцены, выстраиваясь в шеренги по три человека, сливаясь в финале в слаженный хор, в котором бодро скандируют отдельными словами вопроса: «А — что — я — мог — сделать — один?!» и повторяя такое хоровое скандирование 3–4 раза маршируют из одного конца сцены в другой конец. Зритель потрясен увиденным: уже никакой хаотичности нет. Вы можете представить себе: идет рядами толпа дисциплинированных демонстрантов и дружно скандируют лозунг, с акцентированием вопросительного знака в конце вопроса «А — что — я — мог — сделать — один?»

[Ремарка: Тогда еще понятия не имел, что эти дисциплинированные шаги, исполняющиеся актерами «Манекена», и звучащиеся под слова:

*Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны, —
Кожу для них дают
Сами бараны...*

*есть не выдумка режиссеров (кого-то из них челябинских или московских), написавших эти четкие строки, звучащие под марш, а знаменитый «Бараний марш» Бертольда Брехта. Но тогда для меня слова марша звучали уместно и современно, а тем более по-актёрски яростно произносимые шагающими моими чэмэзовскими друзьями Олей Уколовой, Леней Баевым, Лешей Лейкиным... Мне кажется, именно тогда я стал интересоваться творчеством этого немецкого драматурга, что, в свою очередь, не могло не способствовать постепенному расширению моего кругозора, как и другие встречи с людьми, конечно же, не ставившими себе подобные цели... Думаю, в большей степени сопровождавшее мое любопытство, многое в подобного рода знакомство с театральной эстетикой, философией осознанно начиналось у меня ориентировочно с того самого **семьдесят первого** года, когда стал готовится к возможной встрече с Анатолием Васильевичем Эфросом еще в Свердловске во время обучения в университете, о чем рассказал в напечатанной беседе в «Вечернем Челябинске» (1971, 8 сент.)]*

...Или — театр МАИ, и миниатюра из спектакля «Снежный ком, или Компания по сбору яичной скорлупы». На сцене стул и стол, за которым сидит человек и тяжелым взглядом смотрит в зал. Это член комиссии по приему программы художественной самодеятельности. Выбегают двое, подражая ведущим у микрофона, и объявляют исполнение сказки Корнея Чуковского «Муха Цокотуха». Читают бодро и весело:

Муха, Муха — Цокотуха,
 Позолоченное брюхо!
 Муха по полю пошла,
 Муха денежку нашла.
 Пошла Муха на базар
 И купила самовар...

Слышат громкий резкий окрик: «Стоп! Это что такое? Вы хоть слышите, что читаете?» — «Это детская сказка Корнея Чуковского! На ней не одно поколение детей выросло!» — Человек с тяжелым взглядом подходит к микрофону: «Я вам покажу детскую сказку и этого Корнея! Как там у вас? Муха, муха, ЦэКа что?!? Вот то-то и оно... — и немое движение пальцев, указывающих на потолок. — И дальше, как там у вас: муха по полю пошла, муха денежку нашла... Вы хотите сказать, что у нас столько народных денег на поля выброшено, и даже валяются, что даже муха их находит, чтобы потратить на самовар!? Немедленно исправить сказку с пониманием того, что вся страна с подъемом включилась в кампанию сбора яичной скорлупы...» В зале сначала тишина недоумения от услышанного, а потом обвал смеха и аплодисментов...

...А другая их (театра МАИ) миниатюра «Китобои», тоже сыгранная «манекеновцами» (до сих пор в памяти моей — лицо артистичного Гены Зайцева): перед зрителями несколько актеров пантомимически изображают вытягивание на корабль добываемого кита, но на первом плане, на стуле кто-то стоит и смотрит вдаль, выражая некую озабоченность. Вдруг раздается Голос по радио и требует капитана к микрофону, но стоящий на стуле отвечает — капитан на трудовой вахте, тогда радиоголос спрашивает старпома, а тот же стоящий отвечает — и старпом тоже на трудовой вахте, на что радиоголос уже раздражен, мол, а какой бездельник с ним говорит, на что следует ответ: «Председатель профкома» (в зале первая порция смеха) Начальствующий радиоголос просит записать радиограмму: пока китобои добывают китов, по всей стране развернуто соцсоревнование по сбору яичной скорлупы, и вам задание собрать столько килограмм; на вопрос, мол, откуда в

океане мы соберем столько скорлупы следует ответ, что вас учат изыскивать внутренние резервы, а не вопросы задавать... Председатель профкома выходит на палубу и начинает проводить собрание с использованием того же убедительного аргумента о внутренних резервах. На его предложение о голосовании — все поднимают руки «за» (естественно выпуская канат из рук), но единственного воздержавшегося, и невыпустившего канат, вырвавшийся на свободу кит уносит в океан...

И тогда, слушая эти пересказы, поражала гражданская смелость членов жюри. Фестивальная молва гласила, что за этот спектакль активно заступался председатель жюри Аркадий Райкин, добившийся положительного решения о выпуске спектакля, встретившись с секретарем ЦК КПСС П.Н. Демичевым, что в результате он лишился ожидаемой Ленинской премии, а ректор МАИ И.Ф. Образцов — звезды Героя социалистического труда. Та же молва пересказывала, что секретарю парткома МАИ сказали при его обсуждении в Московском горкоме партии: мол, куда у тебя студенты смотрят? Они у тебя в лес смотрят... И театр «Телевизор» был закрыт «за субъективное нагнетание негативного материала».

Как Евтушенко писал о таком тенденциозном взгляде на студенческое творчество в поэме «Казанский университет»:

...Суть попечительства в России
 свелась в одну паучью нить:
 «Топи котят, пока слепые,
 Прозреют – поздно их топить»...
 Вдвойне опаснее прозренье,
 произошедшее в мешке...

...Вся эта необозримо–допустимая «милота студийной жизни» вперемешку с идиотизмом, и глупостью, чиновнически царящей вокруг, по мнению М. Розовского, одного из отцов–создателей театра–студии МГУ, нашло отражение во всей полноте и широте в книге Н. Богатыревой «Окна “Нашего ДОМА”». История эстрадной студии МГУ «Наш ДОМ». 1958–1969».

На мой взгляд, разнообразная история студенческих театров — это в какой–то степени история страны, потому что все, что было в стране хорошего и плохого, отразилось в судьбе театров.

* * *

10. «Заговор» о Втором Всесоюзном фестивале в Челябинске * Юрий Любимов + Владимир Высоцкий * «Облом» с фестивалем * Притчи и басни Феликса Кривина...

...Продолжаю рассказ о нашем, с братьями Анатолием и Борисом Морозовыми, театральном–фестивальном «заговоре».

В беседе возникла и стала обсуждаться реализация идеи о проведении в Челябинске Второго всесоюзного фестиваля студенческих театров. Я брался за «пробивание» этой идеи перед Александровичем, ибо необходимо согласование в обкоме партии, ЦК комсомола... Говорили и о составе предполагаемого жюри... Предлагал знакомые для меня имена по театральным публикациям (прежде всего по таганско–современниковском профессиональном заступничестве): Наталья Анатольевна Крымова (журнал «Театр»), Александр Петрович Свободин (журнал «Театр»), Константин Александрович Щербаков («Комсомольская правда»)... Всплыла в нашем разговоре и фамилия Юрия Петровича Любимова (предложить ему возглавить жюри фестиваля) и, конечно же, популярнейшего Владимира Высоцкого — войти в состав жюри.

Агитация Юрия Александровича заняла у меня немного времени, и сразу же согласование нашей фантастической идеи с руководством обкома партии, а затем с В.А. Житенёвым, секретарем ЦК ВЛКСМ (в недавнем прошлом — первым секретарем Свердловского обкома комсомола), замещающим находящегося в командировке Е.М. Тяжельникова. И началась агитационно–практическая работа с театральными коллективами, цензурой, куда надо представить программы с кратким содержанием (аннотацией) студенческих театров страны: Москва, Ленинград, Пермь, Омск, Новосибирск, Тольятти, Петрозаводск, Кемерово, Казань, Ташкент, Горький, Ижевск и других.

Предстояло заручиться согласием планируемых нами членов жюри. Это возлагалось на меня, так как знал, куда обратиться за помощью и согласием. В апреле мне предстояла туристическая поездка в Прагу на чемпионат мира по хоккею с шайбой; я планировал раньше выехать в Москву, где надо найти всех нами *намеченных*, и согласовать желание и возможность участвовать в фестивале.

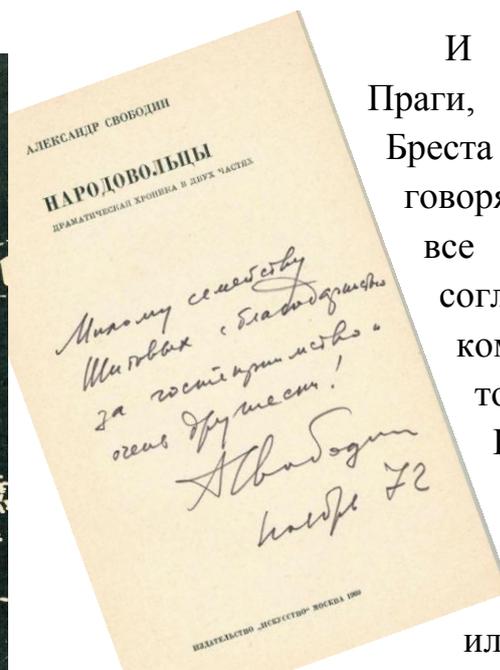
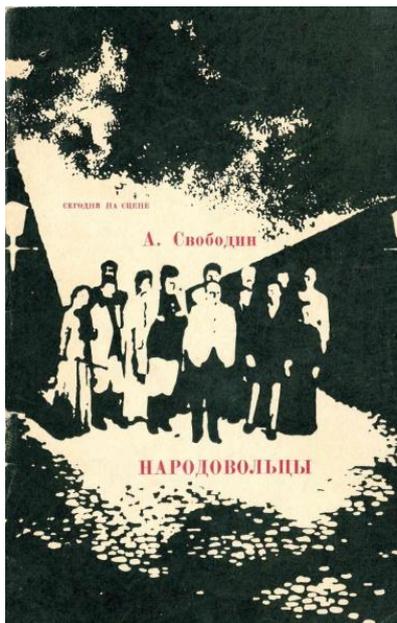
...Поиски начал с Константина Щербакова (напомню, он работал в «Комсомольской правде»). Все складывалось как нельзя лучше для меня: при нашей встрече в редакции газеты он дал мне телефоны Н.А. Крымовой и А.П. Свободина. Нахально попросил у него помощи попасть на спектакли Таганки: конечно же, хотел не только их посмотреть, но и найти в театре Любимова и Высоцкого...

На следующий день встретился с Крымовой и Свободным, познакомились, поговорили, обсудили предстоящие перипетии с фестивалем, но тем не менее согласовал их участие в нашем проекте... В театр попал, посмотрел обещанные Щербаковым «Гамлета», «Зори здесь тихие...», но ни с Любимовым, ни с Высоцким не получилось встречи, как бы не стремился к этому. И вот последний вечер командировки — мне надо уже уезжать на вокзал, чтобы дальше поездом до Бреста, а дальше — в Прагу на чемпионат мира по хоккею с шайбой. Пришел на спектакль «Жизнь Галилея», после которого из фойе театра сворачиваю в служебный ход и вижу Любимова. Я к нему и заикаясь от волнения быстро, чтобы он меня не успел перебить, выпалил: мол, я из Челябинского обкома комсомола, мы решили проводить второй фестиваль студенческих театров и приглашаем Юрия Петровича возглавить жюри... а также Высоцкого приглашаем в состав жюри...

Что он мне говорил, просто не помню... Главное — я в театре на Таганке, и даже повезло — говорю с Любимовым... Из состояния эйфории меня вывела реакция на его голос, со смехом обращенный ко мне: мол, где учусь? Отвечаю: в Уральском университете, пишу дипломную работу по поэзии, защищаю через год... Поэзия? А какая тема? Стилистические особенности поэзии Осипа Мандельштама. Рык Любимова: Кого? Мандельштама! Вы на Урале точно с ума посходили — комсомольский работник пишет диплом по Мандельштаму, а в промежутках участвует в организации всесоюзного фестиваля студенческих театров!.. И тут он увидел Высоцкого, уже переодевшегося после спектакля, мол, Володя иди сюда и посмотри на этого фантазера... Высоцкий: комсомольский работник!? Фестиваль студенческих театров? Оканчиваешь университет и о ком диплом? Мандельштам! Слушай, парень, расскажи мне о нем подробнее... Отвечаю, что мне некогда, я сегодня вечером прямо из театра и на Белорусский вокзал, уезжаю в Чехословакию на чемпионат мира по хоккею... Так ведь увидимся, — говорит Высоцкий. — и ты мне расскажешь, кстати, о чемпионате мира? Интересно ведь, особенно после событий шестьдесят восьмого!? Не забудешь рассказать? ...Ну, говорит Любимов, улыбаясь, если получится ваша авантюра, полагайтесь на наше устное согласие, только позвоните заранее, и продиктовал мне номера телефонов для связи с ним и Высоцким...

Вот так и закончился *московский* этап нашего театрального согласования с потенциальными членами жюри.

...В Праге почувствовал *спертый* воздух, оставленный нашим вторжением в августе шестьдесят восьмого года. Вроде бы все как-то спокойно, никто не кричит, хожу по улицам, езжу на трамвае, не стесняюсь говорю на русском языке, правда, стараюсь обращаться с какими-то вопросами к пожилым людям. Люди, встречающиеся на улицах, мне показались на наших москвичей и ленинградцев похожие: лица *сжатые*, идут сосредоточено, не очень улыбаясь... Но это мне все-таки, как туристу, особенно русскому, показалось. Не знаю. Помню, упросил Виктора Домбровского, судью международной категории, своего друга из Челябинска, о котором ранее уже рассказывал, чтобы он меня провел на тренировку нашей сборной. Он по-дружески отказывал мне, что будет лучше, если я не увижу этого. Но я все ныл и ныл, и он согласился. Господи, как Виктор Николаевич был прав — на льду катались раздраженные на весь мир хоккеисты нашей сборной, и матерно бранились меж собой... Часов в десять завтрашнего дня нас большой группой приглашают на встречу с каким-то важным чиновником из советского посольства. Кроме ободряюще-призывных слов о спокойствии прозвучала назидательная информация о бдительности: билеты на сегодняшний матч со сборной Чехословакии распределялись по партийным комитетам, но все-таки, товарищи, постарайтесь не поддаваться на провокации, никаких лозунгов и флагов... И второе, что мне запомнилось, это вопрос из группы: а как реагировать на забитую шайбу наших хоккеистов — и ответ чиновника: только бурными и продолжительными аплодисментами приветствовать успехи нашей сборной... Услышав наш коллективный хохот, встреча закончилась. Когда попали в пражский Дворец спорта, увидели нависшую над нами пятнадцатитысячную массу зрителей, я, скажу прямо, заткнулся, и даже не пытался что-либо сделать со своими эмоциями... Представьте себе — группа из нескольких сотен туристов, разбросанная по разным местам Дворца спорта в окружении 15 тысяч других болельщиков. Правда, на следующий день, настроение слегка улучшилось маленьким проигрышем чехам, и пошел в магазин покупать знаменитое чешское стекло. Надо было видеть меня, обомлевшего — увидел в магазине широкоулыбающегося Всеволода Боброва, главного тренера советской сборной, которая так бездарно проиграла своим заклятым друзьям, на лице у которого никакой печали... даже при его выборе знаменитого чешского стекла.

Дарственная надпись автора на книжке с текстом пьесы «Народовольцы»: «Милому семейству Шитовых с благодарностью за гостеприимство и очень дружески! А. Свободин. Ноябрь 72 г.

И вот мы вернулся из Праги, сразу же звоню из Бреста в Челябинск. Мне говорят: полный облом — все ранее достигнутые согласования с ЦК комсомола наш земляк, тогда первый секретарь ЦК Е.М. Тяжельников, отменил. Вероятно, в более спокойной обстановке он понял или объяснили старшие товарищи последствия, и он испугался ответственности, отменив согласование с В.А. Житенёвым.

Когда вернулся в Челябинск, встретился с братьями Морозовыми, другими завязанными в этом деле людьми, «пролили» скупую слезу по поводу запрета, затем звонил в Москву, извинился перед «взбаламученными» мной театральными профессионалами. Удивительно, отношения с ними у меня счастливо продолжились...

Так, Александра Петровича Свободина в течении последующего времени моей работы в обкоме я приглашал неоднократно в Челябинск на различные творческие семинары, мы встречались у меня дома, помогал ему различными книгами для воспитания их маленького ребенка. Помню, как он учил нас с Милой заваривать чай особыми способами. Новый виток дружеских отношений между нами начался после публикации романа Юрия Трифонова «Нетерпение», а точнее — он написал статью о романе, напечатанную в ноябре **1973 года** в «Комсомольской правде». Дело в том, что А. Свободин — автор пьесы «Народовольцы» в театре «Современник». Она — из знаменитой трилогии: «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики», спектаклей, поставленных Олегом Ефремовым. Вот мы и *зацепились* друг за друга в спорах о народовольцах, и позже — об истории страны. Конечно, тогда мы многого не знали (особенно я), в отличие от нынешних публикаций, но мне было интересно... Да, чуть не запомнил — Александр Петрович

добрым словом вспоминал челябинский «Манекен», о котором он говорил на различных выступлениях и встречах.

Константин Александрович Щербаков по различным причинам не мог принять участие в творческих семинарах, из-за сменяющихся по заданиям командировок в газете, но наша дружба с ним продолжалась еще долго. За поддержку театра «Современник» по инициативе цензуры он был уволен из «Комсомольской правды», и бывший главный редактор «Комсомолки» Борис Панкин, возглавлявший тогда ВААП, поддержал Щербакова и направил представителем этого общества в Варшаву. Такую же поддержку он ощущал и когда был главным редактором журнала «Искусство кино», и когда был заместителем министра культуры России. Я, например, поздно узнал о его близких родственных отношениях (отец — сын) с бывшим секретарем сталинского ЦК партии в годы войны. Это я о скромности, вежливости, интеллигентности Константина Александровича, с которым встречался, с которым повезло в беседах на разные темы, в том числе и о театральной режиссуре, само-собой говорили и о «шестидесятниках»...

А Наталья Анатольевна Крымова сразу же предупредила меня, что выезжать в Челябинск на какие-либо семинары творческой молодежи не сможет по семейным обстоятельствам, но с удовольствием будет привечать меня в Москве. Ну, у меня как любопытствующего командировочного одна проблема — попасть в те или иные театры по принципу «лишнего билетика». Но она спокойно сказала мне, чтобы приехав в Москву, я смотрел в театральной афише желанные для меня спектакли, звонил ей домой, и она постарается помочь с билетами. Если я ранее пробавлялся разовыми везениями приезжего, то теперь, благодаря любезности Н.А. Крымовой, был допущен к числу театральных счастливых с билетами в любимые мной Таганку и «Современник», не говоря уже об эфросовских спектаклях в театре на Малой Бронной.

...Несмотря на «облом» с несостоявшимся фестивалем, театр «Манекен» под руководством Анатолия и Бориса Морозовых продолжал развиваться и радовать зрителей своим мастерством, где отличались: Леонид Баев, Вениамин Беленький, Юрий Бобков, Геннадий Ефименко, Геннадий Зайцев, Сергей Кастрица, Виктория Тарасова, Ольга Уколова (называю артистов, знакомых по памяти тех лет, хотя они уже повзрослели, закончили институт, и занимаются преподавательской или другой работой, но ведь то что я, семидесятилетний человек до сих пор помню их имена и фамилии,

свидетельство того мастерства, которым они обладали, и что осталось в памяти зрителей).

Так получилось, что на следующий год я с ними вновь испытал чувство тревоги на театральном поприще. «Манекен» задумал поставить «Театральные комедии» Феликса Кривина, автора острого, пишущего вроде как сказки, какие-то притчи, и все это коротким и емким языком, но языком со смыслом, где были вторые, третьи пласты. Я любил творчество Кривина, просто обожал, считал его советским Эзопом и даже для программки спектакля «Театральные комедии» предложил для эпитафии его мысль, выраженная и его языком: «Театр правдив: здесь даже вымысел борется за правду».

С учетом специфики эзопова языка Кривина пришлось прилагать усилия для сотрудничества с цензурой, чтобы получить разрешение на выпуск спектакля, и мне удалось найти взаимопонимание с этой могучей структурой в нашей Челябинской области, где работали красивые спокойные женщины во главе с фантастически выдержанной и обаятельной Людмилой Вениаминовной Сахаровой. Кто работал с изданиями в советское время, помнит, что без нее (этой структуры) ни одно слово не могло быть напечатано в любой типографии области, не имея ее *разрешительного* штампа, а других печатных возможностей не существовало. Даже на элементарный короткий текст из нескольких слов пригласительного билета куда-нибудь, нельзя было размножить типографским способом не имея такого штампа — как на общепринятом языке говорилось: «получить лит», «текст залитован».

И в спектакле, напомним название: «Театральные комедии», звучали, если мне не изменяет память, такие обычные, но глубокие по смыслу, по допустимости *разрешения* кое-какие мысли, например:

«Театр начинается с вешалки и кончается вешалкой. Но помните: главное всегда в середине!»,

«На сцену жизни человек совершает один-единственный выход, и его никогда не удастся вызвать на бис»,

«Театр от жизни отличается тем, что у него всегда есть запасной выход»,
«*Афиша*. Сегодня и завтра, в любой сезон — билеты на сегодняшнюю трагедию действительны на завтрашнюю комедию!»,

«*Жанры*. То, что в юности кажется трагедией, в зрелом возрасте кажется драмой, а в старости — обычной комедией»...

И так, между прочим, по ходу спектакля звучат сказки-басни на библейские темы, позволительные допустимостью цензурного *разрешения*, например: «Валаамова ослица».

«И заговорила ослица человеческим голосом:

— Со слов Валаама...

Разинули рты святые угодники: шутка сказать — со слов Валаама!

— Тише, тише! — шикают друг на друга. — Дайте уловить, дайте запомнить!

— Со слов Валаама... — говорит ослица.

— Со слов Валаама, — млеют угодники, — действительно, лучше не скажешь.

И никто не знает, кто такой Валаам. Но, наверно, кто-то такой, раз на него ссылаются. Может, из Библии, может, еще откуда...

Слушают святые угодники.

На ус мотают.

Пример берут.

С ослов Валаама».

Или такая сказка-басня из той же серии: «Стадо Моисеево».

«— Не сотвори себе кумира. Я, например, не сотворю. У меня, например, к этому не лежит душа.

Зашумело стадо Моисеево.

— Вы слышали, что сказал Моисей?

— ...как это правильно!

— ...как верно!

— ...не сотвори кумира!

— ...не сотвори!

— ...о Моисей!

— ...мудрый Моисей!

— ...великий Моисей!»

Зная братьев Морозовых еще по прошлым поездкам в Польшу и Югославию, зная от меня о возможных проблемах с текстами Феликса Кривина, Юрий Александрович в кабинетах обкома партии говорил о необходимости постановки кривинского спектакля для укрепления авторитета «Манекена» в стране, а запрет такого спектакля создаст о культуре Челябинска и области дурную славу, соразмерно «Валаамовой ослице» и другим притчам.

Прилетел сам драматург, была встреча с молодежным активом города, на которой выступали и Феликс Кривин, и секретарь горкома комсомола Юрий Александрович. На традиционном кулуарном банкете после премьеры в Челябинском политехническом институте мы уединились на короткое время

вместе с драматургом, и я имел возможность коротко поговорить с автором на основе его текстов... К тому времени я уже знал хорошо творчество писателя, ведь благодаря своим друзьям по комсомолу из Ужгорода, я обладал редкостными для Челябинска кривинскими книгами.

Феликс Давидович и надписал принесенную мной его книгу «Божественные комедии»: «Впервые с радостной легкостью дарю эти божественные комедии комсомольскому работнику Александру Шитову, понимающему их смысл».

Это лишь краткое воспоминание (знающие, конечно, могут написать гораздо больше и интереснее) о роли в создаваемой атмосфере свободомыслия и просто здравого мышления в нашем городе — об Анатолии и Борисе Морозовых, о «Манекене». Можно сослаться на чтение о них в энциклопедии «Челябинск», в «Национальной исторической энциклопедии», большом, энциклопедического характера пятисотстраничном исследовании: «Любительское художественное творчество в России XX века: Словарь» (Москва, 2010).

...Такое бывает у увлеченных — забывание элементарных, но важных событий в жизни. Это я к тому, что на фоне событий в которых участвовал, которые проносились, и я был подхвачен вихрем этих событий, то упустил вовремя по месту сказать о важнейшем для моей жены Милы и меня событии — в сентябре *1972 года* у нас родилась дочь. Назвали ее Верой, в честь мамы моей жены — Веры Семеновны Вавилиной. Это была фантастическая женщина, прожившая с нами в однокомнатной квартире до нашего переезда из Металлургического района к автовокзалу на улицу Каслинская. И пишу об этом факте (совместное проживание) с удовольствием, т.к. за все это время не было ни минуты напряжения между нами, повторяю — ни минуты... Мила работала в музыкальной школе, училась на заочном отделении дирижерско-хорового факультета института культуры. А я все эмоционально размахивал руками, вкатываясь во все больше и больше проблем на своей работе в обкоме комсомола... И как-то незаметно для меня наша дочь росла и росла, закончила пребывание в детском саду, естественно, пошла в находившуюся рядом школу. Понимал, что отец я неважный, закомплексованный на работе, какая бы она ни была, что, конечно же, не красит меня... Да и Мила как-то тактично «не доставала» меня какими-то своими проблемами...

* * *

**11 «Все на продажу» с Ларисой Малеванной * Анджей Вайда *
Дипломная работа в университете * Инна и Володя Харитоновы * Е.Г.
Эткинд * Н.Я. Мандельштам * Н.И. Харджиев * Осип Мандельштам —
антисталинист? * Комсомол иницирует выставку Нади Рушевой...**

...В том же **1972 году** в Челябинске были гастроли Ленинградского театра имени Ленинского комсомола, творческое шефство над которым Юрий Александрович поручил мне, как специалисту *по театрам*. Вспомнил об этом в контексте записок вот почему. Главным режиссером театра был Геннадий Опорков, а с ним была жена — Лариса Малеванная, актриса того же театра. Мы подружились и во время гастролей много говорили с ней не только о театре, но и о литературе, и об А.В. Эфросе. Дело в том, что ее первая главная роль в кино была в фильме «В день свадьбы» (1968 год) по пьесе В. Розова. А первый спектакль А. Эфроса после назначения его главным режиссером театра Ленинского комсомола (будущий Ленком Марка Захарова) был тот же розовский «В день свадьбы» (правда, спектакль был раньше фильма — в 1964 году).

Помню, как они были у нас с Милой дома, и мы продолжили наши разговоры о литературе, театре, и я в порыве щедрости откликнулся на просьбу Ларисы Малеванной, и подарил ей сборник «Стихотворения и поэмы» Бориса Пастернака из большой серии «Библиотеки поэта», где была вступительная статья А.Д. Синявского. Эта книга, как, впрочем, позже и сборник О.Э. Мандельштама достались мне по случаю их приобретении в книжном киоске обкома партии. Я рассчитывал позже восстановить свою потерю пастернаковской книжки убедив знакомого партийного чиновника в нашем товарищеском обмене... Сейчас уже и не вспомню в каком обмене, но успешно получилось, как я и полагал...

Но вспомнил я о встречах с ней и по причине контекста записок. В один из дней я зашел за ней в гостиницу «Челябинск», что у вокзала, и мы пошли в театр оперы и балета, где гастролеровал театр. Я ей рассказывал, между прочим, что в центре Челябинска есть небольшой кинотеатр «Знамя», где показываются некассовые фильмы, и где удалось увидеть фильм Анджея Вайды «Все на продажу». После потрясающего фильма «Пепел и алмаз» популярность Анджея Вайды и Збигнева Цыбульского была удивительной. Я догадывался, что фильм «Все на продажу» был сделан его (Цыбульского)

памяти, и где впервые, как мне показалось, сказано о появлении новой звезды польского кино Даниэля Ольбрыхского. Но я ей честно признался, что фильма так и не понял.

И она также мне ответила, мол, ты и не поймешь, ибо не чувствуешь, что фильм—то «Все на продажу» о нас — зависимых от многих обстоятельств, а прежде от режиссера, будь—то фильм или как сейчас ты (это она мне) меня ведешь на спектакль, где я должна *отрабатывать* потраченные зрителями деньги на билеты. И так у нас, у актеров, что в кино, что в театре постоянное состояние зависимости от востребованности или отсутствия таковой, то есть, каждый раз выходя на сцену, я должна доставлять зрителю удовольствие, ну если не удовольствие, то уж точно, что личного характера неприятности, влияющие на исполнение роли, не допустимы. Она сказала об это просто и спокойным голосом, а мне, пожалуй, впервые было очень грустно от ощущения несправедливости по отношению к актерам, которые формируют у нас возвышенные чувства, а в театре чувства продаются по стоимости билетов. Грусть моя была и потому, что понимал зависимость актеров, понимал реалии актеров и режиссеров. Понимал, что иные отношения таковой зависимости мне неведомы...

Поэтому я отметил и эту встречу в записках, ибо актриса — а это была Лариса Малеванная — просто, с грустью в голосе, вынуждена говорить не о возвышенном, а о грустных реалиях, ведь фильм—то, о котором мы говорили, назывался весьма в лоб — «Все на продажу». А это рассказ об актерам, о режиссерах, о непростых взаимоотношениях между ними, с другими людьми и все это при помощи «инструментов из ящика», которые бесконечны в перечислении и использовании, как, собственно и *бесконечность с бескрайностью* театрального искусства...

...Не могу здесь не сказать о случайной встрече с легендарным Анджеем Вайдой. Повторю: случайной. Кажется, было это зимой в *2005 году*, вечером он выходил из Дома актера на Арбате, а я входил в него. Просто помог какому—то человеку выйти, придержав тяжелые двери, и только тогда увидел лицо — бог ты мой, это был Анжей Ваида. Представился ему, попросил уделить время для короткой беседы. Он согласился — время позволяло. Затем нахально предложил ему, чтобы не стоять на улице, и если позволяет время, зайти в какое—нибудь кафе и спокойно поговорить... Излишне говорить о моем волнении, которое сказалось на путано излагавшемся восхищении вперемешку с вопросами: от «Пепла и алмаза» до «Человека из мрамора», о Юрии Трифонове, его восхищении Достоевским с его «Бесами», о поездке в Польшу в *1974 году*, куда возил большую группу молодых ученых и

специалистов Челябинской области... Беседа наша продолжалась около часа, после чего он вежливо извинившись, откланялся. Переполнявшие меня эмоции заглушали память, заглушали восприятие, но эта случайная встреча с великим режиссером отложилась...

(Кстати, входил я тогда в Дом актера для встречи с Александром Вилькиным, кто готовил любимовскую режиссуру спектакля «Обмен» и сам исполнял роль Виктора Дмитриева в этой постановке по повести Ю. Трифонова в театре на Таганке, а жена его, актриса, была из Свердловска, и жила рядом с моей матерью. Вот такие у нас в Вилькиным были *семейные* обстоятельства, кроме творческих, что мы и собирались обсудить для будущей помощи его театру с оригинальным названием «Вишневый сад». Да и знакомство с Александром Вилькиным у меня состоялось на юбилее Бориса Морозова в театре Российской армии, где он работал главным режиссером, а с Вилькиным они вместе учились.)

На фото слева направо — друзья между собой, и мои друзья с начала 70-х годов — Владимир Харитонов и Леонид Быков

...Да, чтобы не забыть сказать — в июне *1973 года* защитил дипломную работу в Уральском университете *по Мандельштаму* на отлично. Так, до защиты работы в университете меня убеждали в разных кабинетах: мол, я должен отказаться от объекта исследования, я же коммунист, комсомольский работник, а тут какой-то репрессированный еврей-поэт... Но меня

поддержал руководитель диплома, известный автор работ по творчеству В.В. Маяковского профессор Александр Сергеевич Субботин, а он был заведующим кафедрой советской литературы. Поддержал и тогдашний ассистент кафедры, а ныне известный литературовед, доктор наук, профессор Леонид Петрович Быков, написавший большую рецензию на студенческую работу.

Кстати, через некоторое время после моей успешной защиты диплома, более тесно подружился с Александром Сергеевичем посредством постоянных встреч в Свердловске, которые заботливо организовывал его любимый ученик по университету Володя Харитонов, ставший и моим другом. Так вот, в одну из таких встреч он (я о Субботине) поведал мне, что как-то в разгар

антисемитской кампании 50-х годов, он заступился на партийном собрании филологического факультета за Владимира Самойловича Цукермана. (Просто я в разговоре с ним, Субботиным, упомянул о контактах с социологом культуры В.С. Цукерманом по научным делам обкома комсомола.) Его по тогдашней глупой традиции обвиняли в покушении на устои советской власти, а проще сказать обвиняли в публичном несогласии путем перечеркивания красным карандашом заметки о нем в стенгазете (!) факультета — написал «Вранье» с подписью своей фамилии, ибо считал эту заметку клеветнической и кем-то сфабрикованной. Ну, и понеслось! Собрания, разбор морально облика... исключение из комсомола и университета. (Так в истории страны происходили, с временным забвением, периоды вспышек, так называемого, народного гнева против всяких инородцев еще со времен самодержавия... Ну, а уж после войны достаточно вспомнить вакханалию против космополитизма и «дело врачей», окончившуюся с кончиной их инициатора в 1953 году... Нас хлебом не корми, и вместо того чтобы протянуть руку человеку и помочь ему подняться, с гиканьем устраиваем шабаш, чтобы *закопать* его, каким-то образом просто споткнувшегося... Да, можно сказать как Глебов у Трифонова в «Доме на набережной» — время было такое, поэтому я не виновен, а вот *с временами и не здравайтесь...*) Удивительное упорство Владимира Самойловича помогло преодолеть возникающие невзгоды — добился восстановления в комсомоле и в университете. Когда мы с ним познакомились через комсомольское научное сотрудничество, благодаря инициативе Льва Наумовича Когана, он был кандидатом философских наук, научным сотрудником Уральского отделения АН СССР, а позже поддерживал меня в начале работы в Челябинском институте культуры на кафедре философии и научного коммунизма. Он как-то мне сказал о всегдашней своей памяти о заступничестве за него моего руководителя «мандельштамовского» диплома Александра Сергеевича Субботина...

На протяжении всех лет учебы у меня были такие же внимательные наставники — преподаватели философского факультета из университета: Виталий Копалов и Вячеслав Рыков (друзья Вячеслава Липского, с его студенческих времен, *переданных* мне по наследству, благодаря чему я умудрился жить у них двоих короткое время во время первой сессии в комнате общежития на улице Большакова).

Также на протяжении всего времени учебы рядом были супруги (Инна и Владимир) Харитоновы со своим сыном, и у которых мне также повезло жить

во время оставшихся сессий в их, на мой взгляд, уютной «развалюхе» с «удобствами» во дворе, и там же с бюстом Карла Маркса на улице Гоголя. Именно от Володи я узнал много–много интересного об изумительном писателе Исааке Бабеле. Дело в том, что еще в конце 60–х годов я собирал своеобразные «досье» на Евтушенко, Вознесенского, Пастернака, Трифонова, Шукшина. В эти папки собирал различные публикации из газет и журналов и других печатных источников о названных поэтах и писателях. И вот после встреч с Володей Харитоновым к ним (названным) добавился Исаак Бабель, произведения которого были, после расстрела писателя под запретом и не издавались.

Не помню, каким образом, но мне удалось раздобыть «Избранное» Бабеля, изданное в Кемеровском книжном издательстве. Помню, эту книжку светло–коричневого цвета с предисловием Ильи Эренбурга. Этот однотомник — первое издание после расстрельного запрета и последующей реабилитации — книга избранных произведений включала рассказы разных лет, циклы «Конармия» и «Одесские рассказы». Она послужила для меня основой в написании внеплановой курсовой работы о разнообразных персонажах «Конармии». Мое любопытство вокруг проблем с этим бабелевским циклом было расширено возможностью работы в книгохранении нашей областной «публички». Там нашел, а потом переписал *от руки* ставшее известным от Харитонова письмо С. Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”», опубликованное в третьем номере журнале «Октябрь» в 1924 году, и ответ Буденному М. Горького, напечатанного в газете «Правда» 27 ноября 1928 года. Там же попытался расширить не только поиски различных публикаций стихотворений Осипа Мандельштама, но и повсеместно попадавшихся в журналах, альманахах, других подобных источниках и публикаций рассказов Бабеля.

Я почему пишу об этом в записках, ибо знакомство и последующая дружба с Инной и Володей Харитоновыми, приближающаяся к полувековому сроку, конечно же, не ограничивались интересом к Бабелю. Мы трое были одного года рождения, и наши беседы позволяли вести друг друга весьма раскованно, а они (беседы) расширялись разговорами о Мандельштаме, Трифонове, Евтушенко, Шукшине и многих других. Инна работала в библиотеке университета, а Володя читал лекции о философии культуры, о взаимосвязи искусств, что и обусловило их (Инны и Володи) *систематические* знания о мировой культуре и искусстве, что не хватало мне студенту–заочнику филологического факультета.

Но, в свою очередь, могу сказать, что наше дискуссионное общение с **1969 года**, когда мне удалось каким–то чудом продолжать учебу на заочном

отделении Уральского госуниверситета, напоминало «общающиеся сосуды», будучи интересными для нас всех. Володя готовился к защите диссертации по проблемам взаимосвязи искусств, и как терпеливый философ разъяснял мне нюансы эстетики, зарубежной философии, могущие хоть как-то помочь мне при написании курсовых работ по ирландским памфлетам Свифта, философии языка и стилистическим особенностям Василия Шукшина и Исаака Бабеля. А позже наступил черед метафорам в поэзии Осипа Мандельштама и стилистики Владимира Маяковского...

Владимир Харитонов и Инна Харитоновна в своей квартире в Екатеринбурге. И там мне посчастливилось с ними общаться долгое и продолжительное время в разные годы... Повезло и дневать и ночевать, благодаря их семейной заботе и традиционному гостеприимству...

Дискуссионность общения во многом была обусловлена и моей работой в обкоме комсомола, почему, надеюсь, и мне кое в чем повезло бывать для него интересным, ну, хотя бы, выступить условным оппонентом как бы *от имени власти*.

Так, в частности, не помню, по какому поводу мы мирно *схлестнулись* (мирно, мирно) на примере Аристотеля и Платона. Кто такие эти древние философы я немного знал, и не более того. Понятия не имел о каких-то их суждениях о типах государственной власти — монархия, аристократия, демократия, а тем более, как эти *типы* видоизменяются под воздействием исторических событий в течение веков. Поэтому, до сих пор помню этот харитоновский «кликбез» для меня о сути этих самых *изменений*: или власть одного (Монархия), или власть немногих (Аристократия), или только-только формирующейся в разных странах власти большинства (Демократия).

Володя, как философ и историк приводил мне примеры: монархия неминуемо превращается — в тиранию, аристократия — в олигархию, проявляющая демократия — в охлократию (власть толпы). И что попытка ответа на вопрос — что хуже или лучше в подобных изменениях — заключается в обыденном осознании действий людей. Как аргумент — и здесь наши мнения совпадали — приводились примеры из проведенного комплексного исследования проблем во взаимосвязи культуры и подъема культурно-технического уровня рабочего класса Урала в стране. Дело в том, что исследованием руководил социологический, философско-культурный «гуру» в Свердловске — Лев Наумович Коган, которого я уже немного только начал *узнавать*, благодаря сотрудничеству, начатому еще с комсомольских времен В.П. Поляничко и Вячеслава Липского, и продолженного Ю. Александровичем, а Володю, как выпускника университета, привлекали к каким-то исследовательским действиям. Помню, что в конце многодневных наших дискуссий, сошлись с Володей в одном (как полагаю, кем-то сформулированном мнении), что на примере *перемешивания* разных типов власти, по-Аристотелю и Платону, где подлинные человеческие трагедии происходят *не* на пересечении достигнутого с возможным, *а на* пересечении достигнутого с желаемым... И тут уж мы легко приводили друг другу примеры из литературы, опираясь на Бабеля, Трифонова, Шукшина, Евтушенко и других...

Владимир Васильевич Харитонов

Люблю это фото, где он удивительно похож на Юрия Карякина. И не просто фотографической похожестью, но и образом мыслей.

(Как и вышеприведенные фото — из семейного архива Харитоновых)

Хочу с признательностью к Харитоновым отметить, что именно от них я начал постепенно образовываться в понимании кинематографа, как отечественного, так и зарубежного. Они оба были его фантастическими профессионалами-любителями, благо наличие в городе регионального характера Свердловской киностудии, позволяло охватывать и другие прилегающие области. И как мне это помогало в моей непосредственной работе и в общении со многими людьми, когда по тем или иным обстоятельствам мне удавалось выступать как в Челябинске, так и в городах и районах области, на совещаниях и семинарах, где обсуждались актуальные проблемы молодежной культуры.

Например, из-за труднодоступности необходимой информации было весьма затруднительно компетентно обсуждать те или иные дискуссионно-поколенческие фильмы, или требующие пояснений. Помню, семинары по культуре, проводимые по инициативе горкомов и райкомов в Магнитогорске, Миассе, Златоусте, особенно в отдаленных сельских районах, где в своих выступлениях о кинематографе, я говорил, об особенностях, обращая внимание на нюансы в фильмах, например: «Девять дней одного года», «Иваново детство», «Гамлет», «Мне двадцать лет» (позже в названии оригинала — «Застава Ильича»), «Иду на грозу», «Андрей Рублёв», «Короткие встречи», «Доживем до понедельника», «Был месяц май», «Зеркало» и другие того моего периода работы в обкоме.

Нет, не отсутствие информации о фильмах в СМИ затрудняло разъяснительную работу в городах и районах, помимо Челябинска. Самая большая проблема была в наших головах, затуманенных по молодости лет, необходимостью, так сказать, прямолинейного мышления о тех или иных кинематографических образах даже вышеупомянутых фильмов.

Не скрою, мне было гораздо легче говорить об этих фильмах, особенно работах Андрея Тарковского, опираясь на информацию моих друзей Харитоновых... Опираясь на получаемые Свердловской киностудией различных советских и зарубежных фильмов по обменному киношному кольцу, мои друзья, как организаторы киноклуба на базе университета, имели возможность и обмена информацией, которой, по мере проявления мной интереса, делились, что, в свою очередь, я использовал в выступлениях на семинарах и совещаниях по проблемам молодежной культуры в нашей области... Может быть, и эта эрудиция, и наши бесконечные разговоры, особенно когда я жил у них во время сессий, сыграли свою роль в написании им короткого письма мне уже после защищенного диплома по поэзии Осипа Мандельштама, из которого я приведу несколько строк: «Другу духовному — с напоминанием о добром застойном времени, проведенном на Гоголя в беседах о Мандельштаме...» (Проведенном на Гоголя — это об их странной маленькой квартире на улице Гоголя в Екатеринбурге, где Харитоновы меня привечали несколько лет во время учебных сессий...)

Наряду с такой киношной грамотностью, позволяющей мне использовать информацию Харитоновых, авторитет обкома комсомола позволял расширять свои организационные возможности в повышении уровня компетентности комсомольских работников в городах и районах области. Этому параллельно способствовало и мое стремление завершить учебу в Уральском университете, в чем меня поддерживал и Юрий Михайлович Александрович.

...В складывающихся перипетиях с темой и предстоящей защитой дипломной работы со стороны партийного комитета университета, меня защитил тот же Александрович: «Мне тут звонили из Свердловска, из парткома университета, что ты собираешься защищать диплом по какому-то Мандельштаму. Это кто такой?» Ответил, что это репрессированный поэт, друг Маяковского, и я хочу защищать работу. Он мне, после беседы: мол, раз любишь, то «флаг тебе в руки», не подведи... После моей защиты попросил для чтения мою дипломную работу, а прочитав, устроил для меня разговор с другими работниками обкома комсомола. В дальнейшем я становился своеобразно популярным в среде комсомольской интеллигенции, молодых ученых и специалистов, работой с которыми я и стал заниматься, будучи назначенным заведующим сектором научной молодежи обкома комсомола.

Так, до сих пор дружу, пожалуй, с ярким представителем челябинских диссидентов — Анатолием Арендарем. Его упорно и последовательно

«опекал» КГБ. Он блестяще, благодаря своим знаниям, хотя и с определенными трудностями, заканчивал обучение в Челябинском педагогическом институте на физико–математическом факультете по специальности «физика на французском языке». Работал учителем в школах Златоуста и Челябинска, но за свои взгляды, с которыми были «несогласные» в КГБ, был уволен из системы народного образования. Служил в армии, около десяти лет работал грузчиком, а теперь агрометеорологом. О нем заслуженная соответствующая статья в энциклопедии «Челябинск», где он правомерно представлен эссеистом, публицистом, автором историософских работ, религиозным философом. Талантливый человек, дружен с Вячеславом Липским еще со студенческих времен. Думаю, роль в нашей дружбе сыграла и моя дипломная работа *по Мандельштаму* (при всей принадлежности к работе в обкоме), а гораздо позже — мои исследования жизни и творчества Юрия Трифонова, книги о котором также подарил Анатолию Арендарю...

Подготовка *мандельштамовского* диплома, наряду с работой в обкоме комсомола, помогла еще двум немаловажным для меня встречам. Хочу, хотя бы в нескольких словах рассказать о Ефиме Григорьевиче Эткинде. Мои друзья из Челябинского педагогического института помогли узнать его адрес в Ленинграде, и я написал ему письмо, в котором и рассказал о своих филологических попытках. Он ответил, недоумевая, как и многие ученые, с кем встречался, как мне удастся сочетать занятие Мандельштамом, изучать социологию, и заниматься комсомольской работой. В нашей переписке, судя по всему, мне удалось его заинтересовать профессионально, что он откликнулся на мою просьбу о помощи в моей филологической работе и его рекомендации для встречи с Надеждой Яковлевной Мандельштам.

(...В июне 1974 года неожиданно получил от Ефима Григорьевича пухлую бандероль с коротким письмом: «Дорогой Саша, с благодарностью возвращаю Вам Вашу хорошую работу — я прочел ее с удовольствием и пользой для себя. В ней чувствуется понимание поэзии, труднейшего поэтического слова — мандельштамовского, и еще: понимание эпохи, далекого от стандартного. Если Вам пришлось слышать о моих делах, Вы не удивитесь этой бандероли. Желаю Вам успешной работы и всяческого благополучия. Ваш Е. Эткинд. 20.VI.74».

Во-первых, письмо с похвалой моих работ написано профессионалом-филологом, что было лестно для меня. Во-вторых, его интеллигентность в возвращении и работы о метафорах Мандельштама, и защищенной дипломной работы свидетельствовало о главном — он не хотел, чтобы мои работы и наша с ним переписка попали в чьи-либо руки при обыске. Что и последовало при изгнании по инициативе КГБ профессора Е.Г. Эткинда из Ленинградского педагогического института, исключении из Союза писателей, лишения советского гражданства и высылке из страны по сфабрикованному «делу» за дружбу с Александром Солженицыным и участие в издании самиздатовского Иосифа Бродского.

Я просто не мог удержаться, чтобы не поместить эту фотографию из книги воспоминаний А. Гладиллина «Улица генералов». На ней любимые мной писатели (слева направо): Анатолий Гладилин; Ефим Эткинд; Виктор Некрасов.

Знаком был через рукопожатие с Е.Г. Эткиндром.

свои две книги по творчеству Юрия Трифонова («Юрий Трифонов и советская эпоха» и «Гуманизм в плену... Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова»). Это был своеобразный «отчет» студента Шитова перед профессором Ефимом Григорьевичем Эткиндром о реализации его пожелания успехов в моих творческих исследованиях, а тем более в исследованиях творчества Юрия Трифонова, прозу которого он любил, и уважал (из его письма Трифонову об «Отблеске костра» и в последующем — о романе «Старик»). Как мне передала Галина Андреевна, Ефим Григорьевич порадовался за книги, за мои успехи, и сказал, что «зачет» по моему отчету книгами, он мне поставил...)

Провожая Ефима Григорьевича в эмиграцию, кажется с Белорусского вокзала, помню пожатие его большой и крепкой непрофессорской руки, широкую улыбку, и пожелание такое же, как и Надежды Яковлевны, сохранить себя для семьи и будущего в своих творческих исследованиях. Таким я его запомнил...

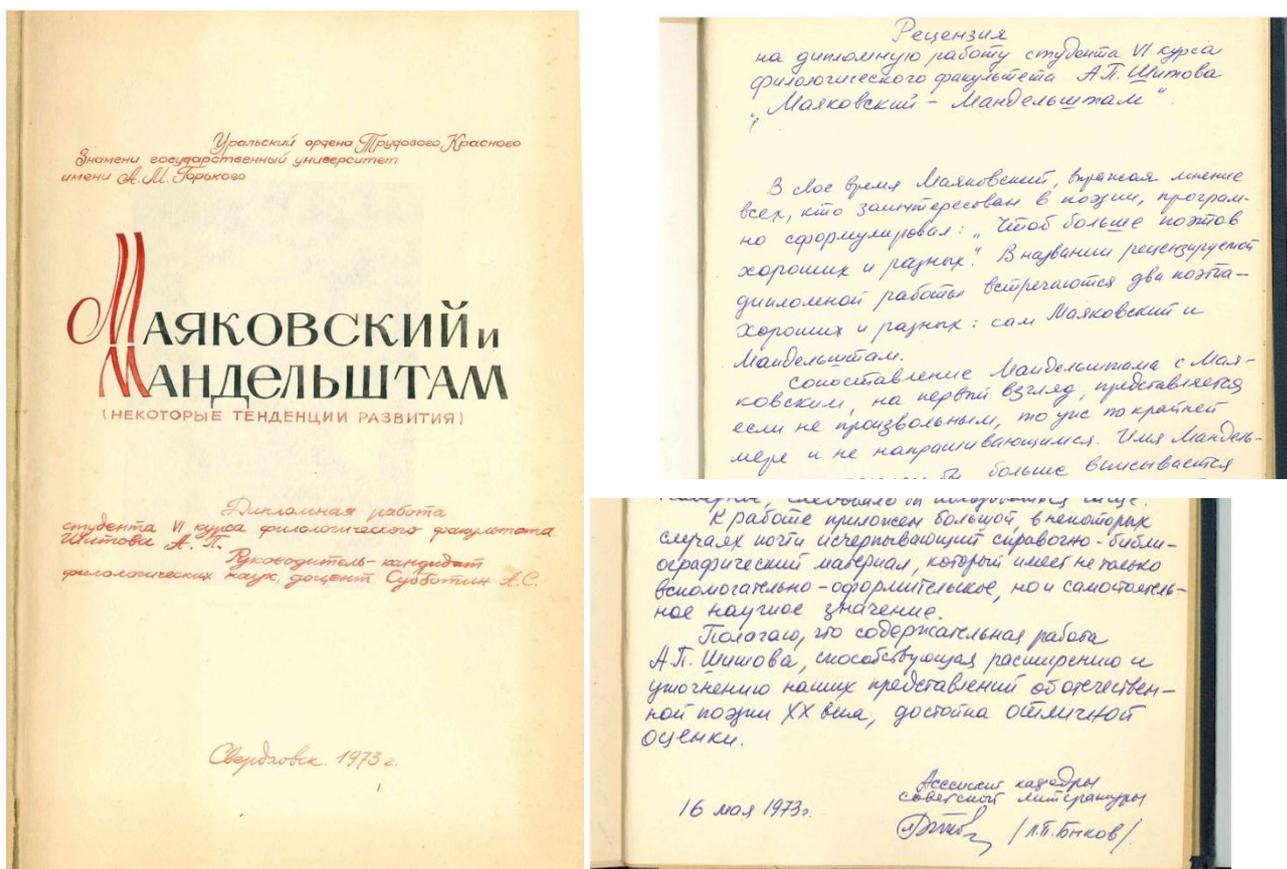
Через много лет, когда он находился в эмиграции, я через интеллигентнейшую «шестидесятницу» Галину Андреевну Белую, передал ему

...С Надеждой Яковлевной Мандельштам мы встретились в апреле **1972 года** в ее однокомнатной квартире (кажется, улица «Большая Черемушкинская», номера дома не помню, а помню квартиру № 4 на первом этаже). Дверь открыла женщина, бодро выглядевшая для своих семидесяти с небольшим лет. Удивительно, но наш разговор затянулся часа на два, что было непривычно для нее, а тем более, как я могу полагать, для встречи с незнакомым человеком. Ранее я уже говорил о части нашей беседы, когда ее интересовал тот же, как и Е.Г. Эткинда, вопрос о странной совместимости творчества такого тонкого поэта, каким был Мандельштам, со спецификой моей повседневной работы.

Я захватил с собой печатный экземпляр курсовой работы «Метафоры в поэзии Осипа Мандельштама» для уточнения некоторых нюансов в океане образов, предполагаемая расшифровка которых мне была непосильна из-за моей малопозэтической грамотности. Даже посильное восприятие Пушкина, Толстого, Чехова, Булгакова, Бабеля на уровнях, хоть немного приближающих меня к непривычному метафорическому мышлению поэта, тем не менее, подталкивали меня к продолжению чтения, чтения, чтения, что позволяло *нагрузить* память все более и более совершенным восприятием действительности.

Их творчество, это — прозрение, прорывы в другие сферы, углубления в тайны человеческой психологии, умение раскрывать в человеческой душе двойные, тройные, четвертные пласты, где очевидно сопряжение истории с современностью и т.д. Прочитанные и перечитываемые их книги — это образцы великой русской литературы, познание душой истории человечества, где переустройство души одного человека тесно связано с переустройством мира, ибо одно немислимо без другого, и поэтому созданное стало частью окружающего нас мира.

До сих пор моя памятливая благодарность библиотечным работникам как бы *раздваивается*. Во-первых, помню профессиональную помощь с такими же профессиональными советами от Майи Львовны Карякиной, ответственного библиографа в библиотеке Уральского университета во время моей учебы на протяжении пяти лет. Во-вторых, несказанная благодарность профессиональным работникам Челябинской областной «публички», которые,

Титульный лист моей дипломной работы в Уральском университете и выдержки из рецензии Л.П. Быкова, представленные в комиссию по диплому.

судя по всему, в нарушении служебных инструкций, разрешали мне подниматься к стеллажам на этажах книгохранения, и самостоятельно искать и выискивать стихи Осипа Мандельштама по возможным источникам. Так как сборников его стихов и в «публичке» не было, и нигде не мог найти, то я искал их публикации по всем стоящим передо мной альманахам, журналам, газетам и тому подобным источникам — вот это была удивительная роскошь для меня!!! Собственно, мои работы по творчеству Мандельштама были построены на результатах этих поисков.

Но ведь в поисках каких-то искомых «граммов» — мандельштамовских стихов — я просматривал «килограммы» попадающихся мне различных источников, и таким образом, я неминуемо натыкался на публикации Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Бухарина, Троицкого... Извини, читатель, интереснейших авторов как дореволюционных, так и послереволюционных просто не перечислить! Читать их я читал, но, признаюсь, не очень понимал — Бердяев, Лосский, Булгаков (отец Сергей), Флоренский, Ницше, Камю, Сартр,

Франк, Фромм, Шестов, Ясперс, Шопенгауэр, Дюркгейм, Карсавин, Гиппиус, Волошин... Это сейчас в книжных магазинах полным полно трудов философов, поэтов, а тогда (я о временах моих поисков по стеллажам «публички») этих авторов и массу других, можно было найти только в россыпи альманахов, журналов, газет, да и то случайно натываясь на них. При такой роскошной доступности к источникам, которую я получал в течение многих лет от библиографов — скромных служительниц библиотеки, к которым испытываю несказанную признательность и уважение и по сей день...

Это я к тому, что пытаюсь хоть как-то помочь себе в понимании великого Мандельштама (к тому времени я уже понимал, что никакой он не «фартовый парень Оська Мандельштам»), а великий, но пока не понятый мной, поэт. Преодолевая свое *непонимание*, пытался просто читать, а то и перелистывать попадающиеся мне книги по философии, эстетике, литературоведению, прилагая усилия для хоть какого-то понимания терминов, категорий в науках, с которыми сталкивался.

Будет уместно и такое мое признание, тем более правдивое — как это было. Не помню, каким образом, но думаю, по знакомству с какой-то девушкой (не забывай, читатель, о популярности на танцплощадке, и время, когда это было — 1966–1967 годы), а точнее — по короткому «знакомству» с книгами, привозимыми ее отцом из разных городов страны, у меня появилась книга Роже Гароди «О реализме без берегов». Это я потом узнавал, и от своих ученых знакомых, кто такой этот самый Гароди, что он философ, идеолог Французской компартии, но точно помню, что книга меня первоначально заинтересовала оглавлением ее содержания. У меня (по ситуации знакомства с библиотекой моей знакомой) было около минуты, и сразу же в памяти *столкнулись* знание/незнание: я знал, что Пикассо — художник, я не знал, кто такой Сен-Джон Перс, но вот какая-то Кафка, мне была интересна из-за звучности ее таинственной фамилии. (И опять меня погубила какая-то женщина, только не знал: это фамилия или имя? Каюсь, что через некоторое время — еще не читая книги — узнал, что вновь ошибся с половыми признаками моего интереса... Это я о Франце Кафке.)

О таком своем состоянии, вернее, оценивая такое состояние — о *нахватанности*, что никаких пророчеств не сулит, прочитал в известном стихотворении Е. Евтушенко «Молитва перед поэмой», о чем сказал ему с благодарностью в **1976 году**, когда он прилетел по нашему приглашению в Челябинск:

...Сумею ли? Культуры не хватает...
 Нахватанность пророчеств не сулит...
 Но дух России надо мной витает
 и дерзновенно пробовать велит...

И вот дух знаний — хотелось бы — должен сил набирать все более и более, чтобы не просто *витать* над Россией, а дерзновенно требовать от меня большего чтения и понимания. Что для изменений моей жизни, и не только моей одной, но и многих, которые еще с XIX века думали и мечтали о *сочувственных встречах в тонах и оттенках*. Так и напрашивается в моей памяти строчка все того же Евтушенко из поэмы «Казанский университет» о том поколении из XIX века:

...Были те повесы и кутилы
 мудрецы в тиши библиотек.
 Были в двадцать лет не инфантильны —
 помни это, наш двадцатый век!

Мужиком никто не притворялся,
 и, целуя бледный луч клинка,
 лучшие из русского дворянства,
 шли на эшафот за мужика.

До сих пор над русскими полями
 в заржавелый колокол небес
 ветер бьет нетленными телами
 дерзостных повешенных повес.

Еще тогда спрашивал у поэта — наивный вопрос наивного человека — о метафоре двух последних строчек, которые меня просто потрясли: так поэтически точно и эмоционально сказать о пяти повешенных *декабристах*... Ведь думал, что меня, после примеров с метафорами в стихах Мандельштама, трудно удивить...

...Так вот — возвращаясь к беседе с Надеждой Яковлевной. Еще во время работы о метафорах Осипа Мандельштама, чувствовал, что захлебываюсь в стихах великого поэта. Я пытался нащупать какой-нибудь ключ для попытки *понимания* его стихов. Сказал об этом и Надежде Яковлевне в связи с прочтением статьи Григория Померанца «Басе и

Мандельштам», что позволила найти «ключ» и «звук» мандельштамовских стихов в моем понимании. Для меня стихотворение Мандельштама в четыре строчки и было той самой открываемой дверью в волшебную поэзию его звуков:

Звук осторожный и глухой
 Плода, сорвавшегося с дерева,
 Среди немолчного напева
 Глубокой тишины лесной...

Какая—то неподвластная человеку атмосфера таинственности... недоговоренности... Все на полутонах... (Если ты, читатель, любишь кинематограф, то я бы сказал о возникновении данного ощущения, когда смотришь фильмы И. Бергмана, М. Антониони, А. Тарковского.)

Мы говорил с ней и об этой курсовой работе, когда спрашивал — правильны ли мои ощущения? И в нашей беседе приводил примеры для анализа в предстоящем дипломе стихов: «Декабрист», «Петербургские строфы», «Актер и рабочий», «Прославим, братья, сумерки свободы...», «Век», «1 января 1924», «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Бессоница. Гомер. Тугие паруса...», «Грифельная ода».

Естественно, что наша беседа не проходила в режиме журналистского интервью — один задает вопросы, а другой отвечает. Надежда Яковлевна комментировала и мои примеры со стихами, и рассказывала о непростой истории работы Н.И. Харджиева по составлению, подготовке текста и примечаниям сборника Осипа Эмильевича в большой серии «Библиотеки поэта». Тогда я не имел этой книги на руках, только позже (*в 1973 году*), пользуясь налаженными *отношениями* в обкомовском книжном киоске, и незнанием партийных работников о поэте, купил четыре экземпляра, из пяти, поступивших в Челябинск (один экземпляр киоскерша оставила у себя, «на всякий случай», предвидя неожиданный спрос с нее). Вот была радость для моих друзей — Саши Каунова, Юры Трахтенберга, Яши Крючкова, получивших от меня неожиданный подарок в виде книги Мандельштама.

Надежда Яковлевна сказала, что ряд стихотворений из—за составителя Н.И. Харджиева, не вошли в книгу Мандельштама, что у нее свои непростые отношения с ним, при понимании его сложных отношений с цензурой, при отборе стихов, для включения их в книгу... И обратилась ко мне с неожиданным вопросом, комментируя мое сочетание — увлеченностью поэтом, и повседневной комсомольско—партийной работой — ну, коль скоро я знаю стихи Осипа Эмильевича, не могу ли двумя—тремя строчками выразить отношения поэта к власти. К счастью, я заканчивал для предстоящего диплома

чтение стихов завершающего периода (30–е годы), и поэтому по памяти процитировал ей очень нравившую строку из «Ариоста»: «Власть отвратительна, как руки брадобрея...» Она одобрительно улыбнулась и сказала: «Хорошо! Давайте пить чай, ведь неспроста принесли какие-то вкусности».

Конечно, по глупости молодости, не записал сразу же содержание нашей беседы, и поэтому пишу по памяти, что запомнилось, хотя столько лет прошло с семьдесят второго года. Например, по ее мнению, мне будет невозможно сказать о двух, на ее взгляд, существенных выводах о сути поэзии Мандельштама. Одно из них — Осип Эмильевич был верующим человеком, без понимания чего весьма и весьма затруднительно понимать его метафоры (которые, по его выражению, он «строил»). Он был христианин, и верил в Христа... Другое — начиная с первых стихов, затем период революции, гражданской войны, 20 — 30–е годы Мандельштам формировался как борец с тиранией, кто бы не стоял в ее (тирании) рядах, ибо его вдохновляет на такую борьбу образ Дон Кихота, «рыцаря без страха и упрека». Это относилось и к тяготам их непростой жизни: бездомность, голод, нищета...

Надежда Яковлевна спрашивала о примерах, приводимых в готовящейся дипломной работе для анализа тех или иных стихов. Я пояснил, что написанное мной всего лишь заготовки, защита предстоит через год — летом семьдесят третьего. Говорил, о статье Г. Маргвелашвили в «Литературной Грузии», о мемуарах Ильи Эренбурга, книге воспоминаний Эмилия Миндлина «Необыкновенные собеседники» и других, что успел прочитать. Помню, что о статье Маргвелашвили она отозвалась одобрительно, мемуары Эренбурга прокомментировала со знанием и пониманием автора тогдашнего времени, о книге Миндлина отозвалась насмешливо. Рассказывал ей, что ранее, когда писал работу о метафорах Мандельштама по сборнику «Стихотворения» 1928 года издания, в частности, столкнулся с ощущениями, что в стихах у поэта своеобразная, так сказать, гонка за словами. Причем, говорил ей о восприятии, — сначала слова бегут и гонятся за ним, а он, останавливаясь, как бы фехтует с ними, в результате чего, из искр, рождается какой-то словесный фейерверк, рассыпающийся калейдоскопом радужных брызг...

Естественно, коснулся «Оды» Мандельштама о Сталине. В ответ на мои эмоциональные рассуждения о сталинизме, *его вине* перед народом, Надежда Яковлевна сказала (ее слова цитирую по памяти): «Дело не в нем, а в нас». Помню, не менее эмоционально, я говорил ей о страхе, сковавшем народ, и вновь возвращался к *его*, Сталина, вине. Она говорила о другом, для моего

тогдашнего развития непривычном, что как было бы просто — виноват только Сталин, ведь виновата и большевистская идеология, заразившая людей репрессивной безнаказанностью, и по различным причинам поддерживаемая ими, сделавшая их и временными победителями в жизни, и жертвами навечно.

О ее словах, вернее — об их понимании, вспомнил позднее... Все-таки тогда еще оставался корень партийной идеологии, начавший *устраиваться* во мне еще с малых лет своей корневой системой... Правда, ко времени нашей встречи я уже серьезно сомневался в ее (идеологии) правильности, но не до такой же степени... Ведь как было легко, несмотря на известные трудности в обществе, *персонифицировать* вину Сталина... А Ленин по-прежнему был «священной коровой». Но слова Надежды Яковлевны еще больше развили во мне сомнения, я стал более внимательно изучать сущность идеологии, на которой воспитывался столько лет.

Подспорьем в этом была и поэзия Мандельштама, и проза Трифонова... Я выказал ей свое потрясение от «Отблеска костра» Ю. Трифонова, прочитанного в 1967 году. Например, образ Валентина Андреевича Трифонова соответствовал моему тогдашнему восприятию партийного работника — комиссара в годы Гражданской войны: прошедшего тюрьмы и каторгу, обладавшего достойной политической культурой, заключавшейся в нравственности. И даже возможные (и неизбежные) ошибки в деятельности таких людей прощались, ибо не было в их действиях корысти, карьерных устремлений и т.п. В таком духе воспитывалось не только мое поколение... А репрессии и страх, царившие в стране, были, по устоявшемуся тогдашнему мнению, — результат преступных действий Сталина и его подручных типа Ягоды, Ежова, Берия, Вышинского (*горячесердечный, чисторукий и холодноголовый* Дзержинский стоял для меня и в то время в стороне от репрессий, в отличие от его преемников, их организовавшие). Это позже я стал понимать, что все страдания народа — это далеко не такой однозначный процесс, зависимый от чьей-то злой воли, злых умыслов конкретного человека или группы людей...

Еще я сказал Надежде Яковлевне о встречах с Александром Галичем и на его концерте в Доме ученых во время фестиваля бардовской песни в 1968 году. Вернее — не о личных встречах, не имеющих отношение к запискам, а с его песнями. Естественно, дополнил свой рассказ ощущениями из «Четвертой прозы» Осипа Эмильевича о «ворованном воздухе», что я по-иному стал понимать эту изумительную метафору в Академгородке, при исполнении Галичем песни «Ночной дозор». Сказал об этом, зная о трепетном отношении Галича к Мандельштаму, Пастернаку, Ахматовой — ведь памяти каждого из

них посвятил отдельную песню. Именно из-за тональности исполнения, с опорой на характерные черты их поэзии, я вынес ощущения *трепетности* Галича. Во-вторых, в 1969 году он написал посвящение Мандельштаму — «Возвращение на Итаку». Известно из воспоминаний Н.Я. Мандельштам, что когда пришли арестовывать Осипа Мандельштама (май 1934 года), то в комнате, кроме нее, была Ахматова, которая приехала их навестить. И так они сидели до утра, пока длился обыск, и до утра за стеной у Семена Кирсанова (собственно, он не знал об аресте) шла вечеринка, и до утра же заводили патефон и гоняли на проигрывателе одну и ту же пластинку с модной в ту пору гавайской гитарой.

И продолжая о песне Галича — многократное, настойчивое упоминание копающихся в бумагах пальцев в описании процесса обыска («И жирные пальцы с неспешной заботой...», «...как пальцы копались в бумажном мочале, // Как жирно листали...», «А пальцы искали крамолу, крамолу...», «его толстые пальцы, как черви, жирны...») напоминает о стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...»; Мандельштам у Галича называет себя «щелкунчиком–скворцом». Это напоминает мучительные для поэта строки из стихотворения «Куда как страшно нам с тобой...» (1930)

Полагал, что это стихотворение, написано в октябре 1930 года на смерть Маяковского, о чем и спросил у Надежды Яковлевны — она кивнула мне, сказав: «Надеюсь, Вы помните, как он написал о Маяковском, что это была *океаническая* весть о кончине этого *первозданного* поэта». Собственно, и об этом я подготовил коротенькую выжимку из того, что я планировал у нее уточнить, и там же была пометка на публикацию «Записных книжек» Мандельштама с такой записью о Маяковском в 1968 году в журнале «Вопросы литературы», что я использовал в своем дипломе. Улыбнулся за свою удачу о Маяковском, и прочитал ей эти семь строчек:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!
Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом,
Да, видно, нельзя никак...

Вдохновленный ее воспоминаниями я попытался вернуться к Александру Галичу, что он в «Возвращении в Итаку» говорит образами мандельштамовской лирики: «...А жизнь промелькнет театрального капора

пеной...», «Глотай своего якобинства опивки...», «И только и свету, что в звездной колючей неправде...», «По улице черной, за вороном черным, // За этой каретой, где окна крестом, // Я буду метаться в дозоре почетном...», «...И некому молвить, и некому молвить, // И некому молвить: “Из табора улицы темной...”»

Меня продолжало *нести* с цитированием Галича, потрясенного Мандельштамом, и уже моим новоявленным потрясением — не каждый же день у тебя бывает такое везение — беседовать с женой Мандельштама, читать его стихи, говорить с ней о Нем, и так получается, что рассказ об Александре Галиче, не вообще, а о конкретной песне «Ночной дозор», звучавшей для меня в атмосфере «ворованного воздуха», определенного Мандельштамом... (Кстати, думаю, здесь будет уместно сказать о недавней книге доктора филологических наук О. Лекманова «Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография»; он же был автором книги «Мандельштам», изданной в серии «Жизнь замечательных людей».)

От нашей встречи у меня осталось впечатление о Надежде Яковлевне как о человеке умном и остроумном. Помню, что она сказала мне на прощание: мол, пожалуйста, с вашими эмоциями не рвитесь в бездумном порыве, так сказать, на баррикады на защиту чего-то, пока для вас не очень понятного, постарайтесь сохранить себя для жизни своей и семьи, что гораздо важнее для общества, в том числе, и главное — старайтесь нежно разговаривать с Богом в душе... Это так необходимо в вашей непростой работе, что, полагаю, наверняка одобрил бы любимый вами Осип Эмильевич.

Вот с такими удивительными словами напутствия мы расстались...

...Так получилось, что у меня было две встречи с Николаем Ивановичем Харджиевым у него дома на Кропоткинской, 17, кажется квартира № 70). Помню только в паутине и пыли лифт, на котором с гроыханием и скрежетом поднимался на какой-то этаж, где находилась его квартира. Находясь в Москве, позвонил ему по подсказанному кем-то телефону. Представился: что я такой-то из Челябинска, готовлю дипломную работу в Уральском госуниверситете в Свердловске по творчеству Осипа Мандельштама в сопоставлении со стилистикой Владимира Маяковского. Попросил о возможности встретиться для беседы... Он любезно согласился, назвал приемлемое время, сообщил адрес, понятно пояснив для меня — не москвича — как доехать. Было это, если память мне не изменяет, в первой половине **1972 года**.

Так состоялась наша первая встреча.

...Помню, дверь открыл пожилой, но крепкого телосложения человек, лет семидесяти, приглашая в квартиру. Сразу же в глаза бросился стоящий в коридоре, как мне показалось, шкаф для одежды, в открытые двери которого были видны полки, полки, набитые какими-то рукописями и книгами... Подобное находилось и наверху этого шкафа. И дальше в комнатах, как мне помнится, простые деревянные книжные полки. У меня сразу же реакция на книги: где и какие они. Позже, когда осмотрелся и мы стали беседовать, вновь для себя поразился — рядом с письменным столом, стоял книжный шкаф с прижизненными изданиями поэтов. Насколько помню из памяти своей *вытаскивая* увиденное: Маяковский, Мандельштам, Хлебников, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Багрицкий... а позже, после приглядывания к корешкам — Хармс, Крученых, Бурлюк... И все эти книги в разных изданиях. Над дверью — «Красный квадрат» Малевича (признаюсь, это первое, что узнал из увиденного), картина, подаренная самим художником, как позже сказал Харджиев, отвечая на мой вопрос об авторе, точнее — о правильности моего угадывания, что это Казимир Малевич. И когда я присел в предложенное хозяином кожаное кресло с широкими подлокотниками и высокой мягкой спинкой, он мне, улыбаясь, рассказывал о некогда сидящих в нем знаменитостей, «весомая тяжесть» которых ощущалась по опущенному почти до пола кресла, и расшатанными подлокотниками. Почему-то глянулась мне (вероятно, на фоне стандартного цвета старых квартир, на столе стояло нечто белого цвета), как я предположил, какая-то карандашница какого-то мини-скульптурного вида.

В ходе неспешного разговора невольно оглядывался по сторонам: на рисунки Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Давида Бурлюка и еще кого-то (кажется, Малевича). Как я понимал — это были оригиналы, а не копии. Вы можете себе представить мое состояние понимания, где и с кем я беседую — с другом Хлебникова, Маяковского, Ахматовой, Пастернака, Цветаевой...

С начала нашей встречи я и не думал, что Николай Иванович Харджиев такой Профессионал (я не ошибся в этом), ну, пусть простит мое незнание читатель записок более знающий. Ведь вырос я в Металлургическом районе Челябинска, работал десять лет на металлургическом заводе, всего лишь немногим более года стал работать в обкоме комсомола... И все! Откуда же у меня могла возникнуть соответствующая культура, ведь даже то, что он — Харджиев — просто мой собеседник уже тогда много значил для меня, как профессиональный консультант моей предстоящей дипломной работы. Думаю, что я не представлял никакого профессионального интереса для него, мало ли всяких любопытных вокруг ходят. Ну, вот, вероятно думалось ему,

еще одному молодому захотелось мир удивить своим взглядом на творчество Осипа Мандельштама, это же из какой дали он приехал — из Челябинска. И по каким книжкам вы предполагаете писать свою дипломную работу, молодой человек, ведь с двадцать восьмого года ничего не издается... — Так ведь я пытаюсь исследовать поэзию Мандельштама и проводить соответствующие параллели со стилистикой Маяковского... Я-то знал (читал), пожалуй, только две его (хозяина квартиры, с кем я беседовал) книги, одна из которых — «Поэтическая культура Маяковского», подготовленная вместе с В. Трениным, а другая его, Харджиева, — неизданные произведения поэзии и прозы Велимира Хлебникова. Хотя вторая книга, изданная в 1940 году, была кем-то из моих друзей, найденная невесть где, и подарена мне, но и с таким же успехом безвозвратно кем-то *зачитанная*. Но я и понятия не имел о его очень большой роли в сборе, сохранении, анализе авангардной русской живописи. Помню, как он сказал об этом непонятном для меня сочетании: мол, в современном искусстве поэзия и живопись — неразлучная пара, бегут как лошади — «ноздря в ноздрю», так сказать, питая и поддерживая друг друга. И при этом, улыбнувшись, показал пальцем за спину, где висел маленьких размеров его портрет, сделанный Бурлюком в цикле «отрезанных голов», как он пояснил (поэтому и название цикла Бурлюка мне запомнилось).

Таких встреч было две, с общением примерно около полутора часов каждая, и я, увлеченный своими филологическими работами в университете дурак, не удосужился хотя бы поспешно для памяти записать «по горячим следам» все рассказываемое мне Николаем Ивановичем. Помню только, как заикаясь от волнения о состоявшемся событии — встречи с Харджиевым, другом самого Маяковского — рассказывал, стараясь не забыть ничего из увиденного, руководителю моей дипломной работы Александру Сергеевичу Субботину (он был исследователем творчества Маяковского, и знал, что происходит вокруг него в истории страны и литературоведения). Гораздо позже, читая биографию Н.И. Харджиева в Интернете, и сложные перипетии с архивом литературным, а также с архивом русских художников, я стал понимать его подозрительную осторожность с автографами стихов Хлебникова, Маяковского, Ахматовой, Пастернака, Хармса и других поэтов, и оригиналами рисунков различных художников, представителей русского авангарда, которые он мне показывал и рассказывал о них. Это позже (**2006 год**) прочитал в двухтомнике избранных работ Харджиева «От Маяковского к Кручёных».

Я почему умышленно расшаркиваюсь перед тобой, читатель, рассказывая о встречах с Николаем Ивановичем, ибо в этих встречах для меня раскрывался определенный пласт в истории страны, не требовавший от меня каких-то энергичных любопытствующих действий. Например, в отличие от театральных встреч, о живописи, хотя ты и видишь репродукцию в журнале, в музее и т.п., рассказать что-то вразумительное об увиденном не получается. Это я о себе, своем восприятии, постепенном формировании хоть какой-то культуры говорю. А тут передо мной *сгусток* мировой культуры, в лице Харджиева, сидит, и говорит со мной. О чем со мной интересно говорить для него? Поэтому, осознавая и эти отличия, старался сводить уровень не совсем понятных для меня тем об особенностях живописи, бытовых ситуаций до сути возникших вопросов по готовящейся дипломной работе. Поэтому, читатель, надо понимать, что те или иные мысли Харджиева — это не записанные на магнитофон его слова, а результат моих воспоминаний, меня бередившие после чтений массы публикаций о нем, и перепутанные в моей памяти об очередности встреч с теми или иными мыслями во время наших двух бесед.

Не знаю, может быть, догадываясь об этом, но Николай Иванович достаточно спокойным голосом рассказывает, что на него наибольшее влияние оказывали художники, а не поэты и филологи, что больше всего в понимании искусства он обязан Казимиру Малевичу, с кем он познакомился в 1928 году (я почему запомнил эту дату, потому, что тогда Харджиев, как он рассказывал, познакомился с Мандельштамом). Также он спокойно, но с понимающей улыбкой, отнесся и к моей информации о письме Виктора Борисовича Шкловского, который написал мне в *апреле 1973 года*, находясь на отдыхе в Ялте о том, что Осипа Эмильевича видели много раз с Маяковским, но дружны они не были, что Мандельштаму очень нравилась поэма «Облако в штанах», и что он позже расскажет о дружбе с Мандельштамом, об их жизни в «Доме Искусств» в Петрограде...

В наших беседах Николай Иванович с болью в душе, как я полагал, говорил о непростых отношениях, складывающихся с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Судя по-всему, это было нечто, напоминающее тяжелую травмирующую историю, послужившую для него эмоциональным выражением простого человека «как будто мир для меня рухнул и продолжает рушиться». Но рядом с ним сейчас находился малознакомый человек, может быть, и хорошо, что малознакомый. Это как ночь в поезде, и ты знаешь, что утром вы расстанетесь и маловероятно, что увидите — это как потрясающая сцена в поезде с безымянным летчиком-капитаном (актер А. Петренко), рассказывающим просто попутчику, военному корреспонденту Лопатину

(актер Ю. Никулин) о своей жизни, о предательстве жены пока он на фронте, и об обиде, и желанной мести ей. А вот высказался незнакомому человеку и мощный эмоциональный взрыв, как и любой взрыв, судя и по лицу этого летчика, проходит — в монологе одноименного фильма по повести К. Симонова «Двадцать дней без войны»... Только персонажи в «боли» Харджиева были мне более–менее известны, и я так или иначе старался притушить высказываемое, стремясь перевести разговор в русло моих студенческих рассуждений работы, где фигурировали и Мандельштам, и Маяковский, и Бурлюк, и Ахматова...

Другая тема, к которой Харджиев, так или иначе, возвращался, где сквозила хотя и притупленная обстоятельствами другая «боль» в силу простого непонимания не просто чиновников, но и какого–то приемлемого творческого окружения вокруг роли Велимира Хлебникова, а точнее и проще — понимания качества работы исследователя–текстолога весьма и весьма сложных и запутанных стихов поэта. Чиновники не очень, мягко сказать, понимали (проще сказать — не понимали по–советски) Хлебникова, творческое окружение даже самого Харджиева, следуя тогдашней моде закатывали к небу глаза от восторга — «какие слова у него, какая потрясающая поэзия, какая музыка слова» — оборачивая свои недоуменные взоры к текстологу, полные требований: надо, надо издавать, чем быстрее, тем лучше, а он почему–то все медлит, и медлит... видите ли с текстами разбирается, уточняет, сличает.

Осип Мандельштам, как известно, считал, что у Харджиева «абсолютный слух на стихи». Это я к тому, что рассказывая Николаю Ивановичу о каких–то нюансах будущей дипломной работы по стихам Мандельштама, спросил у него какое это может быть стихотворение, где помню только строку «Мне хочется сказать — не Сталин — Джугашвили...», он сказал, что цитирую Мандельштама неверно, сейчас он принесет текст стиха... Пока он ходил в другую комнату, я крутился, не переставая разглядывать ошалевшими глазами от неверия увиденного вокруг меня, вернулся гостеприимный хозяин, держа в руках несколько машинописных страниц. Сел за стол и прочитал мне все стихотворение под названием «Ода». Оно было большое, а не одна страничка, как я думал, и упоминаемая мной строка была действительно в середине «Оды», но я–то думал, что это начальная строка, то есть с нее начинается стихотворение.

...И пояснил ему свое заблуждение. Дело в том, что когда приехал в Новосибирский Академгородок в 1968 году, меня встречала моя землячка — Наташа Шпигун, недавно поступившая в университет. Зная мою увлеченность она дала мне «на почитать» в течении срока моей командировки, три тома

американского издания стихов Осипа Мандельштама (попросила у подружки под честное слово, и я *запойно* читал это «Собрание сочинений в трёх томах. Вступительные статьи профессора Кларенса Брауна, профессора Глеба Струве и Бориса Филиппова».1967). И там я столкнулся с комментарием, что стихотворение «Мне хочется сказать — не Сталин — Джугашвили...», к сожалению не найдено. И вот теперь я слышу найденное произведение поэта, и заикающимся от волнения голосом прошу Николая Ивановича переписать его, на что следует отрицательный ответ. Мол, может быть, я не сдержусь, и захочу опубликовать его, а он этого не желает, он стремится сохранить приоритет в публикации... Странички с «Одой» унес, и мы вернулись к обсуждаемой теме — моя предстоящая дипломная работа в университете о поэзии Осипа Мандельштама, а точнее — его встречах с Маяковским, Ахматовой, Пастернаком...

Я же и не догадывался, что этим вопросом со стихотворной строкой наступил на «больную мозоль» Николая Ивановича. Об этом очень коротко, а более полно и доходчиво с примерами и ссылками — в книгах Эммы Герштейн (см. в Интернете, так и в интервью с И. Врубель–Голубкиной «На фоне всех ревизий века». Беседа с Эммой Герштейн // Зеркало. — 2011. — 10 апр.). Дело в том, что Н.Я. Мандельштам сначала передала Харджиеву все архивные материалы поэта, которые у нее были, а через некоторое время потребовала их вернуть. Но это наступило уже тогда, когда Харджиев по ее настоятельной рекомендации редакции «Библиотеки поэта», только–только подходил к завершению работы с еще незаконченными рукописями, а она *задружила* с американскими специалистами, желающими первыми в мире успеть издать собрание сочинений Осипа Мандельштама. (Как всегда американцы спешили любыми путями «застолбить» первенство в чем бы ни было.) Результатами их усилий и было издание вышеназванного трехтомника со вступительными статьями К. Брауна, и известных русских исследователей Глеба Струве и Бориса Филиппова в 1967 году, благо, что у них не властвовала цензура. Из–за спешки с изданием в США не обращалось внимание на корректность и точность текстов, поэтому и возникало немало проблем со стихами Мандельштама, среди которых мой вопрос о строке, а отсюда и с найденным стихотворением — просто незначительное недоразумение...

Ранее я писал о стремлении представить Осипа Мандельштама борцом со сталинской тиранией, в чём была убеждена Надежда Яковлевна Мандельштам. Заманчивая идея — написать об этом, под ее воздействием подумал я, но тогда (*1972 год*) эта идея была в моем представлении действительно привлекательной, но позже, начитавшись публикаций как

самой Надежды Яковлевны, других статей на тему «Мандельштам и Сталин», написанных более чем я компетентными людьми, отказался от нее (См., например: Д. Лахути. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама: попытка внимательного чтения с картинками. — М.: РГГУ, 2009 и другие публикации). При их чтении ловил себя на эмоциональных суждениях о том—другом—третьем... и останавливался в тех или иных выводах—суждениях, ибо невозможно, ну никак невозможно, и слава Богу, невозможно представлять свое поведение, в случае, если...

Подвигло меня на такое решение — ненасильственный отказ от темы — и смущающее меня стремление жены поэта в представлении *совмещения* в лице Осипа Эмильевича роли тираноборца и христианского мученика, а то и какого—то представителя какой—то антисталинской фронды, что, по моему мнению, как—то весьма затруднительно объединить, поясняя для читателей причины такового стремления... И я решил для себя не *встревать* в подобный обмен мнениями, так как, представить фигуру любимого поэта на антисталинских, пусть фантастически допустимых, но баррикадах, для меня по—прежнему невозможно. Мне кажется, после прочтения разных по названию воспоминаний Надежды Яковлевны («мемуаристики», как её язвительно во второй нашей беседе называл Харджиев), и передо мной, раз за разом проявлялась все с большей и большей четкостью картина таких резких суждений об этих воспоминаниях по причинам недоумения, непонимания пишущих, ибо в ее (Надежды Яковлевны) текстах, так сказать, зреют зерна многих будущих конфликтов — это явствует, например, из неприятий в суждениях Эммы Герштейн и Лидии Чуковской.

...Для меня было неожиданно, когда во время своих рассуждений об Ахматовой и Хлебникове Харджиев с улыбкой на лице перешел к совершенно не обсуждаемой для меня теме, но объясняя ее: мол, нелепо задавать партийному работнику вопрос об отношении к религии, а точнее — к Библии. Я непроизвольно очнулся от мыслей и об Ахматовой, и стихов Хлебникова, и как—то не подумав о глубине вопроса, ответил, что жаль, Николай Иванович, к сожалению, вновь даю возможность убедиться в малой культуре у меня — атеиста, правда, крещеного в детстве. К сожалению, Библию не прочитал, правда, по другой причине — искренне начинал несколько раз, но из—за непонимания языка откладывал до каких—то времен...

Может быть, причина—то была в ином — мой закомплексованный мозг не *впускал* текст из—за религиозной простоты изложения, из—за языка, которым она была написана... Вероятно, из жалости ко мне, мямлившего что—то невразумительное, Харджиев сменил тему, но как бы завершая свои

рассуждения о Хлебникове и Ахматовой, категорическим тоном голоса сказал: мол, о Маяковском врут, об Ахматовой тоже, что если бы у него хватило бы время, то, пожалуй, написал бы книгу типа актуальной современной темы — технологии мемуарной лжи... Помню, и беседа как-то неожиданно закончилась: то ли кто-то позвонил ему, то ли что-то другое...

Читатель может спросить: ну, и какое же отношение может иметь Николай Иванович Харджиев к тем проблемам «шестидесятников», о которых автор записок заявлял вначале? И с ним, и с Н.Я. Мандельштам я встречался во время работы в обкоме комсомола, к тому же периоду относятся и проблемы, которыми занимался, да и главное — мы все дышали одним воздухом *изменяющейся* страны, что и делало нас «рукопожатными» в общей теории «шести рукопожатий»... Представь себе, читатель: через *вторые* руки (*рукопожатие*), в лице Н.Я. Мандельштам, я «знаком» с Осипом Эмильевичем Мандельштамом и с Анной Ахматовой, и с ... О других моих встречах читайте дальше, «опираясь» на предложенный предлог «с», мысленно продолжая уже свои, помнящие рукопожатия с ... Вот и для тебя, читатель, предложение, способствующее твоим, только твоим воспоминаниям о людях, уже встреченных, и встречающихся в будущем... Ведь никому не возможно даже при большом напряжении памяти предположить других встреченных уже вашими встреченными...

...Продолжая, как «дятел», что-то говорить о рукопожатиях с великими не могу не вспомнить о другой подаренной мне случаем встрече — с талантливой художницей Надей Рушевой. Нет, мне не посчастливилось с ней встретиться. Дело обстояло по-другому, ибо вновь инициатором подобного контакта был Юрий Александрович. Если мне не изменяет память, летом **1972 года** он дает задание оказать помощь горкому комсомола города Снежинска в организации выставки Нади Рушевой. Я-то знал о ней лишь из публикаций в журналах «Смена», «Юность» и «Комсомольской правды», опубликованных в СМИ рисунков, которыми любовался — особенно к недавно прочитанному в журнале «Москва» роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Но по порядку, существующему у нас в организациях области, как-то не рекомендовалось вслух говорить, а тем более демонстрировать свою осведомленность о существовавших в области «закрытых» городах. Снежинск, как и другой город — Озерск относились именно к такой категории городов. Так, организация выставки находилась вне моего понимания действительности, настолько это было необычно: ядерное оружие и выставка юной художницы. Вот сейчас, написал об этом и подумал: конечно, неразумно

ее (эту выставку) притягивать *за уши* к духам «шестидесятничества», а вот то, что выставка этой девочки — не члена Союза художников СССР — и в «закрытом» городе в *1972 году*, говорит о многом. Прежде всего, о «свежем воздухе» носимом и над Снежинском, в частности, в голове (в лице) уж такого проверенного вдоль и поперек компетентными органами, каким и был первый секретарь горкома комсомола Владимир Николаевич Ананийчук, для взаимодействий с которым и давал мне поручение Юрий Александрович.

На фото: мы с В. Ананийчуком в музее ВНИИТФ на фоне копии знаменитой (по Н.С. Хрущеву) «кузькиной матери», которую он обещал показать Западу.

И вот вместе с В. Ананийчуком мы согласовали программу действий выставки Нади Рушевой в «закрытом» городе Снежинске по инициативе горкома комсомола при активной поддержке Ю.М. Александровича. Но сначала буквально два слова о простой специфической характеристике этого города. Он, как и близлежащий Озерск, представляют собой научно-промышленные центры Минатома России. В Снежинске — концентрация «мозгов» ядерного оружия (Российский федеральный ядерный центр ВНИИТФ), а Озерск — «умная» научная промышленность в области такого оружия (первый в СССР плутониевый комбинат, ПО «Маяк»).

И вот в таком «умном» городе — неожиданная выставка юной художницы открылась в июне *1972 года* в городском Дворце пионеров.

Надя Рушева в 15 лет стала первым иллюстратором романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На это ее благословила сама Маргарита — Елена Сергеевна Булгакова (она была ее прототипом в понимании писателя), которая *НЕ* была знакома с художником, а увидела рисунки после ее неожиданной кончины. Вот увидела ее рисунки и поразились ее предвидению: эпохи, самих Мастера, Иешуа, Маргариты и т.д. Кстати, и выставка послужила интересным поводом для библиотеки Дворца пионеров Снежинска — вроде бы с обсуждением рисунков, но логично и естественно перешедшее в обсуждение перипетий романа, что, на мой взгляд, было бы затруднительно для возможностей ее (библиотеки) работников, если бы не организация выставки.

Как и в случае благословления *Маргариты*, Надя Рушева, к сожалению, не услышала слов восхищения в свой адрес о поразительном даре предвидения, чувствования человеческого духа в красоте танца, как и аналогичных слов и Майи Плисецкой с Родионом Щедриным. Они увидели ее иллюстрации балета «Анна Каренина у Льва Толстого, после того, когда работали над своим балетом «Анна Каренина» где Плисецкая исполняла главную роль.

К тому времени (*1969 год*) — в 17 лет — уже Надя скончалась от разрыва врождённой аневризмы сосуда головного мозга и кровоизлияния. В ее немислимых архивах осталось около 12 тысяч рисунков — быстрых, выверенных, чётких, что, по мнению специалистов, не сопоставимо с работами признанных в мире художников. Точное их число невозможно подсчитать: значительная доля разошлась в письмах, сотни листов художница подарила друзьям и знакомым, немалое количество работ по разным причинам не вернулось с первых выставок. Многие её рисунки хранятся в различных музеях страны. Она рисовала много: к произведениям Пушкина, Льва Толстого, мифам Древней Греции. Только названия циклов (созданные ее родителями по ее рисункам), говорят сами за себя: «Автопортреты», «Балет», «Война и мир», «Маленький принц», «Мастер и Маргарита», «Пушкиниана» «Русский сказки», «Эллада», «Современность».

Например, известный исследователь творчества Лермонтова и Пушкина Иракий Андроников говорил о ней: «То, что это создала девочка гениальная, становится ясным с первого рисунка. Они не требуют доказательств своей первозданности» (о цикле «Пушкиниана»). Например, у какого художника могла быть тогда мировая слава необычным «космическим» способом — в середине 70-х годов космонавт Георгий Гречко взял с собой на околоземную орбиту рисунок Нади и во время телесеанса с Землей показал его миру, и таким образом Рушева стала первым художником, чей вернисаж состоялся в

масштабах планеты. В статьях о ее творчестве подчеркивается — по-тувински имя «Найдан» (а Надя наполовину тувинка) означает «вечно живущая». И память о художнице-самоучке, до сих пор жива — всего в мире уже прошло около 160 её выставок. С могильного памятника Нади Рушевой на этот мир смотрит кентавренок — необычный ребёнок с очень серьёзным взглядом.

Я был рад прикоснуться таким образом к ее таланту, оказав помощь как в организации выставки своему талантливому коллеге из Снежинска Володе Ананийчуку, так и в последующем издании каталога этой выставки на малодоступной для подобного тиражирования мелованной бумаге при помощи ВНИИТФ и Константина Николаевича Сидорова, тогдашнего начальника областного управления культуры, которого знал еще со времени его работы секретарем Магнитогорского горкома партии...

Ну, никуда мне не деться без помощи легендарной Магнитки — сначала Александрович, потом Ненашев...

* * *

12. Поездка в Польшу * «Пионерский» костер с печеной картошкой * Ян Щепаньский * Н.Л. Лейзеров...

...Рассказывая о своих комсомольских годах, не могу не сказать о попытке краткого свободного *взлета духа свободы* в моем индивидуальном исполнении. Но не только меня одного, а вместе со своими друзьями по туристической группе, а проще — похвалиться перед тобой, читатель, тем, о чем до сих пор встречаясь с одноклассниками, с удовольствием вспоминаем нашу поездку за границу.

Изначально задумал организовать двухнедельную туристскую поездку группой молодых ученых и специалистов (возглавлял же это направление в обкоме комсомола) в Польшу в *1974 году* по линии молодежного туризма «Спутник». Там мне сказали о реальной практике: в любой группе преобладают девушки, поэтому сразу же поставил перед собой однозначную цель — группа должна быть составлена в соотношении 50:50, чтобы было кому помогать переносить сумки и чемоданы, в случае необходимости. Так как группа получалась весьма пестрая по составу (но процентное соотношение мне удалось соблюсти при формировании), то стояла непростая задача: мы планировали ехать поездом из Челябинска до Бреста, и каким-то образом мне надо было сдружить коллектив, чтобы не было головной боли при размещении в вагоне, да и в дальнейшем...

Придумал: в группе была девушка из областной конторы кинопроката, то попросил *окультурить* нас перед поездкой. Просьба была простая — выбрать и показать нам несколько польских фильмов, включая «Пепел и алмаз» и «Все на продажу» в маленьком кинозале с тыльной стороны кинотеатра «Урал», где обычно собиралась областная комиссия по культуре для *разрешительного* просмотра фильмов, приходящих в область. Предупредил членов группы из других городов и районов области, о желательном приезде пораньше за 3–4 дня до даты выезда.

И если после первого дня просмотра фильма, и краткого посильного для уровня моей культуры, уровня культуры молодых ученых и специалистов в группе, беседы–рассказа о фильме «Пепел и алмаз», творчестве Анджея Вайды, будущие туристы из зала выходили какими-то неопределенными группами. Когда увидел, что после второго, а затем и третьего дня польской кино–культуры мне уже стало понятно — с дальнейшими проблемами в поезде не будет проблем. На второй день из кинозала выходили группами по

5–6 человек, а на третий день — вновь сформированными парами, за исключением нескольких семейных пар... Так что утилитарную проблему размещения во всех купе вагона они решили как-то сами... А другой проблемы я не ставил перед собой накануне поездки за границу. Конечно, кроме бесед о польском кинематографе, было краткие информационного характера беседы о политической ситуации в стране на основе общедоступных публикаций...

На фото — стоят (слева направо, чьи фамилии помню): Т. Синецкая; В. Приладышев; Е. Михайлова и Н. Михайлов; Е. Блоцкая; следующих 5 чел. не помню, Т. Евстропова; В. Воронин; девушку не помню; Л. Каменская; девушку и юношу не помню; Ю. Цапник. Сидят (слева направо, чьи фамилии помню): 4-х юношей не помню; улыбающийся в очках Ежи Ясенский (наш переводчик); Л. Шелягина; В. Братченко; и А. Шитов «в ногах» у 2 девушек (фамилии не помню).

Когда выехали из Бреста на автобусе курсом на Варшаву, я обратился к ним с разъяснением: вы едете в свой отпуск, за свои деньги, и поэтому вы вправе планировать свое свободное время по желанию, а его у нас будет много, но обращаюсь с двумя просьбами, во-первых, группами по пять–шесть человек не ходите, чтобы не смешить поляков нашей организованной стадностью, во вторых, прошу вас об одном — заранее предупредите меня о какой-то задержке, или отсутствии. Тут же в автобусе раздал полученную на всех валюту, и сформировали «групповой» фонд для коллективных посещений (например, купить цветы для возложения на могилы наших солдат, погибших в войну, а не устраивать нищенские поборы на виду поляков, или пойти в кино, или приняв какое-то коллективное решение, пойти куда-нибудь...)

Приехали в Варшаву, встретились с гидом (звали его Ежи), определились с программой мероприятий: встречи с молодыми инженерами, тогда впервые удалось посмотреть «Крестного отца», музеи в Варшаве, не помню еще что-то, плюс недельное пребывание в Сопоте, с заездом в Гданьск... Напомню: шел август *1974 года*, отношения сопровождались *тлением* последствий августа шестьдесят восьмого года в Чехословакии. Отмечу, что Польша времен Владислава Гомулки, руководителя партии в том же 1968 году была активно настроена антисоветски из-за событий в Лодзи и Кракове, обусловленных польским политическим кризисом, связанным с антисемитскими выступлениями и самого руководителя партии, так и других членов правительства. Вместо В. Гомулки избран Эдвард Герек, пытавшийся видоизменить «польский путь к социализму», со своим пониманием аграрной политики, нормализации отношений с католической церковью, развития рабочего самоуправления и т.д., что и посылно реализовывалось в стране с прежним влиянием *Москвы* до 80-х годов...

...Но у меня было дружеское поручение от моих друзей-социологов из Москвы и Свердловска: встретиться с Яном Щепаньским — директором Института философии и социологии Польской Академии наук, вице-президентом Польской Академии наук, только что избранным в совет Общества польско-советской дружбы. В дорогу мне дали почитать и использовать в дальнейшей работе редкое издание учебника «Элементарные понятия социологии», написанного им.

Вы можете понять мое волнение: о чем мне говорить с таким профессионально подготовленным человеком. Хотя меня предупредили о его готовности говорить на русском языке, но я-то никогда не встречался на таком высоком уровне с ученым, а тем более с иностранцем. Меня друзья даже успокаивали: мол, передашь ему наш подарок, поговоришь с ним, например, на тему, который ты и занимаешься вместе с друзьями в ВКШ при ЦК ВЛКСМ (речь шла о комплексном социологическом исследовании на тему «Формирование достойной смены рабочего класса»). Ведь он же авторитетный организатор социологических исследований в Польше, в частности, «Исследование положения рабочего класса и интеллигенции», пишет и издает разные книги по исследованиям социальных отношений и общественных форм: социальные институты, социальные группы и общности. Короче говоря, напутствовали меня друзья, он изучает социальные процессы, вызываемые изменениями в социальных отношениях.

Ян Щепаньский, директор
Института философии и
социологии ПАН, вице-
президент ПАН

...Не скрою: с дрожью в голосе и коленках позвонил ему, представился, договорились о встрече. Чтобы исключить плутания по Варшаве, он любезно послал за мной машину. Мы встретились, разулыбались по поводу неожиданного для него подарка, что я привез ему из Москвы, сели пить кофе, и понеслись разговоры на разные темы. Беседовали о социологии, о Свердловске (социологах во главе с Львом Наумовичем Коганом) и Челябинске, о Мандельштаме, Евтушенко, нашем исследовании о рабочем классе, моей еще очень будущей диссертации об активной жизненной позиции рабочей молодежи. Кроме литературных проблем, его волновали различные научные, т.к. он был недавно переизбран (истечение Уставом определенного срока) с поста президента Международной социологической ассоциации... И опять повторяю о своем удивительном везении, работая в обкоме комсомола, на встречи с интереснейшими людьми. Ну, когда бы я мог вот так, запросто, попивая им сваренный кофе, общаться с директором Института философии и социологии Польской Академии наук, вице-президентом Польской Академии наук, и, хотя бывшим, но все-таки — с президентом Международной социологической ассоциации? Он надписал мне одну из своих фотографий, как сказал: мол, похоже подготовленной для какой-то энциклопедии, а также добрые напутственные слова на своей книге о социологии, подаренной мне коллегами в Москве. Договорились, по возвращении из Сопота в Варшаву, позвонить ему, встретимся, поговорим, он приготовит возвратный подарок для своих друзей-социологов в СССР.

...Опускаю подробности наших посещений музеев, каких-то студенческих мест в Варшаве, и поездки в Лодзь, где нас принимала молодежь чулочной-носочной фабрики. Вернувшись из Лодзи поздно вечером еще в вестибюле студенческого общежития, где нас разместили, слышали звуки доносящиеся из закрытых дверей. Обратился к переводчику группы Ежи с вопросом о происхождении звуков музыки, на что он мне просто сказал: «Это — дискотека!» Это сейчас нам понятно о чем идет речь — о танцах. Хоть группа была усталая, я обратился к Ежи с настоятельной просьбой: «Скажи

организаторам, что через пятнадцать минут придут русские, реши с ними оргвопросы по оплате нашего входа, и чтобы двери были открыты...» Для всех нас это было впервые — танцзал наполнен молодыми людьми, в специальных местах продается кока-кола, все пространство заполнено ежесекундно мерцающими вспышками огней... и все присутствующие были перемешаны друг с другом. Повторю: это сейчас для многих из нас все это увиденное нами тогда в Польше в семьдесят четвертом году давно уже не ново, но тогда мы были ошарашены увиденным...

Вскоре мы отправились в Сопот, где на Балтийском побережье нас разместили в палатках молодежного лагеря. Когда все успокоились после размещения по палаткам, собралась наша инициативная группа с одним вопросом: что будем делать целых пять дней. Когда мы узнали, что рядом разместились такие же молодежные группы из Америки, Германии, Англии, даже из Японии, возникло предложение: устроить пионерский костер «дружбы» с печеной картошкой, с уверенностью, что ничего подобного они не видели и не пробовали в своей жизни, что и подтвердилось.

Опускаю все перипетии, связанные с добыванием — на побережье — как дерева для костра, так и картошки... Скажу только, что во главе бригады добытчиков и того и другого был актер нашего драматического театра Юрий Цапник (кстати, это его сын Ян, ныне известный в России киноактер), знающий польский язык. И это знание языка вкупе с талантом актера, конечно же, сыграло свою роль. Дело в том, что в Челябинском драматическом театре по инициативе главного режиссера Наума Юрьевича Орлова творческая бригада из Польши во главе с режиссером Ежи Яроцким, ставила спектакль Бруно Ясенского «Бал манекенов», где Юра играл одну из центральных ролей — депутат Поль Рибандель. Это много позже за эту роль он получил первую актерскую премию на фестивале «Современная польская драматургия» в Варшаве. Впоследствии получал звания «Заслуженный артист РСФСР» «Почетный гражданин города Челябинска».

Как тогда рассказывал мне Юра Цапник, в наш город, закрытый для иностранцев Ежи Яроцкий попал волей популярности знаменитого курганского волшебника — советского хирурга-ортопеда Гавриила Абрамовича Илизарова, профессора, доктора медицинских наук, Героя Соцтруда, Лауреата Ленинской премии... Так получалось, что дочери режиссера требовалась серьезная операция, и в европейских клиниках ей сделали их несколько, но безрезультатно. Когда Ежи узнал об Илизарове из Кургана, который творит чудеса (вероятно, случай с травмой великого спортсмена Валерия Брумеля облетел весь мир), он стал искать варианты как приехать на Урал. В свою очередь, Министерство культуры СССР обратилось

к известному польскому режиссеру с предложением поставить спектакль в Челябинске. Дело в том, что рядом находится Курган, тоже «закрытый» город, куда приехать иностранцу было весьма затруднительно, а тем более встретиться с таким известным в мире специалистом, договориться с ним об операции, и осуществить ее. Поэтому в нашем драмтеатре и появился знаменитый в театральном мире польский режиссёр Ежи Яроцкий со своей постановочной группой — художником и композитором... Он хорошо говорил по-русски: когда-то учился в ГИТИСе, а как он любил вставлять в свои спектакли русские песни! «Бал манекенов» шел в Челябинске более десяти лет, и всегда с аншлагом...

Вот был фурор в нашем совместно лагерном местечке когда мы запалили наш пионерский костер, и к нам «на огонек» стали подходить отдельные группы из других стран, мы их угощали картошкой, показывая как едят печеную... Началось такое *братание* под музыку из принесенных магнитофонов американцами, японцами, немцами, и все это происходило на фоне нашего костра... Юрий Цапник спас нас всех в тот же вечер еще раз. Только-только разгоралось наше молодежное празднество меня кто-то толкнул: смотрите польские военные с автоматами кого-то ищут, спрашивая старшего. Поднялся, подозвал Юру и пошли выяснять отношения. Это были двое польских пограничников, которые объяснили: это Балтийское побережье, пограничная территория, и своим костром «до неба» вы сигналили врагам. Но я увидев улыбающихся пограничников с болтающимися за спиной автоматами, пугающих русских врагами, сказал Юре, чтобы он задержал их внимание на несколько минут, рванул в свою палатку, где хранился фонд группы, сунул в целлофановый пакет традиционные две баночки красной икры и две бутылки водки, еще закупленные в Бресте. Вышел из палатки, и при помощи Цапника, с призывно погромыхивающими стеклом бутылками быстро разрулили возникшую ситуацию, предложив попозже познакомиться с содержимым пакета... Они похвалив переводчика Цапника за хорошее знание их языка, напомнив нам о близости границы и технике безопасности обращения с костром, спокойно оставили всех присутствующих в покое...

В следующие дни мы чередовали купания и экскурсии с продолжением коллективных сборов, но мне казалось для гостей уже исчезало очарования от впервые в жизни увиденного «пионерского» костра и съедания печеной картошки, запечатленных на фотографиях... Собирались вечерами и уже «кучковались» группами по интересам на свободные темы, где говорили, при определенных трудностях собравшихся, как-то понимать друг друга, помня что-то (это я о наших говорю) на английском или немецком из школьной или

институтской программы... Ведь мы гордо именовались для принимающих нас поляков «группа научной молодежи».

...И вот мы возвращаемся в Варшаву, откуда запланировано на следующий день автобусным курсом на Брест и дальше поездом в Челябинск. Хотелось как-то запоминающее для всех вернуться домой. В групповом фонде денег для соответствующего *прощания* с Варшавой было немного (как прикинул наш переводчик Ежи, на каждого — чашка кофе, пирожное, бутылка Кока-колы), но был еще и запас руководителя группы (до сих пор помню — семь бутылок). Товарищи по группе — Володя Приладышев и Витя Братченко, попросили меня, чтобы им не мешали, и на час с небольшим каким-то образом прикинулись убогими нищими и стали просить милостыню, за счет чего наш коллективный фонд весьма пополнился перед прощальным посещением кафе. Переводчик Ежи нашел приемлемое по нашим деньгам кафе и вечером на нашем автобусе поехали туда. Нас встретили, проводили на второй этаж, с извинениями, что на первом будет праздноваться свадьба. Вскоре ниже началось свадебное веселье.

Я вновь попросил Юру Цапника использовать еще раз знание польского и свои актерские таланты в установлении контактов со свадьбой. После короткого времени вижу как к нам на этаж поднимаются виновники торжества — невеста за шею обнимает улыбающегося Юру, рядом идет ничего не понимающие в происходящем жених с шаферами с подносами, уставленными рюмками, и приглашают всех нас погулять на свадьбе, а меня выступить перед молодыми... Оказывается наш переводчик Ежи по доброте душевной сказал им, мол, я друг пана Щепаньского, вице-президента Польской Академии наук, директора Института философии и социологии ПАН и т.д. Ну, я и выступил, рассказав о сегодняшней встрече с известным польским ученым, гордостью страны, завершив это пожеланиями счастья молодым... Вот так мы прощались с Варшавой, так закончилась наша незабываемая поездка в Польшу, которую я вспоминаю до сих пор.

...Уж коли я сказал о Яне Щепаньском, директоре Института философии и социологии ПАН, не могу не сказать и о человеке, который первым мне рассказал о нем, когда я не собирался в эту поездку. И опять я о своих комсомольских годах под руководством Юрия Александровича, пославшего меня, как куратора по социологии молодежи в области, на конференцию общесоюзного характера в Свердловск. Там во многом мое пребывание определял уже мне знакомый доктор философских наук Лев Наумович Коган, который укрепляя и развивая существовавшие уже

несколько лет «комсомольско–социологические» отношения с Челябинским обкомом комсомола, приглашал меня для участия в неформальных встречах с участниками этой конференции.

Так я познакомился с Э.Ю. Соловьевым, Э.В. Ильенковым, Н.Л. Лейзеровым. Вот о нем — Николае Леонидовиче Лейзерове — я и хочу сказать в связи с моими польскими контактами. Во–первых, в этих неформальных встречах, организуемых по инициативе Л.Н. Когана (повторю, мне повезло на них присутствовать), точнее — в разговорах под разные напитки и закуски, так, между прочим, мелькали в дружеском употреблении имен и фамилий: Мераб Мамардашвили, Юрий Замошкин, Владимир Ядов, Юрий Левада, Борис Грушин, Андрей Здравомыслов... Эти фамилии я слышал неоднократно от своих новых ученых друзей, образовавшихся рядом со мной с начала работы в обкоме, а вот теперь знакомился с ними «по слышимости», через их друзей по научной конференции, среди которых я «по благу» (в лице Л.Н. Когана), находился, и только голову успевал поворачивать, в сторону говорившего об обсуждаемой проблеме... Во–вторых, на Лейзерова мне сразу указал Лев Наумович: мол, тихонько отойдите куда–нибудь и поговорите, ну, о Мандельштаме, например, чтобы не упоминать о поэте вслух за нашим застольем, иначе тебе, Саша туго придется, ибо в большей мере будут говорить не о социологии, а начнут тебя «пытать» о поэте. Так что бегите куда–нибудь в сторону от нашего стола... Что мы и сделали.

Я отвечал на вопросы Николая Леонидовича о своей работе в обкоме комсомола, дипломной работе о поэзии Мандельштама, о желании дальше заниматься научными исследованиями... Говорили, говорили, говорили, не забывая сопровождать *в себя* то, с чем активно боролись за накрытыми столами гости, собранные по инициативе профессора Льва Когана... Н.Л. Лейзеров дал номер своего телефона в Москве, написал подробный адрес, где живет. И когда мы встретились у него дома, я убедился, что вопросы доктора философских наук Лейзерова, относящиеся к Осипу Мандельштаму далеко не праздные. В течение нескольких лет и наша переписка была, и встреч у него дома было немало: за кофе и беседами они незаметно пролетали... В одну из них он рассказывал о своем знакомстве с Яном Щепаньским, ученым, социологом из Польши и когда я сказал, что еду туда на две недели, он пообещал дать мне его адрес, и телефон, и написать рекомендацию для встречи. Вот чем и был обусловлен мой визит директору Института философии и социологии Польской Академии наук...

Наряду с польскими координатами, были попытки воздействия на мои размышления остановиться на выборе философской темы для предстоящего диссертационного исследования. Николай Леонидович, исходя из того, что он консультант Отдела культуры ЦК КПСС, доктор философских наук предложил мне вариант ходатайства в Московском институте культуры. Он много беседовал со мной во время командировок в Москву, даже способствовал удачной попытке прикрепления в аспирантуру этого института. Там меня уже ждали и для решения организационных вопросов, и для обсуждения с дальнейшим утверждением темы диссертационного исследования. Но такое предложение не сложилось по моей вине...

Что-то в сознании перезамкнулось: от философии культуры, в чем стремился оказать мне практическую помощь Н.Л. Лейзеров меня увлек на промышленную социологию Валентин Георгиевич Подмарков...

* * *

13. Крымова Н.А. + Эфрос А.В. и встреча с «Ромео и Джульеттой» в Свердловске * «Вишневый сад» в театре на Таганке + Высоцкий * Догадки о «бодании» между Ю. Любимовым и А. Эфросом * Метафоры скульптур Эрнста Неизвестного * А. Демидова о Лопухине Высоцкого...

...От социологических отклонений вернемся к другим встречам, связанных с театрами. В конце июня *1975 года* приехав в Москву, позвонил Наталье Анатольевне Крымовой и высказал просьбу попасть на Таганку, но инициативу разговора неожиданно для меня перехватил Анатолий Васильевич Эфрос и пригласил меня на завтрашнюю премьеру спектакля «Вишневый сад»....

Тут надо отступить для понимания читателем складывающейся ситуацией... К своему стыду, я не знал, что Крымова жена Эфроса, и звоня ей по домашнему телефону, мне и в ум не пришло интересоваться делами Эфроса. Мало этого, и не думал, что Анатолию Васильевичу запомнилась наша встреча в *1971 году*, когда был летом в Свердловске на сессии в университете, а там гастролировал театр на Малой Бронной... Поэтому вы можете понять мое тогдашнее волнение, с которым звоню ему в гостиницу, прошу о встрече и интервью для газеты «Вечерний Челябинск». Следует любезный ответ, что сегодня это возможно, смогу ли подъехать прямо к спектаклю, после которого и поговорим... Был спектакль «Ромео и Джульетта»... Для моего впечатления места в данных записках, конечно же, не хватит. Еще в Челябинске — авось повезет — готовился к возможному интервью с Эфросом, нарабатыванием уровня *интеллекта* в качественных вопросах, читал статьи...

Вечером после спектакля обещанная встреча с режиссером, который извинился за усталость и предложил ограничить время для беседы... Началась наша беседа и мне сразу же хотелось продемонстрировать свою подготовленность в знании *предмета* — завернул какую-то фразу в вопросе: что-то заковыристое об эстетике взаимоотношений режиссера и зрителя. Он посмотрел на меня около минуты, вздохнув, попросил повторить вопрос. И я, со смятением в голове и еле снижающимся спазмом в горле, запинаясь, что-то повторил. Он опять вздохнул... А попроще нельзя? И тогда я отвлекся от своего листка с вопросами, и уже другим голосом — о разных сторонах

отношений режиссера и зрителя... Тут он улыбнулся: не один век над этой разгадкой бьются разные умы...

С моей стороны, разговор строился на сумбуре в голове, а с его стороны, спокойное внимательное рассуждение о наболевшем... Может быть, я запомнился этому гениальному режиссеру своими любительскими рассуждениями о восприятии (я тогда был не очень театрально подготовленным зрителем, впрочем, как и сейчас) только что увиденного спектакля «Ромео и Джульетта»... Не знаю. Могу только гадать, и гадаю до сих пор, хотя Анатолий Васильевич *давно не с нами*, а беседа с ним, как ее помню, у меня все идет и идет. Особенно количество вопросов накапливается, когда смотрю его работы по телеканалу «Культура» — фильм «В четверг и больше никогда», телеспектакль «Всего несколько слов в честь господина де Мольера», спектакль Театра им. Моссовета «Дальше — тишина», спектакль МХАТ «Гартюф».

Даже сейчас не представляю себе, что обсуждаю игру Леонида Броневского, Льва Дурова, Ольги Яковлевой, Анатолия Грачева, Леонида Каневского — и с кем? С самим Эфросом! (*Честно говорю, как «на духу»: ну, помню, помню по сути наш разговор с Анатолием Васильевичем, хотя бы по одной его, запомнившейся фразе: мол, работая, я бываю, убежден, что предан автору и не добавляю к нему от себя ни ползвук. Проверяя себя, свою память, перечитал его книгу «Репетиция — любовь моя» и наткнулся на нее.*)

Говорю друзьям, что мое высшее восприятие спектакля таково: когда, например, иду в театр, знаю содержание пьесы, а режиссер так переставляет кубики восприятия в моей голове, что я забываю свое знание пьесы и уже весь во власти игры актеров и замысла режиссера... (*Так бывало со мной несколько раз. Один — на спектакле, о котором рассказываю, а другие — «Зори здесь тихие» и «Гамлет» в театре на Таганке.*)

Так вот о спектакле А.В. Эфроса «Ромео и Джульетта» по знакомой мне трагедии Шекспира. Помню, тогда же в библиотеке университета после спектакля перечитал пьесу и, насколько помнил только что услышанный вчера со сцены текст и запомнившие сцены, убедился, что увиденные мной режиссерские находки не в каких-то новациях, а в корректном и талантливо-внимательном следовании букве авторского текста с предложением своего понимания нюансов.

Ведь что мне бросилось в глаза изначально — возраст актеров на сцене не соответствовал возрасту персонажей пьесы: легко отличить весьма юных Ромео и Джульетту от современных (в то время), примерно 30-летних Анатолия Грачева и Ольги Яковлевой. Значит, режиссер и не стремился

подладиться под возрастные похожести актеров и известных всему миру персонажей пьесы. Почему?

А потому, как я полагал, и говорил о своих ощущениях самому режиссеру, что на первый план в его (режиссера) замысле (не меняя ни на йоту шекспировский текст) на сцене выходила предо мной Верона... Все эти Монтеки, Капулетти, Тибальты, кормилицы, слуги и другие — страшный мир в дикой бессмысленности кровопролитных стычек на улицах города... А среди этих обезумевшей от злобы к ближнему жителей Вероны — Герцог, смотрящий на них, пытающийся хоть как-то примирить их, и поэтому, как я выказал собеседнику предположение, он в финале напоминает мне Христа, простирающего над жителями города руки, кричащего от горя и плачущего со всеми...

Я не помнил, каков был в спектакле отец Джульетты, которого играл Леонид Броневой, но помню до сих пор его первое появление на сцене в своем доме, и первая, запомнившаяся мне фраза: «Монтеки и меня о-штра-фо-ва-ли». Произносит, интонационно разбивая слово по слогам, с возмущением в лице и голосе — и это слово в разбивку, и развивающийся от быстрой ходьбы домашний халат на нем — и передо мной хозяин клана Капулетти, словно главарь мафии, недоумевающий от наглости полиции... Как ему (Л. Броневому) по ходу спектакля удалось незаметно, незримо предать дух беспощадной наглости упоения насилия над близкими! А рядом суесящийся от стремления проявить себя перед отцом-мафиозо сын его Тибальт — враг их семьи Ромео появился в их доме, и его немедленно надо проучить... Ну, запомнилась мне эта картинка, хотя и прошло более сорока лет — Броневой-папаша Капулетти ни слова не говоря, глядя в зрительный зал протягивает левую руку к Тибальту, хватает его за ухо, склоняя корчившего от боли сына к полу, рядом со своей ногой и произносит шипящим шепотом: мол, цыц, в моем доме не затевать драку с гостем... И резким движением ноги по определенному месту ниже пояса, тем самым говоря: пошел вон! Ведь он гостеприимный хозяин, в доме которого не позволителен беспорядок, а тем более, его (порядка) нарушение, и широко улыбается гостям... Как побитая собака, Тибальт уползает на четвереньках... Все — и передо мной начало шекспировско-эфросовского понимания трагедии любви, не могущей существовать в этой душной атмосфере Вероны...

И спектакль убеждает, что именно на этой почве — поразительно циничной духовной скудости жителей Вероны — растет и безумствует насилие, в воздухе которого невозможно жить таким чистым Ромео и Джульетте... Мне даже на ум пришло (я выказал это в нашей беседе) выражение Карла Маркс об агрессивной сущности *полуобразованности* и

полукультурности масс, что не может не сказаться не только на сущности пьесы, идущей на сцене, но и на зрителях... Этот воздух Вероны, этот мир Вероны жил на сцене не сам по себе: мир вражды по своим законам, а любовь по-своим. «Я и пытался показать оба мира в резком столкновении для того, что возвысить силу любви и показать силу продолжительной живучести веронских Капулетти. Как тут извлечь что-то более оптимистичное, я даже и не представляю. Уж слишком велика цена примирения. Ведь тот и другой отцы, а в целом, жители Вероны — люди убивают свое будущее», — сказал Анатолий Васильевич в нашей беседе... (Она опубликована в газете «Вечерний Челябинск», 1971, 8 сентября)

Я даже предположил в нашей беседе, что подобный эфросовский подход напоминал увиденный мной на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола в 1969 году знаменитый мюзикл Леонарда Бернстайна «Вестсайдская история», где сочетались, в моем представлении, и психология, и детектив, и национальная трагедия, и драма, и история Ромео и Джульетты! (Это Юрий Александрович по дружбе мне сказал о таком спектакле и помог с оформлением командировки в Ленинград от обкома комсомола, помог и с организацией и встречами по делам командировки... Театр-то имени Ленинского комсомола) Та же самая Верона, только на американской улице, в нью-йоркском Вест-Сайде, населенном эмигрантами из разных стран, где столкнулись в середине 1950-х годов две молодежные группировки (уличные банды) на основе расовой ненависти — потомки белых эмигрантов («Ракеты») и пуэрториканцы («Акулы»), и любовь белого юноша Тони и пуэрториканки Марии, которая заканчивается убийством Тони... Мария обвиняет участников собравшихся двух банд, что это их ненависть погубила любовь... (Сразу же после нашей с А.В. Эфросом беседы я нашел и прочитал в сборнике «Зарубежные киносценарии» сценарий этого мюзикла и убедился в правомерности своего предположения).

...Вернемся в *1975 год*.

Премьера «Вишневого сада» в театре на Таганке (кажется, в конце июня). Приехал заранее к служебному входу. Жду. Они идут вдвоем, о чем-то разговаривают. Подхожу к ним, здороваюсь. «А, челябинец, — говорит Эфрос, — давно мы не виделись... Помню, помню нашу встречу в Свердловске...» И не устают с женой здороваться с актерами... Вижу идет к ним Высоцкий, радостно обнимаются, и Эфрос вежливо предлагает Высоцкому познакомиться с их другом из Челябинска... Высоцкий повернулся, смотрит на меня и говорит: мол, мы знакомы, и надеюсь обещание рассказать о

Мандельштаме не забыл? Что, сейчас, — говорю ему? Ну погоди, дай премьеру—то сыграть, а потом... как—нибудь попозже... Ну, я побегу... ждут же... Не волнуйтесь, Анатолий Васильевич, все будет хорошо. А за тобой, комсомолец Саша из Челябинска, разговор о Мандельштаме!.. И вот начался спектакль и передо мной был другой человек. Не поэт, не бард Высоцкий, с которым я только что говорил, а другой — Актер в роли Лопухина, стремящийся в игровом пересказе Чехова с помощью Эфросом, поделиться тем, что его волнует в жизни, как в своей, так и окружающих его людей...

...Многие годы спустя я читал, что приглашение Любимовым Эфроса в театр на Таганке было обусловлено сочетанием этих вроде бы несовместимых понятий — Чехов, «Таганка», Эфрос. Это фантастическое «триединство» было интригующим и предвещало для любителей театра событие. И сразу же *приглашенный* не мог не столкнуться с другой главенствующей эстетикой режиссуры, режиссуры Любимова, естественно, с другим уровнем подготовки актеров и, самое главное, другим восприятием сказанного, говорившегося *другим* режиссером—профессионалом другим актерам другого театра... Судя по всему, как профессионал Эфрос полагал, что творческое соревнование и взаимодействие разных школ развивают театральное искусство. И в итоге, на мой взгляд, под воздействием Эфроса, получилось для Высоцкого одна из лучших его театральных ролей.

Позволю маленькое отступление. Собственно, на мой взгляд, истоки, у которых стояли Любимов, Эфрос (а я пишу о них пером любителя) — система, созданная Станиславским... Естественно, у каждого художника свои вкусы, свои пристрастия, своя система со своими, ему присущими методами, позволяющие выстраивать отношения с актерами, зрителями, что способствует созданию ее (назовем это привычным для специалистов термином «система») не заимствуя, а, так сказать, *потомствуя* (В. Смехов), наследуя традиции... Кого? Представляется, что зритель, а тем более умный, подготавливаемый режиссером зритель разберется, «голосуя» ногами и «рублем»...

Но надо *понимать*, что у Любимова был свой театр, где он мог провозгласить свои системные пристрастия, портреты чего вывешены в фойе театра — Станиславский, Мейерхольд, Брехт... И Юрий Петрович был великим мастером формы, что главенствовало в режиссуре и подготовке актеров. У Анатолия Васильевича Эфроса своего театра не было... Да и зачем он ему, задаю любительский вопрос самому себе? Точнее, зачем нужна Эфросу головная боль? Нести обязанность главного режиссера играть по

иезуитским правилам, устанавливаемым партийно–государственными чиновниками? Благодаря талантливой режиссуре, и незамысловато–посильной поддержке других чиновников *от театра*, у Эфроса было свое «лицо», при использовании вкусов, пристрастий, системы со своими, только ему присущими методами, позволяющие выстраивать отношения с актерами, зрителями, наследуя традиции... Закономерно, у него, как говорят знающие и работающие с Эфросом актеры, была своя любовная *религия*: и театр, и любая репетиция должна быть открытой — для посвященных и непосвященных...

Представляя себе суть «боданий» гениев театра Любимова и Эфроса, мне — человеку, стоящему просто в стороне от этого процесса, занимающимся другими делами, пытаюсь преподавать в вузах Челябинска и Москвы экономику, социологию, менеджмент, любящего театр как таковой, и абстрагируясь от его (театра) проблем, пытаюсь вспомнить что–то мне очень и очень напоминающее своими образами... И знаешь, читатель, вспомнил! Что–то гигантски объемлющее и одновременно глазами и сердцем (душой) скульптурно осязаемое... (Я — не художник, и не скульптор; еще с детства очень и очень прозрачно объяснили мне отсутствие подобных способностей, отказав мне даже близко приближаться в своих фантазиях к таким видам искусств, плюс музыка)

Эрнст Неизвестный.
Авель и Каин внутри одного тела...
(Фото из журнала «Партнер»)

Так вот — о представляемом мне «бодании» гениев... Конечно, не надо даже примерно представлять подобные скульптурные видения буквально. Я о скульптуре любимого мной художника Эрнста Неизвестного — из *одного корня* два брата Авель и Каин душат друг друга. Душат братья внутри одного тела! А уж какие выводы из моего скульптурного осязания такого «бодания» пусть делает каждый читающий...

Вот теперь подумай, читатель, возможно ли, правомерно ли недоумевать по предполагаемому поводу появившейся возможности у Эфроса привнести свой режиссерский подход, свою методу в репетициях «Вишневого сада» в театре на Таганке. Он же видел в глазах актеров

интерес, любопытство к иной работе с актерами, иной режиссуре, основанных на неприкрытой любви к актерам, чего они в общем-то не испытывали при иной режиссуре...

Гипотетически предполагаю, что пригласив Эфроса в свой театр для постановки спектакля, Любимов во-первых, своеобразно возвращал Эфросу вежливую признательность за состоявшееся в 1973 году приглашение им (Эфросом) Любимова, который тогда находился в очень трудном для себя положении из-за непрекращающихся стычек с органами власти (читай — партийными). Речь идет о телеспектакле, который ставил Эфрос «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» с Юрием Любимовым в роли Мольера. Во-вторых, полагал, что его артельные артисты не поддадутся на режиссерские прихваты Эфроса и по-любимовски протянут и репетиции, и дальнейшее исполнение (премьера спектакля и далее), что повлечет за собой творческое поражение Эфроса... Надо же, придумал Эфрос, на Таганке ставить пьесы Чехова! С артельными любимовскими солдатыками ловить нюансы, нюансы, нюансы... А какие нюансы, когда жизнь в стране изменилась и не переставая меняется и меняется... И этот театр, отдавая предпочтение «фиги в кармане» будет, хотя и временно, по-прежнему в фаворе!

Охотно допускаю, что читающие эти строки будут возмущенно крутить головами в поисках автора, чтобы «намылить ему шею», ибо обидел актеров, любящих свой театр, гордящихся им... Но я говорил (писал) о профессиональных режиссерских подходах, и других нюансах театральности, насколько это понимаю, исходя из своих предположений, будучи горячим поклонником театра на Таганке. Как сказал мне один из актеров Таганки, которого я просил *провести* меня в театр на их новые спектакли, после возвращения Любимова после долгого отсутствия из-за заграницы: мол, ну, зачем тебе это надо, поверь — будет гораздо лучше, если *мы* в твоей памяти останемся *тем* театром, рожденным в шестьдесят четвертом, постоянно развивающимся в нашем сознании в течении семидесятых, и мало что понимающим с начала восьмидесятых... и это, Саша, без каких-либо дискуссий, просто для твоего понимания происходящего...

Оценка режиссуры Эфроса, данная Высоцким, была характерна в среде профессионалов — актеров, режиссеров, критиков, драматургов. Нет, спектакли Эфроса, несомненно, пользовались и зрительским успехом, их любили и с удовольствием смотрели. Но в полной мере оценить всю глубину и новаторство *негромкой* режиссуры Эфроса могли именно профессионалы, хорошо знающие театр изнутри. Сам Анатолий Васильевич говорил, что, мол, его «Вишневый сад» изменит зрительный зал «Таганки»: уйдут

политизированные поклонники искусства Любимова, придет вместо них другая, скорее уже желаемая эфросовская публика.

Да, но я же сейчас (*1975 год*) на спектакле... Боюсь за себя сегодняшнего (*2017 год*), ибо, естественно, в моей голове, признаюсь, перемешано различных воспоминаний разных лет плюс тогдашнее. На последнее, тогдашнее ничего не накладывается по причине однозначности: Эфрос и Высоцкий равно «Вишневый сад» в театре на Таганке... Это позже, как шагреновая кожа воспоминания сжимаются до «Высоцкий», которому я буду рассказывать о Мандельштаме...

Да, я чувствую дыхание тогдашнего Эфроса, но и не могу не реагировать на ощущаемое дыхание сегодняшнего Эфроса... И то и другое во многом объясняется прочитанным о «Таганке», об Эфросе, о Любимове... Причем, объединяет *все это* небеса, откуда они и сегодня с любопытством смотрят на нас, и, на мой взгляд, пытаются примирить... Ну, к примеру, как и Лопахин удивительно спокойным голосом пытается *помирить* Раневскую и Гаева с действительностью изменяющейся России... И в том и другом случае примирения основы едины — будь то Искусство, будь то ощущение изменяющейся России...

Вспомните слова Лопахина: «Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...»

Причем, помню по спектаклю, последнее слово Высоцкий произносит раздельно, выделяя каждую букву своим неподражаемым голосом, и при этом помню его взгляд, которым он окинул окружающих его, и беспомощный взмах руки... И они — Раневская, Гаев и другие — не великаны (а они ему виделись таковыми в начале), да и он чувствует свою ущербность, свое *непопадание* в тот мир, где, как ему кажется, Раневская может ответить на чувства предпринимателя Лопахина, а ныне собственника Лопахина...

Он играл Лопахина с присущим ему блеском поэта, приноравливая при помощи приглашенного со своей режиссурой Эфроса, произносимый чеховский текст так, как пел собственные песни — не одинаково, с разными голосовыми нагрузками, но по-своему свободно... А иначе как он мог, думалось мне позже, передать свой Высоцко–Лопахинский настрой, сохранив собственность и поэта Высоцкого и предпринимателя–собственника Ермолая Лопахина, которого раньше и в кухню–то барского дома не пускали...

Исполнитель роли Раневской Алла Демидова, в частности, говорила о монологе Лопахина в третьем акте «Я купил...», что он исполнялся Высоцким на самом высоком трагическом уровне его песен, ибо монолог этот и был для него песней. И иногда он даже какие–то слова действительно почти пел.

тянул–тянул свои согласные на хрипе, а потом вдруг резко обрывал. И тут же его исступленный танец в этом монологе!.. (Много позже, занимаясь другими творческими поисками, натолкнулся на статью А. Гершковича «В роли Лопехина». В ней критик описывал нюансы исполнения Высоцким роли Лопехина, и метко назвал этот основной речитатив «песней Высоцкого на слова Чехова».)

Не помню уже, откуда записал заметки Высоцкого о работе над «Вишневым садом», скорее не его актёра работе, а об условиях, создаваемых Эфросом для понимания его актёра желанного чеховского–эфросовского замысла. Высоцкий обращал внимание на сочетание этого замысла с приемлемыми и знакомыми для них приемами любимовского театра.

Столкнувшись с его записями, я подумал о вероятной правомерности своих суждений неспециалиста. Любимов и Эфрос использовали, на мой взгляд, «разные инструменты» из общедоступного вышеупомянутого театрального «ящика», будучи, как представляется, антиподами во многом, в том числе в своем отношении к актёрам. Актёр для Любимова — средство для осуществления своего режиссерского замысла... и все: мол, артисты особенным умом—то не обладают, но это им и не требуется — часто с умным актёром лучше дела не иметь. Артист — существо с минимальной ответственностью. Что от него нужно? Выучить текст, сыграть роль, стараться играть лучше... И все. Он не может быть режиссеру другом.

Актёры же для Эфроса — это, прежде всего, люди и, вот она эфросовская причуда — часто приемлемые по–своему друзья. Таковую причуду неожиданно для себя почувствовали артельные, по–Любимову, артисты, причем почувствовали через уважительное к себе отношение. Где–то я прочитал у Анатолия Васильевича: «Актёры — это замечательные люди. Нет лучше людей, чем актёры. Это люди живые, умные, эмоциональные. С другими людьми я не могу дружить, мне не о чем с ними разговаривать, мне скучно с ними, а с актёрами мне интересно. Женщины всегда прелестны, мужчины всегда живые, остроумные...»

Литературно–историческое, философское прочтение искусства театральной режиссуры и А.В. Эфроса, и Ю.П. Любимова постоянно возвращает нас к разностороннему пониманию родовой сущности человека, его назначении и смысле жизни в изменяющихся общественных отношениях. Они моделируют мир вокруг нас, зрителей, во взаимопроникновении быта и бытия, социального и экзистенциального, реального и трансцендентного, создавая свою (что Эфроса, что Любимова) парадигму, которой по–прежнему следуют многие современные режиссеры. Их мастерство, каждое по–своему, опирается на жизненный интеллект зрителей, объективно–субъективно вбирая

в себя то, что порознь рассеяно в разных людях, что скрывается в невысказанных мыслях, скрытых характеристиках самого человека. Талант режиссера преломляется в своеобразной подсказке ему (человеку/зрителю) вариантов того, что предстоит пережить пока еще не переживаемое, но уже прожитое и переживаемое другими персонажами на сцене.

Полагаю, будет правомерно отнести к театральной режиссуре А.В. Эфроса и Ю.П. Любимова, да и к поэзии и актерскому таланту В.С. Высоцкого (а я ограничивал себя разговором о них) суждения М.М. Бахтина о полифонии Ф.М. Достоевского: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность...»

Догадываюсь, что, возможно при чтении нижеследующего абзаца кто-то из читателей по-своему воспримет его, ибо сказанное всего лишь в нескольких словах дает любительскую — естественно, автора записок — характеристику реакции одного гениального режиссера на спектакль другого.

Но осмелюсь, ибо, как всегда бывает, эта ситуация была экспромтом, как для меня, так и для режиссера-гения. И так, кажется, дело было летом 1978 года, когда легендарный МХАТ гастролировал в Челябинске. И, как правило, в обкоме партии, в заполненном актовом зале состоялась встреча с «верхушкой» театра. Помню, присутствовал О.Н. Ефремов, А.И. Степанова, Л.И. Губанов, тогдашний секретарь партийной организации театра.

Олег Николаевич что-то рассказал о театре — о предстоящих спектаклях и проблемах... Ангелина Степанова — коротко об известной истории приглашения «стариками» театра Олега Ефремова и его последующей работе главным режиссером... Что говорил Леонид Губанов — не помню... Просто смотрел на Ефремова, и ждал когда он выйдет, и будет возможность задать — желательно наедине — волнующий меня вопрос о его отношении к статье Н. Потапова в газете «Правда»: «"Сеанс черной магии" на Таганке». Ожидание и надежда на встречу была абсолютно призрачной, а уж ответа на вопрос о *правдинской* статье, тем более. Но каким-то образом я надеялся... Даже нашел место в последних рядах и с краю для удобства выхода.

И вот оно — чудесное везение. Ефремов поднимается и выходит через дверь, никому не мешая, из зала... Я своей заготовленной дорожкой из зала, но в другую дверь, хотя кто-то выступает. Вижу — он подходит к лифту и

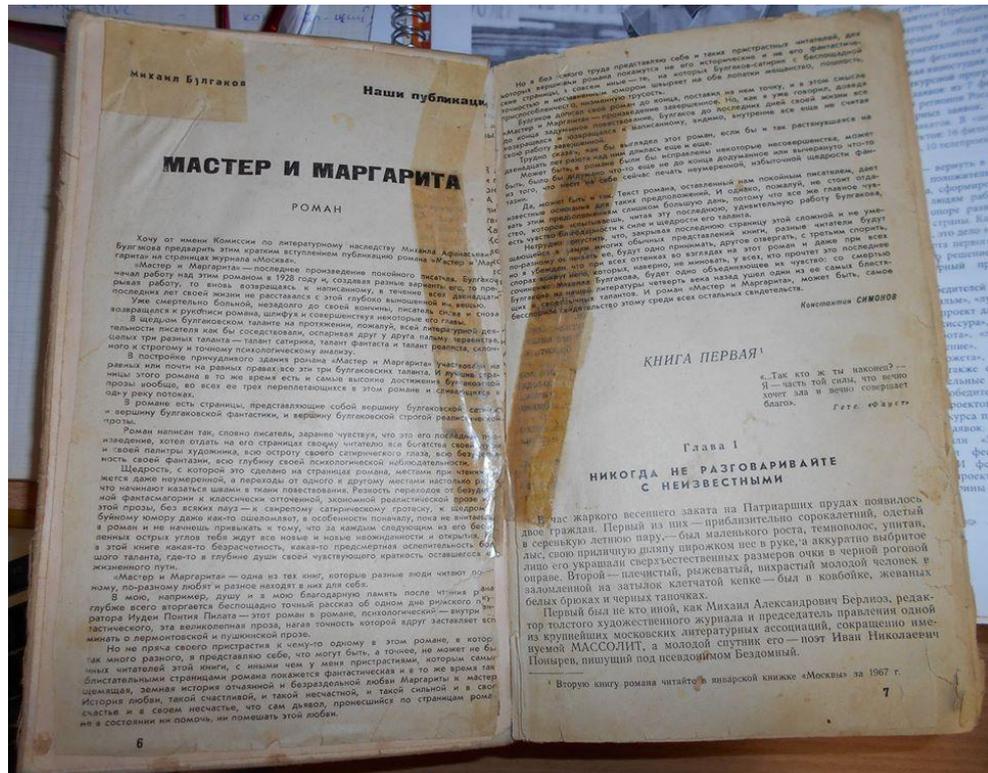
ждет... Одновременно и я подхожу, и никого вокруг. Я ведь никогда вблизи не видел его лицо, и поразился — вот не думал, что оно в рыжеватых веснушках... Заикаясь пытаюсь сформулировать вопрос об отношении к статье в «Правде» о спектакле «Мастер и Маргарита» в театре на Таганке, понимая его нелепость — спрашивать об отношении к статье в главном органе ЦК партии в здании обкома партии... Да, и кто я такой? Прости меня, читатель, ну, удивительно располагало его весушчатое, улыбающееся лицо, когда задавал вопрос. А тут — кстати — возникла задержка с лифтом, и я предложил ему спуститься пешком с третьего этажа, и наша короткая беседа проходила несколько минут. Если так можно сказать — меня еще выручила короткая задержка на лестничной площадке, где он закурил, и продолжил...

Конечно, пишу по памяти, ибо два его высказывания до сих пор помню. Первое — о Любимове, о его спектакле... Мне кажется, сказал Ефремов, что Юрий Петрович спешил с возможностью поставить спектакль, и не успел внимательно прочитать Булгакова... Он его не совсем понял этого сложнейшего писателя... Мне кажется, молодой человек, сказал мне Олег Николаевич, что надо абстрагироваться от возрастных эмоций, и более внимательно читать и понимать эту критическую статью...

Как я был признателен за эти несколько минут «беседы» с гением режиссуры театра — Олегом Николаевичем Ефремовым.

Во-первых, — говорю о себе — до сих пор помню свое первое знакомство с романом Михаила Булгакова в двух номерах журналов «Москва», и также помню, помню, и от никуда не деться перед самим собой, мало что понял из сути романа при том, первом чтении. Произошло как в школе при чтении романа «Война и мир» — про войну, военные события проглатывал всё, а про всякую толстовскую *лирику* вроде мыслей, рассуждений Болконского, Пьера Безухова, переживаний Наташи Ростовской, описаний природы и т.д. и т.п. как-то незримо пролетали мимо *глаз и ушей*... Похождения компании Воланда, сцены-беседы Пилата и какого-то Иешуа оставляли малопонятный, точнее — малопонимаемый след, сиюминутное восприятие, но самое главное — полное недоумение: за что и почему этот роман то ли запрещен, то ли его просто не печатали из-за чего... Но какой-то *налёт* таинственности запрета незримо летал над этим текстом... Это позже читал его несколько раз, перечитывал, впрочем как и критику вокруг него... Говорил о нем на лекциях... Но по-прежнему, много авторских загадок осталось у меня неразъясненных... И поэтому слова Ефремова: мол, Любимов так и *не понял* всей глубины романа из-за спешки поставить спектакль, как-то своеобразно в моих глазах (только в моих глазах), так сказать, уравнили мое

доморощенное непонимание с любимовским талантливым непониманием одного и того же произведения... Стремясь развеять свои смятения я всячески стремился смотреть, смотреть, смотреть спектакль (удалось увидеть раз десять, как, впрочем, и «Гамлета»), пытался у друзей-актеров, занятых в нем, пораспрашивать о каких-то непонятках, но оставил это бессмысленное занятие...

Это фото из архива Харитоновых (и я держал в руках этот экземпляр). Подобно было и у меня (и переплет, и сам журнал, правда, выглядел гораздо заклеенным), думаю, что таковое, или подобное было и у многих сотен читателей.

Во-вторых, сразу же при прочтении статьи Н. Потапова «"Сеанс черной магии" на Таганке» в «Правде» (1977, 29 мая) у меня возникла традиционная «стойка» на неё — она являла собой пример гонений и терзаний великого режиссера Юрия Любимова и всего театра на Таганке. Это тогда, после реплики Олега Николаевича в мой адрес, что, мол, надо абстрагироваться от возрастных эмоций, и более внимательно читать и понимать эту критическую статью. Когда пришел домой, достал «досье» на Таганку и Высоцкого, перечитал статью, а если честно — просто внимательно *прочитал* её, и понял, что я был неправ в своих ощущениях и выводах о содержании статьи. Может быть, я неправ, может быть, такие профессионалы как Н.А. Крымова, А.П.

Свободин, О.Н. Ефремов и другие более сведущие в этих театральные дела люди, отнеслись к этой статье иначе, но я—то писал о своих ощущениях...

Помню, как мне не очень сведущему в театральные дела, Александр Петрович Свободин во время нашей встречи в Москве у него дома на улице Черняховского, рассказывал о недавно снятом на телевидении фильме «Олег Ефремов. Чтобы был театр». Он был автором сценария, и в основном говорил о перипетиях вокруг разделения МХАТа, его, ефремовских, по человечески понятных переживаниях... Вероятно, я не к месту вставил от себя пересказ Свободину ефремовского мнения и о статье Потапова, и о Любимове. Александр Петрович выслушал мою вставку в разговор, и махнул рукой: мол, Олег Николаевич прав дважды — и по неполной глубине понимания романа Юрием Петровичем, и моему непониманию сути *правдинской* статьи, ибо критические статьи, Саша, говорил он мне, надо внимательно читать, а не отмахиваться от них под воздействием каких—либо эмоций...

...И как—то так получилось для меня, что своеобразно предваряя завершение рассказа в части своих, в общем—то случайных встречах с великими, интереснейшими людьми театра, мне вспомнилась книга «Театр Анатолия Эфроса: Воспоминания, статьи». В ней составителю М. Зайонц удалось, так сказать, представить такое *калейдоскопное содружество* людей, где каждый со своим мнением и суждением удивительным образом соединились в одном русле воспоминаний об одном всеобъемлющем понимании — Театр Анатолия Эфроса. И это понимание со всеми авторами книги, со всеми ее (книгу) читающими, и помнящими о ней, и со мной индивидуально помнящим незабываемые встречи с Анатолием Васильевичем Эфросом, за что благодарен не в малой степени своей комсомольской судьбе...

* * *

14. Владимир Высоцкий и мой рассказ о Мандельштаме... с дополнением о хоккее с шайбой, и В. Домбровском...

...Возвращаюсь к продолжению записок, вспомнив о желании Высоцкого послушать обещанное мной — хотя бы кратко рассказать о поэзии Осипа Мандельштама. Кажется, это была шестая встреча, а точнее — шестое мое мелькание в его удивительной памяти. Сначала (1972 год) когда приглашал Любимова и Высоцкого на участие в фестивале студенческих театров в Челябинске, потом (1975 год) при встрече с А.В. Эфросом и Н.А. Крымовой на премьере «Вишневого сада» в театре на Таганке, потом на каких-то спектаклях Таганки, сталкиваясь в коридорах театра при встречах с друзьями-актерами.

Вот и сейчас, году кажется в семьдесят седьмом-семьдесят восьмом, после какого-то спектакля на дружеской встрече актеров, где я очутился случайно, благодаря актеру театра, другу Высоцкого Феликсу Антипову. Подбираюсь поближе, чтобы он как-то меня увидел, что я не увиливаю от обещанного. Вид у него был уставший, сказали, что выступал на каком-то концерте и вот приехал в театр. Антипов сказал мне, что Володя просит меня подойти к нему, что я и сделал во время какой-то возникшей паузы в экспромтном застолье. Мы поздоровались, и он сказал, что сейчас мы предпримем кое-какие действия по нашему исчезновению и тихо выйдем, поднимемся к нему, и мы сможем никому не мешая поговорить о Мандельштаме, да и о хоккее.

Пока, о чудо! мы шли, стараясь не привлекать к себе внимания, меня, как и раньше (некоторое время назад) непрестанно мучил один вопрос: «Ну, что я могу рассказать интересного об Осипе Мандельштаме? Одно дело — в семьдесят третьем году, когда защищал диплом в университете, или в семьдесят пятом году, когда вспомнилось ему (Высоцкому) о том, что какой-то Шитов из Челябинска, как-то *размахивая* своим языком, стоя рядом с Анатолием Васильевичем Эфросом, еще раз пообещал рассказать о поэте, а теперь, когда, во-первых, есть заграничные возможности из привезенных книг, во-вторых, есть такой знаток нюансов русской поэзии в театре, как Вениамин Смехов, дружащий с самой Лилей Брик, подругой самого Владимира Маяковского, и оба они знают Осипа Мандельштама, что позволяет Смехову знать какие-либо подробности из жизни поэта, и рассказать о них (подробностях) Высоцкому...» И вот с такими

вопросительными мыслями я шел рядом с Владимиром Семеновичем, и не очень внятно для себя понимал — о чем же я буду говорить, на какие возможные вопросы пытаться ответить...

Когда мы зашли в его *грим-уборную*, он посмотрел на меня, хитро улыбаясь, и сразу же обратился ко мне с вопросом: мол, скажи в двух словах, опираясь на стихи поэта, о *приятии* или *неприятии* им власти, с учетом всего, что было у него (поэта) во взаимоотношениях с органами власти? И тут же добавил, что помнит, ставшие гибельными для него строки: «Мы живем под собою не чуя страны...» Я осмыслял ответ около минуты, и сказал ему, насколько помню: что у Мандельштама есть такая строка, которую запомнил, благодаря курсовой работе о метафорах Мандельштама: «Власть отвратительна как руки брадобрея...» То ли это было им задумано (я о его вопросе), то ли меня проверял «на вшивость», то ли что-то другое, но *воздух* между нами наполнялся каким-то *желанным* интересом. Я же вспомнил об аналогичном вопросе мне со стороны Надежды Яковлевны Мандельштам и моем аналогичном ответе, т.е. своеобразный мостик между нами был перекинут Высоцким. Мне сразу же стало легко говорить с ним, ибо его интерес к теме был в его песнях... Не забыл, и тут же передал ему памятный значок из Праги, с чемпионата мира по хоккею в 1972 году.

...Мой-то интерес к нему был предопределен: я понимал, с кем говорю, а он, думаю, хотел услышать что-то неведомое о поэте, и все замыкалось на его интересе, как я — комсомольский работник умудрился обойти все препоны в занятии этой непростой проблемой, успешно защитить диплом в университете и остаться на партийной работе. Думаю, это было интересно ему как поэту, как актеру, может быть, для каких-то неведомых мне его режиссерских наработках, не знаю... Стал рассказывать о сути дипломной работы, о встречах с Надеждой Яковлевной, встречах с Николаем Ивановичем Харджиевым, удивительным исследователем русского авангарда и большим знатоком сих дел, другом Маяковского, Мандельштама, Ахматовой, Пастернака и других их современников.

В моей памяти так и остались глаза Высоцкого, впитывающие рассказываемое. Он практически ни разу не прерывал меня, кроме говорящих междометий о понимании того, о чем рассказывал. Пожалуй, одно из немногих, что осталось из нашей беседы в моей памяти, это его своеобразный короткий монолог сожаления неучастия в том самом знаменитом фестивале в Академгородке в 1968 году, где выступал Александр Галич...

Мы проговорили минут тридцать-сорок; повторю: я понимал с кем беседую, а он понимал свою актерскую и поэтически-бардовскую

популярность, но ни разу не позволил усомниться в своей искренности и любопытстве к рассказанному мной. Помню, как он сказал: «Поэт и актер должны помнить, что *они будут услышаны*». Поэтов и актеров не надо сравнивать: это верно. Каждый сам по себе, как в природе: цветущая и плодоносящая яблоня, развесистый дуб, ландыш, ромашка, репейник, папоротник, — все живет по-своему, и нет никаких «лучше» и «хуже». Но это в теории, а на практике, пока стоит мир, люди сравнивать будут, пусть и сознавая, что сравнения никуда не ведут. Пушкин или Лермонтов? Высоцкий или Галич? Михаил Анчаров или Окуджава?

Он (Высоцкий) с первой встречи показался мне человеком настолько редким, да и престиж его как поэта–барда или барда–поэта был настолько высок, что быть с ним «на дружеской ноге», как Хлестаков с Пушкиным (в гоголевском варианте), я не и мог, и не представлял себе такое... И по ходу беседы должен сказать, слегка стеснялся его, робел в его присутствии, хотя оснований к этому он не давал ни малейших, держался естественно и непринужденно.

Разделяя любовь и непреходящий интерес к творчеству В. Высоцкого многих, хотел бы обратить внимание на его особенность участия, с моей точки зрения, в визуальном *десанте* «шестидесантников».

Насколько я понимал, первоначально его университетами стали *московские кухни*, художественная, в особенности театральная жизнь, где своими силами достигалась независимость, открытость и едва ли не прямолинейная честность нарождаемой любимовской Таганки. Но, как ни странно, ему становилось *тесновато* на подмостках этого театра. Его «загоняли» на эти подмостки, хотя и мешали там проявлять себя, не забывая расставлять на других *местах* (печатанье стихов, кинематограф, концертные выступления и др.), так ненавистные «красные флажки»...

Здесь *власть предержавшие*, пытающиеся хоть как–то духовно ужать актера Высоцкого, никак не могли совладать с неподчиняемой им силой *магнит–издата* на фоне цензурного *запрета*, в чем они со злорадной улыбкой и доставляли себе удовольствие от зависти к таланту и популярности. Это же какой кайф одним телефонным звонком запретить, показывая пальцем на потолок: мол, это не я запрещаю, а ... Выбор–то не велик для таких убогих — ведь таланта–то у *запретителей* нет ни на грош. Да и набор возможностей запретов невелик: какое–либо упоминание в печати его фамилии, кроме краткого упоминания в тех или иных ролях; на печатанье стихов; на съемки даже в искаженных требованиями кинематографических начальников ролях; выступления с неразрешенными концертами, переводя их в статус

подпольных, порождая тем самым возможность подключения к ним «компетентных» организаций с заведением уголовных дел и т.д., и т.п. Запретить навсегда никакая власть не способна — и примеров этой закономерности множество...

А в домах миллионов людей *магнит–издат* все крутиться и крутится...

Имею в виду, выразившуюся в только ему присущим умении и таланте в своих песенно–поэтических коротких повествований об одном безымянном человеке, рассказать о судьбах тысяч и тысяч людей, воспринимавших это как рассказ–песню о собственной жизни. Он сумел в большинстве своих песен охватить важные *пункты* нашей истории, нашего народа, благодаря чему, и это самое главное, был понятен многим, сделавшим его *своим* членом семьи, выражавшим наш менталитет (склад ума, образ мышления) как никто из известных нам песенных участников *десанта*.

Своим сердцем и душой он *обнимал* миллионы людей, рассказывая об одном из них, пытаясь разобраться в его мыслях, поступках, определяемых моралью общества, где они — его персонажи — жили, любили, работали...

Например, написав об одном безымянном, оставшиеся в стране сотни тысяч *неназванных* обливались слезами, ибо сказанное в песне было о них... Возьмите безымянные персонажи из «Штрафных батальонов», «Баньки по белому» и подобные другие, и все штрафники в войну, репрессированные в течение нескольких десятилетий в нашей стране откликнулись на его песни; возьмите персонажи из «Песни о звездах», «Военной песни», «Он не вернулся из боя» и другие песни о войне, на которые откликнулись не только воевавшие, но и члены их семей; а уж на такие песни как «Спасите наши души», «Кони привередливые», «Охота на волков», «Баллада о детстве» и другие песни всеохватной силы, на что не могло не откликнуться общество, народ, спаянные вместе — и перед нами вставала картина России...

И я думаю, что на фоне дискуссий специалистов (историки, демографы и другие) о том, сколько Россия потеряла погибшими — то ли 7 миллионов человек, или 15, или 22, или 27, или 30, или 42... и каждый раз лгали: и Сталин, и Хрущев, и Брежнев, и Горбачев, и Ельцин — для меня самое главное другое. Это понимание ощущения, как очень точно сказал Даниил Гранин, фронтовик, писатель, что независимо от определенной (подсчитанной специалистами), какой–либо цифры безвозвратных потерь, что «...это не цифра. Это одиночество». Поэтому, как мне кажется, эти «одинокое души безвозвратных потерь» откликаются, по–своему, на песни Владимира Высоцкого...

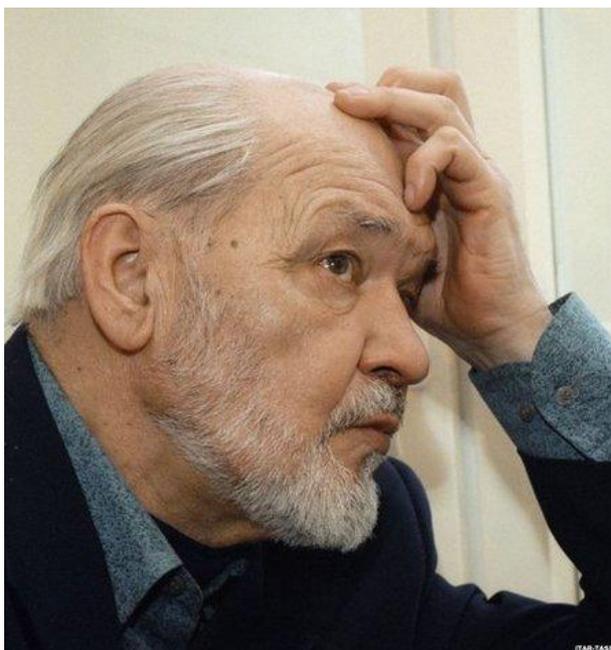
Я не берусь определять масштаб Высоцкого по стремлению вырваться *за флажки*, он шире предлагаемых ему и раньше, и теперь — ниш (от *ниша*), как он ёрничая пропел в своем «Гербарии»:

...Нет, не ошибка — акция
 Свершилась надо мною, —
 Чтоб начал пресмыкаться я
 Вниз пузом, вверх спиною, —
 Вот и лежу, расхристанный,..
 ...Заносчивый немного я,
 Но — в горле горечь комом:
 Поймите, я, двуногое,
 Попало к насекомым!..

Получилось так, что после его кончины оказался в Москве, и как-то получилось, оказался меж двух суждений, близкие к непринимаемости и попытками *в раже* из-за кажущего фрондерства как бы *втиснуть* его между известными критиками власти Сахаровым и Солженицыным. Из этого, второе, думаю, сотворение какого-то, сродни мифическому, а миф так приятно обсуждать за столами... Хотя приятно сказать, что понимаемая мной-современником его, Высоцкого, гениальность Поэта, может быть, через какое-то время будет отставлено в сторону в сравнении с другими, но произношу в будущее время — по памяти крутящего на *языке* короткого стихотворения А. Твардовского (уж, не знаю — к месту, или нет): «Я знаю, никакой моей вины // В том, что другие не пришли с войны, // В то, что они — кто старше, кто моложе — // Остались там, и не о том же речь, // Что я их мог, но не сумел сберечь, — // Речь не о том, но все же, все же, все же...»

А может быть, оставить звучащие в будущее *щмящие* слова из последней строки «но все же, все же, все же...»

Позже, наряду со многими материалами (книги, статьи и др.) о Высоцком, прочитал суждения Юрия Карякина. Собственно, это был не какой-то вывод, подводящий какой-то итог творческого пути, а просто мысли, рассуждения о театре и его актере Высоцком, философа, публициста Юрия Федоровича Карякина, который, как и Юрий Трифонов, был членом художественного совета театра на Таганке.

*Юрий Федорович Карякин
(фото из Интернета)*

Если так можно сказать, с вариантами, напоминающими итоговый вывод, суждениями о Высоцком, сталкивался в наших кратковременных беседах с Юрием Федоровичем, но вот в книге его статей, интервью, заботливо составленной после кончины «Не опоздать!..» прочитал: «Мне кажется, как “чистый” поэт, “чистый” певец, “чистый” актер он — в каждой из этих ипостасей — сопоставим со многими и многим уступает. (Не признавать этого, по моему, — значит оказывать плохую услугу прежде всего самому Высоцкому.) Но вот в самом

сочетании, в “пропорции”, так сказать, в концентрации этих качеств, в сплаве самых разнородных элементов, в реальном воплощении их в этой именно личности, в ее универсальном артистизме и “легендарном темпераменте” (по выражению Юрия Трифонова) — здесь он не сравним ни с кем».

Именно последнее предложение из книги Юрия Федоровича Карякина — об индивидуальном сочетании *пропорций* в *гениальном темпераменте* и позволило мне обратить на него (это предложение) внимание.

Ранее я говорил о естественном желании Владимира Семеновича Высоцкого: поэт и актер надеются быть услышанными. Но ведь и я в записках тоже надеюсь быть услышанным. Кем и благодаря чему? У нас, «объединенных» этим общим вопросом и ответ напрашивается общий — *словом*. Поэт создает свое, опираясь на слово, актер произносит монологи, в отличие от поэта, написанные другим, я же пишу записки, опираясь на свое слово (и невольно буду надеяться на хорошее их восприятие). То есть оно — слово — одно для всех!? Ведь оно чем-то отличное, что отличает одного поэта от другого (я об интересах читателей), одного актера от другого (я об интересах зрителей), одного пишущего от другого (я тоже об интересах тех самых — других). Далеко от мысли об оригинальности вывода об отличиях восприятия слов — культура людей во всем своем многообразии различных факторов, соразмерно существующей (существовавшей) эпохе во многом определяет те самые «отличия» разных (поэт, актер) в отношениях к разным

(читатели, зрители). Это как бесконечная дорога к горизонту, которого нам никогда не достигнуть...

Уже прощаясь, Владимир Семенович устало улыбаясь сказал, что, мол, ты же обещал рассказать о Пражском чемпионате мира по хоккею с шайбой, куда уезжал при нашей первой встрече. И для убедительности незабытого обещания показал только что подаренный мной ему значок чемпионата. Я—то с удовольствием задержался, и начал было с Виктора Домбровского, судившего и этот чемпионат мира, плюс знаменитые «матчи века» с профессионалами. Мы с ним *задружили* еще с челябинских времен, и он мне рассказывал много интересного из закулисы подготовки нашей сборной к чемпионату мира в Праге... Но я видел перед собой порядком уставшего человека, и сам себя остановил, сказав о возможных будущих встречах...

К сожалению, жизнь Владимира Семеновича Высоцкого закончилась весьма скоропалительно в августе 1980 года. Думаю и надеюсь, что он «прочитает» записки, с моими рассказами о нем... и о недорассказанном...

* * *

15. Александр Каунов и «комсомольская» путевка Евг. Евтушенко в Челябинск * «Евтушенковед № 1» Юрий Нехорошев * Встреча с Андреем Вознесенским...

...1976 год — рано утром звонок моего друга Саши Каунова (он ночным рейсом прилетел из Москвы): мол, есть возможность пригласить Евтушенко в Челябинск; он никогда у нас не был и готов приехать, но нужно организовать приглашение и выступление! Каунов знал и мою дипломную работу «по Мандельштаму», и непреходящую любовь к стихам Евтушенко. И вот я на работе — у Александровича, перескакивая с одного на другое, пытаюсь изложить преимущества от такого приглашения по инициативе обкома комсомола популярнейшего в Союзе поэта для выступлений перед молодежью, в домах культуры наших крупнейших предприятий в Челябинске, Магнитогорске и других городах.

Из своего кабинета Александрович предлагает позвонить Евтушенко, согласовать с ним приезд и прочие вопросы, что я делаю. Евгений Александрович удивился такой оперативности: вроде бы только вчера вечером простились со знакомым Евтушенко свердловским поэтом Владимиром Дагуровым и его другом Кауновым из Челябинска, кому он оставил свой телефон в Переделкино, и уже утром звонок с приглашением. Обменялись с ним координатами и договоренностями, после чего Юрий Михайлович убедившись в реальности этой спонтанной идеи, пошел в обком партии. Вернувшись минут через пятнадцать, сказал о положительном решении на приезд, что нужно согласовать приглашение с областной организацией союза писателей, которая будет дальше обращаться в Союз писателей и предложить программу выступлений поэта в Челябинске и других городах.

А дальше — большая организационная работа: Александр Андреевич Шмаков, председатель Челябинского отделения Союза писателей, Павел Яковлевич Ромаровский, директор Челябинского дворца спорта «Юность», секретари горкомов комсомола намеченных в программе городов и секретари парткомов крупнейших предприятий, редакции газет области... И каждый мой звонок куда-либо от имени Александровича принимался к исполнению, ибо авторитет его в партийно-комсомольской среде был высок, а возможность принять у себя известнейшего поэта, как правило, принималась без каких-либо сомнений.

Сказать, что интерес к выступлениям поэта был велик — все равно, что ничего не сказать. Где бы он не выступал залы были переполнены: будь-то многотысячный зал дворца спорта «Юность», где Евтушенко в привычной для себя обстановке трижды выступал перед слушателями, будь-то дворцы культуры металлургического, трубопрокатного, тракторного заводов, будь-то выступления перед трудящимися городов Миасс, Златоуст, Чебаркуль, будь-то зал Челябингипромеца (о чем втихаря договорились с Юрием Трахтенбергом)...

Е.А. Евтушенко на Площади Революции в Челябинске, 1976 г.

Вот с финальной поездкой в легендарную Магнитку возникла неожиданная проблема — дело в том, что накануне выезда в город Евтушенко получил известие о кончине его большого друга, поэта-фронтовика Михаила Луконина, и я боялся срыва дальнейших выступлений. Но он меня заверил в том, что после траурного прощания, он обязательно сразу же прилетит из Москвы в Магнитогорск, где и проведет запланированные выступления. Примечательно, что прилетев в Магнитку, его сразу же пригласили на встречу в горком партии, где вручили ему большую *друзу* горного хрусталя. Но поэт, поблагодарив за подарок, попросил отложить вручение, когда после выступления перед трудящимися комбината и жителями города он заслуженно и с удовольствием примет этот уже заработанный

драгоценный подарок, что и получилось. Ну, рассказ о его посещении цехов Магнитогорского металлургического комбината — это был бы особый рассказ о встречах поэта с работниками мартеновского, листопрокатного, доменного цехов и два выступления перед жителями города в Домах культуры были встречами с чтением стихов.

Кто-то из сопровождающих лиц шутливо зафиксировал, что поэт Евтушенко четыре раза «пересекал границу» ...Азия–Европа, пролегающую по реке Урал, и при пересечении границы его сопровождала многочисленная группа лиц во главе с секретарем горкома партии.

Во время отлета из Магнитогорского аэропорта в Москву произошло неожиданное, с *поэтическими* последствиями происшествие. Выходя из

машины, и сделав несколько шагов, поэт почувствовал, что на обуви порвался шнурок, и дальше идти было весьма затруднительно: только хромя или босым. Секретарь Магнитогорского горкома партии Александр Леонтьевич Паукин не растерялся и тут же вытащил шнурки из своей обуви и передал их поэту. Дойдя до места регистрации на рейс, Евтушенко прочитал только что сочиненную строфу: «На российских просторах // я останусь в веках // В беспартийных ботинках // Но в партийных шнурках».

Так заканчивалось 12-дневное пребывание Евгения Евтушенко на Южном Урале, сопровождавшееся потоком публикаций в газетах, как областных, так и в заводских многотиражках. Я был несказанно признателен Саше Каунову за помощь в организации успешного пребывания поэта в нашей области, о чем Евгений Александрович постоянно говорил.

А уж сколько стихов Евтушенко он знает! Собственно, почему они и *зацепились* друг за друга в Центральном доме литератора, после чего и был Сашин звонок мне, когда он вернулся, и я — к Александровичу, и Юрий Михайлович пошел для согласования прилета поэта в Челябинск в обком партии, и я позвонил от Александровича Евтушенко, после чего помчался к А.А. Шмакову, и потом к П.Я. Ромаровскому... И «закрутилась» машина, и во Дворце спорта «Юность» по согласовательному стремлению его директора

Е.А. Евтушенко и А. Шитов

(Ромаровского) устроить праздник поэзии для челябинцев, а потом они — челябинские слушатели — получали удовольствие от выступлений поэта...

Вот что получилось из одной экспромтной встречи двух «шестидесятников» — Каунова и Евтушенко, которые некоторое время поупражнялись друг перед другом, всего лишь, в знании стихов... Я неустанно повторяю о нашей принадлежности к тому времени *сквозной умонастроенности* эпохи, когда встречи определялись *в тонах и оттенках*... Для моей библиотеки, где стояли сборники Евтушенко, и несколько папок *досье* на него, с газетно-журнальными

публикациями, он оставил автографы на своих книгах, и надписал газетную публикацию со стихотворением «Памяти Шукшина» — «Дорогому Саше Шитову, к сожалению, нерешитову!»

...Так получилось, что уже весной *1977 года* я испытал начало последующих прелестей евтушенковского гостеприимства, после нашего, так сказать, комсомольского шефства. Командировка в Москву, звоню Евтушенко, и по его рекомендации «держу» звонок (могу быть на кухне, или еще гденибудь, и не услышать), слышу его голос, голос запыхавшегося человека (он пояснил: мол, дверь уже закрывал, и вот услышал звонок и вернулся). Я тут же назвалса и он говорит: мол, ко мне в Переделкино не надо приезжать, а встретимся в ЦДЛ, там я устраиваю прием в честь делегации из Великобритании, там и увидимся... Да, кстати, свою настойку не забыл привезти?

Тут надо пояснить: о чем идет речь. Когда я первый раз приехал в Переделкино, он был один. Так как приехал в назначенное время утром, то он сразу же по-хозяйски спросил, буду ли я есть, он как раз готовит завтрак, так что садись и будем шампанское... Расставляет какие-то тарелки, выходит и возвращается из комнаты с двумя высокими бокалами. И говорит, как мне помнится: мол, ты ведь с Урала — вот и отгадай из какого камня эти бокалы выточены по моему заказу земляками-камнерезами из Иркутска, а я пока что-нибудь принесу... Сижу, тупо гляжу на это камнерезное искусство, и одна мысль у меня колотится в голове: «Из какого же камня?» Ведь у меня кроме малахита и яшмы что-то ничего не задерживается в памяти, а уральскую-то марку терять не хочется... Он заходит с какими-то тарелками, и смотрит с улыбкой на меня. Что меня натолкнуло на произнесение названия этого камня, убей меня бог, до сих не понимаю (и сегодня, если покажете мне вновь эти бокалы, или что-то подобное из этого камня, ведь не назову). А тогда? С показушным видом знатока смотрю задумчиво на эти бокалы, и, как бы размышляющее-задумчиво, говорю: «Мне кажется, Евгений Александрович, у Вас царский подарок, как мне кажется эти бокалы выточены из ... нефрита!» Почему я назвал этот камень — не знаю, не понимаю, и разницы между нефритом и знакомыми мне малахитом и яшмой не знаю... Но искренняя реакция поэта была мне в награду: «Вот чувствуется, что человек с Урала! А другие, кто на них смотрел, не могли назвать! Молодец!» Я было пытался как-то извиняющее выкручиваться из моря этой поэтической похвальбы, обрушивавшей на меня... Но признаюсь, в то время, тем более после такой везения с угадыванием камня, как-то стыдно было признаться в своем незнании предмета... Единственно, какое-то спасение увиделось мне в начатом разговоре между нами о моей дипломной работе «по поэзии Мандельштама», которую привез, чтобы показать ему. Конечно, этот разговор

для меня был для меня спасительным, уведшим в сторону от малоприятной незаслуженной для меня похвалы...

Так вот, о напоминании мне Евгением Александровичем о настойке. Вот уж тут я мог смело говорить о мастерстве изготовления этого потрясающего напитка, инициатива чего имела тоже свои истоки. За разговорами с поэтом, попивая шампанское из каменных бокалов, я попытался описать готовящую мной с *1968 года* настойку под названием «солоуховка». С тех пор я честно называю мой напиток именем автора, у которого я вычитал, благодаря рекомендации моего товарища Павла Рабина, который был на нашей свадьбе с Милой свидетелем в нашем районном ЗАГСе, как и Юра Трахтенберг. Изначально автором изготовленной мной настойки был Владимир Солоухин, написав всего несколько слов в своей изумительной книге «Третья охота», где нет описания охоты на зверя, рыбной ловле, а только о другой охоте — грибной и травяной (сбор), чем богаты русские леса..

Не описывая простой рецепт, экспериментально выведенный за многие годы, скажу, на мой взгляд, о главном преимуществе, о котором всегда напоминаю мужчинам, которым рассказываю о нем: «Старайтесь не давать пробовать изготавливаемый напиток вашим женам — отберут!» И сколько слышал я реплик на эту глупость: «Чего? Моя? Да она на дух не берет водку!» Это на мое объяснение об основе «солоуховки» — русской водке! Но, как правило, те самые потом опять как-то добирались до меня с просьбой — повторить рецепт уже под его запись... Через годы разных застолий мои друзья предложили называть уже эту экспериментальную настойку «шитовкой», шутливо предлагая мне использовать все возможности для патентования. И на сегодняшний день могу с ними согласиться с патентованием, ибо побывав во многих странах Европы, Америки, Северной Америки, естественно попробовав соответствующие горячительные напитки могу согласиться, что те самые напитки, как ни странно уступают по *вкусу* настойки на простой русской водке... Да, чуть не забыл — пить «шитовку» надо не из стаканов, а из маленьких рюмочек ёмкостью по тридцать–пятьдесят граммов. Ну, вот теперь все — об изготовлении нашей настойки!

...Возвращаясь к назначенной встрече в ЦДЛ и к ситуации о «шитовке». Я так расписывал ее достоинства, что тогда, за нашим экспромтным завтраком у Евтушенко с шампанским, он воскликнул, что же я расписываю, а не угощаю, о чем я и пообещал в следующий раз исправить положение дел... И когда я полетел в Москву, то жена Мила напомнила мне об обещании поэту. Помню, сказал, что ему делать что ли нечего на фоне его проблем, как

помнить об обещании подготовить и привезти какую-то настойку, но тем не менее приготовил две бутылки.

Пришел в ЦДЛ, без труда нашел застолье, окинул взглядом — человек тридцать, из которых тут же *опознал* будущую жену поэта Джан (мы уже встречались с ней в Переделкино), Окуджаву, Аксенова, Искандера. Хозяин встал, обнимая меня представил своим гостям: «Это мой друг из Челябинска, крупный партийный работник (шепчу ему на ухо: мол, я комсомольский, а не партийный работник, и никакой не крупный, а он также шепотом: а где настойка? — в гардеробе в плаще! — неси! — за такой восхитительный стол? — неси, что обещал!) Поворачиваюсь и ухожу, оставив недоуменных гостей за столом. Через пару минут возвращаюсь. И опять хозяин встает: «Друзья мои! Видя ваши малорадостные лица еще раз представляю своего друга из Челябинска, который кроме того, что он комсомольский работник, он автор первой в СССР дипломной работы в Уральском университете по поэзии Осипа Мандельштама!» Вижу сразу же изменившиеся взгляды гостей: «О, Мандельштам!..» Хозяин стола показывает пустующий стул: мол, Саша, это для тебя. Сажусь, слева женщина-англичанка, справа у стены — о, обалдение! — Василий Аксенов!

Хозяин стола Евтушенко *ведет* застолье, и держа мной принесенную бутылку «шитовки», говорит: мол, кроме того, что я такой-то, и такой-то, но и делаю прекрасную по вкусу настойку, и он предлагает всем попробовать... Пока это все происходит, я не обращаю внимания ни на кого — сижу рядом с любимым моим писателем Аксеновым рядом — и даже о чем-то пытаюсь с ним говорить... Правда по своей баскетбольной привычке бокового обзора вижу, что только гости-англичане, судя по всему, из вежливости к хозяину стола, и из любопытства к высказанной им рекламе о госте-изготовителе какой-то удивительной по вкусу настойки, смело протягивают ему маленькие рюмочки... И только я повернулся к Аксенову что-то сказать, как среагировал на реакцию англичан, ведь я же не успел их предупредить — как надо выпивать настойку, и чем закусывать... Встал и запоздало показываю им: мол, вот этими малосольными огурчиками и помидорами закусывайте, что стоят на столе... Ну, а последующая реакция и англичан и других гостей меня напрочь удивила — увидел протянутые рюмки к Евтушенко: мол, и нам тоже... «А-а-а, — сказал он, — распробовали, я же говорил что это удивительный напиток...» Окуджава говорит: мол, хоть мне врачи и не рекомендуют, но видя такой эффект не могу не попробовать, так что Женя давай и мне тоже...

Я разрывался между своим интересом поговорить с Аксеновым, но слышу как Евтушенко говорит об Искандере. После краткого пересказа чего-то из Искандера, Евтушенко и говорит: мол, в общем-то это то, что написал

всеми любимый Фазиль... После чего встал Искандер, и с привычно-недоуменным выражением лица говорит уж совсем неожиданное: мол, я и понятия не имею, о чем тут рассказывал Евтушенко, но могу сказать совершенно определенно — завтра же сяду за написание этого самого рассказа...

Уже гости выпили еще по одной и последней, потому что ведь была одна бутылка на всех, а гостей же было человек тридцать, т.е. кому досталось, ну, а кому-то... Помню как после выпитой второй рюмки все пятеро англичан вытащили что-то подобное записным книжкам, достали ручки, и выразительно посмотрели на меня: диктуй рецепт! Аксенов говорит: мол, ты, Саша, фунтами не бери, если будут предлагать, а проси за такой уникальный рецепт только доллары... Ух, как англичане выражали протест против такого непонимания международной ценности их валюты, но я, поглядев на Аксенова, сказал — ладно, ладно спорить, это же ведь подарок, это бесплатно, это же для удовольствия... Ведь может быть удовольствие для людей, как вы об этом писали в своем произведении «Мой дедушка — памятник», излагая варианты мыслей Гены Стратофонова, или в «Затоваренной бочкотаре», которые удивительно *множились и ветвились* в фантастических вариантах персонажей...

И я переключился на своего любимца — Василия Павловича Аксенова в спешке успеть, успеть как-то *выплеснуть* накопившуюся любовь к его творчеству, начиная еще с повестей «Коллеги», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора» и других его книг и фильмов по его повестям... А его ответная реакция в нашем разговоре была обусловлена интересом к моей комсомольской работе, дающей возможность получить ответы, как он говорил, прямо из первых рук практика, а не от журналистов или критиков... Конечно, мы говорили и о времени, в котором мы живем, правда, он понимал, что это время мы по-разному воспринимаем и оцениваем, исходя хотя бы из-за возрастных особенностей, и образования, не говоря уже о взаимоотношениях с родителями. У Аксенова — репрессированные родители, в отличие от меня, Аксенов, в силу своего таланта сумел своей стилистикой вдохновить миллионы читателей, и создать противников, в лице власть предержащих, а я был только в числе вдохновленных им, и никак не понимал отношение тех самых «предержащих».

Как показали последующие события, наступившие через пять-десять минут после нашего уединения *для покурить* куда-то в непонятные для меня лабиринты ЦДЛ, как нас нашли, и все куда-то, как-то отложилось на какое-то неопределенное время отложилось и перенеслось...

При возвращении за стол продолжился *разброд и шатания* в массах, начались образовываться какие-то компании «по интересам», и как-то получилось, что рядом с Евтушенко, Окуджавой, Джан, помогавшей как переводчик, подошедшими Аксеновым и мной сгруппировались гости из Великобритании. Возникали и обсуждались какие-то творческие и деловые вопросы, куда и я был втянут, получив от них, с присущей им вежливостью визитные карточки. Так я и узнал гостей, которых принимал Евтушенко с присущей ему щедростью и в стране, чей визит он устроил, и за столом, и в другое время общения с ними других своих друзей-писателей — Илэйн Файнстайн, известный автор научно-фантастических романов Брайан Олдисс, поэт Джон Столлуорси, драматург Тед Уайтхед, писатель, поэт и музыковед Чарльз Осборн (он был литературным директором Совета по искусствам Великобритании)...

Евгений Александрович позже мне рассказывал о реакции тогдашних гостей на такую экспромтную идею встречи — с Окуджавой, Аксеновым, Искандером... и добавил с улыбкой: и с тобой... На вопрос: «Чем же я их заинтересовал? Ну не настойкой же?» — он ответил: мол, и настойкой тоже. «Но, — добавил он, — кроме твоего неожиданно-великолепного угощения, мне кажется их поразило то, к чему собственно я и стремился, — что комсомольский работник, несмотря на имеющиеся препоны правящей Системы в стране, имеет возможность заниматься исследованиями очень сложной непростой поэзии Осипа Мандельштама, публично защищать дипломную работу в университете, и продолжать заниматься своей такой специфической работой. Они видели и слышали как ты общаешься с Аксеновым, какой уровень твоих взглядов и суждений... Они же после нашего застолья имели возможность беседовать с Аксеновым, где он говорил и об уровне вашего с ним разговора... Так что, Саша, ты оказался в Москве очень кстати, и помог мне в показе разнообразия общения в нашей стране...»

...Перед вторым его посещением Челябинска, было бы важно здесь сказать о продолжении моей связи с обкомом комсомола (где я уже не работал) через Евтушенко... Много лет я собирал по разным источникам библиографическую информацию о стихах поэта и статьях о его творчестве. И вот к концу *1980 года* решил подвести черту в моих поисках, напечатал дома на пишущей машинке страницы библиографии — на которых обработка трех с половиной тысяч карточек, и повез свою работу поэту в Переделкино. Предварительно получил поддержку от обкома комсомола на издание такой библиографической книги. Приехал, вручил папку с драгоценной для меня

работой, и столкнулся с неожиданным для меня равнодушным отношением Евтушенко к такому моему подарку.

Видя мою реакцию, жена поэта — англичанка Джан Батлер (именно «Джан», как она меня поправила, когда я в разговоре с ней, обратился, как к «Джоан», или «Джейн», не помню уже), филолог и переводчик русской литературы на английский язык пояснила, что, мол, Женя равнодушен к таким подаркам ибо подобной работой занимаются в Москве другие. Сам Евтушенко, услышав, ободряюще улыбнулся мне и пояснил: что подобной стороной его творчества уже много лет занимается Юрий Нехорошев, вот его телефон, может быть, ему будет интересна моя работа. Если бы знал Евгений Александрович, какой он мне подарок сделал, подарив встречу с этим человеком.

Позвонил Нехорошеву, уточнил непростой для нахождения адрес (для командировочного) и поехал с тремя пересадками на общественном транспорте после метро. Меня тревожила существующая договоренность с обкомом комсомола на книгу, которая мысленно уже распадалась в перспективе. Юрий Сергеевич полистал минутой-другую мои страницы и вынес приговор: работа, конечно, интересная, но зряшная. И, вероятно, чтобы обида меня не добила, предложил пройти в его рабочую комнату. То, что увидел, до сих пор помню — на трех функционирующих стенах полки, полки, полки с книгами и папками, с надписью «Евтушенко» том первый, и далее до десятого тома, а рядом с тахтой небольшой шкафчик, как в библиотеке с библиографическими карточками (как он гордо сказал — здесь около тридцати тысяч).

Возвращаясь к стене, где стеллажи с папками, наполненными машинописными страницами, я не мог не обратить внимания на прикрепленный флаг ВМФ и офицерский кортик. Его ответ на мой вопрос — «А это все, какое имеет отношение к поэзии Евтушенко?» — поразил меня: «Я — кавторанг, капитан второго ранга в отставке. А здесь это все находится по причине моего спасения от “ничегонеделанья”. Я командовал одним из основных подразделений на атомных подводных лодках, и чтобы не сойти с ума после вахты запасался на время моих *автомонок* пачками бумаги, лентой, копиркой разного цвета и машинкой “Эрика” для перепечатки нужных мне материалов, которых собирал заранее». Дальше он пояснил, почему использовал копировальную бумагу разных цветов — это необходимо для выделения в машинописных текстах отличия: цензурные, изъятые самим поэтом при дальнейших перепечатках, для отличий первых публикаций от последующих в сборниках и т.д. И когда я сказал ему: ведь для подобных

уточнений надо менять каждый раз копирки, он ответил, а куда торопиться в автономном плавании...

...После краткого знакомства с архивом Нехорошева, я тогда же стал осознавать, что вижу ВСЁ о поэте Евтушенко: его различные публикации, установленные разночтения в стихах, как литературные, так и цензурные в разных изданиях, и т.д. и т.п. Я был потрясен увиденным и услышанным, но собравшись с духом, предложил Юрию Сергеевичу совместную подготовку книги библиографии Евтушенко для издания ее в Челябинске. Ответ был по-военному, без всяких бляний бе-ме-бе: согласен, но не смогу помогать тебе, ибо по договоренности с библиотекой в Ленинграде имени Салтыкова-Щедрина готовлю библиографию «по Евтушенко», но совсем по другой структуре, отличающейся от тобой предложенной, но можешь приезжать в

Юрий Сергеевич Нехорошев, капитан второго ранга, «Евтушенковед Номер Один».

(Семейный архив Нехорошевых)

Москву и заниматься с моей картотекой. Согласен? Конечно, согласен, ответил я, помятуя и о договоренности по изданию книги. Вернувшись в Челябинск, пошел на встречу в пединститут, агитировать за «гриф» на книгу, т.к. обком комсомола заинтересован и в согласии на такой же «гриф» областной публичной библиотеки.

Так и получилось: еще год в Москве, решая поручения и задания по командировке, работал на квартире у Юрия Сергеевича с его картотекой в сопровождении потрясающей жены его — Ирины Григорьевны, скульптора и художника. Это ее кавторанг Нехорошев «уговорил» поменять работу в красивейшем городе Таллинне на беспокойную и весьма нервную жизнь жены морского офицера, обеспечивающего атомную безопасность реактора в условиях автономного плавания, длящего в единовременном походе до полугода. При ее заботливом сопровождении я успешно закончил работу, и согласовал ее с соавтором, без которого желаемая полнота книги не получилась бы. Решив все необходимые организационно-финансовые вопросы, сдал нашу рукопись в типографию.

Наконец, в конце декабря *1981 года* долгожданный звонок из типографии — книги забрал, звоню Нехорошеву, поздравляю с выходом и благодарю его за профессиональное, терпеливое содействие, и заботливое шефство Ирины Григорьевны. В январе лечу в Москву, передаю кучу экземпляров для него, и мы едем в Переделкино, вместе порадоваться за выход в Челябинске *первой в мире книги* — персоналии библиографии Евгения Евтушенко.

А теперь самое время будет уместно сказать, что без поддержки Юрия Михайловича Александровича этой книги не было бы — его первоначальная разрешительная поддержка приезда поэта

в Челябинск, организация выступлений в городах области, его поддержка при решении организационно-финансовых проблем издания этой первой в мире книги «Евгений Евтушенко» при моем участии, ибо не закончились остаточные «наезды» на меня со стороны «органов», а Юрий Михайлович не переставал меня поддерживать, и, наконец, полная его организационная поддержка второго приезда Евтушенко в Челябинск в *1982 году*.

Справа налево: Александр Каунов; Виталий Волович, график, чьи изумительные работы в музеях мира; Александр Шитов. Свердловск, мастерская, 1982

...К тому второму посещению я вновь имел непосредственное отношение, но оно было опосредованным, просто друзья-товарищи по обкомовской работе оставались, да и Александрович, хотя и находился в Москве на учебе в Академии общественных наук

при ЦК партии, но связи с челябинскими комсомольцами не терял. Мне тогда позвонил сам поэт, книжку о котором с «евтушенковедом № 1» Юрием Нехорошевым мы уже издали (поэтому мы связь поддерживали). Евгений Александрович сказал, что у него в Грузии заканчивается демонстрация большой выставки фотографий, она перемещается в Свердловск, и если есть интерес и к такой стороне его творчества, то можно из соседнего города потом привезти фотовыставку в Челябинск. Я позвонил друзьям, которые могли бы помочь в организации, и все завертелось...

Пишу об этом и вот по какой причине: популярнейший поэт, несмотря на фантастическую загруженность обязательствами и творческими делами был, что для меня до сих пор удивительно, человеком слова.

На фото слева направо: Алексей Смирнов, руководитель областной организации союза художников; Тенгиз Махарадзе, главный режиссер Челябинского ТЮЗа; А. Шитов; Е.А. Евтушенко; Константин Скворцов, ответственный секретарь областной писательской организации; фамилию водителя не помню; Александр Золотов, директор Южно-Уральского книжного издательства. Челябинск, 1982 г.

Так получилось, что открытие выставки в Челябинске складывалось на 8 мая, а он находился за границей. Евтушенко позвонил мне из Праги и пообещал, что он прилетит в запланированный срок, и отменять открытие нецелесообразно. Через несколько дней, закончив участие в приготовлении к открытию персональной фотовыставки, я уже 8 мая — накануне дня Победы —

– встречал поэта в нашем аэропорту. Были выступления со стихами в выставочном зале Союза художников России, где открывалась, и демонстрировалась фотовыставка, были и новые встречи поэта на металлургическом и тракторном заводах, педагогическом институте, областной публичной библиотеке... Большая беседа с Евгением Евтушенко у меня состоялась после выступлений перед трудящимися города, и была напечатана в «Вечернем Челябинске» *13 мая 1982 года* под названием «Пора уральских стихов», где мы говорил о многом в его разнообразном творчестве...

Самое главное, на мой взгляд, бывая на многих его концертах в Москве, на предприятиях в Челябинске, не мог отделаться от какого-то наваждения, которое, сам того не подозревая, мне пояснил мой давний друг еще с детства, сталевар Челябинского металлургического завода. Мы с ним случайно встретились на юбилейном концерте поэта в Кремлевском дворце съездов (помню, дело было удивительно жарким летом, возможно, в августе, но помню только совершенно точно — концерт вел Михаил Задорнов, который читал любимые мной главки из поэмы «Казанский университет»).

Кто бывал там, вероятно, помнит, что-то свыше пяти тысяч человек вмещал этот зал. Были мы на этом концерте вместе с Сашей Кауновым, и радовались тому, что несмотря на фантастическую жару этот зал был сверхполон (люди сидели и в проходах). Когда мы встретились с моим другом-сталеваром, а он был в Москве по каким-то депутатским делам, то его старший сын все крутил головой, с недоумением глядя на зал и балкон, и все спрашивал отца: зачем эти люди пришли сюда, чтобы слушать стихи? А кто он такой — этот Евтушенко, ведь не уровня Пушкина или Лермонтова? Отец ответил: слушай, а потом после концерта поговорим, тем более знатоки поэзии Евтушенко (это он о нас с Кауновым) с нами будут.

И позже, когда я с ними сидел в кафе (Саша умчался домой, к семье), то мой друг-сталевар сказал мне: мол, мне понятно, почему и у нас на заводе, а потом во дворце культуры, наши *ломались* на его выступления: Евтушенко каким-то манером сумел так сказать нам всем, подчеркиваю — именно всем присутствующим, с разным уровнем образования, и положения на работе, что мы и есть народ, народ для кого они и пишут стихи...

И это правомерно для него и для общего народного дела, что заглавие гигантской работы, которую он взвалил на свои плечи — «Поэт в России — больше, чем поэт». Это я о томах антологии, включающих в себя десять веков русской поэзии, с XI по XXI век. В книге автор-составитель Евгений

Евтушенко собрал все лучшие стихи, которые были написаны в стране за всю ее историю, — от памятников древности до творчества современных поэтов. Однако главная цель в стиле «шестидесятников» — сделать эти тома общедоступными, чтобы антология попала в школьные и вузовские библиотеки страны пока не получалась. Но и возможности поэта весьма ограничены...

Все-таки, в контексте записок, убежден, надо сказать о непреходящей роли «евтушенковед № 1» в подготовке к изданию, и оставшемуся в веках нашей истории Первого собрания сочинений Е.А. Евтушенко. Основную тяжесть работы взвалил на себя Юрий Сергеевич — составление, подготовка текста своеобразного комментария, названного «Пунктир»: это выборки из всего того, что написано о Евтушенко самыми разными людьми, сторонниками и оппонентами. Но вот составление каждого тома оставалось неизменными в главной цели — показать поэта в хронологическом развитии.

И надо отметить, существовала по определению двоих, нацеленность в отборе стихов на времена «шестидесятников», подчеркиваю — на времена, а не на произведения...

Нехорошев считает, что «Пунктир» надо давать в конце каждого тома, что и делает с большим удовольствием, используя свою колоссальную библиографическую информацию и хранящиеся у себя публикации, в чем я мог убедиться при подготовке нашей книги «по Евтушенко».

Ведь кроме этой многогранной работы, Юрий Сергеевич — сотрудник Курчатовского института — ведет серьезную работу по атомному проекту. Он несколько лет назад был помощником академика В.А. Легасова, сразу же направленного на ликвидацию последствий Чернобыльской АЭС. Можешь представить себе, читатель, какая разносторонняя профессиональная подготовка была у такого «евтушенковеда», и как дружба с ним, и по сей день, способствовала расширению моих знаний, притом, что я в те же годы занимался аудиторскими проблемами предприятий в Озерске (ПО «Маяк») и Снежинске (ВНИИ ТФ).

Я почему и об этом здесь пишу. За время многих лет нашей дружбы с Юрием Сергеевичем, мы много говорили о «шестидесятниках», их влиянии во времени, и, естественно, переходили к творчеству Евтушенко. Он, по приглашению руководства Курчатовского института (инициатор Ю.С. Нехорошев) приглашался для выступлений среди узкого круга друзей, с кем можно было говорить не оглядываясь. Поэтому, думаю, *вербовка* руководства и ведущих специалистов института в число «шестидесятников» проводилась ими в беседах и чтении стихов, без напряжения и с удовольствием от чувства выполненного долга.

...Ранее я говорил о коротком знакомстве и с Андреем Вознесенским, но, полагаю, самое место рассказать об этом немного подробнее, тем более, именно мои комсомольские годы создали для этих встреч условия.

Году в *семьдесят третьем*, будучи в командировке в ВКШ при ЦК ВЛКСМ узнал, что будет выступление Вознесенского в киноконцертном зале этой Высшей комсомольской школы. О чем говорить со мной — человеком, который именно со стихов Вознесенского и Евтушенко стал формировать для себя условные досье сначала на них двоих, а позже и других поэтов (Мандельштам, Ахматова, Пастернак) — конечно, пойду на концерт!? Пришел на выступление, и когда наступил перерыв после первого отделения, каким-то образом добрался до поэта, который в это время, как мне показалось, растеряно оглядывался по сторонам, что-то сказал ему, подбадривающее, и тихонько-тихонько увел от друзей-комсомольцев в коридор *на перекур*. Представился ему: мол, я из Челябинска, давно собираю, так сказать, досье на Вознесенского, в числе других (Пастернак, Ахматова, Цветаева, Евтушенко), выступал с чтением его стихов на любительских концертах, что я окончил Уральский университет с защитой диплома о поэзии Осипа Мандельштама в сопоставлении со стилистикой Маяковского.

Говоря о чтении его стихов подтверждал знание основы чтений — сборника «Треугольная груша», а также рассказывал о своей «охоте» за сборником «Антимиры» по киоскам «Созпечать» в нашем Metallургическом районе... Он предложил наш разговор и о содержании диплома о Мандельштаме и Маяковском продолжить завтра в Переделкино на даче, и продиктовал телефон... Прозвенел звонок об окончании перерыва, а после концерта его тут же срочно увезла машина ВКШ в другое место на выступление.

На следующий день, после звонка и разговора по телефону с ним, а потом с Зоей Борисовной Богуславской, четко объяснившей как до них добраться, приехал к нему. Встретили, пригласили за стол, разговорились.

Пожалуй, первый вопрос был у Вознесенского: мол, каким это образом комсомольский работник задумал такую сложную проблему дипломной работы, как поэзия Мандельштама в сопоставлении со стилистикой Маяковского. Ведь меня не могла миновать «двойственность» анализа: с одной стороны, сложная поэтика Мандельштама, а с другой — Маяковский, с несовместимостью: революционным барабаном, и нежной лирикой в душе.

Я выказал свое предположение, что это было для меня не так сложно, с одной, профессиональной стороны — Александр Сергеевич Субботин,

известный в литературоведении знаток творчества Маяковского и руководитель диплома, а с другой, мягко сказать, не совсем профессиональной — я, не имеющий соответствующей подготовки. Вот так сложился наш союз, изначально полупрофессиональный (специалист и студент), но уж после защиты дипломной работы... Рассказал им и о своих встречах с Надеждой Яковлевной Мандельштам и Николаем Ивановичем Харджиевым, и сути разговоров с ними, а также о переписке с Ефимом Григорьевичем Эткингом и Виктором Борисовичем Шкловским.

А дальше отвечал на их (Зои Борисовны и Андрея Андреевича) вопросы и задавал свои, например, об истории написания стихотворения «Реквием оптимистический по Владимиру Семёнову, шофёру и гитаристу», стихотворения, напечатанного в «Дружбе народов». Представьте мой шок на концерте, говорил я им, когда Вознесенский сказал: «А теперь прочту стихи памяти Владимира Высоцкого»... (напоминаю читателю, что это было году в семьдесят третьем). Выдержав паузу с «оханьями» (и у меня, присутствовавшего на концерте, реакция была соответствующая), когда поэт, улыбаясь, сказал: что Высоцкий жив и здоров, но он действительно был при смерти, то есть, у него была клиническая смерть, из-за того, что вдруг пошла горлом кровь и его вернули к жизни в реанимационной камере. Он написал об этом случае «Оптимистический реквием, посвященный Владимиру Высоцкому», но из-за существующего неофициального запрета на фамилию *певца с Таганки*, газеты и журналы, куда Вознесенский предлагал это стихотворение, отказывались в его публикации. Тогда он переделал Высоцкого на Семенова «шофера и гитариста», и последние строчки переделал: вместо «Высоцкий воскресе» на «Владимир воскресе». Если читатель откроет это стихотворение, то очень легко (спасибо Вознесенскому) заменит одно — вынужденное на другое — от поэта...

Конечно же, сказал Вознесенский, смехотворны печатные упреки в том, что Высоцкий не национальный поэт, что в нем нет ничего русского. Жаль авторов этих нападок. Они — глухие. Не слышат, не понимают такие его песни, как, например, «Банька по-белому», «Кони привередливые» и немало других. Во всех его песнях он размашисто ломает рамки нашего национального характера — с его юмором, широтой, с надрывом от того, что выпало пережить...

Была и такая ситуация в нашей беседе. Зоя Борисовна по каким-то делам вышла из комнаты, где мы сидели и говорили, и занялась какими-то делами на кухне. Андрей Андреевич вообще говорил тихо, но я слышал его без напряжения. Он наклонил ко мне голову, и как я понял из сказанного

ранее о написанном им «Реквиеме», что Высоцкий в беседе с ним как-то признавался, что, так сказать, «страшные» и глубокие по содержанию песни как-то сами «пришли» к нему после первой клинической смерти. Он имел в виду «Охоту на волков», «Баньки по-белому», «Купола» и несколько других, каких — он не успел сказать, просто вернулась жена, и тут же начались какие-то разговоры на тему, в которой я был заинтересован.

У меня было конкретное предложение к Вознесенскому, правда, устное, но не далее как вчера по телефону согласованное с Южно-Уральским книжным издательством — об издании сборника стихов поэта. Я должен постараться получить его согласие и обсудить с ним проект его (сборника) содержания. Пока я курил на улице, они с Богуславской обговорили наше предложение и согласились на определенных нормальных условиях. Мы стали обсуждать содержание, где, в частности, он считал, что публикация сборника, где будет ряд ранее не напечатанных стихов будет затруднительна для издательства, но я постарался разубедить его, ссылаясь на периферийный характер интереса цензуры к нашему издательству. Я знал, что стихи Вознесенского нравились одному партийному работнику, сразу же после посещения им спектакля «Антимиры» в театре на Таганке, куда он пошел «на Высоцкого», а позже с интересом читал и другие. Обо всем переговорили, и я довольный успехом попрощался с ними...

Вот так — через приемлемый «зигзаг» в творческом сотрудничестве с Евтушенко и Вознесенским, самое время перейти с другой стороны к моим комсомольским годам и друзьям.

* * *

16. Фестиваль советской песни в Челябинске * Евгений Катувльский + социологические исследования ВКШ при ЦК ВЛКСМ * Статья Л. Карпинского «Слово — тоже дело» и наши виртуальные дискуссии с автором * Дора Штурман о Юрии Трифонове * Рой Медведев + Ю.В. Андропов о Лене Карпинском...

...Задолго (кажется, за месяц) до проведения в Челябинске первого Всесоюзного молодежного фестиваля советской песни меня пригласил Ю. Александрович, тогда секретарь обкома комсомола, и сообщил, что собирает инициативных людей для оказания помощи в текущей организационной работе. Если я не возражаю, то надо оформить отпуск на работе, чтобы не чувствовать себя связанным продолжительной по времени ежедневной работой по фестивальным делам. Через несколько дней в середине **июля 1969 года**, когда мы (инициативная группа) собрались, то услышали: мол, для придания нам весомости, мы представляемся внештатными инструкторами на фестивальный срок. И началась оргработа...

Так я познакомился с удивительной женщиной — Александрой Николаевной Романовой, заведующей сектором культмассовой работы обкома комсомола, будущего моего начальника, когда позже перешел на штатную работу в обком. И вновь могу сказать о моем везении работать с ней, у которой — этой худенькой женщины — энергии было хоть отбавляй, и надо было крутиться под ее руководством, понимать, выполнять просьбы и команды. Как она успевала в сосредоточении получаемой информации, ее обработке и принятии решений, от какого *устройства* питалась ума не мог приложить — вероятно, как врач по образованию, знала свои *источники*. До сих пор, по истечении нескольких десятилетий чувствую в себе заряд энергии, полученной во времена «романовского» управления, и не только во времена фестиваля советской песни, но и после нескольких лет напряженной работы. Напряженной — *да*, интересной под общим руководством В.П. Поляничко — тоже *да*, и с восклицательным знаком! Естественно, что Александрович был более мощным источником энергии, в моем восприятии, что никоим образом не умаляет роли Александры Николаевны в моем становлении. Поэтому наша уважительная дружба и продолжается по сей день (она на сегодня — детский врач–невролог, кандидат медицинских наук, доцент.)

Кстати, это она, Александра Николаевна Романова, во многом способствовала началу наших отношений с Ларисой Коробицыной, организатором культурно–массовой работы областного управления культуры. Ну и что, скажет, вероятно, нелюбопытный читатель, мало ли подобных работников культуры встречаются в нашей жизни, тем более на комсомольской работе. Ан нет — она была не просто участница альпинистских походов высшей категории сложности (Кавказ, Памир, Саяны, Алтай), но и авторитетный организатор сплочения вокруг себя сторонников авторской песни. Это у нее, совсем на неожиданном круге дел, встретился со своим другом Юрием Трахтенбергом в другой многогранной ипостаси — организаторов клуба самодеятельной песни (КСП), одними из основателей Ильменского фестиваля, проводимого с 1973 года.

Юрий Трахтенберг
в жюри Ильменского фестиваля

В этой разнообразной компании Юрий Меерович был дружно выбран и назначен «министром иностранных дел» областного клуба самодеятельной песни. Как министр, даже в несуществующем правительстве, все равно должен ведать каким–то ответственным участком, то он добровольно и сознательно поручил *сам себе*, при аплодисментах поддержки окружающих, управлять связями со всей страной, в лице ее разнополосного песенного братства. И практически сразу же любимый ЧелябинГипромез, при поддержке Александра Иванова (начальника отдела) незаметно для руководства института увеличил число посетителей, ибо рабочее место Трахтенберга превращалась в неофициальный штаб разных людей, действующий в области культуры не один десяток лет. Он как бы становился удивительным центром концертной, творческой жизни Челябинска, средой обитания интеллигенции, этаким средоточием интеллектуальных интересов горожан, где посчастливилось бывать и автору этих записок. К сожалению, с учетом характера повседневной работы, мои посещения и участие в работе такого интеллектуального штаба, где просто парил неугомонный «Трах» (ласковое прозвище его друзей), иногда с усталой улыбкой, и с усталостью в глазах, а это довлело над ним все чаще, особенно в последнее время... Повторяю, к сожалению, наше общение с ним каким–то непонятным образом, возвращаясь к прошлому, каюсь, по моей

вине, затухало, до его внезапной неожиданной для всех кончины в сентябре *1994 года...*

Не могу в лихом эмоциональном развороте в своих записках, не вернуться в конец 60-х — к началу 70-х годов. Сошлось все — по наводке Трахтенберга я агитировал Александровича на свою командировку в Новосибирский Академгородок в клуб «Под интегралом», а в лице Ларисы Коробицыной, в отсветах ее альпинистской славы покорения вершин я оказался на пересечении интересов и суждений в отношениях к бардовской песне. В связи с Академгородком уже писал, что очутился там случайно, по стечению обстоятельств, и тем более не собирался участвовать в дискуссиях по осмыслению содержания песен бардов, да и вообще не отличался близостью интересов к таковому творчеству, просто не задумывался об этом.

Хотя мой друг Эдик Кох увлекался походами на байдарках вместе со своими друзьями, да и как увлекался! Был готов рассказывать — и ведь рассказывал мне об этом действительно мужском увлечении, показывал фотографии своих друзей, о разных перипетиях во время байдарочных путешествий и даже снятые им и еще кем-то любительские фильмы, пытаюсь, по-видимому, как-то увлечь меня, но... Даже когда вступал в действие его партнер по байдарочным походам, участник гипромезовского штаба (при Трахтенберге) — инженер Промстройпроекта, популярный гитарист Виктор Остапчук со своим инструментом... Чувствую, как будет меня увлекать джазовое направление, как-то мелькнувшее в моей памяти, в продолжении связи Виктора с Анатолием Грабчаком. Он — Анатолий Леонтьевич Грабчак, фантастический музыкант, был моим соседом (жил этажом выше прямо над мной) на улице Мира, где я и познакомился с его однокашником по обучению в Магнитогорске — Юрием Александровичем. С тех первых минут соседского знакомства с человеком, и стала формироваться — шаг за шагом — наша дружба с ним, протянувшаяся с *1966 года* (когда Александрович увлек меня с улицы на занятия делами в заводском комитете комсомола) по августовские дни его неожиданной кончины в *2008 году...*

И Эдик Кох и Виктор Остапчук пытались сагитировать меня на походы, на увлечение песнями у костра, но как-то в силу моего характера, это не всегда получалось. Вот джазовые ритмы, где был удивительно, в моем представлении, профессионально силен Остапчук, меня привлекали более, все-таки и мой сосед по дому Анатолий Грабчак был рядом с его рассказами о джазе... Это от него (Грабчака) впервые услышал о Диззи Гиллеспи, джазовом трубаче-виртуозе, Джоне Колтрейне, саксофонисте, Каунте Бейси, оранжировщиках и пианистах. И в дальнейшем как-то запросто, слыша ту или

иную джазовую мелодию, достаточно уместно и сдержанно можно сказать: мол, а — это ... и называл какую-то фамилию. И даже, когда попадал невпопад (что бывало), то мало кто мог меня поправить, кроме Грабчака и Остапчука, потому что мелодии этих композиторов редко звучали по *тарелкам* советского домашнего радио... Это я к тому, что фамилии американских джазистов как-то сразу на слух ложились, без какого-либо напряжения из-за непонимания *о чем* играли, в отличие от *понимания* слов бардовских песен...

Это знакомство, и до сих пор выговариваемые без запинки фамилии вышеназванных американских джазистов, сослужило мне дважды неоценимую службу. В первые месяцы начала работы в обкоме комсомола странная *кривая* обкомовских интересов вывела меня на контакты с нашими челябинскими джазистами в лице — до сих пор мне запомнившихся — Олега Тергалинского и Станислава Бережного, этих *пионеров* движения музыкально-интеллектуальной молодежи. Уже и не вспомню как в нашей молодежной среде за какими-то разговорами о досуге сложилось мне познакомиться с Сергеем Руцицом. Вероятно, это знакомство возникло в среде с которой я тогда активно контактировал — молодые ученые и специалисты. В отличие от меня он был «больной» на джазе, в нашем общении так или иначе возникала идея собрать таких «чокнутых» на джазовых мелодиях (на мой взгляд, неминуемо звучали в нашей памяти мелодии из американской «Серенады Солнечной Долины»), и провести какой-то семинар, с последствиями каких-то дальнейших шагов к джазовому фестивалю... Да, и мое общение весьма относительно-успешное с Тергалинским и Бережным, конечно же, влекло за собой какие-то организационные действия, а общение с Сережей доставляло мне простое удовольствие без всяких последствий бездействия.

...Как-то в домашнем разговоре у Толи Грабчака с Александровичем в моем присутствии и родилась идея каким-то образом *законтачить* с этой, пожалуй, совсем малознакомой джазовой молодежью. В то время, о котором пишу, кажется, оставались своеобразные отголоски громовых раскатов прошлых лет. Как показывала наша комсомольская практика, пожалуй, кроме меня в то время, для другого, была весьма затруднительна реализация этой идеи — я хотя бы фамилии мог произносить без запинки, и к месту, и в какой удобно ситуации, мог попытаться что-нибудь вразумительное говорить о джазовой мелодике. Вероятно, читатель, догадывается, что дело не в каком-то моем знании той самой мелодики, просто повезло на учителей уникальных — Анатолия Грабчака, Виктора Остапчука, и позже Олега Тергалинского и

Станислава Бережнова... Просто моя память каким-то образом наполнялась/заполнялась слышимыми мной терминами, определениями. Это и сыграло свою роль в развитии желанных контактах с Тергалинским и Бережновым, с кем я и попытался обсуждать проблемы возможного проведения джазового фестиваля, хотя бы, регионального Уральского уровня.

Существовала на то рекомендация ЦК ВЛКСМ, правда, носящая весьма обтекаемый характер: смотрите лучше на месте, но о нашем контроле не забывайте... Но из этой нашей затеи ничего не вышло, хотя прошли аж два семинара и совещания в Москве, но зато я познакомился с прекрасными организаторами джаза в нашей промышленной области. Они владели таким языком, что как бы мы не пыжились на комсомольской работе, этим языком джаза нам никогда не овладеть... Конечно, комсомол менялся, а иначе и быть не могло, но профессиональный язык искусства был не подвластен какому-либо запрету. Нет, временный запрет возможен, но срок этого времени определяет культура общества, стремящаяся развиваться под воздействием социально-экономических факторов...

Сан-Франциско, 1998 г. «Трифоноведы» — в первом ряду сидят (справа налево): Татьяна Патера; Дэвид Гиллеспи; Джон Гилрой; стоят (слева направо): Татьяна Спектор; Гарри Рой; Александр Шитов.

Другой случай везения у меня был в Америке, в *1998 году*, во время международной литературоведческой конференции AATSELL, где была создана и работала секция «по Трифонову». Там мы подружились с автором книги о творческом пути Юрия Трифонова из Баттского университета английского Кембриджа — молодым профессором Дэвидом Гиллеспи. Вероятно, читатель догадался, что в честь Диззи Гиллеспи, виртуозного джазового трубача, он, Дэвид был назван, имея без трубача свою фамилию, которую не надо было изменять. Об этом он мне рассказывал в Сан-Франциско, ибо я без запинки произнес его фамилию, чем он был слегка озадачен, и я, в свою очередь, рассказал ему о своем *знакомстве* с его фамилией еще в середине 60-х годов... И у него сразу же последовала смысловая *стойка* на мной сказанное: мол, так ты же из эпохи «шестидесятников»! Расскажи подробнее об этом периоде, что ты чувствовал *кожей* своей, так как вашу прессу читал, и кое-что знаю на примерах ваших известных поэтов и писателей... И *Остана* — в моем лице — *понесло*... (мне тогда показалось, что «Золотой теленок» отдыхал: конечно же, не с точки зрения юмора, а по энергии изложения, тем более, речь-то шла о «шестидесятниках», а Дэвид достаточно приемлемо говорил по-русски). Уже в аэропорту перед его вылетом из Сан-Франциско он надписал мне свою книгу о творческом пути Юрия Трифонова, вышедшей в университете английского Кембриджа, с добрыми пожеланиями и надеждами на встречи...

[Два слова о нескольких членах нашей секции «трифоноведов» на международной конференции AATSEL. Еще раньше мне посчастливилось прочитать книгу Татьяны Александровны Патеры «Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова» вышедшей в издательстве «Ардис» в 1983 году. Был поражен ее скрупулезному анализу прозы писателя, начиная со «Студентов». Особенное место было уделено разностороннему анализу повести «Дом на набережной», сопряженным с внимательной аргументацией непростой истории страны. Скажу только, что это исследование Татьяны Патеры сыграло большую роль при написании моих «трифоновских» книг... Только-только была защищена перед конференцией диссертация Гарри Роя на тему, которую можно свести к анализу женских образов, скорее — типов женщин в прозе Ю. Трифонова во многом на примере повести «Другая жизнь». После конференции он подарил мне экземпляр своей работы, после его выступления мы продолжительное время говорили о нюансах выбранной им темы, и это обсуждение, как он пояснил, будет в основе готовящейся книги в том же «Ардисе»... Татьяна Спектор очень профессионально занималась разносторонними подходами к проблеме

отражения религиозных исканий, а точнее — соотнесения существующих критериальных постулатов религии с прозой Юрия Трифонова, акцентируя внимание на сложнейшую, и в этом смысле, повесть «Дом на набережной». Вероятно, недаром через несколько лет она удалась от мирской суеты и стала инокиней Татианой... Даже и мне удалось «появиться» в такой международной компании «трифоноведов» со своей статьей «Философия исторической прозы Юрия Трифонова». Правда, уже на эту конференцию привез свою первую книгу «Юрий Трифонов 1925–1981. Хроника», изданную в Екатеринбурге в 1997 году (800 страниц).]

...Но вернемся к прерванному тексту.

Так и случилось в те годы со мной, с вовлечением в круг интересов бардовской песни. Именно в ходе абсолютного экспромта своего молчаливого участия в таковых дискуссиях, проводимым объединением «Под интегралом», уже тогда мандельштамовские мысли о «ворованном воздухе» как-то касались моего сознания. Я видел и слышал, как на моих глазах рождались только-только какие-то формулировки мыслей своим духом и формой обыденного сознания, хотя и сравнительно небольшого слоя наиболее раскованных таковым «ворованным воздухом». И это давало мне какое-то условное, наивно кажущееся преимущество во встречах с челябинскими организаторами авторской песни Ларисой Коробицыной Юрием Трахтенбергом — мол, я-то уже подобное слышал еще в Новосибирске...

Помню, процитировал понравившуюся мне запись на обсуждении в ходе Новосибирского фестиваля, и случайно как-то записанной по памяти: мол, *недоделанность бардовской песни соответствует недоделанности нашего обыденного сиюминутного сознания...* Я попытался в разговорах с моими друзьями пуститься в рассуждения об уровне бардовской песни, ссылаясь на фестиваль в Академгородке, как я ничтоже сумняшеся щеголял созвездием имен, как Галич, Высоцкий, Окуджава, Городницкий, Визбор, Ким, Кукин, Клячкин, Берковский, которые, в общем-то, вошли в историю русской культуры авторской песни. И перед кем щеголял ничтоже сумняшеся — перед Трахтенбергом? Вот уж на чем мы соглашались без допустимых споров, так это в том, что для большинства бардов был характерен эзопов язык.

И мне было невдомек, что слышимое тогда на фестивале в Академгородке, лишь по *касательной* прошло мимо меня, а с ними, своими челябинскими организаторами, я уже выступаю на том самом *пересечении* «интересов» и «суждений» в отношениях к бардовской песне.

Следует подчеркнуть, что и песни бардов и дискуссии по их поводу явились своего рода «пусковым механизмом» к продолжению уяснения

молодыми авторами и исполнителями реперных точек факта, так сказать, других мнений о текущей жизни не во всем совпадающими с официальной идеологией. Но у авторской песни, которая была, разумеется, всякой — и хорошей, и средней, и плохой было одно неоспоримое преимущество. Она была неподцензурной, а самое существенное, что ее—то, песню, можно запретить, но как проконтролировать запрет (какой же это действенный запрет без существующего контроля) — ведь при каждом с гитарой, а то и рядом с играющим на рояле и поющим что—то «из бардов» (или «из вагантов», как на пластинке) не поставишь контролера.

Думается, компромисс так и напрашивался в действиях как той, так и другой стороны. Эти неподцензурные гитарные слова песен напоминали птиц, перелетающих с ветки на ветку, игнорируя немислимых охранителей на каких угодно вышках. За ними же невозможно уследить: вы не пробовали «стрелять из пушек» по воробьям, ну, а по воздуху стрелять не пытались, чтобы его утихомирить?

Параллельно помнятся строчки А. Твардовского об удивительном *бессмертии* слова:

Время, скорое на расправу,
 В меру дней своих скоростных,
 Власть иную, иную славу
 Упраздняет — и крест на них.
 Время даже их след изгладит
 Скоростным своим утюжком.
 И оно же не в силах сладить
 С чем, подумаешь! — со стишком.
 Уж оно его так и этак
 Норовит забвенью предать
 И о том объявить в газетах
 И по радио...
 Глядь—поглядь,
 За каким—то минучим сроком —
 И у времени с языка
 Вдруг срывается ненароком
 Из того же стишка —
 Строка.

...Так, а в чем обещанный автором заметок *компромисс*? Не знаю, вот те крест, не знаю... Оказалось, существующие органы управления, независимо от

применяемых действий к слову стали как-то уставали бороться с воздухом, а позже, даже и другие незадействованные силы в таковой бессмысленной борьбе, фигурально выражаясь, просто махнули рукой на это, и ушли куда-то в сторону, оставив за собой, как думаю, действенную надежду, по-Галичу, что, как и «пуговица, сгодятся еще при случае»...

...Ну, а пока предлагаю вернуться в *конец 60-х годов*, когда меня закрепили в зоне фестивальной ответственности за Тракторозаводским райкомом комсомола. Уже не в первый раз повторяю о своем везении на встречи с интереснейшими людьми, дружба с которыми началась в мои первые, так сказать, внештатные комсомольские годы работы. Имею в виду своего друга — Евгения Даниловича Катульского, первого секретаря райкома, по возрасту на несколько лет старше меня, и неизмеримо опытней. Сколько же радостных и проблемных дней было прожито с ним в течение почти полувековой нашей дружбы — таковы были удивительные последствия случайного шефства в ходе подготовки фестиваля советской песни.

*Позже, когда и Катульский уже много лет в Москве, и я ушел из обкома комсомола, нет-нет, да и оглядываю тогдашних райкомовских работников, «примеряю» их поведение на Катульского, с одной только целью-вопросом: «Чтобы было, если бы ты был закреплен за каким-нибудь другим районом, вместо Тракторозаводского?» Будучи уже знакомым с другими секретарями райкомов, и не вдаваясь ни в какие пояснения, — однозначно отвечаю: «Ничего!» Подразумеваю под таким ответом только одно — навряд ли сложилась, как наша с Женей, практически **полувековая** дружба.*

А объем работы был поистине колоссальным. Посудите сами об участниках: популярнейший в СССР оркестр (полный состав) под управлением Юрия Силантьева, участие легендарного поэта Бориса Ручьева (специально привезли на машине из Магнитогорска), Александра Пахмутова и Николай Добронравов, Роберт Рождественский, Оскар Фельцман, Игорь Лученок, Анатолий Новиков, Эдуард Хиль, Галина Ненашева, Александр Масляков... А участники фестиваля — певцы? Всех нужно встречать, размещать в гостиницах, сопровождать в поездках по городу и встречах на предприятиях, организовывать питание... И продолжалось наше концертное шефство с 10 по 18 августа 1969 года.

...Евгений Катульский по направлению обкома поехал поступать в аспирантуру Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, а после защиты кандидатской диссертации по экономическим проблемам, стал работать в

научно-исследовательском центре (НИЦ) ВКШ. В аспирантуре, когда он писал диссертацию, и позже — в НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, он участвовал в изучении сложных процессов в обществе, связанных, прежде всего, с различными изменениями социальной структуры молодежи. Наряду с изменениями качества рабочих специальностей в стране увеличивается численность научно-технической интеллигенции. Естественно, в деятельности комсомола стали внедряться научные формы и методы работы, научная организация труда, распространилось проведение всевозможных исследований. Я уже писал о докторе экономических наук, профессоре Льве Ефимовиче Эпштейне, который занимался изучением проблем экономического воспитания молодежи. Для руководителей комсомольских организаций промышленных районов Урала и Сибири, экономическое воспитание молодежи стало одним из важнейших направлений работы.

Это Женя Катульский тогдашних времен: отмечали мой день рождения, поэтому ничего «застольного» не стал убирать...

Катульский был экономистом, а я филологом, то мы вместе разрабатывали новую для нас и коллег программу исследования и ее методологическое

Почему я так подробно рассказываю? Дело в том, что в отличие от последующих движений Евгения Даниловича по служебной лестнице в Министерстве туда СССР, время его работы в ВКШ совпадало с моими интересами. Под руководством Владимира Иосифовича Мухачева (ранее — социолога из Свердловска) они в центре затеяли тогда большое комплексное социологическое исследование «Формирование достойной смены рабочего класса». Исследование было на весь Союз, а мы в Челябинске были одним из опорных центров, я же был комсомольским социологом, и даже определил себе самостоятельную тему, «кусочек» в комплексной программе исследования — контент-анализ прессы этого сложнейшего процесса, что было для меня новой проблемой. А так как

обеспечение. Мне удавалось часто бывать в Москве, и пользуясь моментами стремился в любимые театры — к Любимову, Эфросу, и в «Современник».

В наших исследовательских делах аналогом выступала развивающая еще В.П. Поляничко и В.И. Липского, но с новыми научно–практическими наработками по инициативе Ю. Александровича «Комплексная программа Челябинского обкома комсомола по повышению эффективности и качества работы комсомольских организаций с различными категориями молодежи». Мы по–новому писали о формах и методах на различных уровнях: первичная организация (предприятие) — районная организация (райком) — городская организация (горком). Очевидно — у каждого из этих уровней есть своя специфика, так сказать, уровневой работы со своими организационными и другими возможностями. В этой комсомольской программе — сразу же выступала «связка» с наукой, в лице Вячеслава Липского, Владимира Мордковича, Евгения Каткульского, которые опирались на результаты проводимых социологических исследований и другие нужные рекомендации. Не скрою — даже сейчас, глядя на эту брошюру в 70 типографски напечатанных страниц, которую мы с Липским и Каткульским «вылизывали» на ошибки, неправильности формулировок рекомендаций, и радуюсь за нашу прошлых лет работу...

Это был наш — «челябинский» ряд (8 чел.) на Всесоюзной научной конференции в Москве «Ленин и молодежь», 1974 г. Справа налево: Олег Политицкий; Иван Морозов; Вячеслав Липский (в затемненных очках); Александр Шитов; Владимир Мордкович, а с кем он говорит — не знаю; Анатолий Иванович Александров; Валентина Орлова, секретарь Челябинского обкома комсомола.

В середине *1976 года* я перешел на работу ученым секретарем общественного института конкретных социологических исследований при Челябинском обкоме партии. Возвращаясь к нашим, с Евгением Катульским, совместным проектам в исследовании «Формирование достойной смены рабочего класса» я столкнулся с необходимостью профессиональной координации социологической методологии. По нашему предложению было принято решение бюро обкома партии о правилах игры служб, лабораторий, научных центров и т.п. различных предприятий, объединений, НИИ — через наш институт давать рецензии (читай: разрешения) на социологический инструментарий, готовящиеся исследовательские проекты на хоздоговорной основе и анализировать проведенные работы. Получить разрешение цензуры на типографское размножение инструментария, без нашей рецензии было невозможно.

Для поддержки научных интересов многих исследователей мы способствовали изданию соответствующих книг, помогали в издании ежегодных научных публикаций результатов через выпуски институтских бюллетеней. Конечно же, я опирался на помощь профессионалов — Вячеслава Липского и Владимира Мордковича (педагогический институт), Рафаила Бардина (трубопрокатный завод), Феликса Барбарова (строительный трест), Владимира Каконина и Ирину Варанкину (Магнитогорский металлургический комбинат), Веру Крупину (Челябинский металлургический завод), Леонарда Степанова (Челябинский тракторный завод). Профессиональную помощь оказывали мне и коллеги из НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ — В.И. Мухачев, Е.Д. Катульский, В.С. Боровик.

С помощью названных друзей мы умудрились издать несколько сборников статей, где обсуждались проблемы социальной активности молодежи, формирования обыденного сознания рабочей молодежи, комплексного планирования в комсомоле и вытекающего отсюда участия молодежи в реализации планов социального развития коллективов, формирования их активной жизненной позиции и многое другое.

Когда писал эти абзацы в записке, покопался в своих папках с различными публикациями — сам поразился найденному:

- Проблемы профессиональной подготовки воспитания молодого поколения рабочего класса в условиях развитого социалистического общества;
- XVII съезд ВЛКСМ и проблемы формирования личности молодого рабочего;
- Роль трудовых коллективов в формировании активной жизненной позиции;

- Социально–психологические методы управления в трудовом коллективе: социологические аспекты;
- Трудовая активность рабочей молодежи: Информационный бюллетень ОКСИ, Обком ВЛКСМ;
- Общественно–политическая и учебно–познавательная активность рабочей молодежи: Информационный бюллетень ОКСИ, Обком ВЛКСМ;
- Духовные потребности и социальная активность рабочей молодежи в сфере досуга: Информационный бюллетень ОКСИ, Обком ВЛКСМ.

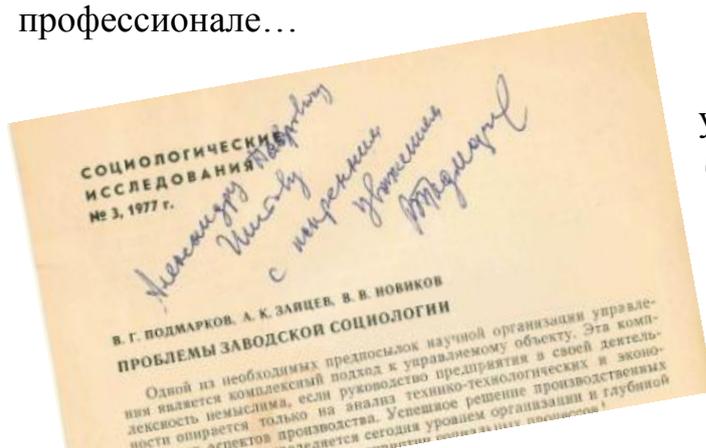
И это только названные книги и сборники статей за короткий период: *1975–1978 годы.*

Могу с уверенностью сказать, что немалую роль в объединении таких усилий с социологами–профессионалами сыграла роль в фантастическом моем везении на знакомство и продолжение наших отношений с Валентином Георгиевичем Подмарковым.

Знакомство с ним было обусловлено рекомендацией Эдуарда Фетисова, ученого секретаря Советской социологической ассоциации, когда, так получилось, что и Валентин Георгиевич был в Институте социологии по каким–то делам, и я очутился там, приехав в командировку в Москву. Разговорились, благо взаимных вопросов у нас хватало (точнее — у меня), тем более, как мне помнится, он тогда руководил разработками в области социального планирования в Институте экономических проблем комплексного развития народного хозяйства города Москвы. Мы встречались и в этом Институте развития Москвы, и по его приглашению несколько раз у него дома на проспекте Вернадского. Вероятно, так получалось случайно, у него дома встретился с Юрием Александровичем Левадой. Можете представить мое обалдение, а иначе невозможно описать мое состояние: два фантастических мэтра социологии, и я рядом с ними, слушаю их рассуждения, с легкостью перебрасывающихся друг с другом профессиональной терминологией!? Это позже из рассказов Валентина Георгиевича я предположил, что они же были земляками — Подмарков из Харькова, Левада из Винницы. Но уж что могу полагать, мало относится к землячеству — на обоих лежала «печать» атмосферы 60–х годов, оказавших большое влияние на формирование их взглядов. Это много позже, когда они, к сожалению, ушли из жизни, а я стал работать над этими записками, могу сказать с убежденной уверенностью, что они были профессионально мыслящими «шестидесантниками». Подчеркиваю — это на фоне большинства эмоционально мыслящих...

Таковым был и я (из эмоционально мыслящих), встретившись с Валентином Георгиевичем, который почему-то с неожиданной легкостью откликнулся после первой встречи еще в Институте социологии на мои стенания о непонятных для меня перспективах каких-то исследованиях с размытыми диссертационными целями. Он предложил мне начинать работать над темой промышленной социологии в преломлении социального планирования, и отсюда как-то разумеющимся формулировалось понимание активной жизненной позиции рабочей молодежи. Обещал мне подумать и набросать для обсуждения видимый ему план работы исследования.

Может быть, легкость его реакции на мои проблемы была обусловлена эмоциональным рассказом о дипломной работе, о встрече с А.Л. Дымшицем в ИМЛИ, путаными, но не менее эмоциональными рассуждениями о работе в обкоме комсомола, о разносторонней поддержке Юрия Александровича, о продолжающихся комсомольско-социологических связях с Львом Наумовичем Коганом, о котором Подмарков с уважением говорил как о профессионале...

На фото: автограф В.Г. на типографском оттиске статьи В.Г. Подмаркова, А.К. Зайцева, В.В. Новикова «Проблемы заводской социологии» в журнале «Социологические исследования», 1977, № 3: «Александру Павловичу Шитову с искренним уважением. В. Подмарков»

Но могу предполагать с уверенностью, понимая из наших бесед, что он был весьма и весьма сведущим в истории, философии, экономики, знал английский, итальянский, немецкий, польский, что, судя по всему, позволяло ему принимать участие в работе социологических конгрессов, что повлекло за собой издание его работ в разных странах... И когда я сказал о встречах в Польше с Яном Щепаньским, то Валентин Георгиевич на некоторое время замолк, я увидел на его лице горькую улыбку, и он сказал: мол,

и у него остались свои суждения о противодействиях Щепаньскому со стороны польского партийного руководства, как и у него (Подмаркова), по обращению с записками в различные правительственные инстанции по проблемам промышленной социологии...

Благодаря воспоминаниям о В.Г. Подмаркове Ж. Тростановского и Е. Суименко могу представить совпадение идей, выводов Валентина

Георгиевича с подобным у Лена Карпинского, о которых он мог знать от Ю.А. Левады и его товарищей...

Но его неожиданная кончина в феврале 1979 года оборвала все мои планы и надежды на продолжение исследований, к чему добавились другие проблемы, выйти из которых мне помог все тот же Юрий Михайлович Александрович.

...Это привело мои исследовательские усилия к подготовке и защите диссертации в *январе 1984 года* в Москве по проблемам формирования активной жизненной позиции рабочей молодежи, при большой научной и организационной помощи моих друзей еще с времен комсомола Вениамина Сергеевича Боровика, Аркадия Львовича Маршака. О них, Боровике и Маршаке, надеюсь, придет время для подробного рассказа моих перипетий в науке...

Евгений Данилович Катульский

Как я уже говорил, Катульский пошел своим путем — его, профессионала, пригласили в 1979 году работать в министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР в Центре научной организации труда (Центр НОТ). Научная организация труда тогда была острой, животрепещущей проблемой. Практически все министерства, отрасли имели подобные центры. И опять наши с ним совместные проекты по совершенствованию научной организации труда замыкались на связи между социальными вопросами и экономическими возможностями. Тут я вновь был вовлечен в отношения между промышленными предприятиями и наукой. И своеобразным посредником, причем, профессиональным, в совершенствовании этих отношений на многие годы был для меня мой друг Женя Катульский...

Позже он *до 1998 года* работал заместителем министра труда и социального развития Российской Федерации, а перейдя в Счетную палату РФ — начальником инспекции по контролю использования средств целевых бюджетных фондов (в сфере его служебного внимания были: налоговая служба, министерство атомной промышленности, пограничники, налоговая

полиция, дорожный фонд). Его энергия и знания стимулировали постоянное занятие научной работой.

Под руководством уже доктора экономических наук, профессора Е.Д. Катульского защитилось более 30 аспирантов и 14 докторов наук, объединявшихся вокруг комплексных тем исследования проблем развития социально-трудовых отношений, занятости и рынка труда, трудовой активности. На его счету и подготовленные с его участием более сотни научных трудов, в числе которых — монографии «Государственное регулирование социально-трудовых отношений в Российской Федерации», «Управление трудом и социальными процессами», учебно-методические пособия и статьи в фундаментальных энциклопедических изданиях: «Экономика труда», «Социальная энциклопедия», «Труд и социальное развитие: Словарь».

А сколько было у нас разговоров у него дома, когда бывал у него в Москве, у меня, когда он приезжал в Челябинск, и в других местах, где мы никому не мешали. Будучи филологом, в наших беседах безальтернативно ссылаясь на примеры Евтушенко, Мандельштама, Достоевского, Булгакова, Коржавина и других, а Женя, в свою очередь, как экономист и имеющий богатый опыт работы управленца, ссылаясь в наших беседах на примеры из теории и практики. Но скажу сразу же, отметая напрочь возможные предположения о «забурении» Командора (пример с Остапом Бендером из «Золотого тельца»), т.е. даже мимолетного проявления в его действиях какого-либо чиновничества. Конечно же, главное было в наших беседах — повседневная жизнь, что в Челябинске, что в Москве.

...Позже, когда нам удалось каким-то образом добыть и прочитать машинописную копию работы Лена Карпинского «Слово — тоже дело», я поразился принципиальным совпадением тех или иных мыслей автора с сутью наших суждений. Мы исходили из названия преследуемой КГБ публикации, его дело, как и наше, было *слово*, причем у него — публицистическо-профессиональное в СМИ, а у нас профессионально-ограниченное (студенческая аудитория, где работали). Мы и спорили по тем или иным положениям, изложенным в работе Карпинского: революционаризм, роль партии во всех проявлениях отношений к собственности, диссидентство (*от лат. dissidens — несогласный, противоречащий*)...

Что нас, на мой взгляд, сближало, объединяло — так это то, что Лен Вячеславович был, так сказать, *правовой* социалист, то есть его понимание социализма строилось на базе фундаментальных западных ценностей в

западной цивилизации: конституционность, плюрализм, дискуссионность в самой партии, права человека, свободы.

Это я к тому, что во время сдачи кандидатского экзамена по научному коммунизму, мне был задан вопрос: «Что такое коммунистическая мораль?» — Начались мои рассуждения об этике, нравственности человека и т.п. у Аристотеля, Вольтера и других, что приближает будущее коммунистическое общество — «Стоп! Запомните суть выводов Ленина — они простые и понятные. Коммунистическая мораль и нравственность подчинены интересам классовой борьбы пролетариата. Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. То есть, все, что в интересах рабочего класса — то и соответствует сути понимания коммунистической морали. Понятно!?» — Попробовал бы я возразить! Например, что классовая борьба закончилась и бороться в социалистическом, а тем более в будущем коммунистическом обществе не с кем — ни объекта, ни предмета борьбы нет..! И т.д. и т.п. Ну, получил бы низкую оценку на экзамене... Поэтому пробубнил что-то о безусловном согласии с Лениным и поддержке его выводов в речи на третьем съезде комсомола...

И вот прошло **65 лет** главенства ленинско–сталинской политики, как в докладе нового генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы строительства социализма в СССР» (1983 год), был сформулирован принципиально другой тезис — *о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми*, что означало отказ от основного постулата ленинизма–сталинизма, и который был положен в основу перестройки, начатой М.С. Горбачевым. Перестройки, суть которой можно охарактеризовать словами литературоведа А. Жолковского: «Скрещение общечеловеческих ценностей с советскими».

Как мне кажется, объединяло суть наших бесед и споров (явных, в лице Катульского и меня, и заочных, в лице отсутствующего в реалии Карпинского, но на его опубликованных работах), что история России XX века констатирует серьезнейшие последствия заблуждений коммунистов — будто бы через насилие и кровь *одних*, можно сделать *других*, оставшихся в живых, людей счастливыми как в своей стране, так и в других странах. Реализация идеи сделать всех людей счастливыми «одним махом» — это многочисленные преступления, прежде всего в отношении своего народа (репрессированы миллионы), того самого народа, кому обещали «светлое будущее» и кого упорно тащили туда. Ведь всякого рода попытки поучать историю, волюнтаристски вводить искусственно созданные в головах вождей модели

общественного развития, отрицающих объективные законы экономики, неминуемо ведут — независимо от возможных благих намерений и целей конкретных лиц — к трагедиям общечеловеческим.

Характерно, добавляли мы с Женей Катульским, что активное заимствование западных технологий, западных социально-экономических идей и практик всегда сопровождалось энергичным экономическим ростом и быстрым изменением социальных порядков в России. Любое угасание активного взаимодействия с западным миром странным образом совпадало с медленным затуханием экономического роста и нарастанием социального консерватизма. Этакое диалектическое сочетание двух миров (систем), как взаимно сообщающихся сосудов, не могущих существовать друг без друга...

Наше единство объединяло и то, что Катульский по образованию и профессиональным занятиям — экономист, Карпинский по образованию и профессиональным занятиям — философ, историк, публицист, а Шитов, по образованию и занятиям что-то среднее между ними — и филолог, и нахально его определить в этом условном тройственном союзе как философа, и историка, и экономиста. И то же самое родственное объединяющее — все мы выходцы из комсомольской системы и в том или ином виде (явном или неявном) представляем соответствие упомянутой характеристики Е.М. Примакова о «диссидентстве в системе». И каждый из нас по-своему, со своими особенностями имел отношения с «компетентными» организациями, а Карпинский, в прошлом секретарь ЦК ВЛКСМ, член редколлегии «Правды», по инициативе КГБ, был исключен из партии во многом за стремление иметь собственное мнение...

Нередко цитируют метафорически точные слова Юрия Трифонова из «Отблеска костра»: «...На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опаляет жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится, но он существует на всех. История полыхает, как громадный костер, и каждый из нас бросает в него свой хворост...» Метафора — костер — позволяет зримо представить не только прошлый опыт человечества. Ведь начало жизни на Земле во многом определялось разожженным костром, умением поддерживать его горение и возможностью передавать это умение другим поколениям... Всегда ценились люди, способные не только зажечь костер, но и создать возможность другим обогреться у этого костра и понести его огонь дальше, опять-таки — для других... До октября семнадцатого года революционеры-подпольщики были убеждены, что стоит только «убрать» (неважно какими способами) с дороги российской истории самодержавную власть и все пойдет своим чередом. Так, у «костра», который они неутомимо и яростно разжигали, объединятся народы, чтобы вместе строить светлую справедливую жизнь, где

все будут равны, все будут работать на одно «общее», откуда каждому будет воздано по справедливости. А кто будет делить это «общее» по справедливости? Конечно, партия коммунистов, которая и возглавила борьбу с несправедливостью самодержавия, чтобы всем людям было хорошо в равной степени...

Челябинская областная публичная библиотека (ЧОПБ), февраль 1998 г. Презентация моей книги «Юрий Трифонов. 1925–1981. Хроника» (Екатеринбург, 1997). На фото справа налево: Л.В. Каменская; З.С. Савостина, директор ЧОПБ; А. Шитов; Ю.М. Александрович.

Ну, верили они в это, считали, что всеобщее счастье возможно и достаточно быстро! Другой вопрос — *что* нужно преодолеть, *чем* жертвовать, чтобы достичь этой цели... Когда они сидели в казематах, каторжных централах, занимались подпольной работой — для них была ясна одна цель: свергнуть царский режим, а после... А вот что будет после — они, естественно, не очень понимали, потому что думали: свергнув самодержавие, *они дадут* народу такую свободу, что... Дух захватывало от ощущения *будущей свободы для народа*... (Для меня пример такого боевого, радостного, бескорыстного, но с параллельно существующим подозрительным состоянием, позволяющего чуть-что хвататься за оружие, чтобы через расстрел доходчиво убедить собеседников в классовой правоте — это Иван Карякин в блестящем искреннем исполнении Роллана Быкова в фильме «Служили два товарища»)

...А тут мы с Женей в наших беседах неминуемо выходили на важное обстоятельство — ответ на вопрос о роли партии большевиков в нашей истории. Работая над рукописью книги «Юрий Трифонов и советская эпоха», целенаправленно прочитал немало исторических документов (повторю — документов, а не учебников истории, или подобного рода организованных предположений), ссылаясь на них в наших с ним беседах. Доказательно объяснял, что именно Ленин, а не Сталин, был главной фигурой в организационном возвышении гораздо меньшей по численности партии над важнейшей ролью больших по численности *советов, как органов власти* управления страной. Согласно Конституции страны власть принадлежит народу, а народ — это кто? И как народ будет управлять государством?

Если бы Лен Карпинский присутствовал среди нас, уверен, он мог бы привести более убедительные аргументы в отличие от меня, в чем я убедился гораздо позже прочтя его дневниковые записи и работу «Слово — это тоже дело». В своих работах он говорил, что Ленин доказывал в создаваемом им государстве, что ответ может быть только одним — партия большевиков с мощным рычагом воздействия на народ — диктатурой пролетариата, как доказательство властных полномочий народа (правда, страна была изначально не пролетарской, а крестьянской по структуре). И добавил, что параллельно с другим исследователем просмотрев все тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса убедился — словосочетание (термин) «диктатура пролетариата» встречается у классиков всего 7 раз: у Маркса — четырежды, у Энгельса — трижды. Но даже эти краткие упоминания не позволяют считать их основой для известных ленинских интерпретаций, из которых можно сделать вывод, что феномен диктатуры пролетариата — это парафраз коммунистической карательной уголовщины...

Карпинский всегда говорил, добавил бы его соавтор по изданию книги «Заповедник для динозавров» В. Писигин, что КПСС является лишь удобной ширмой, этаким «красным одеялом», под которым благополучно пребывает настоящий монстр — российское тоталитарное государство. Никогда он не обманывался антикоммунизмом Б. Ельцина на государственном уровне, считая борьбу властей с коммунизмом лишь хитрой уловкой и то, что Ельцин расправился именно с дырявым красным одеялом — КПСС. Что же касается главного — старого государства и его институтов, то первый президент в принципе оставил все как есть, став, по сути, не реформатором, а реаниматором обанкротившихся госструктур.

Я добавил к этому важному тезису свое филолого-историческое дополнение, но уже в беседе с Катульским, что государственной власти (читай: РКП-ВКП-КПСС) удалось «ответить» с октября 1917 г. на вопрос

русского писателя В.В. Набокова: «С каких это пор понятие власти стало равно ключевому понятию родины?»

Ну, не могу я быть неблагодарным к своим годам работы в комсомоле, ибо именно в те годы, по–Высоцкому:

...И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас...

Нет, я пишу не о «влитой водке в нас» (хотя и это было в натуре, по нашему желанию), а о времени, растянутом на несколько десятилетий, когда переместился с занятий поэзией Осипа Мандельштама к занятиям историей страны сначала из любопытства, а потом из–за написания книги «Юрий Трифонов и советская эпоха» и последующих книг о его творчестве. Опираясь только на опубликованные документы, считаю, что сталинизм, на мой взгляд, — это взлет, трагедия и драма большевиков, но самое главное — это их (правящей партии) *историческая* вина перед народом, ввергнутого ими в человеческий хаос.

Многие, я думаю, согласятся, что наша любимая игра в историю начинается с фразы: «Если бы ...» Ну, любим мы сослагательное наклонение в великом русском языке, практически не переводимое на другие языки.

Полагаю, что мой последующий вывод был бы отвергнут большевиками (как тогдашними, так и нынешними) с негодованием. История подтвердила очевидность *совпадения* суждений и выводов царского «двора» (самодержавной власти) и Ленина (с соратниками). Тому (царскому) режиму *не нужны* были столыпинские реформы, ибо они угрожали их привычной вековой власти. Но такие реформы в России *не нужны* были и революционеру Ленину (с соратниками), ибо при их осуществлении — земля переходила в собственность крестьян — постепенно исчезала *бы* вековая общинность крестьянства, начал *бы* формироваться средний класс собственников, объективно стали *бы* «работать» демократические «механизмы» и т.д. Все это хорошо и прогрессивно для народа, если *бы* не было так плохо и для самодержавной власти и для власти партии Ленина. Ведь этих реформ и не желал Ленин, ибо при их реализации партия лишалась бы *основы*, на которой развивалось недовольство народа режимом самодержавия. Не скрывая радости, Ленин приветствовал (правда, находясь в эмиграции за границей) убийство Столыпина, великого реформатора России, демагогически объясняя, что Россию спасло то, что на нее *не был* накинута «столыпинский галстук»

(виселицы, виселицы, виселицы)... А после расстрела в январе 1918 года демонстрации Всероссийского съезда крестьянских депутатов которые вместе с депутатами Учредительного собрания были объявлены контрреволюционными сборищами, наказанные народной властью, Ленин и руководство партии уже не вспоминали о «кровавом» режиме самодержавия, не вспоминали о своих обещаниях «Землю — крестьянам!» На миллионы крестьян, составлявшие бóльшую часть населения России, уже *был брошен* партийно–государственный–гепеушный «галстук–виселица»: разорение хозяйств, расстрелы, тюрьмы, лагеря, голод...

Точная запись Ю. Трифонова в рабочей тетради, где он делал многочисленные выписки о 30–х годах: «Не верьте диктаторам, которые разглагольствуют о будущем; их интересует только настоящее. А во всем настоящем их интересуют только они сами. Только о себе они думают с нежностью и заботятся искренне». Вспомните, существующую и по сегодняшний день любовь власть предержащих к сохранению и умножению количества и качества привилегий. Что будут говорить о них после смерти, их не волнует.

На мой взгляд, трифоновская характеристика и объясняет постоянное стремление тех самых, за власть держащихся партийных руководителей, к «заторможенности», а лучше так к *забвению* исторической памяти. Вспомним процесс «манкуртизации» у Ч. Айтматова... Слово/понятие «манкурт» — из его романа «И дольше века длится день...» Оно обозначало процесс и результат насильственных действий с человеком, которого с малолетства лишали памяти о прошлом.

Еще в 1922 году Ленин писал: «...пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. (Ну, чем не «орден меченосцев»? — *А.Ш.*). Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». И Сталин блестяще подтвердил опасение Ленина: решения уже зависели не от «тончайшего слоя» партийной гвардии, тогда имеющего соответствующую политическую культуру, а от *бюрократического партийного аппарата* во главе «Чингизхана с телефоном» (определение Николая Бухарина), и аппаратных последователей, калибром все меньше и меньше.

Откуда они — «чингизханчики с телефонами» — появились? Ну не с Луны же свалились на нашу страну! Почему *их интересы* стали определяющими в жизни народа? Думается, что характер и исход политической борьбы в этом «тончайшем слое» партии, приведший к

формированию культа личности Сталина были во многом определены рядом закономерностей (вспомним вывод Трощкого, что *сталинизм вырос из старой большевистской партии*, ибо новые формации не падают с неба, а питаются формациями предшествующего периода).

...Вспомните поразительное начало романа «Нетерпение» Трифонова в застойном *1973 году*, когда царил партийно–государственный режим, повсеместно поддерживаемый всеильным КГБ: «К концу 70–х годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том: какова болезнь и чем ее лечить? Категорические советы, пророчества и проклятья раздавались в стране и за границей, на полутайных собраниях, в многошумных газетах, модных журналах, в кинжальных подпольных листках. Одни находили причину темной российской хвори в оскудении национального духа, другие — в ослаблении державной власти, третьи, наоборот, в чрезмерном ее усилении... Были и такие, что требовали до конца разрушить этот поганый строй, а что делать дальше, будет видно... Всю Россию томило разочарование... Понять, что происходит, современникам не удавалось: не замечая причин, они со страхом и изумлением наблюдали следствие...»

А ведь эти строки о настроениях в России XIX века!

На мой взгляд, точен вывод Доры Штурман, известного исследователя истории и литературы: «...Нет, господа, Юрий Трифонов — *писатель советской эпохи, но не советский писатель...* Юрий Трифонов — просто *большой русский писатель страшного времени*, владеющий одним из тех секретов искусства, которые позволяют ему, искусству, выживать *почти* везде. Правда, нельзя забывать об этом *почти*. Трифонов же сумел в будничной повседневности, в ее скупых жестах и тихих ужасах воссоздать не только драматизм бесчеловечной эпохи, но и вневременной трагизм человеческого бытия как такового. Не все у Трифонова равноценно? Конечно. Но ведь и у Достоевского, и даже у Пушкина не все равноценно. Масштаб не тот? Может быть. Но у Юрия Трифонова в русской литературе XX века — самого страшного века в ее истории — есть свое полноценное и почетное место. Повторим: *Юрий Трифонов — большой русский писатель...*»

Вспомнилось интересное добавление (о Лене Карпинском) в связи с еще одним интереснейшим человеком в моих встречах — *Рой Александрович Медведев*, писатель–историк, публицист, известный диссидент. Сдружили нас обоюдные вопросы в творчестве Юрия Трифонова, я бывал у него на квартире, а больше встреч было на его даче в подмосковной Немчиновке на улице Амбулаторная.

Говорили поначалу не столько о Трифонове, сколько о его творческом интересе — Филиппе Кузьмиче Миронове (прототип комкора Мигулина в романе «Старик»). Не будучи знакомым с Роем Александровичем, в течение трех–четырёх месяцев расшифровывал, как мне казалось, самиздатовскую машинописную копию о казачестве и Миронове из архива Трифонова. Позже, после кончины Ю.В. Трифонова, познакомился с Р. Медведевым, подарившем мне книгу, написанную им вместе с ветераном гражданской войны С.П. Стариковым, названной «Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова». Когда прочитал это исследование, то понял, что зря мучился над самиздатовской копией — это была та самая, подаренная книга. Так вернулся мне бумеранг, запущенный в статье В. Кардина в «Новом мире», обсуждаемой в общежитии с молодыми рабочими и ИТР в середине 60–х годов. О роли бумеранга со статьей мне написал письмо, а потом сказал при нашей встрече в Москве сам ее автор Владимир Кардин, т.к. это была статья, сыгравшая большую роль в судьбе журнала «Новый мир»...

Наша встреча с Р. Медведевым в книжном магазине «Библиоглобус». Была большая встреча читателей с братьями Медведевыми — биологом Жоресом (известен по одной из первых книг о взрыве на Челябинском химкомбинате «Маяк» и последствиях для Европы этого «предшественника» Чернобыльской трагедии) и историком Роем Медведевыми.

Собственно, знакомство с Роем Александровичем состоялось благодаря Василию Дмитриевичу Поликарпову, когда мы заканчивали работу над нашей книгой «Юрий Трифонов и советская эпоха». Еще в рукописи я попросил Р.А.

Медведева ее прочитать на предмет возможных неточностей — я же не историк, поэтому надеялся исправить какие-нибудь оплошности.

Но замечаний со стороны Р.А. Медведева не было, и поэтому с легким сердцем передал рукопись В.Д. Поликарпову... Пока наша книга готовилась к печати, проходя определенные редакторские требования (мне просто повезло с такими определенными издательством редакторами в Институте современной истории Академии наук), мне позвонил сам Рой Александрович и пригласил приехать к нему на дачу в Немчиновку.

Опускаю подробности нашей интереснейшей встречи. Оттолкнувшись от наших встреч, а тем более, по Трифонову, он обратился ко мне со встречной просьбой — посмотреть его рукопись воспоминаний о Юрии Трифонове. Он сказал, что готовит сборник о людях и книгах в тоталитарном обществе под общим заглавием «Что читал Сталин?» и там будет трифоновская глава, а точнее сказать — воспоминания о Трифонове, в числе воспоминаний о К. Симонове, И. Эренбурге, А. Твардовском. Поэтому и он хотел бы избежать неточностей в изложении текста. Конечно, речь шла о каких-то возможных неточностях биографического характера. В тот же вечер я прочитал им подготовленное и уже завтра звонил ему с конкретными предложениями. Когда кратко изложил их ему, то возникла необходимость еще раз увидеться, и предметно поработать над моими предложениями по исправлению найденных неточностей в тексте. Опять опускаю суть нашей беседы, по причине абсолютного принятия Роем Александровичем всех моих предложений по рукописи... Через некоторое время мы вновь с ним встретились, и он мне подарил свою книгу «Что читал Сталин?» с поясняющим подзаголовком: «Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе», вышедшей в 2005 году, для которой и я кое-чем помог, написав ее во время встречи у него на даче в Немчиновке 18 апреля 2005 г. : «Шитову Александру Павловичу на добрую память и с благодарностью за помощь»...

И тогда же, отвечая на мой вопрос о Лене Карпинском, Рой Медведев рассказал об их встречах, и об истории с рукописью «Слово — тоже дело». Так что, читатель, история и с Леном Вячеславовичем Карпинском и с его самиздатской рукописью — как говорится, из «первых» рук...

После ее распространения в самиздате, естественно, что она попала в поле зрения созданного 5-го управления КГБ. Для экспертов из этого управления по борьбе с «идеологическими диверсиями» было очевидно, что в ряды критиков сталинизма и текущей партийной политики вступил новый,

очень осведомленный и талантливый человек, аргументы которого звучали очень и очень убедительно. Одна из главных опасных идей автора, считали в ЦК партии и КГБ, состояла в том, что когда не все потоки информации можно держать под контролем, *именно слово может изменить обстановку в стране*. Умелое, верное и ярко высказанное слово, которое можно будет запустить в каналы массовой информации, — это уже *дело*, способное повлиять на поведение людей. Но они не узнавали автора по стилю, а фамилия Окунев (Карпинский взял для себя такой псевдоним) ничего не говорила, пока благодаря интеллекту ума и языка, настоящий автор не попал в расставленные КГБ многоячеистые сети.

Начальник того самого 5-го управления генерал Ф. Бобков знал Лена Вячеславовича по прошлой совместной работе в ЦК ВЛКСМ и пригласил его на беседу на Лубянку, после чего о ее содержании сообщил Ю.В. Андропову. Тогдашний руководитель КГБ сказал: мол, плохо, что такие, как Карпинский, уходят от нас, и это свидетельствует о серьезных недостатках в нашем деле. Проблема в том, что его аргументы со ссылками на труды Ленина достаточно серьезные, и партийное руководство может его и не понять...

Вероятно, будущий генсек партии вспоминал о Лене Карпинском, бывшем секретаре ЦК комсомола по идеологии, блестящем пропагандисте, когда формулировал непривычные тезисы для новой работы в «слегка» начавшимся меняться государстве, помня содержательную блестящую работу философа, яркого публициста — «Слово — тоже дело».

* * *

17. ВСЁ о Высоцком * Фильм ЦТ СССР «Дети XX съезда» и его «дети» в народе... * Александр Кайдановский * В.И. Липский и С.Г. Зырянов...

...Но добавим несколько важных слов о роли Высоцкого в развитии общества — единственной такого рода роли одного поэта и актера для миллионов слушателей (читателей, зрителей) во всем таланте, во всей многомерности его личности, о чем и написал Андрей Вознесенский: «...О златоустом блатаре // рыдай Россия! // Какое время на дворе — // Таков мессия...» Какой же Высоцкий — мессия?! На баррикады не звал, к реальным и мнимым нашим недоброжелателям за границей за поддержкой необходимых преобразований с каких-либо трибун не обращался, подпольной работой среди народа не занимался, в тюрьмах не сидел и пыткам не подвергался... Да, чуть не забыл сказать о главном, что не могла простить власть — к патриотизму не взывал, не кликушествовал. Чуть не запомнил с аргументами о «мессийности» — за народ-то он ведь не страдал и не пострадал никоим образом! Но несмотря на это несоответствие *вкуне*, он все-таки следовал, правда, по-своему, *народовольческому* стремлению, известному, как помнится, с XIX века — «хождению в народ» — в умах и памяти многих он существовал, он звучал благодаря *несоветскому* способу проникновения в дома миллионов людей через *магнит-издат*, перед чем любая власть становится бессильной...

Я было начал в голове собираться с мыслями, характеризующими все разнообразное о Высоцком, но понял, что не смогу выразить это **ВСЁ** разнообразное о поэте, актере, человеке — Владимире Высоцком, просто не хватит слов, хотя бы для перечисления с нюансами этих характеристик. Значит, было у него **ЭТО**, вбирающее в себя понятие *всего* о человеке, актере, поэте. Ведь достаточно сказать «Высоцкий» человеку нашего времени, и, надеюсь, улыбка будет на его лице, ибо не надо быть социологом, чтобы сказать: его творчество вобрало в себя это самое разнообразное понятие **ВСЁ** о народе — умное и смешное, великодушное и скаредность, и так далее до бесконечности различных нюансов в проявлениях людского характера.

Как отмечал мой давнишний знакомый Игорь Кокарев в своей книге «Исповедь “иностранный агент”», что он, вооруженный данными массовых опросов зрителей и читателей, отмечает бессилие слов Высоцкого, да и других поэтов, ибо в толще массового сознания эти действия, увы, не прорастали.

Может быть, полагал Игорь Евгеньевич, таким воздействием где-то на уровне подсознания звучащие произведения и не требовали немедленных выводов и действий.

Ну, и слава Богу, думал я, читая его «Исповедь...», бередили они своим творчеством души других, и на том спасибо. А что, надо на баррикады звать, или на груди «тельняшки рвать», доказывая свою верность идеалам? А каким идеалам? Кто может ответить? Может быть, вот этот дядька в галстук, и с раскрасневшимся лицом, стоящий на трибуне, или тот, в очках, взывающий к толпе на митинге, или пишущий какой-нибудь нечто *крамольное*, достав это написанное из «стола»? Может быть, вот эта красивая или эта скромная, но от выступления разругавшаяся, зазывно глядя в лица толпы... Но они все вместе и порознь неустанно призывали, призывали, призывали... Куда и зачем? Да очень просто — вперед! Как «шутил» народный трибун Владимир Ленин: мол, главное ввязаться в драку, а движение само пойдет, и там посмотрим — куда выведет!

А порицатели и разоблачители народного равнодушия кликушествуют по-прежнему о равнодушии народа, о двойной бухгалтерии души, в частности, принимающей или не принимающей Сталина, могущих увести куда-то в сторону, и это вместо «баррикад»... а надо бы... а надо бы... Отсюда, думаю, и неприязнь к убогому русскому народу, который в силу своей неграмотности (называемой автором *тупостью*) не может осознать, что все лучшее у него, у народа, по вере того же Игоря Кокарева, заключается в непонимании своего счастья, заключающегося в простом — как можно дальше вдали от своего Президента, избранного, естественно, на основании вброшенных бюллетеней... Ну, и так далее и тому подобное в сопровождении клятвенных заверений в любви и почтении в адрес того же русского народа, среди которого он родился, сформировался, получил хорошее образование. И не только это, благоприобретенное в соответствующих условиях рождения и жизни в Одессе, но жил припеваючи, пользуясь им не заработанными благами именно от СССР (имею в виду заслуженные заслуги Т.Н. Хренникова, позволяющие обеспечивать и семью единственной дочери Натальи, жены Игоря Кокарева) — ну, так повезло ему, Игорю, в жизни... Правда, не забывая, не забывая, не забывая каяться и каяться... находясь за многие тысячи километров в добровольно выбранной стране — Америке. И это был его выбор своего пути по оставшейся жизни... Ну, что поделать — не хотел он следовать известному большевистскому агитационному плакату 1920 года художника Д. Моора времен гражданской войны, но постоянно упоминаемый во властных структурах: «А ты записался добровольцем?» ... чтобы идти «на баррикады».

Как знающий Игоря Евгеньевича много лет (аж, с 1972 года)... и тут же остановился. Нет, написал сгоряча: *знающий*. Думаю, правильнее будет сказать — давно знакомый... Но указанную дату — с того самого далекого семьдесят второго года — менять не буду, ибо она правдива, потому что в том году встречал его в Челябинском аэропорту, куда он прилетел по командировке ЦК ВЛКСМ для чтения лекций по западному кинематографу... Это была моя просьба в ЦК: послать к нам кого-либо по актуальным проблемам идеологической борьбы. Потом много было других событий в наших совместных отношениях: на их большой квартире в Плотниковом переулке (за МИДом), где неоднократно говорили и с Натальей Хренниковой, в Институте США и Канады (в частности, там передал Почетную грамоту Челябинского обкома комсомола, которой был награжден И.Е. Кокарев «за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи» заместителю директора Института А.А. Кокошину, будущему академику РАН), в АОН при ЦК КПСС, где он работал, в его офисе на Смоленке, 17, и в подвале этого офиса, где он обосновался с женой-художницей, подарившей ему двух детей, на его работе в Высшей школе... Во многом сближающим фактором как начала, так и последующих наших встреч было в общем-то похожее начало жизни — комсомол, со всеми присущими нам надеждами на какие-то свершения... У каждого по разному эти свершения сбывались, и не сбывались.

Во время наших встреч в Москве — мы неоднократно говорили о разных сторонах жизни и творчества Юрия Трифонова, делая упор на его мастерстве писать свои произведения прекрасным эзоповым языком. Конечно, говорили и о непростых сторонах жизни страны, постоянно возвращаясь к трифоновскому умению говорить об этих сторонах жизни таким языком, что даже цензура держала изумительную повесть «Дом на набережной» только один день (!) и вернула редакции журнала без единого замечания. И сходились с Игорем в одном — надо иметь талант говорить всем так, что умному было понятно о чем идет речь, а неумному... Но Юрий Трифонов ориентировался — то на читающего читателя, которому не надо объяснять, что воровать не надо... и тому подобное. И еще что удивляло Игоря Кокарева в Трифонове — он *все* произведения издавал в своей стране, и не помышлял что-то предавать за границу для публикации, не помышлял уехать за рубеж, зная *все* стороны этой внутренней жизни... Он (Трифонов) был убежден что честная книга, как понимает ее писатель, которую удастся издать в стране, будет полезнее для народа и для культуры страны, чем многие хорошие книги, которые издавались тогда в эмиграции, и которых в стране никто не знал. А вот книги, например, Роя Медведева могли издаваться только за границей, хотя в эмиграцию он и не стремился, как он мне не раз говорил...

О своем Игорь Евгеньевич написал откровенную очень интересную, написанную хорошим языком книгу «Исповедь “иностранного агента”», которую читать мне было интересно. Я же пытаюсь излагать эти субъективные записки, пытаюсь как-то поделиться своими свершениями и несвершениями... Надеюсь, я правильно понял смысл ее названия — конечно, никакой он не «иностраный агент», со всеми вытекающими отсюда последствиями, просто, как мне кажется, он устал бороться и доказывать суть изменений необходимых для российского народа... Помнится, я пытался ему доказывать: мол, Игорь, а почему ты считаешь что люди должны идти по тобой прокладываемой дороге, а они не хотят этого по различным причинам... Ну, и так далее, до бесконечности аргументов — этокое *нетерпение нетерпеливых*. Но ведь брожение в голове не может продолжаться без каких-либо остановок, хотя все время таковое состояние *подстегивается* тем самым *нетерпением*... Когда-либо все равно наступает усталость всего сущего, например, мышц или металла, короче говоря, человечество до сих пор не изобрело *перпетуум мобиле*, ибо наступает необходимость какого-то спокойного, неспешного действия в жизни... Понимаю, что не терпится что-то совершить нужное и необходимое еще при своей жизни, и очень не хочется откладывать на потом, что наступит после тебя, без тебя...

Каждый из нас (продолжаю мысленный диалог с Игорем) по различным обстоятельствам как-то *торил* свою дорогу, продолжающуюся и до сих пор... Но, на мой взгляд, еще тогда было другое нас сближающее — это непреходящая любовь к таланту Михаила Жванецкого. Об уровне отношений Игоря Кокарева вправе судить сам Игорь Евгеньевич, друживший с ним еще с *одесских* времен. О своем отношении могу сказать однозначно — бесконечная, безраздельная признательность ему за многолетний неизменный талант в изображении всех сторон нашей жизни, ибо недаром он (повторю) является «дежурным по стране», проявляя вдохновляющую нас, слушателей, удивительную *жизнерадостность* «со слезами на душе»...

Прав, прав был Вадим Глебов из «Дома на набережной», об адвокатской защите которого автором записок будет сказано позже... Правота Глебова в том, что не стремился записываться куда-нибудь, не хотел, чтобы и его кто-то куда-то хотел записать, не хотел, чтобы его куда-то или во что-то тащили, даже под любыми патриотическими призывами, и посулами, а хотел только одного — чтобы его оставили в покое, чтобы все вокруг него как-то *само собой* текло и текло, и для этого не надо делать каких-то усилий ему самому...

Как–то запомнились чьи–то строчки: «Страна прозрела! Стану зрячим // И я, когда в стране светло. // Довольно камнем быть лежачим! // И я хочу, чтоб под меня текло!»

...Представил (могу же представить себе) — этакий *некто*, кому кто–то поручил отобрать среди размахивающих руками, а проще сказать среди призывающих всех страждущих, т.е. стоит перед условным народом и *определяет*: вот ты подходящий, и ты, и ты, который пытается спрятаться за спинами других, подходишь, а вот ты не подходишь, да, и ты на костылях куда... Все отобранные мной добровольцы — вперед «на баррикады», за будущую свободу! Останавливается в недоумении, слыша мнения, подстать сценке «А что я мог сделать один?», и с такими повторяющимися суждениями — в разные стороны... И стоит этот *некто* один, а вокруг никого, думает: мол, может быть, правы мудрые люди, объясняющие приблизительно следующие, что никакие призывы и заклинания не нужны, все делается *само собой*, как в живой природе на Земле...

И почему–то *ему* вспомнился Китай, постепенно, шаг за шагом, становящийся на сегодня одной из передовых стран мира. А ведь в ней, когда царил диктат *культурной революции*, выросшей из призывов и заклинаний Мао Цзедуна, страна–то находилась в каких–то других по счету рядах, но далеко не первых. Этот *некто* и думает: может быть, все дело в заклинаниях, патриотических уверениях в верности и присяжности (от «присягать») правящей власти?.. А может быть, действительно, дело не в заклинаниях и уверениях власти, что свойственно для миллионов граждан моей страны? Да, думается, не меньшему количеству таких же граждан страны эти характеристики не свойственны, но кто знает, кто знает, при слышимости увеличивающегося звука постукивания в дверь скапливающих *мещан*...

...Может быть, читателю кажется, что какими–то непонятными кругами ходит автор вокруг понятия/термина «шестидесятники»: если есть такой термин/понятие, то должно быть какое–то деяние/действие — «шестидесятничество», например. Ну, и как вы это себе представляете в условном диалоге: «Я — «шестидесятник»! — «А как и чем вы занимаетесь?» — И по ходу диалога напрашивается ответ: «Шестидесятничеством»! Нормальный человек улыбнется на такое, и даже недоумевая, переспросит: «Чем, чем»? Ну как ему ответить? Может быть, так: «Извините, я не точно выразил свою мысль. Вы правы, *этим* заниматься нельзя! Я просто разделяю мысли людей, сформировавшихся после XX съезда партии; можно и так сказать — потому, что дышу *одним* воздухом вместе с ними. Ведь мы же

дышим кислородом, выделяемым и листьями в наших парках и садах, не спрашивая ни у кого разрешения. Никто же не может разделять людей на: “этому можно дышать *нашим* кислородом”, а вот этому “нельзя дышать”, ибо он не патриот, он — сторонник Сталина, проще сказать — сталинист...» И нашими же руками, а точнее — языками, «разжигаем костер», *делящих* живущих в одной стране на «чистых» и «нечистых» (такая *дележка* на взгляд «делящих»). Но ведь подобное мы уже проходили в гражданскую войну, разожженную большевиками с Лениным во главе, так зачем же повторять наши — общества — исторические ошибки, обошедшие нам слишком дорогой ценой: смертью и голодом не одного миллиона граждан, разрушенной экономикой, вынужденной и насильственной эмиграцией сотен «мозгов», заработавших славу для Запада... А может **ЭТО** кому-то нужно, чтобы показать другим странам, начавшими грезить о социальной справедливости в России?!

Но у нас у всех, хоть немного образованных еще в незабвенные советские времена со школьных лет в памяти заучиваемые наизусть удивительные слова Николая Васильевича Гоголя из «Мертвых душ» — «...Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа».

Заканчивается второй век прозвучавшего вопроса... Может быть, дело в том, что не вникая в *смысл* вопроса при простом заучивании еще со школы, мы со всеми персонажами «Мертвых душ» несемся с *хохотом*, задыхаясь от которого практически не обращаем внимание на то, что эти невеселые размышления автора звучат под звук колокольчика «чичиковской» тройки, несущейся по России... Ну, разве не прав Юрий Трифонов, размышляющий в рассказе «Опрокинутый дом» о мнении американца: «Ведь когда читаешь Гоголя — смеешься, а прочитал — тоска»?

Может быть, дело в том, что в таком неразмыслении плохо звучит не по-толстовский понимаемый пресловутый патриотизм, за что и был предан великий русский писатель церковной анафеме? Может быть, страдают учебные программы по русской литературе в некогда, как говорят, читаемой стране в мире? И надеюсь, и уверен, будущее ответит на эти вопросы, внесет достойные культуры народа коррективы...

...Еще в **1989 году** посмотрел по телевидению документальный, публицистический, исторический 3-х серийный фильм «Дети XX съезда», снятый главной редакцией программ для молодежи ЦТ СССР (режиссеры: А.

Разбаш, Л. Парфенов). Это — беседы и рассказы с *пробросами* во времени: Юрия Буртина, Александра Бовина, Лена Карпинского, Юрия Карякина, Егора Яковлева, Евгения Евтушенко.

Вот и в *2017 году* — прошло же более *60 лет* со дня съезда — смотрел в который раз (ранее по ютубу в Интернете) с удовольствием все эти серии по телеканалу «Ностальгия» (на мой взгляд, показательна трансляция *13–17 июня* в дни празднования России). Еще раз просмотрел, и более внимательно, чем ранее, и подумал: ну, эти–то участники съемок фильма и по сути, и по праву называют себя «детьми Двадцатого съезда», а мне как себя называть? Когда съезд прошел, напомним — *февраль 1956 года*, мне было десять лет; когда проходило формирование поколения, и я читал осознанно и с тогдашним для меня *пониманием* Гранина, Коржавина, Евтушенко и массу других поэтов и писателей мне уже было более двадцати; а уж когда прочитал «Дом на набережной» Юрия Трифонова, и за спиной были описанные встречи и работа в обкоме комсомола, как меня, которому идет уже за тридцать, назвать «по фильму», и куда отнести, к какому возрастному измерению? Я пишу и размышляю об этом для себя, а не для выдачи какого–то документа о своем участии где–то или действия в чем–то...

Выделяя курсивом свое *понимание* и произведений, и взросления не по возрасту, а по ощущениям в атмосфере разных событий в обществе имел в виду, в частности, смысл работы над книгами по творчеству Юрия Трифонова — я стремился понять родословную, понять гражданский, политический опыт поколения наших отцов. Стремился, ради удачливости в каких–либо попытках передачи последующим поколениям нашего терпеливого мыслительного понимания их (поколения наших отцов) взлета, их драмы, их, может быть, трагедии, понять их и сегодняшнее, какое–то по счету, «дыхание» (обычно упоминают фразу об открытии «второго дыхания»). Зачем? Вот главный вопрос, на который можно с улыбкой отвечать — потому что без *них* не было бы *нас*, и без их горького опыта мы никуда, и ни с чем, хотя бы с улыбками, не сможем в общем–то никуда...

Это подтверждает необходимость периодически всматриваться в то, что осталось позади... «Человек несет на себе вериги прошлого, и “отряхнуть его прах с наших ног” гораздо легче сказать, чем сделать, — писал Юрий Трифонов. — Наивно предполагать, что новое поколение начисто забудет все, что было до него с его отцами и дедами, — может, ему покажется, что все забыто, но это обман. Память трансформируется в нечто иное... чтобы не забывать даже самые суровые, трудные страницы и моменты нашей истории. Моменты, которые находят отражение в нас самих... История входит в кровь

и плоть человека. Инструмент, орудие, которыми каждый из нас обладает для того, чтобы понять мир — это наше сознание».

...Попробуйте заменить Пушкина или Пастернака, Бабеля или Платонова, Мамардашвили или Грушина... Это они — настоящие — своим творчеством, своими мыслями *торили дорогу* в развитии нашей памяти, нашего осознания, познания действительности прошлого, нынешнего времени, помогают нам находить (как и себе в свое время) свои, собой осознаваемые *дорожки* в жизни. И сила их не в какой-то ими осознаваемой правоте мыслей в написанном, а в правоте их (мыслей) все большего и большего созвучия с нами, помогающие расширять, так сказать, границы желанного *сообщества* людей. Они, как и многие представители науки и культуры, помогают с трудом, с большим трудом и постепенно в индивидуальных и коллективных мучениях, длящихся не одно десятилетие в устойчивом формировании должных ценностей, в главном — *отличать* Спасителя от антихриста...

Вглядывание в «настоящее прошлое», как и путь-дорога человека, идет разными темпами. То быстрый, позволяющий «перескакивать» через годы, то, вдруг, медленный, помогающий более внимательно взглянуться в какие-то детали, *понять* происходившее тогда и взаимосвязь с нынешними временами. Своеобразные «встречи без встреч», ибо, как писал Сергей Есенин:

Лицом к лицу — лица не увидать
Большое видится на расстояньи.

...И вновь обращаюсь к периоду своей работы подготовки работы над книгами о жизни и творчестве Юрия Трифонова. Как-то ненароком обратил внимание на писательское сравнение «кучности» в те, или иные периоды истории. Посуди сам, читатель, в XIX веке родились в условном *диапазоне* тридцати лет: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Огарев, Тургенев, Тютчев, Некрасов, Гончаров, Достоевский, Толстой, которых, конечно же, условно, считать — детьми одной *историко-биологической матери*. А в дальнейшем, за долгие годы, вплоть до Чехова, — пожалуй, никого, из числа даже приближающихся к ним писателя. Как это, естественно, гипотетически, можно объяснить?

И в начале XX века — опять «кучный» всплеск талантов, но иного качества — гениев, героев и злодеев: Столыпин, Витте, Плеханов, Распутин, Ленин, Троцкий, Сталин, Керенский, Деникин, Колчак... Но в то же время — по факту «кучности» рождения в диапазоне *десяти* лет: Булгаков, Бабель,

Пастернак, Мандельштам, Есенин, Ахматова, Маяковский, Цветаева... Это, на мой взгляд, позволяет предположить, что — условно — в разные эпохи процент талантливых людей примерно одинаковый...

Возвращаясь к сериям телефильма «Дети XX съезда». Слушал спокойную выдержанную прямую речь: Юрия Буртина (1932 года рождения), Александра Бовина (1930 г.), Лена Карпинского (1929 г.), Юрия Карякина (1930 г.), Егора Яковлева (1930 г.), Евгения Евтушенко (1932 г.) — практически одногодков о нынешней оценке того своего времени. В контексте моих записок — их оценки малоприятные, но искренно-правдивые, ибо сами о себе, хотя и в прошлом. Да, знания и понимание постепенно становились обогащенными, как своеобразные исповеди шестидесятников, уже не в молодом возрасте, делящихся с нами — людьми из другого поколения... Мне кажется, в фильме Лен Карпинский достаточно определенно сказал о них самих словами современников — мол, вы *поколение мощного прыжка, но без удавшегося полета*...

Не буду касаться беспартийного, но партийного, по сути своей поэзии и публицистики Евгения Евтушенко, которые по духу соответствовали решениям XX и XXI съездов. Не буду — об Александре Бовине и Егоре Яковлеве, которые своим талантом журналистской публицистики в ЦК КПСС и в еженедельнике «Московские новости» сумели привнести свое понимание необходимости несуетливых, взвешенных демократических преобразований в *приоритет* общечеловеческих ценностей над классовыми. Позже это понимание начал посылно развивать в своей короткой по времени работе Ю.В. Андропов. Как руководитель партии и государства, он первым начал публично говорить о трудностях объективного и субъективного характера строительства социализма (это он о сложнейшем процессе, растягиваемом не века, превращения «моего» в «наше») стремясь сделать все возможное, чтобы избегать разных по сути репрессивных мер в отношениях к собственности...

А Юрия Буртина, Лена Карпинского, Юрия Карякина с такими же, по сути, суждениями как у своих коллег, думаю, что примерно таковое каким-то образом в принципе и у Ю.В. Андропова — они, так сказать, *сидят* в каком-то уголке его памяти знаний и понимания происходящего в стране, так вот их троих исключили из партии: мол, за взгляды не совпадающими с мнениями большинства... Иначе, полагаю, трудно чем-то иным как-то объяснить, конечно же, спокойное, осторожное, без малейших быстрых движений в управлении общественно-экономическими процессами в стране. Полагаю, само собой, без каких-либо доказательств или свидетельств, но вышеприведенный пример начальника 5-го управления КГБ генерала Ф.

Бобкова в беседе Ю.В. Андроповым позволяет полагать, что находящаяся в Комитете рукопись статьи Лена Карпинского «Слово — тоже дело», не говоря уже о каких-то служебных записках того же А. Бовина играли какую-то роль в укреплении его (Ю.В. Андропова) его суждений в вышеприведенном докладе о проблемах строительства социализма в СССР.

(Вспоминается старый анекдот: «Вылезают из гигантской кучи каких-то отходов и навоза два крота — отец и сын. Сын восторженно крутит головой и говорит отцу “Папа, даже голова кружится от кислорода, почувствуй этот удивительный запах воздуха, и он кругом. Неужели нам опять вниз, в это дерьмо опускаться, ползать и дышать?” — “Да, сынок, но там внизу наша родина”».)

...Так вот, возвращаясь к показательной интересной метафоре Лена Карпинского с мощным прыжком и *несвершенном* полете, глядя на их лица, и слыша их разные суждения, произносимые с такими же по смыслу неодинаковыми интонациями, закономерно думал: ну, хорошо, разбег был, а полет куда, и с кем, и какая цель у компании разбегающихся для разбега... В памяти всплыла другая метафора с прыжками в высоту: они — против закона земного притяжения, и по мысли Юрия Трифонова о своем творчестве — это «прыжки в высоту без разбега со связанными руками»... Это он говорил о времени исключения Б.Л. Пастернака из писательского союза в **1958 году**.

Хорошие метафоры, подумал я: если в высоту, то по чрезмерно установленной планке понятна ее недостижимость, ибо для этого сразу же возникает миллион условий в мире для такого осуществления. А если в длину — вот это, думается мне, весьма посильно для такой страны, как Россия... Повторю свою, может быть, кому-то кажущую неуклюжей попыткой моих рассуждений о значении роли «шестидесантников» на *поле* человеческого и социального ландшафта, постепенно изменяющегося отношения к *собственности*, как в обществе, так и в государстве. Но обращаю внимание на важнейшее обстоятельство в таковом взаимосвязанном освоении *полей*, — что человеческий ландшафт удивительным образом пересекается существенными *низменностями* интересов людей... Хотя история всегда многовариантна, нет единственной короткой дороги ко всеобщему успеху, дарующему благоденствие, что ищут, ищут, ищут *нетерпеливые* от *нетерпения*, а есть множество дорог. Дай-то Бог, что это множество дорог постепенно избавляло людей, как-то само собой от шелухи *нетерпимости нетерпеливых*...

Поэтому главное в моем понимании о таковой роли «шестидесятников», несмотря на уходы, уходы, уходы их от нас — оставшиеся *генны* их мыслей, действий и тому подобное, а в необозримой перспективе — и так далее...

Остановил себя за руку, поняв, что расписыванием вспомнившего, неминуемо буду уходить в сторону от стержня записок за этими талантливыми людьми, объяснениями их состояния от услышанного на съезде, а позже их непростой жизни. Поэтому, читатель, если будет интерес к рассказанному ими, смотри серии телефильма «Дети XX съезда» в Интернете.

Но почему-то рука моя все пишет и пишет... А в голове все «колготятся» мысли и воспоминания о чем-то, о ком-то... Вспомнилось — еще в «начальной», так сказать, молодости на меня произвели удивительные, пока еще по сути не осознаваемые впечатления, фильмы «Шумный день» (1960 год), и «Друг мой, Колька» (1961 год). Это же позже понимал и узнавал подробнее, что передо мной были «дети XX съезда» на сцене театров и кинематографа: театр «Современник» и спектакли Анатолия Васильевича Эфроса в ЦДТ (и «В добрый час», и «В поисках радости», и «Друг мой, Колька»).

...Собирая домашние досье на любимых писателей и поэтов, как-то, через какие-то каналы (Самиздат?) в руки попали машинописные странички со стихами Андрея Вознесенского. Он писал в стихотворении *1956 года* «P.S.»: «Не надо околичностей, // не надо чушь молоть. // Мы — дети культа личности, // мы кровь его и плоть... // Мы сброшенные листья, // Мы музыка оков. // Мы — мужество амнистий // и сорванных замков...»

На мой взгляд, понимаю, что здесь я не оригинален в параллелях зарождающего с детских лет чувства не принимающего фальши, с фактом рождения коллектива театра «Современник» в *1956 году*. Они (коллектив театра) и были теми самыми «детьми XX съезда», понесшими через сотни, тысячи, сотни тысяч рукопожатий свободолюбивый дух, нужный такому же количеству людей просто так — для дыхания, для жизни, для воспитания детей, для того, чтобы этот свободолюбивый дух не кончался, как звучит известная мудрость: «Пока дышу, надеюсь»!

Я рад, что стал таким участником, кому передалось это самое ощущение через знакомство и дружбу с Александром Петровичем Свободиным, одного из авторитетных участников рождения театра «Современник» в том самом пятьдесят шестом году. Он немало мне об этом рассказывал и когда по нашему комсомольскому приглашению приезжал в Челябинск на творческие

семинары, и мы встречались у нас с Милой дома, и когда я бывал у него дома на улице Черняховского. Тогда от него — Свободина, так сказать, из первых рук одного из «повивальных бабок» рождения театра узнавал многое из того, что в то время, при свирепо действующей цензуре, никак не могло быть напечатано... Позже наша дружба с Александром Петровичем развивалась уже на основе захватившего интереса к творчеству Юрия Трифонова на интересе к роману «Нетерпение», и его, А.П. Свободина, пьесе «Народовольцы», написанной для «Современника». А тут нас захватывал новый виток совместного любопытства, выносившего на интереснейшую проблему народовольческого движения в России...

...Почему-то вспомнилось, как я стал чуть ли не персоной нон грата в кажущимся мне восприятию А.В. Эфроса (а может быть, это тогда только показалось?), когда случайно во время моей командировки в Москву, мы встретились у него на спектакле «Человек со стороны» с А.П. Свободиним. Когда закончился спектакль, Свободин с Эфросом поговорили, и как-то Анатолий Васильевич отвлекся для разговора с кем-то, а Александр Петрович повернулся ко мне с вопросом о моей реакции социолога на спектакль, и мы как-то незаметно для окружающих увлеклись разговором. Свободин увлек меня рассуждениями о возникших параллелях экзистенциальной драмы инженера Чешкова, этого «человека со стороны», с действиями народовольца Желябова и ему подобных в российском движении истории... И я, не очень понимая философско-историческую глубину предложенную мне Александром Петровичем для разговора, вовлекся в него и мы медленно стали уходить куда-то. Очнувшись от призыва Эфроса «не уединяться в непонятную сторону», поспешили со Свободиним вернуться. Мне показалось, во взгляде Анатолия Васильевича на меня какое-то ревностное осуждение приглашенных им «отступников» от темы спектакля, замененных на проблему народовольческого движения. Причем, даже если это и было, то это могло относиться только ко мне, а не к Александру Петровичу Свободину...

Убей меня бог, не могу даже вспомнить как, каким образом, через *что*, наш разговор, прости, читатель, за нахальство — втроем (гениальный режиссер «в законе» Анатолий Эфрос, гениальный театральный критик «в законе» Александр Свободин, и вне закона какой-то комсомольский работник Александр Шитов) переключился на рассуждение мне не известной пьесы Александра Галича «Матросская тишина», а затем и на его песни. А вот тут уже и я мог что-то вразумительное добавить в нашу беседу — имею в виду песни Галича. Еще и Свободин добавил для моего реноме перед Эфросом — о моем участии в знаменитом фестивале «с Галичем» шестьдесят восьмого года

в Академгородке... Ух, как мой авторитет тогда вырос в глазах Анатолия Васильевича, тем более, что мы каким-то образом переключились на «шестидесятников», на поэзию Евтушенко, Вознесенского и почему-то с поминанием Мандельштама... Вот уж где надо было меня останавливать... Так я и не помнил: где, чем и как окончилась наша такая великолепная экспромтная встреча!

...Возвращаюсь к ранее прерванному.

И такие мои пожелания и суждения об этом телефильме — я о телесериале «Дети XX съезда» — были еще кому-то во встречах, но вот кому — не могу вспомнить? А память все свербела и свербела в голове — помнил, что говорил о фильме человеку, с которым мы рассуждали о времени, о комсомоле, о «шестидесятниках», где я использовал этот телефильм как аргумент... Но вот с кем из моих друзей и знакомых говорил вперемешку с таким «букетом» воспоминаний (о том, о другом, о третьем)? И этот человек почему-то все не вспоминался, как другие, о ком писал в записках... И как-то вспыхнуло в памяти — это же я говорил с Кайдановским, да-да, с Александром Кайдановским — этим загадочным, и по-актерски не понятным, нераскрытым гением! А память продолжала «шарахаться» из стороны в сторону: помнил, что встретились в самолете, который летел из Будапешта... Но постепенно все в памяти как-то «устаканилось», ибо все стало возвращаться *назад* ... к комсомолу!?!

Да-да, именно с комсомола как все другое началось для меня... Что и отражено не только в этих описанных встречах... Так, с «легкой руки» Е.П. Велихова, будущего академика АН СССР, а тогда — председателя совета молодых ученых и специалистов ЦК ВЛКСМ в беседе с Валентином Кузнецовым, в прошлом — завотделом научной молодежи ЦК комсомола, с кем подружился еще на прошлой работе в обкоме, развивалось решение многих проблем в работе, как и наше — организованного мной Челябинского научно-учебного центра «Менеджер» — сотрудничество с Международным научно-исследовательским институтом проблем управления (МНИИПУ), где одним из учредителей была Венгрия. По их, института, предложению я был включен в научную группу для поездки в Будапешт. И вот мы — кажется в апреле *1991 года* — возвращались в Москву.

По привычке пошел в «хвост» самолета, чтобы сесть в последних рядах. Подхожу и вижу А. Кайдановского, место с которым пустует, куда и сел, поздоровались. Контакт сразу же установился — ведь оба мы Александры, а уж когда после краткого обмена общими словами, из чего, кстати, стало известно, что оба с сорок шестого года рождения (только я — в апреле, а он —

в июле), по его предложению перешли на «ты». Как говорил Жванецкий — а у меня *было* (вез с собой приличный запас венгерской «палинки») — я позвал стюардессу, и под лучезарные улыбки другого Александра, попросил принести разогретый обед... Ну, и мы начали, еще не взлетев... О чем говорили, признаюсь, помню со второго на третье, находясь в эмоциональном состоянии разговора с самим «тарковским сталкером». Такое начало, подогреваемом «палинкой» и подкреплением купленной в Будапеште «салями», плюс дважды приносимым самолетным обедом... Просто говорили, говорили — о Тарковском, Мандельштаме, Евтушенко, Вознесенском, Эфросе, Галиче, Высоцком, помню, он говорил о своих съемках в Венгрии в фильме «Мой XX век»... Очнулись от беседы, когда колеса самолета застучали о посадочную полосу в Москве. Он сразу же сказал: мол, претензии не принимаю, в гостиницу поедешь после посещения меня, и поехали к нему домой...

Это позже в Интернете прочитал различные публикации друзей и знакомых о знаменитой комнате Кайдановского, где он прожил последние четырнадцать лет, где сорок восемь лепных ангелов на потолке. На фото в этих публикациях видел то, с чем ранее столкнулся во время нашей кратковременной встречи–беседе. Это была большущая комната в восьмикомнатной коммунальной квартире с высоченными четырехметровыми потолками, с удивительной (наверное, не только для меня) и фантастически грязной, полунадколотой ванной с непонятно как работающей газовой горелкой, с отваливавшейся лепниной в виде штукатурки на потолке (когда пошел вымыть руки после дороги, то Саша меня предупредил о ней, падающей с потолка) и также отваливающейся на стенах, наряду с другими немислимыми «прибамбасами» той самой коммунальной общего пользования, если так можно назвать ванную в квартире на улице Воровского. Само собой — общий туалет крохотных размеров, где поочередно пытаться уж как–то разворачиваться живущим и гостям в этой коммуналке. В позже слышанных легендах об этой «нехорошей и странной» комнате (прямо по–Булгакову), как–то умудряется жить гений, подтверждая суть правомерности съемки «Сталкера» Андрея Тарковского... Я говорю не об их (Сталкера, Физика, Писателя) дороге в преодолении фантазийных «ловушек», а о его, Сталкера, жилище — комнаты, ванной, если так можно сказать... Но я это видел сам, и не в слышанных легендах, а наяву...

Недаром его друзья подтверждают — хозяин относился к своему жилищу, как к одушевленному существу, он просто слился с ней, своей коммуналкой, с вывешенными графиками очередности уборки в ней, и еще

какими-то графиками соблюдения каких-то обязанностей. И все это существовало как в ином параллельном мире, как и с животными, олицетворяющими для него своеобразными непредающими членами семьи собакой Зиной и котом Носферату...

Я достал из сумки оставшуюся бутылку «палинки», и собрался идти на кухню чего-нибудь приготовить, но он меня остановил: мол, посиди, поговорим, покажу тебе книги, потом придет Патриция (я переспросил, боясь, что не понял: мол, придет какая-то патриция, чтобы пожарить нам картошку!) а он пояснил, что речь идет о его гражданской жене по имени Патриция, филологе и переводчице из Англии. Так вот, пока она будет готовить нам поесть, ты за это время рассказывая, ответишь на важные для меня вопросы...

За несколько часов, проведенных вместе, посмотрев через много лет немало материалов о Кайдановском в Интернете, при подготовке данных записок считал целесообразным сконцентрировать память на главном для меня, надеюсь, и для читателя, вопросе, который незримо, так сказать, сопровождает меня — чем же я мог оказаться интересным для того или иного собеседника, в данном случае для такого интереснейшего человека как Александр Кайдановский?!

Повторю — начав в самолете, и продолжив в комнате — мы говорили, пожалуй, практически о всем том, о чем писал в записках. О «шестидесятниках», решениях XX и XXII съездах, Евтушенко, Вознесенском, Эфросе, Высоцком, Галиче, моих годах работы в Челябинском обкоме комсомола, работах о Юрии Трифонове (написанных книг еще не было, за исключением книги трифоновской публицистики «Как слово наше отзовется...» в 1985 году, которую после встречи послал ему по почте), публикациях в «Московских новостях», Осипе Мандельштаме, встречах с Н.Я. Мандельштам... И подобного рода наши разговоры-беседы шли на потрясающем — в моем понимании — фоне альбомов художников мира, того же масштаба философов, личность которых, как и художников можно различать по корешкам книг, а по стенам — иконы, иконы, образы, образы... И все это фантазмагорическое разнообразие картин, наряду с написанными самим художником Кайдановским, книгами *везде* лежащими, альбомами художников как-то всунутыми среди стопок книг, иконами, образами, коллекцией классической музыки — как-то своими «лицами» светились на выкрашенных в черный цвет стенах, как павильон для одного из его фильмов, да так и остались таковыми. Глядя на все это интеллектуальное разнообразие и художественно-изобразительное изобилие, размещенное в одной комнате, подумал о своих друзьях Саше Каунове (чьим большим другом был знаменитый Савелий Ямщиков, консультант Тарковского на съемках фильма

«Андрей Рублев»), Славе Липском (большими *друзьями* которого были книги философов, рядами и вперемешку стоящие на полках, и лежащими на единственном столе и на полу), которые могли бы больше чем я соответствовать интересам Кайдановского...

Суть наших бесед так или иначе была вокруг одного: в отличие от идеологий любых партий — культура по своей природе плюральна, обращена к индивиду как дар, ценность, помогающая достойно жить как личности, так и, естественно, обществу. Культура, о чем трепетно и убежденно говорил мой собеседник, имеет больше возможностей для многогранного развития личности, для сближения людей, народов, несмотря на различия культур как таковых. Ведь историю, по большому счету развития человечества, двигают не идеологии и партии, а народы и творческие индивиды в своем спонтанном каждодневном труде и усилиях по поддержанию жизни, ее обустройству, созданию и развитию своеобразной «вселенской библиотеки» (определение Хосе Борхеса, по рассказу которого «Сад расходящихся тропок» делал свой киносценарий Кайдановский), культуру творят Аристотели, Гомеры, Платоны, Сократы, Данты, Рублевы, Кузанские, Леонарды да Винчи, Коперники, Монтени, Шекспиры, Сервантесы, Вольтеры, Гегели, Канты, Серафимы Саровские, Ломоносовы, Пушкины, Гоголи, Толстые, Достоевские, Чеховы, Булгаковы, Флоренские, Рерихи, Швейцеры, Бахтины, матери Терезы... Слава богу, перечень этих «знаков-символов» (да простится нам в беседе, упоминание гениев во множественном числе), детерминирующих потоки движения в развитии идей не только своего времени, но и последующих поколений мог быть многостраничным!

Вспомнив свою рукопись по Юрию Трифонову, по его записям о «Бесах» Достоевского, и рассчитывая на солидарность любящего писателя Кайдановского, вставил в качестве дополнительного аргумента, что именно религия, впрочем, как и идеология, хотя и степени влияния иные, приучали, как точно заметил Достоевский в «Бесах» — к *стыду собственного мнения*. А вот как добиться того, чтобы собственное мнение индивида становилось, постепенно, но становилось частью осознанных коллективистских отношений, отношений в обществе? Я продолжил цитирование Трифонова по памяти: «Так вот, чтобы оценить, к примеру, фильм “Земляничная поляна” [Ингмара Бергмана]... надо иметь накопления. Надо, может быть, знать Библию, Данте, Шекспира, Хемингуэя, Льва Толстого, Кафку, Чехова...» Мой собеседник — хозяин этой фантастической философской, художественно обставленной комнаты — поддержал меня, сославшись на мнение Андрея Тарковского, запомнившееся ему еще со времен съемок «Сталкера», которое он разделял, на

мой взгляд, будучи по внутренним самоощущениям истинно русским, православным человеком. «Два главных вопроса у человека, — говорил Тарковский, — как договориться с Богом и со своей совестью». Почему эту мысль Тарковского, произнесенную Кайдановским, запомнил — потому, что она такая простая по сути изложения была услышана мной в произвольной редакции от Надежды Яковлевны Мандельштам, как напутствие мне при нашем с ней прощании в *1972 году*...

Но я помню, помню повторяющийся его, Кайдановского, вопрос о непонимании моего, тем не менее, непонимающего им моего поведения, т.е. моих точек отсчета, при знании, я его убедил на примерах, истории комсомола и партии, во всех проявлениях в нашей истории, в обыденной жизни... Проще сказать — как я, зная на конкретных примерах происходящего в нашей стране, сути извращенной деятельности Системы управления, сохранять какую-то призрачную веру в предстоящие изменения к лучшему? Я почему-то вспомнил как он в самолете мне рассказывал о съемках в венгерском фильме «Мой XX век», поэтому уже в *квартирном* разговоре, оттолкнувшись от названия этого фильма, привел в пример уже упомянутый трехсерийный фильм «Дети XX съезда»...

И вот тут я пытался говорить на сравнении венгерского фильма, который я не видел, и нашего, который смотрел не один раз. И если о венгерском я мог хоть как-то рассуждать на основе рассказа самого Кайдановского, то уж на примере «Детей XX съезда» мог рассуждать, исходя из своего его, фильма, понимания. Помню, как он мне рассказывал, показывая сценарии фильма «Сад» по рассказу Х. Борхеса «Сад расходящихся тропок» о том, как кому-то (имени я не запомнил) удалось разгадать замысел автора бессвязного романа, что он и был «садом расходящихся тропок», что это и натолкнуло на мысль о развилках во времени, а не в пространстве. И дальше он говорил о похожем на творения различных будущих времен, которые в свою очередь *множатся и ветвятся*. Помню и его заключительное мнение ко всему им рассказанному — отсюда и противоречия у китайского писателя в самом рассказе...

И я почему-то вспомнил тогда «Белые стихи» Бориса Пастернака, с которыми столкнулся, работая над дипломом о поэзии Осипа Мандельштама. Почему вспомнил эти стихи? Они мне напоминали стихотворение Мандельштама (я его цитировал при рассказе о встрече с Надеждой Яковлевной): «Звук осторожный и глухой // Плода, сорвавшегося с дерева, // Среди немолчного напева // Глубокой тишины лесной...»

Так вот, говоря о *множестве и ветвлению* по принципу синергии и стихах Пастернака:

...Он мог сказать: «Я знаю, старый друг,
 Как ты дошел до этого. Я знаю,
 Каким ключом ты отпер эту дверь,
 Как ту взломал, как глядывал сквозь эту
 И подсмотрел все то, что увидел»...

И не эти ли принципы синергии имел в виду Борхес, говорил я Кайдановскому, когда он говорил о сути своего сценария, где стоит герою романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает все разом, которые в свою очередь *множатся и ветвятся*... Вот, как мне кажется, суть моего сценария, продолжал свою мысль этот великий актер и сценарист, где по своему пытаюсь рассказать, что писатели и поэты, похоже, всегда были лучшими пророками...

Таким образом в нашей беседе я пытался вспомнить какие-то примеры из объяснений Вячеслава Липского из философии... А дополнения из поэзии Мандельштама и Пастернака — из памяти во время работы над дипломом в университете, о чем также рассказывал Кайдановскому в его комнате...

Собственно, о чем-то похожем мы говорили и при его рассказе о написании сценария — этакой сюрреалистической драмы — «Жена керосинщика». Через некоторое время он говорил о сценарии единственного документального фильма «Маэстро», посвященного великому Сергею Параджанову. В ходе нашей беседы у меня создалось впечатление, что в каждой его вещи, которую он снимал или писал сценарии, присутствовало какое-то измерение чего-то по вышеупомянутым принципам синергии. И все это время вертелось в моей голове обращение Юрия Трифонова к читателям о пояснении словечка *рябь*, и при этом какие-то движения человека, пытающегося размахиванием рук объяснить это словечко...

И когда он пошел меня провожать в гостиницу Академии народного хозяйства на метро «Юго-Западная», я столкнулся с неожиданной для меня реакцией на популярность Александра Кайдановского. Выйдя на улицу пытались остановить хоть какую-то машину, не получалось. Сказал, чтобы он возвращался, пойду вперед, выйду на Арбат, где идет множество машин, и оттуда быстрее уеду. Пройдя метров 30–50 вижу зеленый огонек такси, остановилась машина, и водитель выслушав меня, что мне нужно до метро «Юго-Западная», сказал: мол, извини парень, на обед еду, у меня язва надо вовремя есть, так что извини, не могу... Вижу, как его останавливает мой спутник. Минута, и он сдает назад, подъезжает ко мне: «Садись, успеется с обедом!» Подъехали. Вышел попрощаться, обнялись... Едем, естественно

поинтересовался: мол, почему мне отказал, сославшись на необходимость обеда, а моему товарищу не отказал? Ответ меня поразил: «Тебя, парень, я не знаю. А Кайдановскому просто не мог отказать! Ты же его товарищ...» В дороге беседовали об актере, об этом интересном человеке. Устроился в гостинице, звоню ему: мол, все в порядке, ты можешь гордиться своей популярностью в народе, как сказал мне таксист: «Кайдановскому, ну, никак не мог отказать довести его друга...» Так что и на мне, Саша, отразился лучик твоей славы... Сказали «спасибо» друг другу за изумительно проведенное время!

Вот так закончилась моя единственная встреча с Александром Кайдановским, которого правомерно называли гениальным актером — Марчелло Мاستроянни, Рутгер Хауэр, Ричард Гир, Ханна Шигула, Маша Мериль, Роберт Де Ниро, Клинт Иствуд, Катрин Денев. Его сравнивали с Джеком Николсоном и Иннокентием Смоктуновским. Директор Каннского фестиваля Жиль Жакоб пригласили его участвовать в жюри этого знаменитого мирового кинематографического мероприятия, что стало признанием вклада Кайдановского в мировой кинематограф...

Фильм Андрея Тарковского «Сталкер», где он сыграл главную роль почти тридцать лет назад, признан классикой во всем мире. А я все недоумевал: почему, как писали потом во многих энциклопедиях, в этой, гениально сыгранной роли, он не любил пересматривать этот шедевр. Как писали те же энциклопедии, а я убедился в этом во время нашего общения и в самолете, и у него дома, режиссер Тарковский обнажил в Кайдановском—актере то, что он не мог любить и стеснялся показывать: незащищенность, ранимость, жестокую психологическую травмированность. Поэтому, как я незримо почувствовал, когда только—только в начале нашего общения прикасался к любимому мной «Сталкеру», он как—то равнодушно и отстраненно произносил два—три слова и переключался на другую тему...

После его кончины в 2002 году вышла книга «Александр Кайдановский в воспоминаниях и фотографиях». В ней собраны редчайшие фотографии из государственных и частных архивов, воспоминания друзей и коллег. Его друзья — это не только актёры, но и психологи, искусствоведы, филологи, художники, настолько разносторонним и интересным был этот человек. Собрал все материалы и написал предисловие друг Кайдановского — режиссёр, сценарист, историк кино и литературы Евгений Цымбал. Он же составил первую полную хронику жизни Александра Кайдановского...

Вячеслав Иванович Липский

...Вот также, с хорошей улыбкой о прошлом в моей жизни, посчитал уместным поместить здесь строки еще об одном человеке, сыгравшем не просто большую, а очень большую роль в моей жизни. Как напрямую, так и косвенно он имел отношение практически ко всему, о чем я писал ранее — это Липский Вячеслав Иванович.

В основе начала моего *умничанья* по вопросам философии, эстетики и близлежащих наук были пояснения, зароненные им и другими. Так, насколько мне помнится, от него, и появившихся у меня *умных* друзей — Володи Вавилина, Игоря Табашникова, Николая Михайлова, работающих в педагогическом институте, услышал фамилии Л. Когана, Т. Шибутани, М. Кагана, Б. Парыгина, Д. Белла, Д. Гэлбрейта, Р. Арона, Э. Тоффлера, Э. Соловьева, Э. Ильенкова, М. Мамардашвили, Ю. Замошкина, А. Пятигорского, А. Зиновьева, В. Ядова, Ю. Левады, Б. Грушина, А. Здравомыслова, Г. Щедровицкого... Эти фамилии, повторяю, я слышал неоднократно от своих новых ученых друзей, образовавшихся рядом со мной с начала работы в обкоме комсомола. Они оказывали соответствующую поддержку, и только головой успевай крутить, слыша ту или иную знакомую для меня фамилию, или, так сказать, становящуюся для меня знакомой, которых стал находить в читаемых мной книгах, и статьях в областной «публичке» по рекомендации друзей.

Вячеслав Иванович давал мне книги философов отечественных и зарубежных тогда издававшихся, и рассказывал, т.е. разъяснял какие-то непонятные и труднопонимаемые для меня термины, излагаемые ими мысли и суждения. Тогда он был преподавателем кафедры философии Челябинского педагогического института, после окончания исторического факультета Уральского университета. Так, благодаря Славе Липскому, я продолжал *попадание* во времена «шестидесятников», правда, на ином, чем у меня уровне читающего лишь их прозу и стихи.

Как я понимал, еще с университетских лет учебы у него зарождалось нормальное советское вольнодумство, как он сам позже говорил: оно было в определенных рамках, эдакое «кухонное», «общежитское», но подчеркивал, что «но все равно оно уже было, и для нас стала доступной самиздатовская

литература, которая передавалась по рукам». Я имею в виду суть выражения Андрея Донатовича Синявского о *стилистических расхождениях* с советской властью, что соответствовало неподсудности и этой мысли в таковом «кухонном» общении, чему были подвержены многие из нас в стране.

Могу сказать определенно, что наше общение с Вячеславом Ивановичем было в форме «сообщающихся сосудов» — то, что было посильно для моего тогдашнего понимания, он, не стесняясь своей истинной грамотности, терпеливо разъяснял и пояснял мне непонятные философские проблемы простым, доступным для моего понимания языком. Надеюсь, и мне кое в чем повезло бывать для него интересным, ибо, в противном случае невозможно объяснить наши многолетние встречи. Тогда, естественно, я не мог хоть как-то вразумительно дискутировать с ним по различным вопросам как отечественной, так и зарубежной философии, социологии и т.п. Так получалось, что за время моих разнообразных командировок мне везло на различные встречи, посещение спектаклей в театре на Таганке, «Современнике», театре на Малой Бронной, о чем я ему по возвращении рассказывал. Говорил и о встречах с Ю. Любимовым, А. Эфросом, В. Высоцким, Ф. Кривиним, о выступлении Галича в Академгородке, встречах с Н.Я. Мандельштам, Н.И. Харджиевым и другими.

Конец 60-х и 70-е годы были временем нашего активного общения, а тем более, когда Вячеслав Иванович стал членом бюро Челябинского обкома комсомола, где он достойно представлял разнообразную науку области. Общение с ним было прямым моим интересом и, как уже говорил о *сообщающихся сосудах*, надеюсь, и для него они (наши встречи) были желательными, интересными, как члена бюро обкома комсомола, и меня, работающего с научной молодежью. Так при нашем содействии друг другу, нам удалось подготовить и провести несколько научно-практических конференций областного и союзного уровня с подготовкой и выпусков печатных материалов всех участников (партийно-комсомольские и научные работники). В частности, мы подготовили и напечатали библиографические указатели по проблемам участия молодежи в социальном планировании и экономическом воспитании.

Я все думал — где, в каком месте мне надо не забыть сказать о такой мелочи, как успешное начало моей научной деятельности, к чему приложил руку все тот же Вячеслав Иванович. Думаю, что он забыл об этом, просто не придав этому большого значения — уж сколько раз оказывал подобную помощь другим людям просто так... Ведь всех не упомнишь...

В.И. Липский в 70–80–е годы

К тому времени, когда мне удалось успешно защитить диссертацию — *январь 1984 года* — я работал на челябинском заводе «Профнастил», и совмещал три работы: руководитель службы социологии и психологии труда, заместитель начальника отдела труда и заработной платы, был выбран секретарем партбюро завода. В мае того же года получил извещение из ВАК о присвоении мне степени кандидата философских наук. Конечно, никаким философом я не был со всех мыслимых научно-измеримых точек зрения. Тогда просто отсутствовала в соответствующем перечне дисциплин ВАК степень «социологических» наук, а диссертация моя была в основном по социологии, вот поэтому я стал «философом». В начале сентября шел по улице и встретил Липского, с кем поделился возникающими передо мной проблемами, объединяемые одним вопросом: «Что делать?» На что он, улыбаясь, сказал, что надо определяться с наукой, переходить на работу в институт... На мое категорически-слабое сопротивление о незнании и неумении работать в студенческой аудитории, со студенческим коллективом, он тут повел меня в прямом смысле этого слова *за руку* в кабинет тогдашнего ректора Челябинского института культуры... И когда минут через десять Вячеслав Иванович вышел из кабинета вместе с ректором, а это был узнаваемый мной Александр Петрович Грай, ранее работавший секретарем горкома партии по идеологии, с его улыбкой произнесенных слов по моему адресу: мол, мы же знакомы еще по прошлой партийной работе. Так началась моя новая, неожиданная работа в высшем учебном заведении на кафедре философии и научного коммунизма под руководством Нины Георгиевны Апухтиной... Большую поддержку в моем институтском становлении оказывал доктор философских наук Владимир Самойлович Цукерман, с кем подружились еще со времен наших комсомольских контактов со свердловскими социологами во главе с Л.Н. Коганом...

Вот таким незапланированным образом переменялась моя жизнь, где основную роль сыграл Вячеслав Иванович Липский. Я не касаюсь того времени, когда он позже становился секретарем Челябинского горкома партии, секретарем обкома партии... И, конечно же, он знал, и был знаком с

челябинцами, о ком успел рассказать в данных записках, но об этом пусть скажут и напишут другие...

Может быть, у других о написанном мной времени, о Вячеславе Ивановиче Липском получится, во что я несказанно и с надеждой верю, гораздо лучше, полнее, убедительнее, чем в моих несовершенных попытках, изложенных в данных записках...

Например, я бы с удовольствием предложил/попросил написать что-то свое о Вячеславе Ивановиче нашему общему с ним товарищу — Сергею Григорьевичу Зырянову, профессору, доктору политических наук, директору популярного и авторитетного Челябинского филиала РАНХиГС, который знает Липского давно, работал с ним много лет, и восхищался им непридуманно. Уверен, что если бы он согласился, то, на мой взгляд, это были бы весьма и весьма интересные неожиданные суждения, или какой-то иной материал... О таком умении Сергея Григорьевича говорят и его воспоминания об уральском следе и изменениях в Москве, связанные с началом горбачевской перестройки в его жизни, опубликованные в журнале «Бизнес и культура» («Сергея, нас ждут такие перемены!»)

Сергей Григорьевич Зырянов

На такое предложение меня натолкнуло, в частности, не только то, что знаем друг друга много лет (если память не изменяет, знакомство с Сергеем Григорьевичем с начала восьмидесятых годов, когда он успел окончить философский факультет Уральского госуниверситета, и работал в Челябинском пединституте). Расположили меня его суждения и о времени, о котором я попытался написать, и о Юрии Трифонове: «Мы, “профессиональные гуманитарии”, в советское время (правда,

в разной степени) являлись как бы “двойными людьми”. Тогда это представлялось практически неизбежным следствием безраздельного доминирования официальной государственной идеологии: публично, вслух почти все говорили одно, а в неформальном общении могли позволить себе какие-то вольности в оценках “текущего момента”... В общем, всё происходило примерно так, как у героев повестей Юрия Трифонова».

...Умышленно не стал перечислять его заслуженно-заработанные профессиональным трудом звания и должности (их много, и самые разные, и

об этом можно прочитать в Интернете на его «персоналию»), полагая достаточным назвать его должность в дополнении к ректорской — для понимания сути данных записок и возможных профессионально написанных дополнений — главный редактор ВАКовского журнала «Социум и власть», где, кстати, в редакционном совете и Владимир Дмитриевич Попов (из РАГС), о котором я ранее увлеченно и с благодарностью писал.

В наших (меня, Липского и Зырянова) беседах мы неоднократно касались удивительного мастерства Юрия Трифонова, который с детства был «врагом народа», в лице своих родителей (отец расстрелян в 1938 году, а мать отсидела в лагере восемь лет заключения «от звонка до звонка»). Он со всем народом страны пережил «двойную жизнь», но в своем творчестве не отступил от имеющейся у него возможности **НЕ** писать о том, чего не разделял. Ни в одном из его произведений, начиная со «Студентов» (1950 год), нет ни восхвалений, ни даже весьма осторожной критики каких-либо недостатков структур государства. Литературная критика 1950–1953 годов, а это десятки статей, рецензий о сталинско-лауреатском (!) романе «Студенты» (все источники есть в моей библиографии «по-Трифонову»), отмечала как существенный недостаток, что Трифонов-де не уделил должного внимания работе партийной и комсомольской организации института. А ведь там разворачивались основные события в жизни персонажей романа («из поля зрения автора почти выпали студенты-комсомольцы», «поэзию повседневной партийной работы в вузе автор не смог донести до читателя» и т.п.). Даже в то — сталинское — время он **так** писал.

И неудивительно, что рукопись этого романа редактировала Тамара Григорьевна Габбе (о которой говорили, что она «лучший вкус Ленинграда», а потом и Москвы; думаю, она во многом способствовала формированию и развитию у Трифонова эзопова языка), и рукопись определял для печати сам Александр Твардовский, написавший великого «Теркина»...

Пользуясь случаем (чего только не бывает в субъективных записках о времени) разговора «на троих», где все мы (Шитов, Липский, Зырянов), судя по нашим годам знакомства, в общем-то одинаково воспринимаем значение социологии, политологии, философии. Конечно, кто-то чем-то отличается от другого в ту или иную сторону, но, уверен, что в главном, сближающим нас, наши настроения и чувства — мы *принадлежим* к тому времени, о котором я изначально писал, как о «сквозной умонастроенности» эпохи, или, как говорил Александр Герцен о *сочувственных встречах в тонах и оттенках*, что и обусловило суть стремлений и к нашим встречам.

На фото справа налево: Сергей Зырянов, Вячеслав Липский, Александр Шитов. Своим внешним видом мы так нашу «усталость» маскируем перед окружающими, на что и обращен наш коллективный взгляд...

На мой взгляд, объединяющим здесь — для нас троих — была любовь к Истории. Но здесь нас подстерегала одна, так сказать, *кочка зрения*, по-своему, думаю, каждым из нас трактуемая понимание *исторической правды*. И это восхитительно закономерно — неодинаковость трактовок!

У каждого свои разнообразия жизненного пути, свои встречающие и разрешаемые проблемы, свои радости и несвершения в стремлении к исторической правде, к истине... А как «их» найти при неодинаковой трактовке понимания *правды* и *истины* (это же не правила таблицы умножения, где исключались какие-либо трактовки)? Даже воспринимая и то, и другое на уровне обыденного сознания, то отдаем ли мы себе отчет в простом вопросе: «А хотим ли мы знать это: *правду, истину?*» Причем, на разных уровнях понимания этого. Недаром психологи обращают внимание на то, что правда невыносима, встреча с ней страшна, что человек, будучи субъективным, не может вынести объективности знания о *правде, истине*. Яркий пример тому — Христос, пришедший к людям и сказавший: «Я есмь путь, истина и жизнь». И какова была наша, людей, реакция на сказанное? Так *мы и распяли его*, уравнив с бандитом Варраваном. А уж по «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, приди он еще раз — *распяли бы снова*. На кой ляд нам нужна его *правда, истина*... Ему-то что, сказал и сказал, а нам мучатся: выбирать, решаться, жертвовать...

С учетом дальнейшего изложения материала в записках важно помнить незатейливую в изложении известную мысль Конфуция: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье».

В этом—то ценность, как представляется, образа Иешуа, поднявшего, благодаря и роману Михаила Булгакова, такую «планку» понимания морали, гуманизма, социальной справедливости и т.п. — достижение которой необходимо человечеству. Сделать это — достичь «планку» — в обозримой перспективе развития человечества *не представляется возможным*, но стремление к таким действиям и есть диалектически обусловленное движение вперед. Это невозможно никакому обществу, а надо, чтобы таковое стремление *само собой существовало*, чтобы таковые «измерения» развития по—Иешуа были в натуре человека, в *природе* общества.

Очевидно, что, хотим мы этого или нет, вне времени, вне истории не живет ни один из нас, у каждого *свои* страницы, известные только ему, нередко далеко не радостные, возможно, и с нравственной точки зрения. Мои друзья—собеседники читали книги о творчестве Юрия Трифонова, и знают его письмо известному немецкому писателю Мартину Вальзеру, ставшем, на мой взгляд, своеобразным манифестом Трифонова. В нем он пишет: «Я согласен с тем, что все это, болезненное и тяжкое, пережито страной, перемолото временем, перечувствовано поколением, которое ушло из жизни или уходит, и не надо, не надо, не надо... Разумеется! Надо — дальше. Надо — вперед... Но не надо делать вид, будто *ничего не было*. Ибо то, что было, — у нас в костях, в зубах, в коже. Да, вспоминать о больном неприятно — и разным людям неприятно по разным причинам... В самом деле: приятное в другом месте. Например, в павильоне фруктовых вод».

Нам никуда с тобой не деться
От зрелой памяти своей.
Да нам оно и не пристало —
Надеждой тешиться: авось
Уйдет, умрет — как не бывало
Того, что жизнь прошло насквозь.
Нет, мы с тобой другой породы, —
Минувший день не стал чужим.
Мы знаем те и эти годы
И равно им принадлежим...

И продолжая эти стихотворные строчки А. Твардовского, и строчки моих субъективных записей, и суть не одной нашей беседы «втроем» — вновь вывод Юрия Трифонова, в попытке осмыслить безграничную силу времени во взаимосвязи прошлого и нынешнего, писатель наделяет его и функцией художественной: «И снова я думаю о том, что лучший художник — время. Проза Тацита и Пушкина прекрасна не только сама по себе, но и потому, что над нею трудилось время. Оно окружило каждую фразу и каждую мысль такой далью, таким простором, какие не под силу создать никому из смертных... Время обладает этой странной силой: даром художественности... Ни один мемуарист не может избежать невольной и бессознательной саморедактуры. Когда же редактуру берет на себя *в р е м я*, тогда возникает феномен художественности. Время ничего не дописывает и ничего не вычеркивает, оно действует как-то иначе. То, что убито временем, то уж убито окончательно, а то, что осталось жить, то живет удивительной, меняющейся жизнью».

Могу сказать совершенно определенно — в лице Вячеслава Ивановича Липского, я получал всемерную безоговорочную поддержку моим, более или менее удачным попыткам обращаться во всех моих книгах к творчеству Юрия Трифонова, о чем мы с ним продолжительно беседовали и у него дома. Ах, какие это были содержательные беседы, где активной собеседницей становилась его жена Лариса Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, выказывая очень интересные для меня мысли и предложения...

Вот и наглядный пример для читателя с *сообщающимися сосудами*, не спрашивающими о нужности и полезности друг другу, просто *обмениваются* себе в удовольствие...

...Думаю, нашел место для материала как бы завершающего, но и продолжающего об обмене духовным настроением разных людей *в тонах и оттенках*. И такая особенность, обусловила суть деятельности журнала «Новый мир» с середины 50-х годов...

Читатель, прочитавший эти строки о журнале и о времени (только-что скончался Сталин), вероятно, подумает: мол, название статьи, помнится мне (читателю) другое, а предыдущий контекст построен во многом на комсомольских годах работы автора?

Это так, читатель! Когда в *1962 году* начал работать чертежником в проектно-отделе главного механика на ЧМЗ, где и познакомился с журналом. До сих пор помню начальника проектного отдела — Битнер Зигфрид

Фридрихович (на работе его звали — Зига Федорович). Уже запоздало в нашей беседе с господином Маркусом Эдерером, с легкой руки которого стала делать первые шаги в Германии наша программа развития частно-предпринимательской деятельности немцев Челябинской области, я вспомнил моего первого начальника в первые дни трудовой деятельности. И до сих пор в памяти этот интеллигентный человек, приходящий на работу выбритым, в белой рубашке и галстуке.

...Да, так вот, в руках одного из конструкторов (к сожалению, не помню фамилии этой красивой женщины-брюнетки) увидел голубоватую обложку журнала «Новый мир», который она, даже уходя на обед, убирала в стол. Слышал, как она эмоционально обсуждала с кем-то мемуары какого-то Эренбурга «Люди, годы, жизнь», и звучали какие-то неизвестные для меня фамилии и ситуации: мол, они (мемуары) запрещены, они прошли цензуру, Твардовскому удалось при помощи Эренбурга наставить рога цензуре... На мой любопытствующий вопрос шестнадцатилетнего: мол, что это за писатель? и кто такие эти люди из мемуаров, чьи фамилии я слышу, но не знаю их и не понимаю — из-за чего бурлят эмоции? И она мне в сторонке спокойно объясняла то, что впоследствии преодолевалось с интересом и любопытством. Вот такое было у меня первое — неграмотное, но грамотеющее со временем — знакомство и с Ильей Григорьевичем Эренбургом, и с журналом «Новый мир», где печатались мемуары, с трудом пробивающие цензурные запреты. Естественно, что все это впервые слышал: и название журнала, и об Эренбурге, и о цензурно-запрещаемых темах и произведениях, т.е. о том, что странным образом переходило в мое *осознание* желания понимать, о чем идет речь...

Именно с того времени начала 60-х годов я исподволь начал формировать папки-досье на Евтушенко, Вознесенского, Шукшина; на неизвестных и непонятных для меня Пастернака, Ахматову, Цветаеву, и уж совсем запредельно-непонятного для меня Мандельштам оформлялись в папки-досье гораздо позже — где-то в **1966–1967 годах**. Как *сорока* тащил в папки все, что попадет на глаза и в руки, сталкиваясь с этими фамилиями. Так что в процессе скапливающегося у меня прочитанного и раскладываемого по папкам, уже в это время складывались свои реперные точки отсчета в понимании значения и популярности не просто журнала «Новый мир», но и всего происходящего вокруг него по доступным мне материалам.

...Конечно, читал статьи «молодогвардейцев» — это о скопившихся вокруг редакции журнала «Молодая гвардия» поэтах и писателях. Через много лет узнавал о линии официальной части «русской партии», группировавшейся в аппаратах ЦК КПСС и ВЛКСМ, разделявших общие русофильские

убеждения и т.п. В то время, не помню кто, дали мне почитать две книги Ивана Шевцова — «Тля» и «Во имя отца». Помню, что книги вернул, но как-то не тянуло отвечать на вопросы о прочитанном. Почему? Не мог тогда ответить, ибо обуревавшие чувства отнюдь не толкали меня поделиться восхищениями, которых, вероятно, от меня ждали. Ну, уж когда купил третью книгу Шевцова «Любовь и ненависть», был готов говорить о низком уровне прочитанных его книг, ибо кое-что уже прочитал в «Новом мире», и надеялся, что могу отличить *зерна от плевел*.

Это же относилось и к опубликованному в «Октябре» роману В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» Ух, какие у меня были эмоциональные обсуждения кочетовского романа с Сашей Кауновым, Славой Липским, Яшей Крючковым и другими друзьями и знакомыми. Думается, с тех пор началось интуитивное *парольное* ощущение «свой-чужой», где отношение к автору романа и было тем самым *оселком*, позволяющим по двум-трем незначительным фразам, без условного пароля понимать — нуждаешься ли ты в продолжении разговора или нет...

Читал и вышедшую в «Новом мире» блестящую статью А.Г. Дементьева «О традициях и народности» и письмо-ответ на нее одиннадцати писателей, с широковещательным провокационным названием «Против чего выступает «Новый мир»?» Вся допустимая полемика в печати была собрана и переплетена мной в образовавшихся двух книгах, которые по эмоциональной доброте давал желающим, и которые у меня как-то благополучно зачитались... Умышленно не касаюсь развернувшейся полемики в стране вокруг вновь вспыхнувшего интереса к подобному противостоянию: с одной стороны — «Новый мир», а с другой — журнал «Октябрь».

Мне кажется, Юрию Трифонову удалось выразить и мою оценку этого: «...Все это ползет от непереваренной почвеннической фанатерии девятнадцатого века, не принесшей русскому искусству особых достижений, зато обольстившей наших мыслителей великим множеством приятнейших, душегрейных рассуждений — от гениального Достоевского до полуграмотного Шевцова. Пусть простят меня почитатели великого писателя за то, что соединяю его имя в одной фразе с именем графомана, но делаю так лишь затем, чтобы показать, сколь необъятна эта система и как много в ней всякого рода, всяких масштабов орбит».

Это из воспоминаний об А.Т. Твардовском — «Записки соседа».

...Как и Юрий Трифонов правомерно писал воспоминания и о А.Т. Твардовском, но также правомерно писал в тех же «Записках соседа» о времени, когда ОНИ жили и творили, и не только они... Это я к тому, что права никакого не имею даже каким-то образом *присоединиться* к авторству

(кого бы то ни было) сказать о своей правомерности писать о том времени, но сказать о своих ощущениях времени, когда и в котором я родился и жил, вырослел — просто пытаюсь, ибо никто не может сказать, а тем более рассказать о моих ощущениях, моем чувстве времени, лучше чем я никто не сможет. Просто потому, что сказать не просто о хорошем в себе (как и о противоположном, что возможно каждому), но самое главное о своих несвершениях, ни у кого не выйдет... Другой вопрос — о чем писал в начале записок — будет ли таковое кому-то интересно, волнует меня по-прежнему ?

...В разные временные периоды читал книги Александра Александровича Зиновьева: «Зияющие высоты», «Гомо Советикус», «Катастрожка», «Русская судьба, исповедь отщепенца. Книга мемуаров», «Ни свободы, ни равенства, ни братства», «Идеология партии будущего» — и во всех, на мой взгляд, в той или иной форме *калейдоскоп* (понравившее мне слово-понятие) суждений еще ТОЙ компании, где были: Карл Кантор, Эвальд Ильенков, Борис Грушин, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Лен Карпинский, Юрий Карякин, Юрий Левада. Написал эти строки о философах, значительной части мыслящих людях России — ТОЙ компании — и вновь, прости, читатель, с удовольствием повторю незатейливые, но многозначные своей метафорой строки стихотворения Анны Ахматовой:

...Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда...

Как уже писал, мне повезло в жизни не только читать написанное удивительными мыслящими людьми из ТОЙ компании, но немного быть с некоторыми из них знакомым. Волей случая, предоставленного мне в жизни, какое-то короткое время был знаком с: Э. Ильенковым, Б. Грушиным, Л. Карпинским, Ю. Карякиным, Ю. Левадой, и даже с Зиновьевым. Слышал две лекции Александра Александровича, когда он работал в Московском гуманитарном университете, и даже, очутившись в числе нескольких человек во время перерыва с прекрасным логиком, задал какой-то вопрос по террористам, что немецким, что европейским, пользуясь примером «Нетерпения» Юрия Трифонова, и ссылаясь на разговор с Юрием Карякиным о *нетерпении и нетерпеливых*... Дело в том, что в этом университете работал

проректором Евгений Данилович Катульский, что помогло мне попасть на территорию МГУ, и на лекции Зиновьева...

Так вот, вспомнил об этом, и написал об А.А. Зиновьеве по причине своего впечатления от написанных им книг (конечно, в первую очередь, помню прочитанную самиздатовскую «Зияющие высоты», данную мне на несколько часов Алешей Граббе, актером театра на Таганке, ушедшем на репетицию, и о котором позже расскажу подробнее). Конечно, для их (книг Зиновьева) понимания, по моему мнению, требовалась иная мыслительная подготовка, иное метафорическое мышление...

Так, недавно прочитал книгу «Время сэкон хэнд» Светланы Алексиевич, лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 года «за многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время». В ее рассуждениях услышал, да простится мне нахальное ощущение, так сказать, слышимой мне переключки с моими ощущениями, когда писал свои записки, т.е. этакий кажущийся мне диалог — с ее записанными диалогами с другими, их размышлениями, и мной написанным...

«У коммунизма был безумный план, — пишет она в начале, — переделать “старого” человека, ветхого Адама. И это получилось... Может быть, единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма–ленинизма вывели отдельный человеческий тип — homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его “совком”. Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он — это я. Это мои знакомые, друзья, родители. Несколько лет я ездила по всему бывшему Советскому Союзу, потому что homo soveticus — это не только русские, но и белорусы, туркмены, украинцы, казахи... Теперь мы живем в разных государствах, говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь. Узнаешь сразу! Все мы, люди из социализма, похожие и не похожие на остальных людей — у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках. У нас особые отношения со смертью. Постоянно в рассказах, которые я записываю, режут ухо слова: “стрелять”, “расстрелять”, “ликвидировать”, “пустить в расход” или такие советские варианты исчезновения, как: “арест”, “десять лет без права переписки”, “эмиграция”. Сколько может стоять человеческая жизнь, если мы помним, что недавно погибали миллионы? Мы полны ненависти и предрассудков. Все оттуда, где был ГУЛАГ и страшная война. Коллективизация, раскулачивание, переселение народов...»

...Полагаю, самое время и место рассказать о своих «научных» метаниях в определении темы исследования, где моими, так сказать, поводырями были, в первую очередь, Слава Липский и Женя Катульский. Их «поводырное» значение определялось для меня простой значимостью — один из них историк и философ, другой увлечен научными интересами в области экономики. А я же стоял как бы *раскорякой*: или по филологии, или по эстетике–философии, или по социологии. И первое, и второе, и третье были для меня более или мене понимаемые и значимые.

А началось это метание в моей голове осенью *1973 года* после защиты дипломной работы в университете, поехал в Москву, встретился с Александром Львовичем Дымшицем, автором вступительной статьи в сборнике «Стихотворение» Осипа Мандельштама, вышедшем в большой серии «Библиотеки поэта». Составителем, подготовкой текста и примечания был Николай Иванович Харджиев, о чем я рассказывал ранее. Но я знал, что Дымшиц активно еще до войны занимался творчеством и В.В. Маяковского. В общем–то я стремился встретиться с исследователем как первого, так и второго героя моего диплома, и который работал в ИМЛИ, и был заместителем директора по научной работе этого института.

Это сейчас любой может ткнуть по клавишам ПК и найти массу материала в Интернете не только по Мандельштаму, Маяковскому, Харджиеву, Дымшицу и другим, но найти массу сопутствующих публикаций разнообразного содержания *вокруг* этих фамилий — не то, что раньше, когда та или иная информация доставлялась по народному принципу ОБС («одна бабка сказала»), или по–другому: *принципу сарафанного радио*. Но я–то был молодой, любопытный, действующий часто не обдуманно, и мной двигало одно стремление — заниматься научными исследованиями, попасть в аспирантуру (магическое слово, позволяющее судить о твоих способностях) для занятий *мандельштамовской* темой, и не где нибудь, а в самом ИМЛИ. Наша с Дымшицем встреча была около часа и послужила для меня спасением в полном смысле этого слова. В двух словах, что вынес из этой встречи и что было им сказано: о Мандельштаме забудьте навсегда, о Маяковском подумайте над ответом на вопрос самому себе «Что я могу сказать нового о творчестве поэта со всех сторон обследованного?» И совет возвращаться в Челябинск, определяться с допустимой темой на месте, и работать...

Вернулся в гостиницу ВКШ при ЦК ВЛКСМ, где меня приютил Евгений Катульский, обучавшийся там в аспирантуре. Он послушал мои творческие стенания «по поводу...», мрачно сопроводив их своими общепринятыми и понимаемыми *лирическими* выражениями, ибо у него самого ситуация в аспирантуре была еще более несуразной в своей нелепице с массой

неопределенных перспектив. Посоветовал поговорить с Липским, знающим многое и многих, могущим подсказать перспективную возможность научно исследуемой темы с возможными публикациями. На том мы и порешили...

В Челябинске, после многих разговоров с Вячеславом Ивановичем, определились два направления: педагогика или социология. Первое, при всей легкости исполнения, казалась мне изначально легко выполнимой, и с туманными перспективами заниматься серьезными исследованиями на фоне уже исследованных поистине мэтрами педагогики. Зато второе — представлялось мне морем не исследованных проблем противоречий развития и совершенствования общества. Слава Липский давал мне читать много материалов из познаваемых мной нюансов социологии. К ним добавлялись книги и статьи по этой теме, что искал и находил при помощи библиографов *публички*.

Параллельно меня все-таки переубеждала социологическая проблема в области промышленной социологии, с превалированием участия молодежи в непростом участии в социально-экономическом планировании развития предприятия. Одна из причин — это начавшееся в стране большое комплексное социологическое исследование «Формирование достойной смены рабочего класса», а мы в Челябинске, как я уже писал об этом, рассказывая о Е.Д. Катульском, были одним из опорных центров, я же был комсомольским социологом, и даже определил себе самостоятельную тему, «кусочек» в комплексной программе исследования — **контент-анализ** прессы этого сложнейшего процесса, что было для меня новой проблемой... По его совету даже стал читать и разрабатывать соответствующую программу исследования этого вроде бы простого и незатейливого понятия, но, с другой стороны — многогранного, вбирающего массу элементов, сродни многогранному пониманию СМИ (т.е. средств массовой информации), что, в свою очередь, распалось на свои, так сказать, *кубики*...

Моим активным любопытством двигало не очень пока мной понимаемые противоречия общественных процессов как в широком смысле слова, так и в локальном. Пользовался любой возможностью чтобы поехать в соседний Свердловск к Льву Наумовичу Когану. Конечно, не к нему самому, с которым успевал, в случае везения, лишь поздороваться, а к его коллегам в Уральском центре, ставшим региональным центром социологических исследований. Там занимались исследованиями социологии личности, социологии культуры, теории социальной структуры, социологии средств массовой информации, социологии молодежи, социологии труда, социологии семьи — и с многими специалистами стремился хоть немного поговорить по тем или иным вопросам.

Но и в Москве стремился в Институт социологии на улицу Кржижановского, увидится с Эдуардом Фетисовым, Вениамином Боровиком, приобрести, при везении, выпуски книг с исследованиями (в основном изданные, как правило, ротاپринтным способом), и при том же везении, познакомиться с какими-либо профессионалами... Так удалось обменяться несколькими фразами при знакомстве с Владимиром Александровичем Ядовым, Борисом Андреевичем Грушиным, Юрием Александровичем Левадой, Анатолием Георгиевичем Харчевым, Жаном Терентьевичем Тощенко, Геннадием Семеновичем Батыгиным, Игорем Владимировичем Бестужевым-Ладой, Николаем Ивановичем Лапиным. Конечно же, скажу читателю, если бы их спросили обо мне, то никто не вспомнит о нашей встрече, хотя и короткой, но я-то пишу о себе, своих ощущениях, своей памяти, и помню о них, помню, что они писали в то время, и о чем, хотя бы накоротке, мы говорили... Думаю, излишне говорить, что еще с 1974 года стал постоянным читателем журнала «Социологические исследования», где главным редактором был А.Г. Харчев, а постоянными авторами, собственно которых мы и стремились читать были и те, вышеназванные...

Так постепенно осваивал и расширял свои возможности и желания в становящейся мой полем исследования — социологии. Тем более это способствовало тем же самым плюсам как в моей работе социологом обкома комсомола, так и новой — заведующий сектором по работе с научной молодежью... И повторю с удовольствием, что в начале моих устремлений, моих исследовательских и печатных успехов стояли мои товарищи — Вячеслав Липский и Евгений Катульский. И конечно же, этому во многом способствовала помощь свердловских социологов-профессионалов во главе с Львом Наумовичем Коганом...

На сегодня эту *эстафетную палочку* несет для других председатель Челябинского областного отделения Всероссийского общества социологов Сергей Григорьевич Зырянов, но я уже, к сожалению, не столь активен как ранее, да и записки мои все никак не могут начать сбавлять темп, все пополняясь и пополняясь вспомнившим мне...

* * *

18. Мои тезисы о согласии и несогласии — в размышлениях с примерами о комплексе проблем малоуспешнорешаемых сегодня, но в перспективе развития социальных институтов... * Представился исторический выбор Москвы и Китая...

Столько говорилось и написано вообще, в частности, написано в данных записках, что как-то особо предварять эти тезисы, не видится необходимым, ибо все излагается в них самих.

*...Я согласен с сутью вопроса русского писателя В.В. Набокова: «С каких это пор понятие власти стало равно ключевому понятию родины?» В переводе на обыденный язык это значит: родину любишь? да! а власть, которая о тебе и твоей семье заботиться беспрестанно, от врагов заграничных тебя и твоих детей защищает, о здоровье и образовании всех вас думает, любишь? конечно! а кто руководит тем, что всем дорого? правильно — партия! значит, любишь партию? Да! Как это похоже на пример из книги Лиона Фейхтвангера, на первый взгляд, *антисталинской*, а по сути, *простаалинской* — «Москва 1937» (издана в Москве в том же 1937 году в переводе на русский язык): «...“Чего вы, собственно, хотите? — спросил меня шутливо один советский филолог. — Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?” Эта шутка имеет очень серьезную почву...»*

Чтобы не вдаваться в дискуссионные споры о предполагаемой иной системы координат, что у В.В. Набокова, что у Л. Фейхтвангера (хотя у обоих, так или иначе, речь идет об институтах), обращаю внимание на очень простой, но не менее актуальный вопрос, сродни сказке Г.-Х. Андерсена «Гольфый король» — ну сказал какой-то сказочный мальчик правду о голом короле, ну и что? Это к тому, что сказали мы на весь мир, какую-то допустимую *правдивость* об институтах партии, управляющих страной — ну и что? Есть ли какой-то класс, массовый по своей сути и политическому содержанию, способный оказывать воздействие на управление государством в исторической перспективе? Погоди, погоди, читатель, с комментариями вопроса...

Не касаюсь исторически–гениального предвидения «Бесов» Достоевского о появившихся вскоре большевиках, а повернусь к прозе Юрия Трифонова, которого обвиняли в проповеди мещанства в советском обществе. Ведь Трифонов тогда предупреждал нас о перспективе грядущего, а критика, с поддержкой определенной части общества «клевали» его, слабо догадываясь о его *правдивой правде* в исторической перспективе. Кстати, читатель, полагаю, не забыл мысль Шопенгауэра об отличии таланта от гения: «Талант попадает в цели, в которые простые люди попасть не могут. А гений попадает в цели, которые простые люди не видят».

Тогда, в конце 60–х годов и начале 70–х какая–то часть читателей как–то «ежилась» от неудобства любви к писателю–пропагандисту этого самого неприятного мещанина и каких–то его дел... Ах, вы, критики видите альтернативу в лице трудящегося пролетариата?! Но вот незадача для одной из основ марксистско–ленинской идеологии о незыблемости победных шествий пролетариев — идеологи и до сих пор не могут привести убедительных примеров, когда победившие и угнетаемые пролетарии хотят ими оставаться (т.е. оставаться пролетариями, как классом) на все последующие времена после победы... Впрочем, как представляется, то же относится и к другому классу — крестьянству, правда, в меньшей степени из–за постоянного вмешательства других сил в таковое становление: крестьянин по сути и духу происхождения хотел бы остаться (становиться) крестьянином...

Неминуем вопрос о смене «картинки» мира.

На мой взгляд, уже со второй половины XX — начала XXI века, пока мы как–то бросались на брошенные нам силовыми структурами «кости» олигархов, банкиров–жуликов, губернаторов–лихоимцев и тому подобных «вредителей», которых показательно — под телекамеры — рассаживали по тюрьмам, а вокруг нас *тихой сапой* менялась, и продолжает меняться *власть* классов. Меняться не силовыми методами, как с семнадцатого года, а тихо–тихо, без каково–либо звукового сопровождения в виде песен и ликующих маршей, просто совершается *подмена ценностей*, которую мы не замечали. На первое место, никоим образом не стремясь к видимому классовому первенству, повторю еще раз — *тихой сапой* выходили невидимые и классово–неосязаемые *победители* в битве за «свой домик где–то в деревне», *победители* за «свои порядки», в виде «шести соток» уже давно превратившиеся из *грядок* в «свои поля», в «свой выход к озеру» и т.п. формы собственности, отданные им для кормления властными органами. Почему–то в моей неуёмной памяти вновь строчки Евтушенко из «Казанского

университета»: «...Первогильдейно крякая, // набрюшной цепью брякая, // купчина раскорякою // едва подполз к стене. // Орет от пьянства лютого, // от живота раздутого: // «Желаю выйти тутова! // Рубите дверь по мне»...»

Пока по всей стране «сытых» берут в наручники, сажают в тюремные клетки (через показы по телевидению), пресловутые *мещане* уже давно «расползлись» по стране, и продолжают «расползаться», захватывая *все* им понравившееся, и *не* под звуки фанфар, а под неслышимую боль души, чей звук не могут уловить все мыслимые сейсмические приборы мира... Уже слышны по телеканалам, в том числе и федеральным, ранее презируемые вопли: «Это мое... и это тоже мое» в демонстрируемых пока коротких сюжетах, где *победители* в тотальных битвах презрительно криво щерятся...

Вы пробовали в большом доме бороться с нашествием тараканов? А крыс? А не поделитесь — публично — опытом победы?! Хотя, понимаю, что бороться с такой повсеместной заразой — дело зряшное, не в этом, так в другом *месте* подобного рода зараза так или иначе выползет, проявиться...

Вот так и достигается, по моему мнению, основные (по–Марксу и Ленину) характеристики классов: отношение к средствам производства (владение собственностью, орудиями производства) и самое важное — распределение продуктов труда в интересах класса...

Призыв брать суверенитет в свои руки понят ими (мы о мещанах говорим) буквально — он же (суверенитет) *собственность* над чем–либо!.. Юрий Карякин говорил в нашей с ним беседе о неприкрытой радости Ленина, что ему удалось перевести трудновыговариваемое, а тем более труднопонимаемое малограмотными крестьянами выражение «экспроприаторов экспроприруют...» на понятный темной, забитой российской массе лозунг: «Грабь награбленное!», и все встало на свои места. Выступал он на заседании Совнаркома весной 1918 года с разъяснением, что ничего предосудительного не видится ему в массовом принятии к действиям лозунга «Грабь награбленное!» Подобное возмущение масс, по его, Ленина, пониманию, соответствует высшей революционной добродетели, и коммунистической нравственности...

Наш мещанин не просто национален, и даже, страшно сказать, — интернационален, и поэтому он отринул за ненадобностью советскую империю, мешающую ему «развернуться» (Вспомните показательное начало этого процесса — тоску персонажа Раневской в довоенном фильме «Золушка» с Яниной Жеймо; так вот, говорю о задорно–мстительной тоске *мещанина*,

голосом гениальной Фаины Георгиевны: «Эх, королевства маловато, развернуться негде, а то бы я устроила вам...»)

Мещанская «драконизация» душ ползет среди людей без всяких лозунгов о завоевании и жажды букетов цветов на встречах... Маленькая ехидная реплика в адрес «шестидесятников» от ощеривающихся от повсеместного удовольствия мещан о молчаливой победе, может быть ими же организованными путями попадающими в страну журналов *Burda* с выкройками и каталогов *Otto*, пользующихся гораздо большей популярностью в народе, чем продукция *самиздата* и *тамиздата*... И немаловажный «плюс» правомерной успешности мещанина–собственника — это голосование рублем в приобретении маленькой собственности (*Otto* и *Burda*), в отличие от ... беспокойных всяких «издатов».

И вот здесь мне хочется публично попытаться развеять сомнения — это было реально в книге, статье, или мене приснившийся сон? Может быть, от много чтения, когда работал над рукописями Юрия Трифонова, и что–то было навеяно в каких–то книгах, статьях, или перечитыванием «Бесов» Достоевского, где шутили и Верховенский, и Ставрогин, и Лямшин, и Шигалев, и дополнительно всяких исследований вокруг этого романа, например, работы Юрия Карякина, Людмилы Сараскиной...

Это к тому, что мне приснилось, что в окружении каких–то гостей у кого–то, и рядом со мной идет спор о нелепом превосходстве (!?!) мещанской философии над философией членов революционной ячейки посредством музыкального спора — песенки «Ах, мой милый Августин...» и «Марсельезы». Кто–то сел за фортепиано и заиграл «Марсельезу», и рядом с ним сгрудились большинство гостей, и тут же начали хором подпевать, но за другим инструментом кто–то заиграл «Ах, мой милый Августин...», и большинство, стоящих у *первого* рояля как–то раздраженно поглядывали на *второго*, играющего эту пошленькую, мещанскую песенку. На фортепиано продолжали играть каждый свою песню, но «Марсельеза» *уже* заканчивалась и поющие ее как–то непонимающе начали смотреть друг на друга с вопросом «а дальше что?», когда в поле зрения и слышимости попал весело распеваящий песенку об Августине, которая почему–то не имела конца, а куплеты о ее весёлом персонаже каким–то смешливым образом перетекали один в другой... Даже когда *первый* исполнитель попытался вновь начать свою революционно–звучащую песню под бравурные звуки музыки, то его почитатели, уже не слушая, как–то «кучками» стали, улыбаясь о чем–то и чему–то, беседуя друг с другом, и пританцовывая под жизнерадостную песенку перемещаться к тому *второму* роялю, кто вовлекал поющих в

исполнение веселых куплетов, и устраивая хоровод пританцовывающих... *Первый*, как-то возмущенно в музыке, пытается ее, «Марсельезы» аккордами, призвать к революционной памяти и сознанию бывших/сочувствующих товарищей по песне, но они, уже не обращая на него внимания, весело распевали понравившиеся им разухабистые куплеты под аккомпанемент *второго*, и бесшабашно танцевали... И вот чудеса — *первый* за роялем, видя успех *второго* в окружении с ним поющих и танцующих, пытается как-то подладиться под такты этого самого «Августина», не замечая постепенно образовывающегося странного гибрида — «Марсельеза» игриво напевающая «Августина» — потом еще и еще пытается снова подладиться, уже изменяя революционно звучащие мотивы под легонькую, пошлую мелодию, и вот уже оба рояля, помогая друг другу вовлечением во все больше расширяющий круг танцующих и хором поющих «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...»

И все — *koda* во сне! Занавес!

Запоздало мысль мелькнула в проснувшемся сознании — не забыть бы подсказать Сереже Зырянову, чтобы он каким-либо образом принял во внимание эту самую неостановимо наступающую силу на души людей — *философию мещанства*, разъедающую эффективнее любой коррозии общество.

И «Новая газета» устами публициста Игоря Лавровского предупреждает нас (да и мир тоже): «Грядет восстание мещан, главной политической силы в стране, получившей политическое господство с распадом СССР...»

Как-то в развитие такой мысли вспомнилась мне статья Виталия Коротича «Каста хлеборезов» — как показалось при ее прочтении: об истоках появления жлобократии, *постепенно* (!) становящейся номенклатурой в обществе и постепенно занимающей место элиты такого общества. Автор правомерно вспоминает строку известной песни: «Кто был ничем, тот станет всем!», предсказывающую радикальные перемены жизни и власти. Власть — господство одних людей над другими. Сортировка членов общества происходила всегда, начиная с древнейших времен, когда шла борьба за теплое место у костра.

И продолжаю — до свержения самодержавия за сохранность места у костра, распоряжающегося собственностью, боролись одни, а с октября семнадцатого пришли другие. На мой взгляд, дело не в национальных специфических особенностях многих пришедших, наряду с «занятостью» рабочих мест в СНГ, их численно увеличивающихся структурах, в партийных

организациях ЦК, союзные республики, обкомы, горкомы, райкомы, предприятия, совхозы, колхозы и т.д., также постоянно увеличивающихся, а в их закономерностях соответствия тем сосущим, заместившим *прогнанных* с тела путника под палящим солнцем. Но адресность *тела* страны оставалась без изменений... Да, и адресность *сосущих* оставалась та же, слегка видоизменяясь в каких-то качествах, но не изменяя саму суть — *сосущие*... Так и хочется, вслед за И. Лавровским, горестно покачать головой и посмотрев вокруг воскликнуть (перефразируя великую актрису а в известном фильме): «Мещанство — это страшная сила!»

Надеюсь, у читателей не возникнет ощущения от какой-либо притянутости лишь за смысловое сравнение «Бесов» Ф. Достоевского с «Нетерпением» Ю. Трифонова. О чем это я говорю? О том и другом романах много написано интереснейших исследований, поэтому не буду писать о главной сути моего предположения. Подойду с другой стороны к нему (этому предположению) — и в том и другом романах исследователи обращали внимание на то, что авторы предвосхитили, а может быть, предсказали (обращаю внимание именно на авторов, а не на их конкретные произведения), так сказать, появление предстоящих политических событий в будущем. Ф.М. Достоевский — скорое появление бесов-большевиков, а Ю.В. Трифонов: народовольцев-террористов, а в будущем — мещан с их насущной жизненной философией... И закономерно, что громада общественного мнения, объединяющее и сторонников самодержавия и сторонников различных демократических сил, обрушилась на Достоевского с неприятием его «Бесов»... И такая же «громада» обрушилась на Трифонова за *предсказание* в своей прозе того самого, становящегося все более и более актуальным *мещанства* в его всеохватной повседневности граждан российского общества с его «расколотым» общественным осознанием между насаждаемым коллективным «наше» и жизненной повседневностью *душевно* понимаемым «мое».

Этим я лишь пытаюсь обозначить актуальнейшую проблему российской современной повседневности, требующую внимательного неторопливого исследования... На мой взгляд, конечно же, перед этой проблемой допустимо меркнет известное выражение И.В. Сталина, адресуемое А. Горькому по поводу его рассказа «Девушка и смерть» — мол, эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете...

Проблема *мещанства*, проблема понимания ее повсеместной силы в своей повседневности актуальнейшим образом сказывается на действительности

любых институтов общества, независимо от форм собственности. Поэтому я останавливаю самого себя, продолжая...

Я разделяю положения и выводы XX и XXII съездов партии о И.В. Сталине, как государственном преступнике. А как иначе относиться к формулировкам и выводам записки «Об антиконституционной практике 30 — 40-х и начала 50-х годов» политбюро ЦК КПСС в декабре 1988 года, подписанной членами Комиссии того же политбюро ЦК КПСС по реабилитации репрессированных — А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, В.М. Чебриков, А.И. Лукьянов, Г.П. Разумовский, Б.К. Пуго, В.А. Крючков, В.И. Болдин, Г.Л. Смирнов. Вывод однозначный — о «масштабных сталинских репрессиях 30-х годов» и что «инициатором и организатором массовых арестов, расстрелов без суда и следствия, депортации сотен тысяч людей был Сталин». И это не просто перечень фамилий подписавших записку типа «Иванов, Петров, Сидоров», а кроме секретарей ЦК КПСС, и ответственных работников ЦК, этот документ подписали и Председатель Верховного Совета СССР (т.е. Глава государства), и председатель КГБ СССР, и министр МВД СССР.

Мучает проблема, во многом поясняющая забвение решений этих съездов — причина в непоследовательности, ибо был поверхностный, теоретически несостоятельный, «кухонный» анализ феномена «Сталин». А после, например, XX съезда были сделаны лишь кое-какие политические выводы (главным образом, ликвидация лагерей), на XXII съезде его уже вынесли из мавзолея, а социально-экономические и идеологические проблемы были оставлены по-старому. Никаких попыток институционно обновлять общество не предпринималось — и в этом источник наших бед и неурядиц, потащивших за собой забвение имевшихся надежд, продолжающееся и поныне...

Развитие постиндустриального общества и в XXI веке как никогда ранее во многом определяет доказанную актуальность воздействия институциональной среды на формирование экономических отношений субъектов, их поведение и интересы. Институты задают систему стимулов, направляя деятельность субъектов по соответствующему руслу, что снижает неопределенность и делает социально-экономическую среду более предсказуемой в цивилизованном развитии. (Кратко и убедительно по форме, и содержанию сказал о таком первенстве институтов общества в своей статье публицист Георгий Сатаров: «Вместо Путина, вместе Пупкина, вместо Попкина должны работать институты».)

Тут «присутствовавший» в нашей беседе с Катульским вмешивается Лен Карпинский со своим публицистическим пояснением, мол, почему существующая партийно–государственная Система всеми силами стремится не запускать желаемый институциональный процесс. Тогда он бы постепенно сводил на «нет» существование великодержавной идеологии, на чем и основывался сталинизм, ибо в идее «шовинистической государственности» любая мразь получала возможность *охоты на ведьм*, а также возможность идеологического терроризма типа большевистской охоты на «врагов народа» всех мастей, начавшейся еще с 20–х годов. (Для любопытных — свежий пример о таком «бессмертии» в статье Алисы Кустиковой «Новейшая история российского доноса от первого лица» с примерами в «Новой газете», 2017, от 29 мая.) Украшатели сталинских деяний рядятся в тогу патриотов и готовы нахлобучить на себя шлем комиссара и влезть в кольчугу Дмитрия Донского, лишь бы выглядеть «патриотичными», выступая против тех, кто пытается, по их словам, «ворошить прошлое», а проще, с их точки зрения, занимается очернительством.

Я лишь добавил некоторые мысли–тезисы к проблеме, согласованные с Катульским: власть стремилась формировать «правильные» взгляды и, что более важно — правильные «инстинкты» (Дж. Оруэлл позже описал это в романе «1984»). Этот процесс — воспитание правильных «инстинктов», наряду с *полуобразованностью* и *полукультурностью* масс (К. Маркс), набирал все бóльшие и бóльшие темпы, становясь критерием партийно–государственной власти, «прокрустово ложе» которой было едино для всего народа, живущего в постоянной перманентно–экстремальной ситуации «вражеского империалистического окружения».

И такая ситуация, во многом искусственно создаваемая властью, способствовала главному — формированию непререкаемого культа личности Феодала (в мундире генералиссимуса), исключаяющему суть демократии общества, где неминуемо должна существовать иная система экономических и политических координат, *вытравляемая* еще с начала 20–х годов.

Как свидетельствует сегодняшняя практика уровня *обыденного сознания* — любой шаг верховной власти вызывает, как подмечают некоторые философы, восторженное пенообразование (нет, не в ванной комнате) на губах ангела... Обрати внимание, читатель — на восторженное пенообразование на губах ангела (!?) Какая же простая адресно направленная метафора Григория Померанца, российского философа, культуролога, участника Великой Отечественной войны.

Вот с историей (а это с прошлым страны, через удивительное стремление — через памятники, что в скульптуре, что в памяти, что в

литературе и кинематографе) как-то все сложнее... То Сталин, то Иван Васильевич, то их тени, которые по определению страшные *по сути* своего исторического бессмертия, пока будет Россия... Ну, посуди сам, читатель — как мне, зрителю, относится к многосерийному телефильму, показанному по I-й телепрограмме федерального канала, читай — при финансовой поддержке Министерства культуры РФ во главе с непотопляемым, ибо удобен, В.Р. Мединским. Они — вышеназванные исторические личности (имею в виду и Сталина, и Ивана Васильевича) в фильме — так или иначе, определяют характер деятельности других личностей (на 12 июня 2017 года, хотя допускаю расширение списка): Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов, Семен Буденный, Климент Ворошилов, Андрей Жданов, Виктор Абакумов, Феликс Дзержинский. Ну, подумаешь, что только пять человек из названных умерли своей смертью («чур меня, чур», пытаться подозрительно намекать на «умертвителя», чья *тень* все-таки мелькает над этими умершими), а кончину остальных двоих надо было как-то пояснить... Ну, подумаешь, генпрокуратура отменила в их (двоих) приговоре — традиционно позже расстрела — вопиюще-придуманные *измену родине и шпионаж*. Ошиблись, поспешили, с кем не бывает. Изменить-то изменила, но не реабилитировала!?! А за что же страна (Сталин?) награждали этих не реабилитированных двоих (Берия и Абакумов) высшими правительственными наградами (причем в годы войны), и даже одного из них назначала членом политбюро ЦК? Тоже поспешили, ошиблись?

[Реплика и об этом сериальном фильме.

Прости, читатель, только контекст данных записок не позволяет мне, даже на уровне показанных фильмов в этом сериале, хоть как-то расписать все исторические доказанные художества тех, кто объединен не очень исторически объяснимым заглавием сериала — «Забытые вожди». Ну, уж если кому из читателей все-таки будет интересно об этих забытых для людей вождей прочитать, кроме «фактов» в фильмах сериала, то вновь отсылаю к нашей книге «Юрий Трифонов и советская эпоха». Только по документам, а не по воспоминаниям кого-либо рассказано о них, в частности, о С.М. Буденном в статье В.Д. Поликарпова «Другая сторона буденновской легенды» помещенной в ней (книге). На мой взгляд, все эти сериальные забытые вожди слеплены по привычным лекалам — немного с недомолвками фактов и исторические фальсификации в остальном...]

В.Д. Поликарпов читает книгу публицистики Ю. Трифонова «Как слово наше отзовется...», где я был составителем, и вместе с О.Р. Трифоновой комментировал.

Во время наших встреч, он давал рекомендации по подготовке комментариев к книге Ю. Трифонова «Исчезновение» (куда мы включили: «Отблеск костра», «Старик», «Исчезновение»), что и было отмечено издательством, как «Научный редактор В.Д. Поликарпов».

Как мне грамотному *законопослушному* гражданину страны относится к своему положению стоять «враскорячку», — правда, уже уставать начал, — в котором очутился с *1956 года*? Ведь над страной царит со всех *законодательных* сторон, включая Конституцию СССР, непререкаемый порядок о первенстве власти КПСС над органами советской власти, установившийся еще с *1918 года*. На XX и XXII съездах КПСС приняты решения (как и Программа КПСС на XXI съезде), в которых о Сталине, характере и сути этого явления, все сказано, так сказать, определено в нашем разнообразном массовом движении на десятилетия *вперед*.

Но в какое-то время, и какими-то людьми (*назовем их условно «странными», из-за непонятности и неясности времени и причин их появления*) выказываются суждения *противоречащие* решениям съездов партии, решениям Верховного Совета СССР (преемницы — РСФСР), соответствующим законам и постановлениям Генеральной прокуратуры СССР (РСФСР), со всеми вытекающими отсюда последствиями, распространяющимися на *всех* граждан страны!?

И у меня в голове представился план выхода из создавшегося положения из-за сложности объяснения (пояснения) роли той, или иной спорной исторической личности, исторических событий, и даже исторических решений съездов партии!

Понимаю и знаю (я же грамотный) слова философа Платона: мол, еще Гераклит говорил, что всё движется и ничего не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, прибавляет, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно. Конечно, благодаря Платону, эта мысль Гераклита стала крылатой: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», что стало у народов мира (как я думаю) популярным выражением, используемым по поводу постоянных и неизбежных перемен в жизни человека и общества.

Это я к тому, что коль скоро **ВСЁ** меняется, и в стране, естественно, происходят подобные изменения, а законы, почему-то, остаются неизменными по сути применения, то *отмените* их, изменяя и Конституцию страны! И я, как **законопослушный** гражданин, чего от меня и требуется по Конституции, буду выполнять требуемое изменившимися законами. Да, кстати, и это *архиважно* (как писал наш вождь Ленин) — надо исправить нашу «забывчивость», и отменить решения XX и XXII съездов КПСС!!! Дополнительно не забыть бы и решения XXI съезда с ее мифической программой для партии, нацеленной на строительство коммунизма, отменить тоже — за кампанию. У нас ведь до сих пор сидит в мозгах руководителей, скажем так — различных уровней управления — традиционный *кампанейский* подход к решению насущных для страны животрепещущих проблем... И как известно из нашей истории, подобный подход произрастает от нетерпения овладевать знаниями, а точнее — перескакивать через желанные знания во имя кампанийщины, поэтому все от сбега, но зато уж потом слезами умываемся, типа *крокодиловых*...

Впрочем, если уж начали отменять, то надо отменить и *все последующие* решения правительства и генпрокуратуры, после названных съездов, придуманных пресловутым Никитой Хрущевым (это все, по мнению этих безымянно-вышеназванных *странных* людей). А раз предыдущие законы и решения с постановлениями не отменили, они здравствуют и поныне, ну, и какая разница, что в умах этих людей, а не в решениях «самых справедливых советских судов» (недаром эта крылатая фраза полетела с экранов кинокомедии «Берегись автомобиля»).... Это что — они герои этого многосерийного фильма — «Забутые вожди»? Да они, как показывает наша послевоенная жизнь, — фигурально выражаясь, *живее всех живых!*

Думаю, тогда будет объясним любой шаг верховной власти, что вызывает восторженное пенообразование, с пояснением о ванной, и с

дополнением о невозможности «отключить» свою память, отнюдь не равной отключением телевидения от электросети...

...Предлагаю, читатель, вернуться к вышеприведенной фотографии с Василием Дмитриевичем Поликарповым. По предложению издательства «Московский рабочий» мы с О.Р. Трифоновой готовили сборник прозы Ю. Трифонова под объединяющим названием «Исчезновение», куда предложили включить документальную повесть «Отблеск костра», романы «Старик», «Исчезновение». Я с удовольствием готовил комментарии о событиях и исторических личностях, упомянутых в этих произведениях. Подготовленный мной текст был *размашистый* по содержанию, и профессиональному историку Поликарпову приходилось меня сдерживать во время наших встреч. Он был жестким научным редактором и давал мне «уроки» в должном отстаивании исторической справедливости. Мои эмоциональные рассуждения о событиях в истории страны, о тех или иных личностях, он неторопливо и спокойно «приземлял» на документальную основу архивов. Я был нацелен на позитивную реабилитацию партийно–осуждаемых на протяжении многих десятилетий, и освобождения от «клейма» так называемых «врагов народа» А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.Т. Смилги, Г.Я. Сокольникова и других, с определенным отношением к ним (упомянутым). Конечно, с добавлением и «борцов» с ними (И.В. Сталин, А.Я. Вышинский, Н.И. Ежов и др.), говорилось о расстрельных репрессиях по ложным обвинениям.

Насколько мог понять настроения людей (конечно, далеко не всех), ожидая решения Комиссии политбюро ЦК КПСС по реабилитации жертв политических репрессий в русле уже принимаемых решений партии. Не вдаваясь в юридические тонкости этих непростых проблем, уже тогда начинал понимать главное в адрес Л.Д. Троцкого. Хотя он не был в годы сталинского произвола подвержен суду (даже по липовым обвинениям), и по приговору (приговорам) расстрелян, то в его юридической реабилитации по итогам процессов 1936–1938 гг. не было нужды, он не подвергался тогда репрессиям... Просто он был убит в 1940 году агентом НКВД Р. Меркадером по неоднократному требованию Сталина.

...Это я к тому, что весной 1988 года отдал в редакцию издательства около 30 машинописных страниц текста комментариев, разъясняющих те или иные важные события в нашей истории, и поясняющие упомянутые фамилии на страницах названных произведений писателя, одобренных В.Д. Поликарповым, и стал ждать решения. Вскоре мне позвонили и пригласили для встречи. Оформил командировку, прилетел в Москву, встретился с

редактором Натальей Блисковской. Похвалив меня за проделанную работу по «прозе Юрия Трифонова», она, опираясь на мое комсомольско–партийное прошлое и партийную подчиненность издательства Московскому горкому партии, сказала, что сожалеет о невозможности принятия текста комментариев в присланном виде, и предлагает сократить его, так как нет официальных решений ЦК в отношении А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других упомянутых известных исторических личностей.

Я предложил ей — коль скоро в планах издательства стоит выпуск книги прозы Юрия Трифонова с упомянутыми произведениями, то уберите текст моих комментариев и печатайте запланированную книгу. Никаких претензий не имею. Она: мол, текст комментариев насколько хорош, что без него книга «не играет» как должно по популярности Трифонова... С одной стороны, редакция (орган Московского горкома партии) была несвободна в принятии решения по конкретным личностям. С другой, в моем понимании, — ведь шла «горбачевская» перестройка в обществе и партии! Я утверждал, что нелепо не писать, хотя бы такой «усеченной» правды, об исторических деятелях, названных в произведениях, включенных в сборник.

Так рассказываемая друг другу *сказка про белого бычка* продолжалась часа полтора. Пошли к главному редактору. Там все продолжалось в том же духе. В его кабинете написал заявление с изложением позиции — или так, и или так, и без претензий за «издержки». Потом позвонил В.Д. Поликарпову и О.Р. Трифоновой с изложением дел в издательстве. Василий Дмитриевич меня успокоил и одобрил мои действия и решение. Ольге Романовне сказал, что мои действия никоим образом не скажутся на финансовом договоре издательства с ней — книга–то ведь в любом случае выйдет, как запланировано.

Помню, дело было в пятницу, ибо в субботу в середине дня улетал в Челябинск. Зашел к товарищу попрощаться. Он с порога втаскивает меня в комнату, и включает на полный звук новости, где читают текст постановления Комиссии политбюро ЦК КПСС о реабилитации вышеназванных и других, о ком писал в комментариях, «врагов народа». Читают по ЦТ то, что уже было напечатано в «Правде»! Тут же позвонил Н. Блисковской — она сказала, что, конечно же, слышала это решение ЦК, что будут печатать мой текст без каких–либо сокращений... Рукопись книги была сдана в набор 24 марта 1988 года, а подписано к печати 26 августа 1988 года!

Тогда я не понимал, что на уровне моего обыденного сознания, пожалуй, был одним из первых неофициальных *реабилитаторов* в партийном издательстве страны.

Тут же позвонил В.Д. Поликарпову — сказал, что его уроки исторической убежденности многому меня научили на доказательных примерах его бесед с Юрием Трифоновым об «Отблеске костра» по восстановлению исторической справедливости о Б.М. Думенко и Ф.К. Миронове. После кончины Василия Дмитриевича в 2008 году, я написал большую статью в два печатных листа «Писатель и историк в истории страны» для сборника его памяти «На фронте истории гражданской войны», изданного Институтом всеобщей истории РАН... Конечно, меня очень порадовали профессиональные историки, ничего не сокративши в моем тексте и напечатали эту большую статью *неисторика* в таком важном сборнике других статей о гражданской войне...

Я против какого-либо публичного *осуждения* людей, *НЕ* разделяющих правомерность решений XX и XXII съездов партии о И.В. Сталине, как государственном преступнике. В свое время, беседа в Москве «один на один» с Г.А. Зюгановым, руководителем компартии России, я говорил, что бессмысленно спорить об упомянутых решениях партийных съездов, рассматриваемых их противниками как происками каких-то хрущевых, а потом — горбачевых, яковлевых, придуманных ими комиссий ЦК по реабилитации «врагов народа», и тому подобное. Предлагал Геннадию Андреевичу поступить по-партийному, в интересах государства — **официально** отменить ВСЕ решения XX и XXII съездов партии, отменить и вытекающие отсюда ВСЕ решения прокуратуры и судов, и на этом поставить точку в досужих разговорах «о хренах, о пряниках». Зюганов посмотрел на меня, как на больного, и сказал (пишу по памяти нашего разговора): «Ты что, не представляешь последствий этого. Ведь тогда придется пересматривать *ВСЮ* историю КПСС, то есть, историческое развитие страны (народа), а этого сделать невозможно и нельзя! Тут такое начнется!» — Я ответил, что, мол, не буду — *вот те крест* (и даже перекрестился, будучи крещеным) — приветствовать эту «невозможность» и «неразрешенность», а надо, на мой взгляд, помнить пронзительно-правдивые строчки Булата Окуджавы:

Пока от вранья не отвыкнем,
традиции древней назло,
покуда не всхлипнем, не вскрикнем,
куда это нас занесло,

пока покаянного слова
не выдохнет впалая грудь,

придется нам снова и снова
холопскую лямку тянуть.

Полагаю, что у оголтелых сталинистов и не менее оголтелых либералов много общего. Конечно же, понимаю условность такого разделения на тех и других, о чем писал ранее. Много объединяющего общего — это не только глупость (человеческая и политическая), не только *нежелание* знать историю страны, и вообще думать головой над простыми вопросами: «*как*» и «*что потом*». Закономерно возникает вопрос — что ж они так ненавидят друг друга? Мне кажется, что они близнецы–братья, по недоразумению, проживающие в одной стране, в одних и тех же городах, и удивляясь при этом проживанию рядом с ними или *тех*, или *других*. Вспомни, читатель, убедительные метафоры ранее описываемых двух скульптур Каина и Авеля Эрнста Неизвестного...

И в памяти всплыли суждения, в том или ином виде слышимые мной в беседах с Юрием Федоровичем Карякиным, о чем, конечно же, пишу по своим всполохам памяти о наших разговорах. Кажется, была наша встреча после обсуждения чего–то подобного (я о похожести) в «Фонде Горбачева» на Ленинском проспекте. Он говорил о необходимости выйти из круга, обсуждаемых в обществе разнообразных вариантов возмездий сталинистам разных «калибров». Ему казалось, как я мог понять, что надо *назвать* поименно всех мерзавцев — и *помиловать*, то есть, никаких репрессий в стране, а полная амнистия. Он считал, как интеллигентный человек, что самое страшное наказание — только позор, публичный позор, чтобы все знали, кто есть кто... Конечно же, неминуем вопрос — а *как* и *кто* это будет и сможет делать? Вот ответ его помню на подобные мои размахивания (*кто* и *как*!?) руками по поводу подобных суждений — *не знаю*.

Это я о возвращении к ранее высказанным им суждением о «кессонной болезни» у водолазов при резком рывке на поверхность, и о возможном лопании барабанных перепонки. И, поворачиваясь ко мне: мол, Вы же писали о Трифонове, о романе «Нетерпение», о трагедии России из–за *нетерпимых*, и главное *нетерпеливых* решений и действий, и к чему *эти* нетерпения привели страну... Хотя, вроде бы, все делалось–то с благими пожеланиями... Помните, как напоминали мне о том, что у Александра Галича есть в «Поэме о Сталине» глава, где он не хотел быть Птоломеем, и Энгельсом, и тут же Юрий Федорович попытался напеть (при моей посильной помощи с текстом):

...Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,

А бойтесь единственно только того,
 Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
 Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
 Рай на земле — награда»...

Так вот, помнится, сказал он мне, мол, я не хочу, чтобы мне сказали, как в песне у Галича: «...А бояться—то надо только того, // Кто скажет: “Я знаю, как надо!” // Гоните его! Не верьте ему! // Он врет! Он не знает — как надо!»

Эрнст Неизвестный.

Маска скорби (Екатеринбург).

(Сразу же скажу: меня не интересуют примеры, какие бы они не были правомерными, по другим странам — меня, автора записок, волнует, интересуется моя страна.)

Уверен, и поэтому в памяти думающих людей России и скульптурные композиции Авеля и Каина Эрнста Неизвестного, его Маски скорби в Магадане, Екатеринбурге, скульптуры Вадима Сидура, «Стена скорби» Георгия Франгуляна, воздвигаемая в Москве на народные средства, подобные

НИКТО не может утверждать, что его взгляды на историю России есть истина в последней инстанции. Я согласен с мнением Юрия Бродского в книге «Соловки. Лабиринт преобразений», что Моральный кодекс нашей современной эры, сформулированный в евангельских заповедях, не изменился за несколько веков, ибо, думается мне, в его основе мысль одного из священнослужителей еще с XV века — мол, *исправляйте мир, если уверены в своей правоте, силою молитв, а не кострами палачей!* А у нас последний довод убедительный, и самое главное — быстрый, а молитвы — это долго, ведь пока каждый страждущий достигнет до Всевышнего...

этому памятники в Барнауле, Перми, стена Соловецкого монастыря, как наша Стена Плача...

Плюс к этим скульптурам, у меня в памяти картины Петра Белова: «Беломорканал», «Комендант», «Песочные часы», «Вознесение», «41-й год», которые часами разглядывал на его выставке в Москве...

[Не могу не дополнить свой контекст некоторыми суждениями Юрия Карякина об Эрнсте Неизвестном: «Для меня Неизвестный — наш Микеланджело. Я в этом снова убедился во время открытия в Магадане в 1998 году памятника жертвам сталинских репрессий. Это гигантский замысел. Ведь у нас почти все зациклились на сталинизме, ленинизме. А Неизвестный придумал — это его формула — сделать памятник всем жертвам утопического сознания. Магадан. Июнь 1996 года. Почти вымерший город... и вдруг на открытие памятника пошли сотни, тысячи людей. Что это за монумент? Долго идешь к нему, идешь в гору, все время преодолеваешь сопротивление земли, и все время чего-то ждешь.

Сам монумент поставлен так, что создается мощный эффект ожидания. Он гениально построен. Идешь по банальным подмосткам, напряженный от ожидания и, наконец,ходишь в камеру с маленьким окошком. И тебя охватывает жуткое ощущение, что здесь присутствуют все души, погибшие в ГУЛАГе. Пребывание в камере длилось какую-то секунду, потому что шла очередь. Но кого я ни опрашивал, мне говорили — да, ты на мгновение остаешься с душами всех погибших. Я сказал — Микеланджело. Никому такое и не снилось. Была другая эпоха, другие люди, другое преодоление иллюзий. Но вот чтобы выкарабкаться из нашего поколения в вечность, понять абсолютную беспрецедентность этого поколения и, тем не менее, из него выйти и поглядеть на нас, на всех оттуда, сверху, для этого нужен был гений Эрнста.

Он — великий художник, который по происхождению, по определению — диссидент изначальный. Он — другой диссидент. У гениальных людей есть особенность: жить в другом времени, отдавая, конечно дань этому времени (куда тут денешься!). Данте общается с Микеланджело, Неизвестный — с Микеланджело. Они общаются на своем особом языке. Это трудно понять простым смертным. Иногда это понимание пронзает. В нас простых смертных нечто есть, если нас пронзает понимание этого, если эти струны в нас отзываются. Для меня это — тайна, чудесная, обнадеживающая.]

Не знаю, что мы будем делать лет через пятьдесят-семьдесят-сто, а делать что-то будем, ибо неминуемо наступит необходимость какого-то

действия, из-за процессов, происходящих в обществе, в стране, а то и в мире... Правда, нас уже к тому времени не будет, но и страна ведь будет жить по-другому...

Но помнится, помнится, помнится короткое стихотворение Андрея Вознесенского, которое в моей голове звучало, когда писал о нежелании страждущих достучаться до Всевышнего, заменяя воспламененные в неких головах пылающих костров другими решениями...

— Мама, кто там вверху, голенастенный —
руки в стороны — и парит?
— Знать, инструктор лечебной гимнастики.
Мир не может за ним повторить.

Я и по-прежнему не представляю как в мире возможно повторить «попытку инструктора лечебной гимнастики», как голос, весьма похожий на голос Александра Галича тихо напомнил еще раз о главной проблеме стратегического характера — про «пуговицу», которая «сгодится еще при случае». Найдутся ведь отечественные реаниматоры прошлого, откопают среди массы неотмененных решений и постановлений о Сталине, и припомнят всем нам о важности «пуговицы»...

...Утро родины нашей — розово,
Позывные летят, попискивая.
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие.
Им бы, гипсовым, человечины —
Они вновь обретут величие!
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Я разделяю суждения философов, политологов, в частности, Лена Карпинского о том, самый главный страх партийного аппарата — потеря уже ставшей привычной своей *власти* на собственность государства, о чем недаром всеобъемлюще писал Карл Маркс: «Государство есть частная собственность бюрократа». Именно отсюда — государственный террор и репрессии, защищающие эту собственность, о чем и писал соавтор Маркса

Фридрих Энгельс: «...Мы понимаем под последним (господство террора — *А.Ш.*) господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, — *это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради успокоения людьми, которые сами испытывают страх* (Курсив мой — *А.Ш.*)».

В дневниковых записках Лена Карпинского продолжение этих мыслей, как он писал: «неправовое общество — не то, где нет права... а там, где иерархия стоит *над* правом и где право вместе с государством — частная собственность бюрократии». Ведь то, что бюрократия, управляя, добивается своих интересов, укрепления своей власти, своего дохода, имеет решающее значение для понимания *причин* тоталитаризма... Абсолютизируя государство, она (бюрократия) подавляет своих конкурентов. Каждый акт управления есть акт укрепления и расширения ее позиций... Это значит — желание вести наступление на «неуправляемую» действительность, на всякую самодетельность... Господствующий класс системы, это бюрократическая корпорация, включающая партийный и государственный аппарат, административные структуры общественных организаций, сложившихся как *монопольный собственник* средств производства и распределения. А как же быть со статьями Конституции СССР о народе, при главенствующей роли рабочего класса, и крестьянства? Как быть, как быть? Это же риторический вопрос, и без ответа!

Мне кажется, законы могут сыграть с людьми интересную шутку. Дело в том, что можно их не знать предметно, как, например, родословную, — точное их название, конкретное содержание, даже их предназначение, — но спокойно жить и работать по ним (законам), характеризуя себя как добропорядочного законопослушного человека. В этом и кроется огромная *сила* закона. Потому что в нем изначально заложена такая крепкая социально–правовая пружина, которая спонтанно срабатывает там и тогда, где и когда это нужно человеку и обществу — вот вам и подтверждение успешного, в интересах народа, целеполагающего использования «полей» человеческого и социального ландшафта, о чем и говорилось ранее.

...На мой взгляд, правомерен вывод к этому тезису (без каких–либо претензий на научность): ленинизм–сталинизм — это диктатура (тотальная, господствующая) бюрократии в террористических формах в условиях партийно–государственной (феодалной) власти.

[Историческая реплика в сторону.

Меня нисколько не убеждают некоторые высказывания Ленина, правильные, с точки зрения развития демократии. Повторю, — их реализация

шла с противоположным знаком, что закономерно для феодально-государственной власти, но противоречит целям и задачам построения демократического общества. Чего стоит, например, вывод Ленина, сформулированный в письме Л.Б. Каменеву, своему заместителю в СНК и СТО страны: «...Великая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому». И это не просто мнение, высказанное всего лишь в письме, — это убеждение руководителя государства и вождя партии. Вот партия и вернулась к террору, выполняя указание «вождя». Вернулась **так**, что Россия «захлебывалась» от слез репрессированных, опухала от голода не один год.

Чтобы вывод в письме Каменеву не показался случайностью, обратимся, например, к статье Ленина «О продовольственном налоге». Автор излагает правильную оценку положения дел в нахождении выхода из экономического кризиса, говорит о политических аспектах реализации НЭП. И тут же — о конкретных действиях против выдуманных врагов партии: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в “беспартийных” в тюрьме». Через несколько месяцев Ленин в записке наркому юстиции РСФСР Д.И. Курскому пишет опять о необходимости найти(!?) формулировку (фактов нет, но надо найти, по убеждениям вождя!), позволяющую «объединить» действия партий меньшевиков и эсеров (вчерашних соратников по борьбе с самодержавием) с «международной буржуазией и ее борьбой с нами»: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого».

Юрист Ленин требовал от наркома юстиции (!), чтобы репрессии осуществлялись ревтрибуналами и нарсудами «в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке», подчеркивая при этом активное воздействие партии на эти процессы с целью усиления репрессий.]

Маленькое, но образное дополнение к вышесказанному, но соединяющее во многом и дальнейшее изложение записок — в примере из фильма «Дети XX съезда», приведенного Ю.Ф. Карякиным. Он говорил, что написал письмо Н.С. Хрущеву о ситуации в стране, на примере известной сказки Пушкина «О попе, и работнике его Балде». Это когда поп поручил Балде стребовать с чертей неуплаченный оброк, и стал находчивый Балда, уже по примеру философа Юрия Карякина, держа в руках условный канат в сотню

с небольшим километров по длине страны, раскручивать его («морщить море» по–Пушкину) ...И канат–то у Вас, Никита Сергеевич, в Москве ходуном ходит, а начиная, условно говоря, с какого–то района Подмосковья — даже и не шелохнется... Поэтому, как мне кажется, Никита Сергеевич, скоро эти черти снимут Вас, а пока дурят, как в сказке Пушкина, на примере соревнования кроликов Балды с маленьким бесом–чертенком...

Только хотелось бы обратить внимание читателей записок на одно обстоятельство. Сказка о Балде написана в 1830 году, но *до нее*, в 1825 году написана «Драматическая повесть, Комедия о настоящей беде Московскому государству, о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» — «Борис Годунов»...

Я согласен с выводом философов, политологов, что и нынешняя «тоска» по Сталину объяснима обыденным сознанием людей, сформированным веками. Он — Хозяин — по–прежнему воспринимается как всеильный защитник от «пакостных» чиновников буквально на всех уровнях власти. Это традиционная (для России, других неразвитых стран, с точки зрения слабости государственных институтов) мечта человека, прежде всего «работника–нехозяина», поквитаться со своим повседневным унижением при помощи Хозяина. А то, что он — Хозяин — будет жесток при свершении *справедливости*, так он и должен быть таким... Психологи давно отмечали, что бессилие *несобственника* всегда ищет верховную силу отмщения и одобряет ее жестокость. (В этом и проявляется нежелание власти развивать малый и средний бизнес в России, из–за боязни нежелательных для нее, власти, несанкционированных действий). Современная «тоска» о Хозяине — психологическая (человек бессилён перед Системой и надеется на «заступника») форма *нынешней* критики бюрократии, форма выражения ненависти к бюрократии. Такое явление присутствует всегда там, где из государственной структуры управления «изъят» главный субъект — Человек, со всеми присущими ему противоречиями, а сама власть действует *вне* контроля гражданского общества (собственно, таковое общество и отсутствует в *такой* Системе).

Тут в наш общий разговор вмешиваются они оба и Катульский, и Карпинский со своими примерами, что причина огосударствления и бюрократизации в стране — непройденная школа личного предпринимательства, миллионы «невыделанных» личностей, миллионы субъектов без возможности проявления творчества. И вывод из сказанного простой: нетворческая особь, стремясь к непродуктивной устойчивости — статичной, без развития — жаждет покоя. Она жаждет «сохранности», иерархической неприкосновенности, застрахованного места... Отсюда и

убаюкивающая констатация *застойного* общества, когда большинству населения спокойно, никаких волнений, ведь *нет же войны* и хорошо... Но над всеми этими силами общества парит тень неосознаваемой пока «силы» — и это непреодолимое стремление к «мещанству» во всей его всеохватности характеристик, прежде всего через отношения к собственности во *всех* допустимых формах в любом обществе...

Я согласен с отменой шестой статьи Конституции СССР о «руководящей» и «направляющей» роли КПСС, ибо *часть* народа (тем более малая, по численности, часть) не может конституционно управлять и командовать государственным устройством *всего* народа. И в продолжение отмены этой конституционной статьи говорит многое. Члены партии, по мнению «вождей» должны в *доконституционную* отмену: беспрекословно повиноваться воле одного лица, беспрекословно повиноваться воле советского руководителя, диктатора (*суждение В.И. Ленина*); партия должна быть похожа на касту самураев, где уничижительная, но в то же время жесткая верность и лояльность ее членов выражает их дисциплину и беспрекословное подчинение (*суждение Л.Д. Троцкого*); партия есть орден меченосцев внутри государства, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность (*суждение И.В. Сталина*). Это же — замшелый агрессивный феодализм не только в убеждениях, но и на практике, где безапелляционное командование Феодала и феодалчиков (ранее упомянутых «Чингисхана с телефоном», и «чингисханчиков» с телефонами поменьше) существует в одинаковой мере, начиная с концлагерей во всех сферах жизни государства...

(В начале перестройки, в одной из газет видел рисунок. На бревнах сидят трое: двое на одном бревне, а третий — напротив. Судя по одежде, лопатам и кайлу, они — заключенные. Их позы и жесты свидетельствуют о напряженном разговоре–дискуссии. Двое — это Маркс и Энгельс, а третий — Ленин. Подпись под рисунком выражала суть лагерной дискуссии: «Но идея—то была хорошая!»)

Я не буду комментировать ни этот рисунок, ни его последствия (все это в моей книге «Юрий Трифонов и советская эпоха», написанной в соавторстве и под научным редакторством великолепного историка В.Д. Поликарпова). Просто рекомендую документальный фильм «Дольше жизни», авторы которого: Д. Виолина и С. Павловский, **2013 год**. Здесь будет уместно добавить к фильму и еще об одной оставшихся в живых после АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жен изменников родины) — Евгению Абрамовну

Трифонову–Лурье, мать писателя Юрия Трифонова. Она находилась в лагере полный восьмилетний срок с 1938 по 1945 год, за отказ доноительства на мужа Трифонова В.А., отца писателя, расстрелянного в 1938 г.

Если попытаться каким–то образом объединить *ВСЁ* сказанное и написанное о последствиях сталинизма в моей стране, то никаких слов в адрес этого режима не найти, кроме как... (Каждый из читающих записки и чувствующих, то или иное состояние может продолжить заполнение многоточий по своему усмотрению.) Трудно себе представить, сколько сил ушло у государства *не* на развитие страны, а на *уничтожение народа*, как физически, так и нравственно! В число жертв входят и миллионы пресловутых «винтиков» механизмов, приводящих маховики чудовищной репрессивной машины, превращенных в роботов и садистов, занятых пытками, расстрелами, охраной лагерей и тюрем, преступной и бессмысленной работой по перемалыванию ленинско–сталинских жертв. А остальные? Если учесть еще и миллионы тех, кто писал доносы, и тех, кто дрожал, ожидая ареста, и молчал, вжимая голову в плечи, чтоб не было беды, если учесть всех, *прибитых страхом*, то получится огромная страна с искалеченной психикой. Расколота на жертв и мучителей. И не может быть между ними примирения без покаяния... Может быть, надо оставить в стороне это *желанное* желание какого–либо наказания? Над нами и сегодня, властвуют правомерные эмоции, во многом присущие тем самым большевикам, мы же и сегодня плывем в одной и той же «воде» современности, как дышали, так и дышим одним и тем же «воздухом».

Вспомните ранее упомянутую скульптуру Эрнста Неизвестного: из *одного корня внутри одного тела* два брата Авель и Каин душат друг друга, которая не менее метафорически красноречива... Юрий Карякин писал об этой, подаренной ему самим Неизвестным бронзовой скульптуре: «...Двое душат друг друга, а корень — общий. Себя и душат. Они как бы слиты. Лиц почти нет: зверея, человек теряет лицо и обезображивается. На головах — каски. Но это, конечно, не просто отклик на минувшую войну: вся история человечества — история войн. И все войны, в сущности, — гражданские, братские, если действительно считать, что люди — братья. А еще обратите внимание: отверстие между ними — в форме сердца. Получился портрет и человечества, и человека (разве каждый человек сам себя не душит?). Гениально простая, страшная и понятная всем метафора».

Нет, не могу не вспомнить здесь всего несколько строк из изумительной повести Юрия Трифонова «Дом на набережной». Кто помнит повесть, тот

вспомнит, а кто не помнит ее, прочтите — ведь слушая монологи Ганчука, Вадим Глебов задает себе вопрос, в чем, собственно, отличие между честнейшим, порядочнейшим Ганчуком, и непорядочным Дородновым, захватившим ныне власть в институте. Ответ Глебова звучит несколько неожиданно: «Они просто *временно поменялись местами*. Оба размахивают шашками. Только один уже слегка притомился, а другому недавно *дали* шашку в руку. Поэтому, если напасть на одного, это вроде бы напасть и на другого, *на всех* размахивающих шашками. Но это не так. Все же они делают разные движения, как пловцы в реке: один гребет под себя, другой разводит руки в стороны. Ах, боже мой, да ведь *разницы действительно нет!* Плывут — то в одной реке, в одном направлении».

Помню, даже при первом чтении повести в *1976 году* несколько раз перечитывал эти строки: вот она — диалектика по-Трифонову! Как он ответил на вопрос: *что* же тогда происходило, и *почему* происходило так. Ведь «недочувствие» Ганчука, и несть числа таким, как он — большевикам, которые на заре советской власти проявляли активное «недочувствие» к народу страны через «недочувствие» к конкретному человеку, и *прививали* этот принцип как моральную норму всему обществу. А в повести это было своеобразным возмездием истории за *нравственную глухоту*...

...И есть другой, как мне кажется, пример действий — отношение к Мао Цзедуну. Сколько, скажем так, бед он натворил, издеваясь над китайским народом! Читая и понимая истоки его азиатского «вождизма», опираясь на дневники военного корреспондента ТАСС, связного Коминтерна (проще сказать — разведчика Генштаба ГРУ) П.П. Владимирова (отчима Юрия Власова, нашего великого тяжелоатлета, чемпиона Олимпийских игр) «Особый район Китая. 1942–1945 гг.», вспоминал неподражаемого Угрюм-Бурчеева из щедринской «Истории одного города»: «Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременно расчетом, чтоб нельзя было повернуться ни взад, ни вперед, ни направо, ни налево. Предполагал ли он при этом сделаться благодетелем человечества? — утвердительно отвечать на этот вопрос трудно... Лишь в позднейшие времена (почти на наших глазах) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления была возведена в довольно сложную и неизъятую идеологических ухищрений административную теорию... Прямая линия соблазняла его не ради того, что она в то же время есть и кратчайшая — ему нечего было делать с краткостью, — а ради того, что по ней можно было весь век маршировать и ни до чего не домаршироваться. Virtuозность прямолинейности, словно ивовый кол, засела

в его скорбной голове и пустила там целую непроглядную сеть корней и разветвлений. Это был какой-то таинственный лес, преисполненный волшебных сновидений. Таинственные тени гуськом шли одна за другой, застегнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах, все шли, все шли... Все они были снабжены одинаковыми физиономиями, все одинаково молчали и все одинаково куда-то исчезали. Куда? Казалось, за этим сонно-фантастическим миром существовал еще более фантастический провал, который разрешал все затруднения тем, что в нем все пропадало, — все без остатка. Когда фантастический провал поглощал достаточное количество фантастических теней, Угрюм-Бурчеев, если можно так выразиться, перевертывался на другой бок и снова начинал другой такой же сон. Опять шли гуськом тени одна за другой, все шли, все шли...»

Но вот Мао Дзедун умер! И что? Памятники ему — показательно, — насколько мне известно, не уничтожили и подобное, как мы со Сталиным не сделали. Только поступили по-китайски, мудро — *уничтожили* все-таки память о нем, через «молчание», будто со вчерашних дней не было его, и не будет в будущем современного Китая. Раньше-то кликушествовали, «лбы» разбивали, а теперь... Ну, это мне так кажется, при его сохранности в каком-то виде сугубо исторического интереса, затмеваемого и успехами страны, и страхами других стран перед Китаем, становящимся одной из ведущих стран мира. И все это тихо, без крика и шума о патриотизме и величии, наряду с решением главной задачи, направленной на великое возрождение нации с опорой на две важнейшие, так сказать, китайские *составляющие* — на традиционные представления о государственности Китая, и *власть* Компартии. В итоге это характеризует, при всех противоречиях и в той и другой составляющих — и политическую стабильность, и экономическое развитие (любопытного читателя отсылаю к суждениям профессионалов и о Китае, и о необходимости демократических преобразований в обществе еще на фоне СССР — <https://cont.ws/@cg/638437>).

...Ведь что, на мой взгляд, кормит *сосудистый организм сталинизма*? Почему «драконизация души» по-прежнему жива, и местами даже процветает?.. На мой взгляд, «внедренный» в кожу, душу, кости — СТРАХ: у кого перед многомиллионнотонной плитой (придавит!!!), у кого перед паучком, лапками шевелящим для втягивания в паучью сеть...

* * *

19. *Импринтинг по–Трифонову, по–Леонардо да Винчи, по–Александровичу * «Андрей Рублев» на ЧМЗ + Михаил Филимонов...*

...Когда писал о Евгении Катульском, Юрии Александровиче, наших беседах и спорах в моей памяти постоянно «сидел», для примера, Лен Карпинский. Что нас (причисляю и себя мысленно к трем названным) объединяло при всей непохожести друг на друга? Всех нас объединил комсомол. Не место и не время «плакать» о неудачах, о несвершениях того или другого желанного, — но это была наша жизнь, и каждый стремился прожить ее достойно, как и хотелось.

Да, вспомним о нобелевском открытии *импринтинга*; ведь известный философ Мартин Хайдеггер писал, что ничто не отстаивает человек с такой яростью, как свое прошлое, а Герман Гессе называл потребность людей забывать прошлое самой острой и самой слепой потребностью. Правы или не совсем правы эти известные в мире философы? В любом случае, ответ будет весьма субъективный...

Юрий Трифонов, размышлял о человеке, о сущности бытия и мира, в котором неразрывные *связи* человека с историей, известными общечеловеческими ценностями — в общем обыденном представлении составляющие «миг между прошлым и будущим». Он писал в романе «Старик», что в жизни человека с момента его рождения лежит огромная дистанция — между временем, когда он еще *не успел* стать собой, и временем, когда *перестал* быть собой, лежит некое сверхъестественное целое, не имеющее названия — *жизне–смерть*... Мне кажется, что это будет попыткой ответа на вопрос о суждениях философов М. Хайдеггера и Г. Гессе.

Ю. Трифонов рассказывал нам о нас, вместе с нами переживал за нас, болел за нравственную, духовную стойкость человека — его *нравственную упругость* в период *жизне–смерти*, человека, находящегося в «плену» жизненных обстоятельств, переживающих, каждый по–своему, за этот *плен*, стремящихся вырваться из «него». Другое дело, что процесс этот весьма и весьма длительный, успехи которого, даже в обозримой перспективе нашего развития, во многом заключаются в повседневной, незаметной для окружающих ма–лю–ю–сень–кой «победе» каждого над самим собой...

Плюсом к Трифонову — неизгладимое впечатление произвел на меня документальный сериал «Отдел», показанный по телеканалу «Культура» в сентябре 2010 г. А какие «персонажи»: М.К. Мамардашвили, Ю.А. Замошкин,

А.М. Пятигорский, А.А. Зиновьев, Э.Ю. Соловьев, Ю.Ф. Карякин, Ю.А. Левада, Б.А. Грушин, Г.П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков, А.С. Черняев! И перед нами — на экране телеканала «Культура» — история страны, история философии, социологии, управления! Показаны разные люди со своим пониманием действительности, своими противоречиями, объединенные одним своим ощущением «спина к спине» с другом, возникшими еще с Отечественной войны... Вот в моем понимании — основа возникновения, развития «шестидесятничества» в сложной социально-экономической структуре нашего общества — те же «дети XX съезда».

И здесь мы сталкиваемся с показательным, а для меня и доказательным примером — в этой структуре, как было сказано в обсуждении творчества Юрия Трифонова на Радио Свобода (29 августа 2005 года): ведь мог Юрий Трифонов *«быть и оставаться примером эстетической свободы и этической нормы, как в Советском Союзе, так и в новой России»*.

Вот так, постепенно шаг за шагом, приближаюсь к завершению записок. Но чувствую их какую-то недозавершенность. А какую, и как их попытаться завершить? Столько недоговоренностей осталось в прошлом, причем, не знаю с кем, и не помню о чем, но ощущения, повторю, какой-то *недозавершенности*, по-прежнему беспокоит меня... Тогда я готов — ничего не подделать с моей памятью — повторить слова Максимилиана Волошина, своеобразного опекуна и спасителя Осипа Мандельштама:

Обманите меня, но совсем, навсегда,
 Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда,
 Чтоб поверить обману свободно, без дум,
 Чтоб за кем-то идти в темноте наобум.

И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
 Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
 Чьё дыханье горит у меня на щеке,
 Кто сжимает мне руку так крепко в руке.

А очнувшись увидеть лишь ночь и туман,
 Обманите и сами поверьте в обман.
 Обманите меня, но совсем, навсегда,
 Чтоб не думать зачем и не помнить когда.

...Да, подумал я, карточный домик счастья неколебим, при всех, присущих прожитому и проживаемому времени, «плюсах» и «минусах» только там — в прошлом, со своими, повторяемыми *недозавершенностями* по различным причинам для каждого в том самом прошлом.

И вот, в поисках ответов на те, или иные рассуждения, включаю телеканал «История», где показывают фильм о Леонардо да Винчи — итальянском художнике (живописец, скульптор, архитектор) и ученом, изобретателе, писателе, музыканте. Он — один из крупнейших представителей искусства Возрождения, являющий яркий пример «универсального человека». И на его примере вижу и слышу, как мне представляется, искомые ответы на мои вопросы самому себе — величие великого Леонардо да Винчи, на мой взгляд, заключалось в том, что несмотря на эпоху (XV век), на очень противоречивые фигуры его покровителей, один из которых Чезаре Борджиа чего стоит, но присутствие в нем *свободы духа* и определило это самое величие на века...

Именно такое состояние духа — *свобода* — определяло и мысли, и поведение ВСЕХ, кого мы относим к «шестидесятникам», кого мы относим к поколениям, воспитанных духом «шестидесятничества». Мы и получаем неисчислимо число людей, благодаря которым страна наша постоянно «беременна» прогрессом «с началом яблонь будущих внутри» (Евг. Евтушенко), хочет или не хочет этого любая власть в обществе.

В моем восприятии речь может идти и о Юрии Александровиче, и о Лене Карпинском, и о Евгении Катульском, и о Вячеславе Липском, которых отличали и сближали, несмотря на других, упоминаемых в записках интереснейших людей, два обстоятельства. На мой взгляд, этими обстоятельствами были: комсомольско-партийная работа и свободолюбивый дух «шестидесятничества», причем, первое обстоятельство — по желанию, а второе — как говорится, по душевному состоянию. Причем эти две рабочие ипостаси — обратите на это внимание — то сходились, то расходились до поры их полного, по жизненным обстоятельствам и убеждениям, «развода». Все как в жизни людей, и, как я это попытался показать в написанном — по касательной — в своих субъективных записках...

...Много позже, кажется в сентябре **1984 года**, окончивший Академию общественных наук при ЦК КПСС и ставший кандидатом философских наук (тема диссертационного исследования была: «Формирование политической культуры рабочего класса в условиях развитого социализма»), догдашний секретарь Челябинского горкома партии Юрий Александрович опубликовал

свою беседу с первым секретарем горкома комсомола Сергеем Козловым. Суть беседы проста и понятна: партийный секретарь заботливо и с тактом говорит комсомольскому секретарю, мол, что ты постоянно бегаешь в партийный комитет, тебе надо больше и чаще бывать в первичных комсомольских организациях, интересоваться их проблемами, решать их, а не суетиться в горкоме партии, и тому подобное...

Ну, прочитали эту опубликованную беседу и ничего — ни жарких, спорных обсуждений, ни каких-либо собраний... Ну, ничего, насколько мне помнится, хотя уже начинал работать в институте культуры, и даже возможно возникающие слухи о реакции кого-то на публикацию до меня не доходили!

Через несколько дней высший партийный орган области (бюро обкома) объявил о проявлении *троцкистского* метода руководства молодежью города, мол, горком партии, в лице Ю.М. Александровича отвергает принципы партийного руководства молодежью, что характерно для троцкизма, осужденного партией. (Показательно, на мой взгляд, использовано понятие «троцкизм», понятие давно забытое, но весьма живучее для опытных, партработников, как обкомовских, так и секретарей райкомов и горкомов. Для них это был убийственный аргумент для неприятия *вражеского* для партии. Подобное к нему отношение еще откликнется, и весьма скоро. А тогда Юрия Александровича сняли с должности и послали в ссылку в городок Копейск, который был очень похож на один из районов города Челябинска, но с «убитой» промышленностью).

Это позже его вернули оттуда и назначили секретарем обкома партии (руководство обкома к тому времени поменялось). И в областной партийный комитет к Александровичу потянулись люди за дельным советом и решениями, кучковались в коридорах обкома (!) группками представители различных организаций, он приглашал разных людей и проводил различные по характеру пресс-конференции в областном Доме политпросвещения, дискутируя с представителями разных конфессий и т.д. и т.п.

Он поддержал инициативу челябинского «Мемориала» по приглашению Андрея Дмитриевича Сахарова. В сентябре **1989 года** вместе с женой Еленой Боннэр и Галиной Старовойтовой Сахаров приехал в Челябинск. Они участвовали при перезахоронении останков жертв сталинских репрессий, и на траурном митинге, где выступил Андрей Дмитриевич, выступал и Юрий Александрович от имени областной комиссии реабилитации жертв политических репрессий. Позже он инициировал выступление Сахарова и в Доме политпросвещения обкома партии. Ну и кто из партийных чиновников

мог вынести такой нетрадиционный публичный стиль отношений с людьми, вынести такую популярность?

Через непродолжительное время в *1990 году*, Ю.М. Александрович, написав заявление о сложении обязанностей, ушел в зените популярности в области... не заработав себе по привычной методе партийной системы ни приемлемую для его большой семьи квартиру (жил в двухкомнатной), ни дачу, ни машину, ни то, что обычно подобало иметь секретарю обкома партии.

Причина была, насколько мне известно, простой по исполнению, но в классических приемах партийного чиновничества. Обращаю внимание на ситуацию, складывающуюся в стране — партийный аппарат в массе своей *не* поддерживал провозглашенный М.С. Горбачевым курс, коротко сформулированный как «перестройка» и «гласность», отсюда и торможение *ВСЕХ* процессов, свойственных обществу и государству в стране. Происходящее уж очень напоминало причины, обусловившие приход большевиков к власти в 1917 году. Ну, ладно, в истории с большевиками сама история и разберется, мы же говорим о времени конца 80-х годов, что уж более всего походит на известный пример с выступлением Б.Н. Ельцина на октябрьском *1987 года* заседании политбюро ЦК партии: выступление, яростная критика участников, молчание в СМИ, изгнание из политбюро ЦК, с последующим преданием анафеме после его изгнания с поста первого секретаря Московского горкома партии. (Любопытному читателю этих записок — в этом месте — говорю: знаю—знаю детективную историю из Интернета с этим выступлением, сделавшим Ельцина символом эпохи, народным героем в борьбе с партноменклатурой и её привилегиями, хотя таковым в реально жизни ему, на мой взгляд, не получилось быть.)

Аналогичное — в приводимом мной примере с Юрием Михайловичем. Он планировал свое выступление на пленуме обкома партии о необходимости изменения форм и методов партийной работы в области, о торможении курса на перестройку и гласность, идущую «за окнами, на улицах». Конечно же, разговаривал со своими коллегами, особенно с бывшими комсомольскими работниками, а сегодня — секретарями горкомов и райкомов партии. Ответы были обнадеживающими: мол, ты, Юрий Михайлович, выступи, а мы тебя в выступлениях на пленуме и поддержим. Ну, он и выступил, с присущим ему мастерством, призвал товарищей по партии больше бывать «на улице», слышать «улицу», слышать настроения людей, порожденные перестройкой и гласностью, и стремиться совершенствовать формы и методы работы, по ходу изменяющейся реальной жизни...

Вероятно, сыграла роль в его настрое необходимости *так* выступить на пленуме статья Николая Михайлова, доктора философских наук, недавнего проректора по научной работе Челябинского педагогического института, редактора отдела пропаганды ненашевских времен «Советской России», ответственного за исторические публикации в журнале «Известия ЦК КПСС», спичрайтера М.С. Горбачева. И дальше я бы продолжил с нахальным добавлением через запятую — ...моего старшего товарища по научному воспитанию. Таковым он становился с *1966 года*, когда мы только-только познакомились с моей будущей женой Милой, которая была родной сестрой Володи Вавилина, близкого товарища Михайлова еще со студенческих лет — и моим другом, с которым мы сохраняем прежние отношения уже больше полувека...

Так вот, эту статью Н. Михайлова, называвшуюся в оригинале «*Нужен ли нам новый Октябрь?*» редакция «Известий» заменила на беззубое название: «Высокое напряжение», когда опубликовала ее. Конечно, необходимо какое-то пояснение к такой замене — оно было элементарное: страх от такого звучного названия статьи, страх за последствия... Но от кого? Искал эту статью в Интернете, не нашел, и поэтому поступил просто — обратился к самому автору. А он мне в ответ: мол, некогда искать в своих архивах, вот закончу книгу своих воспоминаний — там и прочитаешь... Как всегда, он сдержал слово, и в конце июля *сего года* прислал свои «Бренные пожитки» с подзаголовком «Автобиография в эпоху перемен», где в главе «На Старой площади», рассказывающей о своей работе в ЦК КПСС, подробно описал непростую для него ситуацию со статьей, процитировав ее полностью.

Опускаю все поведенные мастерским языком «Золотого пера России–2000» — звание Союза журналистов России — перипетии с этой статьей... Поэтому всем любопытным, интересующимся истинными свидетельскими воспоминаниями о работе на Старой площади (там располагались на целый квартал здания и помещения ЦК) каким-то образом найдите эти «Бренные пожитки» и почитайте. Скажу еще раз о своем предположении — партийный работник, а Ю.М. Александрович был секретарем обкома партии, конечно же, обязан был читать центральную прессу, естественно, и «Известия», так что статья Н. Михайлова не могла проскочить мимо него, а прочитав ее в его книге еще раз убедился в правомерности своего предположения. О воздействии на Юрия Михайловича содержания доказательных жизнью тезисов о необходимости изменять стиль работы всей Системы управления страны могу только предполагать, но предполагать с уверенностью написанного автором, и планируемого выступления на пленуме Челябинского обкома партии. Думаю, что *страх улитки*, да-да, неспешащей улитки,

которую кто-то как-бы подталкивал к ускорению движения, сработал сразу же, створки закрылись, и все продолжалось по-прежнему... Это я констатирую свершившийся факт, как он мне видится, но, может быть, я не совсем прав, или проще сказать — совсем не прав?

Что для нее, *улитки-Системы*, чьи-то выступления где-либо, и о чем-либо — какие-то отголоски каких-то событий, о которых много по делу, и справедливо сказано и написано, даже и здесь в данных записках чего-там пишит, типа: «Граждане, послушайте меня...», но он, мой писк, перекрывается звенящим голосом Сергея Есенина, читающего и для нас строки из стихотворения «Русь советская»:

...Вот так страна!
 Какого ж я рожна
 Орал в стихах, что я с народом дружен?
 Моя поэзия здесь больше не нужна,
 Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.
 ...Отдам всю душу октябрю и маю,
 Но только лиры милой не отдам.
 ...Но и тогда,
 Когда во всей планете
 Пройдет вражда племен,
 Исчезнет ложь и грусть, —
 Я буду воспевать
 Всем существом в поэте
 Шестую часть земли
 С названьем кратким «Русь».

Я бы добавил к своим рассуждениям об *улитке-Системе* слова из русской пословицы: «На обиженных воду возят» и без всяких этимологических политических комментариев...

...На пленуме Юрия Александровича выслушали без аплодисментов, при молчании, а потом продолжили дежурно обсуждать текущие дела. Выступление никто *не заметил*, просто никто и не поддержал хоть чем-то и как-то. Это потом, через несколько дней бывшие его комсомольские друзья кто звонил, а проще при встречах винулись: мол, да, беседовали с нами, испугались партийных последствий... Прости, что не выступили с поддержкой! А обкомовские чинуши так сразу в отказ ушли. Неделью другую он подождал ждать хоть какую-то реакцию на свое выступление, но

столкнулся с коллективным «молчанием ягнят» (это не об известном фильме, а об отношениях партийной власти со своими вассалами, нет, не уровне ЦК, а на областном уровне).

И он сорвался — человек-то Юра эмоциональный: написал соответствующее заявление о сложении полномочий секретаря обкома и члена бюро обкома партии и не дожидаясь обещанного улучшения жилищных условий, повернулся, и на выход! А там он, к сожалению, начал пить (не воду, разумеется)... Но все еще ждал содействия в предложении какой-то работы в соответствии с его организаторскими возможностями. В свою очередь, я постарался хоть как-то вывести его из состояния ожидания предложений от товарищей по партии, и продолжающихся загулов, заручился поддержкой московской структуры и организовал для него в Челябинске соответствующий филиал. Моя организационная эйфория помощи ему длилась около двух месяцев, после чего он получил предложение работы заместителем начальника областного управления соцзащиты... Как говорится, началась уже другая история.

Она (история) продолжилась, когда он, после ухода из управления на пенсию, возглавил общественный фонд «Будущее Отечества» имени Виктора Поляничко, бывшего первого секретаря обкома комсомола, прошедшего партийную работу в ЦК Компартии Азербайджана, затем Афганистан, впоследствии — вице-премьера России, убитого на Кавказе...

В одну из наших тогдашних встреч с Юрием Михайловичем я привел к нему театрального режиссера Михаила Евгеньевича Филимонова, к тому времени перешедшего из драматического театра в областной молодежный театр (бывший Челябинский ТЮЗ). Именно в связи с таким переходом я пригласил его для знакомства... И беседа получилась многочасовой: во-первых, Александрович очутился в знакомой ему ситуации как во времена комсомольской, а позже и партийной работы, чем он увлеченно занимался многие годы, во-вторых, почувствовал заинтересованную востребованность в своих знаниях, в-третьих, глаза молодых актеров молодежного театра вызывали, и это было видно по его лицу, ответную реакцию, когда он беседовал с ними...

Но прежде чем Михаил Евгеньевич будет рассказывать, я вспомню о своем первом знакомстве с его будущей женой, имеющей отношение и к сути моих записок.

...А случилось это *году в семьдесят втором*: утром еду на трамвае с вокзала, возвращаюсь из командировки по области, и на остановке уже

подъезжая к дому, вижу кинорекламу, что у нас в кинотеатре «Металлург» демонстрируется фильм «Андрей Рублев». Признаюсь, даже глазам своим не поверил — что у нас в Metallургическом районе сегодня показывают фильм Андрея Тарковского (!?!). Выскочил из трамвая, бегу в кинотеатр, успеть бы, пока билеты не раскупили, а в кассе мне радостно сообщают, что, пожалуйста, вы первый кто покупает билеты на этот фильм, так что выбирайте: какой ряд нужен, какие места... Я с радостью беру шесть билетов (кроме нас двоих с женой, беру и на две пары друзей—земляков Александровича). Вечером к началу сеанса подходим к кинотеатру — вся прилегающая площадь полна народу, и все пытаются купить у кого-нибудь лишний билетик. Одна ожидаемая пара друзей не смогла пойти из-за нездоровья детей, так что билеты лишние у нас были. Ну, думаю, коль скоро такой ажиотаж, а иного я и не ожидал, думая о неожиданном повышении культуры в нашем районе, вдруг кого-нибудь из друзей случайно встречу и подарю билеты... Вижу знакомая еще по нашему Дворцу культуры стоит и судорожно озирается по сторонам в поисках этого самого лишнего билета. Подхожу, две-три фразы приветствия, подбегает ее подруга, отдаю им имеющиеся два билета и идем в кинотеатр.

Пробираясь, в полном смысле слова через толпу, и как вкопанный остановился перед входом — стоит рекламный плакат из фанеры в два раза больше человеческого роста, на котором текст (до сих пор врезавшийся в память): «Сегодня в кинотеатре “Металлург” демонстрируется 2-х серийный художественный фильм “Андрей Рублев” (и ниже уже большими буквами в отличие от названия фильма) с участием ЮРИЯ НИКУЛИНА». Теперь-то понятна колоссальная толпа у кинотеатра, после народной славы Юрия Никулина в «Бриллиантовой руке». Но в фильме А. Тарковского у него простая, но интересная эпизодическая роль служки-монаха в первой серии, где ворвавшиеся в город татаро-монголы ему, не выдавшему под пыткой тайны о том, где спрятаны драгоценности церкви, заливают рот расплавленным оловом, и уносят его конями...

Мне удалось каким-то чудом еще в *1971 году* посмотреть в «закрытом» комсомольско-партийном кино-зале в Свердловском обкоме комсомола этот изумительный фильм Тарковского. Дело в том, что в городе была популярная Свердловская киностудия, имеющая свои отношения с киностудиями страны, в том числе и с «Мосфильмом» где он снимался (вообще-то фильм был готов ограниченным числом копий еще в *1967 году*, но цензура...)

Кинотеатр «Металлург» был набит — народ-то шел на очередной фильм, с участием любимца... И когда Юрию Никулину залили в горло расплавленное олово, и кони его понесли уже мертвого на смерть, зал продолжал смешливо реагировать на его ожидаемое возрождение — ведь

должна же быть и обещанная вторая серия, я не выдержал, встал и закричал на весь кинозал: «Все! Никулин уже убит. Продолжения с его участием больше не будет — он уже мертвый...» И зал как-то «потёк», люди стали группами уходить из кинотеатра, а сидевшие в проходах и ютящиеся по стенкам зала стали занимать пустующие места, ведь они пришли на фильм Андрея Тарковского...

После окончания фильма мы вышли, разговорились со знакомыми по Дворцу культуры, кому так повезло с нашими билетами, и они с интересом смотрели на киноэкран. Одна из них представилась — Галя; она в отпуске, приехала в Челябинск к родителям, говорила что-то (как мне помнится) про работу в Иркутском драматическом театре, после окончания там же театрального училища...

К чему это я об этой незнакомке? Через много лет, меня знакомят с режиссером Челябинского театра драмы Михаилом Евгеньевичем Филимоновым, с которым мы будем творчески встречаться, в частности, при попытках работы над предложением поставить что-нибудь «по-Трифонову». Позже, когда подготовленный мной трифоновский сценарий, по различным причинам стал неприемлемым для сцены, мы начинали вместе писать сценическую версию «Кентервильского привидения» О. Уайльда для Челябинского молодежного театра, куда он был назначен главным режиссером.

Так вот, когда он (Филимонов) знакомил меня со своей женой, произошло уж совсем неожиданное — улыбающаяся красивая женщина мне говорит: мол, кажется, вы меня не помните, а ведь именно вы, подарив мне с подругой тогда билеты на фильм «Андрей Рублев», подвигнули с тех пор на изучение его, Тарковского, творчества. И фильмы его смотрела и литературу о нем в библиотеках, в каких бы театрах не работала, читала, причем, не просто о нем, а и о том времени, когда и он, и мой муж Михаил Филимонов — стилижничали напропалую... Я имею в виду время «шестидесятничества», когда сначала с подругами, а потом и самостоятельно читала Аксенова, Гладилина, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадуллину, слушала песни Окуджавы, Высоцкого... А когда Михаил Евгеньевич работал в театре имени Моссовета, бегали на спектакли театра на Таганке, «Современника» и других. Да много всего было в то прошедшее, после нашего похода на «Андрея Рублева»: и песни под гитару муж мне пел, и рассказывал о том времени... Так что, спасибо вам, Саша, что подтолкнули меня к совершенствованию

моего любопытства, а то, что у вас с Мишей так или иначе в какие-то времена происходит, так это ностальгия по тем незабвенным шестидесятым...

А теперь Галина Степанова — заслуженная артистка, служит с 1995 года в Челябинском театре драмы, с чего, собственно и начались наша дружба и с ней, и с Михаилом Евгеньевичем Филимоновым. Так и хочется сказать: рукопожатия во времени все продолжают и продолжают...

...Михаил Евгеньевич рассказывал Александровичу, как его на профессиональную сцену привел дядя Аркадия Райкина — Борис Самойлович Райкин. В спортивном юноше из художественной самодеятельности он увидел артиста — угадал. Позже он стал учеником народного артиста России Павла Хомского, работал в театре драмы Тюмени, Русском академическом драматическом театре Киргизии, академическом театре имени Моссовета, режиссером Челябинского театра драмы, преподает на кафедре театрального искусства Челябинской академии культуры и искусства. За прошедшие годы в разных театрах поставил около 40 спектаклей, среди которых «Вечер в Копенгагене» (по пьесе «Мандат» Н. Эрдмана), «Калигула» (А. Камю), «Носороги» (Э. Ионеско), «Семейный портрет с посторонним», «Смотрите, кто пришел» и другие. Кстати, спектакль «Лев зимой» (Дж. Голдмэн) был записан в 1996 году на радио «Россия» в числе лучших спектаклей страны, и несколько раз транслировался и в другие годы по российским каналам.

...Они с Александровичем стали обсуждать насущные проблемы театра для детей и молодежи — этого совершенно особого театра. Размахивая руками для убедительности аргументов, они остановились на время в споре о важном, где, с одной стороны, молодежный театр должен быть авангардным, всегда интересным, современным, чтобы компьютерное поколение не смотрело на него свысока, чтобы даже пришедшие с детьми учителя и родители изумились его новизне. С другой стороны, театр должен быть в меру консервативным, поднимая животрепещущие проблемы в спектаклях для школьной и студенческой молодежи, и в тоже время стараться приобщить ее к вечным общечеловеческим ценностям...

В чем они сошлись так в том, что стараясь говорить с молодежью на современном языке, мы, тем не менее, хотим показать, что, кроме уличного сленга, есть еще красивый русский язык. И поэтому мы уверены, говорил Михаил Евгеньевич, что, например, театральные читки пьес молодых современных авторов с их дальнейшим обсуждением на молодежной аудитории, помогут нам всем взглянуть по-новому на театр и нашу жизнь. В таком обоюдном процессе закладывается формирование будущего человека, и не только в содержательной части произведений, что,

безусловно, очень важно, но и в самой их форме. Воспитывать чувство вкуса эстетического и человеческого — проблема номер один вообще, и в театре значимая, через воспитанное, привитое чувство культуры, что потом проникает во все сферы жизни.

И тут на моих глазах экспромтом разыгрался диспут между ними, когда Михаил Евгеньевич, продолжая ранее высказанную мысль о культуре, превосходно преломляющейся через театральное искусство, сказал, обращаясь к собеседнику (не забывая и меня пригласить к совместному разговору):

— Ну, в общем-то, Юрий Михайлович, мы должны, как говорил Ленин «учиться, учиться и учиться»...

— Кстати, а вы, Михаил Евгеньевич, не помните, где так говорил Ленин?

— Если мне не изменяет память, эти слова из его речи на Третьем съезде комсомола в октябре двадцатого года... Так я помню еще с давних времен, принятия в комсомол.

— Это не совсем верно, хотя в этом выступлении неоднократно прозвучали слова «учиться» и «учиться коммунизму», но слово «учиться» не было повторено им три раза. Это я к тому, Михаил Евгеньевич, что знакомое для нас трехкратное повторение — еще в памяти у нас со школьных лет на вывешенном лозунге во всех советских школах... Вы думаете, что это мы такие умные, собрание сочинений Ленина читаем? Ан, нет! Это нас в наши же идеологические лозунги «мордой» ткнули американцы, приехавшие в нашу страну в середине 60-х годов искать ответы на вопросы об общих причинах первого освоения космоса (первый спутник Земли, и первый человек в космосе) страной Советов. Ведь страна пережила войну, разоренную экономику, получение атомной и водородной бомбы и т.п., а тут такие мировые достижения. Их аналитики дали четкий ответ: объяснение одно — у них иная, чем у нас в США, система образования. Вот с этим заданием к нам и приехала очень подготовленная комиссия из Америки.

Через некоторое время члены комиссии выступали на совещании в Министерстве образования, куда и работники ЦК ВЛКСМ были приглашены. Американцы поясняли, что бывая в наших школах, где сразу же на первом этаже бросался в глаза лозунг «Учиться, учиться и учиться...» (В.И. Ленин), вывешиваемый уже несколько десятилетий. Так вот, они останавливали школьников, задавая им и такой вопрос: мол, как они понимают эти ленинские слова. И ответ учеников был, как под копирку: «Учиться на “четыре” и “пять”, как завещал великий Ленин!»

И вот тут мы были ошарашены информацией членов комиссии, что, во-первых, таких слов («учиться, учиться и учиться...») Ленин не говорил, а

сказал Сталин (мол, мы должны, как завещал великий Ленин: учиться, учиться и учиться...), только его, Сталина, никто у вас не осмелился перепроверить... И во-вторых, говорили они после такого ошарашивающего объяснения с подменой «авторства» традиционного лозунга, ведь взятые в кавычки слова говорят о признанном всеми ленинском авторстве сказанного, но у него нет трехкратного повторения. В его речи на съезде, говорили американцы, звучало иное пожелание молодежи — необходимо «учиться коммунизму», и далее простым, ясным и понятным языком (не надо забывать об уровне образования молодежи, сидящей в зале) он излагал мысли и выводы о диалектике, содержащейся в главном суждении: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». И Ленин продолжал, что мы этого никогда не достигнем, но стремление к такому недостижимому уровню и есть продвижение вперед... То есть, Михаил Евгеньевич, видна очевидная разница между формулировками «учиться, учиться и учиться...» и объяснением что такое «учиться коммунизму» — отличия не существенные, но нацеленность, даже у школьников—то иная... Я умышленно не говорю о многом другом в ленинской речи на съезде, например, об актуальной в то время классовой борьбе и т.п.

[Моя реплика в сторону.

Беседа с В.К. Криворученко из ВКШ, находящимся в Челябинске, и когда он был у меня дома, спросил и о такой комиссии из США, их выводах. Дело в том, что он — ныне доктор исторических наук, а в прошлом был помощником Сергея Павлова, первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Он подтвердил и пребывание такой комиссии, их выводы о лозунге... Что с тех пор он стал очень внимательно относиться к различным историческим ссылкам на авторитет того или иного деятеля, что пригодилось в его исследованиях.]

— Да. Наверно, мне надо обновить память, возвращаясь к «Задачам союза молодежи». Я вот думаю, посмотрев фильм «Собачье сердце» над спектаклем на эту же тему в нашем молодежном театре... Даже не знаю, как подступится к своему замыслу, своей мечте поставить Булгакова!

— Понимаете, Михаил Евгеньевич, я же не очень компетентный в театральной режиссуре, в разборе драматургических ходов. Но, мне кажется, что в хорошей постановке Булгакова самое главное для будущего нового спектакля — заставить зрителя заново задуматься над известным «старым» смыслом...

— Подумаем, подумаем о давно известных «старых» смыслах... Это я о том, Юрий Михайлович, что очень хотел рассчитывать на вашу

компетентность комсомольского и партийного работника в развитие нашего молодежного театра. К примеру, в моих поставленных спектаклях меня привлекала тема одиночества человека, она мощна именно в западной драматургии. В русской классике сильнее тема родового общения. У меня на ночном столике лежат различные театральные журналы, но всегда постоянно «История государства Российского» Карамзина. Я возвращаюсь к ней и поэтому мне понятна тема единения, тема заботы о том, что все народы должны быть вместе. И Бог един...

Как позже показало дальнейшее, суждения Александровича о Булгакове, на мой взгляд, не пропали втуне для режиссера. И спустя несколько лет, после кончины Александровича, Михаил Евгеньевич все-таки реализовал мечту о постановке спектакля по Булгакову в молодежном театре.

Он в Тюзовском спектакле «Собачье сердце» решил представить на суд зрителей фантасмагорическую трагикомедию, полную театральной условности. Такой подход отразился и в декорациях: столы, стулья, зеркала — это только мелкие детали привычной жизни на фоне глобальных по условному содержанию и в то же время простых по исполнению декораций. Вот пустынная ночная улица, засыпаемая снегом. В темноте виднеются только неясные очертания оперного театра, в котором дают любимую профессором Преображенским «Аиду». Вот с потолка неожиданно выныривают полотнища-репродукции картин Кандинского, которые сразу очерчивают пределы жилища светила мировой медицины и придают ему тот неповторимый налет интеллигентности, который заставляет Шарика воскликнуть: «Нет, здесь пролетарием не пахнет!»

Фантасмагорическая трагикомедия у режиссера — это абсурдность того, послереволюционного, да и нашего времени. Так, в спектакле появляются люди с Лубянки, которые приглядывают, чтобы Преображенского «никто не беспокоил». Они старательны и назойливы, знают все и обо всех (даже о биографии Клима Чугункина, вживленного в Шарикова), появляются в самое неподходящее время: к примеру, во время срочной операции профессору подает инструменты человек в форме ЧК. Поражают и абсурдные сны пса Шарика под наркозом, когда перед его одурманенным эфиром разумом предстают репортер из желтой газетенки, пациенты Преображенского и все домашние в самом неожиданном виде.

Несмотря на всю фантасмагорию тюзовское «Собачье сердце» — все же та же история о Шариковых и Швондерах. Мы смеемся над комичностью ситуаций, в которые героев вовлекает глупость и невежество этих персонажей. Нам показана комедия, в которой есть над чем посмеяться, но в то же время

нет ничего печальнее происходящего, что и подчеркивает музыка, подобранная для спектакля. Трагичность ситуации в том, что пытавшийся создать «новую человеческую единицу» профессор лишь воспроизводит худшего представителя общества, ибо выбранный им Клим Чугункин, он же Шариков, — жуткий монстр, без принципов, без морали, способный на все ради собственного удобства. Режиссер показывает нам не человеческий мусор того времени, он тычет зрителя носом в Шариковых и Швондеров всех времен. «И сегодня Климы существуют, — говорит он. — Кто резал детям руки в интернате, что показывало наше телевидение? Кто издевался над ними? Это все Климы. Они здесь и в наше время».

Но если Булгаков никак не разрешает конфликта, просто превращая Шарикова обратно в Шарика, то режиссер Михаил Филимонов дает зрителю шанс на надежду. Его Шариков после обратной операции не рывкает на следователя: «Неприличными словами не выражаться!», он в полусознательном состоянии повторяет слова профессора Преображенского о том, что со всеми существами можно обходиться только лаской. И рождается надежда...

* * *

20. Сон–карнавал с разными персонажами: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, Н. Бунге, П. Столыпин, Л. Толстой, Н. Бердяев, И. Ильин, Д. Норт, Д. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, Аристотель, Ю. Андропов, Лен Карпинский, Е. Катульский, В. Смехов, Ю. Трифонов, М. Филимонов, А. Каунов, В. Высоцкий, В. Харитонов и ... * «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова... * «Святылище» Феликса Кривина...

...Моя дружба с Юрием Михайловичем Александровичем продолжалась более 40 лет: с того момента, когда я впервые познакомился с ним на третьем блюминге «1300» Челябинского металлургического завода, где начинал в качестве машиниста–оператора, а он инженером–электриком на нагревательных колодцах цеха... Но вернусь к началу моих записок — к предполагаемому разговору с Ним, который ждет «на небесах» всех. И в подобном измерении Юра Александрович перешел для меня в высший ранг, который определил однажды историк Михаил Гефтер — «живые мертвые», став частью моей биографии, частью жизни, и я буду всегда обязан ему, находясь в состоянии «расставания», а потом и «небесного расставания»...

Продолжу мысль Михаила Яковлевича Гефтера, историка и философа о живых в нашей памяти, но скончавшихся в реальности, ибо память в нас живет и поныне, пока жив человек... Так вот и с моей памятью, нагруженной к тому времени прочтением разных книг и мысленно *беседующей* с их авторами...

...Мне *приснился* какой–то фантастический «карнавал» с персонажами, все почему–то грозили мне пальцем: мол, не все ты изложил о нас... А чего «не все» так никто не успел мне сказать, и передо мной пошли вперемешку, и во сне образовался тот самый карнавал с музыкой из фильма «Амаркорд» Феллини, звучащей в моих ушах. Если б видели, какой это был сон под музыку: действующие лица окружили меня (как в мой первый день работы в обкоме комсомола на финале городского конкурса КВН), что–то говоря, а потом как–то дисциплинированно всё само–собой сосредоточилось по каким–то непонятным мне группам — одна, вроде бы: Маркс и Энгельс. Другая: Ленин, Троцкий, Сталин, Бухарин, русские философы Иван Ильин, Николай Бердяев, Петр Сорокин, рядом с которыми — Николай Бунге, Петр Столыпин, Лев Толстой; рядом: Хрущев, Брежнев, Андропов; недалеко: Валентин Андреевич Трифонов и его сын Юрий Трифонов, с «Отблеском костра» и

моими книжками (об их, отца и сына–писателя, жизни и творчестве) в руках, а недалеко от них — Василий Дмитриевич Поликарпов с какими–то папками документов, предполагаю с «делами» конников Бориса Думенко и Филиппа Миронова; и в отдалении совсем уж многочисленная группа — Юрий Александрович, Лен Карпинский, Женя Катульский с коллегами по комсомольской работе, ну, и как в соответствии с мыслью и философией — лауреаты Нобелевской премии, да и просто известные ученые — Дуглас Норт, Джеймс Бьюкенен, Фрэнсис Фукуяма, Збигнев Бжезинский; и *проникший* сквозь века, сопровождающий всех беседующих древнегреческий философ — Аристотель, в сопровождении моих друзей и знакомых Володи Харитонова, Вениамина Смехова, Миши Филимонова, Саша Каунова...

На фото челябинские «шестидесятники» слева направо: Эдуард Кох, Михаил Филимонов, Александр Шитов — на моем дне рождения, после празднества которого мне и приснился тот самый карнавал с персонажами, что я и записал для читателя.

Троим — все как на подбор, рожденные в 1946 году — каждому уже исполнилось по 70 лет, а каков наш вид перед историческими личностями сна–карнавала, а вернее — перед...

Даже во сне представилось большинство персонажей, о которых рассказывается в записках — этакая «тусовка». И как у каждого, испытавшего глубокое *сонное представление* — возникает что–то бессвязное, нелогичное, с какими–то суждениями, основанными на прочитанном... Все мысли, выводы,

предложения, проносились в наших сонных беседах через запятую, запятую, запятую... Естественно, началось со знакомых с детства по портретам: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вперемешку с другими людьми в цивильных костюмах как XIX века, так и последующего времени, глядевших с известных портретов и фотографий в их книгах... Представляемые персонажи где-то, в непонятном расстоянии, ходят, о чем-то говорят, говорят, говорят меж собой. И все это на фоне звучащей музыки и шума, напоминающего набегавшие волны Атлантического океана (у меня хранится полученный красиво оформленный туристский аттестат о посещении крайней точки Португалии, смыкающейся с этим океаном).

А голоса—то разных говорящих какие?!

— ...Революция, только революция, — слышался знакомый по фильмам и спектаклям картавый голос *Ленина*, — может освободить рабочих и крестьян от рабского, непосильного труда на капиталистов и сделать их труд свободным и достойным. Только мы, большевики, обещаем создать все условия, где преломляются согласования потребностей и интересов человека с потребностями и интересами общества и государства. Но будем это делать только для народа, во главе которого стоит пролетариат, а все буржуи, капиталисты, все людские остатки, доставшиеся нам от самодержавного режима должны исчезнуть как рудимент...

— Только доверие, только доверие, — встречается японо—американец *Фрэнсис Фукуяма*, — может способствовать проявлению социальных добродетелей и путей к процветанию и сделать существующее государство сильным. Я и говорю, — продолжает Фукуяма (по—японски, с достоинством, кланяясь основоположникам марксизма), — только послушайте, какую чудесную, логически объяснимую метафору я сформулировал: именно преобладание недоверия в обществе равносильно *введению своеобразного дополнительного налога на все формы экономической деятельности*, от которого должны стремиться избавляться современные политики, руководители государств во всем мире...

— А как же, — вмешивается *Сталин*, — нужно заставить народ доверять нам, большевикам, как говаривал наш учитель Ленин, и мы это сделали. Даром, что мы не дали народу возможность забыть крепостное право?! Пусть попробуют пикнуть...

— Как всегда, Вы путаете (это к Ленину и Сталину) и извращаете суть необходимых преобразований в России, — вмешивается русский философ *Иван Ильин*. — Очевидно, нужна сильная и необходимая национально—государственная власть, но это не равно пониманию тоталитарной власти.

Желанная власть должна быть основана на конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве, и особенно — в ее всенародных духовных корнях. Государству не принадлежит произвольное и властное распоряжение свободным дыханием, добровольным самоопределением со стороны человека, его творческой инициативой, ибо дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Это вы и выжигали каленым железом из душ соотечественников (и пальцем в сторону к Ленину–Сталину). Взяли и удалили, так сказать, легкие из организма, отменили частную собственность — суть природы человека, вернувшись к основам крепостного права...

— Нет, нет, господа, сейчас же двадцать первый век! — говорит *Дуглас Норт*, со значком Нобелевского лауреата. — Какое крепостное право!? Только современные, эффективные институты общества и государства могут способствовать должному доверию народа к государству...

— Нет уж, дудки, — вмешивается *Ленин*, — только марксистская теория и революционная практика должна объединить рабочий класс всего мира, а не ваши рассусоливания об экономике, науке и этом чертовом искусстве и морали...

— Вот опять этот русский со своими фишками о диктатуре пролетариата и мировой революции! — резко вмешивается в беседу *Карл Маркс*. — Мы же с Энгельсом писали, что это временное состояние движения рабочих за свои права, ибо любая диктатура — это ди-кта-ту-ра (слово это произносит по слогам раздельно), тоталитарная политика, независимо от благих намерений. Только разнообразные знания, толерантность, доверие могут привести к желаемому результату...

— Правильно говорите, господа ученые и практики, — встречается в диалог *Николай Бунге*, стоящий рядом с Петром Столыпиным. — Какие бы формы экономического быта ни были придуманы, но несомненно, что страна, в которой личная собственность не развита, или, где она составляет не право, данное всему народу, а немногим в нем избранным, там при *необеспечении собственности или пользовании землею*, мы находим не благосостояние, а нищету. *Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов*. Без желанья счастья и стремления к нему застыла бы сама жизнь...

— Вы не очень хорошо его знаете, — поясняет о только, что говорящем *П.А. Столыпин*, великий реформатор России, — но в девятнадцатом веке вся цивилизованная Россия знала Николая Христиановича Бунге как министра финансов, председателя Кабинета министров при Александре Третьем, автора своеобразного политического завещания, получившее название «Загробные заметки». Этот документ был размножен в нескольких десятках экземпляров

для всех членов Государственного совета, где наряду с кратким, но емким анализом политической и экономической ситуации в России, он высказывал пророческие суждения о грядущем социальном взрыве, безумную революционную силу которого питают идеи социализма. Но обуздать, исключить «силу» этого взрыва, этого движения масс можно только путем реформирования общества... Кстати, мне кажется, что эти господа (он поворачивается к группе, где стоят Александрович, Карпинский, Катульский), знают, что сюжет с «Загробными заметками» Николая Бунге послужил прототипной основой для фильма «Сны», снятого в России в 1994 году...

— Вы правы, правы, — говорит подошедший к собеседникам худощавый человек в очках (это мировая величина, социолог *Питирум (Петр) Сорокин*, высланный из России по инициативе Ленина в числе сотен представителей русской интеллигенции на печально знаменитом «философском пароходе» за границу). — Любое рыночное ограничение, любое проявление экономико–политического волонтаризма, а тем более агрессивно–репрессивного (я испытал это на себе), из–за складывающихся моделей в головах руководителей государств, может затормозить влияние экономической науки на среду существования и развития общества. Но только затормозить! Любое искусственное торможение когда–то заканчивается, а в продолжительности этого процесса объективно формируется поиск новых скоростей развития общества/государства. Носители знаний, а число их будет все увеличиваться, и есть проявление интеллекта того самого общества и государства... Еще в своей книге «Социологии революции», я попытался вывести четыре признака успешности осуществляемых реформ: реформа должна проводиться в рамках существующего закона, должна быть сначала апробирована на каком–то регионе, должна быть научно обоснована и должна учитывать базовые инстинкты народа. На мой взгляд — они базовые, то, что мы называем менталитет...

— Да, да, люди, люди, — говорит откуда–то возникший древнегреческий философ *Аристотель*. — Попомните меня, живущие и ныне, во все времена были, есть и будут три типа государственной власти: Монархия, Аристократия, Демократия! Может быть, в процессе развития сформируются другие типы, но уже многие века человечество развивается в рамках моих предсказаний: или власть одного (Монархия), или власть немногих (Аристократия), или только–только формирующейся в разных странах власти большинства (Демократия). Историческая практика веков подтверждает правоту моих, вместе с Платоном, предупреждений: монархия неминуемо превращается — в тиранию, аристократия — в олигархию, проявляющая демократия — в охлократию (власть толпы). Ответ на вопрос —

что хуже или лучше — заключается в осознании действий людей. Оглянитесь вокруг и скажите, что написанное нами, древними философами, — устарело во времени?

— Извините меня, что встречаю в диалог, — сказал, пожалуй, самый молодой философ из участников *Володя Харитонов*. — Но в нашей Уральской философской школе, которой недавно исполнилось пятьдесят лет, проводились философские и социологические исследования по тем проблемам, о которых только что говорил уважаемый Аристотель. Становлению философско–социологических школ на Урале способствовал не только полувековой срок их развития, но и первое серьезное исследование, начавшееся в начале 60–х годов, анализирующее комплекс проблем во взаимосвязи культуры и подъема культурно–технического уровня рабочего класса в стране. Вот я и подтверждаю не просто существование несколько веков типов государственной власти — по–Аристотелю и Платону — но и активно «перемешивание» одного с другим (я о типах) во времени, с *превалированием* одного типа над другим и *обратно*... И это видно на примере Урала — сердцевины России, где подлинные человеческие трагедии происходят (внимание, к выделяемым голосом предложениям) *не* на пересечении достигнутого с *возможным*, *а на* пересечении достигнутого с *желаемым*...

— Остановитесь, господа, — реагирует на шум, поднятый участниками диалога другой Нобелевский лауреат *Джеймс Бьюкенен*. — Есть одна закономерность в наших веках, как ни странно, объединяющая предсказанные и существующие типы (кланяется Аристотелю) — как бы человек не был субъективно–рациональным в действиях, он понимает, что, так сказать, выгода от этого личного, объективно распространяется на общество и государство, что объединяет различные пути развития и того (общество) и другого (государство)...

— Ну мы же и говорили об этом, — дружно вступают в беседу *Маркс, Энгельс, Ленин*. — Только осознание рабочим классом своего исторического предназначения и будет способствовать искоренению этого неравенства. Надо как–то действовать, чтобы заставить меркантилистов–капиталистов должным образом, и желательно быстрее, делиться с трудящимися...

— Да не надо подгонять историю, не надо! — вмешивается уже говоривший *Дуглас Норт*. — Вот Вы (он обращается к Ленину) попытались это сделать в начале двадцатого века, и что получилось? Вернулись же после нескольких десятилетий абсолютной партийно–государственной власти к необходимости той самой частной собственности, на основе которой, так сказать, живет, да, со своими проблемами, но живет и развивается цивилизованный мир...

— Не вина ваших учителей Маркса и Энгельса, — решительно вмешивается *Збигнев Бжезинский*, — что Вы (к Ленину–Сталину) извратили их учение, и сделали из рабочего класса насильственную мессию человечества. По этому поводу Маркс и говорил о таких последователях, что если они называют себя марксистами, то значит он — Карл Маркс — не марксист. Марксизм ставил на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, что являлось и руководством действий, вытекающих из этого. Именно научное изучение действительности объясняет и существо технологических укладов, о чем писал русский ученый Николай Кондратьев, которого Вы (опять — к Ленину–Сталину) и расстреляли в тридцать восьмом году, как врага народа... Да, кстати (и все еще смотрит на Ленина–Сталина), услышьте напоследок мое мнение: мне всегда нравились русские, но была ненавистна сталинская система...

— Да, да, — дополняет русский философ *Николай Бердяев*. — Вот пример эффективности выстраданного веками диалогизма мышления людей разных стран, что и сближает их. Все цивилизованные страны, а Россия здесь не исключение, взяли и берут что-то им необходимое из культур других, берут и отдают, сами того не замечая, друг другу то, что востребуется людьми. Экономическая и политическая культура людей будущего это и подтвердит...

— Наш коллега, — вновь встревает в беседу *Д. Норт и Д. Бьюкенен* с поклоном в сторону *Ф. Фукуямы*, — уже сказал о наиважнейшем связующем звене во взаимоотношениях государства и общества — о *доверии*. Но мы бы дополнили, что выстраиваемый цивилизованный институциональный каркас в обществе/государстве обуславливает, так сказать, круговорот общения в том и другом, *нивелируя* то сложно обстоятельство, что *доверие не является врожденным*, и тем самым смягчает действенность условного «дополнительного налога на все формы экономической деятельности». Его (такого каркаса) эффективность объясняет степень доверия между обществом и государственными институтами, а другого способа цивилизованного «разговора», формирующегося веками, не существует. Очевидно, что любой диалог граждан с государственными институтами, уже означает ту или иную степень доверия или возможность его появления. Ведь политика — это структура сложного обмена между индивидами, структура, в которой индивиды стремятся коллективно обеспечить свои собственные, частным образом определенные цели, которые нельзя реализовать посредством простых рыночных обменов...

— Возникающие и действующие институты общества и государства, — тут вступили в диалог тоже «парой» *Катувльский и Карпинский*, продолжая тему необходимых институциональных преобразований, — будут способствовать

эффективности должного развития (в интересах людей) через осознаваемое инвестирование в «человеческий капитал» в широкой интерпретации этого понятия. И здесь, на первом месте, — формирование *ценностей* человека и *ценностей* общества, имеющих непреходящее значение. Эволюция экономических изменений в теории и на практике характеризует *экономическую культуру* общества/государства, позволяющей понимать какое сочетание формальных и неформальных отношений в институциональных преобразованиях приведет к желаемым результатам и в долгосрочной перспективе...

— Спасибо молодым комсомольцам, — поблескивая затемненными очками, совершенно неожиданно вступил в беседу **Юрий Андропов**. — Например, Лена Карпинского, который только что со своим другом выступал перед вами, господа лауреаты Нобелевской премии, помню еще по прошлой работе в союзном КГБ, когда всех нас, так сказать, он на уши поставил, своей большой работой «Слово — тоже дело». Вместе со своими друзьями-демократами, с которыми и я тоже работал еще в ЦК КПСС и Бовиным, и Яковлевым, Карпинский отстаивал необходимость взвешенных демократических преобразований, что неминуемо должно сказаться на отношениях к собственности. Об этом же и Николай Бунге с Петром Столыпиным, и Николай Бердяев с Иваном Ильиным, и другие говорили, имея в виду, что переворот в отношениях собственности сам по себе не устраняет всех противоречий, накапливавшихся веками черт человеческого общежития... Мы много лет стремились легко *перескочить канавку*, как писал в своих «Бесах» наш гениальный писатель Достоевский. Думали, что превращение *моего* в *наше*, общее — акт кратковременный, но почему-то, наше желание сопровождалось вооруженными конфликтами в стране...

— Я вот тут вас слушал, слушал, — тут, размахивая руками, с целью привлечь внимание говорит **Иван Ильин**, — и думаю вправе предложить констатацию происходящего в XX веке, что наш век есть эпоха величайших политических неудач, известных в мировой истории, что тоталитарный строй — самый больной, извращенный и унижительный из всех политических режимов. Чтобы было понятно, вынужден резюмировать свои константы:

➤ коммунизм *противоествен и ложен*, ибо он отменил частную собственность — суть природы человека;

➤ коммунизм *противообществен*, ибо его цель — строительство «вампиристического», противообщественного государства, отменившего частную собственность;

- коммунизм осуществляет *растрату сил*, ибо, отменяя частную собственность, заменяет живой организм (человека) механизмом эксплуатации диктаториального государства;
- коммунизм осуществляется только при помощи *системы террора*, ибо отмена частной собственности происходит «революционными» темпами уничтожения не только классов, но и укладов жизни, сформированных веками;
- коммунизм *не ведет к справедливости*, ибо основан на ложной основе о всеобщем равенстве (но люди—то от природы не равны), исключая частную собственность;
- коммунизм *не освобождает людей*, ибо, отменяя частную собственность, вводится принудительно и насильственно на основе всеобщего труда опролетаренного народа.

Это я к тому, уважаемые господа—товарищи, — говорит в заключение своеобразных монологов и диалогов присутствовавших русский философ **Иван Ильин**, — что неминуемы намерения и в XXI веке от нетерпения и нетерпимости. Повторим хотя бы *объединительное* мнение Владимира Ленина, что никто в мире не сможет скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют... Убежден, что развитие, модернизация России, при понимании сложностей объективно—субъективного характера, не соответствует расхожему определению: «догоняющее развитие». Мы, в России — не догоняем, а учитывая существующие противоречия, объективно—субъективно развиваемся в сложных условиях глобализации. Для нас *предпочтительно* другое определение: «Россия сосредотачивается» — известное суждение Александра Михайловича Горчакова. Именно так: «Россия не дуется, Россия сосредотачивается», — провозгласил великий русский канцлер полтора столетия тому назад...

И вот занесла меня нелегкая недавно — очутился в Третьяковской галерее, и несколько дней подходил к картине Максима Кантора «Государство». А его картины вывешены во многих музеях мира: в Британском, в залах Германии, Бельгии и США. Я смотрел на картину как русский государственный, и насколько мог ее понять — он по—своему анализирует тоталитарное государство, через его структуры, изображая концентрические круги общественных страт, детерминированный казарменный мир. Ведь красный цвет — есть цвет России и революции, поэтому он и представил наше общество в виде краснофигурной вазы Платона. То есть, полагаю я, Кантор попытался представить казарменную идею Государства в виде прекрасной конструкции по—Платону...

— Я опоздал к началу речи уважаемого Ивана Ильина об извращенных, противоправных деяниях, направленных против народа, — говорит только-только подошедший русский писатель Лев Толстой. — Но из того, что слышал от других, и о чем мне так или иначе успели рассказать, могу предположить, что большинство рассуждений ваших во сне *не* о главном! Да, вероятно, подумают некоторые — а, вот и Толстой подошел, сейчас начнутся какие-то нравоучения... Нет, не будет ничего подобного — просто я оставлю всех присутствующих в этом сне с вопросами, но просьба: в каких-либо вариантах ответа не торопитесь с выводами...

Подумайте, что же мешает русским людям, как учит христианство, признавать себя сыном Бога, или хотя бы свободным человеком, который руководствуется разумом? Или надо воспитывать в нем унижительную подчиненность *стыду собственного мнения* (это мысль Достоевского в «Бесах»), не позволяющему избавиться от патриотизма, повсеместно насаждаемым правительством. Понимаю, царю выгодно, когда ему бьют поклоны, подразумевая в его лице и Отечество, и веру! А тут у русского человека пробивается в сознание по «велению свыше» любопытство к происходящему вокруг него, он становится человеком, задающим вопросы, что, на мой взгляд, избавляет его от рабства, одним из видов которого и представляется мне пресловутым, насаждаемым властью патриотизмом... Он, как правило, сопровождается высокопарными фразами, подавляющими собственное мнение человека, нутром своим чувствующим, что *под* всем этим *угаром* очевидна его, человека, *нужность* для каких-либо манипуляций, скрывающих под *барабанным боем* фраз безнравственность поступков, противных его, человека, разуму и совести...

— Я согласен с теми или другими тезисами в нашем спонтанном диалоге, без оценок «хороши» они или «плохи», — сказал современно одетый молодой человек, но почему-то с пионерским галстуком на шее. — Да, друзья (это к группе «комсомольцев», которые стали узнавать популярное «лицо»), это я, **Вениамин Смехов** к услугам вашим, да вы видели меня в разных ролях в кино и на телеэкране, но сейчас я к вам в роли Глебова в спектакле «Дом на набережной» в театре на Таганке (видите, я и в сон попал прямо со спектакля, не успев переодеться). Но я продолжу, господа (обращается он уже ко всем участникам), о самом главном — ради чего все эти и подобные им дискуссии? В ответе не будет никаких открытий — все это ради человека! Это на механизм влияют разнообразные научные инженерные открытия — ведь крутится механизм и крутится, без всяких влияний на него каких-либо исторических или идеологических влияний. А человек — это другая, я бы сказал, что абсолютно другая субстанция. Как можно относиться к человеку, в

котором *страх* во всех его разновидностях, ибо против этой невидимой, невыразимой силы, глубоко спрятанной, человек бессилен, более того, он сдавлен стальными пальцами *страха*, контролирующего его поведение. **Страх** — самая непонятная, тайная движущая сила человеческого подсознания, порожденное совершенно ничтожным, мягким, бесформенным, как существо, рожденное в темном подвале. И наша государственная Система около века (!?!) во многом породила такого человека, с обыденной особенностью, характерной для миллионов людей — он (этот человек) *никакой*, что это редкий дар, быть *никаким*. Люди, умеющие быть гениальным образом *никакими*, продвигаются далеко.

И это горестная констатация писателя Юрия **Трифонова**, ибо *никакие* люди — основа власти; из *никаких* легче «вить веревки» для остальных, стремящихся иметь свое «лицо» в обществе, т.е. «вить веревки» от лица коллектива — мол, этого требует народ... И мне представилось правомерным нахальное добавление к трифоновскому Глебову — он этакий самотечный выродок системы, идеал, опора и надежда, всем мил, и всплывает посередке *пельменем режима*... Вот такой своеобразный «пельменный» стержень нравственной и даже физической выживаемости, несмотря на бурлящие вокруг события... Вся суть в том, что имеющие с ними дело, довоображают и дорисовывают на *никаком* фоне все, что им подсказывают их желания и их страхи. *Никакие* всегда везунчики... кому так наглядно везло за *никакие* заслуги, — и меня всегда поражала окрылявшая их милость судьбы. Ну, а теперь вопрос, господа, ко всем, на спор о весомости аргументов каждого — кто же из присутствующих согласен опереться в повседневности на такой «пельменный» стержень?..

— Я тоже навидался таких — *никаких* с «пельменным» стержнем, — добавляет **Михаил Филимонов**, — постоянно и в нормальной обыденной жизни, и в ненормальной, занимаясь театральной режиссурой. Даже когда ставил спектакли «Вечер в Копенгагене» — это по пьесе «Мандат» Николая Эрдмана, «Калигула» — по повести Альбера Камю, а потом — удивительных «Носорогов» Эжена Ионеско, и когда ставил «Собачье сердце» Булгакова — все искал и искал человека среди людей, как бы с факелом в руках. Скажу откровенно — всякое бывало с поисками...

Разводили руками мужи,
удивлялись: «Да что он — спятил?»
Среди дня — не увидишь такого ни в жизнь —
Человек нес пылающий факел...

А иной подходил, от души удивлен:
 «Тебе мало дневного света?»
 А ответом звучало глухое, как стон:
 «Человека ищу. Человека!»

— Да зря ты мучаешься, дорогой Михаил Евгеньевич, — добавляет *Саша Каунов*. — Ведь когда человек ничего не теряет, то он ничего и не находит. А ты в своих спектаклях по Николаю Эрдману, по Альберу Камю, по Эжену Ионеско, по Михаилу Булгакову, которые видел, мучаешься, как правильно сказал о факеле в руках, ищешь человека, а потом и человеческое в найденных людях, вовлекая зрителей в свои поиски, и делаешь подобное театрально-увлекательным, я с детьми своими был еще тогда в ТЮЗе и помню... Эх, Михаил Евгеньевич, жаль мы не были знакомы, когда после гастролей театра «Современник» в Челябинске, в начале восьмидесятых, целую ночь перед самолетом в Москву, мы с Шитовым дома у Крючковых очень эмоционально говорили с Игорем Квашой о сути «шестидесятников» в наше сегодняшнее время, с переносом в будущее...

С этими умными философами и экономистами, что без толку говорить? А у рядовых умников с настроем *Бжезинского* (где он там потерялся?), я читал об этом, четкая нацеленность на формирование нужных любому обществу людей. Ведь низкий уровень культуры и школьного образования — сознательное достижение ради экономических целей. Объяснение простое, до боли, — начитавшись книг, образованный человек становится худшим покупателем (!): он меньше покупает всяких сделанных механизмов и сопутствующих бытовых товаров, и постепенно предпочитает им Моцартов или Шекспиров, начинает заниматься какими-то умствованиями. И что получается? Страдает экономика *общества потребления* — запомните эту констатацию будущего, ибо страдают доходы хозяев жизни — вот они и стремятся не допустить культурности и образованности (ведь они, мешают им манипулировать населением, как стадом!..)

— Я вот тут мимо шел, — вмешивается совсем неожиданно, невесть откуда появившийся *Владимир Высоцкий* (чего во сне не бывает). — Слушал я вас, слушал, вот и мой друг Саша Каунов из Челябинска это подтвердит. Кстати, Саша, ты же мне читал свои великолепные стихи, где они, а ведь обещал их записать для меня, чтобы подраться с тобой на поэтических ристалищах... (Обращается ко всем). Так вот — слушал вас, слушал и понял, что в своих научных и даже политических разговорах «о хренах и пряниках», вы не доставляете себе удовольствия, повторю: удовольствия подумать, что же будете говорить, когда в гости к Богу попадете? А ведь срок-то

приближается... — И запел своих «Коней привередливых»: «...Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий...» — Ведь главное в нашей брэнной жизни, помните, господа–товарищи, не допускать *катастрофы личности*... А какой и как — это пусть каждый решает сам!

...И как в «Мастере и Маргарите» Булгакова с утренним петухом *ВСЁ* разом закончилось, так и в *моём сне*... Но потом...

Помню, помню, ну, конечно, помню и другой сон — ведь только–только окончил четыре класса и поступил в суворовское училище, и я тогда еще крепко спал, но начало этого сна помню до сих пор... В «Пионерской правде» печатались отрывки из фантастического романа Ивана Ефремова «Гуманность Андромеды» — шел *1957 год*. Газету получал по подписке на дом, поэтому был обладателем каждого номера с романом (вероятно, с тех пор у меня и формировалась привычка собирать газетные вырезки и делать некое подобие «досье»). Этот роман впервые был издан в том же *пятьдесят седьмом году* в журнале «Техника — молодежи», а через год напечатан книгой. К тому времени был запущен первый спутник Земли, и тогда же, во время обучения в училище стало известно о полете первого человека в космос... То есть, роман Ефремова аккумулировал тогда *прижизненные* мои восприятия успехов в освоении космоса, что способствовало повышению уровня общественного оптимизма (в отличие от уже прошедшей войны, в которой не участвовал).

Спустя несколько десятилетий, когда готовил рукопись книги «Актуальные проблемы экономической теории в эпоху постиндустриального развития» (*2011 год*) для издания в Московском университете печати, где вел занятия, этот сон странным образом вспомнился... Когда искал примеры для понимания той самой эпохи, естественно столкнулся с сопоставлением точек отсчета наступления постиндустриального общества, например у создателя этого ноу–хау Д. Белла, подарившего миру саму формулировку — «постиндустриальное общество» в *1973 году*. И мне вспомнилось — еще задолго до Белла советская молодежь (и я в том числе) зачитывала «до дыр» популярнейший журнал «Техника — молодёжи», начавшего печатать с *1957 года* (!) ефремовский роман «Гуманность Андромеды».

Какой тут американец Д. Белл с его постиндустриальным обществом, когда советский писатель Иван Ефремов уже все это «постиндустриальное» общество описал (да и как описал!) с понятным нам всем советским историческим «приговором» — будущее за коммунистическим обществом! Рисунки в журнале, а потом и в книге *1958 года*, лишь помогали нашему воображению видения будущего, небывалого научно–технического,

интеллектуального будущего, порожденного, конечно же, понятными в нашей стране удивительными коллективистскими отношениями... И даже то, что имена основных персонажей — Эрг Ноор, Низа Крит, Веда Конг, Рен Боз, Мвен Мас, Карт Сан, Эвда Наль — звучали не по-русски, нас, читателей, не смущало. Ведь и такая не-русскость персонажей подчеркивала планетарный авторитет коммунистической идеологии!

А история Земли, история Планеты, рассказываемая Ведой Конг в романе! Какие названия! «Эра разобщенного мира (ЭРМ)» — от появления первых государств до установления коммунизма во всем мире; «Эра Мирового Воссоединения (ЭМВ)» — переход от множества коммунистических государств к единому всепланетному государству; «Эра общего труда (ЭОТ)»; «Эра Великого Кольца (ЭВК)», когда, опираясь на достижения науки и техники, происходит объединение обмена информацией между населенными звездными системами... И все в русле общепринятого для нас понимания марксизма-ленинизма-коммунизма...

Все содержание романа дышит верой в научно-техническое, интеллектуальное будущее человечества. Обрати внимание, читатель, на одно немаловажное обстоятельство: только-только закончилась Вторая мировая война, самая кровавая из двух прошедших в XX веке, унесшая жизни миллионов людей. Закончилась разрушениями Европы, начались колоссальные проблемы с урожаями, питанием, восстановлением разрушенной экономики, предприятий, электростанций и прочее; возникла реальная угроза использования одной страной против других атомного оружия (сброшенные США бомбы на Хиросиму и Нагасаки) и т.д. А мы, благодаря Ивану Ефремову, мыслим на уровне фантастических изменений в науке и технике на Планете, благодаря интеллекту...

О чем это мы, говоря об эпохе постиндустриального развития, вспомнили о романе И. Ефремова «Туманность Андромеды»? Как бы вытащили из «нафталина» роман, о котором уже мало кто помнит. Нет! Это было художественное изображение теории-мечты о скором будущем, которое уже рождается в результате нашего коллективного труда... Ведь это будущее уже наступает, правда, не в виде так желанного коммунизма, так желанного научно-технического прогресса, объединяющего на этой основе труд миллионов. И назвали (определили) люди это будущее — как постиндустриальное общество, следующее «за», вроде бы, уже прожитым (проживаемым) индустриальным обществом, не очень понимая тот комплекс проблем, что несет в себе эта постиндустриальная эпоха. Будем разбираться, стремиться к пониманию тех самых проблем, которые будем пытаться разрешать и в будущем... А писатель Ефремов описал в романе то будущее

общество, которое уже преодолело эти проблемы и живет каким-то удивительным, не очень понятным для нас образом — желанным, но непонятным — как достигли такого миропонимания... Налицо, как писал Ф.М. Достоевский: «Великая потребность человечества к всемирному и всеобщему единению», и, добавим из его пророческой пушкинской речи, — склонности русского народа к «всемирной отзывчивости и к всепримирению».

И как практическое доказательство предвидения правомерности суждений И. Ефремова в романе о таком будущем человечества — 4 октября того же *1957 года* (когда печатался его роман) именно наша страна — СССР — запускает на земную орбиту первый в мире искусственный спутник. Так, преодолением земного тяготения стартовала новая эпоха в истории человечества — космическая. Недаром после сообщение ТАСС о запуске первого искусственного спутника Земли заставило редакции всех ведущих газет мира срочно дать на первых полосах новые ошеломляющие заголовки: «Русские в космосе!»

Затем новая реальность — полет первого в мире человека в космос советского летчика Ю.А. Гагарина (12 апреля *1961 года*), а затем последующая вереница отечественных космонавтов. То, что второй человек в космосе в мае того же года был американец — А. Шепард, у нас в стране как-то не пропагандировалось. Начинаясь мировая «космическая гонка», где мы, конечно, должны побеждать... Все это осуществилось благодаря отечественной науке и технике! Какое нужно доказательство успешности нашей экономической науки и правильности управленческих решений партии и правительства?! Это я — об эйфории, существовавшей в то время, эйфории доказательности преимуществ идей социализма на фоне западных экономических идей, идей пресловутой рыночной экономики...

Мы и не подозревали (даже не задумывались над этим), что советский социализм, вернее — интерпретация идей социализма в отечественном «исполнении» науки и практики, был своеобразным «допингом» для рывка в следующее измерение, минуя естественное поступательное движение. И как любой допинг, временно приносящий успех (хотя и длившийся несколько десятилетий), а тем более «допинг», насильственно внедряемый в жизнедеятельный «организм» общества, — оканчивается общей «комой».

История (в том числе и российская) подтверждает, что тоталитарная государственная система может в течение определенного времени имеющимися у нее (Системы) силами подавлять — от естественного страха потерять собственную власть — накапливающиеся социально-экономические противоречия. Да, может... Но такая Система с соответствующими

экономическими доказательствами *не* способна увековечить себя, к чему она, опять—таки, закономерно, стремится... И что необходимо отметить, на наш взгляд, — и «допинг», и «кома» не имеют к социализму как таковому (вековым мечтаниям человечества) никакого отношения.

А здесь нам показалась правомерной и другая параллель вслед за «Туманностью Андромеды». Опять—таки — до формулировки постиндустриального общества Д. Беллом советские писатели братья Стругацкие (Аркадий и Борис) написали «Пикник на обочине». И пока ученые дискутировали о содержании понятия «постиндустриальное общество», великий кинорежиссер Андрей Тарковский снял философский по содержанию фильм «Сталкер» — о проблемах которые неминуемо нас ожидают.

В фильме Тарковский показал мучительную нравственную победу — продолжающуюся и ныне — человека над последствиями научно—технической революции, когда из содержания закономерной НТР изымаются последствия для человека, который и есть творец этой самой революции. Ведь и сегодня, в начале XXI века, мы в той же ситуации Ученого и Писателя в «Сталкере». Они преодолевают многие странности на пути в комнату, где исполняются все желания переступившего порог этой комнаты. Но цели у них разные. Ученый несет с собой в комнату счастья бомбу в 20 килотонн, чтобы плохие люди не могли ей воспользоваться для переустройства мироздания. Писатель шел с целым комплексом творческих мучений, а дойдя до порога, спросил сам себя: «Ну и что дальше? Избавлюсь я по желанию от чувств, страстей, сомнений, так осточертевших мне, и что дальше? Какой я тогда писатель? И что же я попытаюсь рассказать другим, когда я сам себя опустошаю?» А так ведь хочется зайти в эту таинственную комнату, где — раз! и как в сказке начнет сбываться загаданное... Правда, в памяти все время лица самого Сталкера, жены, их дочери—мутанта на плечах отца, в глазах которых немой вопрос—укор: «Что же ждет нас — простых смертных? О нас—то вы в своих рассуждениях подумали?..»

И в нашем представлении, — философско—кинематографический «ответ» А. Тарковского: «Все решает каждый человек!» Вероятно, поэтому в фильме ни слова о чьей—то идеологии (общества, государства), непонятна страна, где это происходит, неизвестны имена и фамилии (просто — Ученый и Писатель), которые могли бы намекнуть на что—то — показана Земля, где так живут люди... В каждой стране зрители могут предполагать, что такое происходит у них, ибо технократические античеловеческие последствия научно—технической революции, в первую очередь, в природе, нас окружающей, носят планетарный характер...

...Уф–ф, ну, кажется, сегодня все–таки тяжело происходит просыпание, благодаря призыву петуха в романе Михаила Булгакова, и, помотав головой, чтобы очнуться от такого интеллектуального сна, устремился на кухню, где уже хозяйничала жена моя Таня, чтобы приготовить и вместе выпить крепкий кофе с добавлением душистой корицы, попытаться «не расплескать» увиденное во сне... Потом сел за стол, чтобы записать на бумагу *услышанное* во сне, и перепроверить суть *сказанного* историческими личностями: Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным, Л. Троцким и Н. Бухариным, Н. Бунге и П. Столыпиным с Л. Толстым, Н. Бердяевым и И. Ильиным, Д. Нортом и Д. Бьюкененом, Ф. Фукуямой и З. Бжезинским, Аристотелем по источникам — книгам и документам, имеющимся у меня, когда готовил рукописи книг «по Трифонову». Проверил услышанное и отвечаю за корректность написанного здесь от имени всех персонажей сна–карнавала...

* * *

...В продолжение вопросов на протяжении работы над своими записками в моей памяти звучала притча Феликса Кривина — «Святылище», а точнее — ее суть в последних трех предложениях:

«В бытность свою рабом философ Федон трудился в блудилище — не то зазывалой, не то вышибалой. А в свободное время он слушал Сократа, который вел беседы на соседней улице.

Сократ обратил внимание на вышибалу с умным, одухотворенным лицом, а познакомившись с ним поближе, предложил:

— Давай–ка, Федон, мы тебя выкупим из рабства. У меня есть влиятельные друзья, они соберут сколько понадобится.

— А как же моя работа, Сократ? Мы тут задумали превратить наше блудилище в святылище нравственности. Мне поручен важный участок работы: зазывать добродетель и вышибать порок. Это будет такое святылище, Сократ, такое святылище!

— Из блудилища? Ты забываешь, что у блудилища сильная экономическая основа, а у святылища такой основы нет. Как же оно будет существовать? На какие средства?

Федон объяснил, что пока они не собираются останавливать производство. Блудилище будет работать, но оно будет работать на святылище.

— Зарабатывать на блуде и тратить на добродетель?

— Да, да, конечно! У нас будет публичная библиотека, публичный лекторий, где мы будем читать публичные лекции... Одним словом, большой публичный дом культуры.

— Это очень интересно, — сказал Сократ. — Но все же лучше, Федон, давай-ка мы тебя выкупим.

Так они спорили каждый день, и в споре этом постепенно рождалась истина. И когда истина окончательно родилась, Федон сказал:

— Выкупите меня, Сократ. Нет уже сил ни на блудилище, ни на святилище.

Так Федон стал свободным человеком.

А блудилище осталось блудилищем. Ведь для того, чтобы заработать на святилище, нужно очень много блудить, а когда наблудишь до изнеможения, не хочется уже ничего святого».

...Прошло уже около пятидесяти лет, как я познакомился с великим советским Эзопом — Феликсом Кривиным. Я помню его грустную улыбку во время нашей беседы в Челябинске на спектакле по его произведениям. Хотя он мне и улыбался в *1973 году*, но не думаю, что *грустность* в улыбке и в дальнейшем стала исчезать. Ведь времени с тех пор прошло всего ничего, но многоточие Кривина в притчах остается, а оно, как правило, с надеждой, хоть робкой, но надеждой на человека...

В конце декабря *2016 года* узнал о преждевременной кончине этого умного человека. Это я к тому, что его басни — точнее сказать «притчи» — живут так вольнолюбиво при своей уместности (правда, их знать надо) в любой жизненной ситуации.

* * *

Кстати, в продолжении мысли об Эзопе. Увлеченный и его баснями, и притчами Феликса Кривина, я как-то на лекциях в университете, говорил студентам о том и другом, и предложил своим слушателям исторического плана загадку. Нет, не загадку, а свое предположение, чтобы студенты подумали над сутью изучаемых нами процессов.

Например, я ханский предводитель, командую большим войском и окружил большой город с неприступными стенами. У меня два варианта действий: первый — длительная по времени осада с неисчислимыми последствиями, или второй — найти бескровный путь. О сути решения в выбранном втором варианте не сказал. Просто постарался нацелить на то, что перед началом отрицания их общепринятых предложений, на уровне все

того же обыденного сознания, мой вариант отличается от первого не только отсутствием жертв при осаде, но и временем осады. Какой мой бескровный и быстрый вариант? Предложил им для подспорья как-то использовать известную сказку о Гамельнском крысолове. Эту сказку тем же слушателям ранее рассказывал, поэтому и напомнил о ней. Думайте, фантазируйте в режиме сказки, притчи...

...И чтобы не отпускать читателя от контекста, посильно для автора сформулированном в заголовке, вернусь к стихам Евгения Евтушенко, произвольно в памяти моей звучащим с начала 60-х годов: «О, бойтесь ласковых данайцев, // не верьте льстивым их словам. // Покою — в руки не давайте, // иначе плохо будет вам. // Они вас хвалят, поднимают. // Они задуманно добры, // и вас у вас же отнимают, // когда подносят вам дары...»

Помню это стихотворение из-за удивительной метафоры поэта — годы и годы преследующей «меня у меня же отнимают» эти самые данайцы в лице органов власти...

Нет-нет, даже Евтушенко со своими стихами, не позволили мне забыть обещание предложить вариант с ответом на вопрос студентам, по поводу окружения предполагаемого города. Я еще тогда напомнил о дудочке и Гамельнском крысолове, но они забыли об этой известной с детства сказке, увлекшись поисками выхода для жителей города, снимающим тягостные проблемы осады. Так вот — в своем варианте предложил представить что нам удалось направить в город *кого-то* с волшебной дудочкой. И вскорости он под её звуки вывел из города всех детей, включая и новорожденных, и город тут же сдался без боя, потому что защищать-то нечего; жители были готовы биться до последнего, защищая *будущее*, а теперь будущего нет — нет детей, за которых во все времена люди были готовы жизни отдать...

Я не соревнуюсь с мудрецами, чьи максимы можно найти в многочисленных словарях, энциклопедиях, просто попытался на уровне обыденного сознания поговорить с читателем о главном не только в моем понимании, и мы будем все вместе — по *теории* «шести рукопожатий» — вырабатывать то отношение к миру, которое нам кажется естественным и достойным человека.

* * *

21. Автор записок в роли «адвоката» Глебова на предположительном процессе о «Доме на набережной» и возможных «шестидесантников»... * «Папа, я поняла: дядя Леша Граббе — тоже дитя XX съезда, каким ты себя считаешь?..»

...Я неоднократно упоминал в записках повесть Юрия Трифонова «Дом на набережной». Она была — и остается — для меня *всеобъемлющим примером* прожитого и проживаемого нами времени. Все упоминаемые в тексте субъективных записок люди прошли и проходят каким-то образом мной описываемое время. Это прохождение зиждется на реальности, касающейся *ВСЕХ* этих людей в их обыденной повседневности, что и выражали написанные эзоповым языком Юрия Трифонова его рассказы, повести, романы, прочитанные, читаемые, и перечитываемые как в России, так и зарубежом.

Поэтому считаю, что Трифонов и есть, наряду со многими его читателями, убедительным — и не надо предъявлять никаких документов это обстоятельство удостоверяющее — фактурным, по эзопову языку понимаемым примером «шестидесантника». Своим творчеством, уже принадлежащим времени, он соответствовал мысли Александра Герцена, о чем уже писал ранее, мол, мы *сочувственно встречались в тонах и оттенках*. Именно такая особенность, отмеченная между людьми А. Герценом, и обусловила суть стремлений и к нашим встречам, начиная с конца 60-х годов XX века, что нас, и сегодняшних, связывало, объединяло...

...Обратимся к «Дому на набережной». Нет, я не буду анализировать стилистику писателя, а попробую поговорить об основном ее (повести) персонаже — Вадиме Глебова, точнее, не о нем как персонаже, а о его, глебовских, чертах характера. Конечно же, разговор об *ЭТОМ* будет на уровне ранее названного обыденного сознания, т.е. совокупности представлений, знаний, установок и стереотипов, основанных на непосредственном повседневном опыте людей, и доминирующих в их социальной общности.

Ведь и *высидевшиеся* во времени «шестидесантники» в массе своей, как мне кажется, рассуждают и поступают ежедневно на том же самом уровне *обыденного сознания*. Повесть «Дом на набережной» написана гениальным «шестидесантником» Юрием Трифоновым, и является определяющим оселком для меня (как лакмусовая бумага), ставшая примером в повседневной

жизни при описании знаковых явлений и событий... Таким же явлением, как и изумительный роман «Старик». Ну, о них — повести и романе — подробно мной написано в других книгах и статьях, а здесь — в данных записках — хотел бы предложить *себя* в другой роли.

Главное в моем предложении — попытаюсь выступить *адвокатом* этого персонажа (Глебова) на процессе читателей, к которому условно приплюсовываю описываемое в записках, ибо аргументы, как представляется, могли бы быть неожиданными и для сознательных «критиков–прокуроров», типа Вадима Кожинова...

Понимаю возможные упреки некорректности в отношении покойного Кожинова (он скончался в 2001 году), но еще при прочтении «Дома на набережной» в 1976 году сразу же почему–то подумал, что именно Кожинов послужил прототипом Глебова. (Конечно же, к тому времени моей работы в обкоме комсомола и учебы в университете, прочитал его критические работы, а также слышал от своих друзей о нем, как о черносотенце, активном последователе РАППовской идеологии, да и на виденных фото он казался похожим и лицом, и потрясающей демагогией на сталинского выдвиженца, точнее — положенца Трофима Лысенко...)

Даже когда мы с Кожиновым случайно встретились после какого–то моего выступления «по–Трифонову», то закономерно, что мы «зацепились» по поводу его статьи «Проблема автора и путь писателя: На материале двух повестей Юрия Трифонова», где он утверждал о совпадении «Студентов» с «Домом на набережной». Автор статьи, с радостью литературоведческого открытия, повторил рапповский подход к художественному произведению, оставшийся в каких–то умах наших критиков еще с 20 — 30–х годов. Путем нехитрых комбинаций в аргументах, Кожинов сознательно (критик–то он опытный) подменил авторскую, писателя Трифонова, позицию, соединив ее с позицией Глебова, тем самым утверждая, что Трифонов — это Глебов: «...ведь чувствуется, чувствуется, что Вадим Глебов — это сам Трифонов, о чем и надо писать так, а не прятаться за вымышленный образ какого–то Глебова». Я попытался его опровергнуть, что с таким же успехом можно вырвать, например, из «Стансов» Осипа Мандельштама несколько строк: «Я должен жить, дыша и большевее... // Моя страна со мною говорила, // Мирволила, журила... // Но возмужавшего меня, как очевидца, // Заметила...», утверждая, что поэт осознал свои «заблуждения» и стремится полностью принять советскую власть во главе с большевистской партией, «за что» эта самая партия его и репрессировала... Причем, не по привычно–объясняемой

чьей-то ошибке ГПУ, а по прямому указанию Сталина, которое творчески услышали гепеушные исполнители.

И я тогда столкнулся с тем, что на уровне логики Кожинова выстраивать логику фактов было невозможно: демагогия неуловимо непобедима...

[Реплика в сторону: ну, не я же содействовал тому, чтобы Кожинов и для организации эффективной, с точки зрения классового рапповского продолжения семейной жизни, женился на дочери известного партийного критика В.В. Ермилова, известного и своими «трусами», и тем, что с ним «недоспорил» Маяковский, пожалевший об этом в своей предсмертной записке. Не удержался в той первой и единственной с ним беседе, и процитировал последние строки изумительной басни Феликса Кривина «Гог и Магог»: «...Бог удивился: “Смотрите-ка! Хотя б тебе слово критики! // Там, где бессильны Гог и Магог, нужен один демагог”».]

Написал о кожиновско-рапповском подходе в критике, и подумал о поисках причин на стороне, когда столкнулся с тем, что в некоторых критических работах о среде «шестидесятников» возложили на них самих неэффективность исполнения придуманных самими критиками кажущихся проблем. То есть, *вину* за поражение активной нравственности народа, придуманных ими самими, критики в статьях с гневной озлобленностью взваливают на *политически* неокрепшие плечи и спины популярных шестидесятников. Их обвиняют в том, что они, пользовавшиеся поддержкой народа, могли бы попытаться взять власть в свои руки в переходный период и создать демократическое общество, а не только высказываться обо всем в стихах, прозе, фильмах, и должны были «скандалить на площадях» (прямо по-бабелевски, в «Одесских рассказах»), а не за «письменным столом»... Ведь это же они призывали: «Достойно, главное, достойно // Любые встретить времена, // Когда эпоха то застойна, // То взбаламучена до дна. // Достойно, главное, достойно. // Чтоб раздаватели щедрот // Не довели тебя до стойла // И не заткнули сеном рот... // И если всё переломалось, // Как невозможно предрешить, // Скажи себе такую малость: // “И это надо пережить...”»

Нет, чтобы напрямую звать всех желающих «на баррикады»! А они, «шестидесятники», так, все по «кухням» да по «кухням», но ведь они *собирали* тысячные стадионы... Как там у Высоцкого: «...Мы не сделали скандала — нам вождя не доставало. // Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков. // Но на происки и бредни сети есть у нас и бредни, // И не испортят нам обедни злые происки врагов! // Это их худые черти бермутят воду во пруду, // Это все придумал Черчилль в восемнадцатом году...»

Хочется поблагодарить Владимира Семеновича за перевод претензий к неудавшимся, по мнению критиков, попыток борьбы за власть на уровень чертей и пресловутого Черчилля, аж с восемнадцатого года... Жаль, что Кожина не хватило для Высоцкого, а то бы критик просто умаялся в приписывании поэту того или иного образа в песнях: мол, что это он стесняется признаться в параллельных совмещениях ролей персонажей в своих песнях... Вот народ наш малообразованный — верит Высоцкому, что он и воевал, и на границе служил, и шоферил, и альпинистом был, и хулиганил и прочее... А вот прикинуться патриотом России, таким, к примеру, как критик, ему не удалось, потому что патриотизму надо же соответствовать... Вот поэтому Высоцкий и подражает пресловутому Галичу и безголосому Окуджаве, называя их своеобразными учителями в творчестве, о чем, примерно тоже говорили истинные патриоты России Куняев, Соловьев–Седой, да и другие... (Искал, искал и нашел в по своим «досье» статью композитора В.И. Соловьева–Седого в 1968 году в «Советской России», где он писал: «...К сожалению, сегодня приходится говорить о Высоцком как об авторе грязных и пошлых песенок, воспевающих уголовщину и аполитичность. Советский народ посвящает свой труд и помыслы высокой цели — строительству коммунистического общества... Но что Высоцкому и другим бардам до этих идеалов. Они лопочут о другом...»)

Естественно, моя защита поддерживается и контекстом повести «Дом на набережной». *Адвокат*, как известно, ищет свои аргументы в пользу подзащитного. Для понимания аргументов о включенности этой речи адвоката в контекст данных записок, я выступаю *как бы* от имени нашего поколения, поколения «шестидесятников», многое объясняя в их мыслях и действиях. Причем численно — очень важно это подчеркнуть — наше поколение в каких-либо измерениях может численно переходить то на сторону «судей», то на сторону «критиков–прокуроров», или *растворяться* среди публики, присутствующей, как правило, в подобных ситуациях. Для облегчения понимания аргументов буду исходить из того, что «судьи» знают суть тех или иных нравственных характеристик/обвинений, вынесенных Глебову при чтении повести, как ими самими, так и «критиками–прокурорами», и, само собой разумеется — публикой (читателями).

Поэтому ограничусь в своем выступлении несколькими вопросами и пояснениями.

Итак, Глебов на кого-то написал донос, публично кого-то обвинил в несодеянном, что-то у кого-то украл, например, научную идею, ценную вещь

какую–нибудь, наконец — совершил какое–то уголовно–наказуемое деяние? Что же он сделал такого, что заслужил от критиков, не исключая, что и от многих читателей однозначные характеристики: трус, подлец? Есть ли факты/аргументы, что после каких–то его, как считают критики, подлостей — кто–то пострадал, кого–то репрессировали?

У меня, *адвоката*, однозначные ответы: Глебов не писал доносов, не обвинял кого–то в несодеянном, не крал ни у кого и ничего, не совершил никакого уголовно–наказуемого действия, никто от каких–либо его действий не был репрессирован... Уточню: вынужденный устный донос на своих школьных товарищей отцу Шулепникова, высокому чину НКВД, можно объяснить не только страхом одиннадцатилетнего Глебова, но и возможностью спасти арестованного дядю Володю. Но и такой поступок можно объяснить насаждаемым повсеместно примером «советского патриота, героя советских детей» Павлика Морозова... Совершение таких «патриотических» действий детей — доносительство! — требовала самая нравственная, справедливая коммунистическая партия! (Помните, ленинский призыв на X съезде, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, смотреть и доносить, и продолжение этого призыва в 1937 году: каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД. И это в обществе/государстве, где власть принадлежит народу, строящему социализм, где каждый должен смотреть и доносить о каждом, учитывая «специфику» организации!? Эта «специфика» известна во всех цивилизованных странах, где таковая и существует. Остается себе представить — какое формируется общество нашей страны по такому целенаправленному призыву В.И. Ленина.)

Для начала, вспомним краткую характеристику Вадима Глебова в повести, характеристику простого юноши, узнаваемой многими из нас по собственной жизни, что *адвокат* и зачитывает:

«...когда его печень работала нормально и он мог есть жирную пищу, не очень свежее мясо, пить сколько угодно вина и водки, не боясь последствий; когда он не боялся переплыть Москву–реку в самом широком месте, мог играть четыре часа без отдыха в волейбол, когда он был скор на ногу, костляв, с длинными волосами, в круглых очках, обликом напоминал разночинца–семидесятника; когда он часто сидел без денег, зарабатывал как грузчик на вокзале или колол дрова в замоскворецких двориках, когда он голодал, была опасность, что начинается чахотка, его посылали в Крым, и все обошлось; когда еще были живы отец, тетя Поля и бабушка и все — в маленьком кособоком домишке в Дерюгинском переулке на набережной, на втором этаже, куда нужно было подниматься по темной лестнице с выбитыми

ступенями, где кроме них в коммунальной квартире жили в нужде и среди мелкоты еще шесть семей и в кухне стояло восемь столов, вечный чад керосинок и запах капусты; когда он любил петь песни с девчатами, когда его звали не Вадимом Александровичем, а Глебычем и Батоном; когда он только еще мечтал... обо всем том, что потом пришло к нему, не принеся радости, потому что отняло так много сил и того невосполнимого, что называется жизнью, — в те времена, почти четверть века назад, был такой профессор Ганчук, была Соня, были Антон и Левка Шулепников, по прозвищу Шулепа, с которыми Вадим Александрович жил по соседству, были разные другие люди, понемногу исчезнувшие, и был он сам, непохожий на себя и невзрачный, как гусеница».

Жил и думал — говорит *адвокат*, как многие в нашей стране... «Но вот от чего Глебов не мог освободиться, что мучающе сопровождало его все годы, начиная с самых ранних, это глубоко на дне теснящая душу обида... И ни ее побороть, ни возвыситься над нею не выходило. Как неизживаемая болезнь: то тяжело, то ничего не заметно, а то такое лихо, что нет сил терпеть. Ну почему, к примеру, ему (Шулепникову) и то, и это, и все легко, бери голыми руками, будто назначено каким-то высшим судом? А Глебову до всего тянуться, все добывать горбом, жилами, кожей. Когда добудешь, жилы полопаются, кожа окостенеет. А началась эта мука — назвать ее можно **страданием от несоответствия** (выделено в повести Ю. Трифоновым, подчеркивает адвокат) — в далекие поры, в классе, что ли, пятом или шестом...»

Далее *адвокат* поясняет, что рядом с маленькими кособокими домишками, где жили такие, как Глебов, стоял огромный дом на набережной: в просторных великолепных квартирах с обстановкой обитали Шулепниковы, Ганчуки и другие люди высокого общественного положения, получившие эти блага по назначению какого-то «высшего суда». В доме людей, даже их собак наверх поднимали лифты и строгие лифтеры из НКВД охраняли их покой. Наверху «в поднебесных этажах» просторно, светло, из окон открываются чудесные виды на Москву. С детства Глебов начинает испытывать «жжение в душе», социальную зависть, «страдание от несоответствия» между жизнью «внизу» и «наверху», что во многом определяет его мысли и поступки... В нем зарождается почти бессознательно страстное стремление во что бы то ни стало, любой ценой подняться «наверх», добиться благополучия, поселиться в большом доме, в профессорской квартире Ганчуков, и впридачу заполучить дачу в Брускове... Не хотел и дальше жить «в жалкоте, в коммунальной гуще», испытывая «некую печать отверженности».

А кто из вас — читатели и «судьи» с «критиками-прокурорами», не испытывал того же: страдания от несоответствия и в более зрелом возрасте,

после того, как что-то *преодолевалось*, вы на что-то *решались*, вам чем-то приходилось *жертвовать*? Разве нынешнее время начала XXI века не подтверждение существованию таким желанием?!

Не понимаю, говорит *адвокат*, где и в чем тут вина человека «страдающего от несоответствия» и желающего что-то изменить в своей жизни? Но это — всего лишь намерения, и не больше...

Эрнст Неизвестный. Рисунки-иллюстрации к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Левый рисунок называется «Лицина Раскольникова». Правый — «Между крестом и топором»

В процессе выступления *Адвокат* показывает и даже раздает присутствующим рисунки-иллюстрации известного в мире художника и скульптора Эрнста Неизвестного к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Одновременно он поясняет, что один рисунок называется «Лицина Раскольникова», а другой — «Между крестом и топором». Тем самым *Адвокат* наглядно показывает: и *разлом* души и сознания Вадима Глебова, ощущение их *метаний* между крестом и топором...

...Вспомните размышления Глебова об отце, в природе которого «скрытым стержнем было могучее качество — осторожность. То, что он говорил, посмеиваясь, в виде шутки — “Дети мои, следуйте трамвайному

правилу — не высовывайтесь!» — было не просто балагурством. Тут была потайная мудрость, которую он исподволь, застенчиво и как бы бессознательно пытался внушать. Но для чего **не высовываться** (выделено Ю. Трифоновым)? Кажется, ему представлялось это важным само по себе. Может быть, его душил, как душит грудная жаба, какой-то давнишний и неизжитый страх».

А кто из вас — читатели и «критики-прокуроры», не следовал той же банальной жизненной осторожности? Может быть, кто-то из вас и «высовывался», но, вероятно, быстро понимал, что к чему... (Как писал Е. Евтушенко в поэме «Казанский университет»: «Легко в студентах прогрессивничать, / свободомыслием красивничать, / но глядь-поглядь — утих левак, / и пусть еще он ерепенится, — / уже висят пеленки первенца, / как белый выкинутый флаг. / Кто титулярные советники? / Раскаявшиеся студентики...») И где тут преступление *подзащитного*, не захотевшего нарушать технику безопасности езды на трамвае, призывы к чему какие-то «критики-прокуроры» посчитали проступком нравственного характера?

...Вспомните ситуацию с испытанием школьников на храбрость через проход по периметру балкона на девятом этаже в квартире Сони Ганчук — говорит *адвокат*. Но ведь этот пример мы воспринимаем через рассказ некоего «Я». Боялся ли этого испытания Глебов? Вероятно да, как и тот самый «Я», который «сделал несколько шагов по комнате, чувствуя, что колени дрожат и ноги ступают нетвердо. Ноги меня ужасно вдруг напугали. С такими ногами нечего было и думать перелезть ограду балкона и переступить через прутья на высоте девяти этажей. Я украдкой поглядывал на других. Когда по очереди мы ходили в туалет, я заметил, что всех немного шатает...» Первым по балкону прошел Антон Овчинников. Но тут в комнату ворвалась Соня, и данное испытание храбрости и воли закончилось. Откуда она узнала?

От «Я» становится известно, что об этом ей рассказал Глебов: вот предатель, нарушил клятву молчания! Но ведь он спас всех остальных, у которых были «ватные» от страха ноги, и которые бегали от того же страха в туалет. Вот и признания самого «Я», которого трудно подозревать в необъективности: «Но он спас Левку Шулепу, себя и меня. Он спас, он спас! Ноги мои были совсем ни к черту. Эти люди, которые не трусы и не смельчаки, не то и не это, иногда спасают других, у кого слишком много всего. Я возненавидел его еще сильнее».

Что плохого сделал мой подзащитный Глебов? Ну, похвастал перед Соней о своей предстоящей храбрости, когда он пройдет по балкону. Да, вероятно, он сделал это умышленно, зная, что впечатлительная Соня

помешает ему и остальным пройти по балкону после Антона. Но ведь тем самым он спас своих друзей! Да, спас и себя! Но и других спас, кто мог бы сорваться с перил балкона, усеянных снегом... Так в чем его вина? За что тот самый «Я» возненавидел Глебова еще сильнее? Как становится ясным из текста повести: за то, что сам испытывал *чувства* к Соне, но она *предпочла* Глебова этому «Я»!

Не могу не вернуться к одному из ключевых моментов в повести — мой подзащитный Глебов должен выступить на ученом совете института с мотивированным отказом от руководства своей дипломной работы профессором Ганчуком. Но почему отказаться? При чем от Глебова не требуют «ничего основательного» против Ганчука: просто высказать «несколько реальных подробностей» о его убранных в домашнем рабочем кабинете, что, по мнению советского студента, позволяет сомневаться в убеждениях профессора советского института. Ну, сомневается советский студент в том, что гипсовые бюстики западных философов соответствуют облику советского профессора! И из этого следует какое-то мифическое *доносительство*? Он же может высказать свое мнение! При чем не где-то «в курилке», а на собрании, открыто...

Адвокат считает, с одной стороны, Глебов, как нормальный советский человек — по тогдашним идеологическим нормам/требованиям — думает, что идет борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, а тут эти гипсовые бюстики странных западных философов, не разделяющих идеи социализма, в кабинете у профессора...

Глебова подталкивают к *отказу* от Ганчука, как от руководителя его дипломной работы? Так ведь и это объяснимо: он же жених Сони Ганчук... А будущий тесть — сегодняшний заведующий кафедрой и руководитель твоей научной работы... Семейственность какая-то, на что косо смотрят везде... Надо своим выступлением всего лишь ликвидировать формальные неприятности в интересах института...

Тут еще одна неувязочка получается: Ганчук, его жена Брюс Юлия Михайловна, его ассистент Аструг — фамилии-то странные в одном «пучке» семейства... И это в то время, когда по всей стране идет непримиримая борьба с космополитами, и всякими... Ну, и что делать моему подзащитному?

Да еще эти — ширейки и дородновы насаждают, глядя на Глебова холодными глазами «удава», желающего очередной жертвы, и вежливо просящие его: «Вы уж найдите случай, пожалуйста. Нам надо куда-то вас записывать, туда или сюда». Или Глебов будет увиливать, но тогда потеряет

определенные, достаточно ощутимые блага, или пойдет по пути, требуемому этими «удавами»: или-или... «Нам надо куда-то вас записывать, туда или сюда». И никакого насилия с их стороны; только выбор самого Глебова! Ну, хочется им, всего лишь знать, куда «записывать» желающего? Куда податься, чтобы уцелеть для получения благ, и чтобы «не измазаться»?..

Кстати, уважаемые читатели, «судьи» и «критики-прокуроры», говоря о другой стороне этой ситуации, обратил бы внимание на следующее, — говорит *адвокат*. — А разве не сам Ганчук, молодой боец частей особого назначения (ЧОН, чоновец), рубака во время памятной всем нам Гражданской войны, а ныне — красный профессор, боевой «штык» советского литературоведения 20-х — 30-х годов, раньше действовал таким же образом с классовыми, в чем он был уверен, врагами? Не сам ли Ганчук «заразил» Глебова таковой непримиримостью к «отступникам» от политики партии в данный момент?

Сам Ганчук с удовольствием рассказывал о своем боевом прошлом, «о попутчиках, формалистах, рапповцах, Пролеткульте... помнил всякие изгибы и перипетии литературных боев двадцатых-тридцатых годов... “Тут мы нанесли удар беспаловщине...” “Это был рецидив, пришлось крепко ударить...” “Мы дали им бой...” Он знает, что такое рубать врагов. Рука не дрожала, когда революция приказывала — бей! Вот как тогда решались вопросы... Истинное понимание вырабатывалось в кровавой рубке».

Тот же Ганчук, обращает внимание *адвокат*, следовал заветам Маркса, «который в каждом явлении, в каждом факте жизни умел видеть диалектическую и классовую сущность». И показывая Глебову альбом со своими фотографиями времен Гражданской войны, он говорил: «Я вам покажу мальчика, у которого была оч-чень тяжелая лапа! И я бы вам не советовал попадаться тому мальчику на глаза. Ой, как он не любил ученых молодых людей в очках! Он их рубал сразу — ха-ха! не спрашивал, кто папа, кто мама!»

Адвокат далее поясняет, что Ганчук до учебы служил в отряде особого назначения Губчека, его имя звучало страшновато для врагов — потому что ни колебаний, ни жалости у него не было. Он рассказывал, когда однажды отец, тогда уже совсем больной, просил за одного попа — того всего лишь подозревали в связях с бандой, — Ганчук ему отказал, «враг был раздавлен вкупе с бандитами, волк в овечьей шкуре, на его совести была кровь красноармейцев, а с родным отцом вышла смертельная ссора до конца жизни старика».

Получается странная картина атмосферы вокруг моего *подзащитного*: Ганчук «не любил ученых молодых людей в очках, и рубал их сразу — ха-ха! не спрашивал, кто папа, кто мама!», отказал в человеческой христианской просьбе своего отца за попа, которого всего лишь подозревали в связях с бандой, и «враг был раздавлен», да и много чего натворил в нанесение «крепких ударов» в литературоведческих «боях». Это было время, когда властвовали классово-простые «ингуловские» формулы (из выступлений С.Б. Ингулова, начальника Главлита СССР в 1935–1937 гг.): критика должна иметь последствия: аресты, судебную расправу, суровые приговоры, физические и моральные расстрелы. Это она, советская критика, как тяжелая шершавая рука класса, которая, опускаясь на спину врага, дробит хребет и крушит лопатки под призыв «Добей его!», звучащий во всех речах руководителей советского государства... — а его, Ганчука, называют человеческим, благородным!? И если Ганчук активно действовал, «внедряя» такое классовое понимание борьбы за умы людей, то мой подсудимый Глебов-то, как советский человек, почему *не* должен соответствовать этому?.. Но обратите внимание, говорит *адвокат*, что Вадим Глебов не призывал к «судебной расправе» над кем-то, не выносил «суровые приговоры», влекущие «физические и моральные расстрелы» кого-то, не «дробил хребты» и не «крушил лопатки» кого-то. Он всего лишь был *морально* на стороне большинства...

(Для «суда», хотя он и условный, как *адвокат* констатирую, что после публикации «Дома на набережной» Ю. Трифонов получил письмо от Г. Левинсона, которое прошу приобщить к документам процесса, которые останутся в нашей истории: «Вы обнажили два корня наших несчастий: *страх* и *бессердечие*. Ими живет Ваш Глебов. Но при этом вот что главное читается в книге: и бессердечию и страху научил Глебова, не кто иной, как Ганчук. Ганчук у Вас бессердечен в юности и до порога смерти. Страх сам он, видно, не знал, когда выкорчевывал, но именно жизнь Ганчука внушила Глебову смертельный страх перед неминуемой расправой за уклонение. Легко представляешь себе, что эти двое в том же сорок девятом году очень просто могли поменяться ролями, при случае. И снова я, вместе со своими сверстниками, могу сказать: “Да, все было так”. Меня, моих товарищей тоже приучали никого не *жалеть*, а самому жить в *страхе*. Плоды известны: кучка Ганчуков наводнила нашу страну миллионами Глебовых. Теперь, благодаря Вашей книге, многие, я думаю, поймут этот урок нашей истории...»)

...Писатель не выносит приговоры ни Глебову, ни Ганчуку и его жене Юлии Михайловне — лишь через авторскую иронию к семейству ганчуков

мне, *адвокату*, видна причина их нравственных заблуждений. Они не только «пленные» вульгарно–абстрактных социологических формул того времени острой социальной поляризации, ведущих к «выпрямленному» и схематизированному мышлению, но и являются в своей *нетерпимости* их «соавторами», вооружая подобными «дубинками»–формулами менее грамотных друзьяевых, дородновых, шилейко, создавая питательную среду для них. А когда классовая борьба уступила место борьбе психологии, они сами и становятся жертвами своего же закоряченного «оружия», на себе испытывают бесчеловечность, несправедливость их новых «носителей». Мало того, что на себе, так ведь и таких как мой подзащитный Глебов «подставляют» под эти удары...

По существу, все эти дородновы и друзьяевы, козыряющие ныне ультрапартийной фразой, возмущается Ганчук, «типичский мелкобуржуазный элемент, закамуфлированный в духе времени... и вот тогда мы его не добились! Он уполз, растворился, как многие, для того, чтобы теперь выплыть в новом качестве», обвиняя «учителей» в «недооценке классовой борьбы... Да пусть молится богу, что он не попался мне в руки в двадцатом году...» Теперь профессор Ганчук в шубе на лисьем меху, один из тех, кого, по словам домработницы Васены, «не любят». Да и дела–то свои прошлые, добытые в штыковых атаках на врагов всяких в 20–х — 30–х годах, он сегодня называет презрительно–насмешливо «жеребятиной», и своя «сабелька» ему уже смешна...

Это она, «сабелька» сейчас ему смешна, но раньше–то у Ганчука не было колебаний против врагов революции, а моему подзащитному Вадиму Глебову надо *сегодня* выбирать: не выступить — значит, возможно, погубить свою научную карьеру, ведь все поставлено на карту: настоящее и осязаемое, видимое будущее, а выступить?.. «Могут ли во всей этой свистопляске обойтись без него? — мучается Глебов. — Неужели непременно надо человека унижить: нет, мол, голубчик, ты уж приди и выскажись, твое мнение очень ценно, потому что ты самый близкий профессору человек. А как потом?.. Выскажись! Легко сказать. Язык–то не поворачивается. Это не “выскажись” называется, а “вымажись”. *Приди и вымажись*». Причем, никто из научного студенческого общества не стремится участвовать в заседании, а подзащитному Глебову твердят: ты должен от имени *нашего* общества сказать, защитить Ганчука, ты должен, должен...

Кстати, уважаемые «судьи», «критики–прокуроры», и публика — а почему мой *подзащитный* должен защищать Ганчука от самого Ганчука? Да и

вообще, почему именно он должен что-то кому-то? Ведь все его коллеги по литературоведческому кружку Ганчука в институте разбежались, свалив защиту руководителя кружка на Глебова (кстати, мне, *адвокату*, не понятно, а в чем должна состоять эта самая защита), полагая, что выступить от их имени должен он, Глебов; кому как не ему защищать профессора-будущего тестя. «Не видеть того, что все уже решено с Ганчуком! Спасать его — все равно, что грести *против течения в потоке*, в котором несутся все. Выбьешься из сил, и выбросит волною на камни. Неужели один *страх* — оказаться вдруг на камнях, в крови, с переломанной ключицей? Тогда не догадывался о страхе. Ведь страх — неуловимейшая и самая тайная для человеческого сознания пружина. Стальные пальцы едва ощутимо подталкивали, и был готов, окончательно и прочно готов, но *какая-то сила невидимая* перегораживала путь...»

Мой *подзащитный* боялся быть «выброшенным волною на камни»? Да, боялся! А у кого из вас — «судьи», «критики-прокуроры», и уважаемая публика — не было таких ощущений перед принятием того или иного решения в подобной или близкой ему ситуации? Ну, не стремился он «на баррикады», на что его толкали товарищи по институту... Он хотел только одного: чтобы его «не трогали», он просто хотел *выжить*, как стремятся выжить люди в транспортном потоке, просто соблюдая правила, а не идти *против движения*...

Вероятно, «судьи», «критики-прокуроры», и уважаемая публика, ловили себя на таких контраргументах, например: ну, я бы точно выступил в защиту профессора, я бы не побоялся пойти «на баррикады», я бы послал этих дородновых, друзьяевых, ширейко куда подальше, я бы... Да, кстати, а чего это — *я должен*, вероятно, подумает каждый из числа желающих!?! (Помнишь, читатель, суть сценки СТЭМа «А что я мог сделать один») А почему разбежались окружающие меня товарищи, толкая меня перед собой?

Обращаю внимание всех присутствующих — у Трифонова мой *подзащитный* не подлец, а находящийся в потоке человек — воплощение «растерянности перед жизнью, что постоянно, изо дня в день подсовывает большие и малые распутья». И перед нами этакий неуверенный в нравственной правоте своих поступков, так сказать, «нравственный преступник», в сознании и деяниях которого образ — постоянно всплывающий «пельмень режима», по рассуждению актера Театра на Таганке Вениамина Смехова, исполняющего роль Глебова.

В рассуждениях моего подзащитного Глебова как-то *отсутствует* мечта закоренелого подлеца: неплохо бы «мырнуть» в профессорские «терема» Ганчука через любовь Сони... Так *то* мечта, а не дело... Наоборот, Глебов понимает, что последует, когда он выступит с отказом от Ганчука, как от него требуется — он «вымажется»: «Тут будет со всех сторон: и проклятие, и держание рук за спиной, чтобы, не дай бог, не оскверниться рукопожатием. Потом кто-нибудь пришлет телеграмму: “Поздравляем с высокой наградой — тридцатью сребренниками имени Грибоедова” (Глебову за «хорошее поведение» обещана стипендия имени Грибоедова)».

Здесь важно отметить, рассуждает *адвокат*, что Глебов *понимает* на что его толкают старшие товарищи по институту, от которых зависит его дальнейшая судьба... Он *понимает*, что компания дородновых, друзьяевых, шилейко — не его компания, хотя он своим непотворением мог оказаться с ними... Он *понимает*, что Ганчуки, Аструг и другие — тоже не его компания, хотя имел все возможности быть *с ними*... И куда ему податься, в чьей компании быть?.. Может быть, кто-то из «критиков-прокуроров», или из уважаемой публики подскажет моему *подзащитному*? Или что эффективнее — пригласит его в компанию своих, в чем нет сомнения, порядочных людей...

Но, обращаясь ко всем присутствующим, в ту ночь, ночь пьяных мучений *подзащитного* с присутствием раздвоенного сознания — с одной стороны... с другой стороны... — умерла бабушка Нила, близкий Глебову человек. В этот день ему не пришлось «выбирать, решаться, жертвовать», как называлась статья Трифонова: он никуда не пошел...

Приближаюсь к завершению моего выступления, и обращаю внимание и «судей», и «критиков-прокуроров», и самое главное уважаемой публики на следующее — в очередной раз мой *подзащитный* не подтвердил приписываемое ему поведение *подлеца*. Он не воспользовался, в прямом смысле этого слова, непреходящей любовью Сони к себе, не женился на ней, чтобы стать собственником не только жилплощади в прекрасном Доме на набережной, но и приличной дачи в Брускове. А мог ведь!..

В «Доме на набережной» — сгущающаяся в обществе атмосфера страха и недоверия, порожденная ранее не только Ганчуком, а теперь и его «учениками» по наследству, атмосфера, убойно-действующая против тех, кто «высовывается».

Вот тут выступал актер театра на Таганке Вениамин Смехов, который использовал для показательного примера нравственную ситуацию с моим *подзащитным*, сравнив его с всплыванием в кипящей воде «пельменем

режима», и подчеркнув, что вот такой своеобразный «пельменный» стержень нравственной и даже физической выживаемости, несмотря на бурлящие вокруг события, присущ Глебову...

Ну, что тут сказать? Да! Нет у него, судя по всему, должного нравственного стержня. А у вас, что — есть (это я к публике)?! Или у вас — это я к «судьям», «критикам–прокурорам»?! Как вы это докажете? Да я на ваши доказательства найду столько свидетелей, которые совсем иначе оценивали ваши действия, как «пельменные»! И с каких это пор — отсутствие такого стержня является преступлением или подлостью? Да, мне не нравится этот самый «пельменный стержень»! Ну, просто не нравится в силу каких–то моих взглядов на жизнь, или убеждений! Ну, и что? В чем здесь комплексный состав преступления, позволяющий осудить и осуждать моего *подзащитного*.

...Продолжим — ну, отправили Ганчука на периферию в педагогический институт, укрепляя кадры, так, не репрессировали ведь, а просто перевели на другую работу... Ну, уволили Юлию Михайловну Брюс, его жену («Она умерла скоро, Глебов еще учился в аспирантуре. Но ведь она была тяжелой сердечницей. Непонятно, зачем так билась за то, чтобы вернуться к работе. Ей нельзя было работать ни в коем случае. Ни работать, ни судиться, ни рядиться, ни мстить, ничего, кроме тихой жизни в Брускове среди клумб и грядок, но она не могла, да и Брусково «исчезло». Просто она себя сама погубила. Как все это было в подробностях, мой «подзащитный» не знал... И все остальное, что он старался забыть»). Ну, заболела нервной болезнью Соня и умерла раньше родителей... А Глебов–то при всем этом случившимся причем? Не он же увольнял Ганчука и его жену! Да и вообще он ничего не делал *такого*, чтобы спровоцировать их увольнение, а они даже не здороваются с ним!.. А Соню разлюбил — бывает... Вот я как *адвокат* спрашиваю — где, хоть в какой–то мере доказательный состав преступления? Как собираетесь доказывать придуманные подлости моего *подзащитного* несуществующими статьями, или какими–то пунктами и подпунктами УПК?

...И вообще — времена были такие. А что я такого сделал — правомерно думает мой *подзащитный* Вадим Александрович Глебов, доктор наук, член Международной ассоциации литературоведов и эссеистов, достигший жизненного благополучия. Ничего такого он и не сделал, чтобы от него отворачивались!

Пусть «судьи», и «критики–прокуроры», и самое главное, уважаемая публика, которых я не убедил, не породил сомнения в правомерности своих первоначальных осуждениях — не с Глебовым *не здороваются*, а с

временами, они виноваты — *времена*... Могу лишь, с сожалением отметить, что у моего *подзащитного* теперь есть все желанные в то время блага (квартира, дача, машина, ученая степень, положение в научных учреждениях и т.п.), но все это, и он соглашается со мной, *«пришло к нему, не принеся радости, потому что отняло так много сил и того невосполнимого, что называется жизнью...»* Но ведь он (Глебов) *думает* об этом, значит, оно не ушло из его памяти, он по-прежнему *не хочет* «вымазаться», хотя бы наедине с собой...

Он что — эти блага у кого-то отнял? Да, путь к ним (благам) не принес ему радости. Ну, и что? Это его выбор... Да, по Трифонову, нравственный «обмен» для Глебова состоялся! Впрочем, обмен у каждого из нас проходит каждый день, и получается, что ежедневно всем судам страны надо разбираться с нравственными особенностями таковых обменов?! А потом какую-нибудь комиссию надо создавать на постоянной основе, чтобы оценивали нравственную оценку, вынесенную этими судами... Тут такое в мире начнется, что мало не покажется никому...

Но ведь он выжил в то сложнейшее время и, вероятно, помог выжить другим!.. Приведу мнение автора повести, которое предполагает возможность таковой моей защиты *подзащитного*, т.е. о Глебове: *«Эти люди, которые не трусы и не смельчаки, не то и не это, иногда спасают других, у кого слишком много всего»*. А у кого из «судей», и «критиков-прокуроров», и самое главное из уважаемой публики не было аналогичных ситуаций?

Выводы о сути и цене вариантов такого «обмена», начиная со школьных лет, Юрий Трифонов, как всегда, оставил читателю...

Виноваты перед людьми времена?.. Призываю всех — во-первых, просто подумать о себе, вернее, попытаться как-бы увидеть себя в подобных представляемых ситуациях в повести, и во-вторых, вспомните призыв Христа бросить в грешницу камень тому, кто не грешен...

Полагаю, сказал бы я в заключение адвокатской защиты, что Вадим Глебов не соответствует тем обвинениям, которые обрушили на него «судьи», «критики-прокуроры», и какая-то часть публики. Кстати, вопрос к читающему мои записки — а ты, читатель, чью бы сторону занял, или *перемещался* на разные *стороны* по мере тех или иных аргументов? И другой простой вопрос — ты бы хотел с ним, Глебовым, *дружить* по жизни? (Оставь ответы для внутреннего употребления, только для этого.)

Скажу сразу же — вероятно, он не подарок для дружеских отношений с ним. Но ведь и в школьные годы, и в последующее время его учебы в институте, дальнейшей научной работы, с ним стремились дружить самые разные люди! Почему? Если бы он был трусом и подлецом в действиях, в традиционных, общепринятых понятиях, то такое стремление окружавших его людей было бы проблематичным, а если бы и было, то уж тогда вопрос к ним, желающим дружбы с Глебовым... Кстати, насколько можно предполагать, и вы — «судьи», и «критики–прокуроры», и какая–то часть уважаемой публики — тоже не всегда являетесь «подарком» для себя самого, для друзей, не говоря уже о близких вам людях — в нас так много всего *перемешано*... Ведь многие из нас (и писатель, и автор предложенных записок в том числе) испытывали в жизни те же «капканы», расставленные временами, может быть, и вели себя близко тому, что думал и совершал Глебов... Но ведь писатель Трифонов и не навязывает его кому–то в друзья, расписывая его качества. Он как в зеркале, показал в повести не только Глебова и Ганчука, но многих других, похожих на нас, малоприятных для тесного, дружеского общения людей, скорее — неприемлемых их каких–то качеств...

Повторю точную ёмкую характеристику Глебова в названной повести, повторю, чтобы и после прочтения моих записок, эта в концентрированном виде характеристика, подвергаемая целому спектру морфологического, синтаксического разбора — одного слова — наверняка отложилась бы в памяти в поисках своих и только своих ответов на вопросы, обсуждаемых по всему контексту предложенных записок:

«Он был совершенно *н и к а к о й*, Вадик Батон. Но это, как я понял впоследствии, редкий дар: быть *н и к а к и м*. Люди, умеющие быть гениальнейшим образом *н и к а к и м и*, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на *н и к а к о м* фоне все, что им подсказывают их желания и их страхи. *Н и к а к и е* всегда везунчики... кому так наглядно везло за *н и к а к и е* заслуги, — и меня всегда поражала окрылявшая их милость судьбы... Тогда мы не поняли по–настоящему, прошли годы, прошла жизнь, и, вспоминая, вдруг догадываешься: вот ведь сила *н и к а к о г о* характера!»

Вирусы «глебовщины», как и многие другие вирусы, сидят в нас, ибо их проявлениям всегда находятся объективные и субъективные оправдания — реальная повседневная жизнь всегда предлагает нам выбор различных дорог и тропинок. Главное, чтобы этот постоянный выбор был обусловлен одним — стремлением к «храму», без которого невозможно нравственное изменение

человека, изменение и общества, в котором он живет. Именно поиск дорог и тропинок к *храму* нравственности, *храму* духовного развития человека и есть та самая диалектика, определяющая путь человечества, ибо таковое стремление и создает пространство свободы и ответственности личности на «дорогах» необходимости преодоления различных причин ослабления «духовного поля» народа, общества.

Из любой, так сказать, беды всегда есть выход, ибо есть понимание характера ослабления этого «духовного поля», понимание, повторю, необходимости развития способности должной *самоорганизации* и субъекта нации, и государства.

И мне, как, уверен, и Юрию Трифонову не нравятся некоторые качества основных персонажей «Дома на набережной». Но от этого они не исчезнут ни у человека, ни из жизни миллионов людей... Гуманизм Трифонова направлен на попытку победы человека над подобными характеристиками, присущими многим и многим... Уместно будет вспомнить откровенное признание на VI съезде писателей СССР известного драматурга Виктора Розова: «Я прожил жизнь вместе с героем Трифонова, во мне есть черты Глебова. И своей повестью Трифонов говорит лично мне: “Виктор Сергеевич, не будьте Глебовым, выдавливайте из себя его черты!” И это он всем говорит. И это необходимо говорить...»

Убежден, что повесть «Дом на набережной» еще сыграет свою роль в сложном процессе организации гражданского общества в моей стране, ибо она талантливо показывает не только что такое «глебовщина», но и атмосферу, в которой это явление формируется, даже вынуждена формироваться...

Думаю, что читателю будет понятно, что условная речь адвоката, помещенная здесь — соответствует аналогичной речи и для «шестидесятников» с множеством других примеров с другими персонажами, что, в отличие от упоминаемых мной книг о творчестве Юрия Трифонова, где предпринимается мной литературоведческий характер изложения, позволяет полагать приемлемость даже такой речи для целенаправленного выступления перед современниками во времени... Имею в виду книгу «Гуманизм в плену... Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова» — о бесконечных и постоянно возобновляемых попытках преодоления «исторического плена», в котором субъективно—объективно находится наша страна...

Даже когда писал эти строки о гипотетических параллелях трифоновской «глебовщины» и совпадением по времени расцвета «шестидесятников» в моей голове пока неуловимо продолжала звучать мысль и о параллелях со спектаклем Анатолия Эфроса «Счастливые дни несчастного человека» (пьеса Алексея Арбузова, также большого друга Юрия Трифонова), который я видел в начале 70-х годов в театре на Малой Бронной. Подобные параллели звучали в моей голове и когда я только-только осмысливал в 1976 году повесть «Дом на набережной». Даже более прямолинейно могу сказать о представляемом мне тогда образном *триединстве* — с одной стороны (во-первых): спектакль Эфроса, где в главной для меня роли Николай Волков, по исполнению и даже внешнему виду очень похож на Глебова (никогда мной не видимого, как, впрочем, и всеми другими в мире людьми), похож на него всеми представляемыми мной-читателем чертами характера; с другой стороны (во-вторых): сам Вадим Глебов из повести Трифонова, со своими проблемами, где-то схожими с проблемами арбузовско-эфросовского Крестовникова (Волкова); а посерединке (в-третьих): «шестидесятники» в 60-х — 70-х годах (эфросовско-трифоновское время постановки спектакля и написания повести).

Кстати, они оба (и Крестовников и Глебов) — ученые в своих областях. Они оба постоянно борются с одним — как выжить в предлагаемых жизнью обстоятельствах. И даже время, что в пьесе, что в повести можно сказать одинаковое — предвоенное и послевоенное. Думается, поэтому и оценки окружающих их мыслей и действий в общем-то похожие по своему морально-словесному содержанию, ибо изначальные истоки у того и другого были одинаковы — конец 30-х предвоенных лет...

Думаю, неспроста профессиональные театральные критики полагают, что актеры Театра на Малой Бронной через возрастающее и почувствование ими мастерство способствовали представлению нами, зрителями, так называемой «эфросовской модели мира» (О. Скорочкина). И как жаль, на мой взгляд, что «артельная братия» театра на Таганке, в силу каких-то обстоятельств субъективного характера не приняли в полной мере таковую «модель», исключая, может быть, Аллу Демидову в роли Раневской, и Владимира Высоцкого в роли Лопухина. Объективно они понимали, о чем через много лет мне рассказывали друзья-актеры, что профессионализм Анатолия Васильевича Эфроса по отношению к ним во время репетиций «Вишневого сада», как бы *поднимал* каждого в собственных глазах, но субъективизм ветеранов коллектива, в основном не занятых в спектакле, и временность такого «эфросовского» состояния порождали в итоге допускаемую *артельную небрежность* в отношении к общему делу —

готовящемуся спектаклю. Об этом я ранее писал в записках... Но травля Анатолия Васильевича в театре на Таганке, когда он был назначен вместо «невозвращенца» Юрия Любимова, закончившаяся, в итоге, его кончиной, выходила за рамки мной задуманного содержания, и требовала другого, более профессионального, а не моего любительского контекста...

Но одно я бы хотел отметить — по-любительски — не вдаваясь ни в какие разъяснения и подробности, и поэтому — коротко и сжато: почему, при прочтении многих и многих суждений, воспоминаний актеров, режиссеров, повторяю — многих — встречал в той или иной форме разговоры преимущественно об Анатолии Эфросе, и очень незначительное число раз о Юрии Любимове? В разговорах, подчеркивающих именно профессионально-человеческий характер в противовес довлеющему диктаторскому, не замечаемым человеческих, профессиональных особенностей того или иного актера, что соответствовало подходу в работе режиссера Анатолия Васильевича Эфроса.

И вот недавно в книге «Режиссерский театр: от Б до Ю: Разговоры под занавес века», представляющего собой сборник статей профессиональных театральных режиссеров и критиков прочитал, что для меня звучало осязаемо именно в контексте своих записок о суждении Олега Николаевича Ефремова. Так, он приглашая того или иного артиста в театр «Современник», искал актеров «мхатовской» группы крови, что я бы осмелился слегка подправить, заменив его, *ефремовскую* адресность в естественном окружении людей *эфросовской* группой крови в большей мере позволяющей всеобъемлемому осознанию свободного дыхания человека... Почему? Сошлюсь на мнение авторитетного автора в той же книге — Александра Калягина в сходном со мной выражении чувства: «...Я скажу довольно рискованную вещь: дело в том, что в моем отношении к Эфросу была сильная доля такой человеческой влюбленности. В этом смысле я, наверное, самый счастливый человек, счастливее его многолетних учеников, потому что в его присутствии я ощущал не только творческую радость, но биологическую радость от присутствия любимого человека. Так бывает, мужчина встречает женщину и говорит: “Я вас ждал всю жизнь!” Так у меня было с Эфросом... Это мы сейчас говорим “классика”, это сейчас говорим о нем — “гений”...»

* * *

Это Леша Граббе был у меня в гостях, где я жил в Москве

...После посещения спектакля «Дом на набережной» в театре на Таганке, и на следующий день — «Десять дней, которые потрясли мир» — во время нашего с дочерью разговора-беседы об этих спектаклях она мне сказала: «Папа я ничего не поняла в “Доме на набережной”, что-то стала понимать о “Десяти днях...”, вспоминая уроки истории в школе, но вот о чем я подумала, уж наверняка...» — и она сделала паузу, — «Дядя Леша Граббе, точно дитя этого твоего Двадцатого съезда, как тот дядька, который мигал фонариком, сидя рядом со мной, и как-то дергался, и странно, как мне показалось обижено улыбался, как большой ребенок...»

Вот такие неожиданные для меня воспоминания дочери Веры. Она приехала к нам со своей дочерью Аней (нашей с Милой внучкой), которая через несколько дней пойдет в девятый класс. И как Вера вспоминала, она была примерно в таком же возрасте, как Анечка, когда я предложил ей поехать в Москву, и повел в любимый театр. Мы с ней на несколько дней остановились у того же Алеши Граббе, актера театра на Таганке, о котором так *воспоминательно*, я бы сказал — по-взрослому точно, но все-таки по-девчоночьи она говорила. А вот о нем в моем восприятии, в моей памяти складывается какая-то, наполненная содержательным смыслом только «наша история», за которую искренне благодарю его — Алексея Николаевича Граббе, заслуженного артиста России.

...Даже не знаю, с чего начать! Вероятно, как мы познакомились, и как стали складываться наши отношения, позволяющие и на сегодняшний день очень по-доброму говорить — «наша история».

...И здесь, подумал я, уместно для меня сказать/вспомнить о своем неоднократно повторяющемся везении на хороших людей в жизни. Ранее говорил об объединяющем в моем понимании *стержне* встреч — годы работы в комсомоле, и сопутствующие им встречи... Где-то в **1981 году** (думаю, что было начало осени) приехал из командировки и вижу на афише о гастролях в Челябинске театра на Таганке. Можете понять мою реакцию? Но мне пояснили, что речь идет *не* о коллективе Театра, о гастролях которого на Урале ходило много слухов, а о группе актеров, которая приехала в Челябинске на три дня, и сегодня будет их выступление в театре оперы и балета. Не буду описывать наши ежедневные встречи и проводы... Но на двух встречах для понимания дальнейших событий в моей жизни остановлюсь.

После тогдашнего выступления пошел знакомым мне *закулисным* путем (закулился этого театра помнил еще с комсомольских лет) искать старшего этой выездной *таганской* группы. Нашел, представился: мол, я такой-то, вы, любимый мой театр у меня в гостях, поэтому располагайте моими возможностями. Она (а это была Таня Лукьянова) тут же позвала коллег и повторила мной сказанное. Мне были узнаваемо-знакомы по спектаклям: Алексей Граббе, Юрий Беляев, Татьяна Иваненко, о других я не помнил... Кажется, Таня Иваненко сказала, мол, а можно ли сейчас (уже было около десяти часов вечера) организовать что-то типа бассейна для только-только прилетевших актеров? Я сказал, что попробую. Позвонил директору бассейна ЧЭМК, и в двух словах изложил эту просьбу с сопутствующими комментариями. Тут же им была дана команда «включить» все что необходимо, после чего сказал, что через двадцать-тридцать минут можно подъезжать, и походя спросил о финской бане. Тот удивительный, спонтанно организованный вечер — знаменитый бассейн ЧЭМК с сопутствующей баней — у меня до сих пор в памяти... На следующий день созвонился с Сашей Кауновым, и он предложил: когда у них будет свободное время приехать всей группой к нему в гости в деревню Кайгородово, где он купил домик погулять по лесу, переночевать и на следующий день вернуться в город и уезжать в аэропорт. Все было самой природой, Верой и Сашей Кауновыми организовано просто великолепно, а москвичей просто «зашкаливало» от неожиданности впечатлений...

Конечно, мы подружились, и уже приезжая в Москву, я не тревожил звонками Н.А. Крымову о билетах «на Таганку» при таком актерском окружении друзьями. Кажется, весной **1982 года** позвонил Алеше с просьбой:

узнать телефон Ольги Романовны Трифоновой... Нет, все—таки остановлюсь, ибо о своих «отношениях» с творчеством Юрия Валентиновича, перипетиях с разными людьми, его вдовой надо рассказывать и писать отдельно, что я позже попытаюсь сделать, но в другом месте, и в другое время.

...Продолжу об Алеше Граббе. У меня возник вопрос о длительном пребывании (около месяца) в Москве из—за подготовки к защите своей диссертации, и как—то экспромтно и легко получен ответ от него: мол, если тебя устроит вариант сна на полу моей комнаты в трехкомнатной коммунальной квартире, то пожалуйста, живи, пиши что надо... Так началась моя роскошная *половая* жизнь, о чем до сих пор вспоминаю с благодарностью.

Каждый день Леша уходил на репетиции, а поздно вечером возвращался. Я пытался хоть как—то быть полезным для него, и посильно для моих кулинарных способностей готовил поздний ужин при его возвращениях из театра и т.п. Те читатели, кто незаметно вздохнет при прочтении позднего ужина и с удовольствием делаемым и потребляемым скажу с чувством другой зависти — если бы вы видели как делается каждое утро гимнастика и каждый день испытывается удивительная по напряженности физическая и творческая нагрузка в театре, то предположительно понимали как Алеше удается более сорока лет сохранять форму востребуемого актера, что он и демонстрирует...

Уж не помню от кого и как, но у меня появилась пишущая машинка, дающая мне возможность переделывать привезенное напечатанное, и печать вновь написанное для консультации с моим руководителем с кафедры философии и научного коммунизма МГПИ Маршаком Аркадием Львовичем. Дело в том, что он договорился о моем диссертационном прикреплении в ученом совете института, и, в свою очередь, был другом Вени Боровика, профессионального исследователя социальной активности молодежи, работающего в НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, т.е. был большим другом Жени Катувльского. Таким образом все складывалось как нельзя лучше для меня, в лице этого тройственного союза (Катувльский, Маршак, Боровик) изначально благодаря гостеприимству Алеши Граббе...

А какие у нас были разговоры — и вокруг Таганки, и вокруг спектаклей в других театрах, и вокруг литературы... Ведь его родители — Николай Карлович Граббе и Маргарита Николаевна Докторова, известные артисты: отец удивительный мастер эпизодических ролей, помнивших мне по многим фильмам своей выразительной игрой, например, в роли Сотника в фильме «Андрей Рублев», или правительственного чиновника, принявшего решение в пользу героя в фильме «Мимино», а мама в своих ролях в театре на Таганке, где она работала до последних дней... И к ним, я убежден в этом, относятся

суждения гениального театрального режиссера Анатолия Васильевича Эфроса, которые с удовольствием повторю, ибо это было сказано о людях, чье свободное творческое дыхание дарило минуты счастья многим: «Актеры — это замечательные люди. Нет лучше людей, чем актеры. Это люди живые, умные, эмоциональные. С другими людьми я не могу дружить, мне не о чем с ними разговаривать, мне скучно с ними, а с актерами мне интересно. Женщины всегда прелестны, мужчины всегда живые, остроумные...»

...На мой взгляд, как-то преимущественно преобладали в наших разговорах социологические аспекты, возникающие по мере написания диссертации, какие-то не менее важные проблемы из творчества Юрия Трифонова, ибо мне повезло тогда с поручением Ольги Романовны помочь ей разобраться с архивом писателя, привести его в более-менее приемлемый вид. Разбирая архив Трифонова, я прочитал полный текст «Записок соседа» (Воспоминания о Твардовском), роман «Исчезновение» и другие его публикации, постепенно складывающиеся у меня в голове в какие-то еще недооформленные мысли, воплотившиеся позже в книги о его жизни и творчестве. Возвращаясь к постоянной теме в наших разговорах-беседах, то, пожалуй, все *крутилось* вокруг проблем различных характеров в «Доме на набережной», в их (характеров) воплощении в спектакле, наряду с отражениями в самой повести. Я искал аргументы, отразившиеся позже как в книге «Гуманизм в плену...», так и в своеобразной речи *адвоката* в защиту Вадима Глебова, что опубликовано в этой части данных записок.

Само собой, надо добавить нашего многолетнего собеседника друга Алексея — Юрия Беляева, также актера Таганки, с которым, правда, виделся гораздо реже, чем с Алешей. Как написал о первой встрече в Челябинске, когда мы гуляли по лесу в Кайгородово у Кауновых, уже тогда мы говорили и о творчестве Юрия Трифонова. Поводом было то, что в спектакле «Обмен» на Таганке Алексей Граббе играл вроде бы эпизодическую роль Деда Дмитриева. Но в моем восприятии эта роль была в его исполнении не эпизодическая, а во многом определяющая в понимании нравственной сути главного персонажа и спектакля и повести Трифонова. Речь идет о *ползучей* победе мещанской психологии семейства Лукьяновых над семейством Дмитриевых, ибо через призму двух семейств Трифонов показывает постепенно изменяющееся общество, живущее далеко не нравственными идеалами... И все это для меня, в моем восприятии ассоциировалось поначалу в тексте повести, а потом и в спектакле — в словах о характере Дмитриева, а потом и в жесте Деда, подчеркивая обреченность сказанного им: «Мы с Ксенией ожидали, что из

тебя получится что-то *другое*. Ничего страшного, разумеется, не произошло. Ты человек не скверный. *Но и не удивительный*». На такую фразу-оценку дед Дмитриева имел моральное право: юрист, окончивший Петербургский университет, в молодости занимался революционными делами, сидел в Петропавловской крепости, ссылался, бежал за границу, работал в Швейцарии, Бельгии, был знаком с Верой Засулич, работал на молодую советскую власть, много лет просидел в сталинских лагерях, вернулся в Москву в 1954 году...

В спектакле «Обмен» на Таганке актер Алексей Граббе, играющий роль Деда, при этих словах как-то обреченно махнул рукой... Роль эпизодическая, а вот человеческий жест Деда от имени *времени* запомнился: ведь налицо его внук Дмитриев — то, ради чего они боролись с царизмом. И вот — результат!? Все сказалось в кратком монологе и жесте, выражающем его огорчения...

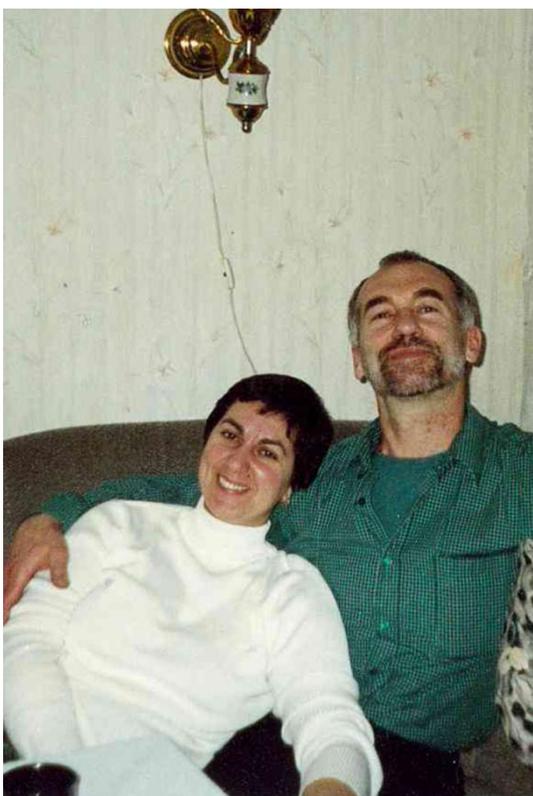
Но в том же «Обмене» Юра Беляев играл роль молодого инженера-геолога Феликса, мужа сестры Дмитриева. И если, на мой взгляд, эта роль была не столь значительной и выразительной, то уж роль Неизвестного в спектакле «Дом на набережной» была уж совсем другой по исполнению и значению. На премьере спектакля в 1980 году, где я был, эту роль исполнял Леонид Филатов, но через некоторое время эта роль перешла к Юрию Беляеву. Эта роль была придумана Трифоновым для спектакля, она весьма иносказательно и призрачно присутствует в повести под личиной писателя, именуемое «Я» — отсюда и название роли — Неизвестный. И не подозревая о различных театральных нюансах мы много говорили об этих ролях (Дед и Феликс в «Обмене», Неизвестный в «Доме на набережной»). Наверное и Алексею и Юре Беляеву было интересно говорить со мной и с Сашей Кауновым, вернее — о нашем понимании той или иной роли как людьми со стороны... Уже тогда чувствовалась соответствующая их подготовка в знании истории и литературы.

Вот это двуединство истории и литературы постоянно присутствовало в наших разговорах, преломленные через кинематограф, вернее — через роли Юрия Беляева, а еще точнее — через мне запомнившиеся роли. Но это не означает, что другие из имеющихся его около сотни ролей малозначимы и малоинтересны, просто в моей эмоциональной памяти до сих пор эти ниженазванные фильмы, и его, Юрия Беляева, роли. Это фильм «Порох», о сложнейшем положении в блокадном Ленинграде из-за отсутствия пороховых зарядов для артиллерии. В эти дни Николай Никонов (Ю. Беляев) при помощи товарищей специалистов по порохам занимаются их отбором, погрузкой и транспортировкой из воюющего Кронштадта в Ленинград под бомбардировками и обстрелами фашистской авиации и береговой

артиллерии... Художник Александр Крюков в фильме «Единожды солгав» был сыгран/показан актером на удивительном трифоновском прототипе повести «Дом на набережной» — Глеbove. Беляевский Крюков в моем понимании был слеплен во многом похожим на трифоновского Глебова... И если в «Порохе» и «Единожды солгав» не было соответствующего партнера у него, то в фильме «Слуга» таковым был потрясающий своим неизмеримым талантом Олег Борисов. И не даром в таком удивительном партнерстве Юрий Беляев стал лауреатом Государственной премии СССР...

Конечно, об этих ролях мог бы еще и еще говорить, как и о фильме «Последняя встреча» (1974), где роль товарища Павла Снегирева (Геннадий Сафулин, один из актеров-единомышленников А.В. Эфроса) сыграл Алексей Граббе. Помню, что сказал Леше в одной из наших первых встреч о своем восприятии его глаз, его взглядов как примиренческих, напоминающими в фильме ту самую «золотую середину», в перекрестном обмене взглядов, в противопоставлении суждений, с одной стороны, колхозного бригадира Клима Авилова (Владимира Меньшова), с другой стороны детдомовца, а ныне писателя молодежной прозы Павла Снегирева... Когда я видел этот фильм в 1975 году, тогда не был знаком с Алексеем, но он был удивлен моей памяти на его глаза, их сравнению с серединой суждений Клима и Павла, хотя времени прошло более десяти лет, и фильмов к тому времени мной было увидено немало. Как говорится, социальная непримиримость характеров Клима и Павла, выражалась в их глазах, и была примирима самой судьбой, в лице их совместной гибели, спасая колонну детей, случайно оказавшихся на пути неисправной автомашины, мчавшейся по наклонной дороге...

Да-да-да, именно глаза артиста Юрия Беляева в роли бывшего десантника Павла Ключева, ставшего личным водителем чиновника-начальника областного масштаба Андрея Гудионова (Олег Борисов) в «Слуге», как бы продолжились в моем *восприятии глаз* Крюкова в «Единожды солгав». Я говорю о необъяснимым по своему потрясению в невидимых мной никогда глаз Вадима Глебова в «Доме на набережной» (говорю не о никудашном четырехсерийном телефильме, а о самом тексте повести). Хотел бы надеяться, что ранее излагаемая «адвокатская» речь по своему образному изложению как-то дополнит этот аргумент о *глазах*. Вся гамма чувств в этом *никаком* «пельмене» власти, слуге самой сущности власти, как таковой, передана глазами прекрасного актера, моего товарища Юрия Викторовича Беляева...

Эта та самая Людмила Граббе

...Возвращаясь к нашим разговорам—беседам с Алешей Граббе не только во время нашего временного совместного проживания, но и тогда когда он переехал вместе с семьей в отдельную квартиру. Тогда во многом нашей собеседницей оказывалась его жена Людмила и ее мама Валентина Иосифовна. В подобного рода разговорах мы неминуемо говорили о решениях XX съезда, виденных нами фильмов и спектаклей, включая телефильм «Дети XX съезда», о поэзии Евтушенко, Вознесенского, Окуджавы, песен Галича, проблем «шестидесятников», и, конечно же, творчества Владимира Высоцкого.

Само собой, что касалось творчества других каждый из нас находился в равном положении: мы оба были независимы от тех или иных примеров. Что же касается их товарища по театральным делам — я о Владимире Высоцком — наше положение изначально были неравнозначны, ибо я говорил об эмоциях, впечатлениях человека со стороны, а Леша был же его партнер по сцене, и видел различные аспекты происходящего изнутри, причем, касающиеся его как члена коллектива.

Вот этого последнего обстоятельства миллионы других были лишены, а иначе и быть не могло, и могли рассуждать о таланте Владимира Высоцкого — актера в театре и кино, исполнителя своих песен на сцене и в том же театре, и на киноэкранах... И мнения были у нас не однопорядковые, то мы сходились, то расходились в суждениях, но постепенно приближаясь, конечно, своими словами к сформулированному выводу философа Ю.Ф. Карякина об индивидуальном сочетании *пропорций* в *гениальном темпераменте* Высоцкого...

Заканчивая эту часть записок о дружбе с Алексеем Граббе, длящейся хотя и с продолжительными перерывами до сегодняшнего дня, вновь скажу о своих удивительных и по сей день воспоминательных ощущений доброты и доверия, идущих от этого человека, помогающего мне продолжать вдыхать удивительный запах той неброской свободы, так нужной нам... И я так

порадовался с рассуждениями–выводом дочери после посещения спектаклей Московского театра драмы и комедии на Таганке, о чем она мне сказала с уверенностью: мол, дядя Леша Граббе, точно дитя этого твоего Двадцатого съезда, как тот дядька, который мигал фонариком, сидя рядом со мной, и как–то дергался, и странно, как мне показалось обижено улыбался, как большой ребенок... Не буду дополнять это мнение рассуждениями о *дядьке с фонариком* — Юрии Петровиче Любимове, изменившимся с времен гремевшей театральной славы, которая была порождена коллективным трудом, оставшимся с тех пор в памяти людей по своему воспринимавшими радость и огорчения, успехи и неудачи этого прекрасного театра, подарившего людям минуты небывалого ощущения, сродни метафоре Юрия Трифонова в рассказе «Победитель»...

Это будет соответствовать финалу моих записок о неокончании времени свободного дыхания людей страны, как бы по–разному они не относились к такому дыханию, где свою маленькую роль сыграл коллектив театра на Таганке несмотря на всевозможные перипетии в жизни страны, преломляемые всеми *спектрами* в жизни актеров этого театра...

* * *

22. Финал «начала» вместе с Юрием Трифоновым * Виктор Поляничко + Юрий Александрович + Евгений Каткульский * Валентин Зорин * Виталий Чуркин * Евгений Евтушенко * Апофеоз — вспомните заглавие записок — в нескольких словах...

...Но у меня в памяти с тех самых *конца 60-х годов* рассказ Юрия Трифонова «Победитель», опубликованный в журнале «Знамя» (1968, № 7). Читатель, в каком возрасте ты бы не находился, я не ради красного словца написал об этом рассказе, и до сего дня бережущем мою память... Кто помнит этот рассказ — тот поймет, а кто его не читал, очень советую прочесть, и независимо от возраста, потому что этот рассказ и о тебе — читающем сегодня...

Этот короткий рассказ — бездонный в его понимании, повторяю, независимо от возраста читающего. Ибо каждый раз, читая прозу Трифонова, перед тобой возникает странное, неуловимое океаническое «зеркало» нравственности, в котором очевидно — нелюбезное обнажение сокровенного, в чем, в общем-то, страшишься признаться самому себе... Его «зеркало» отражает авторское видение, мышление, но оно предназначено для других — для меня, читателя — почему или поэтому оно (я о «зеркале») неизмеримо безразмерное насколько хватит (сейчас), или будет хватать (в дальнейшем) твоего, читателя, и видения, и мышления, пытаюсь догнать (соревноваться) авторское... И ты, глядя в это «зеркало», оставался *победителем* как трифоновский старик из рассказа «Победитель»?

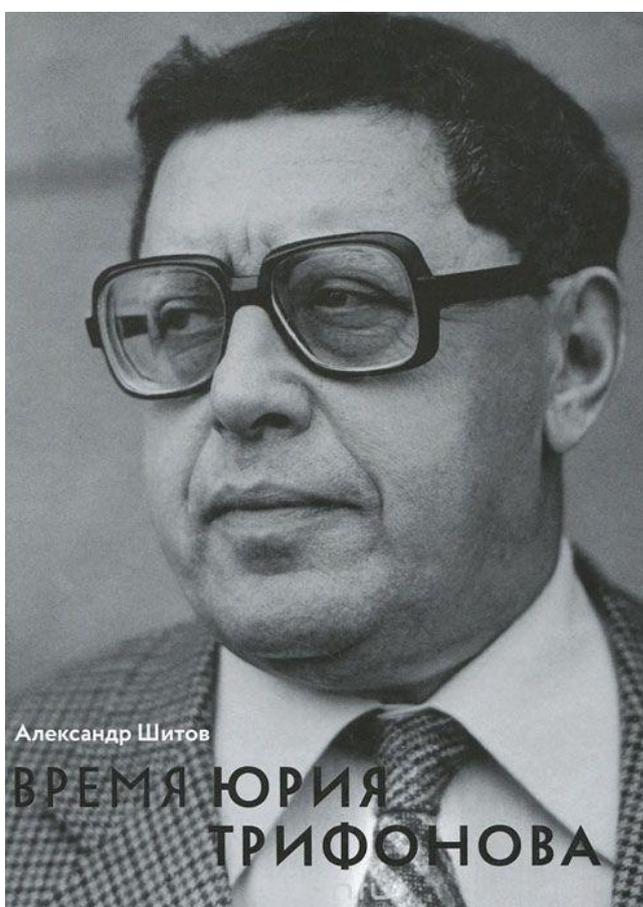
В нем Трифонов написал удивительные строки о стариках, о старости... Думаю, каждый взрослый читатель при их прочтении почувствует себя «победителем» в жизни. И продолжая трифоновскую метафору о Чехове, что «все дяди Вани мира ответили трепетом и слезами, когда он написал об одном из них», можно сказать, что и старики, прочитав у Трифонова эти строки о себе, о своей старости, поняли, что жизнь еще не закончилась, что они могут еще рассказать другим о прожитых годах... Ведь они *победители* в жизни этими годами перед своим собеседником... Можно говорить с ними о совершенных ошибках, о несовершенстве жизни, о морали и нравственности, о несбыточном, но вот *запах, запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы* — это надо почувствовать...

Поначалу сюжет в рассказе разворачивается буднично. Будучи во Франции на зимних Олимпийских играх, Ю. Трифонов узнал, что в Кулозе,

недалеко от Гренобля, живет старец, участвовавший в Олимпийских играх 1900 года. Занял последнее место в беге на четыреста метров, но дело не в месте, а в том, что участвовал и жив. Дальше сюжет развивается по никому не известным *нитям* художественного воплощения того, что ты сам почувствовал... «О чем говорить с ним? Он ничего не помнит. Годы труда, годы житейских невзгод и удач, войны, смерти, болезни, революции, праздники перепутались в его мозгу, уже где-то цепенеющим и откликающемся на что-то одно, свое, случайное, как полумертвый радиоприемник, в котором все лампы вышли из строя, кроме одной. Но я не могу уловить, на что же откликается этот мозг, что теплится в нем, чем он живет... Он бубнит одну фразу несколько раз, пока, наконец, Базиль не обращает на него внимание: “Он говорит, что он победитель Олимпийских игр”. — “В каком виде? — спрашивает Борька”. — “Во всех, — говорит Базиль, выслушав ответ старика. — Когда-то он занял последнее место в беге на четыреста метров, но теперь он победитель. Все умерли, а он жив”. Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике. Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, — все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля — окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета. Никто из тех, кто когда-то побеждал его, не может увидеть этой дрожащей серебряной капли, ибо все они ушли, сами превратившись в звезды, в сырые деревья, в февраль, в вечер... И я думаю о том, что можно быть безумнейшим стариком, забывшим умереть, никому не нужным, но вдруг — пронзительно, до дрожи — почуять этот запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы...»

Это я к чему — о прошлом? Конечно, в нашей памяти ВСЁ перемешано, как у всех людей: и хорошее, и, мягко скажем, неуспешное, неудачное, нерадостное. Всего хватало в нашей, может быть, не совсем праведной жизни. А кто может сказать о *праведной* жизни кого-то? Убежден — НИКТО и НИ О КОМ! Правда, иные смельчаки твердо отвечали — Иисус! Но и не менее правдиво-искренне говорили, что он «на небесах», что его «отсутствие» в общепринятом смысле, исключает какие-либо человечески-слышимые ответы на уточняющие вопросы. Впрочем, оставим Иисусу Богово, как и должно...

Очевидно, нынешний общий уровень (этап) развития человечества и традиционная парадигма исторической динамики России обуславливают доселе практически незаметный процесс формирования гражданского общества в стране. Но не значит, что этот процесс ныне стал замечаем. Просто формирование гражданского общества становится ныне востребуемо по различным причинам, и в частности, в нашей стране. Также очевидно, что отечественная литература, наряду с наукой и религией, объективно давно уже стала социальным институтом цивилизованного влияния, что позволяет говорить о наличии в России сложной системы социокультурных взаимоотношений. В этой системе каждый из этих институтов имеет свое *лицо*, свой уровень внутренней свободы, что сказывается на уровне свободы как самого общества, так и его граждан.

Шитов А. «Время Юрия Трифонова. Человек в истории и история в человеке» (Москва : Изд-во «Новый хронограф», 2011. — 960 с.)

С Юрием Трифоновым меня роднило стремление захлеб читать и перечитывать его рассказы, повести, романы. Взрослея, понимал, **что** он хотел сказать мне, ибо его персонажи со своими характерами были мной узнаваемы по окружавшим меня людям, по моим с ними отношениям, и я в какие-то периоды жизни был таким же, как они (персонажи), их рассуждения, объясняющие какие-то поступки, во многом были похожи на мои... У нас с ним, не побоюсь такого сравнения, близкое к одинаковости *видение* жизни, одинаковости *чувствования*. Его произведения написаны как бы *симпатическими* чернилами, способствующие «проявлению» уже в моей душе тех или иных эмоциональных, психологических ощущений. Ведь каждый человек втайне от других знает в себе т-а-акие несовершенства!..

Так, на обсуждении спектакля «Дом на набережной» театра на Таганке в городском управлении культуры известный в мире театровед и шекспировед

Александр Аникст махнул рукой на чиновников комиссии, «принимающих» спектакль: что, мол, вы знаете об этой истории! Потом, повернувшись к Трифонову: да, мол, детский лепет — то, что у вас в повести! Я помню и этот дом, и этих ребят, и я сам учился у вашего Ганчука. Я глядел на эти окна в спектакле и видел настоящие окна и мемориальные доски на самом деле. И что если отметить по-честному всех и каждого, кто отсюда был выброшен в лагерное пекло, кто здесь жил и погиб в сталинское время, — все окна закроют эти доски с именами, дома не видно будет — одни только доски!.. Вы хотите, что? — память отнять у нас у всех? Что? Значит, отнять память: отнять нашу прожитую жизнь! — И начал кричать: — Я, я Глебов! Я ходил в этот дом, будь он проклят. Я себя так вел, я, я!..

Не каждый осмелится так публично высказаться. Да этого и не надо. Главное, чтобы читатель (и зритель) сам про себя сделал выводы и постарался исправить неприятное в себе. Сам, *втихаря* от других...

А что же осталось после кончины писателя?

Остались, уверен в этом, — удивительные произведения, где его неторопливое перо рассказало нам о нас, о том, какие мы, откуда мы пришли в эту жизнь, что с нами происходило... Рассказал так, что многие почувствовали, что это — об их жизни, чувствах, характерах... В статьях, и в интервью Юрий Трифонов неоднократно говорил: он не пишет о «дурных людях», что постоянно стараются определить в его произведениях критики; он пытается в силу своих возможностей и понимания писать / показать «дурные качества» человека, а это далеко не одно и то же. Как своеобразный врач общества, он знает, что *нет абсолютно здоровых людей*, и как писатель — что *нет абсолютно хороших*; в человеке все «перемешано».

В. Смехов вспоминает, как на обсуждении спектакля «Дом на набережной» в Министерстве культуры СССР, вдруг раздался чей-то нервный выкрик: как, мол, страшно после этого спектакля жить! Зачем так сгущает автор черные краски! Неужели нельзя показать хоть одного героя — сплошные трусы! И вдруг Трифонов громко крикнул: «Назовите мне хоть одного героя этого времени! Хоть одно имя!» Дальше была пауза. Но вряд ли кто забудет эту реплику Трифонова. Резкую, парирующую. Горчайшую и прямодушную. Выстраданную и парадоксальную...

Так и автор этих субъективных записок, оборачиваясь к прошлым годам, отталкиваясь от сути самого понятия «шестидесятники» С. Рассадина, и вспоминая не только примеры из прошлого в богатейшей литературе, а всматриваясь в дискуссионно-поколенческие фильмы (о чем писал ранее), в поисках ответа на вопрос писателя, думаю, что мог привести для примера: «Павел Корчагин», «Летят журавли», «Коммунист», «Коллеги», «Девять дней

одного года», «Доживем до понедельника», «Твой современник» и немало других... Но вот как-то с современностью, что в кинематографе, что в литературе, соразмерно вопросу писателя, у меня какой-то ступор. Может быть, более компетентные читатели записок могут меня как-то поправить, дополнить?

...Надеюсь, читатель догадался или как-нибудь иначе разделил с автором данных записок удовольствие воспоминаний о разных, разных, разных людях. Автор писал и о «дороге», которую ему помогли выбрать, чтобы он не сбивался на возможную другую, более легкую дорогу, которая могла бы... Но с автором случилось так, как случилось, что он и написал в своих записках...

Повторю с удовольствием то, о чем сказал ранее — о точном и всеохватном выражении мысли героини фильма Абуладзе «Покаяние»: *«Если дорога не ведет к храму, то зачем она нужна?»* Сказала, как о само собой разумеющемся предназначении любой «дороги» познания мира и себя, идя по которой **каждый человек** должен чувствовать себя свободным от различных насаждаемых идеологических постулатов, практически всегда нацеленных на суетное, мелкое, временное, что характерно для сути этих постулатов...

Вот мне и повезло так в жизни на встречи с людьми. Но я умышленно не касался *тех* кто, в свою очередь, помогли моим встречным по жизни становиться теми, кем они стали, но уже в нашей жизни... Для таких адресных воспоминаний есть и находятся другие, знающие о них больше, и чувствующие с ними больше.

Коль скоро я писал о той роли, которую в моей жизни сыграл комсомол — Челябинский комсомол, то, конечно не могу не сказать, хотя бы нескольких слов о Викторе Петровиче Поляничко, избранным в декабре **1965 года** первым секретарем обкома комсомола. С ним я лишь случайно встречался, а точнее — дороги пересекались в коридорах обкомовского здания, с традиционным «рукопожатием» (ладонь у него большая, крепкая, мужская), на Всесоюзных ударных комсомольских стройках, о которых с участием комсомола «Челябметаллургстроя» и ЧМЗ писал для «Вечернего Челябинска».

Но остановлюсь, чтобы не сбиваться на опосредованный пересказ о нем (более подробная разнообразная информация в Интернете и через воспоминания многих и многих людей) через моих друзей — Юрия Александровича и Евгения Катульского, к движению которых в комсомоле приложил руку и Виктор Петрович. Мне повезло не просто на присутствии такого движения, но я видел и варился изначально в атмосфере, так сказать

онаучивания в комсомоле, благодаря привлечению В.П. Поляничко Вячеслава Ивановича Липского и других ученых. Трудно передать мои ощущения в этом процессе внедрения начала форм и методов научного подхода в рутинной, на первый взгляд, ежедневной комсомольской работе со своими «плюсами» и «минусами» как в самой работе, так и в работе исполнителей. В свою очередь, и я через них, своих друзей, ощущал уровень работы, точнее было бы сказать — о многогранной работе талантливого организатора В.П. Поляничко. И я опосредованно понимал, откуда такая организаторская, по-своему многогранная деятельность и Александровича, и Катульского, и Липского. И если Вячеслав Липский к тому времени был уже кандидатом философских наук, то позже и Юрий Александрович стал кандидатом философских наук, а Евгений Катульский — доктором экономических наук...

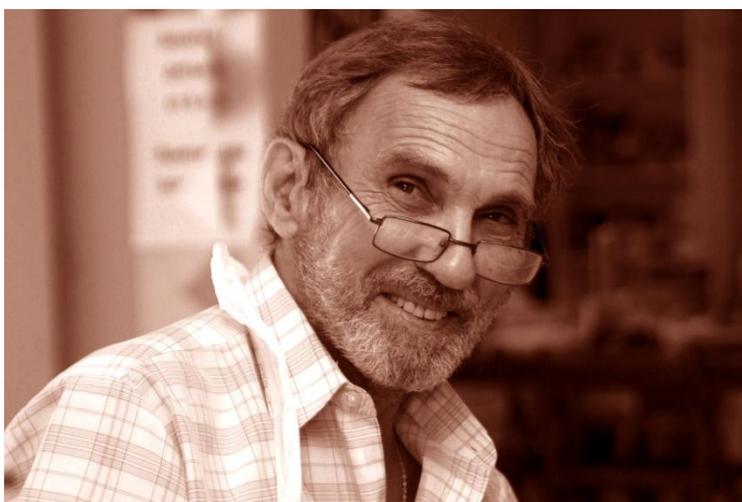
Приведу один пример (сразу скажу — слуховой): в 1972 году пронесся «комсомольский» слух, мол, вместо уходящего на другую работу нашего земляка Е.М. Тяжелникова, на пост первого секретаря ЦК комсомола планируется Виктор Поляничко. И на мой вопрос нашему обкомовскому водителю, который и поделился со мной таковым вопросительным слухом, мол, тебя-то это известие почему волнует, услышал ответ, метафоричность которого точно передает восприятие личности Виктора Петровича: «Это ж какая энергия у Петровича! Сколько работы для нас будет — тогда же весь комсомол страны *стоя* спать будет!»...

Замолкаю на этом, ибо, думаю, лишь очень малая часть мной рассказанного об Александровиче, Катульском, Липском передает читателю должное восприятие их личностного понимания сделанного... Сделанного, думаю, на одном из лучших участков своего жизненного пути... Сделанного, о чем с ними неоднократно говорили, под воздействием изменений атмосферы в стране после XX съезда...

Рассказывая о прожитых годах, о своей работе в обкоме комсомола, о своих товарищах: Юрии Александровиче, Евгении Катульском, Вячеславе Липском, Юрии Трахтенберге, Александре Каунове, Михаиле Филимонове, Эдуарде Кохе и других друзьях, что видно из прочитанного текста, вновь вспоминаю удивительные по своей простоте поэтические строчки Ахмадулиной в стихотворении «Мои товарищи», которые постоянно в моей памяти: «...Да будем мы к своим друзьям пристрастны! // Да будем думать, что они прекрасны! // Терять их страшно, бог не приведи!»

Да, повторяюсь, в наших отношениях «были мы пристрастны» друг к другу, и отношения между нами были «прекрасны», и «потери» у нас были... как уже было сказано: «бог не приведи!»

Вот оглянулся назад на жизнерадостные глаза Каунова и Катульского с Липским: господа, друзья мои, ведь нашей дружбе уже полвека!!! Что касается Эдика Коха, то сам факт нашего рождения в **1946 году** с разницей в несколько месяцев (я — в апреле, а он — в июле) говорит сам за себя. Не далее как **3 апреля 2017 года** (мне исполнился 71 год) говорил по телефону со всеми. Ведь МЫ — живы, жаль, что не могу сказать «и здоровы», у каждого из нас свои «болячки», о которых не хочется говорить.

Это улыбающийся Эдик Кох — ему только-только исполнилось 70 лет

Главное — МЫ слышим друг друга, можем порадоваться друг за друга, и даже, если здоровье позволит, и рюмку поднять за нашу радость жизни. У меня постепенно и тост созрел в это время, независимо по какому поводу и собрались: «Выпьем за наше здоровье! А виновник (виновница) торжества пока подождет и насладится невиданным зрелищем — приглашенные

пытаются выпить за их здоровье!? Но, друзья мои, за нас — значит доставлять удовольствие виновнику (виновнице), что он (она) находится в окружении его (ее) друзей, которые радуются вместе с ним (ею) за то, что он (она)... (и дальше секунд тридцать по поводу)».

И пока эти представляемые в тосте *секунд тридцать* проходят, завершая свои субъективные записки, полагаю, что самое время еще раз вернуться к Людмиле (Миле) Шитовой, прожившей с шестьдесят восьмого года со мной, когда мы поженились, и знавшей всех описываемых в записках моих друзей — Александровича, Трахтенберга, Липского, Михайлова, Катульского, Каунова, Евтушенко, Коха, Свободина, Крючкова, Вайнштейна (Женю), Сумина, братьев Морозовых, Малеванную, Инну и Владимира Харитоновых, а позже и Михаила Филимонова с женой Галей Степановой.

Причем не просто зная их, перечисленных, но и вместе со мной пережившая все перипетии в нашей жизни.

Окончил перечисление знакомых Миле, поклонился ей за сохранившуюся память, и перед глазами нашей дочери Веры, внучки нашей Анечки, еще раз оглянулся, посмотреть на них, своих друзей, ибо с каждым из них, надеюсь, оставалось что-то *«от меня»*... Оставаясь с чем-то памятным и *от них* — я еще надеюсь продолжить рассказывать другим о наших несвершениях в непростой жизни, где по разным причинам не все получалось из того, что хотелось... И опять, неминуемо в памяти рассказ Юрия Трифонова «Победитель», где *запах, запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы* — это же надо почувствовать, находясь на земле... и видеть глаза твоих близких и родных людей...

ВСЁ это соответствует *приятно* проживаемой нами жизни, что какие-то ее «составляющие» уже никак не исправить, не изменить, не...

Так как это субъективные записки современника, то я вправе попытаться ответить и на употребление союза «или», и на вопросительный знак в конце заглавия. На первую часть вопроса о союзе «или», во-первых, каждый прочитавший данные записки (текст) может правомерно считать, что данная эпоха уже закончилась, или может считать, что она как-то продолжается. Во-вторых, предполагающий «кончину» эпохи, подтверждает правильность наличия вопросительного знака, а другой своим предположением о «заканчивании» эпохи, надеется сам, и дает основание надеяться другим, что изначально мною (вместе с Е. Евтушенко) сформулированное понимание «десанта во времени» на перспективу развития во времени. Ведь понимание «окончания» эпохи влечет за собой окончание какого-то периода в твоих воспоминаниях, и лишения себя какой-то неосознанной перспективы. И как это совпадает, на мой взгляд, с сутью эпитафии Юрия Трифонова (повторю текст из романа «Время и место», последнего прижизненного романа писателя): «Надо ли вспоминать? Бог ты мой, это так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить — это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет».

Так вот, надо вспоминать, как-то анализировать сущность термина «шестидесятники»?

И если предполагать кончину этого термина, значит обречь на кончину воспоминаний о нечто таком своеобразно свершенном, что позволяло и другим развиваться дальше, дальше, дальше... Надеюсь, Юрий Валентинович Трифонов извинил бы меня за творчески-вольное обращение с его изумительными строками:

надо ли вспоминать сущность термина «шестидесятники», ибо вспоминать об этом и жить с памятью воспоминаний о прожитой части жизни, о чем-то свершенном и несвершенном и т.д., ведь вспоминать и жить — это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет...

Эту челябинскую фотографию привез Евгению Александровичу (я виден за его спиной), и он тут же ее сделал «стартовой» при входе на фотовыставку своих работ в Москве (апрель 1981 г.). Он на ней написал: «Дорогому Саше Шитову от всей души. Евг. Евтушенко». Эта фотография и на обложке нашего с Ю. Нехорошевым указателя: «Евгений Евтушенко»

* * *

Когда дописывал эти записки смотрел по телеканалу «История» передачу–беседу с популярным еще с советских времен тележурналистом *Валентином Зориным*. Он брал интервью у многих лидеров стран мира и ведущих международных политических деятелей, например: Джон Кеннеди, Шарль де Голль, Индира Ганди, Маргарэт Тэтчер, Гельмут Коль, Дуайт Эйзенхауэр, Ричард Никсон, Джеральд Форд, Линдон Джонсон, Джимми Картер, Рональд Рейган, Джордж Буш, Билл Клинтон, Перес де Куэльяр, Генри Киссинджер, Никита Хрущёв, Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Михаил Горбачёв и другие. Рассказывал о перипетиях на телевидении с многими его передачами, например, с «Девятой студией», делился о неизвестных доселе фактах из некоторых интервью с президентами США, но главное для меня было не приводимые факты, и даже не рассказы–сравнения сталинского и послесталинского времени. Он сумел каким–то тоном так сказать о том, о чем и мои записки, что я по окончании фильма бросился к компьютеру, чтобы не забыть записать его мысль: «Я отношу себя к “шестидесятникам”, сумевшим создать какую–то иную атмосферу в стране после Двадцатого съезда партии, каждый своим талантом по–своему».

...23.00 **20 февраля 2017** года: только собирался закрыть свой ПК, как услышал поздний звонок по телефону — звонил Миша Филимонов и сказал, что ему только что звонила из Нью–Йорка сестра о кончине накануне своего завтрашнего 65–летия Виталия Ивановича Чуркина. Это был близкий для него человек — муж его, Филимонова, родной сестры.

...И я, благодаря Михаилу Евгеньевичу, тоже узнавал Виталия Ивановича, который помогал фантастической поддержкой нашей поездки в Канаду, где он был в то время российским послом. Поездка была обусловлена большой работой, которую мы проводили в рамках проекта по глобальной проблеме — куда нас занесло! — уничтожение противопехотных мин, но, правда, со своим, не побоюсь этого, российским дополнением: НЕ уничтожение, а демилитаризация противопехотных мин. Очевидно, если бы

цель проекта была — уничтожение, то это возможно сделать посредством взрыва этих мин, а это небезопасно, затратно, с колоссальными нарушениями экологии. Напротив, наша идея — идея демилитаризации говорила сама за себя, ибо проект был безопасен, только целевые незначительные затраты на оборудование и отсутствие каких-либо поддающих фиксированию нарушений экологии.

Появление Оттавской 1997 года Конвенции, запрещающей противопехотные мины, было вызвано недостаточностью всех ранее предложенных инструментов для решения ставшей глобальной минной проблемы. Например, под уничтожением мы понимаем и сжигание мин на открытом воздухе, и взрыв накладными зарядами. При всей организованной безопасности этого процесса невозможно соблюсти одно условие — исключить непредсказуемые экологические последствия взрывов. Речь идет об экологических катастрофах регионального значения. А если представить, что взрывами уничтожаются миллионы мин, то последствия таких катастроф увеличивается во много раз. Ведь мы живем в единой экологической системе, где, например, воздух и вода являются всеобщим природным достоянием, а не собственностью какой-то страны или группы стран. Экологические катастрофы могут принести беды всему человечеству. А надежды «отсидеться

за океаном» могут утешать лишь ничего не понимающих в мироздании людей.

На фото слева направо: Михаил Филимонов; Ирина Чуркина; Виктор Чуркин; Александр Шитов; Александр Мальцев.

Были у нас встречи в Оттаве в МИД Канады, где был создан специальный отдел по этой проблеме, встречи в Канадском агентстве международного развития (Канадско–Российское техническое сотрудничество), фирмах аналогичного — антиминного — профиля в Оттаве, Торонто, Монреале. Беседовали мы и в нашем посольстве, рассказывали его (посольства) работникам о нюансах этой непростой проблемы, которой мы занимаемся по инициативе российских военных учреждений. И реакция посла была видна, ибо мы помогали в разъяснении, как канадским, так и другим западным дипломатам этих непростых задач по демилитаризации противопехотных мин на обыденном уровне понимания проблемы. Виталий Иванович искренне радовался за нашу группу из Челябинска, которая инициировала своеобразное «шевеление» западных дипломатов в рамках Оттавской Конвенции.

Когда мы были у него дома в Оттаве, то говорили на многие, интересующие нас темы, я подарил ему книгу «Хроника Юрия Трифонова. 1925–1981», изданную в Екатеринбурге, а он читал к тому времени практически все произведения писателя, и мы не один раз, так или иначе касались в разговорах примерами из прозы Трифонова.

(Так мы и запечатлены на сохранившемся у меня и всех участников этой «сессии» — фото у Виталия Ивановича дома в Оттаве: М. Филимонов, И. Чуркина, В.И. Чуркин, А. Шитов, наш друг и товарищ — А. Мальцев, во многом инициатор идеи демилитаризации мин.)

И тогда, и позже не мог понять: и когда он успевал читать, наряду с колоссальной нагрузкой дипломата, другие произведения прозы и поэзии, которые, в моем представлении, относятся к творчеству известных мне «шестидесятников», что видно по изданиям 60 — 70-х годов, перевезенных по всей видимости, еще из Москвы и не отражающих по их набору на полках привычного для меня книжного дефицита. Я говорю о книгах, которые видел в его доме, ибо узнавал их по знакомым корешкам обложек, что и позволяло мне поддерживать достойный уровень беседы с российским послом, дипломатом новой волны, как окрестили его зарубежные коллеги, знающим и понимающим то, о чем мы говорим, рассуждая о том, или ином авторе. Хотя я не знал тогда о кандидатской степени историка у хозяина дома, но сильное

для меня ориентирование в затрагиваемых темах позволяло поддерживать приемлемый разговор на обыденном уровне моей подготовки. Ну, тут уж меня надо было удерживать и оттаскивать от хозяина приема...

И уж совсем неожиданно для меня в разговоре было его признание сродни услышанному в фильме о Валентине Зорине, где он (Зорин) говорил и об интервью с президентами и политическими деятелями в телекамеру — о своем отношении во времени к «шестидесятникам», сумевшим создать иную атмосферу в стране после Двадцатого съезда партии, причем каждый своим талантом по-своему.

А иначе, как помнится, рассуждал Виталий Иванович, было бы весьма и весьма затруднительно развиваться нам в другой атмосфере общества и государства, ибо и то и другое сопровождается объективными противоречиями, что, конечно же, необходимо учитывать... «Это я говорю, — улыбается он мне, — как кандидат исторических наук, беседа о прошлом с интересом...»

И вот Виталий Иванович Чуркин скорпостижно скончался, накануне (не дожив одного дня) своего 65-летия... И уже 21 февраля 2017 года — Интернет был заполнен словами соболезнования семье и близким, словами восхищения дипломатом и признания пишущих ему за четкую ясную и принципиальную позицию России в тех или иных непростых вопросах современности на уровне Организации Объединенных Наций... Например, постоянный представитель Великобритании при ООН Мэттью Райкрофт считает скончавшегося постпреда РФ при ООН Виталия Чуркина «гигантом дипломатии». «Совершенно опустошен, услышав, что мой друг и коллега Виталий Чуркин умер. Дипломатический гигант и (человек) с прекрасным характером. Покойся с миром!», — написал Райкрофт в Twitter.

Представитель другой страны, бывший постпред США при ООН с 2013 года Саманта Пауэр, известная своей жесткой антироссийской позицией, как и многие другие члены администрации экс-президента Барака Обамы, назвала российского постпреда Виталия Чуркина *маэстро в сфере дипломатии*. «Я опустошена новостью о смерти российского посла при ООН Виталия Чуркина. Маэстро в сфере дипломатии и очень равнодушный человек, который сделал все возможное для преодоления разногласий между США и РФ», — написала Пауэр в Twitter... «Я была, вероятно, самым заметным противником представителя Чуркина».

В статье в «Нью-Йорк Таймс» под названием «Мой друг, российский посол» Саманта Пауэр написала, что Чуркин был «одним из самых

эффективных дипломатов в мире» и одной из лучших надежд на совместную работу Москвы и Вашингтона. «Виталий был мастерским рассказчиком с эпическим чувством юмора, хорошим другом и одной из лучших надежд на то, что США и Россия будут работать вместе. Его смерть разбила мне сердце, — пишет Пауэр. — Он часто рассказывал мне истории из того времени, когда он был переводчиком на переговорах по контролю вооружений во время Холодной войны, делая вывод о том, что, будучи разделенными, мы можем вновь начать сотрудничать, выделяя отдельные области для достижения прогресса», — отмечает американский дипломат.

Она также отметила, что ее печалит тот факт, что слова о достоинствах и заслугах Чуркина интерпретируется как уступки «российской агрессии». По словам Пауэр, ее предшественница Сьюзан Райс посоветовала ей вложиться в установление хороших отношений с Чуркиным. «Он сведет тебя с ума, но вы будете нужны друг другу», — приводит Пауэр слова Райс. Пауэр также отметила, что нуждалась в поддержке Чуркина для достижения принятия различных решений в Совете Безопасности ООН, к примеру, для отправки миротворцев в зоны конфликтов или введения санкций в отношении частных лиц или стран. «Неважно, как сильно испортились отношения между нашими странами, а мы видели резкий спад за время, проведенное вместе, у нас было много общего. Мы оба любили спорт, и единственный раз, когда я не смогла дозвониться до него, это когда Россия сражалась за олимпийскую медаль», — вспоминает Пауэр. Она добавила, что хотя они с Чуркиным могли быть решительно не согласны в фундаментальных вопросах, они находили путь услышать друг друга. «Как только мы приходили к соглашению над каким-то планом, другие страны стремились уступить, аргументируя это тем, что если мы смогли найти точки соприкосновения, то и они смогут», — отметила Пауэр.

По ее словам, «наша безопасность зависит от нашей способности перешагнуть через идеологические противоречия, чтобы понять друг друга, а также чтобы попытаться совместно разрешить проблемы». Кроме того, Пауэр подчеркнула, что Чуркин был единственным коллегой из ООН, которого она пригласила в дом своих родителей на ужин по случаю Дня Благодарения. Они дружили семьями, и такое приглашение всегда считалось в Америке признаком искреннего уважения к приглашенному, а уж в среде дипломатов тем более...

И автор данных записок тоже не преминул примкнуть со своим мнением к таким высказываниям, в частности, к соболезнованию Президента США Дональда Трампа в связи с кончиной постоянного представителя России при

ООН Виталия Чуркина. «Президент Дональд Трамп со скорбью узнал о неожиданной кончине постоянного представителя России при ООН Виталия Чуркина», — говорится в заявлении Белого дома. Президент отметил, что «опытный дипломат Чуркин работал вместе с американскими коллегами в Нью-Йорке более десяти лет».

«Несмотря на то, что США иногда не соглашались с российскими партнёрами, Чуркин сыграл важнейшую роль в сотрудничестве с США по ряду ключевых вопросов международной безопасности», — говорится в документе. Также сообщается, что Трамп выразил соболезнования российскому народу и правительству.

И в подборке респондент — chei2005 Шитов поделился записью:

«Полностью согласен с оценкой президента США кончины В.И. Чуркина. Достоин и с тактом сильного человека в адрес не менее сильного (мы же не силами штангистов меряемся), но все-таки идейного врага (не Трампа, а страны в целом). Ну, любим МЫ (и они, и мы) «силами» идейными меряться...» (<http://mirtesen.ru/people/999468873/blog/46811325009>)

После публикации моего личного мнения о словах соболезнования американского президента началась обструкция меня самого: мол, я — российский гражданин восхваляю убийцу российского посла и т.д. и т.п. Сначала эти люди предположили, и даже высказали уверенность в своем понимании ситуации, а потом обрушились на меня с диким и неприязненным обвинением, что я защищаю убийц российских граждан по всему свету... Ну, разве я мог ожидать такую реакцию на мои несколько строк, разделяющие вместе с Дональдом Трампом скорбь по скончавшемуся российскому дипломату... Нет, правы были древние, изрекшие мудрость, оставшуюся в анналах памяти: «*de mortuis aut bene, aut nihil*» — о мёртвых (следует) говорить хорошее или ничего (не говорить).

И я подумал, что если Валентин Зорин, этот известнейший историк-американист, политолог, телеведущий, политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио, доктор исторических наук, работал в Институте США и Канады, человек, повидавший многое и в других странах, знавший многих, в том числе сильных мира сего, накануне своего **90-летия** по-прежнему считает себя «шестидесятником», то это и есть ответ Валентина Сергеевича Зорина на вопросительную форму заглавия данных записок...

Надеюсь, и на дополнение к Зорину в лице талантливого дипломата Виталия Ивановича Чуркина, скоропостижно скончавшегося 20 февраля 2017 года — не дожившего один день до **65-летия** — не омрачит моего уверенного

предположения, что его мысли и чувства — это тоже и есть его ответ на вопросительную форму заглавия данных записок...

Думал уже *1 апреля 2017 года* поставить точку в моих записках, как мне поздним вечером позвонил из Москвы наш общий товарищ Саша Каунов и сообщил прискорбное известие — о кончине в США Евгения Александровича Евтушенко. Ему должно было исполниться в июле *85 лет*.

Читатель, прочитавший данные записки поймет, почему я написал об Александре Каунове — наш общий друг, в связи с Евгением Евтушенко, ибо по его, Каунова, предложению возникла и реализовалась идея с приглашением поэта в Челябинск в 1976 году, со встречи с которым и началась наша, надеюсь, дружба, оборвавшая кончиной великого русского поэта...

В связи с предстоящим юбилеем, — 85-летие! — поэт планировал провести гастрольный тур по городам России, Белоруссии и Казахстана. Местом основных мероприятий должны были стать главные сценические площадки Москвы — Концертный зал имени П.И. Чайковского, Большой зал Московской консерватории и Государственный Кремлевский дворец.

Человек-легенда, человек-эпоха, человек-артист, человек-феерия, человек-оркестр, человек-кинатограф, человек-фото и так далее до бесконечности его фееричной напряженной жизни.

Евгений Евтушенко всегда представлял собой какой-то шквал энергии. Например, в 2015 году он, как когда-то в 60-е годы, собрал стадион Лужники, проведя четырехчасовой поэтический спектакль «Поэт в России — больше, чем поэт». В 2016 на книжном фестивале «Красная площадь» на его выступлении был аншлаг, в течение пяти часов он подписывал книги своим почитателям, не формально, успевая поговорить практически с каждым из них.

Он прилетел из Америки специально на открытии Дома поэзии, где поставили памятник поэтам-шестидесятникам. На этом памятнике его книга стоит рядом с книгами Роберта Рождественского, Булата Окуджавы, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной...

Но продолжение этой неумной жизни великого поэта не состоялось...

* * *

Nota bene!

Это я к тому, о чем и пишу — о нашей проживаемой жизни, — плохо или хорошо нам в ней было, но это была наша миллионностраничная жизнь

(одна из них), разнообразная и всякая «в полоску», уж, что получилось... Полагаю, каждый может сказать о существовавшем у него желании прожить эту разнообразную свою жизнь, чтобы не *пробулькать ее лягушками на болоте*.

И опять о мыслях и суждениях Юрия Трифонова, его упоминании музы истории Клио (вспомните ее монологи в романе «Нетерпение») — стоит перед персонажами романа этакая беспристрастная богиня правосудия Фемида. А задумчивый человек из нынешнего времени, читая, например, данные записки, смотрит с любопытством на то, как Клио «предлагает» то, или иное событие, а Фемида «взвешивает» его на своих весах. Интересно, вероятно, думает современник, — как же она (Фемида) это оценит, если у нее глаза завязаны? А может быть, есть возможность (она же не видит) «подкрутить» ее весы в ту или иную сторону желанной исторической оценки прошлого? Автор записок пытается всего лишь прикоснуться к этим — конечно же, из области фантастики — предполагаемым действиям Клио и Фемиды, не будучи уверенным и не надеясь, что его (автора) суждения помогут богине с завязанными глазами принять правильное, желанное решение. Да и какое оно — «правильное», или «желанное» решение?

Да, кстати, наверное, скажет этот задумчивый современник, мне не совсем понятно, *куда кого* относить? И по какому признаку? Я имею в виду необходимость хоть какой-то определенности, ну, например, «Сидорова» куда отнести — к «шестидесятникам» или в какой-то «лагерь» других? И опять же — кстати — в «лагерь» других: это куда? В какую противоположность или противопоставления «шестидесятникам»? А «Иванова» или «Петрова» куда и к кому?

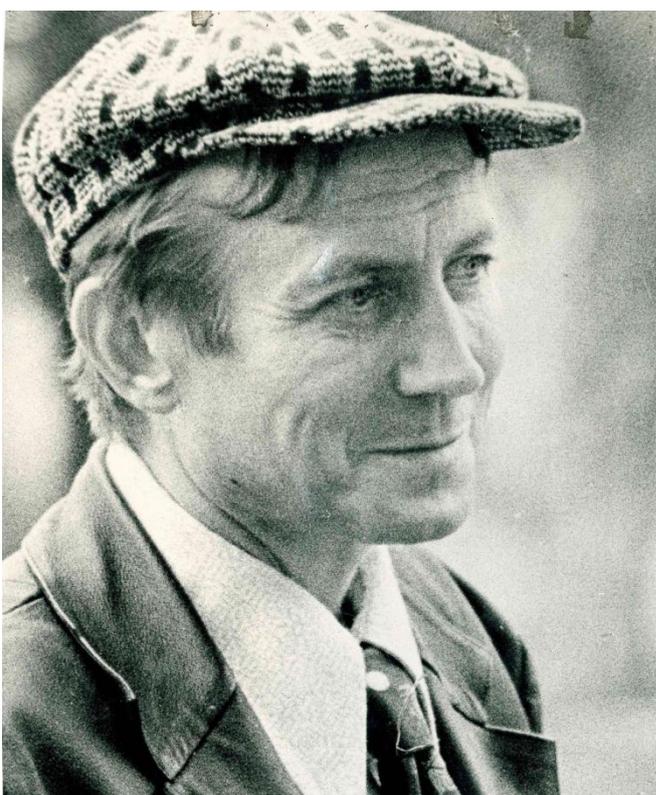
Думаю, на основе написанного в заметках — *ВСЕ* и объединялись друг с другом, помня прекрасную тонкую, по осязаемости, формулировку выражения А. Герцена об отношениях между людьми во второй половине XIX века: *мол, мы сочувственно встречались в тонах и оттенках*, что и обусловило суть стремлений и к нашим встречам, начиная с конца 60-х годов XX века, это нас связывало, объединяло... Но ведь комсомола-то не было в XIX веке? Да, но несмотря на подобное обстоятельство, ведь *тона и оттенки*, как таковые, и в XXI веке будут по ходу развивающейся жизни, что всегда обуславливает стремления людей к тому, что связывает, объединяет в проживаемой огромной дистанции некоего целого, не имеющего названия — *«жизне-смерть»...*

Может быть, эти соломоновы «решения» для *ВСЕХ* осуществляются *ТАМ*, — у мирового Судьи на «небесах», с чего, собственно, и начинались записки...

Убежден, прошедшие перед нами в тексте записок люди едины в своем постоянном желании не забывать мысли доказываемой «шестидесятниками» о главном в нашей брэнной жизни, преодолевая различные невзгоды и препоны — *не допускать катастрофы личности...*

Один из известных литературоведов, соратник и созвучник самого понятия «шестидесятники» Лев Аннинский сказал о Евтушенко: «...Он оставался тем, кем его сделала судьба: великим русским поэтом, поэтом трагической эпохи. Он навсегда останется в памяти русской культуры (и в памяти мировой истории) — как счастливцев, разделивший свою одарённость с непредсказуемой эпохой. Эпоха не осталась в долгу — разделила свою одарённость с ним, подарив ему долгую жизнь и пьянящую силу исповедничества. Прощай, Женя! Ты в вечности. Навсегда».

Автор трехсерийного цикла телебесед с Евтушенко С. Волков: «...Этот человек был фонтаном энергии, казалось, Евгений Евтушенко был всегда — и должен был бы всегда оставаться. Увы, человек смертен... И сейчас, мне кажется, можно как раз ощутить, до какой степени он был действительно — лидером целой эпохи».

Е.А. Евтушенко в Челябинске

Каждый вспомнит в эти дни свое о Евгении Александровиче, и это важно, ведь забвение — это худшее из того, что с нами сегодня происходит. Значит, «рукопожатия» во времени продолжают, что и подтверждают проводимые в июне 2017 года намеченные мероприятия по юбилейной программе Института современного искусства...

И, конечно же, у каждого помнящего какие-то его стихи, звучащие в памяти, думаю, будет уместно, и в этих субъективных записках современника привести

выдержку из выступления Е.А. Евтушенко. Оно было подготовлено в **1992 году** — по просьбе оргкомитета Ежегодного мирового конгресса нейрохирургов для произнесения речи на открытии конгресса в Нью-Орлеане:

«...Думаю, что будущее человечества при взаимозастывшей враждебности не сможет реформировать негибкость этого противостояния, если не прибегнут к взаимоконверсии и дружескому обоюдному бизнесу. Слишком опасная роскошь для человечества — война между двумя крупнейшими ядерными державами.

Я был свидетелем и участником прогресса во взаимопониманиях и надеждах XX века. Я убежден, что те, кто убил Джона Кеннеди, сделали это, видя опасность в нем и считая его врагом Америки, ибо он, сын капитализма, непозволительно уступил Никите Хрущеву, русскому крестьянину — коммунисту села Калиновка, в вопросе Кубы. Но Джон Кеннеди был первый западный лидер и понял, что границы мира проходят не между политическими системами, а между разными людьми.

А еще они оба впервые поняли, что все идеологии не стоят самой главной драгоценности земного шара — человечества.

Джон Кеннеди сказал однажды: “Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите самих себя, что вы можете сделать для вашей страны”. Но сейчас многое в мире изменилось. Идея эта расширилась, и теперь патриотизм собственной страны не должен входить в противоречие с патриотизмом человечества. С чистой совестью мы имеем полное право говорить сегодня так: “Не спрашивайте человечество, что оно может сделать для вас, спросите себя самих, что вы можете сделать для человечества”».

Уверен, что и мы, сегодня читающие массу информационных материалов и выступления лидеров различных стран, включая телевидение — можем, глядя в глаза любому, живущему на планете Земля, повторить слова великого поэта Евгения Александровича Евтушенко «Не спрашивайте человечество, что оно может сделать для вас, спросите **себя самих**, что вы можете сделать для человечества».

Возвращаясь к названию своих заметок, пытаюсь подводить своеобразные итоги написанному, хотелось бы отметить следующее, тем более в связи с кончиной Евтушенко, пожалуй, одного из тех, кого мы называем «шестидесятником», а уж после его определения таких, как он «геннозараженных» — т.е. говорить о кончине «шестидесятников» — мы можем с горечью констатировать о кончине эпохи... Вроде бы налицо все присущие той самой прекрасной эпохе признаки, о некоторых из которых

говорилось в данных записках. Хорошо или недостаточно полно рассказано об этих присущих эпохе признаках — пусть судит читатель.

Да, названные съезды партии давно ушли в историю, да, события, о которых было рассказано тоже ушли в историю, да, большинство людей, о которых было рассказано, тоже не поддаются возврату «с небес», вроде бы все завершается (как и эти записки) и заканчивается... Да, все верно — ушли в прошлое, завершается и заканчивается, но один вопрос, назовем его риторическим, остается без ответа, возвращаясь к названию заметок. Вернись, читатель, к мысли великого «шестидесятника» — о себе–читателе, и о человечестве...

Пусть этот вопрос без ответа и останется с нами, передастся далее во времени, и по различным мудрым мыслям умных людей, какими мы начинали наши записки:

«Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» (М.М. Бахтин).

«Надо ли вспоминать? Бог ты мой, это так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить — это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет» (Ю.В. Трифонов).

...Когда читал роман «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя, то, естественно, обратил внимание на эпиграф Джона Донна:

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит и по Тебе».

Когда прочитал роман, и вернулся в его начало, где звучал этот эпиграф, и через много лет представил, что суть молитвы Джона Донна объединяет суть приведенных текстов Михаила Бахтина и Юрия Трифонова — задуматься о своем месте в мире, о своей брэнности, об общности человеческих судеб, солидарности людей и т.д.

Если бы у меня спросили — чтобы было понятно нашему поколению на языке, вы можете, хотя бы контурно, обрисовать само понятие «шестидесятники», или, как вы предлагаете вслед за Евтушенко, так сказать, *определительно* назвать — «шестидесятники»? Естественно, я бы сказал: «нет» — ведь невозможно каким–то образом определить в каком–либо виде путь переживания (именно *переживания*, как более продолжительного в

исполнении, а не *передачи*, как более короткого) настроений, мыслей, эмоций и т.д., и т.п. Благодаря таковому передаванию в *тонах и оттенках*, думается мне, эти настроения, мысли, эмоции, при различных изменениях в обществе не допустят *катастрофы личности*... Так вот, после некоторых раздумий о желанном вопросе хотя бы контурно обрисовать понятие, даже попытаться это сделать вместе с Евгением Евтушенко — «шестидесантник», а я, достаточно определенно ответил: «нет». Только написал свой ответ, как через некоторое время 16 июня 2017 года по телеканалу «Ностальгия» увидел/услышал беседу с главным редактором «Новой газеты» Дмитрием Андреевичем Муратовым, о встречах с которым ранее писал в девятой части данных записок.

И я услышал для себя ответ *самому себе* — даже мы в скорости уйдем с этой земли, но пока **МЫ** живы, мы, читающие и «Новую газету», на страницах которой уже третий десяток лет объединяются те самые «шестидесантники», способствующие и дальнейшей передаче той самой поколенческой эстафетной палочки... А возможных и желанных встреч неисчислимы варианты...

Мне кажется, что одним из таких неисчислимых вариантов является сборник статей «Шестидесятники» (М., 2007), где из названия сборника ясна адресность написания статей. Это явление до сих пор загадочное, противоречивое, непознанное, и в сборнике показан широчайший спектр мнений, суждений от безусловной поддержки и одобрения до сомнения восхищения им (явлением), что сопровождается ясностью выводов авторов статей и суждениями, мягко сказать, неоднозначными из Интернета. В свое время я достаточно бегло просмотрел сборник, и отложил его в сторону до времени, когда прочту его более внимательно... Даже, когда начал писать свои записки, то умышленно не заглядывал в книгу, полагая, что своим мнением авторы могут как-то воздействовать на меня. Но вот сейчас, когда окончил записки, мог убедиться при более внимательном прочтении сборника, что мои суждения, естественно, при всей возможной спорности по тем или иным оценкам, мне кажется соответствуют написанному мной... И меня это порадовало.

Еще один нюанс. Как-то в разговоре с Эдиком Кохом о современном развитии российского общества, *вышли* на проблему, у нас в головах традиционно (кажется, лет двадцать–тридцать) складывающейся — речь идет об известном эпизоде с водительством евреев по пустыне в течение сорока лет. В нашем обыденном суждении, это сделано для того, чтобы умерли люди, которые были в Египте рабами, т.е. при кончине этого последнего и наступит ощущение свободы от рабства, т.е. само по себе. И как-то, само собой, напрашивался вывод, что видимо, быть носителями рабской модели поведения это плохо (то ли с точки зрения Моисея, то ли, а этот вывод здесь неминуем,

самого Господа Бога). И постепенно эти мысли у нас в стране массово обрели популярность. Эти мысли густо замешали в одном котле с мыслями о том, что, у нас «отсутствует гражданское общество», как проклятье — «плохое государство» и нужно «выдавливать раба по капле». Мол, вот, как умные люди народ учили еще *т-о-г-д-а*. (А тут и великий, без иронии, без иронии, пожалуйста, Антон Павлович Чехов, творчество которого, и эту мысль которого «выдавливать раба по капле» учили еще в школе.) Поэтому у них, которые на Западе, все хорошо «по жизни». А у нас — Расея и есть Расея, что с нее взять. У кого-то дамы и господа, а у нас — мужики, да бабы.

Да-а! Красивая и влиятельная идеологема, ничего не скажешь. Да и опора есть в религии. Казалось бы... Или все-таки нет? Сразу же скажу: я — ни малейший специалист копаться в истории написания Ветхого Завета, или в каких-то мифах, что-то сопоставлять, уточнять и прочее...

Продолжаю и тут же заканчиваю рассуждать на том самом уровне обыденного сознания и понимания, с чего, собственно, и начал писать эти записки. Так вот, возвращаясь к нашему, с Эдиком Кохом, разговору. Все-таки, в итоге нашего диалогического времени, сошлись в одинаковом для нас мнении о сути написанного мной (конечно же, он читал практически все ранее мной написанное в вариантах), опираясь на название записок, точнее — на сформулированный вопрос. Конечно, и съезд Двадцатый прошел, и немало людей-носителей решений и идей этого съезда *ушли уже от нас*, и мы, в свою очередь, тоже покинем этот мир, но, еще раз подчеркиваем это, совместное, *кислород*, которым мы дышали, и будут дышать другие в последующем времени, уже *заражен* «ворованным воздухом», и его многоголосым эхом тоже *заражен*, и будет существовать... Впрочем, как и миф о деянии Моисея...

...Пытаясь уже окончательно для себя перестать редактировать (добавлять-убавлять) все как-то не могу удержать руку, суетящуюся над клавишами ПК, но понимаю, что когда-то это надо будет сделать, хотя и очень не хочется, чтобы покинуло тебя ощущение успешного рассказать все помнившее...

...Да был, к сожалению, неважным мужем, невнимательным отцом, хотя тешу себя слабой надеждой, что читая эти мои записки близкие люди улыбнутся вместе с еще живущими моими друзьями, о которых писал, и скажут: мол, все мы *там будем*, а в этой жизни все ведь не переделаешь, так как хотелось бы каждому из нас... Ведь ожидания каких-либо изменений в жизни — это и есть ее, жизни, продолжение... Эх, о многом мне не удалось ни

вспомнить, ни написать, причем и то, и другое зависит от взаимосвязи искренности и способностей (не могу сказать о степени таланта как того, так и другого). А все вместе констатируют одно — не хватило ни того, ни другого... А может быть, при завершении работы над записками (прошло же несколько многих долгих месяцев) вспоминаешь, думаешь как ты писал в их начале — о напоминании попыток вернуть *кое-что* из прошлого и «подправить» что-нибудь в *искренности* вспоминающего (то, что нельзя ничего изменить в уровне таланта даже не обсуждается) те или иные неудачные места в прожитом...

На фото слева направо: дочь Вера, внучка Аня, жена — Таня на праздновании моего 70-летия

И в третий раз повторю Конфуция: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье». Коротко, но содержательно, и все понятно и на *сегодня*, и на *завтра*, и если

ума хватает, и на взгляды оглянувши — то есть, на *прошлое*, уже прожитое. И если как-то понимаемы эмоции в первом и во втором случае, то с третьим в своих *движениях* нужно быть архиосторожным, внимательным, неспешным. *Сегодняшний*, и даже *завтрашний* день будет прожит, всегда присутствует возможность по ходу *пьесы*, что-то поправить, так сказать, подрихтовать, а вот с *прошлым* будет, пожалуй, посложней.

Ведь чем старше становишься, то в голове все чаще, звучит мысль: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы».

Вот и вывод для тебя — мы должны судить себя, свои поступки, но не находить для этого какого-то *крайнего*...

Обстоятельства жизни коснулись, естественно, каждого из нас, в частности, о ком сумел рассказать, о ком не успел по различным обстоятельствам — кого-то не так хорошо знал, что не позволяло мне говорить о нем на «ты», и даже по-приятельски рассуждать, кого-то не помнил, о ком-то не могу сказать «что-то»... Убежден, что живущие по разным параметрам точек отсчета каждого из окружавших и окружающих нас людей тоже не всегда являются «подарком» для себя самого, для друзей, не говоря уже о близких вам людях — в *НАС* всех так много всего *перемешано*... В общем жизнь так или иначе по-своему, так сказать, *проехала* или по самому человеку, или мимо, обдав его какой-то своей *пылью* от движения... Само собой разумеется, были всякие люди — со своим характером, со своими взглядами на происходящее вокруг, кто-то покинул эту землю, кто-то успешно помогает другим как-то жить и выживать в непростых обстоятельствах... Счастья живущим и поныне...

На фото слева направо: Юрий Александрович; Александр Шитов;
Борис Ковалев; Виктор Смеющев

Я по мере своих сил и способностей старался следовать этим вышеприведенным заветам мудрости в своих записках. Стремился говорить о времени в котором рос, формировался, что-то делал с удовольствием, что-то без удовольствия, но уж как получалось... Жизнь прожита так, как прожита, благодаря во многом порожденному времени — решениями XX съезда, «ворованным воздухом» *шестидесятников*, создающим «сквозную

умонастроенность» эпохи, позволяющей ощутить в *тонах и оттенках* то, что при всех различиях к движениям *улитки–Системы* радоваться встречам с родными и близкими, друзьями, а по движениям некоторых *на небесах* чувствую по каким–то неведомым мне волнам их радость от наших встреч...

Как впрочем и тех же встреч, длящихся уже не один десяток лет с моей женой Татьяной, кстати, тоже из Магнитогорска, как и Ю. Александрович и М.Ф. Ненашев, да Виктор Смеющев (который на вышеприведенной фотографии). Не кляня перипетии судьбы, она постепенно вытаскивает меня из «объятий» последствий инсульта, последующих операций на сонной артерии и меланомы на спине, преодолевая и химиотерапию (облучение)... И сегодня она создает допустимые условия, позволяющие мне сегодня работать над данными записками и готовиться к созданию соответствующих проектов к предстоящему 100–летию со дня рождения Юрия Валентиновича Трифонова.

Это и есть, и будет непрекращающийся наш ответ на вопрос о вопросительной форме заглавия записок...

Евгений Евтушенко дает автограф жене моей — Татьяне, предварительно коротко побеседовал с ней обо мне.

Это и ответ *действенности* передавания поколенческой эстафетной палочки от поколения к поколению. И все это — по воздуху, по воздуху, по

«ворованному» воздуху, неловленное никем, от души к душе... Поэтому эта эстафетная палочка никак и никогда не может потеряться при передаче, и может быть другие, последующие поколения найдут какой-то иной способ передачи...

Ну, а пока мы вспомнить тех, о ком память, надеюсь, передастся нам всем, и по «теории шести рукопожатий», и по виденным дискуссионно-поколенческим фильмам, и по читаемым книгам, и по вновь увиденному по телевидению *9 и 10 мая 2017 года* фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича».

Этот фильм как и ранее, с середины 60-х годов, был удивительным современным, и в постоянстве связующим «звеном» вышеназванным нескольким поколениям, о ком и говорилось в настоящих записках: Тенгиз Абуладзе (1924–1994), Василий Аксенов (1932–2009), Юрий Александрович (1941–2008), Феликс Антипов (1942–2016), Белла Ахмадулина (1937–2010), Галина Белая (1931–2004), Петр Белов (1929–1988), Юрий Буртин (1932–2000), Ролан Быков (1929–1998), Анджей Вайда (1926–2016), Ефрем Вайнштейн (1911–1981), Игорь Виноградов (1930–2015), Андрей Вознесенский (1933–2010), Владимир Высоцкий (1938–1980), Александр Галич (1918–1977), Эрнст Генри (Ростовский) (1904–1990), Михаил Гефтер (1918–1995), Лев Голованов (1926–2015), Даниил Гранин (1919–2017), Юлий Даниэль (1925–1988), Евгений Евтушенко (1932–2017), Олег Ефремов (1927–2000), Геннадий Жаворонков (1941–2000), Дмитрий Казутин (1933–1996), Александр Кайдановский (1946–1995), Владимир Кардин (1921–2008), Лен Карпинский (1929–1995), Юрий Карякин (1930–2011), Игорь Кваша (1933–2012), Марлен Кораллов (1925–2012), Сергей Королев (1906–1966), Феликс Кривин (1928–2016), Наталья Крымова (1930–2003), Юрий Кукин (1932–2011), Юрий Левада (1930–2006), Юрий Любимов (1917–2014), Игорь Моисеев (1906–2007), Владимир Мордкович (1930–1992), Эрнст Неизвестный (1925–2016), Булат Окуджава (1924–1997), Валентин Оскоцкий (1931–2010), Давид Перчик (1923–2006), Валентин Подмарков (1929–1979), Валерий Платонов (1947–2015), Василий Поликарпов (1918–2008), Григорий Померанц (1918–2013), Евгений Примаков (1929–2015), Николай Пучков (1930–2005), Станислав Рассадин (1935–2012), Роберт Рождественский (1932–1994), Виктор Розов (1913–2004), Андрей Сахаров (1921–1989), Александр Свободин (1922–1999), Андрей Синявский (1925–1997), Александр Солженицын (1918–2008), Андрей Тарковский (1932–1986), Александр Твардовский (1910–1971), Георгий Товстоногов (1915–1989), Юрий Трахтенберг (1936–1994), Юрий Трифонов (1925–1981), Евгения Трифонова-Лурье (1904–1975), Михаил Ульянов (1927–2007), Юрий Федоров (1939–2016), Виктор Худяков (1938–

2017), Виталий Чуркин (1952–2017), Дмитрий Шостакович (1906–1975), Василий Шукшин (1929–1974), Лев Эпштейн (1919–1979), Ефим Эткинд (1918–1999), Анатолий Эфрос (1925–1987), Егор Яковлев (1930–2005)...

Думаю, что алфавит в фамилиях никоим образом не нарушает значимость КАЖДОГО из названных! Ведь со всеми, долго ли, коротко — я встречался, разговаривал, дискутировал, поэтому и написал о невидимой эстафете «шестидесантников», незримо передающейся последующим... Так и хочется написать в конце записок — передающейся последующим даже в моем лице...

Ведь целыми днями еще ДО школы, как любой ребенок, я фантазировал, представляя себя на том или ином месте того или иного персонажа, и прежде всего в услышанной радиопередаче, услышанном радиоспектакле, наедине с которыми и проходит твое начальное взросление...

* * *

Нет, я не забыл о желании вернуться в конце записок к представляемому мне ответу на вопрос, заданный в конце второй части этих записок, вероятно, *накапливаемся* у меня в процессе их написания.

Напомню: «Какая особенность духовного, культурного содержания объединяла всю нашу страну с момента рождения всех детей в послевоенное время, которое и мне особенно помнится до сих пор?» Далее пояснял, что эта особенность, на мой взгляд, *помнится* именно поколениям рождения 1945 — 1960-х годов.

И еще два пояснения.

Первое (вышеприведенное), как легкое напоминание о ситуации с дудочкой и Гамельнском крысолове, что позволяет правомерно говорить о непреложных действиях взрослых, основанных на готовности биться до последнего, защищая детей, за это во все времена люди были готовы жизни отдать...

Второе. Как правило, всегда существуют две взаимодополняющие друг друга цели и задачи (не вдаваясь здесь и далее в различного вида придирки неточных формулировок) как тактического, так и стратегического характера. Следуя, на мой взгляд, взаимодополнению, остановимся на предпочтительном — стратегическая цель «темных сил», для «победы» над ДУХОМ России — *разложение* общества... Отсюда и тот самый вопрос, который задавал, и пообещал высказать вариант своего убежденного ответа на него. Не торопись, читатель, комментировать варианты моих суждений, просто сделай паузу

после прочтения, и подумай о том, о чем я написал, подумай, вспоминая свое детское взросление до начала школьных лет, а потом еще нескольких...

Так вот, по моему мнению, которое у меня осталось еще со времен моих лет послевоенного детства: это были потрясающие передачи в детских программах по советскому всесоюзному радио, а точнее — по репродукторам (вспомни, читатель, вспомни), которые были практически в каждом доме, в каждой квартире, репродукторам, висевшим на столбах в каждом сельском поселении, и т.д. А потом и по маленьким незатейливым приемникам, технологически исключавшим возможности поиска каких-то *коротких волн*, и включенным круглосуточно в повсеместно распространенным во всех помещениях радиоточки.

Если вспомните, работа по радио начиналась в шесть часов утра с советского гимна, и им же заканчивались ... А потом звучали в течение дня простые, доходчивые детские передачи, да-да, именно детские передачи. Как-то само-собой получалось, что многих родителей, особенно на селе, не беспокоили вопросы о своих детях, которые *слушали-неслушая* звучавшие детские передачи, наряду с другими... Звучали какие-то голоса вперемешку с классической музыкой (вот оно — ненавязчивое музыкальное воспитание, с рядом «идущим» ненавязчиваемом образованием).

В моей детской памяти не было ничего звучавшего, даже отдаленно похожего на необходимость нравственного воспитания, патриотизма и т.п. Большинство детских радиопередач (радиопрограмм) было удивительным средством нашего идеологического воспитания, подчеркиваю — нашего повсеместного воспитания, т.е. *ВСЕХ*, начиная «с горшка»... Вспомните — «Пионерская зорька», так сказать, породившая массу других передач, например: «Угадай-ка», «Внимание, на старт!», «Клуб знаменитых капитанов», литературный радиожурнал «Невидимка», «Радиоклуб юных географов», «Музыкальная шкатулка», «Буратино», цикл «Мир, в котором мы живем», состоящий из отдельных радиопередач — «В мире невидимого», «Вселенная и атом», «Руками человечества», «В мире миров»... До сих пор помню голоса актеров из «КОАП» (Комитет Охраны Авторских Прав Природы). В форме радиоигры ведущие разговаривали на злободневные темы, где ведущими были не люди, а животные (конечно, говорившие человеческими голосами)... А какие письма писали школьники (мальчики и девочки) в редакции этих радиопрограмм? Наберите в Интернете «Детские передачи на Всесоюзном радио» и вы получите море интереснейшей информации, подтверждающей мое умозаключение... Только, пожалуйста,

абстрагируйтесь от сегодняшнего времени, вспомните свое ДОшкольное детство...

Обращаю внимание на то, что мое послевоенное детство ДО школы и первые четыре школьных класса проходили под звуки талантливых детских передач, которые готовили профессионалы. И еще — на достаточно важное — хотел бы обратить внимание. Слышимые передачи как-то незаметно, ненавязчиво учили наше подрастающее поколение коллективизму в различных его проявлениях: поведению на улице, в школе, дома (квартира, барак, коммунальная квартира, сельский дом и т.п.), просто в постоянных общении между собой... Постоянно формировали у нас простые правила общежития...

Счел необходимым привести этот аргумент о великолепных, с точки зрения восприятия ВСЕМ подрастающим послевоенным поколением этих детских передач по Всесоюзному радио, считая его убедительным в своеобразных поисках ответа на свой же сформулированный вопрос.

Пытаясь заставить себя поставить наконец-то точку в записках никак не могу избавиться от ощущения взаимосвязи с вспомнившими мне передачами по радио, и с ощущением подросткового взросления на основе увиденных фильмов «В добрый час» (1956 год), «Шумный день» (1960 год), и «Друг мой, Колька» (1961 год). Это позже понимал и узнавал подробнее, что передо мной были «дети XX съезда» на сцене театров и кинематографа: театр «Современник» и спектакли Анатолия Васильевича Эфроса в ЦДТ (и «В добрый час», и «В поисках радости», и «Друг мой, Колька»).

Какая же здесь взаимосвязь — зарождающегося театра (а компания какая — Анатолий Эфрос, Олег Ефремов, Олег Табаков, Лилия Толмачева, Игорь Кваша, Александр Хмелик) и кинематографа (так ведь и компания единомышленников та же)?

И продолжение с дополнением ответа на этот вопрос пришли уж совсем неожиданно — **28 августа 2017 года** — какая-то ничем не объяснимая мысль концентрации ВСЕГО из прошлого, соединенного в фильме «Анатолий Эфрос на ТВ» (2000 год). Благодаря автору сценария этого фильма Константину Худякову я видел самого Анатолия Васильевича (мысленно порадовался за счастье, выпавшее мне — на встречи с ним), слышал как, и что о нем говорили: Михаил Ульянов, Николай Волков, Юрий Любимов, Людмила Гурченко, Лев Дуров, Ольга Яковлева.

У меня перед глазами — как *pro u contra* — прежде всего, Олег Табаков в фильме «Шумный день» (по спектаклю «В поисках радости») с отцовской

пашкой крушащий ненавистную частную собственность (хотя она *собственность* ни в чем не виновата, но мастерство драматурга Виктора Розова какво!) под восторженные крики радости в душе многих из нас... С другой стороны, такая же Антонина Дмитриева, одна из любимых актрис А. Эфроса, с блеском сыгравшая роль абсолютной стервы, старшей пионервожатой в фильме «Друг мой, Колька», и ставшая также для многих ребят ненавистной, лицемерной по исполняемой роли (каково авторство сценариста Александра Хмелика!) Думаю, только мы, смотревшие фильм «Москва слезам не верит» могли понять, почему так реагируют в фильме на появившего Леонида Харитоновна на Московском кинофестивале, потому что мы — те, которые видели фильм по спектаклю А. Эфроса «В добрый час» (1956), где он исполнял роль нашего современника, стоящего перед выбором пути в жизни...

Может быть, и то, что **28 августа** — день рождения Юрия Трифонова. На два месяца по факту рождения в *1925 году* «разминулись» в памяти моей эти два человека (Анатолий Эфрос — **3 июля**), о которых я писал в записках.

...Это Юрий Трифонов написал в «Доме на набережной»: «Нежная, сочащаяся, алая плоть детства. Все было ни с чем не сравнимо...»

...Это его сестра Татьяна Валентиновна Трифонова сделала запись в книге музея «Дом на набережной»: «В Доме мы с братом прожили самые счастливые и самые несчастные годы детства».

...Это Юрий Трифонов на вопрос анкеты «Комсомольская правда» о том, какая потеря в шестнадцать лет самая страшная, ответил: «Потеря родителей»; в 1937 году был арестован и в 1938 — расстрелян отец, а мать в том же году была репрессирована, и на восемь лет была оторвана от детей, находясь в АЛЖИРЕ (Акмолинский лагерь жен врагов народа)...

...Это Юрий Трифонов написал: «...сознание писателя — это его историческая память... моменты, которые находят отражение в нас самих... История входит в кровь и плоть человека. А история сложна. Надеждам отцов не всегда соответствуют свершения детей... Инструмент, орудие, которыми каждый из нас обладает для того, чтобы понять мир, — это наше сознание...»

* * *

Так, если попытаться «в лоб» ответить на первую его часть — закончилась ли эпоха «шестидесятников»? Можно также «в лоб» продолжить ответ — *да*, закончилась, она просто не могла продолжаться по многим объективным историческим и субъективно — человеческим причинам. Но на

вторую часть вопроса — заканчивается ли? — всем контекстом записок стремился ответить именно на эту *вторую* часть вопроса — **нет!** Не может же заканчиваться воздух свободного дыхания! Ну, не может! А уж каким оно, **время**, получается от имеющейся *свободы выбора* может ответить каждый человек самому себе... Захочет ли он (по–Трифонову) *здороваться* при встрече с временами или нет?..

В памяти моей вот уже несколько лет звучит публицистическая мысль умного человека (жаль, не помню его фамилию, но зато помню мысль): *«На том свете легче сколотить компанию из порядочных людей: выбор богаче, ибо ВСЕ члены этой постоянно пополняющейся компании — увы — отличаются от остальных пережитком порядочности...»*

ВСЕ это и есть ответ каждому читающему на вопросительную форму заглавия данных записок...

В заключение записок «Эпоха «шестидесятников» закончилась, или заканчивается?» Боже мой, ведь это про нас... это про меня и про тебя... Послушай, читатель, Александра Филиппенко на слова (монолог) Михаила Жванецкого, и ты услышишь свою юность... А какие лица вокруг! Посмотрите этот файл Интернета, нажав — два клика — левой кнопкой:

580776198771128 - Филиппенко А. читает монолог М. Жванецкого о нашем времени 60-х годов и последующих.htm

Навскидку — ну, кто сможет как–то иначе, т.е. оригинальнее и доходчивее, чтобы было самое главное ПОНЯТНО для ВСЕХ... Для тех, кто «за», слегка «против», но находящегося в раздумье с самим собой...

П Р И Л О Ж Е Н И Е

КТО УПОМИНАЕТСЯ В ЗАПИСКАХ

Абакумов Виктор — начальник ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР (1943–1946), министр ГБ СССР (1946–1951)

Абуладзе Тенгиз — кинорежиссер (фильм «Покаяние»)

Авдулов Николай — ученый, биолог

Аганбегян Абел — академик АН СССР

Адамович Алесь — писатель, сценарист, литературовед

Айтматов Чингиз — писатель

Аккерман Галина — русская, французская журналистка, правозащитник

Аксаков Сергей — писатель

Аксельрод Альберт — режиссёр театра и телевидения, первый ведущий КВН

Аксенов Василий — писатель

Алачачян Арменак — спортсмен

Александр III — император России

Александров Анатолий — педагог

Александрович Юрий — партийный, государственный работник

Александром Михайлушкин — актер театра и кино

Алексиевич Светлана — писатель, лауреат Нобелевской премии

Алешковский Юз — поэт, писатель

Алференко Геннадий — общественный деятель, социальный инноватор

Ананийчук Владимир — специалист Снежинского ВНИИТФ

Андерсен Ганс-Христиан — датский писатель

Андроников Ираклий — писатель

Андропов Юрий — Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984),
Председатель КГБ СССР (1967–1982)

Аникст Александр — ученый, литературовед, председатель
Шекспировской комиссии АН СССР

Аннинский Лев — литературовед, писатель

Антипов Феликс — актер театра драмы и комедии на Таганке

Антониони Микеланджело — итальянский кинорежиссер и сценарист

Анчаров Михаил — писатель, бард

Апдайк Джон — американский писатель

Апухтина Нина — философ, научный работник

Арбузов Алексей — драматург

- Арендарь Анатолий — эссеист, публицист, религиозный философ
 Аристотель — древнегреческий философ, ученик Платона
 Арканов Аркадий — писатель–сатирик, драматург, сценарист
 Асадов Эдуард — поэт
 Асанова Динара — кинорежиссер
 Ахмадулина Белла — поэт
 Ахматова Анна — поэт
 Бабель Исаак — писатель
 Бабицкий Константин — правозащитник
 Багрицкий Эдуард — поэт
 Баев Леонид — актер театра «Манекен», научный работник
 Баева Татьяна — правозащитница
 Байман Вильфрид — чиновник Министерства экономики ФРГ
 Бакунина (Шитова) Нина — родственница А. Шитова
 Баландин Владимир — однокашник А. Шитова
 Барбаров Феликс — социолог
 Бардин Рафаил — социолог
 Батлер Джан — переводчик
 Батыгин Геннадий — ученый, социолог
 Бахтин Михаил — ученый, литературовед, философ
 Баэр Николас — американский драматург
 Безносков Герман — один из инициаторов фестиваля бардовской песни в Академгородке (1968 г.) , член совета клуба «Под интегралом»
 Бейси Каунт — американский джазовый пианист
 Белая Галина — ученый, литературовед
 Беленький Вениамин — актер театра «Манекен»
 Белинский Виссарион — литературный критик, публицист
 Белл Дэниел — американский социолог, публицист
 Бёлль Генрих — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии
 Белов Петр — художник
 Беляев Юрий — актер театра и кино
 Бергман Ингмар — шведский режиссер театра и кино, сценарист
 Бердяев Николай — ученый, философ, публицист
 Бережнов Станислав — джазовый музыкант, аранжировщик
 Берия Лаврентий — государственный и политический деятель
 Берковский Виктор — ученый, бард
 Бернстайн Леонард — американский композитор, пианист («Вестсайдская история»)
 Бестужев–Лада Игорь — ученый, социолог

- Бжезинский Збигнев — американский политолог
- Битнер Зигфрид — инженер
- Блех Клаус (Klaus Bleich) — Посол ФРГ в России
- Блинов Николай — ученый, социолог, философ
- Блисковская Наталья — редактор издательства
- Блоцкая (Шитова) Галина — инженер ЦЗЛ на ЧМЗ, тетя А. Шитова
- Блоцкий Адам — начальник цеха на ЧМЗ, дядя А. Шитова
- Блоцкий Николай — техник, двоюродный брат А. Шитова
- Бобков Филипп — бывший начальник 5-го управления КГБ СССР по борьбе с «идеологическими диверсиями»
- Бобков Юрий — актер, главный режиссер театра «Манекен»
- Бобров Всеволод — главный тренер сборной СССР по хоккею с шайбой
- Бовин Александр — журналист, Посол РФ в Израиле
- Богораз Лариса — правозащитница
- Богуславская Зоя — писательница, жена А. Вознесенского
- Болдин Валерий — партийный деятель, член ЦК КПСС
- Боннэр Елена — правозащитница, жена А.Д. Сахарова
- Борджиа Чезаре — политический деятель эпохи Возрождения
- Борисов Олег — актер театра и кино
- Боровик Вениамин — ученый, социолог (ВКШ при ЦК ВЛКСМ)
- Борхес Хосе — аргентинский прозаик, поэт, публицист
- Братишкин Михаил — банкир, руководитель «Челиндбанка»
- Братченко Виктор — инженер
- Браун Кларенс — американский филолог-славист, автор первой биографии О.Э. Мандельштама
- Брежнев Леонид — Генеральный секретарь ЦК КПСС (1964–1982), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1960–1964, 1977–1982)
- Брехт Бертольд — немецкий писатель, драматург
- Бродский Иосиф — поэт, лауреат Нобелевской премии
- Бродский Ю. — писатель
- Бронево́й Леонид — актер театра и кино
- Броусил Антонин — чешский театральный и кинокритик
- Буденный Семен — военный деятель
- Будкер Герш — академик АН СССР, основатель и первый директор Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР
- Булгаков Михаил — писатель
- Булгаков Сергей — философ, богослов, экономист
- Булгакова Елена — писательница, жена М.А. Булгакова
- Бунге Николай — государственный деятель, ученый-экономист

- Бурлацкий Федор — писатель, публицист
- Бурлюк Давид — поэт, один из основоположников русского футуризма
- Буртин Юрий — журналист, писатель, публицист
- Бурштейн Анатолий — один из инициаторов фестиваля бардовской песни в Академгородке (1968 г.), президент кафе–клуба «Под интегралом»
- Бухарин Николай — партийный и государственный деятель
- Буш Джордж — президент США
- Быков Леонид — ученый, литературовед, культуролог
- Быков Ролан — актер театра и кино, театральный режиссер, кинорежиссер, сценарист
- Бьюкенен Джордж — американский экономист, лауреат Нобелевской премии «за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений»
- Вавилин Владимир — историк
- Вавилин Иван — полковник в отставке, ветеран ВОВ
- Вавилина Вера — библиотечный работник
- Вагнер Нина — хореограф
- Вайгель Теодор — министр финансов ФРГ
- Вайнштейн Александр — бизнесмен
- Вайнштейн Евгений — тренер по боксу, заслуженный тренер РСФСР
- Вайнштейн Ефрем — инженер, заслуженный строитель РСФСР
- Вальзер Мартин — немецкий писатель
- Ванден Хевел Катрин — американский издатель, жена С. Козна
- Варанкина Ирина — социолог
- Ваффеншмидт Хорст — статс–секретарь МВД ФРГ
- Велихов Евгений — академик АН СССР
- Визбор Юрий — автор–исполнитель песен, киноактер, журналист
- Вилькин Александр — актер театра на Таганке, театральный режиссер
- Виноградов Игорь — заведующий отдела критики журнала «Новый мир», главный редактор журнала «Континент»
- Виолина Дарья — соавтор документального фильма «Дольше жизни», посвященного жертвам репрессий «АЛЖИРа» (Акмолинский лагерь жен изменников родины)
- Висконти Лукино — итальянский кинорежиссер
- Витте Сергей — государственный деятель
- Владимиров Петр — военный корреспондент ТАСС в Китае
- Вознесенский Андрей — поэт
- Войтыла Кароль — Папа римский
- Волков Вячеслав — инженер

- Волков Николай — актер театра и кино
 Волков Соломон — американский музыковед, журналист
 Волошин Максимилиан — поэт
 Вольтер — французский философ–просветитель XVIII века
 Вормсбехер Гуго — публицист, общественный деятель
 Ворошилов Климент — военный деятель
 Врубель–Голубкина Ирина — писательница, журналистка
 Высоцкий Владимир — актер театра и кино, автор–исполнитель песен
 Вышинский Андрей — государственный деятель
 Габбе Тамара — писательница, редактор
 Гагарин Юрий — первый космонавт в мире
 Галич Александр — автор–исполнитель песен, драматург, прозаик
 Ганди Индира — первая женщина премьер–министр Индии
 Ганзелка Иржи — чехословацкий путешественник, журналист
 Гантов Виталий — редактор отдела информации «Вечерний Челябинск»
 Гароди Роже — французский политический деятель, писатель
 Гегель Фридрих — немецкий философ
 Генри Эрнст (Ростовский) — публицист, правозащитник
 Гераклит — древнегреческий философ
 Герек Эдвард — польский политический деятель
 Герцен Александр — русский общественный деятель, писатель
 Гершкович Александр — театровед, журналист
 Герштейн Эмма — литературовед, писательница
 Гессе Герман — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии
 Гефтер Михаил — писатель, историк, философ
 Гиллеспи Диззи — джазовый трубач–виртуоз, аранжировщик
 Гиллеспи Дэвид — литературовед, профессор Баттского университета,
 Кембридж
 Гиппиус Зинаида — русская писательница
 Гир Ричард — американский киноактер
 Гладилин Анатолий — писатель, один из основоположников прозы
 «шестидесятников»
 Глазков Николай — поэт
 Гобзева Ольга — киноактриса
 Гоголь Николай — писатель
 Голдмэн Джеймс — американский драматург и сценарист, обладатель
 кинопремии «Оскар»
 Голованов Лев — танцовщик, хореограф, педагог
 Гомер — древнегреческий поэт–сказитель («Илиада» и «Одиссея»)

- Гомулка Владислав — польский политический деятель
- Гончаров Иван — писатель
- Горбаневская Наталья — правозащитница, поэтесса
- Горбачев Михаил — последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), инициатор «перестройки», первый и последний Президент СССР (1990–1991)
- Горин Григорий — драматург
- Городницкий Александр — поэт, один из основоположников жанра авторской песни в России, геофизик
- Горчаков Александр — государственный деятель
- Горький Алексей — писатель
- Граббе Алексей — актер театра драмы и комедии на Таганке
- Граббе Людмила — инженер–патентовед, жена А. Граббе
- Граббе Николай — актер кино
- Грабчак Анатолий — инженер, джазовый аранжировщик
- Грабчак Елена — инженер
- Грай Александр — ректор Челябинского института культуры
- Гранин Даниил — писатель
- Грачев Анатолий — актер театра и кино
- Гречко Георгий — космонавт
- Грин Грэм — английский писатель
- Грозный Иван — основоположник самодержавия в России
- Грушин Борис — ученый, социолог
- Губанов Леонид — артист театра
- Гурченко Людмила — артистка кино
- Гэлбрейт Джон — американский экономист, один из видных экономистов–теоретиков XX века
- Гюго Виктор — французский писатель
- да Винчи Леонардо — итальянский художник, ученый
- Дагуров Владимир — поэт
- Даниэль Юлий — поэт, правозащитник
- Данте Алигьери — итальянский поэт («Божественная комедия»)
- Дворяшин Вячеслав — инженер
- Де Голль Шарль — президент Франции
- Де Ниро Роберт — американский киноактер
- Де Сика Витторио — итальянский кинорежиссер
- Делоне Вадим — правозащитник
- Дементьев Андрей — литературовед, заместитель главного редактора журнала «Новый мир» (А. Твардовского)

- Демидова Алла — актриса театра и кино
 Демичев Петр — государственный, партийный деятель
 Денев Катрин — французская актриса
 Деникин Антон — генерал, лидер белого движения
 Депершмидт Александр — начальник «Востокметаллургмонтаж-1»
 Джонсон Линдон — президент США
 Дзержинский Феликс — государственный деятель
 Дмитриев Иван — писатель
 Дмитриева Антонина — актриса театра и кино
 Добролюбов Николай — литературный критик, поэт
 Добронравов Николай — поэт
 Докторова Маргарита — актриса театра
 Дольский Александр — бард
 Домбровский Виктор — судья международной категории по хоккею
 Донской Дмитрий — русский князь
 Доронина Татьяна — актриса театра и кино
 Дос Пасос Джон — американский писатель
 Достоевский Федор — писатель
 Дремлюга Владимир — правозащитник
 Думенко Борис — создатель первых конармейских соединений РККА
 (Первая конная армии)
 Дуров Лев — актер театра и кино
 Дымшиц Александр — литературовед
 Дюамель Жорж — французский писатель
 Дюркгейм Эмиль — французский социолог, философ
 Евтушенко Евгений — поэт
 Ежов Николай — руководитель НКВД СССР
 Ельцин Борис — государственный деятель
 Еремина Нина — спортсменка, телекомментатор
 Ерисов Павел — журналист
 Ермилов Владимир — литературовед
 Есенин Сергей — поэт
 Ефименко Геннадий — актер театра «Манекен»
 Ефремов Иван — писатель
 Ефремов Олег — главный режиссер театра «Современник» и МХАТ,
 актер кино
 Жаворонков Геннадий — журналист
 Жакоб Жиль — директор Каннского фестиваля
 Жванецкий Михаил — писатель

Жданов Андрей — партийный, государственный деятель
Жеймо Янина — актриса кино
Житенёв Владимир — партийный, государственный деятель
Жолковский Александр — писатель
Журавлев Геннадий — ученый, социолог, философ
Жуховицкий Леонид — журналист
Задорнов Михаил — писатель
Зайонц Марина — театровед
Зайцев Геннадий — актер театра «Манекен»
Заманский Владимир — актер театра и кино
Замошкин Юрий — ученый, социолог, философ
Засулич Вера — народоволка
Затевахина Галина — ученый, философ
Захаров Марк — режиссер
Здравомыслов Андрей — ученый, социолог, философ
Зеленая Рина — артистка кино
Зеленецкий Николай — однокашник А. Шитова
Зикмунд Мирослав — чехословацкий путешественник, журналист
Зиновьев Александр — ученый, философ, писатель
Зиновьев Григорий — партийный, государственный деятель
Золотов Александр — директор издательства
Зорин Валентин — журналист
Зощенко Михаил — писатель
Зырянов Сергей — ученый, философ, социолог
Зюганов Геннадий — председатель КП РФ
Иваненко Татьяна — актриса театра драмы и комедии на Таганке
Иконникова Светлана — ученый, социолог, философ
Илизаров Гавриил — хирург–ортопед
Ильенков Эвальд — ученый, философ
Ильин Иван — ученый, философ
Ильченко Виктор — артист
Ингулов Сергей — руководитель советской печати и цензуры
Ионеско Эжен — французский драматург
Искандер Фазиль — писатель
Иствуд Клинт — американский киноактер
Каак Ханс–Юрген — чиновник МВД ФРГ
Кабаков Александр — писатель
Каган Моисей — ученый, философ
Казутин Дмитрий — журналист

Кайдановский Александр — актер театра и кино
Кайзер Роман — инженер, организатор производства
Каконин В.И. — социолог, менеджер
Кальпиди Олег — инженер, тренер по настольному теннису
Калягин Александр — артист театра и кино
Каменев Лев — государственный, партийный деятель
Каменева Татьяна — актриса театра
Каменская Лариса — библиотечный работник
Камю Альбер — писатель, лауреат Нобелевской премии
Каневский Леонид — актер театра и кино
Кант Эммануил — немецкий философ
Кантор Максим — философ, писатель, художник
Кардин Владимир — писатель
Карнеги Дейл — американский педагог, лектор, писатель
Карпинский Лен — журналист, философ
Карсавин Лев — философ
Картер Джимми — президент США
Карцев Роман — артист театра и кино
Карякин Юрий — ученый, философ, писатель, правозащитник
Карякина Майя — библиотечный работник
Кассиль Лев — писатель
Кастрица Сергей — актер театра «Манекен»
Катульский Евгений — ученый, экономист
Каунов Александр — бизнесмен
Каунова Вера — менеджер
Кафка Франц — немецкий писатель
Качурина Валентина — актриса театра
Кваша Игорь — актер театра «Современник» и кино
Келлер Константин — инженер, организатор производства
Кеннеди Джон — президент США
Керенский Александр — глава Временного правительства
Ким Юлий — поэт, бард, публицист
Кин Виктор — писатель
Кин Цецилия — писательница
Кирсанов Семен — поэт
Киссинджер Генри — государственный деятель США
Клинтон Билл — президент США
Клячкин Евгений — бард, автор–исполнитель своих песен
Ковалев Борис — историк, общественный деятель

- Коган Лев — ученый, философ, социолог, культуролог
 Кожин Вадим — писатель, литературовед
 Козлов Сергей — комсомольский, общественный деятель
 Кокарев Игорь — политолог
 Кокошин Андрей — академик АН РФ
 Колтрейн Джон — американский джазовый саксофонист, композитор
 Колчак Александр — военный деятель
 Коль Гельмут — немецкий государственный и политический деятель
 Комирева (Шитова) Вера — работник «Челиндбанка»
 Комирева Анна — дочь Веры Комиревой, внучка А. Шитова
 Коновалова (Блоцкая) Елена — педагог, двоюродная сестра А. Шитова
 Константиновский Давид — ученый, социолог
 Конфуций — китайский древний мыслитель и философ
 Копалов Виталий — ученый, философ
 Коперник Николай — польский астроном, положивший начало первой научной революции
 Кораллов Марлен — правозащитник
 Кордонский Симон — ученый, социолог, политолог
 Коржавин Наум — поэт
 Коробицына Лариса — организатор клуба авторской песни
 Коробков Гавриил — тренер сборной СССР по легкой атлетике
 Королев Сергей — Главный конструктор ракетно-космической техники
 Коротич Виталий — журналист, писатель
 Косарев Александр — государственный деятель
 Костнер Кевин — американский киноактер
 Косыгин Алексей — государственный деятель
 Коузи Боб — спортсмен
 Кох Эдуард — инженер
 Кочетов Всеволод — писатель
 Коэн Стивен — американский политолог, писатель, публицист
 Кравцов Николай — инженер, командир производства
 Кривин Феликс — писатель
 Криворученко Владимир — ученый, историк
 Крупина Вера — социолог
 Крученых Алексей — русский поэт-футурист
 Крымова Наталья — театральная критик
 Крючков Владимир — председатель КГБ СССР
 Крючков Яков — предприниматель
 Крючкова Лиля — экономист, научный работник

Кузанский Николай — немецкий философ, кардинал Римской католической церкви

Кузнецов Валентин — экономист, комсомольский деятель

Кукин Юрий — поэт, бард

Кунце Франц — немецкий менеджер

Куняев Станислав — писатель

Курляндский Александр — писатель

Курский Дмитрий — государственный деятель

Кустикова Алиса — журналистка

Кушнер Александр — поэт

Лавровский Игорь — журналист

Лазарев Александр — артист театра и кино

Лакснесс Халлдор — исландский писатель

Лапиков Иван — актер кино и театра

Лапин Сергей — председатель Гостелерадио СССР

Ларошфуко Франсуа — французский писатель, философ

Лахути Делир — литературовед

Левада Юрий — ученый, социолог, философ

Левенбук Александр — артист

Левинсон Георгий — инженер

Левитин Михаил — театральный режиссер

Легасов Валерий — академик АН СССР

Лейзеров Николай — философ, культуролог

Лейкин Алексей — актер театра «Манекен»

Лекманов Олег — писатель, научный работник

Ленин Владимир — государственный и партийный деятель

Лермонтов Михаил — поэт

Ли Льюис Джери — американский пианист, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла

Лик Александр — комсомольский работник

Липская Лариса — ученый, культуролог

Липский Вячеслав — ученый, философ, социолог

Лисин Виктор — инженер

Лисовский Владимир — социолог, научный работник

Литвинов Павел — правозащитник

Лифшиц Александр — артист

Лобачевский Николай — ученый

Ломоносов Михаил — ученый, пример «универсального человека»

Лоренц Конрад — австрийский зоолог и зоопсихолог

- Лосский Николай — ученый, философ
 Луконин Юрий — генерал-лейтенант МВД
 Лукьянов Анатолий — государственный деятель
 Лукьянова Татьяна — актриса театра драмы и комедии на Таганке
 Лученок Игорь — композитор
 Любимов Юрий — главный режиссер Московского театра драмы и комедии на Таганке
 Ляпустин Александр — журналист
 Магомаев Муслим — певец, композитор
 Майоров Борис — хоккеист
 Майоров Владимир — ученый-юрист, генерал МВД
 Макаренко Антон — педагог
 Макаров Виталий — журналист
 Малеванная Лариса — актриса театра и кино
 Малевич Казимир — художник
 Мальков Геннадий — инженер
 Мальцев Александр — предприниматель
 Мамардашвили Мераб — ученый, философ
 Мандельштам Надежда — писательница, жена О. Мандельштама
 Мандельштам Осип — поэт
 Мао Цзедун — китайский партийный и государственный деятель
 Маргвелашвили Георгий — грузинский литературовед
 Маркс Карл — немецкий экономист, ученый
 Маршак Аркадий — ученый, культуролог
 Масляков Александр — ведущий КВН на телевидении
 Матростройни Марчелло — итальянский артист кино
 Матвеева Татьяна — переводчик с немецкого
 Маттизен Клаус — правительственный чиновник ФРГ
 Мать Тереза — католическая монахиня, канонизирована
 Махарадзе Тенгиз — театральный режиссер
 Машин Юрий — государственный деятель
 Машков Анатолий — конькобежец
 Маяковский Владимир — поэт
 Медведев Вадим — партийный, государственный деятель
 Медведев Дмитрий — государственный деятель
 Медведев Жорес — биолог, правозащитник
 Медведев Рой — историк, писатель, правозащитник
 Мединский Владимир — министр культуры РФ
 Межиров Александр — поэт

- Меньшов Владимир — режиссер, артист кино
- Меньщиков Валерий — один из инициаторов фестиваля бардовской песни в Академгородке (1968 г.) , член совета клуба «Под интегралом»
- Меренищев Владимир — партийный работник
- Мериль Маша — французская актриса
- Метревели Георгий — инженер
- Метревели Константин — инженер
- Мещанинова Виктория — театральная режиссер
- Мещанинова Лидия — педагог–хореограф
- Милгрэм Стэнли — американский психолог
- Миллер Гленн — американский музыкант, аранжировщик («Серенада Солнечной Долины»)
- Миндлин Эмилий — писатель
- Миронов Филипп — организатор первых кавалерийских соединений РККА, командир Второй конной армии
- Михайлов Александр — артист театра и кино
- Михайлов Николай — философ, журналист
- Михайлушкин Александр — актер театра и кино
- Михалков Никита — режиссер, артист кино
- Могилевский Станислав — научный работник
- Можин Владимир — партийный деятель, научный работник
- Моисеев Игорь — хореограф
- Моисеев Никита — академик АН СССР
- Молотов Вячеслав — государственный деятель
- Монтень Мишель де — французский писатель и философ
- Моор Дмитрий — художник
- Моравиа Альберто — итальянский писатель
- Мордкович Владимир — ученый, социолог
- Мориак Франсуа — французский писатель
- Морозов Анатолий — режиссер театра
- Морозов Борис — режиссер театра
- Морозов Иван — историк, научный работник
- Морозов Павлик — пример для подражания в СССР
- Моруа Андре — французский писатель
- Мозэм Уильям Сомерсет — английский писатель
- Муратов Дмитрий — журналист («Новая газета»)
- Муратов Сергей — режиссер телевидения (КВН)
- Мухачев Владимир — научный работник, социолог
- Мюллер Альфред — инженер, организатор производства

- Мякуш Владимир — государственный деятель
 Набоков Владимир — писатель
 Неизвестный Эрнст — скульптор, художник
 Некрасов Николай — поэт
 Некрич Александр — ученый, историк
 Ненашев Михаил — государственный деятель
 Ненашева Галина — певица
 Нехорошев Юрий — специалист Курчатовского института Минатома
 Нехорошева Ирина — скульптор, жена Ю. Нехорошева
 Николсон Джек — американский киноактер
 Никсон Ричард — президент США
 Никулин Юрий — артист цирка, кино
 Ницше Фридрих — немецкий философ
 Новиков Анатолий — композитор
 Норт Дуглас — американский экономист, лауреат Нобелевской премии
 «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря
 приложению к ним экономической теории и количественных методов,
 позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения»
 Нуждин Михаил — комсомольский, партийный, общественный деятель
 Обама Барак — президент США
 Ободзинский Валерий — певец
 Образцов Иван — ректор Московского авиационного института
 Огарев Николай — поэт, публицист
 Окуджава Булат — поэт, писатель, бард
 Олдисс Брайан — английский писатель
 Ольбрыхский Даниэль — польский киноактер
 Опорков Геннадий — театральный режиссер
 Орлов Наум — театральный режиссер
 Орлова Валентина — педагог, комсомольский работник
 Оруэлл Джордж — английский писатель
 Осборн Чарльз — английский литературовед
 Осинцев Николай — инженер
 Оскоцкий Валентин — писатель
 Осокин Петр — комсомольский деятель
 Остапчук Виктор — инженер
 Павленко Вячеслав — инженер
 Павлов Сергей — государственный деятель
 Павловский Глеб — журналист, публицист

Павловский Сергей — соавтор документального фильма «Дольше жизни», посвященного жертвам репрессий «АЛЖИРа» (Акмолинский лагерь жен изменников родины)

Панкин Борис — журналист, государственный деятель

Параджанов Сергей — кинорежиссер

Парфенов Леонид — журналист, режиссер телевидения

Парыгин Борис — ученый, психолог, философ

Пастернак Борис — поэт

Паукин Александр — партийный работник

Пауэр Саманта — представитель США в ООН

Пахмутова Александра — композитор

Перес де Куэльяр — Генеральный секретарь ООН

Перчик Давид — деятель культуры, научный работник

Петрарка Франческо — итальянский поэт

Петренко Алексей — артист театра и кино

Пикассо Пабло — художник

Писарев Дмитрий — публицист

Писигин Валерий — журналист, публицист, общественный деятель

Платон — философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля

Платонов Андрей — писатель

Платонов Валерий — экономист, производственник

Плеханов Георгий — философ, русский общественный деятель

Плисецкая Майя — балерина

Подмарков Валентин — ученый, социолог

Поликарпов Василий — ученый, историк

Политицкий Алексей — комсомольский деятель

Поллок Джексон — американский художник–абстракционист

Поляничко Виктор — государственный деятель

Померанц Георгий — ученый, философ, культуролог

Попов Владимир — политолог, ученый («информациология»)

Попов Евгений — писатель

Попова Янина — руководитель ЗАГСа Metallургического района

Потапов Николай — журналист

Пресли Элвис — один из основоположников рок–н–ролла

Приладышев Владимир — инженер

Примаков Евгений — политический и государственный деятель

Пристли Джон — английский писатель

Прок Исаак — сценарист и автор текстов документальных фильмов

Пуго Борис — государственный деятель

Пучков Николай — хоккеист (вратарь сборной СССР)
Пучкова Маргарита — педагог, жена Н. Пучкова
Пушкин Александр — поэт
Пьеха Эдита — певица
Пятигорский Александр — ученый, философ
Рабин Павел — предприниматель
Разбаш Андрей — журналист, режиссер телевидения
Разумовский Георгий — политический и государственный деятель
Райкин Аркадий — актер театра и кино
Райкин Борис — педагог
Райкрофт Мэттью — правительственный чиновник Великобритании
Раймон Арон — французский философ, социолог, публицист
Райс Сьюзан — чиновница правительства США
Раневская Фаина — актриса театра и кино
Раскольников Федор — государственный деятель
Распутин Григорий — крестьянин, «царский друг»
Рассадин Станислав — писатель
Рейган Рональд — президент США
Рейхер Петер — правительственный чиновник ФРГ
Ремарк Эрих Мария — немецкий писатель
Рерих Николай — художник
Рождественский Роберт — поэт
Розов Виктор — драматург
Розовский Марк — режиссер театра
Романов Глеб — певец
Романова Александра — врач
Романовский Сергей — литературовед, критик
Ромаровский Павел — спортивный деятель
Рублев Андрей — художник–иконописец
Руссинова Татьяна — актриса театра
Рутберг Илья — актер театра и кино, мим
Ручьев Борис — поэт
Рушева Надя — художник
Рушиц Сергей — научный работник
Рыков Вячеслав — философ, научный работник
Савостина Зинаида — библиотечный работник
Салтыков–Щедрин Михаил — писатель
Сараскина Людмила — философ, литературовед
Саровский Серафим — Иеромонах Саровского монастыря

Сартр Жан–Поль — французский философ, политолог, лауреат Нобелевской премии

Саруханов Валерий — театральный режиссер

Сатаров Георгий — историк, философ, публицист

Сафулин Геннадий — актер театра и кино

Сахаров Андрей — академик АН СССР, правозащитник

Сахарова Людмила — педагог, работник «облита» (цензуры)

Свободин Александр — драматург, театровед

Семенов Юлиан — писатель

Семиног Анатолий — журналист

Семичастный Леонид — инженер–строитель

Сервантес Мигель де — испанский писатель

Сидоров Евгений — государственный деятель

Сидоров Константин — деятель культуры

Сидур Вадим — скульптор

Силантьев Юрий — музыкант, дирижер

Симонов Константин — поэт, писатель, драматург

Синявский Андрей — литературовед, правозащитник

Скворцов Константин — поэт

Скобликова Лидия — конькобежец

Скорочкина Ольга — театровед

Славкин Виктор — драматург, режиссер телевидения

Словатинская Татьяна — ветеран партии, бабушка Ю. Трифонова

Смелянский Анатолий — театровед, театральный деятель

Смехов Вениамин — актер театра драмы и комедии на Таганке, и кино

Смеющев Виктор — общественный деятель

Смилга Ивар — политический, государственный деятель

Смирнов Алексей — художник

Смирнов Георгий — философ, партийный деятель

Смоктуновский Иннокентий — актер театра и кино

Сноу Чарльз Перси — английский писатель

Сокольников Григорий — государственный деятель

Сократ — древнегреческий философ

Солженицын Александр — писатель, лауреат Нобелевской премии

Соловьев Вадим — партийный, государственный деятель

Соловьев Эрих — ученый, философ

Соловьев–Седой Василий — композитор

Сологубов Николай — хоккеист

Солоухин Владимир — писатель

Солунов Виталий — однокашник А. Шитова
Сорина Светлана — библиотечный работник
Сорокин Константин — однокашник А. Шитова
Сорокин Питирим — русский, американский социолог, экономист
Сталин Иосиф — партийный, государственный деятель
Стариков Сергей — ветеран гражданской войны
Старовойтов Андрей — спортивный деятель
Старовойтова Галина — депутат ВС СССР
Стейнбек Джон — американский писатель, лауреат Нобелевской премии
Степанов Леонард — инженер
Степанова Ангелина — артистка театра
Степанова Галина — артистка театра
Столлуорси Джон — английский поэт
Столыпин Петр — государственный деятель
Струве Глеб — литературовед, историк, философ
Субботин Александр — литературовед, историк
Суименко Евгений — ученый, социолог
Сумин Петр — государственный деятель
Суховский Семен — тренер по баскетболу
Табачков Олег — артист театра и кино, режиссер театра
Табашников Игорь — журналист
Тарасов Анатолий — тренер сборной СССР по хоккею с шайбой
Тарасова Виктория — артистка театра «Манекен»
Тацит — древнеримский историк
Твардовский Александр — поэт, главный редактор «Нового мира»
Тергалинский Олег — джазовый композитор, аранжировщик
Тимофеев-Ресовский Николай — биолог, генетик
Тинберген Николас — нидерландский этолог и орнитолог
Тихонов Вячеслав — артист кино
Ткачѳв Петр — публицист
Товстоногов Георгий — театральнй режиссер
Толмачева Лилия — артистка театра и кино
Толстой Лев — писатель
Тоффлер Элвин — американский философ, социолог
Тощенко Жан — ученый, социолог
Трамп Дональд — президент США
Трахтенберг Юрий — инженер, инноватор общественной жизни
Трегубов Иван — хоккеист
Третьяков Олег — руководитель ПО «Технополис»

Трифонов Валентин — государственный деятель
Трифонов Юрий — писатель
Трифорова Ольга — писатель, жена Ю. Трифонова
Трифорова Татьяна — биолог, сестра Ю. Трифонова
Трифорова–Лурье Евгения — мать Ю. Трифонова
Тростановский Жозеф — социолог
Троцкий Лев — партийный и государственный деятель
Трубников Евгений — инженер
Трэверс Джеффри — американский психолог
Тургенев Иван — писатель
Тухманов Давид — композитор
Тэтчер Маргарет — государственный деятель Великобритании
Тютчев Федор — поэт
Тяжельников Евгений — партийный и государственный деятель
Уайльд Оскар — английский драматург
Уайтхед Тед — английский поэт
Уколова Ольга — артистка театра «Манекен»
Уличева Татьяна — инженер, жена А. Шитова
Ульянов Михаил — артист театра и кино
Успенский Эдуард — поэт, драматург
Файнберг Виктор — правозащитник
Файнштейн Илэйн — английский писатель
Фаст Говард — американский писатель
Федоров Юрий — журналист
Фейхтвангер Лион — немецкий писатель
Феллини Федерико — итальянский кинорежиссер
Фельцман Оскар — композитор
Фетисов Эдуард — социолог
Филатов Леонид — артист театра драмы и комедии на Таганке
Филимонов Михаил — режиссер театра
Филиппов Борис — американский литературовед
Фицджеральд Скотт — американский писатель
Флоренский Павел — философ, православный священник
Фолкнер Уильям — американский писатель
Форд Джеральд — президент США
Франгулян Георгий — скульптор
Франк Семен — философ, религиозный мыслитель
Франтишик Зденек — чешский, австрийский предприниматель
Фриш Карл фон — австрийский этолог (поведение животных)

Фромм Эрих — немецкий социолог, философ, социальный психолог
 Фукуяма Фрэнсис — американский философ, политолог
 Хазанов Геннадий — артист театра и кино
 Хайдеггер Мартин — немецкий философ
 Хайт Аркадий — писатель, драматург
 Хаксли Олдос — английский писатель
 Ханга Елена — журналист
 Харджиев Николай — писатель, литературовед, искусствовед
 Харитонов Владимир — философ, литературовед
 Харитонов Леонид — артист театра и кино
 Харитонова Инна — литературный редактор
 Хармс Даниил — поэт
 Харчев Анатолий — ученый, социолог
 Хауэр Рутгер — американский киноартист
 Хейли Билл — один из первых исполнителей рок–н–ролла
 Хемингуэй Эрнест — американский писатель
 Хиль Эдуард — артист
 Хлебников Велимир — поэт
 Хмелик Александр — драматург
 Хомский Павел — режиссер театра
 Хренников Тихон — композитор
 Хренникова Наталья — театральный художник
 Христенко Виктор — государственный деятель
 Хрущев Никита — партийный и государственный деятель
 Худяков Виктор — научный работник
 Худяков Константин — режиссер театра и кино
 Хуциев Марлен — режиссер кино
 Цапник Юрий — артист театра
 Цветаева Марина — поэт
 Цеткин Клара — немецкий политический деятель
 Циземер Берндт — немецкий журналист (шеф–редактор Handelsblatt)
 Цукерман Владимир — ученый, социолог, культуролог
 Цыбульский Збигнев — польский артист кино
 Цыбульский Николай — историк, научный работник
 Цымбал Евгений — кинорежиссер
 Чебриков Виктор — государственный деятель
 Чекер Чабби — американский певец твиста и рок–н–ролла
 Чернышев Аркадий — главный тренер сборной СССР по хоккею с шайбой

Чернышевский Николай — литературовед, философ, писатель
Черняев Анатолий — историк и партийный деятель
Чехов Антон — писатель
Чуковская Лидия — писательница, правозащитница
Чуковский Корней — писатель
Чуркин Виталий — государственный деятель
Чуркина Ирина — специалист–переводчик, жена В. Чуркина
Шапиро Алик — историк, общественный деятель
Шарапов Евгений — инженер
Шарыпов Салим — предприниматель, инновационный деятель
Шафраник Юрий — государственный деятель
Шварц Евгений — драматург
Швейцер Альберт — немецкий и французский философ культуры
Швейцер Михаил — кинорежиссер
Шевцов Иван — писатель
Шекспир Вильям — английский драматург
Шенкман Семен — инженер
Шепард Алан — первый американский астронавт
Шестов Лев — ученый, философ
Шибутани Тамотсу — американский философ, социолог, психолог
Шигулла Ханна — немецкая актриса
Шинкарев Леонид — журналист
Шитов Борис — инженер–энергетик, родственник А. Шитова
Шитова Александра — бабушка А. Шитова
Шитова Валентина — техник–сметчик, мама А. Шитова
Шитова Людмила — театральный деятель
Шкловский Виктор — писатель
Шмаков Александр — писатель
Шмакова Нина — историк, научный работник
Шопенгауэр Артур — немецкий философ
Шостакович Дмитрий — композитор
Шпигун Наташа — студентка НГУ
Штурман Дора — историк, литературовед
Шукшин Василий — писатель
Щедрин Родион — композитор
Щедровицкий Георгий — философ, социолог, научный работник
Щепаньский Ян — социолог
Щербаков Константин — журналист, государственный деятель
Эдерер Маркус — правительственный чиновник ФРГ

Эйзенхауэр Дуайт — президент США
 Энгельс Фридрих — немецкий экономист, промышленник, ученый
 Эпштейн Лев — экономист
 Эпштейн Николай — спортивный деятель
 Эрдман Николай — драматург, киносценарист
 Эренбург Илья — писатель
 Эткинд Ефим — лингвист, литературовед
 Эфрос Анатолий — театральный режиссер
 Юрский Сергей — артист театра и кино, театральный режиссер
 Юртеев Владимир — специалист ТПП РФ, РСПП РФ
 Ягода Генрих — руководитель ГПУ СССР
 Ядов Владимир — ученый, социолог
 Яковлев Александр — партийный, государственный деятель
 Яковлев Егор — журналист («Московские новости»)
 Яковлева Ольга — актриса театра
 Якубович Леонид — артист, ведущий программ на телевидении
 Ямщиков Савелий — реставратор икон
 Яроцкий Ежи — польский театральный режиссер
 Ясенский Бруно — писатель
 Ясперс Карл — философ, психолог
 Ясулович Игорь — артист театра и кино

Продолжение «Приложения», как мне видится, будет состоять из нескольких составляющих, достаточно исчерпывающе представляющих соответствующее дополнение к контексту вышеприведенных субъективных записок:

— публикации *А. Шитова* о молодежи, социологии труда, а также публикации периода работы заместителем председателя Комитета по промышленному развитию Торгово–промышленной палаты РФ;

— публикации *А. Шитова* литературоведческого содержания, где основная часть относится к «трифоноведению»;

— *размышления А. Шитова* «О парадоксальности жизни в повседневности N–го количества людей на планете».

Не знаю, удастся ли написать что–либо подобное в будущем, поэтому считаю уместным сказать (дополнить) о *коллективной фотографии* семейства

Шитовых (что как бы не вписывалось в контекст записок), чтобы назвать тех, кому признателен до сих пор своему становлению и развитию.

Начну описание сверху над нижеприведенной фотографией, сделанной в Челябинском (в то время единственном в районе) фото-ателье на улице Сталеваров в Metallургическом районе. Это было, как мне кажется, в 1959–1960 году, летом, когда в отпуск из города Электрорузги (Московская область) приехал Борис Михайлович Шитов (на фото сидит слева), брат родоначальницы нашего семейства — Александры Михайловны Шитовой (на фото сидит в центре). Наверху слева и справа стоят ее дочери: слева моя мать — Шитова Валентина Степановна, справа — Шитова (в замужестве — Блоцкая) Галина Степановна, а рядом с ней (сидит справа) ее муж — Блоцкий Адам Николаевич. Рядом с ним (сидит) Блоцкая Елена, и стоит (в белой рубашке) Блоцкий Николай (т.е. мои двоюродные сестра и брат). Между мной и Колей, за спиной бабушки, стоит Нина Бакунина, дочь другой (младшей) дочери нашей бабушки — Нины Бакуниной (Шитовой) из города Серова, т.е. наша (с Леной и Колей) троюродная сестра...

Наши семейные отношения складывались с первых лет моего рождения, вероятно, как и во многих семьях страны в послевоенное время. Родители постоянно были на работе, а мы — дети — во многом были предоставлены самим себе, воспитываясь на улице, а потом — в школе. Но у нас была счастливая возможность — расти под внимательным, добрым и чутким *приглядом* нашей бабушки — Александры Михайловны. В мои школьные годы много времени проводил в семье Блоцких. А когда вернулся из суворовского училища на «гражданку» в 1962 году, то моя мама помогла меня устроить работать на Челябинский металлургический завод (мне только-только исполнилось 16 лет), и по личным обстоятельствам сразу же уехала в Свердловск. Ко мне переехала бабушка, с которой мы стали жить. Галина Степановна и Адам Николаевич — мои фантастические тетя и дядя, своеобразно заменили мне родителей, по взрослому помогая мне переживать самые разнообразные во всей своей сложности жизненные перипетии. Низко кланяюсь ИМ, давно находящимся *на небесах*, помня теплоту их отношения ко мне, проявляющихся во всем...

СПИСОК

книг, статей, докладов, выступлений А. Шитова во время работы в Челябинском обкоме ВЛКСМ, а позже — заместителем председателя Комитета по промышленному развитию Торгово–промышленной палаты РФ.

Большую роль в моей работе, наряду с теми, о ком так или иначе рассказывал в данных записках, сыграл Владимир Яковлевич Юртеев, ведущий специалист отдела промышленных предприятий и малого, среднего бизнеса ТПП РФ. Ранее он работал первым секретарем Коркинского горкома ВЛКСМ Челябинской области, затем окончил ВКШ при ЦК ВЛКСМ, редактировал различные печатные издания ЦК комсомола, возрождал газету «Торгово–промышленные ведомости», органа Торгово–промышленной палаты России.

ПУБЛИКАЦИИ

(проблемы молодежи, социологии труда)

Книги, брошюры, учебные пособия

1. *Шитов А.* Социальные проблемы молодежи : Науч. вспомогат. указ. лит. 1968–1973 гг. / Сост. : А.П. Шитов, В.И. Липский, Е.М. Дорошенко,

Г.Г. Жарикова ; Челябин. обком ВЛКСМ, Челябин. обл. орг. об-ва «Знание», Челябин. обл. публ. б-ка, Зонал. комсом. шк., Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1974. — 143 с.

2. *Шитов А.* Комплексные программы по работе с различными категориями молодежи в области экономического развития / Ю.М. Александрович, Е.Д. Катульский, В.И. Липский, А.П. Шитов/ Челябин обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1974. — 70 с.

3. *Шитов А.* Комплексная программа развития социальной активности рабочей молодежи (Метод. рекомендации) / Ю.М. Александрович, В.И. Липский, Н.Н. Михайлов, В.Г. Мордкович, А.П. Шитов / Челябин обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1975. — 70 с.

4. *Шитов А.* Комплексная программа военно-патриотического воспитания молодежи / Ю.М. Александрович, Н.А. Захаров, А.П. Шитов и др. / Челябин обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1975. — 33 с.

5. *Шитов А.* XVII съезд ВЛКСМ и проблемы формирования личности молодого рабочего : Науч.-практ. конф. : Тезисы [Ред. кол. : В.К. Криворученко (отв. ред.), А.П. Шитов, В.И. Липский (сост. и ред.)] / Челябин обком ВЛКСМ, ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1975. — 280 с.

6. *Шитов А.* Комплексная программа и рекомендации по повышению эффективности и качества работы комсомольских организаций с молодежью / Ю.М. Александрович, В.И. Липский, Н.Н. Михайлов, В.Г. Мордкович, В.П. Соловьев, А.П. Шитов / Челябин обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1976. — 71 с.

7. *Шитов А.* Социальное планирование и молодежь : Науч.-вспомогат. указ. лит. 1971–1975 гг. / А.П. Шитов, В.И. Липский, Л.В. Каменская, И.А. Варанкина / Обществ. ин-т конкрет. социол. исследований при Челябин. обкоме КПСС, Челябин. обком ВЛКСМ, НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Челябин. обл. Публ. б-ка. — Челябинск, 1977. — 160 с.

8. *Шитов А.* Экономическое воспитание молодежи : Библиогр. указ. лит. 1970–1977 гг. / Сост.: А.П. Шитов, Е.В. Пашутина; науч. ред Л.Е. Эпштейн, д.э.н., проф. / Челябин обком ВЛКСМ, Челябин. пед. ин-т. — Челябинск, 1978. — 46 с.

9. *Шитов А.* Трудовая экономическая активность рабочей молодежи / Ю.М. Александрович, В.Г. Мордкович, А.П. Шитов / Информ. бюллетень обществ. ин-т конкрет. социол. исследований при Челябин. обкоме КПСС, Челябин. обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1978. — 42 с.

10. *Шитов А.* Духовные потребности и социальная активность рабочей молодежи в сфере досуга / Н.Н. Михайлов, С.В. Мордкович, А.П.

Шитов / Информ. бюллетень обществ. ин–т конкрет. социол. исследований при Челяб. обкоме КПСС, Челяб. обком ВЛКСМ. — Челябинск, 1978. — 36 с.

11. *Шитов А.П.* Формирование активной жизненной позиция рабочей молодежи в условиях развитого социализма : Автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГПИ им. В.И. Ленина. — М., 1984. — 21 с.

12. *Шитов А.* Актуальные вопросы деловой этики, социальной ответственности и партнерства в системе корпоративного управления : Сб. мат. под ред. проф. И.Ю. Беляевой, проф. А.П. Шитова. — М. : ТПП РФ, 2008. — 125 с.

13. *Шитов А.* Экономика и социология труда : Учебное пособие / А.П. Шитов. — М.: Изд–во МГУП, 2010. — 258 с.

14. *Шитов А.* Актуальные проблемы экономической теории в эпоху постиндустриального развития : Монография / А.П. Шитов. — М. : МГУП им. Ивана Федорова, 2011. — 408 с.

Статьи

15. *Шитов А.* Проблемы молодежного досуга в городе / А.П. Шитов // Вечерний Челябинск. — 1970. — 15 мая.

16. *Шитов А.* Ленинские идеи комплексного подхода к явлениям общественной жизни и использования их в практике комсомольской работы / А.П. Шитов // Проблемы политического воспитания и повышения общественной активности молодежи : Мат. Всесоюз. науч. конф. «Ленин и молодежь» / ЦК ВЛКСМ, АН СССР, АОН при ЦК КПСС, Всесоюз. об–во «Знание». — М., 1974. — С. 149–151.

17. *Шитов А.* Об основах комплексного планирования в комсомольской работе / А.П. Шитов // XVII съезд ВЛКСМ и проблемы формирования личности молодого рабочего : Науч.–практ. конф. / Челяб. обком ВЛКСМ, ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Челяб. гос. пед. ин–т. — Челябинск, 1975. — С. 44–49.

18. *Шитов А., Липский В.* К проблеме формирования повседневного практического сознания рабочей молодежи / А.П. Шитов, В.И. Липский // Проблемы профессиональной подготовки и воспитания молодого поколения рабочего класса в условиях развитого социалистического общества : Мат. науч.–теорет. конф. / Челяб. обком КПСС, АОН при ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Госпрофобр СССР. — Челябинск, 1975. — С. 75–79.

19. *Шитов А.* Обзор поступивших материалов / А.П. Шитов, Е.А. Литвинов // Проблемы профессиональной подготовки и воспитания молодого поколения рабочего класса в условиях развитого социалистического общества: Мат. науч.–теорет. конф. «Советский рабочий класс в условиях развитого

социалистического общества» : [Ред. кол.: Н.Н. Киселев (отв. ред.) и др.] / Челябин. обком КПСС, АОН при ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Госпрофобр СССР. — Челябинск, 1975. — С. 170–176.

20. *Шитов А.* Комплексное планирование в комсомоле как важное средство повышения эффективности участия молодежи в реализации планов социального развития коллективов / Ю.М. Александрович, А.П. Шитов // Молодежь и социальное планирование : Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. «Актуальные проблемы социального планирования». — Секция 4 ; ЦК ВЛКСМ, ИСИ АН СССР, ВС НТО. — М., 1975. — С. 175–182.

21. *Шитов А.* Социальное планирование и воспитание рабочей молодежи / Ю.М. Александрович, В.И. Мухачев, А.П. Шитов // Социологические исследования (Москва). — 1977. — № 3. — С. 42–46.

22. *Шитов А.* Некоторые вопросы изучения активной жизненной позиции личности в трудовом коллективе / А.П. Шитов // Роль трудовых коллективов в формировании активной жизненной позиции: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. «Основные факторы формирования личности в условиях развитого социализма» : [Редкол.: Н.С. Мансуров (отв. ред.)]. — Секция 3 / ИСИ АН СССР. — М., 1979. — С. 50–51.

23. *Шитов А.* Роль нравственного воспитания в формировании активной жизненной позиции членов трудового коллектива / А.П. Шитов, Е.Н. Егорышев // Формирование активной жизненной позиции : межвуз. сб. науч. тр. ; Отв. ред. В.И. Липский / Челябин. обком ВЛКСМ, Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1981. — С. 58–65.

24. *Шитов А.* Формирование активной жизненной позиции личности молодого рабочего / А.П. Шитов // XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социальной психологии : Тез. науч. конф. (ИСЭП АН СССР) — Л., 1981. — С. 189–192.

25. *Шитов А.* Требуется иное продолжение : [Об эффективности социол. исследований участия рабочей молодежи в социальном планировании] / А.П. Шитов // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО; Новосибирск). — 1982. — № 7. — С. 135–137.

26. *Шитов А.* Социологическая информация в социальном управлении трудовым коллективом / А.П. Шитов // XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. VI Уральские социологические чтения : Тез. докл. — Ч. 1 / Обществ. ин-т конкрет. социол. исслед. при Челябин. обкоме КПСС, Урал. отделение сов. социол. ассоц., Урал. дом науч.-техн. пропаганды. — Челябинск, 1986. — С. 58–60.

27. *Шитов А.* Социологическая информация и социальное управление / А.П. Шитов, А.Л. Маршак // Актуальные вопросы совершенствования

информационного обеспечения органов социального управления : Сб. ст. / [Редкол.: А.С. Кулагин, Е.П. Тавокин] / АОН при ЦК КПСС, учеб. и науч.–исслед. ВЦ. — М. : АОН, 1986. — С. 125–127.

28. *Шитов А.* Рукопожатие через Полюс. Канадцы охотно помогут тому, кто хочет и умеет работать : [Деловые встречи в Канаде] / А.П. Шитов // Деловой Урал (Челябинск). — 2000. — 25 сент.

29. *Шитов А.* Менеджмент и проблемы импорта в промышленности / А.П. Шитов // Газета (Москва). — 2007. — 18 окт.

30. *Шитов А.* Актуальные проблемы промышленно–инновационного развития экономики России / А.П. Шитов // Арматуростроение (Санкт–Петербург). — СПб., 2008. — № 6. — С. 24–26.

31. *Шитов А.* Актуальные проблемы развития промышленности в условиях кризиса / А.П. Шитов // Аргументы и факты (Москва). — 2008. — № 32.

32. *Шитов А.* Организационно–управленческие инновации на предприятиях промышленной отрасли России / А.П. Шитов // Материалы I–го Международ. съезда профессионалов инновационного менеджмента. — М., 2008. — С. 53–59.

33. *Шитов А.* К конкурентоспособной экономике: [Международ. эконом. форум в Казахстане] / А.П. Шитов // Торгово–промышленные ведомости (ТПП РФ). — 2008. — № 14 (июль).

34. *Шитов А.* Актуальные проблемы промышленно–инновационного развития экономики России (Трубопроводная арматура и машиностроение) / А.П. Шитов // Трубопроводная арматура XXI века: наука, инжиниринг, инновационные технологии : Мат. I–й Международ. науч.–техн. конф. — М.–Курган, 2008. — С. 13–18.

35. *Шитов А.* Кризис и конкуренция новые подходы в инновационном менеджменте / А.П. Шитов // Менеджмент инноваций (Москва). — М., 2009. — № 3. — С. 14–17.

36. *Шитов А.* Нравственная упругость человека. О морали в условиях нашего рынка / А.П. Шитов // Партнер (ТПП РФ). — М., 2009. — № 1 (22). — С. 64–67.

37. *Шитов А.* Догнать, перенимая новое: Банковская система России / А.П. Шитов // Партнер (ТПП РФ). — М., 2009. — № 1 (22). — С. 14–15.

38. *Шитов А.* Историческая память как фактор развития экономики / А.П. Шитов // Российское предпринимательство : история и современность: Мат. VI Международ. межвуз. студ. науч.–практ. конф., 6 мая 2010 г. — М., 2010. — С. 293–295.

39. *Шитов А.* Историческая память как фактор инновационного развития экономики / А.П. Шитов // Вестник Московского государственного университета печати. — 2010. — № 9. — С. 210–216.

40. *Шитов А.* Актуальные проблемы инновационного менеджмента в современных условиях демократизации общества / А.П. Шитов // Эффективное управление предприятием на основе демократизации собственности. — М.–Тирасполь, 2010. — С. 117–121.

41. *Шитов А.* Роль институтов в формировании среды, благоприятной для социальной деятельности компаний в условиях постиндустриального общества в России / А.П. Шитов // Корпоративная культура в России: проблемы, решения : Мат. междунаrod. конф. — М.: Финакадемия при Правительстве РФ, 2011. — М., 2011. — С. 46–56.

42. *Шитов А.* Роль институционального каркаса в управлении деятельностью предприятий в условиях постиндустриального общества России / А.П. Шитов // Проблемы полиграфии и издательского дела (Моск. гос. ун–т печати). — 2011. — № 5. — С. 144–155.

Доклады и выступления

2005 год

43. *Шитов А.* Роль молодых специалистов в сближении народов России и стран СНГ [Докл. на конф. «Роль интеллигенции в жизни России и стран СНГ» в рамках проекта «Россия многонациональная. Мир через культуру», Конгресс национальных объединений России, 2005].

2007 год

44. *Шитов А.* Экономический менеджмент и национальная безопасность: [Выступл. на Всерос. конкурсе «Национальная безопасность–2007», 2008].

45. *Шитов А.* Инвестиционный менеджмент регионов [Докл. на II Международ. инвест. форуме Смоленской области, 2007].

46. *Шитов А.* Актуальные проблемы экономики отечественной промышленности при присоединении России к ВТО [Докл. на конф. «Россия в XXI веке. Механизмы конкуренции и протекционизма, защитные меры российских предприятий, отраслей и регионов в условиях действия правил Всемирной Торговой Организации», ТПП РФ, Всерос. акад. внеш. торг. Мин–ва эконом. разв. и торговли РФ, «Внешторгклубом» ВАВТ МЭРТ РФ, Рос.–американ. Совет делового сотрудничества, 2007].

47. *Шитов А. Проблемы модернизации станкостроения* [Докл. на конф. «Актуальные задачи развития российского станкостроения», ТПП РФ, Правления Совета ветеранов — Министров СССР и РСФСР, 2007].

48. *Шитов А. Инновационное развитие промышленных отраслей в условиях международного сотрудничества* [Докл. на конф. «Актуальные вопросы инновационного развития российско–германского промышленного, научно–технического и культурного сотрудничества» на примере проекта создания Российско–Германского научно–инновационного и культурно–образовательного центра «Вместе» («Zusammen») и совместного проекта Комплексной интерактивной системы жизнеобеспечения административных территорий (КИСЖ АТ)», ТПП РФ, ТПП ФРГ, Руководители представители Союза Немецкой Экономики в РФ, компании «Рургаз», «Дрезднер Банка», ОАО АФК «Система», СФ РФ, компании «Тиссен Круп», Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2007].

49. *Шитов А. Инвестиционный менеджмент упаковочной отрасли* [Докл. на конф. «Актуальные вопросы развития упаковочной отрасли. О разработке проекта Программы развития упаковочной индустрии в РФ до 2015 года», ТПП РФ, Национальная конфедерация упаковщиков (НКПак), 2007].

50. *Шитов А. Современный менеджмент и развитие отрасли IT–технологий* [Докл. на конф. «Повышение конкурентоспособности отрасли IT–технологий России», ТПП РФ, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия» ассоциация АПКИТ, консорциум «Инфорус», 2007].

51. *Шитов А. Проблемы менеджмента и современное развитие арматуростроения* [Докл. на Конгрессе Европейского комитета по арматуростроению (CEIR), Санкт–Петербург, 26–28 апр., 2007].

52. *Шитов А. Менеджмент как объединяющий фактор «pro» и «contra» отраслей и регионов в условиях присоединения России к ВТО* [Докл. на науч.–практ. семинаре «Стратегии XXI века: Россия и ВТО — “pro” и “contra” отраслей и регионов», ТПП РФ, 2007]. — См. фото (сидящий слева).

53. *Шитов А. Менеджмент в создании системы топливно–энергетических балансов и материально–технических ресурсов в*

промышленности и отраслях [Докл. на практ. семинаре «Актуальные вопросы создания системы балансов топливно–энергетических и материально–технических ресурсов промышленного развития отраслей и регионов России», ТПП РФ, РНИИ экономики, политики и права в научно–технической сфере Федерального агентства по науке и инновациям Минобрнауки РФ, Компания «Ресурсосберегающее агентство энергоэффективности», Межфракционное депутатское объединение «Наука и высокие технологии» Госдумы РФ, 2007].

54. *Шитов А. Менеджмент в совершенствовании системы РЖД* [Докл. на науч.–практ. семинаре в ред. газеты «Гудок», Минпромэнерго РФ, ОАО «РЖД», ОАО «Гипротяжмаш», Рос. союз машиностроителей, ЗАО «Трансмашхолдинг», Дженерал Электрик Транспортные Системы, 2007].

55. *Шитов А. Проблемы развития инновационного менеджмента в деятельности общественных организаций в промышленности* [Докл. на конф. «Актуальные задачи повышения эффективности работы промышленных отраслевых союзов и ассоциаций», ТПП РФ, Национальная Гильдия Профессиональных Консультантов (НГПК), 2007].

56. *Шитов А. Совершенствование менеджмента в создании системы безопасности энергетической отрасли* [Докл. на конф. «Инновационные проекты: проблемы их продвижения и организации инвестирования», проведенной в рамках VI Всероссийской Промышленной ярмарки и Всероссийской конференции «Безопасность в электроэнергетике России», 2007].

57. *Шитов А. Инновационный менеджмент в реализации частно–государственного партнерства при создании и использовании беспилотных многоцелевых комплексов* [Докл. на конф. «Проблемы развития беспилотных многоцелевых комплексов в развитии ТЭК» в рамках Моск. международ. форума и выставки «Беспилотные многоцелевые комплексы» UVS–TECH, 2007].

58. *Шитов А. Менеджмент сертификации, стандартизации, технического регулирования лесного хозяйства* [Докл. на конф. «Состояние и прогнозы развития лесной сертификации в национальном лесном секторе экономики» в рамках IX Международного лесного форума в Санкт–Петербурге, 2007].

2008 год

59. *Шитов А. Менеджмент в современной индустрии упаковки* [Докл. на XIII Международ. промышленной выставке «Росупак–2008», 2008 г.]

60. *Шитов А. Менеджмент финансовых инструментов отечественной промышленности* [Докл. на заседании «круглого стола» на

тему «Иновационные финансовые инструменты для российского промышленного рынка. Опыт международной практики страхования кредитных рисков промышленных предприятий и компаний, страхования дебиторской задолженности, как важного инструмента управления рисками, увеличения объемов производства и продаж продукции промышленного сектора экономики России», ТПП РФ, Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2008].

61. *Шитов А. Взаимодействие элементов инновационной системы* [Докл. на конф. «Элементы инновационной системы России и их эффективное взаимодействие: Опыт. Проблемы. Перспективы», ТПП РФ, Российской ассоциации инновационного развития, Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2008].

62. *Шитов А. Проблемы научно–технической экспертизы в инновационной деятельности* [Выст.–докл. на конф. «Обеспечение научной и научно–технической экспертизы и проведения технологического аудита в сфере инновационной деятельности», проведенной по программе VIII Моск. Международ. форума инноваций и инвестиций, 2008].

63. *Шитов А. Актуальные вопросы создания благоприятного инвестиционного имиджа отраслей и регионов* [Докл. на V Калужском инвестиционном форуме, 2008].

64. *Шитов А. Проблемы подготовки кадров для инновационной деятельности* [Докл. на II инновац.–промышленном форуме «Технологический прорыв. Территории инновационного развития», 2008].

65. *Шитов А. Деловые СМИ в современных условиях экономического кризиса* [Докл. на Всерос. форуме деловых СМИ, ТПП РФ, Союз журналистов РФ, 2008]. — См. фото (сидящий справа)

66. *Шитов А. Менеджмент современных технологий безопасности* [Докл. на науч.–практ. конф. «Биометрическая техника и технологии безопасности — 2008», ТПП РФ, МВД РФ, ФСО РФ, ФСБ РФ, Минобороны РФ, МВТУ им. Н. Баумана, НП «Русское общество содействия развитию биометрических технологий, систем и коммуникаций» (НП РБО), Российской ассоциации инновационного развития, Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2008].

67. *Шитов А. Современный менеджмент в условиях технологического прорыва* [Докл. на II межрегион. совещании–семинаре «Актуальные вопросы создания и организации работы региональных лазерных инновационно–технологических центров», ТПП РФ, Рос. ассоциации инновационного развития, Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2008].

68. *Шитов А. Проблемы социальной активности молодежи* [Докл. на науч.–практ. конф. «Социальная активность молодежи современной России. Актуальные вызовы и возможности», Междунар. ун–т, 2008]. — См. фото выступления.

69. *Шитов А. Инновационный менеджмент в развитие интеллектуальной деятельности* [Докл. на науч.–практ. семинаре «Результаты интеллектуальной деятельности как инструмент инновационного развития и повышения капитализации промышленных предприятий (холдингов)», ТПП РФ, профильные комитеты Гос. РФ и Совета Федерации РФ, Адм. Президента РФ, «Общество содействия внедрению инвестиционных проектов», 2008].

70. *Шитов А. Проблемы функционирования инновационной системы в России* [Докл. на IV Северном социально–экологическом Конгрессе на конф. «Национальная инновационная система России», Сыктывкар, 2008].

71. *Шитов А. Структура кризисного менеджмента* [Докл. на конф. «Современная инновационно–промышленная политика: региональный аспект. Опыт работы по развитию малого промышленного бизнеса и ориентации его на инновационный путь развития», Саранск, Правительство Мордовии, ТПП РФ, 2008].

72. *Шитов А. Инновационное промышленное развитие — путь к конкурентоспособной экономике* [Докл. на эконо. форуме «Инновационный путь развития — стержень евразийской интеграции», Астана (Казахстан), ТПП РФ, Исполком СНГ, Секретариат ИК ЕврАзЭС, РСПП, 2008]. — См. мою большую статью «К конкурентоспособной экономике» (Торгово–промышленные ведомости (Москва). — 2008. — № 14 (июль).

73. Шитов А. *Финансовый менеджмент в современных условиях* [Докл. на конф. «Резервная валюта — рубль», ТПП РФ, Департамент финансовых институтов Инвестсбербанка, АСI Russia, 2008].

74. Шитов А. *Инновационный менеджмент в металлургическом машиностроении* [Доклад на научно–практической конференции «Основные стратегические направления деятельности “Металлургмаша” до 2015 года», Московская ТПП, Минпромэнерго РФ, 2008]. — См. фото выступления.

75. Шитов А. *Менеджмент в альтернативной энергетике* [Докл. на практическом семинаре «Альтернативная энергетика в современных условиях», ТПП РФ, руководство и специалисты межведомств. рабочей группы по подготовке предложений по совершенствованию законодательства РФ в области новых направлений осуществления науч.–техн. и инновац. деятельности при Администрации Президента РФ, специалисты Федерального агентства по атомной энергии, ОАО «ГМК «Норильский никель», ОАО «АФК Система», 2008].

2009 год

76. Шитов А. *Инновационный менеджмент в современных условиях демократизации общества* [Докл. в Ин–те экономики РАН на презентации книги Ф.С. Крейчмана «Эффективное управление предприятием на основе демократизации собственности», 2009]. — См.

фото справа сидящий.

77. Шитов А. *Проблемы инновационного менеджмента и государственно–частное партнерство* [Докл. на конф. «Государственно–частное партнерство — антикризисная программа развития инфраструктуры», ТПП РФ, Союз менеджеров РФ, Межфракционное депутатское объединение Гос. Думы РФ «Наука и высокие технологии», 2009].

78. Шитов А. *Менеджмент и имеджелогия в условиях кризиса* [Докл. на VII Международ. симпозиуме «Имиджелогия–2009: инновационные

технологии успеха против кризиса», РГСУ, Академия Имиджелогии, Рос. психол. общество, Гильдия маркетологов, Национальный институт имиджевой политики, 2009].

79. *Шитов А. Проблемы менеджмента в корпоративной социальной ответственности и этике бизнеса* [Докл. на V Международ. науч.–практ. конф. «Корпоративная социальная ответственность и этика бизнеса», Финансовая академия при Правительстве РФ, 2009].

80. *Шитов А. Особенности развития финансово-экономического кризиса на современном этапе* [Докл. на Международ. науч.–практ. конф. «Системный кризис мирового глобального хозяйства: национальная модель преодоления», Администрация Тамбовской области, Тамбовский госуниверситет им.

Г.Р.Державина, Российская экономическая академия имени Г.В. Плеханова, Циндаосский университет (КНР), Университет штата Индиана (США), Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Международная Академия менеджмента, 2009]. — См. на фото (слева сидящий).

2010

81. *Шитов А. Инновационный менеджмент в корпоративной культуре бизнеса* [Докл. на VI Международ. науч.–практ. конф. «Корпоративная социальная ответственность и этика бизнеса», Финансовая академия при Правительстве РФ, 2010].

82. *Шитов А. Историческая память как определяющий фактор инновационного менеджмента* [Выступл. на конф. МГУП, 2010]

Публикации по литературоведению и библиографии

Книги

83. *Шитов А.* Маяковский и Мандельштам : Некоторые тенденции развития : [рукопись (дипломная работа)] / А.П. Шитов ; Уральский ун-т им. А. Горького. — 1973. — Екатеринбург : УрГУ. — 95 с.
84. *Нехорошев Ю., Шитов А.* Евгений Евтушенко : Научно-вспомогательный библиогр. указатель / Ю.С. Нехорошев, А.П. Шитов ; Отв. ред. И.Н. Табашников / Челяб. гос. пед. ин-т, Челяб. обл. орг. об-ва любителей книги. — Челябинск, 1981. — 131 с.
85. *Шитов А.* Юрий ТРИФОНОВ : Учебно-методическая разработка по курсу литературно-художественной критики : Науч.-вспомогательный указ. лит. / Сост. : А.П. Шитов, О.Р. Мирошниченко-Трифопова. — М. : МГУ. — 1985. — 112 с.
86. *Шитов А.* ЮРИЙ ТРИФОНОВ : Хроника жизни и творчества. 1925–1981 / А.П. Шитов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. — 1997. — 800 с.
87. *Шитов А.* [Науч. ред. *рукописи* кн. Де Магд-Соэп К. «Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции»] / А.П. Шитов. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. — 240 с.
88. [Шитов А.] Мир прозы Юрия Трифонова : Сб. ст. [I-й Международ. конф.] / Сост. и ред. А.П. Шитов, Н.Б. Иванова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. — 2000. — 190 с.
89. *Шитов А.* Философия прозы Юрия Трифонова : Доклад ... дис. д-ра философии / А.П. Шитов / Гентский ун-т (Русский институт, Бельгия). — М.-Гент : Европейский ун-т, 2000. — 45 с.
90. *Шитов А.* Библиография творчества Ю.В. Трифонова / А.П. Шитов. — М. : МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2002. — 216 с.
91. *Шитов А.* Юрий Трифонов. Жизнь и творчество : Библиогр. указатель / А.П. Шитов. — М. : Изд-во МГУП, 2010. — 412 с.
92. *Шитов А.* Гуманизм в плену... : Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова / А.П. Шитов. — М. : Любимая Россия, 2010. — 432 с.
93. *Шитов А.* Время Юрия Трифонова : человек в истории и история в человеке (1925–1981) / А.П. Шитов. — М. : Новый хронограф, 2011. — 960 с.

Это обложки (2, 3, 4 стороны) библиографического указателя А. Шитова «Юрий Трифонов. Жизнь и творчество» (М.: Изд-во МГУП, 2010. — 412 с.)

Статьи

94. *Шитов А.* Пора уральских стихов : Беседа с Евгением Евтушенко / А.П. Шитов // Вечерний Челябинск. — 1982. — 13 мая.

95. *Шитов А.* Роман с историей : О творчестве Константина Скворцова / А.П. Шитов // Челябинский рабочий. — 1985. — 10 нояб.

Авторские комментарии в книгах Ю.В. Трифонова

96. Трифонов Ю. Как слово наше отзовется... : Статьи, воспоминания, эссе / Сост. *Шитов А.П.*; Вступит. ст. Л.А. Аннинский; Коммент. : *А.П. Шитов*, О.Р. Мирошниченко–Трифопова, с. 343–382. — М. : Советская Россия. — 1985. — 364 с.

97. Трифонов Ю. Ядро правды : Статьи, интервью, эссе / Коммент. : *А. Шитов*, О. Мирошниченко–Трифопова, с. 58–63. — М. : Правда (Б-ка «Огонёк»). — 1987. — 63 с.

98. Трифонов Ю. Исчезновение : [«Отблеск костра», «Старик», «Исчезновение»] / Коммент. *А. Шитов*, с. 569–592. — М. : Московский рабочий. — 1988. — 593 с.

99. Трифонов Ю. Дом на набережной: Повесть; Старик: Роман / Коммент. *А. Шитов*, с. 261–288. — Алма-Ата : Жазуши. — 1989. — 288 с.

100. Трифонов Ю. Бесконечные игры: Рассказы, статьи, эссе / Вступит. ст. *А. Шитова* «Глядя в завтрашний день», с. 5–18; Коммент.: *А. Шитов*, О. Мирошниченко–Трифопова, с. 446–476. — М. : Физкультура и спорт. — 1989. — 478 с.

Авторские статьи о творчестве Ю.В. Трифонова

101. *Шитов А.* Уроки мастера: Размышления о публицистике Юрия Трифонова / А.П. Шитов // Вечерний Челябинск. — 1985. — 23 авг.

102. *Шитов А.* Продолжительные уроки: О книжном мире Юрия Трифонова / А.П. Шитов // Вечерний Челябинск. — 1985. — 17 окт.

103. [*Шитов А.*] «Рассказывайте простые истории...» : Юрий Трифонов — спортивный журналист / Публ. и вступит. заметка *А.П. Шитова* // Журналист. — 1985. — № 12. — С. 77–78.

104. Трифонов Ю., Мирошниченко О. Нетерпение : Опера [Челяб. театр оперы и балета им. М.И. Глинки (преьера 28 окт. 1986 г.; композитор А. Журбин)] / Автор либретто спектакля *А. Шитов*.

105. *Шитов А.* Желябов, Перовская и другие : Герои романа Ю. Трифонова «Нетерпение» и наше время / А.П. Шитов // Комсомолец (Челябинск). — 1987. — 24 февр. — С. 4.

106. Трифонов Ю. Ядро правды : Письмо Мартину Вальзеру / Коммент.: А. Шитов, О. Мирошниченко–Трифорова // Литературная Россия. — 1987. — 24 апр.

107. Трифонов Ю. «Сопряжение истории с современностью...» (Из писем об истории) / Вступит. заметка и коммент.: А. Шитов, О. Мирошниченко–Трифорова // Вопросы литературы. — 1987. — № 7. — С. 170–185.

108. Трифонов Ю. «Пишите без всякого стеснения, как товарищу» : Письма Юрия Трифонова одесским читателям : [Вступит. заметка и коммент.: А. Шитов, О. Мирошниченко–Трифорова] // Вечерняя Одесса. — 1987. — 2 сент.

109. *Шитов А.* Отблеск костра : К 100–летию со дня рождения В.А. Трифонова / А.П. Шитов // Московская правда. — 1998. — 26 авг. — С. 3.

110. *Шитов А.* Человек. Время. История : К выходу 4–х томного собр. соч. Юрия Трифонова / А.П. Шитов // Вечерний Челябинск. — 1988. — 1 сент.

111. *Шитов А.* «Мы живем в потоке времени...» : К 100–летию со дня рождения В.А. Трифонова / А.П. Шитов // Дон. — 1989. — № 11. — С. 123–130.

112. *Шитов А.* «Эгоизм исчезает там, где возникает идея...» (Роман Ю. Трифонова «Нетерпение» и наше время) / А.П. Шитов // Вопросы литературы народов СССР. — Киев; Одесса. — 1989. — Вып. 15. — С. 37–49.

113. «Нравственные идеалы я не изображаю, но имею» : Из писем Юрия Трифонова / Коммент.: О. Трифонова–Мирошниченко, А. Шитов // Литературная газета. — 1991. — № 12. — С. 13.

114. *Шитов А.* Философия исторической прозы Ю. Трифонова / А.П. Шитов // AATSEEL. Meeting of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages (San Francisco, California, 27–30 Dec.); Tucson (USA), 1998. — P. 285–286.

115. *Шитов А.* Роман Ю. Трифонова «Исчезновение» : история написания / А.П. Шитов // Мир прозы Юрия Трифонова. — Екатеринбург. — 2000. — С. 101–122.

116. *Шитов А.* О парадоксальности и остроумии : Открытое письмо Ю.И. Дружникову по поводу его статьи «Судьба Трифонова или Хороший писатель в плохое время» / А.П. Шитов // Вопросы литературы. — 2000. — № 2. — С. 210–222.

117. *Шитов А.* Другая жизнь Юрия Трифонова : К 75-летию со дня рождения / А.П. Шитов // Литературная газета. — 2000. — 30 авг.–5 сент. — С. 10.
118. *Шитов А.* Братья Трифоновы : исторические портреты : [О В.А. Трифонове и Е.А. Трифонове] / А.П. Шитов // Вопросы истории. — 2001. — № 11–12. — С. 57–82.
119. *Шитов А.* Он стоял против течения : К 80-летию со дня рождения Ю.В. Трифонова // Новая газета. — 2005. — 29–31 авг. — С. 18–19.
120. *Шитов А.* Читайте Трифонова : К 80-летию со дня рождения Ю.В. Трифонова // Вечерняя Москва / А.П. Шитов. — 2005. — 29 авг. — С. 6–7.
121. *Шитов А.* Соседство по времени... : К 80-летию со дня рождения Ю.В. Трифонова / А.П. Шитов // Вестник Академии Российских энциклопедий. — Челябинск. — 2006. — № 1. — С. 35–39.
122. *Шитов А.* «Кто от лютой доли не принял креста...» // Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха : Факты, документы, воспоминания. — М.: Собрание, 2006. — С. 11–381.
123. *Шитов А.* Надо ли помнить и вспоминать? / А.П. Шитов ; Беседу записала Т. Калинина // Южноуральская панорама (Челябинск) : Медиа-трасса. — 2007. — 3 апр. — № 64–65.
124. *Шитов А.* Нравственная упругость человека : О морали в условиях нашего рынка / А.П. Шитов // Партнер (ТПП РФ). — 2009. — № 1 — С. 27–30.
125. *Шитов А.* Писатель и историк в истории страны : [Ю. Трифонов и В. Поликарпов : Взаимодействие во времени] / А.П. Шитов // На фронте истории Гражданской войны : Памяти Василия Дмитриевича Поликарпова : Сб. ст. и док. — М. : Собрание, 2009. — С. 135–192.

Шитов А.П. — награжден Международной академией общественных наук орденом «За вклад в науку» II степени с вручением наградного знака и муаровой ленты (приказ по Академии от 13 января 2010 г.)

Одним из учредителей Академии является многопрофильный Издательский дом «Финансы и кредит», чьи издания входят в список Перечня ВАК РФ

На фото: Горохова В.А. — генеральный директор
ИД «Финансы и кредит»

Общественное признание А.П. Шитова

- Академик Международной Академии наук о природе и обществе (избран 17 мая 2000 г.);
- Академик Академии Российских Энциклопедий (избран 07 июня 2006 г.);
- Награжден Международной академией общественных наук орденом «За вклад в науку» II степени с вручением наградного знака (приказ по Академии от 13 января 2010 г.);
- Заместитель председателя Комитета по промышленному развитию ТПП РФ (2006–2009);
- Член Экспертного Совета по развитию институтов инновационной системы в Российской Федерации при Комитете Государственной Думы ФС РФ по науке и наукоемким технологиям (2007–2010).

* * *

О парадоксальности жизни в повседневности *N*–го количества людей на планете

Читатель!

Отнесись к этим виньеточного характера описаниям закономерностей о парадоксальности жизни в повседневности *N*–го количества людей на планете спокойно и с любопытством.

Да, читатель, именно такое описание парадоксальных моментов позволяет «анализировать» некторое строчки текста, улыбаясь при этом...

Как мне кажется, это — описанное, в виде реплики в сторону (как в театре) — тебя же не касается, а касается кого–то другого, каких–то других людей, в где–то тебе неизвестных местах и областях жизни, что к тебе не относится... Так что сравнивать нечего и не с кем...

Просто почитай, улыбнись и, может быть, подумаешь над некими заметками автора, занимающегося (по образованию) — филологией, философией, экономикой...

Перед тобой, читатель, кое–какие «мысли», и когда писал свои книги, из прочитанных других книг и статей различного характера и содержания.

С надеждой на интерес к кратким размышлениям, скажу вслед за Михаилом Булгаковым: «За мной, читатель!»

Уличное начало виньеток

Обратимся к игре в домино, точнее — не к самой игре, а к использованию «доминошных» костяшек для примера. Представим, что все 28 костяшек, используемых в игре — ***это целый спектр проблем общества и государства.***

Вопрос: «Можно ли все костяшки выстроить в стройную пирамиду, стоящую всего на одной — одной! — костяшке?» Может быть, кто–то помнит: как выстраивалась такая пирамида? (Я помню! И даже неоднократно выстраивал...) Прежде всего, используя балансировку, на двух костяшках надстраивались оставшиеся ***26 штук.*** Представим, что эти две — это *человек и знания.*

Вот стоит перед нами такая стройная пирамида, благодаря противовесам «построения» всего на двух костяшках. Но условие задания — пирамида–то

должна стоять на одной штуке. Выстроенные противовесы таковы, что позволяет убрать одну из двух основ пирамиды. И нам это удастся. Но ее, вытащенную штуку, куда деть? Мы ее кладем на самый верх и все — пирамида стоит, не шелохнувшись на одной костяшке!

Это мы к тому (пирамида у нас стоит на одной штуке!), что в основе всех суждений и выводов, открытий и неудач мироразвития стоит Человек, на «плечах» (в голове) которого — все им сделанное и то, что еще будет сделано. Стоит этот Человек и понимает, что без Знаний, и использования последующих других у него ничего не получится... То есть одно без другого не может существовать, не может быть движения вперед. Нет, не «физического» движения идущего человека, а осознанного!

О знаниях в пирамиде жизни

Говорить о роли человека в жизни человечества (понимаю тавтологию) бессмысленно... Он же растет и развивается (и Чарльз Дарвин ему в помощь), но не только физически... Вспомните предлагаемое «доминошное» строительство на двух опорах — *человек и знания!*

Все цивилизованные страны осваивают и осваивают особенности постиндустриального общества (это то, что следует за индустриальным — по Ф. Энгельсу). Известно, что термин «постиндустриальное общество» введен в научный оборот в 1958 году американским социологом Д. Рисменом. В 1965 году в США уже была создана специальная *футурологическая* комиссия во главе с Д. Беллом. Обратите внимание — не «технарем», не чиновником, а вице-президентом американской академии искусств и наук, профессором социологии Колумбийского и Гарвардского университетов. И определили ее всего лишь комиссией, а не комитетом, или министерством.

Д. Белл сразу же выдвинул три задачи, непосредственно связанные с прогрессом науки, — центральную роль теоретической науки, создание новой интеллектуальной технологии и *рост класса (!!!)* носителей знания. И тогдашний уровень индустриального развития США позволял такое «излишество», определяя его цель как *футурологию* (читай — фантазию).

Но в то же время в Лондоне на международном конгрессе академик В.А. Трапезников говорил: «*Научно-технический прогресс — это, по существу, рост знаний* о том, как строить и эксплуатировать средства труда, следовательно, он характеризуется изменением величины уровня знаний. *Уровень знаний определяется знаниями, накопленными обществом, квалификацией и умением людей участвующих в управлении,* начиная с тех, кто

непосредственно работает с орудиями труда и управляет ими, и кончая руководителями высоких рангов».

И это говорилось об СССР, стране, разрушенной войной! Но его не желали слушать, ни общество, ни властители государства («Академиев мы не кончали, а буржуев били и будем бить...») Считать себя *незнающими* никому не хотелось... И мы опять превращались в «догоняющих поезд».

Шопенгауэр... и другие

Можно вспомнить высказывание Шопенгауэра о том, чем отличается талант от гения: «Талант попадает в цели, в которые простые люди попасть не могут. А гений попадает в цели, которые простые люди *не видят*».

Как правило, современники гениальных писателей *не видели* цели, в которые попадали гении — они «обнаруживались» гораздо позднее.

Своеобразное подтверждение этой закономерности «встретил» в остроумных суждениях о повседневной жизни Фаины Раневской: «Талант — это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности».

Коперниковские перевороты

Смерть человека, о которой заговорили в XX веке, была подготовлена или даже спровоцирована чередой коперниковских научных революций в разных областях.

В астрономии Николай Коперник показал, что Земля не является центром вселенной и сама вращается вокруг Солнца.

В биологии Чарльз Дарвин пришел к выводу о том, что человек не может считаться центром мира и является всего лишь одним из звеньев в процессе эволюции биологических видов.

В литературе Федор Достоевский совершил коперниковский переворот, показав, что, вопреки видимости, центром повествования (!) являются не автор и не его оценка, а сами герои его сочинений.

В психологии Зигмунд Фрейд продемонстрировал, что центром человеческой психики выступает не сознание и индивидуальное «я», а бессознательное.

В области истории Освальд Шпенглер пришел к коперниковскому взгляду о том, что Европа представляет собой только одну из мириад других сменяющих друг друга смятенных культур и цивилизаций и не несет в себе

ничего принципиально уникального. Европа не является более центром и смыслом мировой истории.

В этике Фридрих Ницше попытался показать, что не существует никакого единого солнца морали, вокруг которого вращаются универсальные человеческие ценности, но существуют только религии, идеологии и интересы, которые выдают себя за такое солнце. Христианство — это только одно из множества самозванных солнц. Поэтому мораль не может рассматриваться в качестве какой-то уникальной характеристики человека, а всего лишь как один из способов приспособления к окружающему миру.

В своей концепции экономики Карл Маркс демонстрирует, что человек является не ее творцом, а, наоборот, продуктом суммы производственных отношений.

В антропологии Клода Леви-Стросса сама рациональность, на которую возлагали надежды просветители, становится функцией социальности, а социальные категории рода предшествуют и предваряют те логические категории, которыми мы познаем мир. В результате не человек оказывается центром социальной жизни, а анонимные структуры языка и мышления.

В области философии техники Мартин Хайдеггер пришел к выводу о том, что человек не является автономным существом в построении инструментов и технологий и что, напротив, сам он превращается в эпифеномен техники, которая развивается по своим безличным и анонимным законам независимо от его воли.

В фокусе внимания всех этих новых коперникианцев оказалась проблема центра, вокруг которого вращается мир. Безусловно, все эти новые научные или литературные перспективы находились в противоречии с другим переворотом, который совершил Иммануил Кант и который он тоже — по недоразумению — назвал коперниковским, хотя правильнее было бы назвать его антикоперниковским (и, может быть, даже не революцией, а контрреволюцией). Ведь в результате этой кантовской революции (которая скорее была контрреволюцией) человек превратился из наблюдателя в центр вселенной.

Центром мира у Канта стал не внешний мир, а сам человек, который своим рассудком и воображением конструирует те категории, которыми он познает мир.

Бахтин и Достоевский

Вспомнил известную трактовку Михаилом Бахтиным «коперниковского переворота» Достоевского, когда предметом изображения становится не сам

«вещно–физически» осязаемый персонаж, а его самосознание, как действительность второго порядка: автор (писатель) теряет власть над героем, последний ведет себя соразмерно своему самосознанию.

Читатель чувствует, что персонаж ведет себя как–то странно, живет своей философией, своим самосознанием, игнорируя монологизм автора, игнорируя его понимание каких–то закономерностей действий. Читателя не покидало ощущение, что Достоевский и сам «не знал» каких–то последующих ходов персонажа. «Коперниковский переворот» — и читатель как–то незаметно для себя дискутировал, нет, не с автором, а с тем или иным персонажем, которые были самостоятельными, у читателя не было ощущения присутствия автора. Были ощущения совсем противоположного характера: читатель дискутировал–то с самим собой, зная о себе многое, что невидимо для окружающих, но от этого они (знания о себе) не исчезнут, «извлекая» из памяти его самого (читателя) — того времени, тех или иных событий и поступков...

Ясперс и киплингowski Маугли

Важно даже на «микроскопическом» уровне отношений одного человека к другому, ибо каждый незаметно для миллионов и миллионов окружающих себя неминуемо «пишет», как точно заметил Карл Ясперс, «рукопись Другого».

Думаю, есть «составляющая», ближе или дальше от которой сосредоточены люди, несмотря на многие различия во всех сферах человеческих взаимоотношений — стремление п о н я т ь другого человека, не превращая того — Другого ни в исчерпанный «измерениям», прежде всего нравственного порядка своеобразный «объект», ни в желанное отражение собственных взглядов, убеждений, эмоций.

Нацеленность на это — основная роль литературы, которая есть, так сказать, барометр, позволяющий понять уровень атмосферного давления как общества на человека, так и человека на общество, проанализировать поведенческую «кардиограмму» человека. И общим, объединительным фактором здесь выступает природа человека, который, как киплингowski Маугли, может (хотел бы) сказать тому — Другому: «Мы с тобой одной крови, ты и я!»

Диалектически обусловленное развитие гуманизма, философии — выстраданный веками путь осознания человечеством себя, многоликого, через мышление, где диалогизм («диалогическое проникновение» по Николаю

Бердяеву) представляется естественным продолжением культуры развития человека, не могущее состояться и происходить без литературы.

Культура, гуманизм... политика

Гуманизм — не есть политика, но, в свою очередь, гуманизм — есть закономерная внепартийная «политика» глобального цивилизованного общества, народов, воплощающих все многообразие социально-экономических, культурных форм, позволяющих преодолеть влияние различных видов разобщающих народов догм и подвергающих сомнению существование монолитного, «тотального» гуманизма, похожего на тотальный мировой социализма или капитализм.

В отличие от идеологий любых партий — культура по своей природе плюральна, обращена к индивиду как дар, ценность, помогающая достойно жить как личности, так и, естественно, обществу. Культура имеет больше возможностей для многогранного развития личности, для сближения людей, народов, несмотря на различия культур как таковых.

Историю, по большому счету развития человечества, двигают не идеологии и партии, а народы и творческие индивиды в своем спонтанном каждодневном труде и усилиях по поддержанию жизни, ее обустройству, созданию и развитию своеобразной (Х. Борхес) «вселенской библиотеки». Культуру творят Аристотели, Гомеры, Платоны, Сократы, Данты, Рублевы, Кузанские, Леонарды да Винчи, Коперники, Монтени, Шекспиры, Сервантесы, Вольтеры, Гегели, Канты, Серафимы Саровские, Ломоносовы, Пушкины, Гоголи, Толстые, Достоевские, Чеховы, Булгаковы (отец Сергей), Флоренские, Рерихи, Швейцеры, Бахтины, матери Терезы... Слава богу, перечень этих «знаков-символов» (да простится мне множественное число), детерминирующих потоки движения в развитии идей не только своего времени, но и последующих поколений мог быть многостраничным!

Но уродуют ее геростраты, гитлеры, пол поты и другие анти-человеки, список которых, к счастью, гораздо короче первого.

Из наследия творцов культуры истории невозможно без фальсификаций и подтасовок создать что-то античеловеческое, вывести программу насилия или использовать оное во вред человечеству. То, что они делали — это движение вперед, движение вопреки, движение против общего «течения» времени, обыденных интересов...

Все поистине великие и благородные умы способствуют поиску «дороги к храму». Как сказала героиня фильма Абуладзе «Покаяние»: «Если дорога не ведет к храму, то зачем она нужна?» Сказала как о само собой разумеющемся

предназначении любой «дороги» познания мира и себя, идя по которой каждый человек должен чувствовать себя свободным от идеолого–партийных постулатов, практически всегда нацеленных на суетное, мелкое, временное...

Самая загадочная проблема ДНК

Как вышеупомянутое обустройство, создание и развитие своеобразной (по–Х. Борхесу) «вселенской библиотеки» так и, думаю, думаю, думаю над неразрешимой проблемой планетарного значения — создание ДНК мировой культуры. Вот здорово — это какое мощнейшее ДНК получится»!!!

Конечно же, можно подумать и о другой стороне! Можно попытаться сказать о «членах вселенской библиотеки» те или иные слова об их «мирах»... Даже есть какие–то «тексты» в этой «вселенской библиотеке»... И что интересно — люди–то, люди–то их читали и говорят — беспрестанно их читают... А ты говоришь о каком–то мифическом ДНК мировой культуры!

Вот, например, известна фраза Шекспира «Весь мир — театр, а люди в нем актеры». Но он–то писал о мире условном, театральном мире; это всего лишь — «мышеловка», а мир за пределами театра, как правило, может быть иным. Но, пожалуй, то, что объединяет эти два «мира» — они построены и до сих пор стоят — фигурально выражаясь — в разных невысказанных плоскостях: то один на другом, или один в другом, но в любом случае говорят друг с другом! И что немаловажно — разговор этот нескончаем и, как правило, малослышим окружающими, ибо построен из самых натуральных и долговечных материалов — из слов...

Гений природы

Мы никогда не восхищаемся проявлениями необузданной дикой стихии в природе. В живой природе мы, как правило, восторгаемся искрами культуры в ее манифестациях: симметрией, соразмерностью частей, рациональностью, пропорциями, премудростью.

В культуре, напротив, мы ценим наиболее и почти исключительно проявления дикой природы: страсть, инстинкт, сексуальность, природные дарования, стихию, животный ужас, интуицию, чутье, гений.

Философ и писатель

Философ в своих суждениях, выводах, как правило, апеллирует к *разуму* человека посредством слова–понятия, посредством мысли, требующей

соответствующей подготовки для понимания исследователя, чей предмет — мышление, где объектом может быть все, что угодно в создании своего пространства и времени. Как я понимаю, философ стремится «свести» свое мышление к проявлению каких-то естественно-научных законов. В этом «контакте» суть процесса, суть анализа того или иного «объекта».

Однако, проблема в том, что разум не всесилен, да и слово-мысль, тем более «научное», не всегда может быть услышано, а тем более понято многими людьми. Но писатель-то может легче «достучаться» до *разума* человека через чувства, эмоции, которые мобильнее, «пластичнее» и «отзывчивее», чем разум. Писатель, так сказать, предметен через текст, где действует образное мышление читателя через художественные персонажи, мысли и поступки которых узнаваемы, прочувствованы читающим как его собственные, как мысли и поступки знакомых ему людей...

И если философ, так или иначе, соотносит свои мысли с границами возможностей своего потенциального читателя (хотя бы в использовании общепринятых в каждое время терминов-понятий, словосочетаний и т.п.), то у писателя «контакты» гораздо шире в силу специфики литературы, к которой читатель привык с детских лет, ибо детская литература, так сказать, кодирует понимание «большой» литературы.

Конечно, я умышленно сузил отличия философа и писателя. Но их объединяет простое стремление: каждый так или иначе в силу таланта своими размышлениями стремится к внутренней собственной неповторимой никем в мире свободе, расширить вокруг себя это удивительно независимое пространство, постичь суть бытия. И это чувство внутри каждого мыслящего человека. Можно ограничить слова, действия, эмоции, но мысли, мысли-то куда денутся? Они, наедине человека с самим собой, улетают в такие дали... Возникает такой космос «индивидуальности»!..

Философ и писатель не создают какой-то материально осязаемый продукт, действенный в промышленности, экономике. Для подтверждения написанного — известные примеры хотя бы из истории России, где знаковые имена/фамилии, не производящие осязаемого материального, заняли бы не одну страницу текста. И мы ими заслуженно гордимся! Во всем ими написанном — поиски человека, стремление понять противоречия его души, мыслей, поступков, во многом обусловленных конкретным историческим временем... Искали человека не вообще, а человека и внутри себя самих, думающих, пишущих вроде бы о других...

Писатель не только преодолевает порог интеллектуальной подготовки между ним и читателем в восприятии текста, но и силой своего таланта «подтягивает» читателя до своего уровня понимания тех проблем, о которых

он рассказывает в произведениях. В свою очередь, интеллект читателя и естественное чувство приоритетности собственного мировоззрения по отношению к любому другому предопределяет своеобразную экзистенциальную (смысложизненную) победу читателя, хотя бы и восторгающегося автором как художником, как просветителем. Но это, в свою очередь, закономерно стимулирует творчески–философскую волю писателя к новым формам выражения мысли.

Процесс художественного, философского мышления писателя как бы объединяет различное мышление и «поведение» персонажей, где, так называемое, хорошее и плохое лежат в одной плоскости: жизнедеятельность человека во всех проявлениях, контактах со средой обитания.

Человек есть часть общества, которое, в свою очередь, по «философскому» счету — есть часть человека. Без такой взаимозависимости не может быть развития ни того, ни другого, не может быть развития столь необходимой человечеству толерантности.

Помечтаем о толерантности...

В XIX и первой половине XX века не было ныне столь популярного (даже как–то игриво звучащее) слова/понятия «толерантность» (лат. *tolerantia* — терпение). Убежден, что в литературе, как и в повседневной жизни человечества, связующую роль толерантности играет *закономерность*: личность, по сути, есть существо, изначально свободное, ибо вне свободы воли нет ответственности за поступки, а вне ответственности — нет морали, над *несвободной* личностью не властвуют моральные ценности, выработанные человечеством, поэтому затруднено должное развитие общества...

Субъект желанной толерантной солидарности — не арифметическая «сумма» лиц, а сообщество людей, «живой» организм, «коллективная» личность, объединенная пониманием и осознанием единства общественных интересов, их общности, сближения единства социальных интересов, пониманием свободы личности. (Нравится словосочетание/понятие «солидарность поколений», о котором в работах С. Аверинцева.)

Мир наш, сотканный из противоречий, так многообразен, где каждый субъект (человек) — лишь часть громадного целого, который может с уверенностью сказать, что «без него народ не полный» (А. Платонов), но, в свою очередь, он же (человек) — и фантастический микрокосм, где сплетено множества тончайших нитей...

Адам Смит о «невидимой руке рынка»

А. Смит, которого часто называют «отцом экономической науки», и через свой известный афоризм о «невидимой руке рынка», видел в достижении на рынке стихийного порядка — основание процветания и прогресса. Эта «невидимая рука» по каким-то закономерностям «распределяла» (раздавала) среди людей именно те экономические роли, которые они могут играть лучше всех во времени существования и развития общества/государства.

Понимание значения рынков как средства координирования выборов остается основной чертой экономического мышления, а более обосновано — основной чертой экономической теории, признание которой в большинстве своих аргументов — в присуждаемых Нобелевских премиях по экономике. Кстати, если обратиться к текстам лауреатов этой премии, то можно составить определенный перечень проблем экономической теории и практики на разных этапах развития различных «миров»

Идеолог планирования

Как известно, от представителей утопического социализма до К. Маркса, одно из основных обвинений капиталистической системы заключалось в том, что анархия производства, при которой производитель только на рынке узнает о необходимости своей продукции, приводит к бессмысленной трате ресурсов общества. И планирование, по их правомерному мнению, исключая анархию производства, предотвратит растрату производительных сил общества.

Идеологом системы централизованного планирования выступил в том же XVIII веке представитель французского утопического социализма Анри Сен-Симон в своей книге «Катехизис промышленников» (1823 г.). Его идеи, как известно, способствовали формированию коммунистической идеологии; фраза «От каждого по его способностям, каждому — по его труду», так называемый «принцип социализма».

Гротеск на политико-экономическую тему

Это всего лишь гротеск в изложении... В свое время немецкий публицист и экономист Карл Маркс раскрыл механизм капитализма на этапе его *раннего развития* в фундаментальной работе «Капитал», и сегодня актуальной для мировой экономики, мировой экономической теории. Ну, написал и написал, выразил *попутно* свои взгляды на решение некоторых проблем развития общества на этом этапе. В «Манифесте Коммунистической

партии» он и Фридрих Энгельс определили коммунизм *призраком*, да еще, между прочим, высказались по поводу возможной социальной революции в России.

Правда, они добавили, что революция произойдет в формах, соответствующих уровню ее, России, социально–экономического развития, и успех которой (русской революции) зависит от своевременной политической и технологической помощи победившего пролетариата развитых стран (т.е. *прежде* пролетариат должен взять власть в этих капиталистических странах).

Ну, прочитали эти работы другие и прочитали: вероятно, бредни о победе пролетариате в их странах никого не заинтересовали и не испугали. Но одному русскому читателю — Владимиру Ульянову, находившемуся за границей, *захотелось* реализовать некоторые идеи автора, но отнюдь не экономические; он–то (этот русский читатель Ульянов) *понимал*, что для этого потребуются весьма продолжительное время, да еще и стечение ряда обстоятельств как в России, так и в других странах, на которые он не мог повлиять). Только идеи *классовой борьбы* и выведенной им отсюда «диктатуры пролетариата» волновали его, прежде всего (в отличие от экономики), а остальное, как он считал, «приложится» по ходу построения *схемы власти*.

А другой читатель, тоже русский, читавший работы классиков в подлиннике — Георгий Плеханов, объяснял нетерпеливому Ульянову, что нельзя *упрощать марксизм*, идти путем, исключая мораль, гуманизм, противоречивость не только исторического развития российского общества, но и человека, только «вчера» освободившегося от крепостной зависимости, ради которого, и при участии которого собирался он реализовать эти идеи.

Но Ульянов осуществил фантастический в истории... «карточный» фокус: вытащил «слабую» (по разработке — в отличие от экономического анализа раннего развития капитализма) марксистскую «карту» о диктатуре пролетариата, путем демагогической казуистики переделал учение учителя и сделал эту карту джокером!

Кстати, во всех томах сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса термин–понятие «диктатура пролетариата» встречается всего семь раз: у Маркса — четырежды, у Энгельса — трижды. Всего семь раз!

Шуточно–земные размышления Галича

Отношение *человека* к «теории прибавочной стоимости» точно выразил Александр Галич в известной «Балладе о прибавочной стоимости».

Советский инженер — «продукт» воспитания партийно-государственной системы в 60-х годах — становится наследником «земель и фабрики» умершей на Западе (в выдуманной Фингалии) тетушки Калерии. И напрочь забыв обо всем, что ему втолковывали на политзанятиях (основы марксизма — «от сих, до сих»), он с радостью согласен принять наследство — частную собственность, для чего и готов выехать за границу.

Но перед отъездом слышит по советскому телевидению, что в Фингалии — революция, вся собственность национализирована, что советский народ приветствует братский народ революционной Фингалии. Ему бы, как советскому человеку-интернационалисту, радоваться, что простой народ в неизвестной ему стране взял власть в свои руки и, вероятно, собирается строить социализм.

Но его реакция другая, да еще и Маркса поминает недобрыми словами — психом-то стал из-за него: «...Я гляжу на экран, как на рвотное: / То есть как это так, все народное?! / Это ж наше, кричу, с тетей Калею, / Я ж за этим собрался в Фингалию! / Негодяи, бандиты, нахалы вы! / Это все, я кричу, штучки Карловы! / ...Ох, нет на свете печальнее повести, / Чем об этой прибавочной стоимости! / А я ж ее от сих, до сих, от сих до сих! / И вот теперь я полный псих! / А кто не псих?!»

Философия и особенность русской литературы

Анализируя специфику русской философии в сравнении с западной, русский философ А.Ф. Лосев обращает внимание на то, что первую отличает от второй чуждость абстрактных, чисто интеллектуально-системных построений, отличает характерная для интеллигентного русского ума публицистичность, пристальный интерес к различным — положительным и отрицательным — сторонам повседневности. Конечно же, Лосев не «лишает» русскую философию наличия у нее стремления познания мира и, как следствие, выстраивания целостного мировоззрения в русле общемировой философской мысли.

Он обращает внимание на превалирование «идейности», как характерной черты отечественной философии, где человек — живой символ соединения мира сущностей и мира явлений. «В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, — пишет А. Лосев, — что художественная литература является кладзем самобытной русской философии».

Накопления, накопления...

Чтобы оценить и понимать, к примеру, фильм «Земляничная поляна» Бергмана, фильмы Тарковского, думается, надо иметь свои накопления по прожитой жизни. Можно «книжно» знать, но понимать, понимать... Библию — книгу всех времен и народов, Данте, Шекспира, Дос Пассоса, Хемингуэя, Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Кафку, Моравиа, Шопенгауэра, Набокова, Джойса, Булгакова, Платонова, Бабеля... Ибо «понимание» их — это: прозрение, прорывы в другие сферы, углубления в тайны человеческой психологии, умение раскрывать в человеческой душе двойные, тройные, четвертные пласты, где очевидно сопряжение истории с современностью и т.д. Их творчество — и это самое существенное — познание душой истории человечества, где переустройство души одного человека тесно связано с переустройством мира, ибо одно невысказано без другого, и поэтому созданное и создаваемое стало частью окружающего нас мира.

С учетом дальнейшего изложения виньеточных заметок важно помнить известную мысль Конфуция: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье».

В этом — то ценность, как представляется, образа Иешуа (думается, правомерно читать — Христа), поднявшего, благодаря и роману Булгакова, такую «планку» понимания морали, гуманизма, социальной справедливости и т.п. — попытка достижения которой необходимо человечеству.

В обозримой перспективе развития человечества «это желанное» не представляется возможным, *но стремление к таким действиям и есть диалектически обусловленное движение вперед*. Ведь стремление к социальной справедливости — этой фундаментальной общественной ценности — неминуемо «сопровождается» не менее важными ценностями: гуманизмом, моралью, как человека, так и общества.

Но сделать это невозможно никакому обществу, а надо чтобы такое стремление и «сопровождение» само собой делалось по мере развития, чтобы таковые «измерения» развития — социальная справедливость, гуманизм, мораль — были в натуре человека, в «природе» общества.

Арон об СССР и Западе

Еще в середине 50-х годов, например, известный теоретик «индустриального общества», авторитет в социологии Раймон Арон писал: «Я убежден, что главная идея нашего времени — идея индустриального общества. Европа... состоит из двух коренным образом отличных миров: советского и западного. Имеется одна единая реальность — индустриальная

цивилизация. Советское и капиталистическое общество — только две разновидности одного и того же рода или два варианта одного и того же типа: прогрессивного индустриального общества».

О провинциализме и провинциальности

Умы плоские и унылые часто путают провинциальность с провинциализмом. Провинциальность связана с уютом, провинциализм — с неотесанностью. Критические реалисты вроде Бальзака или Флобера рутинно бранили провинции за их удушливую скуку и мелкоту горизонтов. Братья Гонкур шутили, что «в провинции и дождь — событие». Но романтические поэты идеализировали деревню и провинцию и были, пожалуй, ближе к истине. Провинцию воспевали Плутарх, Ронсар, Паскаль. Нигде не спится и не думается так вольготно и сладостно, как в провинции. В провинции ведут неторопливый образ жизни, читают длинные романы, пьют чай и ведут неспешные, а иногда и задушевные, разговоры. В провинции расцветают таланты, самобытности и народные промыслы. В научных провинциях возникают смелые замыслы и гениальные догадки и прозрения. В провинциях созревает литературность и стиль.

Любая мало-мальски развитая литература славна провинциальностью и прибавляется провинциалами. Потому все великие литературы без исключения — русская, латиноамериканская и ирландская — изысканно провинциальны. В столице же все спешат и если когда и читают, то разве что рецензии. В столицах литературу не создают, а высокомерно обсуждают. И потому подлинный затхлый провинциализм находит самую благодатную для себя почву в столицах.

О большевиках в будущей истории

Ихтиологи обнаружили на дне океана палеонтологические останки конодонтов. Об их облике и повадках ничего не известно, кроме того, что у них были очень большие зубы и клыки. От всего этого великолепия современным ученым остался только устрашающий зубной оскал.

Это я к тому, что, изучая идеи социализма, и помня вбиваемый в сознание с начала 60-х годов XX века «Моральный кодекс строителя коммунизма», уверен, что осуществленная подмена христианства коммунистической «кумачовой» псевдорелигией с 1917 года, сотворение из этих «подменных» идей кумира для миллионов людей привели к п е р е к л ю ч е н и ю (да, насилием, но привели) исконно православных (христианских)

устремлений тех самых миллионов людей на провозглашенные большевиками цели.

...Например, художник Ю. Анненков, вспоминая свои беседы с Лениным, записал одно из его суждений: «Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего».

Лагерная дискуссия

В начале «горбачевской» перестройки, в одной из газет увидел рисунок. На бревнах сидят трое: двое на одном бревне, а третий — напротив. Судя по одежде, лопатам и кайлу, они — заключенные. Их позы и жесты свидетельствуют о напряженном разговоре.

Двое — это Маркс и Энгельс, а третий — Ленин.

Подпись под рисунком выражала суть *лагерной* дискуссии: «Но идея-то была хорошая!»

Насекомые идеалы общества

В своем политическом строительстве люди подражают птицам и насекомым. Наиболее популярными существами среди социальных мыслителей стали муравьи, пчелы и птицы. Муравьи — социализм. Пчелы — феодализм. Птицы — коммунизм.

«Басня о пчелах», «Человекники», «Парламент птиц».

Свобода слова по Марксу

Когда К. Маркс писал о «казарменном социализме», он, пожалуй, первым из философов современности, с чем согласны большинство специалистов, разработал *категорию свободы слова, как воплощения культуры общества, возможностей общества соединить отдельного человека с всеобщим.*

«...Правительство слышит только свой собственный голос, — писал К. Маркс, — оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе *самообман*, будто слышит голос народа и

требует также от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо *совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью*» (Соч. Т. 1. С. 69).

Вспоминается удивительно точный по всеохватному содержанию вопрос известного русского писателя В. Набокова: «С каких это пор понятие власти стало равно ключевому понятию родины?» Но и сегодня от лидера нынешних коммунистов Г. Зюганова и от других политиков слышатся знакомые угрожающие формулировки: кто не ценит Сталина, тот не уважает народ!

Опять Достоевский со своими «Бесами»

Наше философское (познавательное), социальное развитие отличается от прошлого? Отличается в познании? Конечно! Отличается ли в психологическом состоянии, детерминирующем наши действия? Нет, не очень... И в нынешние времена правят бал в головах людей *нетерпение и нетерпимость*, обусловленные многими обстоятельствами в изменяющихся социально-экономических формациях (экономика, политика, культура) различных стран.

Именно религия, впрочем, как и идеология (хотя степени влияния иные), приучали, как точно заметил Достоевский в «Бесах»: *к стыду собственного мнения*. А вот как добиться того, чтобы собственное мнение индивида становилось, постепенно, но все-таки становилось частью осознанных коллективистских отношений, отношений в обществе?

Вот уже много веков на первом месте общепринятые «столпы» государственности — собственность и власть, экономика и политика, взаимосвязанные между собой вне зависимости от той или иной общественно-экономической формации. А человек здесь как приложение в роли необходимого исполнителя, «винтика» этого комплексного, «лязгающего» всеми частями механизма, существующего в любой стране независимо от понимания и восприятия ценностей высшего порядка.

Убежден, что возведение рыночных «столпов» в ценности для людей — это беда для них, последних... (Вспомните суть евангельского сюжета об «изгнании торгующих из храма») Эти, так сказать, ценности, неминуемо будут «пожирать» все, что вокруг них, а самое главное *подменяя* именно общечеловеческие «столпы», делающие людей людьми, а не зверьем (конечно же, это сравнение не имеет ничего общего со зверями — миром вокруг нас).

При близком знакомстве с отечественной историей обнаруживаешь, пожалуй, самое ее болезненное место: большевизм — это *тяжелая болезнь души*. И послевоенное поколение не миновало такого же состояния души от внедрения в наше сознание идей большевизма, «вожди» которого целенаправленно использовали вековые *мечты* людей о демократии, гуманизме, просвещении на основе социальной справедливости. Но эти ренессансные мечтания не имели ничего общего с практикой существующей власти...

...Вспомните рассуждения Шигалёва: «Все общество делится на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать...»

А другой «бесенок»—нечаевец Лямшин продолжил эту инквизиторскую логику в стремлении ускорить разрешение этой, по его мнению, длительной процедуры: «А я бы вместо рая... взял бы эти девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить—поживать поученому...»

Ведь как мир ни лечи, все не вылечишь, считал Петр Верховенский, а «срезав радикально сто миллионов голов, и тем самым, облегчив себя, можно вернее *перескочить канавку*».

Разве эти рассуждения не соответствуют исторической реальности XX века?

Загадка Нуйкина

Представляется убедительным вывод Андрея Нуйкина, актуальный и по сей день: так называемые социалистические революции, национал—социалистические путчи, диктатуры всех видов и череда межнациональных побоищ в России, Латинской Америке, Африке — есть не что иное, внимание, читатель, «как растянутая во времени попытка *остановить наступление свободного предпринимательства и демократии*, организуемая терпящим поражение, но не желающим уходить со сцены *феодализмом*».

Ну и как ответить на эту загадку—вопрос?

Кстати, будем помнить правомерное известное суждение: «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого».

Как говорят, это притча времен Великой французской революции, произошедшей в конце XVIII века о том, что человек разбил нос другому. Когда его вызвали в суд, то он сказал: «Я свободен махать руками, а нос я разбил случайно». На что судья и сказал: «Свобода махать руками заканчивается там, где начинается чужой нос».

И я нашел подтверждение этому примеру — в романе Виктора Гюго «Девяносто третий год» (1874 г.) написано, что Конвент провозгласил аксиому: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого», в чем и заключаются все условия совместного существования людей.

Если задуматься о вариантах...

Процесс *осознания* человеком, так сказать, смысла жизни, поиск и нахождение им «своих» ответов на главные вопросы бытия и есть — на уровне обыденного сознания — суть философии. Если на этом же уровне «приземлить» известное суждение Ф. Шеллинга, что идеалы философии может реализовать лишь тот, кто обладает художественным дарованием, то можно сказать, что думающий человек и есть философски мыслящий человек. В основе его размышлений — обостренное отношение к проблемам жизни и судьбы на различных уровнях: личностном, общественном, как порознь, так и совместном (лично–общественном).

Эти проблемы суть представления людей о добре и зле, добродетелях и пороках, ценностях и идеалах, где всегда присутствует реальность, в какой бы области, и какого бы характера вопросы не обдумывал и решал человек: теоретические или практические, материальные или духовные, личные или общественные в условиях непрекращающегося, к сожалению, такого «крестового похода» рыночной жестокости против человечности ...

Вспомните основную линию сюжета в «Мастере и Маргарите»: церковники Ершалаима предпочли Варравана (бандита) Иешуа (философа), т.е. отдали на казнь мыслителя, ибо они–то понимали, что его философия (аргументы, рождающие мысли) неминуемо разрушает державно–тоталитарную власть их религии.

Ведь Булгаков «наказал» вечными мучениями совести Пилата, но не наказал мучениями церковника Каифу. Почему? Пилат *знал*, что отправляет на казнь невинного человека, который всего лишь выражал мысли, он *испугался* такой свободы мышления, которая может захватить и его. Каифа же был *убежден* в своей вере, *убежден* в необходимости пресекать противостояние вере. Он не колебался (в отличие от Пилата) в правомерности

своих убеждений. Булгаков не наказал Каифу за фанатичную веру, а наказал Пилата за трусость, предательство своих мыслей и желаний действий.

Ну и что?

Да, конечно, и сегодня, как, впрочем, и раньше, мало, кто читал и читает Аристотеля, Платона, Декарта, Софокла, Еврипида, писавших за несколько веков до нашей эры, даже недавних современников по XIX–XX векам — Т. Адорно, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и других философов, кроме специалистов и ряда любителей философской мысли. Ну и что? От этого же не изменилась ценность их суждений, не исчез след в человеческой памяти.

Кстати, уж сколько десятков веков пытаются определить «автора» Библии, в общепринятом смысле слова. И даже его «отсутствие» на протяжении веков отнюдь не мешает человечеству считать эту книгу самой читаемой в мире!

Разве потеряла актуальность суть суждений Аристотеля, основанных на выводе, что во все времена были, есть и будут лишь три типа государственной власти: Монархия, Аристократия, Демократия. Может быть, в процессе развития человечества сформируются другие типы, но уже многие века оно (человечество) развивалось и развивается в рамках «аристотелевских» типов: или власти одного (Монархия), или власти немногих (Аристократия), и только–только формирующейся власти большинства (Демократия).

Но «практика» веков подтверждает и правоту предупреждения того же Аристотеля о превращении монархии — в тиранию, аристократии — в олигархию, демократии — в охлократию (власть толпы). Оглянитесь вокруг и скажите, что написанное им (и его учителем — Платоном) до нашей эры — устарело во времени!?

Полагаю, очень малое число людей (кроме ряда специалистов) могут сказать, что прочитали всего Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова. Ну и что? От этого же (ну не читали читатели всего написанного гениями) не изменилась их ценность, не исчез след в человеческой памяти, даже после прочтения лишь малой толики того, что написали они. Повторю — прочтения лишь малой толики ими написанного миллионами людей, в памяти которых они присутствуют...

Ну и что — что календарь лет, десятилетий, веков проносится перед нами в памяти? Собственно, на что мы опираемся в наших «виньетках» — так это на память людей!.. А что, благородство Дон Кихота «исчезло» из памяти, благодаря другим временам с начала XVII века, когда Мигель Сервантес написал роман? И верность, и благородство Сирано де Бержерака тоже

исчезло из-за того, что Эдмон Ростан написал пьесу в XIX веке? (Помню строчки Евтушенко: «...Один мой деловитый соплеменник / сказал жене в театре “Современник”: / “Ну что ты в Сирано своем нашла? / Вот дурень! Я, к примеру, никогда бы / так не страдал из-за какой-то бабы... / Другую бы нашел — и все дела”. / В затравленных глазах его жены / забито проглянуло что-то вдовье. / Из мужа перло — аж трещали швы! — / смертельное духовное здоровье. / О, сколько их, таких здоровяков, / страдающих отсутствием страданий...»)

Отличие человека от механизма

Что отличает человека от «механизма» («плода» науки и техники)? Можно сказать, с определенной долей условности, что с философской точки зрения, для понимания функционирования и развития «механизма» — прошлое несущественно, хотя и является основой технического совершенствования: работает «механизм» и работает, не страдая «отсутствием страданий», а по истечении определенного отрезка времени изменяется под воздействием умов специалистов, т.е. извне, как бы существ иного мира, поскольку они (спецы) не механизмы.

По отношению же к человеку, для понимания его настоящего и будущего необходимо знать его прошлое, его историю, историю общества. Прошлое, настоящее, будущее всегда есть новое органическое время, выводимое из органической природы времени как такового, образуемой системным пониманием, что ценность природы есть совокупность многогранной деятельности человека и не менее многогранных ценностей культуры человечества.

Все органическое, подчеркивают многие исследователи, обладает памятью (не воспоминаниями, которые «вспоминаются») о реалиях. Жизнь человека, во многом «подталкиваемая» памятью, рождает нечто новое, еще не бывшее в мире, в мире органического, да, связанного с прошлым, но и свободного от прошлого — этакое бытие во времени, длящееся бесконечно... «Механизм», естественно, не задумывается над какими-то человеческими ценностями, не мучается, так сказать, своим несоответствием этим ценностям и т.д.

Мысли о России

Думаю, прав русский философ Иван Ильин в своих размышлениях о государственном устройстве, сильной власти, демократии, правосознания, частной собственности и т.п. в России.

Он решительно отвергал «коммунистически–тоталитарную диктатуру, явившей миру не сильную власть, а насильственно–произвольное попираание жизни, самостоятельности и свободы».

Иван Ильин доказательно отстаивал свой вывод, что сильная и необходимая в России «национально–государственная власть», что не равно пониманию «тоталитарной власти», должна быть основана на «конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве и особенно в ее всенародных духовных корнях». Но государственная власть в России, как правило, — пишет он далее, — направляет свою энергию к неверным целям, попирает свои правовые нормы, злоупотребляет своей мощью.

Государству не принадлежит, — правомерно утверждал И. Ильин, — произвольное и властное распоряжение «свободным дыханием, добровольным самоопределением со стороны человека, его творческой инициативой, ибо дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению». Отсюда и его вывод, что «наш век есть эпоха величайших политических неудач, известных в мировой истории», что «тоталитарный строй — самый больной, извращенный и унижительный из всех политических режимов».

Русский философ И. Ильин аргументировано писал, что:

— коммунизм *противоествен и ложен*, ибо он отменил частную собственность — суть природы человека;

— коммунизм *противообществен*, ибо его цель — строительство «вампиристического», противообщественного государства, отменившего частную собственность;

— коммунизм осуществляет *растрату сил*, ибо, отменяя частную собственность, заменяет живой организм (человека) механизмом эксплуатации диктаториального государства;

— коммунизм осуществляется только при помощи *системы террора*, ибо отмена частной собственности происходит «революционными» темпами уничтожения не только классов, но и укладов жизни, сформированных веками;

— коммунизм *не ведет к справедливости*, ибо основан на ложной основе о всеобщем равенстве (но люди–то от природы не равны), исключая частную собственность;

— коммунизм *не освобождает людей*, ибо, отменяя частную собственность, вводится принудительно и насильственно на основе всеобщего труда опролетаренного народа, доказывая иллюзорность вывода Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» о прыжке из царства необходимости в царство свободы.

«Манкуртизация»

Вспомним процесс «манкуртизации», убедительно описанный Чингизом Айтматовым... Слово/понятие «манкурт» — из его романа «И дольше века длится день...» Оно обозначало процесс и результат насильственных действий с человеком, которого с малолетства лишали памяти о прошлом.

Тараканище с Драконом — суть сказок реальности современности

Образ Ю. Трифонова (роман «Исчезновение») — «тупая и могущественная истина» в виде «громадной железной плиты в миллиарды тонн», на которую смотрели снизу вверх уже привычно, так же как и на «паучка», чья миллионниточная *паутина* и удерживала эту «плиту», — это и есть, на мой взгляд, олицетворение *страха*, под душевным и физическим гнетом которого страна прожила десятилетия. Этот гнет и сегодня не ушел, и долго еще будет уходить из нашего сознания.

Впервые столкнулся с метафорически адекватным, по-моему, пониманием такого явления, как сталинизм: это и «плита в миллиарды тонн», распростертая над всеми, и «паучок», шевелящий лапками паутину, ибо, кроме поддержания «плиты», в нее постоянно попадают очередные жертвы... И то и другое вызывает у человека необъяснимый страх. Ну, ладно — перед «плитой», как физическим явлением, ибо она может упасть и придавить, но перед паучком — то откуда?

Вспомнил стихотворение-сказку Чуковского «Тараканище» (написано в 1923 году). *Таракана* — вот потеха! — боятся и слоны с бегемотами, крокодилы с гиппопотамами, львы с медведями...

А уж когда *Таракан* потребовал себе на ужин их детушек, то стон и плач стоял в лесах и болотах: могучие звери готовы были выполнить и этот его приказ... (Осталось только представить — как таракан будет есть детей зверей и могучих животных!?)

Вдруг прилетел чирик, который был — всего лишь! — не из «этого» леса и *не знал* о существовании *страха* перед Тараканом. Взял, да и склюнул его. Вот радость — то для всех и звери кинулись плясать! Ведь это сделал кто-то другой, а не они, обуянные страхом.

Вспомнил и другую пьесу–сказку — «Дракон» Е. Шварца, не только содержательно перекликающуюся с «Тараканищем», но звучащую более страшно, ибо речь шла уже напрямую о людях.

Дракон говорит рыцарю Ланселоту, что его — Дракона — убить нельзя, ибо он бессмертен, что надо тогда убить все население города, так как он (Дракон) «сидит» в душе каждого жителя. (*Один* чижик склюнул *одного* таракана, в отличие от уже *повсеместного* состояния «драконизации» душ многих людей.)

А позже, после того как Ланселот все–таки убил в поединке Дракона, жители города зарыдали: верни нашего Дракошу, при нем все–таки был порядок... (Вот она — гамма, а точнее — социальная драма «драконизации» жителей города.) Как же это напоминает и сегодняшние стенания определенной части населения страны: верните нам Сталина, мы хотим «сильную руку», хотим «порядка»...

Повторю, таковые «отклики» — тяжелая болезнь души миллионов и миллионов и от нее не так просто «избавиться» — никаких «лекарств» не существует в мире.

Налицо — парадокс, порожденный тоталитарным режимом: кроме физического страха существовал уже *привычный* взгляд на «плиту», заполняющую *все* пространство вокруг человека. Одни считали, что «она» их минует (задавит, но не их), другие относились к «ней» с народной мудростью о безысходности большой беды — куда от «нее» денешься, все равно упадет и задавит, третьи, во многом способствовавшие «ее» созданию, первоначально, по идейным убеждениям, а потом, поняв, что с этой «плитой»–монстром уже ничего не сделаешь, и обреченно воспринимали «ее» падение на них с неизбежностью (кролики и удав).

Уж сколько раз твердили миру...

Вспомнился сон Угрюм–Бурчеева из щедринской «Истории одного города»: «Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременным расчетом, чтоб нельзя было повернуться ни взад, ни вперед, ни направо, ни налево. Предполагал ли он при этом сделаться благодетелем человечества? — утвердительно отвечать на этот вопрос трудно... Лишь в позднейшие времена (почти на наших глазах) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления была возведена в довольно сложную и неизъятую идеологических ухищрений административную теорию... Прямая линия соблазняла его не ради того, что она в то же время есть и кратчайшая — ему

нечего было делать с краткостью, — а ради того, что по ней можно было весь век маршировать и ни до чего не домаршироваться. Virtuозность прямолинейности, словно ивовый кол, засела в его скорбной голове и пустила там целую непроглядную сеть корней и разветвлений. Это был какой-то таинственный лес, преисполненный волшебных сновидений. Таинственные тени гуськом шли одна за другой, застегнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах, все шли, все шли... Все они были снабжены одинаковыми физиономиями, все одинаково молчали и все одинаково куда-то исчезали. Куда? Казалось, за этим сонно-фантастическим миром существовал еще более фантастический провал, который разрешал все затруднения тем, что в нем все пропадало, — все без остатка. Когда фантастический провал поглощал достаточное количество фантастических теней, Угрюм-Бурчеев, если можно так выразиться, перевортывался на другой бок и снова начинал другой такой же сон. Опять шли гуськом тени одна за другой, все шли, все шли...»

Немецкий писатель и советский Эзоп с баснями

Интересен пример в книге Лиона Фейхтвангера «Москва 1937»:

«...“Чего вы, собственно, хотите? — спросил меня шутливо один советский филолог. — Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?” Эта шутка имеет очень серьезную почву...»

Вспоминается советский Эзоп — Феликс Кривин, его басня «Стадо Моисеево»:

«— Не сотвори себе кумира. Я, например, не сотворю. У меня, например, к этому не лежит душа. — Зашумело стадо Моисеево: — Вы слышали, что сказал Моисей? ...как это правильно! ...как верно! ...не сотвори кумира! ...не сотвори! ...о, Моисей! ...мудрый Моисей! ...великий Моисей!»

И другая его басня — «Валаамова ослица»:

«И заговорила ослица человеческим голосом: — Со слов Валаама... — Разинули рты святые угодники: шутка сказать — со слов Валаама! — Тише, тише! — шикают друг на друга. — Дайте уловить, дайте запомнить! — Со слов Валаама... — говорит ослица. — Со слов Валаама, — млеют угодники, — действительно, лучше не скажешь. — И никто не знает, кто такой Валаам. Но наверно, кто-то такой, раз на него ссылаются. Может, из Библии, может

еще откуда... Слушают святые угодники. На ус мотают. Пример берут. С *ослов Валаама*».

О необходимости порядка на планете

Как точно заметил Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: *надо каждый день наводить порядок на своей планете!*

Вопросы, вопросы, вопросы...

Задайся, читатель, простым вопросом. Рабочий и колхозник (основа классов нашего общества по-Ленину) создают некий продукт, имеющий стоимость. Ученый создает науку, имеющую стоимость при внедрении, или его разработки закладывают фундамент стратегического развития (научно-технического, интеллектуального) общества, государства. Что создает партийный работник? Реализует многочисленные установки (даже противоречащие Уставу партии) своих же органов. Какие материальные ценности из бумаг создаются при этом? Никакие! (Но «пользу» от такой напряженной работы иронично определил К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» — «для грызущей критики мышей».)

Далее представим, что определенная группа людей решила создать некую партию и «скинулась» взносами из своего кармана для поддержания не только центральных органов, но и всего управленческого аппарата партии. Но это их — той самой группы — проблемы. Почему народ, общество *должны* иметь непосредственное жизненное отношение к мыслям, идеям, навязываемой всем этой *группой людей, во главе с одним человеком?* (Наум Коржавин писал: «...Им все мешало: снег и ветер, / Законы, разум, смех, весна, / Своя же совесть... Все на свете. / Со всем на свете шла война. / Им ведом был — одним в России — / Счастливых дней чертеж простой. / Всей жизни план... / Ножами по живому телу / Они чертили свой чертеж».)

Бухарин и мысли о народе

Идеолог партии, ее «любимец», по словам Ленина, Николай Бухарин утверждал: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

Думается, будет уместно привести суждения одного из «бесов» большевизма, «любимца партии» (как назвал его главный «бес» Ленин) —

Николая Бухарина: «Мы проводим эксперименты на живом теле народа... Точно как студент–первокурсник работает над трупом бродяги, который он раздобыл в анатомическом театре. Вчитайтесь хорошо в нашу Конституцию. Там откровенно сказано, что нас интересует не Советский Союз, не его составные части, а борьба против мирового капитала и мировая революция, которой мы жертвуем страну... Здесь у нас, где мы абсолютные хозяева, мы совершенно никого не боимся. Страна, изнуренная революциями, войнами, болезнями, голодом, — это средство опасное. Но роскошное!.. Не существует в России ни одного дома, где бы мы не убили, так или иначе, отца, мать, дочь, сына, какого–нибудь близкого родственника или друга. Ну что ж?..»

Необходимость государственных институтов

...Нынешняя «тоска» по Сталину — на фоне от безоговорочного осуждения до аллилуйи — объяснима обыденным сознанием людей, сформированным веками. Он — Хозяин — по–прежнему воспринимается как всемогущий защитник от «пакостных» чиновников на всех уровнях государственной власти. Это традиционная мечта человека, прежде всего «работника–нехозяина», поквитаться со своим повседневным унижением при помощи Хозяина. А то, что он будет жесток при свершении «справедливости», так он и должен быть таким... Но мы–то, люди, народ страны — где? Почему мы вверяем свои жизни, свое будущее кому–то одному — справедливому, не совершающему ошибки? Ведь «пакостные» чиновники не с Луны к нам спустились?

Психологи давно отмечали, что бессилие *несобственника* всегда ищет верховную силу отмщения и одобряет ее жестокость. Современная «тоска» о Хозяине — психологическая форма нынешней критики бюрократии (человек бессилён перед Системой и надеется на «заступника»), форма выражения ненависти к бюрократии. И не понимают они, что своей «тоской» одобряют многие устремления и власти, и бюрократии.

Как свидетельствуют многочисленные публикации по обсуждению «возврата» Сталина — это суждения людей от бессилия в сегодняшней жизни, от коррумпированности не только чиновников, но и работников «силовых» структур, других представителей власти на разных уровнях управления, от которых, по существующим законам, народ ждет защиты своих интересов, которых он (народ!) содержит за счет налогов — это же слуги народа.

...Под «несобственником» мной понимается человек, к сожалению, не ощущающий себя с о б с т в е н н и к о м личной жизни, Гражданином

страны, защищенном в с е й системой законов, в с е й системой государственной власти в стране на основе цивилизованного развития с его, этим «собственником», непосредственного участия. А материализованная его собственность — есть закономерное *экономическое* подтверждение всей системой правомерности безопасной жизни Гражданина.

Эпиграф в романе Хемингуэя

Когда в первый раз читал роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» о войне в Испании, точнее сказать, об участии интернациональных бригад (это после воспоминаний Алексея Эйнера «Двенадцатая интернациональная» в «Новом мире»), то была естественная реакция на эпиграф в романе:

«Нет человека, который был бы как Остров, каждый человек есть часть Материка, часть Суши... Смерть каждого Человека умяет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит и по Тебе».

Тогда фамилия автора этих строк (Джон Донн) ни о чем не говорила. Гораздо позже узнал, что это из проповеди английского поэта и священника XVII века Джона Донна. И подумал о бессмертии искусства и поэзии... Прав, прав был Булгаков — «Рукописи не горят». Века прошли, а безыскусственные строки священника и поэта живут до сих пор...

Радикальная русская интеллигенция

Рассматривая различные точки зрения на сугубо русское понятие «интеллигенция» Сергей Романовский предложил образную трактовку. Надо нарисовать некую окружность, представляющую интеллигенцию в широком, свободном смысле слова. В ней выделим сектор небольшого размера для интеллектуалов, занимающихся творческим трудом. Выделим еще один сектор, куда поместим только социально активную часть творческой интеллигенции.

Главное предназначение последней — они же «открывают» народу глаза на происходящее — использовать свои профессиональные навыки, чтобы «заводить общество»: непрерывно воевать с существующими порядками, торопить историю и направлять течение общественно–политических процессов в русло, проложенное их видением будущего страны.

Они, последние, желают «выпрыгнуть из истории», ибо их не устраивает та жизнь, которой они живут. Но одним им, естественно, «выпрыгивать»

скучно, поэтому они всегда стремились, да и сейчас стремятся, чтобы вместе с ними сиганула в неизвестность и Россия.

«Именно эта часть русских интеллектуалов, — пишет С. Романовский, — и являет собой ту интеллигенцию, которая стала чуть ли не главным “баламутом” российской истории, именно она привлекает к себе внимание специалистов как социально значимая часть населения... Ее имя — радикальная русская интеллигенция, а основное свойство ее интеллекта — это НЕТЕРПЕНИЕ МЫСЛИ»

Открытие Лобачевского

Философская мысль XX и начала XXI века подтверждает, на мой взгляд, очевидное: сближение интересов индивида и общества в любой стране — и, соответственно, взаимосвязи творчества и толерантной солидарности — возможно лишь на путях развития гуманистического мировоззрения, позволяющего людям с различным уровнем культуры и убеждений понимать друг друга...

Ведь открытие великого русского ученого Николая Лобачевского — о возможности пересечения в бесконечности параллельных линий — позволило расширить представления о природе пространства!

Так и с человечеством: чтобы выжить в постоянно усложняющемся мире — необходимо уже сегодня изменять представление о природе пространства, где оно (человечество) живет, и где необходимо постоянно стремиться к взаимопониманию людей...

Прогресс общества обуславливается накоплением, так сказать, критической массы (в позитивном смысле) нравственного развития людей, что незаметно, но н е о б р а т и м о изменяет то самое общество, массовое сознание которого постепенно осознает главную ценность — накапливаемый народом нравственный и интеллектуальный капитал.

И как писал великий Шекспир в «Гамлете» — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

* * *

ВСЕ замечания и предложения, пожалуйста, направляйте по адресу моей электронной почты:

chei2005@yandex.ru

* * *